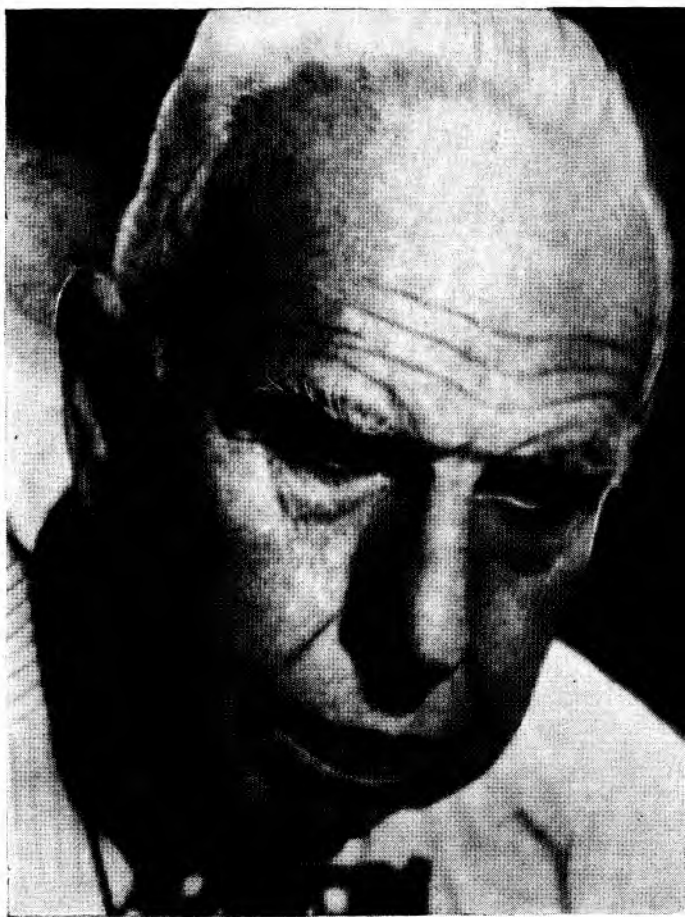


1

# Теодор Драйзер





Theodore Dreiser



БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

# Теодор Драйзер

СОБРАНИЕ  
СОЧИНЕНИЙ  
В ДВЕНАДЦАТИ  
ТОМАХ

ТОМ  
ПЕРВЫЙ

МОСКВА  
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»  
1986



Издание выходит под общей редакцией  
С. И в а н ь к о



## ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

(1871—1945)

Минуло более сорока лет со дня кончины Теодора Драйзера, одного из крупнейших американских писателей. Но широкий читательский интерес к его творчеству не только не спадает с течением времени, но возрастает. Выходят в свет все новые и новые издания его романов, рассказов, осуществляются их экранизация и театральные инсценировки. Все новые поколения читателей во многих странах мира следят за перипетиями судьбы сестры Керри, восхищаются жизненной стойкостью Дженни Герхардт, наблюдают за восхождением к вершинам богатства и крахом финансиста, титана и стойка Фрэнка Каупервуда, сочувствуют метаниям художника Юджина Витлы, знакомятся с историей жизни и смерти простого американского юноши Клайда Гриффитса. Созданные выдающимся писателем образы эти помогают понять подлинную сущность американской действительности, воссоздают историю современного американского общества.

Теодор Драйзер прожил долгую и нелегкую жизнь, на собственном опыте познал все «преlestи» американского образа жизни.

Отец писателя, Джон Поль Драйзер, в 1844 году покинул родную Германию, чтобы избежать призыва на военную службу. После нескольких лет скитаний по США он обосновался на Среднем Западе, где познакомился с Сарой Марией Шёнёб. Ее родители, зажиточные фермеры, члены религиозной секты, были против брака дочери с католиком, и молодые люди в новогоднюю ночь 1851 года тайно обвенчались без их согласия. Джон Поль Драйзер работал тогда на шерстопрядильной фабрике в г. Дайтон (штат Огайо), но вскоре молодожены переехали в штат Индиана.

Судьба не всегда была благосклонна к семье Драйзеров. Некоторое время супруги являлись совладельцами шерстопря-



дильни, но вскоре пожар уничтожил фабрику, и сгорели все запасы шерсти. Джон Драйзер устроился работать на стройку, но спустя некоторое время его тяжело покалечило. Бедствия не оставляли семью — один за другим умерли трое старших сыновей. В тщетных поисках удачи Драйзеры переезжали с места на место и в начале 1870-х годов оказались в провинциальном городишке Терре-Хот, в штате Индиана. Семья поселилась в самом бедном районе города, на 9-й улице, где нищета считалась обычным явлением.

Здесь, в скромном домике, 27 августа 1871 года родился Герман Теодор Драйзер, девятый ребенок в семье. Мальчик рос хилым и болезненным. Силы главы семьи к тому времени были окончательно надломлены, погруженный в мистические думы, он давно уже перестал быть опорой близких, и все заботы о пропитании детей легли на плечи матери. Но все ее усилия не могли спасти семью от голода и беспощадных кредиторов. Долги росли, платить за квартиру было нечем, и Драйзерам приходилось перебираться из одного полуразрушенного дома в другой. Писатель вспоминал, что только в Терре-Хоте они переезжали с места на место 5—6 раз. Приятелями маленького Теодора были такие же, как и он сам, босоногие ребятишки, дети мастеровых, мелких чиновников, фермеров. «Совсем юным я понял, какой тяжелый крест выпал на долю моей матери. Я помню долгие, мрачные, серые, холодные дни, скудную еду... Не единожды я бывал голоден...»<sup>1</sup>

Дети старались помочь выбивавшейся из сил матери. Пятилетний Теодор вместе со старшими братишками и сестренками собирал близ железнодорожной станции уголь, чтобы обогреть комнату и приготовить еду, разносил заказчикам выстиранное и отутюженное матерью белье. Шести лет Теодора отдали в католическую школу (на этом настоял отец). Мальчику там не понравилось: заедала тягостная церковная служба, зубрежка религиозных «премудростей», слежка за каждым шагом ученика. С удовольствием писатель вспоминал лишь красочные картинки из букваря, нечастые игры со сверстниками да домашние беседы с матерью — «сильной, терпеливой, все понимающей, доброжелательной, изобретательной, любящей шутку и всегда готовой прийти на помощь»<sup>2</sup>. В школе Теодор, пожалуй, впервые осознал, что его семья живет не просто бедно, но гораздо беднее многих других. Однажды пасмурным ноябрьским днем учитель отправил домой Теодора и его младшего брата Эда, так как они пришли в холодное помещение школы... босиком.

---

<sup>1</sup> Dreiser T., "Dawn", New York, 1931, p. 22.

<sup>2</sup> Там же, p. 40.



В свободное время Теодор часто уходил на железнодорожную станцию и с трепетом наблюдал за проходящими поездами. «Когда же, когда же наступит тот день, когда и я поеду в одном из таких поездов поглядеть большой мир?»

Научившись читать и писать, Теодор вместе с сестрой взялся обучить грамоте мать. Сколько гордости и счастья было в его детских глазах, когда мать самостоятельно сумела написать под его диктовку первое предложение. Не случайно, несмотря на все невзгоды, писатель вспоминал годы детства с особой теплотой: «Если бы меня попросили указать какой-то период моей юности или даже всей жизни, о котором я мог бы сказать, что он представлял собой единство простоты, чудес, красоты, при почти полном отсутствии понятия о добре и зле или чувств, ими вызванных, я бы остановился на двух-трех годах, которые протекли в простеньком, небольшом белом домишке, приютившем нас в Салливане»<sup>1</sup>, — городишке, куда семья переехала в 1879 году.

Беды и горести по-прежнему были спутниками семейства Драйзеров. Но вот однажды февральским вечером 1881 года в холодном и голодном доме появился неожиданный гость — старший сын Поль, давно уже покинувший родительский дом и ни разу не давший знать о себе. Оказалось, что Поль, взявший себе псевдоним Дрессер, стал преуспевающим автором и исполнителем популярных песен. Он привез матери денег и впредь аккуратно помогал ей.

Вскоре Драйзеры переехали в Чикаго, где к тому времени обосновались три их старшие дочери — Мам, Эмма и Тереза. После опустошительного пожара 1871 года Чикаго рос не по дням, а по часам. Позднее Драйзер осознал, что именно этот город в то время олицетворял собой рост американской индустрии. Но тогда, в 1880-е годы, Драйзер видел прежде всего разноликую толпу людей: «Здесь были негры, проститутки, шулера, игроки, искатели приключений *par excellence*. Этот город наводняли подонки тысячи других городов, и среди них затерялась горстка местных уроженцев. Ослепительно сверкали огни публичных домов, громко звенели банджо, цитры и мандолины в так называемых забегаловках. Сюда, словно на пир, стекались самые дерзновенные мечты и самые низменные вожделения века и пировали власть в этом новоявленном чудо-городе — центре Западных штатов» («Титан»).

Теодора поначалу определили мальчиком на посылках в соседний магазин, но он не выдержал темпа работы, и вскоре они с младшим братом Эдом занялись продажей газет. Жизнь в большом городе оказалась не по карману Драйзерам, и они снова переезжают в небольшой городок Варшава

---

<sup>1</sup> Dreiser T., "Dawn", New York, 1931, p. 43.



в штате Индиана. Но юный Теодор навсегда запомнил бурный рост Чикаго, впитал в себя его грохочущие звуки и соблазнительные запахи. Здесь он впервые, пока еще неосознанно, ощутил силу и мощь рабочих, руками которых так быстро создавался новый огромный город. «Что за счастье увидеть ребенком, как вырастает совсем юный город!»

В небольшой Варшаве Теодора, как оказалось, ждало не менее сильное потрясение. На этот раз его отдали не в церковную, а в публичную муниципальную школу. Разница между старой и новой школами была разительной. В классе он увидел «вместо мрачной монахини, отдающей безразличным тоном приказания ученикам, девушку лет двадцати с копной рыжих волос, ниспадающих непослушными локонами вокруг головы, чьи смеющиеся глаза излучали лишь добрые намерения и любовь к жизни...»<sup>1</sup> Его отношение к школе и учителям кардинально изменилось, вскоре он стал одним из лучших учеников класса.

По рекомендации учительницы Теодора записывают в публичную библиотеку, и он постепенно увлекается чтением. Он читает поэмы Лонгфелло, романы и рассказы Вашингтона Ирвинга, Фенимора Купера, Эдгара По, Натаниела Готорна, Чарльза Кингсли. «Эти книги, которые теперь занимали все мое внимание, подняли меня до совершенно иного состояния, раскрыли передо мной новые жизненные перспективы и в известной степени помогли мне лучше понять и выразить самого себя... Теперь благодаря чтению я обнаружил нечто, чему, как я чувствовал, я смогу подражать...»<sup>2</sup>

Весной 1887 года Теодор окончил школу. Учиться дальше не было возможности. Он попробовал поработать на ферме, но не выдержал изнурительного труда под палящими лучами солнца. Он подолгу стоял на станции, наблюдая за проходящими поездами, а в мозгу возникали смутные манящие картины растущего Чикаго. С трудом уговорив мать отпустить его, Теодор с тремя долларами в кармане отправляется в Чикаго. С большим трудом он находит работу — чернорабочим в маленьком ресторанчике, но из-за тяжелых условий работы через несколько месяцев бросает ее. После долгих поисков ему удается устроиться подносчиком на оптовый склад скобяных товаров. К этому времени в Чикаго переехала и мать с остальными детьми.

Так прошло два года. Осенью 1889 года Теодора нашла его учительница из Варшавы и предложила поступить за ее счет на один год в университет штата Индиана. Теодор с радостью согласился. Год пролетел быстро, он успешно сдал все

---

<sup>1</sup> Dreiser Г., "Dawn", New York, 1931, p. 191.

<sup>2</sup> Там же, p. 199.



экзамены, но средств на продолжение учебы не было. Он возвратился в Чикаго и поступил клерком в контору по торговле недвижимым имуществом.

Осенью 1890 года умерла его мать, и Теодор оказался фактически предоставленным самому себе. Контора, где он служил, разорилась, и он снова оказался без работы. Но накопленный опыт помог ему вскоре стать возчиком фургона одной из прачечных — он должен был собирать грязное белье и развозить клиентам чистое. Жизнь большого города раскрылась перед ним с черного хода.

В этот период Теодор снова пристрастился к чтению. Он читал книги Чарльза Диккенса, Льва Толстого и других классиков. Особенно сильное впечатление на него произвели «Крейцерова соната» и «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого, а также его статья «Так что же нам делать?». Затронутые в ней проблемы бедности и нищеты, нравственного самоусовершенствования были ему близки по собственному опыту. О статье Толстого он впервые узнал из рецензии на нее американского писателя Уильяма Дина Хоуэллса, в которой тот писал: «После того, как вы прочли ее, вы не можете оставаться тем же человеком, что были до этого: вы или станете лучше, если примете ее правду близко к сердцу, или хуже, если ожесточите ее сердце против нее».

Работа — сначала возчиком, затем сборщиком взносов для фирмы, продающей вещи в рассрочку, — позволяла ему постичь подноготную жизни большого города, раскрывала неожиданные стороны человеческих отношений. Но Теодор жаждал большего. Он много времени проводит в городской публичной библиотеке или в Институте искусств, осматривает художественные выставки, изучает формы и стиль газетных статей и очерков, особенно в разделе «Дизеи и бемоли» газеты «Дейли ньюс», который вел известный чикагский газетчик Юджин Филд. Сам он тоже твердо решает стать газетным репортером.

После долгих мытарств Теодору удастся временно устроиться учеником репортера в захудалую газетенку «Дейли глоб». Он с головой уходит в постижение таинств журналистской науки, благо ему благоволил опытный газетчик Джон Максвелл. Он советует Теодору изучать не только жизнь, но и философию, читать Вольтера, Шопенгауэра, Спенсера. Теодор, словно губка, впитывал и неприглядную правду жизни и философские рассуждения из книг.

Чикаго был одним из центров финансовой и политической жизни страны. Здесь находились конторы крупнейших промышленных и транспортных компаний, проходили национальные съезды демократической и республиканской партий. Когда летом 1892 года на Национальном съезде демократической партии было решено выдвинуть кандидатом в прези-



денты Г. Кливленда, Теодор узнал об этом раньше всех, и его репортаж появился на первой странице газеты.

Устойчивое положение репортера третьестепенной чикагской газеты уже не удовлетворяло молодого журналиста. С помощью друзей он переходит в «Глоб-демократ», ведущую утреннюю газету г. Сент-Луиса, крупнейшего города штата Миссури. Сент-Луис, как и Чикаго,— портовый центр. Но на этом сходство между двумя городами кончалось. В конце XIX столетия Сент-Луис в отличие от быстро развивающегося, бурлящего жизнью Чикаго был сонным провинциальным городом. Но Теодору в газете поручили вести самостоятельную колонку, а вскоре доверили пост театрального критика, и он был доволен и своим новым местом и городом.

Драйзер занял прочное место среди местных журналистов; его репортажи, рецензии, статьи отличались независимостью суждений, оперативностью, живостью. Правда, в историю американской журналистики Сент-Луис вошел благодаря другому выдающемуся американскому публицисту, Линкольну Стеффенсу, который десять лет спустя написал свой очерк «Дни Твида в Сент-Луисе», положивший начало широкому общественному движению «разгребателей грязи».

Два года Теодор работает репортером в провинциальных газетах Сент-Луиса, Толедо, Питтсбурга. Но его тянет в большой центр, в гущу событий, и, по совету брата Поля Дресера, он в ноябре 1894 года переезжает в Нью-Йорк. Оказалось, что нью-йоркским газетам новые репортеры не требовались, и он снова, как когда-то в Чикаго, бродит по городу в поисках любой работы. Но все тщетно. От голода Теодора спасает вернувшийся из гастрольной поездки брат Поль. Вместе с партнерами он организует музыкальный ежемесячный журнал «Эври манс» («Каждый месяц»), и Теодора назначают его редактором. На первых порах жалование ему определили десять долларов в месяц: то есть в два с половиной раза меньше, чем он получал в качестве провинциального репортера. Но другой работы не было, и Теодор с радостью берется за новое для него дело.

Эти годы были весьма важным переходным периодом для американской журналистики. Рост рабочего движения в стране привлек внимание писателей и журналистов к условиям жизни простых американцев. Взрыв бомбы и выстрелы на Хеймаркетской площади Чикаго 3 мая 1886 года во время митинга бастовавших рабочих разбудили многих думающих журналистов. Их потрясли последние слова Альберта Парсонса, казненного вместе с тремя товарищами за участие в майском митинге 1886 года, сказанные им с эшафота



перед смертью: «Граждане Америки, услышьте же голос народа...»<sup>1</sup>.

Многие задумывались над мыслями, высказанными известным литератором-реформатором Генри Д. Ллойдом в его книге «Богатство против общества», в которой он доказывал, что растущее могущество частных корпораций противоречит основам американской демократии. «...Монополия, — писал Ллойд, — является крупнейшим социальным, политическим и моральным фактором нашей жизни», подчиняющим себе все стороны жизни американского общества, превращающим фактически демократические уложения в пустую бумажку<sup>2</sup>.

Все большее и большее число рабочих подымалось на борьбу против тирании монополий. Повсеместно звучало требование ограничить рабочий день восемью часами.

Восемь часов для работы,

Восемь часов для сна,

А восемь — для чего желает душа<sup>3</sup>.

Этот припев широко популярной песни звучал в те годы на многих рабочих сходках и митингах. Летом 1894 года разразились общенациональные забастовки шахтеров и рабочих железнодорожников, организованные известным деятелем американского и международного рабочего движения Юджином Дебсом. Безработные ряда штатов начали массовый поход в столицу страны Вашингтон, чтобы предъявить свои требования непосредственно президенту и конгрессу. Организованные группы рабочих — газеты называли их «армиями» — двигались на Вашингтон на поездах, пароходах, повозках, шли пешком. Широкую известность получила «армия Джекоба Кокси», группа рабочих около 300 человек, вышедшая из штата Огайо. Д. Кокси заявил, что он намеревается 1 мая 1894 года провести митинг на ступенях Капитолия — здания конгресса США. Митинг ему провести так и не удалось: полиция арестовала его... за хождение по травяным газонам около Капитолия.

Подъем рабочего движения способствовал активизации общественной жизни. За двадцать лет — с 1885 по 1905 год — количество журналов в США удвоилось, особенно быстро возникали дешевые журналы (десять центов за номер), рассчитанные на самые широкие массы. К таким журналам принадлежал и редактируемый Т. Драйзером «Эври манс», стандартный журнал большого формата, от 32 до 48 страниц номер, плохо отпечатанный на дешевой бумаге. Владельцы фирмы

---

<sup>1</sup> Lyon P, "Success Story" New York, 1963, p. 69.

<sup>2</sup> "The Annals of America", Chicago 1968, v. 11, p. 538.

<sup>3</sup> Там же, p. 122.



отбирали четыре наиболее популярные песни месяца, которые и составляли основу номера. Во всем же остальном редактор журнала имел полную свободу.

Чтобы журнал мог сводить концы с концами, он должен был иметь не только достаточное количество читателей, покупающих журнал, но и щедрых рекламодателей. Одно было тесно связано с другим: чем больше таких читателей, тем щедрее оплачивалась реклама, и наоборот. Одними песнями широкого читателя привлечь было трудно. Поэтому «Эври манс» печатал рассказы, очерки, стихи, статьи, репортажи, рецензии, много снимков. Теодору это было весьма по душе. Он сам отбирал для очередных номеров рассказы, очерки, статьи. Сам составлял подписи к снимкам. Сам писал рецензии, брал интервью и, главное, вел постоянный отдел «Размышления», в котором публиковал свои статьи за «скромной» подписью «Пророк».

Темы для своих статей он брал прямо из жизни, или же их подсказывала ему его буйная фантазия. Да и другие массовые журналы давали ему немало поводов для размышлений. Среди них выделялся «Макклюрс мэгэзин», сразу же после выхода обративший на себя внимание своей ориентацией на самые широкие круги американских читателей. «Макклюрс мэгэзин», по свидетельству американских критиков, привнес «в литературу дух эпохи — интервью, научные статьи, человеческие документы, рассказы о природе, политические истории, словом, все существенное; и писатели из всего этого создавали литературу»<sup>1</sup>.

Свои статьи «Пророк» посвящал самым различным темам. В одних он со всей непримиримостью молодости обрушивался на коррупцию власть предержащих, в других — обсуждал положение дел в матушке-Европе, в третьих — с самым серьезным видом рассуждал о «проблемах телепатии», в четвертых — гадал о возможностях жизни на Марсе, в пятых — интерпретировал модное в то время философское учение Г. Спенсера.

Драйзер в эти годы много внимания уделял тому, чтобы дать читателям журнала образцы хорошей прозы: среди других в журнале печатаются рассказы Брет Гарта и Стивена Крейна. Особенно привлекали внимание Драйзера произведения С. Крейна. Он написал рецензию на первый роман С. Крейна «Мэгги, девушка с улицы», рассказывающий о судьбе соблазненной и брошенной богатым бездельником простой девушки. Роман этот, отмечал в рецензии журнал в феврале 1897 года, представляет собой «одну из наиболее волнующих

---

<sup>1</sup> Linson Corwin K, "My Stephen Crane", Syracuse, New York, 1958, pp 64—65



картин определенной стороны городской жизни, которая когда-либо была выражена печатным словом»<sup>1</sup>.

В августовском номере «Эври манс» за 1896 год был напечатан и первый рассказ Т. Драйзера «Позабытый». Содержание его очень простое. В больничной палате лежит тяжело искалеченный железнодорожный стрелочник. Каждое утро он спрашивает у медицинской сестры, нет ли ему письма. «С каждым новым восходом солнца он снова преисполнялся надежды, и каждый вечер сердце его вновь наливалось болью». Он умирает, так и не получив долгожданного письма<sup>2</sup>. По своему содержанию рассказ этот близок балладе «Письмо, которое так и не пришло», принесшей известность брату писателя Полю.

Со временем работа в журнале приносит Теодору все меньше удовлетворения. Растет популярность журнала (тираж его достиг 65 тысяч экземпляров), в редакцию поступает больше рекламных объявлений, и, чтобы их напечатать, приходится сокращать литературные разделы. Раздражают требования владельцев потрафлять невзыскательным вкусам большинства подписчиков. Хорошенько поразмыслив над создавшимся положением, Теодор в конце лета 1897 года оставляет журнал, решив отдать все свое время написанию очерков и статей.

К этому времени Драйзер составил себе репутацию серьезного журналиста, и он без особого труда получает задания от ведущих американских журналов «Сексес» («Успех»), «Харперс», «Космополитен», «Эйнслиз», «Метрополитен» и других. Он пишет зарисовки из нью-йоркской жизни, статьи о росте промышленности в Чикаго, очерки об исторических достопримечательностях, о торговле на реке Миссисипи, о разведении фруктовых садов. Среди его героев бедняки и богачи, художники и бизнесмены, простые рабочие и музыканты.

В этот период своей жизни Драйзер впервые столкнулся с проблемами войны и мира. В начале 1898 года в США развернулась мощная пропагандистская кампания против испанского владычества на Кубе, Филиппинах и в Пуэрто-Рико. Когда 15 февраля 1898 года на гаванском рейде при невыясненных обстоятельствах взорвался и затонул американский броненосец «Мейн», ведущие газеты страны — херстовская «Джорнэл» и пулитцеровская «Уорлд» («Мир») — заявили, что это дело рук испанцев. После недолгих раздумий США 21 апреля без объявления войны начали военные действия против

---

<sup>1</sup> Цит по кн Moers Ellen, "Two Dreisers", New York, 1969, pp 37—38

<sup>2</sup> Там же, pp 95—96



Испании в районах Кубы, Филиппин и Пуэрто-Рико. Испано-американская война свидетельствовала о вступлении США в борьбу за мировую гегемонию и явилась, по определению В. И. Ленина, одной из главных исторических вех, которыми отмечено начало эпохи империализма<sup>1</sup>.

Как известно, война эта продолжалась три с половиной месяца и завершилась капитуляцией Испании. В этот период на страницах журналов и газет появились репортажи с полей военных действий, статьи на военные темы. Военными корреспондентами стали известные писатели Стивен Крейн и Ричард Хардинг Дэвис. Военные репортажи публиковались на первых полосах газет и вызывали всеобщее внимание.

Не остался в стороне и Драйзер. Однако его статьи отличались от других подобных материалов полным отсутствием воинственного угара. Например, в статье «Как делают легкое оружие» (журнал «Эйнслиз», июль 1898 года) он писал: «Но стоит вам выйти за ворота военного завода, в этот обычный мир, в котором не слышно шума бесчисленных станков, как само воспоминание об этом огромном заводе наводит на мысль о необычном чудовище, работающем на войну... И эта мысль тяготит вас...»<sup>2</sup>

Видимо, не случайно, что именно в эти годы Драйзер пишет стихи и поэмы, насыщенные в основном философскими и лирическими раздумьями; многие из них впоследствии вошли в его сборник стихотворений «Настроения». Атмосфера военного психоза, захлестнувшая на какое-то время Америку, как видим, не коснулась Драйзера. Его мысли были заняты прозаическими проблемами повседневной жизни.

Разъезжая по американской провинции в поисках работы, Теодор как-то познакомился и подружился с сотрудником толедской газеты «Блейд» («Лезвие») Артуром Генри, мечтавшим стать писателем. Они время от времени встречались и переписывались. В начале 1899 года Ар. Генри пригласил Теодора с его молодой женой (Драйзер женился в декабре 1898 года на своей давней знакомой Саре Уайт, преуспевающие родители которой явно не одобряли этот брак) провести лето в его родовом особняке в городке Моме, штат Огайо. Драйзеры охотно согласились. Мужчины проводили здесь долгие часы в рассуждениях и спорах о литературе, философии, искусстве.

Несмотря на различное социальное происхождение (Генри вырос в богатой аристократической семье), между молодыми людьми было много общего. Оба они начинали свою

---

<sup>1</sup> См. Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164.

<sup>2</sup> Moers Ellen, Op cit, p 41.



карьеру в провинциальных газетах, хорошо знали жизнь, владели пером. В то время Артур работал над своим первым романом «Принцесса из Аркадии» и настоятельно советовал Драйзеру попробовать свои силы в прозе. Под давлением приятеля Теодор написал несколько рассказов, в том числе хорошо известный ныне «Негр Джеф», и принялся за роман, который он назвал «Сестра Керри».

Конечно, в те дни Драйзер и не подозревал, что он создает классическое, революционное по своему характеру произведение. Он просто описывал жизнь, как он ее видел и знал, описывал родственников и знакомых, простых американских граждан, втянутых в схватку за богатство и счастье. А богатство и счастье в те годы в Америке были понятиями-синонимами. И читателям первого романа Драйзера поначалу могло показаться, что и автор разделяет эту мысль. Но лишь поначалу.

Чем больше вчитывался в роман рецензент издательства «Харпер энд бразерс», в которое представил свою рукопись Драйзер, тем больше ему становилось не по себе. «Это превосходный образец реалистического репортажа,— писал рецензент,— газетная работа высшего класса, так мог бы написать Джордж Эйд. В рукописи имеются весьма сильные стороны — она наглядна, словно графическая картина, прекрасно передает местный колорит, описанная в ней жизнь определенных кругов чикагского общества, как это было двадцать лет тому назад, соответствует действительности... Но при всем при том нельзя избежать чувства, что автор все же не сумел подняться до того уровня, который необходим для успешного повествования этой истории... Не могу себе представить, чтобы эта книга вызвала интерес или привлекла внимание... читателей-женщин, которые и определяют судьбу многих романов»<sup>1</sup>.

В другом издательстве — «Даблдэй, Пейдж энд компани» — роману поначалу повезло, его приняли к печати. Однако впоследствии отпечатанный тираж романа фактически «взяли под арест», разошлось немногим более четырехсот экземпляров книги.

Выдающийся американский писатель-реалист Фрэнк Норрис, первым в издательстве прочитавший рукопись «Сестры Керри» и горячо рекомендовавший ее к печати, по выходе книги разослал 127 экземпляров в редакции газет и журналов для рецензирования. Он также передал экземпляр книги английскому издателю, и вскоре появилось английское издание романа.

---

<sup>1</sup> "Letters of Theodore Dreiser. A Selection", Philadelphia, 1959, v. 1. p. 210 (далее "Letters...").



Однако читающая Америка романа не знала. Основные законодатели литературной моды не заметили романа. Хранили молчание популярные журналы «Атлантик», «Арена», «Эйнслиз», «Нортх Америкен ревью», «Критик», «Литерари дайджест» и другие. Такие журналы, как «Аутлук», «Нейшн», «Дайл», сообщили о том, что получили роман для рецензирования, но самих рецензий так и не опубликовали. Ни строки не напечатали о романе и ведущие нью-йоркские газеты Херста и Пулитцера. Большая пресса Америки обошла роман молчанием.

Справедливости ради следует отметить, что ряд рецензий на «Сестру Керри» был опубликован в провинциальной печати США. Первой откликнулась на роман 20 ноября 1900 года луизильская газета «Таймс». «Это замечательная книга, сильная, зрелая, написанная с отчетливой решимостью человеком, которому есть что сказать и который говорит об этом во всеуслышание» — так заключал свой отзыв рецензент «Таймс». Положительные рецензии были опубликованы в газетах Чикаго, Хартфорда, Индианаполиса, Сиракуз, Ньюарка и других городов Америки. Роман хвалили за «правдивое и артистическое описание современной жизни в центре американской цивилизации» («Чикаго трибюн»); подчеркивали, что описанные в нем «события очень похожи на драму из подлинной жизни» («Тоledo блейд»); отмечали, что «от первого предложения и через всю длинную историю роман владеет интересом читателя» («Ньюарк сандей ньюс»). Автора романа сравнивали с Балзаком и Золя.

Но были и весьма противоречивые суждения о «Сестре Керри». Образцом их могут служить заключительные строки рецензии в газете «Сиэтл пост-интеллидженсер»: «Философия этой книги совершенно ясна и чрезвычайно интересна. Но ее содержание, сама грязная основа, на которой развивается действие, естественно, не позволяет ей достигнуть заметной популярности. Даже антисептически чистая манера повествования г-на Драйзера не может превратить ее ни во что другое, кроме как в слишком отталкивающую историю, и вам никогда и в голову не придет порекомендовать ее прочесть кому-либо другому. И все же остается фактом, что как произведение литературы, как образец философии человеческого существования роман почти гениален»<sup>1</sup>.

Какую же философию человеческого существования представил на суд читателей молодой автор? Сюжет романа очень прост. Молоденькая девушка из бедной семьи Каролина Мибер, или сестра Керри, как ее называли в семье, приезжает из

---

<sup>1</sup> См. "Theodore Dreiser The Critical Reception", New York, 1972, pp. 1—17 (далее "The Critical...").



провинции в Чикаго, чтобы познать жизнь и выбиться в люди. Ей удается поступить работницей на обувную фабрику, но работа эта не сулила ей ни радости, ни удовольствия, ни материальных благ, к которым так стремилась ее молодая неискушенная душа. На нее обращает внимание процветающий коммивояжер Друз, и Керри становится его содержанкой, а затем связывает свою судьбу с преуспевающим управляющим чикагским фешенебельным баром Герствудом. Будучи женатым, Герствуд не может жениться на Керри. Ради нее он идет на преступление — воровство крупной суммы денег — и уезжает с ней сначала в Монреаль, а потом в Нью-Йорк.

Из преуспевающего дельца, которым он был в Чикаго, Герствуд в Нью-Йорке постепенно превращается в жалкого нищего, скитающегося в поисках пристанища из одной ночлежки в другую. Керри же тем временем становится преуспевающей актрисой, но ее вовсе не устраивает бедняк Герствуд, который, собственно говоря, именно ради нее и рискнул своим будущим.

Таков вкратце внешний сюжет романа, который в общем-то не мог вызвать большого возмущения блюстителей морали и сторонников господствующей в тот период в американской литературе «традиции жеманности». Совсем другое дело — внутреннее философское содержание повествования, та философия человеческого существования, которую проповедовал со страниц своего романа Драйзер.

В центре романа два образа — сестры Керри и Герствуда. Двумя основными американскими предшественниками Драйзера в изображении женских характеров были Генри Джеймс и Натаниел Готорн. Лишенная внутреннего и внешнего изящества героинь Джеймса и моральной чистоты героинь Готорна, сестра Керри отличалась от них не только происхождением, но и своими взглядами на жизнь, своим неистощимым стремлением к удовольствиям и материальным благам. Конец романа, когда героиня, несмотря на свою греховную жизнь, добивается общественного успеха и при этом ничуть не раскаивается в своих прегрешениях, вызвал наибольшее неудовольствие сторонников «традиции жеманности».

Достоверность образа Керри, собственно, не вызывала у критиков сомнений: ни ее доверчивый эгоизм, ни сугубо прозаические мотивы ее поступков. Роман подвергся обструкции по другой причине: падшая героиня не только не была осуждена автором, но и добивалась успеха. В падении и возвышении Керри автор не видел ничего необычного, описывал ее судьбу как типичное американское явление, присущее господствовавшему в то время образу жизни.

Керри находит признание и богатство, но не свое счастье: «среди всей мишуры и блеска, которые окружали ее... она



осталась одна», лишь вздыхая «о таком счастье», какого ей «никогда не изведать». Это противопоставление, эта несовместимость типично американского успеха и простого человеческого счастья также были ударом по десятилетиями установившимся канонам американской жизни и литературы. Не в деньгах счастье — говорил своим романом Драйзер, и это утверждение воспринималось как подрыв устоев общества.

В романе судьба Керри связана с судьбой Джорджа Герствуда. Но если Керри постепенно движется вверх, то Герствуд неудержимо катится вниз и в конце концов кончает с собой. Путь Герствуда вниз, по утверждению известного английского критика Уолтера Аллена, обрисован «уверенной и беспощадной рукой»<sup>1</sup>.

Эта правдивость, уверенность и беспощадность изображения американской действительности уже в первом романе писателя обратили на него внимание не только в США, но и в Англии, где «Сестра Керри» вышла в свет в 1901 году. Если ведущие газеты и журналы США обошли американское издание романа молчанием, то вся большая пресса Англии опубликовала рецензии на первое произведение никому не известного американского писателя. Лондонские «Дейли мэйл», «Экспресс», «Дейли кроникл», манчестерская «Гардиан», ливерпульская «Дейли пост», журналы «Скотсмен», «Академи», «Спектейтер», «Атенеум» положительно оценили «Сестру Керри». При этом «Атенеум», например, подчеркивал, что роман молодого американца достойно представляет «великую страну, которая произвела его на свет», и приходил к выводу, что читатели найдут ему постоянное место на своих книжных полках рядом с романом Э. Золя «Нана». Другие журналы и газеты называли автора романа «подлинным художником», а его книгу причисляли к «подлинным документам американской истории»<sup>2</sup>.

Таким образом, уже первым своим романом Драйзер заявил о себе как о самобытном и ярком художнике, восставшем против господствовавшей в американской литературе «традиции жеманности» и утверждающем животворное начало реализма. Известный американский критик Ф. О. Маттисен, погибший в годы маккартизма, подчеркивал, что изобразить «замкнувшуюся в себе и умеющую все вынести человечность Герствуда... — первое из тех больших достижений Драй-

---

<sup>1</sup> Аллен Уолтер. «Традиция и мечта», Москва, 1970, стр. 257.

<sup>2</sup> «The Critical ...», pp. 18—24.



зера, которые явились вкладом в американскую литературу»<sup>1</sup>. Добавим от себя: и в мировую литературу тоже.

Сестра Керри — не единственный яркий женский образ, созданный Драйзером. Героиня его второго романа — также молодая женщина. Но в отличие от Керри Дженни Герхардт — не эгоистка, а натура, с детства склонная к самопожертвованию. Идеалистка и мечтательница, Дженни с детства преисполнена добродетели и великодушия, она с радостью готова служить всем и каждому, ее счастье не в том, чтобы брать от других, а в том, чтобы приносить другим счастье.

Керри при своем восхождении по лестнице успеха растеряла такие простые и в то же время великие человеческие радости, как любовь, материнство, сочувствие, дружба. Дженни познала и счастье любви и радость материнства, испытала она полной мерой и горечь потерь и утрат. И все же внутренняя целостность ее характера противостоит неблагоприятному напору обстоятельств, позволяет ей устоять в критические моменты. Известный американский критик Генри Менкен отмечал именно эту сторону характера Дженни: она обладает «огромной способностью любить, огромной способностью приносить счастье. Но в конце концов жизнь утомляет ее лишь скромного права на существование»<sup>2</sup>. И взяв на воспитание после смерти дочери приемных детей, Дженни всем своим существом, всем своим образом жизни наглядно показывает, что счастье человеческого существования не в деньгах.

Современные читатели прекрасно понимают, что полезная деятельность Дженни Герхардт ограничена и определяется больше ее собственными внутренними потребностями, особенностями ее характера, чем социальными потребностями общества. Узость ее полезной деятельности определяет камерность ее образа, и в этом проявляется известная ограниченность мировоззрения автора. Но ограниченность эта — ограниченность конкретных исторических условий, продиктованная особенностями развития американского общества, которое изображает писатель. Драйзеру еще будет суждено узнать опыт Октябрьской революции, своими глазами увидеть новое общество людей, чтобы понять, в чем заключается выход для таких личностей, как Дженни.

Известный американский критик А. Кейзин отмечал, что «уже с самого начала Драйзер был воспринят как целиком новое явление, определенная тенденция, движение, нарушив-

---

<sup>1</sup> Маттисен Ф. О., «Ответственность критики», Москва, 1972, стр. 351.

<sup>2</sup> "The Critical...", p. 64.



шее равновесие в американской жизни...»<sup>1</sup>. Единство «творческой мысли и реального опыта», соответствие художественного изображения правде жизни — таково с самого начала литературное кредо Драйзера, позволившее ему стать одним из крупнейших американских реалистов XX века.

Писатель неукоснительно следовал своим требованиям и тогда, когда создавал романы, и когда писал рассказы, очерки, эссе, статьи, зарисовки городской жизни. Характерно, что многие свои очерки, написанные на основе конкретных жизненных фактов, Драйзер впоследствии включал в свои романы. Таковы, в частности, некоторые главы из романа «Сестра Керри». Естественно, что подобные главы еще более подчеркивали документальную достоверность описываемого, создавали неповторимый жизненный колорит эпохи.

В таких рассказах — сам писатель называл их жизненными историями, — как «Мэр и его избиратели» (1903), «Могучий Рурк» (1911), «Питер» (1919), «Оливия Бранд» (1929) и др., Драйзер создает яркую, впечатляющую картину жизни американского общества, лепит осязаемо реальные образы талантливых людей из народа, раскрывает всю неприглядную действительность нечестных махинаций политиканов. Вот, например, свободомыслящий художник Питер из одноименного рассказа: «Среди безмерной скудости американской умственной жизни он был словно оазис, настоящий родник в пустыне. Он понимал жизнь. Он знал людей... Он страдал невежеству и нищете, презирал тщеславие, бессмысленную жестокость, скупость, в чем бы она ни проявлялась»<sup>2</sup>.

Самому Драйзеру было присуще такое же глубокое понимание жизни, знание людей. Именно эти качества позволяли ему создавать на страницах своих книг полнокровные образы американских граждан — будь то простой сапожник из одного «из мрачных промышленных городов Новой Англии», ставший вдруг калифом на час — мэром города, актриса Эрнестина или талантливая писательница Оливия Бранд. Писателю одинаково близки и хорошо знакомы и переживания молодого репортера из рассказа «Негр Джеф» (1901) и страдания мятущейся души Иды Зобел из рассказа «Тайфун» (1927). Читая произведения Драйзера, мы не только отчетливо видим все, что описывает автор, но и явственно ощущаем дух и своеобразие эпохи — «железную хватку традиций и условностей», культ доллара, повальное стремление к материальным благам жизни. Мы хорошо понимаем, почему в расцвете молодости

---

<sup>1</sup> "The Stature of Theodore Dreiser", Bloomington, 1965, p. 5. (далее "The Stature. ").

<sup>2</sup> Драйзер Т., Собр. соч. в 12 томах, Москва, 1955, т. 11, стр. 129—130.



уходит из жизни Ида Зобел, что движет поступками артистки Эрнестины, какими критериями руководствуется в жизни и творчестве художник Питер.

Концовка многих произведений Драйзера весьма печальна: так и не найдя своего счастья сестра Керри, преждевременная смерть уносит Питера и Оливию Бранд, сами кончают счеты с жизнью Эрнестина и Ида. Такой исход описываемого являлся весьма смелым вызовом укоренившейся в то время в американской литературе традиции «неизменного благополучного конца». Сама жизнь, которую так хорошо знал и чувствовал Драйзер, излечила его от этого хронического порока американской литературы, позволила ему подняться над окружающей действительностью и изобразить картины окружающей жизни такими, какими они были в действительности. Не случайно некоторые американские критики подчеркивают, что по произведениям Драйзера можно изучать подлинный американский образ жизни с не меньшим успехом, чем по документальным свидетельствам.

Характерно, что Драйзер выступает в своих произведениях словно бы в двух лицах — беспристрастного наблюдателя со стороны и пристрастного участника описываемых событий. В этом смысле можно говорить о полифоничности романов писателя. Еще одну характерную черту его творчества отметил Ф. Маттисен, когда, разбирая роман «Сестра Керри», указывал, что «Драйзер укрепляет у читателя ощущение царящего в мире одиночества, сознания, что между людьми нет прочных связей». И действительно, в современной Америке, где все определяется властью доллара, такие простые человеческие чувства, как любовь, дружба, родственная привязанность, зачастую отступают на задний план под натиском финансовых соображений.

Одиночество человека в капиталистической Америке, его полную зависимость от проникшей во все сферы человеческих отношений власти денег легко проследить на примере любого героя, любого произведения Драйзера, который, как известно, отразил в своем творчестве основные направления деятельности американского общества. Общеизвестен факт, что краеугольным камнем американского образа жизни являются бизнес и бизнесмены. Этой стороне американской действительности посвящена знаменитая «Трилогия желания», работе над которой писатель отдал более тридцати лет своей жизни.

В центре трилогии — жизнь и деятельность Фрэнка Алджернона Каупервуда — «финансиста» («Финансист», 1912), «титана» («Титан», 1914) и «стойка» («Стоик», 1947). В образе Каупервуда писатель изобразил типичного удачливого бизнесмена, одновременно детище и жертву американского биз-



неса. Как и большинство его собратьев-бизнесменов, Каупервуд отличается неудержимым стремлением к богатству и власти, склонностью к спекулятивным сделкам. Его индивидуальными отличительными чертами являются холодная расчётливость, отсутствие сострадания и сентиментальности, размах и широта финансовых интересов, любовь к наслаждениям и развлечениям, потребность жить «на широкую ногу».

Единство общих и индивидуальных черт характера делает этот образ собирательным, типическим. Г. Менкен, прочитавший первый роман трилогии «Финансист» в корректурных гранках, писал Драйзеру: «Вы изобразили, объяснили и описали Каупервуда почти блестяще. Вы создали его настолько реальным, насколько может быть реальным человек. Его окружение — и люди и обстановка — также совершенно правдивы. Никогда еще не была создана более впечатляющая картина тайного политико-финансового сообщества. Она полностью точная и абсолютно американская»<sup>1</sup>.

Показательно, что в изображении Драйзера вся кипучая деятельность Каупервуда в конечном итоге ничего не дает ни ему лично, ни его наследникам. Бесплодность трудов и усилий «финансиста», «титана» и «стойка», его внутренняя опустошенность показывают, что всю свою жизнь он гнался за призрачной химерой, которая никому не может принести простого человеческого счастья. Достигнув, казалось бы, всего возможного и невозможного, Каупервуд уходит из жизни, начиная сознавать, что истинные человеческие ценности так и остались недоступными ему, что не в богатстве суть.

Писатель, как отмечали американские критики, изображает Каупервуда как «наиболее полное проявление общества стяжателей, в котором он так доминирующе властвует». Но Драйзер не ограничивается раскрытием стяжательской сущности капиталиста Каупервуда. Он действует не в выдуманной обстановке, а в конкретных исторических условиях американской действительности второй половины XIX века. Действия Каупервуда в конкретных условиях американской истории позволяют читателю глубже и отчетливее понять всю аморальную сущность, наглость и цинизм крупного капиталистического дельца.

Один из современных американских исследователей творчества Драйзера писал, что его роман «Финансист» является «эпическим произведением не только потому, что в нем изображен важный период американской жизни, в который процветали условия для экономического разбоя, но и потому, что он уловил в этих условиях постоянную социологическую и

---

<sup>1</sup> "Letters...", v. I, p. 146.



психологическую реальность»<sup>1</sup>. Иными словами, условия, при которых в Америке процветает экономический разбой, существовали раньше, продолжают существовать сегодня и всегда будут существовать.

Конечно, подобные взгляды не могли прийтись по вкусу власти имущим, тем самым бизнесменам, подноготную жизни и деятельности которых раскрывал писатель в своей трилогии. Положение усугублялось еще и тем, что Каупервуд, строго говоря, не был образом выдуманным. Просвещенные читатели, хорошо знавшие реальных финансовых воротил страны, легко узнавали в герое романа реальное лицо — небезызвестного «барона-разбойника» миллионера Чарлза Тайзона Йеркеса, скончавшегося за несколько лет до выхода в свет первого романа трилогии. Его деятельность проходила в Филадельфии, Чикаго и Нью-Йорке, то есть в городах, хорошо знакомых Драйзеру, что облегчало задачу писателя.

Американские критики и литературоведы неоднократно задавались вопросом: в чем же секрет графической выразительности и бесспорной убедительности нарисованного Драйзером мира большого бизнеса? И ответ на этот вопрос неизменно был один и тот же: глубокое и тонкое знание жизни. Известный буржуазный критик А. Кейзин писал в этой связи: «Пока Роберт Херрик с тревогой выглядывал из своего академического окна, а Эдит Уортон смаковала прелести Рима и Парижа, пока Дэвид Грэхем Филлипс писал для Пулитцера репортажи о набивших оскомину скандалах нью-йоркского высшего общества, а Фрэнк Норрис жадно поглощал историю Калифорнии для своего «Спрута», Драйзер мерил шагами улицы Чикаго, динамичного и символического города, который содержал в себе все, что было агрессивного и опьяняющего в новом мире, живущем ради сумасшедшего темпа биржевых операций и бесконечных радостей накопления. Сам он не принадлежал к этому миру, но он прекрасно понимал его»<sup>2</sup>.

И это понимание закономерностей и внутренних пружин окружающего его капиталистического мира, мира наживы и чистогана, лицемерия и жестокости, невежества и ханжества, предательства и душевной черствости, позволило писателю создать произведения, которые с течением времени не теряют ни своей актуальности, ни своей убедительной силы.

В своих произведениях Драйзер обращается к самым раз-

---

<sup>1</sup> Pizer D., "The Novels of Theodore Dreiser", Minneapolis. 1976, p. 157.

<sup>2</sup> "The Stature...", pp. 155—156.



личным сторонам американского образа жизни. В «Сестре Керри» он мастерски показал те пути, которыми в буржуазном обществе может пробиться наверх талантливая женщина. В «Трилогии желания» он изобразил жизнь и деятельность воротил большого бизнеса. В ряде рассказов нарисовал портреты простых тружеников Америки. Была еще одна сфера человеческой деятельности, которая всегда особенно сильно интересовала писателя. Тема эта — талантливый художник и буржуазное общество. В известной степени писатель касается ее уже в первом своем романе, описывая образ Керри-актрисы. Но самостоятельный доминирующий характер она заняла в романе «Гений» (1915) и таких жизненных историях, как «Питер», «Оливия Бранд», «Эрнестина», и некоторых других. Произведения эти чрезвычайно важны для понимания творческого кредо Драйзера, писателя-реалиста, писателя-борца.

Уже в центре своего первого романа Драйзер первоначально хотел изобразить талантливого и удачливого музыканта — сочинителя и исполнителя популярных песен. Хорошо знакомые писателю перипетии жизненной и творческой судьбы его брата — композитора и певца Поля Дрессера — давали достаточно материала для раздумий. Да и собственная деятельность Драйзера в качестве редактора популярного музыкального журнала «Эври манс», казалось, способствовала такому решению. Однако в действительности все произошло не так — первый роман писателя, как мы знаем, был создан на совершенно другом жизненном материале. Но Драйзер не оставляет своей первоначальной идеи и возвращается к ней, завершив работу над первыми двумя романами «Трилогии желания». В результате был создан роман «Гений», в основу которого легли некоторые факты из жизни хорошо знакомого писателю художника Эверетта Шинна из известной художественной группы «Восьмерка».

Художники, принадлежавшие к этой группе, «шокировали мир искусств» США тем, что были «поглощены изображением таких типов людей, мест и событий, в отношении которых американцы предпочитали оставаться глухими и слепыми,— писал о них исследователь американского искусства О. Ларкин.— В дни Теодора Рузвельта могли простить определенную пристрастность, но изображать на картинах пьяниц и неопрятных женщин, продавцов орехов и шахтеров, спальные и бары — значило попасть в разряд социалистов, анархистов и других возмутителей преуспевающего равновесия».

Именно с таких картин начинает свою карьеру художника герой романа Драйзера «Гений» Юджин Витла. В его судьбе, как в капле воды, отразились проблемы роли и места творческой личности в буржуазном обществе. Юджин по



своему таланту, по складу своего ума, по темпераменту прежде всего художник-живописец. После первой выставки его картин талант Витлы общепризнан. Но ему не предоставляют возможности посвятить себя целиком любимому делу. Он вынужден гнаться за иллюзорным богатством и славой, вынужден угождать сильным мира сего.

В борьбе с жизненными перипетиями Витла в конце концов преуспевает, но какой ценой? Ценой потери своего яркого таланта. За всю свою жизнь ему не удается создать ничего лучшего его первых картин — «Шесть часов» и «Паровозы, возвращающиеся в депо». Последняя картина произвела особенно сильное впечатление на зрителей, ее называли «симфонией в серых тонах». На этой картине «были изображены в ряд три паровоза, въезжающих в железнодорожный парк. Клубы дыма поднимались из труб прямо вверх, словно гигантские серовато-белые султаны, и расплывались в сыром холодном воздухе; в небе низко нависли черно-серые тучи. Из сырой мглы выступали красные, желтые и синие вагоны. Так и чувствовался холодный моросящий дождик, и влажные рельсы, и усталость стрелочников, дежурящих на путях»<sup>1</sup>.

Сила реалистического искусства Витлы нашла свое подлинное выражение именно в этих его ранних работах, навеянных самой жизнью. Когда же он пытается подчинить свой талант художника-реалиста диктату всемогущего в США золотого тельца, он терпит поражение за поражением. Подлинное искусство и власть доллара несовместимы, вот о чем говорит взлет и падение художника Юджина Витлы. «Драйзер понимает,— отмечал известный американский поэт-реалист Эдгар Ли Мастерс,— что человек, у которого есть талант, вынужден вести борьбу в этой беспорядочной стране социальной тирании и посредственности, где принято высокопарно рассуждать о свободе»<sup>2</sup>.

Вместе с тем судьба талантливого художника Юджина Витлы свидетельствует о том поразительном равнодушии, с которым в богатой Америке власть имущие и толстосумы-меценаты относятся к людям искусства и литературы. Никому нет дела до неисполненных подлинного трагизма метаний Витлы, никто не спешит протянуть ему руку помощи в трудный момент, некому поддержать его на пути подлинных художественных исканий. Витла всегда окружен людьми, и все же он всегда одинок.

---

<sup>1</sup> Драйзер И., Собр. соч. в 12 томах, Москва, 1973, т. 6, стр. 261.

<sup>2</sup> Цит. по кн.: Анисимов И., «Мастера культуры», Москва, 1971, стр. 178.



Одиночество талантливого художника в капиталистическом мире показано Драйзером в этом романе с убедительной силой и полнотой. Это и неудивительно. Ведь автор романа сам испытал все превратности положения человека искусства в США, на собственном опыте познал тяжесть установившихся порядков и догм, ощутил «железную хватку традиций и условностей» американского образа жизни. Личные переживания и жизненные перипетии позволили писателю создать в лице Витлы впечатляющий образ незаурядного художника, ставшего жертвой капиталистических порядков. Судьба Витлы не была исключением. Десятки, сотни служителей искусства были вынуждены идти его путем. И не случайно Ф. Маттисен утверждал, что появление романа «Гений» было обусловлено прежде всего «исторической потребностью» Америки.

В своих произведениях о людях искусства и их судьбах в США Драйзер показал личную и общественную трагедию настоящих талантливых художников, вскрыл их полную зависимость от прихоти магнатов капитала, разоблачил миф о якобы существующей в Америке свободе творчества. Документальная основа этих его произведений (в каждом из них изображены основные повороты судеб реально существовавших людей) является еще одним доказательством их соответствия правде жизни и точности как в отдельных деталях, так и в описании той ханжеской атмосферы самодовольства, которая господствовала и продолжает господствовать в далеком от подлинного искусства мире так называемых модных художников и их меценатов.

Высшим достижением творческого гения Драйзера является изданная в 1925 году «Американская трагедия», лучшее произведение американской литературы XX века, которое выдающийся советский режиссер С. М. Эйзенштейн назвал «эпикой космической правдивости и объективности».

История «преступления» и осуждения Клайда Гриффитса, возлюбленная которого фабричная работница Роберта Олден погибает из-за его трусости и эгоизма, основана на реальных фактах. Эта трагическая и типично американская история рассказана автором просо и неторопливо, без нагнетания ужасов, без малейшего намека на какие-либо преступные наклонности главного действующего лица.

«Я долго вынашивал в себе эту историю,— рассказывал Драйзер,— ибо мне казалось, что она не только включает в себя все стороны нашей национальной жизни — политические махинации, общественные отношения, религию, бизнес, секс,— но это в то же время была история, так хорошо знакомая каждому мальчишке, выросшему в маленьких городишках Америки. Это правдивая история того, как наша действи-



тельность обходится с индивидуумом и насколько бессильным оказывается индивидуум против подобных сил. Моя цель не заключалась в морализировании — упаси бог! — но в том, чтобы по возможности вскрыть подоплеку и психологию реальной жизни, которые если и не принесут отпущения грехов, то хоть как-то объяснят, отчего происходят подобные убийства — а они в Америке происходят с удивительным постоянством, по крайней мере так долго, как я могу это помнить»<sup>1</sup>.

Достоверность и правдивость изображенных в романе событий никогда не оспаривалась американскими читателями. «Но при всем при этом остается большой вопрос, — отмечал Ф. Маттисен, — в чем этот роман является отражением типично американских черт и в чем заключается трагедия?» Целый ряд американских критиков, не оспаривая в целом реальность описанной истории, тем не менее потратили немало слов, пытаясь опровергнуть как ее типично американский характер, так и ее трагизм.

Могла ли подобная житейская коллизия иметь место на другой почве, в другой стране? Безусловно, могла. Но все дело заключается в том, что в других странах такие преступления единичны, и только в Соединенных Штатах Америки преступления, продиктованные неудержимым желанием любой ценой проникнуть в так называемое высшее общество, приняли широкий размах. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но молодые американцы не так часто стремились стать великими учеными, исследователями, философами, государственными деятелями, как мечтали о выгодной женитьбе в качестве основного средства, с помощью которого можно добиться преуспевания и благополучия.

Драйзер увидел в этом типичное для американского общества явление и создал на этой основе роман. Специфика национального колорита книги, по свидетельству известного английского критика У. Аллена, заключается «в подчеркивании контраста между «американской мечтой» о достатке и даже роскоши, доступной немногим, и той нищетой, в которой живут миллионы американцев. Причем под «нищетой» подразумевается не просто безденежье, но и нищета духа»<sup>2</sup>.

Аллен вслед за Драйзером очень точно подметил типично американскую черту — неудержимое стремление к богатству и власти, нежелание считаться ни с какими преградами на пути к ним. При этом не следует забывать, что именно в Америке особенно сильно распространено стремление разбогатеть «лег-

---

<sup>1</sup> "Letters", v 2, p 458.

<sup>2</sup> Аллен Уолтер, «Традиция и мечта», Москва, 1970, стр. 260.



ким путем» — через биржевые спекуляции или брак с богатой наследницей. Драйзер очень хорошо знал эти особенности мышления молодых американцев и мастерски отразил их в своем романе.

«Драйзер не создавал трагедию в традиционном смысле этого понятия,— пишет Ф. Маттисен,— и тем не менее он писал, исходя из глубоко трагического смысла человеческой судьбы». Судьба Клайда Гриффитса поистине трагична, хотя его никак нельзя признать героем трагедии в классическом смысле. Трагизм его положения, трагизм его судьбы — в полной зависимости от тех общественных сил, которые определяют все и вся в капиталистическом мире. Трагизм его — и в полном подчинении своих мыслей и желаний лицемерным стандартам пресловутого «американского образа жизни», в котором, по свидетельству Ф. Маттисена, «непреодолимый соблазн денежных ценностей» является «более обнаженным и явным», чем в других странах. «И так как пламя сверкало более ярко и было более неотразимым, притягиваемые им жертвы были более беспомощными».

Беспомощность Клайда перед лицом действительности, неспособность самостоятельно мыслить, неумение возвыситься над обыденностью простых, казалось бы, житейских обстоятельств в конечном итоге приводят его к смерти на электрическом стуле.

Но рассказанная писателем история не замыкается только в рамках личной трагедии Клайда. Если личность в трагический период своей жизни остается лишь наедине с самой собой, если общество не желает понять, что привело человека к преступлению, не стремится вскрыть его социальный, общественный смысл, то трагедия личности неизбежно перерастает в трагедию общества и постепенно достигает той неизлечимой стадии, когда такому обществу уже ничто не поможет.

Заслуга автора «Американской трагедии» заключается в том, что он изобразил типичного американского юношу, имеющего типично американские представления о жизни и стремления, в типичных обстоятельствах американской повседневной жизни и показал, к каким трагическим последствиям может привести эта типичная повседневность. В этом смысле Клайд Гриффитс — образ собирательный, и судьба его приобретает черты всеобщности, характерности.

Будучи прежде всего писателем-романистом, внесшим неоценимый вклад в развитие американского и мирового романа, Драйзер часто обращался к жанру очерка, статьи, эссе, путевых заметок, небольшой зарисовки, которые позволяли ему откликаться на самые различные проявления быстротекущей жизни. Эти произведения малых жанров также составили не-



сколько самостоятельных книг. Хорошо известны такие книги, как «Каникулы уроженца Индианы» (1916), «Бей, барабан!» (1920), «Краски большого города» (1922), «Драйзер смотрит на Россию» (1928), «Трагическая Америка» (1931), «Америку стоит спасти» (1941).

Весьма важной для понимания творческого кредо писателя является статья «Жизнь, искусство и Америка» (1917), представляющая, по существу, очерк духовной жизни американских граждан в конце XIX—начале XX века. Писатель нарисовал весьма мрачную картину духовной нищеты американцев, засилья предрассудков, религиозных догм и официальных установок в стране, конституция которой является скорее «произведением искусства, нежели реально действующим законом».

Драйзер убедительно показывает, что в США «свободная мысль и искусство» находятся в ненормальном положении. «С моей точки зрения,— говорит писатель,— средний, или, так сказать, стандартный американец — это странный, односторонне развившийся характер: во всем, что касается материальной стороны жизни, он сметлив и напорист — он хороший механик, хороший организатор, но внутреннего мира у него нет, он не знает по-настоящему ни истории, ни литературы, ни искусства и совершенно запутался и духовно погряз в великом множестве сугубо материальных проблем, которые его одолевают».

Писатель разоблачает «нудную, рутинерскую, ханжескую» Америку, живущую в «ядовитом тумане» «немыслимых и ложных представлений о поведении человека», страну, которая «не в ладах с независимой мыслью», и призывает покончить с диктатом в американском искусстве «тупиц, эгоистов и честолюбцев».

Статья вызвала широкий отклик среди независимо мыслящей интеллигенции. Писатель-реалист Шервуд Андерсон, прочитав ее, писал Драйзеру, что она «подтверждает, как еще не подтверждала ни одна статья, которую мне пришлось прочесть, абсолютный и ужасающий факт наличия стены, в тени которой вынуждены творить американские художники. В наше время для многих из нас здесь, в Америке, единственную надежду олицетворяет та храбрость и решительность, с которыми вы наносите мощные удары по этой стене. Мы снимаем перед вами свои шляпы, Капитан».

Во многих статьях Драйзер излагает свои взгляды на роль и место искусства и художника в жизни общества, дает анализ положения, сложившегося в современной ему американской литературе, размышляет о судьбах творческой интеллигенции в странах капитала, о ее вкладе в развитие человеческого общества, развертывает настоящую программу про



грессивной литературы в США. Он обращается ко всем деятелям творческого труда с призывом «объединиться с массами в их борьбе против одного класса, за установление лучшего, более справедливого строя». Писатель был глубоко уверен, что искусство всегда должно идти «рука об руку с прогрессом».

Призывы Драйзера зижидились на его собственном жизненном и творческом опыте. Его особенно сильно поразило бедственное положение миллионов американцев во время экономического кризиса тридцатых годов. Многочисленные встречи с простыми людьми, картины остановившихся фабрик и заводов, заброшенные фермы, построенные из картонных коробок лачуги поденщиков — все это обескураживающе действовало на писателя. Проведенная 6 марта 1930 года в Нью-Йорке стотысячная демонстрация безработных, организованная под руководством коммунистической партии, вызвала широкий отклик во всей стране. Против демонстрантов было брошено 25 тысяч полицейских и пожарников. Но демонстрация и митинг состоялись.

«Мы называем эту страну демократией. В действительности же — это олигархия, — заявил Драйзер в мае 1930 года корреспондентам газеты «Сан-Франциско кроникл». — Правительство расположено на Уолл-стрит, а не в Вашингтоне... Разговоры о демократии — просто шутка».

В начале 1930-х годов писатель непосредственно познакомился с истинным положением американских горняков и их семей в центре горнорудного района Харлана и выступил с решительным протестом против всевластия монополий.

«Борьба горняков Харлана, — писал он в предисловии к книге «Говорят горняки Харлана» (1932), — является великолепным образцом борьбы американского рабочего класса против давнего гнета характерной для Америки комбинации власти и богатства». Знакомство с условиями повседневной жизни простых американцев приводит писателя к выводу о том, что «американский гражданин, если он беден (а он действительно беден), оказывается в Америке в положении изгоя и никак не пользуется благами «процветания», которое создается его руками... Как зебра бьется в когтях хищника, так трудящиеся массы задыхаются под экономическим гнетом гигантских корпораций...»

В январе 1974 года, через 42 года после того, как были опубликованы вышеприведенные строки Драйзера, газета американских коммунистов «Дейли уорлд» рассказала об очередной забастовке на шахтах Харлана. К этому времени забастовка продолжалась уже более пяти месяцев. Одна из причин забастовки была та же, что и сорок лет назад: хозяева шахт отказывались подписать с шахтерами коллективный до-



говор и не соглашались на вступление горняков в профессиональный союз. Методы шахтовладельцев в борьбе против забастовщиков также мало изменились за прошедшие годы — они снова прибегали к угрозам, запугивали шахтеров «возможными погромами». Как видим, капиталистическая действительность, реальная обстановка современной Америки мало чем изменилась за четыре десятилетия. Сегодня, как и столетия назад, слова Драйзера о положении американских трудящихся звучат не просто объективно и точно, но и крайне своевременно.

Выступления Драйзера в защиту горняков Харлана, его активная борьба за обеспечение гражданских свобод простым труженикам страны снискали ему уважение и благодарность многих граждан Америки, которые буквально засыпали его письмами. Драйзер всегда активно откликался на важнейшие события внутренней и международной жизни, часто выступал на страницах газеты американских коммунистов «Дейли уоркер», а также в других прогрессивных изданиях, на массовых митингах и в университетских аудиториях.

В октябре 1927 года Драйзер получил официальное приглашение из Москвы принять участие в праздновании 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Писатель принял это приглашение с большой радостью. 19 октября он отплыл в Европу на пароходе «Мавритания». В начале ноября Драйзер прибыл в СССР и 7 ноября смотрел на Красной площади военный парад и демонстрацию трудящихся Москвы. Путешествие писателя по Советскому Союзу (Драйзер пробыл в нашей стране до 13 января 1928 г.) навсегда сделало его искренним и верным другом советских людей. Он встречался с В. В. Маяковским, С. М. Эйзенштейном и другими деятелями культуры СССР; кроме Москвы, посетил Ясную Поляну, Тулу, Ленинград, Нижний Новгород, Киев, Харьков, Донецк, Ростов-на-Дону, Баку, Тбилиси, Одессу и другие города.

«Что касается коммунистической системы, как я ее видел в России в 1927 и 1928 годах,— писал он в марте 1943 года критику Г. Менкену,— то я целиком и полностью за нее... Я видел их фабрики, их шахты, их магазины, их комиссаров... И никогда в моей жизни я не встречал более образованных, более возвышенных в мыслях, более доброжелательных и от важных мужчин и женщин... В общем у меня возникло сильное чувство уважения к этому великому народу, и я по-прежнему сохраняю это чувство...»<sup>1</sup>.

Отношение Драйзера к Советской стране, к людям, встав

---

<sup>1</sup> "Letters ", v 3, p 982



шим на нелегкий путь строительства социализма, нашло свое отражение в многочисленных статьях, письмах, а также в книге «Драйзер смотрит на Россию» и в небольшой повести «Эрнита». Героиня этой жизненной истории родилась и выросла в Соединенных Штатах Америки. Рано узнав нужду и страдания, Эрнита начинает искать ответы на мучившие ее вопросы о социальном устройстве мира. «Тем временем в России произошла революция — «Десять дней, которые потрясли мир», — и Эрнита увидела в ней как бы дар небес, разрешивший все ее социальные запросы. Победа Ленина! Теории Маркса! Освободить мир от капиталистического гнета! Снять ярмо с простого человека! Советская Россия казалась ей маяком свободы, образом новых и спасительных социальных верований. Ее взор обратился к Москве, к Ленину и его гигантскому делу»<sup>1</sup>.

Вместе с группой технических специалистов-добровольцев Эрнита приезжает в Кузбасс, чтобы помочь юному советскому государству «заложить основу мощной угледобывающей и металлургической промышленности в самом центре Сибири...». Писатель подробно описывает жизнь и работу Эрниты в СССР, не преуменьшая выпавшие на ее долю трудности и отнюдь не идеализируя свою героиню. В «Эрните» Драйзеру пришлось столкнуться с совершенно новой для его творчества проблемой — сочетанием личного и общественного в жизни человека. Писателю удалось создать убедительный и живой образ молодой американки, нашедшей свое место в жизни в рядах борцов за лучшее будущее для трудящихся. Образ Эрниты — женщины обаятельной, решительной и нежной, увлеченной и сомневающейся — принадлежит к несомненным удачам писателя.

Прототипом образа Эрниты послужила Рут Эпперсон Кеннел — американка, работавшая в те годы в СССР и сопровождавшая писателя в его поездке по нашей стране. Обращение Драйзера к жизненной истории Р. Кеннел и создание на ее основе интересной повести свидетельствуют о стремлении писателя осмыслить происходящие в жизни нашей страны перемены не только в жанре публицистики и очерка, но и в повести и рассказе, которые хотя и давали больше свободы автору, но в то же время и требовали сочетания фактологической достоверности с глубоким психологическим анализом, требовали художественного осмысления происходящего, обобщений и выводов. Писатель сумел рассмотреть в Эрните характерное для передовой женщины стремление к сочетанию личного семейного счастья с активной общественной деятельностью, стремление быть полезной и необходимой не только для мужа и семьи, но

---

<sup>1</sup> Драйзер Т, Собр соч в 12 томах, Москва, 1973, т. 12, стр 61—62



и для общества, желание внести свой — пусть скромный — вклад в его развитие по пути прогресса.

В 1932 году выходит из печати публицистическая книга Драйзера «Трагическая Америка». Книга эта примечательна во многих отношениях. Уже своим названием она перекликается с «Американской трагедией». Писатель, отмечал Ф. Матисен, «должен был отдавать себе отчет в том, что в данном случае он расширительно толкует название романа «Американская трагедия». И действительно, Драйзер в своей новой книге писал не о трагедии отдельной человеческой личности, а о трагедии народа целой страны, в которой «звериный индивидуализм» и «типично капиталистические формы борьбы» за существование превратили жизнь в подлинную трагедию для миллионов граждан, лишили их всякой уверенности в завтрашнем дне.

«Под словами «На господа уповаем», выбитыми на нашем долларе, следовало бы написать: «И к черту тех, кто слабее», — то есть в данном случае рабочих... Миллионы людей в Америке живут сейчас в постоянной тревоге, не зная, будут ли у них завтра кров и пища. И на эту тревогу они обречены до последнего своего дня, пока смерть не положит конец их мучениям. Ибо как может рабочий или даже мелкий предприниматель — по существу жертва крупных трестов и банков — обеспечить свое будущее?»

В первой половине 30-х годов, когда над миром сгустились тучи фашизма, ненависти и войны, Драйзер занимает бескомпромиссную позицию поддержки сил прогресса и мира. Летом 1932 года он поддерживает кандидатов коммунистов в общенациональной избирательной кампании США. 16 августа 1932 года газета «Дейли уоркер» опубликовала статью Драйзера «Почему я голосую за коммунистов». В ней он подчеркивал, что республиканская, демократическая и другие подобные партии «стремятся к тому, чтобы дать немногим все богатства и блага жизни и оставить на долю трудящихся невежество, голод и террор», что эти партии «ищут выход из кризиса ценой дальнейшего закабаления рабочих и фермеров...» «Короче говоря, — резюмировал писатель, — капиталистический выход из кризиса — это еще большая бедность, голод и безработица, которые переживает сейчас трудящаяся Америка».

«Коммунисты утверждают, — заканчивает свою статью Драйзер: — «Все богатства должны принадлежать трудящимся». Если думать так — значит быть коммунистом, то в таком случае я — коммунист. И поэтому буду на выборах голосовать за коммунистических кандидатов»<sup>1</sup>.

Во многих городах США в эти годы проходили антифа-

---

<sup>1</sup> "Daily Worker", 16 августа 1932 г.



шистские и антивоенные демонстрации трудящихся, организаторами которых были коммунистическая партия и примыкавшие к ней организации. Весной 1932 года французские писатели Анри Барбюс и Ромен Роллан обратились к мировой общественности с призывом провести Всемирный антивоенный конгресс в Амстердаме. Этот призыв поддержали широкие круги интеллигенции, организации рабочих и крестьян во многих странах, за созыв конгресса высказался Коминтерн.

Подготовкой конгресса занялся международный инициативный комитет, в состав которого входили такие виднейшие прогрессивные деятели мира, как М. Горький, А. Барбюс, П. Ланжевен, Г. Манн, М. Андерсен Нексе, Сун Цинлин, Э. Синклер, Р. Роллан, Б. Рассел, Сен-Катайма, А. Эйнштейн. Членом инициативного комитета был избран и Т. Драйзер, что явилось признанием его заслуг в борьбе против угрозы войны, за лучшее будущее человечества.

Основные идеи, провозглашенные Всемирным антивоенным конгрессом в Амстердаме в августе 1932 года, отвечали интересам мобилизации всех антивоенных сил. Анри Барбюс, закрывая конгресс, заявил: «Его сила и достоинство в том, что он, избежав ужасной западни официального пацифизма, сеющего иллюзии и обращающего здоровые силы к бесплодному теоретизированию, оторванному от действительности... свел вопрос о войне на землю, рассматривая его как вопрос о людях, истекающих кровью»<sup>1</sup>. Подводя итоги конгресса, Драйзер назвал его «наиболее значительным шагом на пути к миру со времен русской революции».

«Международный антивоенный конгресс — это начало, — писал Драйзер в обращении к студенческому антивоенному конгрессу, собравшемуся в Чикаго, — борьба коммунистов против войны приносит свои плоды. Интеллигенция откликается на призыв выступить в защиту СССР. И когда Ромен Роллан говорит, что он «готов с оружием в руках защищать Союз Советских Социалистических Республик», его слова, словно эхо, подхватывают миллионы людей».

Известно, что в этот период Драйзер серьезно подумывал о том, чтобы официально вступить в коммунистическую партию. Однако некоторые деятели партии полагали, что, оставаясь вне партии, Драйзер сможет принести больше пользы ее делу.

Драйзер активно выступает в защиту несправедливо осужденных американских граждан, его избирают председателем Национального комитета защиты политических заключенных. В газете «Дейли уоркер» он публикует заявление «О судебной

---

<sup>1</sup> Цит. по кн. «История второй мировой войны 1939—1945», Москва, 1973 т. I, стр. 317



расправе над жертвами Скоттсборо», в котором резко осуждает решение верховного суда штата Алабама, подтвердившего смертный приговор невинно осужденным восьми негритянским юношам. «...Решение, которое в Скоттсборо фактически было принято разъяренной толпой,— гневно писал Драйзер,— получило подтверждение — штат Алабама в лице всей своей судебной системы с ее высшими и низшими инстанциями подтвердил к ужасу и возмущению всех порядочных людей свою врожденную ненависть к неграм, показав тем самым, что он сам недалеко ушел от тупой, по-звериному жестокой толпы»<sup>1</sup>.

Когда в стране развернулось движение за освобождение из тюрьмы невинно осужденного Тома Муни, Драйзер пересекает всю страну, чтобы выступить на массовом митинге в Сан Франциско в его защиту. В своем ярком выступлении он говорил не только о судьбе Муни, но и рассказал о бедственном положении шахтеров в штате Кентукки и подчеркнул, что дело Муни — это проявление «той же классовой борьбы, которая взволновала Кентукки». Писатель своим выступлением, как и предыдущими заявлениями по этому поводу, пытался помочь «широким массам Америки осознать, что закон и суд у нас находятся под контролем и руководством монополий и что только коренное изменение всего образа жизни нации принесет справедливость каждому».

Драйзер стремился к все более активному участию в общественной жизни страны, и поэтому он с большим интересом отнесся к предложению группы литераторов принять участие в создании нового журнала, который получил название «Америкэн спектейтер». Редакторами журнала, кроме Драйзера, значились известный писатель-реалист Шервуд Андерсон, критик и переводчик Эрнест Бойд, театральный критик Джордж Джин Натан, драматург Юджин О'Нил, критик, поэт и прозаик Джеймс Бранч Кейбелл.

Хотя Драйзер был неоплачиваемым внештатным редактором, он отдался работе в журнале со всей присущей ему энергией. Журнал намеревался публиковать различные материалы «о жизни в целом и о некоторых специфических проблемах нашего времени в частности». От материалов требовались «ясность, энергичный стиль и чувство юмора».

Применение этих, казалось бы, простых критериев на практике приводило к резким столкновениям между редакторами журнала. Драйзер подчеркивал, что его «желание всегда заключалось в том, чтобы ввести в журнал дух социального критицизма и представить веские аргументы в пользу

---

<sup>1</sup> Драйзер I., Собр. соч. в 12 томах, Москва, 1973 т. 12, стр. 200



диктатуры масс». Его взгляды разделял Андерсон. Однако штатные редакторы журнала Натан и Бойд всячески сопротивлялись этому. Они также возражали против публикации в журнале статей советских авторов, заказанных Драйзером, были против материалов, разоблачающих махинации монополий, ратовали за чисто литературные и искусствоведческие эссе.

«Безусловно, литература и искусство должны занимать разумное место в нашей программе,— возражал Драйзер,— однако более общие жизненные сферы деятельности, из которых и вытекают эти формы искусства, должны все же получить предпочтение». И он заказывал материалы Диего Ривере и Альберту Эйнштейну, советскому критику С. С. Динамову и Леопольду Стоковскому, Линкольну Стеффенсу и Лиону Фейхтвангеру.

Драйзер в письме литературному редактору журнала «Сан-Франциско бюллетень» Дж. Дугласу признавался: «Я согревал себя надеждой, что, возможно, с приходом в журнал Андерсона и вас я сумею превратить его в орган, открыто бросающий вызов обществу, или же в журнал интеллектуально левого направления, или, в крайнем случае, в выражающий социально-радикальную точку зрения». Но этим надеждам писателя не суждено было сбыться, и через год с небольшим он вышел из состава его редакторов.

Писатель не случайно уделял так много внимания своей работе в журнале «Американ спектейтер». Он лелеял надежду объединить вокруг журнала широкие круги американской интеллигенции, выступающие за мир, против фашизма и войны. Как видим, замысел этот не удался, но Драйзер не собирался опускать руки. Он активизирует свою публицистическую деятельность, чаще выступает со статьями в газете коммунистов «Дейли уоркер» и других демократических изданиях, много пишет для московских журналов.

Весьма показательно, что в ряде статей этого периода Драйзер размышляет о месте художника в общественной жизни. Характерна в этом отношении статья «Обращение к художнику», опубликованная зимой 1933 года в московском журнале «Интернациональная литература». Это страстный призыв к братьям, ко всем людям творческого труда «объединиться с массами в их борьбе против одного класса, за установление лучшего и более справедливого строя».

Писатель поднимает перед американской и мировой интеллигенцией важнейшую проблему творческого кредо художника, во весь голос говорит о необходимости неразрывной связи с широкими трудящимися массами, этими «щедрыми и до сих пор почти непризнанными друзьями и утешителями мыслителя, поэта, всякого творца вообще». Драйзер обращает внимание интеллигенции на то, что «только от масс (с их вели-



кой, настойчивой потребностью жить и окружать себя разумным миром и довольством) может исходить создание реальных экономических ресурсов, а также умственные и художественные запросы по отношению к тому, что могут предложить миру мыслители, изобретатели, ученые, интеллигенция и гении».

Писатель призывает современных художников, творцов и мыслителей «повернуться к массам, включиться в их борьбу за развитие красоты, мысли и искусства вообще... Ибо не только ваши экономические, но и ваши социальные и художественные мечты совпадают с мечтами миллионов рабочих всего мира... Включайтесь теперь же в ряды борцов. Пишите, выступайте, боритесь за тех и вместе с теми, чье будущее есть ваше будущее. Прогресс развивается в этом направлении. А рука об руку с прогрессом идет искусство».

Статья эта была подлинным криком изболевшейся души большого художника. Она давала прямой и недвусмысленный ответ на знаменитый набатный вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Драйзер своей статьей не только отвечал на этот вопрос, но и призывал других последовать его примеру и открыто выступить от лица «тех масс, из которых вы вышли и к которым вы принадлежите в действительности...».

Напряженная международная обстановка в первой половине 30-х годов еще более обострилась в результате агрессии Японии против Китая. Вопросы войны и мира все больше начинают занимать американскую общественность. Драйзер откликается на происходившие события статьей «Америка и война», опубликованной в 1933 году в журнале «Марксистско-ленинское искусствознание». «...Американские банкиры и владельцы военных заводов уже пожинают доходы с войны,— констатировал писатель,— которую Япония ведет против китайского народа, и с ее приготовлений к войне против Советского Союза... Нет такого факта, который не доказывал бы, что своим враждебным отношением к Советскому Союзу американский капитализм не только поддерживает Японию в ее военных действиях против Китая и Маньчжурии,— он надеется, что она будет воевать с Россией и победит ее, после чего сама будет разгромлена и поделена. Таким образом, нынешний военный конфликт грозит превратиться во вторую мировую войну».

Как известно, в Америке не вняли предупреждению писателя. Соединенным Штатам пришлось вести тяжелую войну с империалистической Японией. На помощь им в этой войне пришел не кто иной, как Советский Союз, разгромивший перед этим фашистскую Германию. Но в описываемый нами период все эти события были еще впереди и прогрессивная мировая общественность боролась за сохранение мира.



Активным борцом за мир был и Теодор Драйзер. Его статьи и выступления этого периода пронизаны заботой о будущем человечества. «Рабочие и крестьяне всего мира, а также многие интеллигенты стоят за мир,— писал Драйзер,— против империализма. Я приветствую Советский Союз и вторую пятилетку, возвещающую окончательное уничтожение классов. Это единственная, действительно важная страница в современной истории человечества».

В начале лета 1934 года Драйзер дал интервью нью-йоркскому корреспонденту газеты «Правда». В нем он обращается к положению, сложившемуся в американской литературе, подчеркивает резкое несоответствие между потерпевшим аварию кораблем капитализма и той картиной создавшегося положения, которая открывалась со страниц книг, литературных журналов и газет. «Литература в общем на кризис не отзывалась,— говорил писатель.— Страдания масс в «большой литературе» не получили отражения... Произошел невиданный крах, наступил «кризис кризисов», все язвы капитализма вскрыты до самых глубочайших тайников, люди проходят через адские муки. А посмотрите наши литературные журналы и прессу: там об этом почти ни слова. Если упоминается то или иное явление, то поверхностно и мимоходом, без связи с целым. Воображаю, что сделали бы с нашим современным общественным материалом Диккенс или Достоевский...»

Проблемы связи литературы с жизнью нашли свое отражение и в ряде других статей писателя. С их страниц встает фигура мыслителя, не только глубоко осмыслившего назначение литературы, но и прекрасно знающего жизнь, умеющего соизмерять свои творения с реальной действительностью. Все выводы Драйзера-публициста подтверждаются творчеством Драйзера-романиста, непосредственно вытекают из его собственного творческого опыта. В этом смысле публицистические выступления Драйзера — прямое продолжение и дальнейшее развитие тех его взглядов, которые нашли свое яркое выражение в таких его романах, как «Сестра Керри», «Финансист», «Генерал», «Американская трагедия». Они были обусловлены пониманием писателем тех общественно-исторических условий, в которых жили и действовали его герои.

Международная обстановка между тем все более осложнялась. Захват фашистами власти в Германии отразился и лично на Драйзере. Гитлер запретил все его книги, как «подрывающие мораль и нравы». Их сжигали на площадях немецких городов и поселков. Пристальное внимание писателя привлекают франкистский мятеж и германо-итальянская агрессия в Испании, он с тревогой следит за тем, как в Европе набирает силы фашизм, как развивается японская агрессия против Китая. Вызывает его тревогу и роль католической церкви в различных уголках земного шара. «Она представляется мне



не чем иным, как огромным демоническим спрутом, — писал он в письме Анри Барбюсу, — или, лучше сказать, раковой опухолью, которая разрослась на земле и которая не удовлетворится ничем, кроме мирового господства и умственного уничтожения рабочего класса ради того, чтобы ее князья и епископы и все духовенство вместе с бездельничающим, лодырничавшим, праздным титулованным правящим классом могли пользоваться достатком и властью, в то время как все, за кого они якобы молятся, оставались бы униженными и голодающими. Если бы мне потребовался боевой клич, то вот он: стереть католическую церковь с лица земли! Она стремится только к собственному господству во всех странах мира. И ради достижения этой цели она намерена затуманить мозги всех граждан любой страны, куда она проникает»<sup>1</sup>.

Конечно, подобные заявления писателя вызывали злобные нападки буржуазной печати, его имя с церковного амвона предавалось анафеме священнослужителями, его книги изымались из публичных библиотек. Оценивая создавшееся положение, Драйзер писал в одном из писем: «Подобно воздушно-му змею, я взмываю ввысь против ветра, а не вместе с ним». И он по-прежнему выступал на массовых митингах и в университетских аудиториях, публиковал статьи в коммунистической и радикальной печати, возвышая свой голос писателя и трибуна против власть имущих, за мир, против угрозы фашизма и войны.

Большой отклик вызвала опубликованная 18 августа 1936 года в журнале «Нью-мессиз» статья Драйзера «Да здравствует свободная Испания!». Она была воспринята прогрессивной американской общественностью как страстный призыв против фашизма, в поддержку сил демократии и мира.

В другой своей статье, так и не увидевшей свет, писатель снова возвращается к мысли об опасности фашизма. «Я абсолютно убежден, — утверждал Драйзер, — что ныне существует взаимопонимание по экономическим и финансовым вопросам между финансистами всех стран, в которых существует богатство, и что все они — за фашистскую форму правления, как противостоящую демократической или коммунистической формам. Они хотят распространить фашизм на весь мир, пометить всех неимущих внизу, а избранное меньшинство — наверху. Другими словами, следующий Цезарь будет финансистом»<sup>2</sup>.

Прогрессивная американская общественность высоко оценила выступления Драйзера против фашизма, в защиту рес-

---

<sup>1</sup> "Letters...", v. 2, p. 705.

<sup>2</sup> Цит. по кн.: Tjader M., "Theodore Dreiser. A New Dimension", Norwalk, Connecticut, 1965, p. 83.



публиканской Испании, за мир. Поэтому Лига американских писателей, с которой Драйзер активно сотрудничал, но членом которой он формально не состоял, тем не менее предложила ему поехать в качестве представителя Лиги на открывающуюся в Париже конференцию Международной ассоциации в защиту культуры. Одновременно Американская Лига борьбы против войны и фашизма делегировала писателя на конференцию против бомбардировок открытых городов, также проходившую в Париже.

Так летом 1938 года писатель оказался в Европе. Председательствуя в Париже на одном из заседаний конференции писателей, он произнес яркую речь, в которой говорил о роли писателя в современном обществе. «Мне думается, что самое важное в искусстве и в литературе — это чтобы художник и писатель с интересом всматривались в жизнь и пытались ее понять; а поняв ее, они естественно включаются в борьбу за выполнение важнейших задач, стоящих перед их родиной, в особенности если речь идет о борьбе за существование». Сам Драйзер не только всегда участвовал в прогрессивных движениях своего времени, но и являлся пионером, зачинателем борьбы за подлинно реалистическое направление в американской литературе XX века, был ярым сторонником социальных реформ.

На проходившей под председательством министра иностранных дел Франции Жоржа Бонно конференции против бомбардировки германскими и итальянскими фашистами открытых городов Испании Драйзер также произнес взволнованную речь. Он резко осудил действия фашистов, подверг критике политику невмешательства правительств Англии и Франции, говорил о несправедливом отношении к испанским республиканцам, ведущим героическую борьбу в неравных условиях, требовал прекращения бомбежек открытых городов. Парижские газеты напечатали речь Драйзера на первых страницах.

После окончания конференции писатель по приглашению республиканского правительства Испании посетил Барселону, где он провел последние дни июля 1938 года. Резиденция правительства сражавшейся Испанской республики произвела на Драйзера неизгладимое впечатление. Самолеты фашистов не только разрушали жилые кварталы города, но и топили торговые суда, пытавшиеся доставить в Барселону продовольствие. В городе не было мяса, молока, масла, питались лишь овощами и фруктами, доставляемыми крестьянами из окрестных деревень. В ресторане фешенебельной гостиницы «Ритц», где остановился писатель, почти нечего было есть.

В Барселоне Драйзера принял президент республики Мануэль Асанья, с ним беседовали глава правительства Хуан



Негрин и министр иностранных дел Альварес даль Вайо. Они надеялись использовать влияние писателя для возобновления поставок американского продовольствия гражданам сражавшейся Испании. Прекрасно понимая, как много значат для испанцев эти поставки, Драйзер обещал сделать все возможное, чтобы помочь героическому народу. Он согласился передать президенту США Франклину Д. Рузвельту личное послание испанских республиканских лидеров.

По пути на родину писатель на несколько дней остановился в Англии, где хотел встретиться с членами английского правительства, но все его попытки окончились неудачей. Не удалось добиться желаемого и в США. Правда, получив личное письмо Драйзера от 23 августа 1938 года, Рузвельт согласился дать ему пятнадцатиминутную аудиенцию и 7 сентября принял писателя на борту своей яхты. Но результаты беседы оказались разочаровывающими: выслушав страстный рассказ Драйзера о кровавых событиях, происходящих в Испании, президент прямо заявил, что не сможет организовать поставку продовольствия в Испанию, и посоветовал создать небольшой представительный комитет общественности, который собрал бы необходимые средства и начал поставку продовольствия от своего имени.

Драйзер загорелся этой идеей и сразу же приступил к ее осуществлению. Для успеха задуманного дела необходимо было вовлечь в будущий комитет крупных бизнесменов, магнатов прессы, видных общественных и религиозных деятелей. Но к кому бы ни обращался писатель, никто не хотел связывать свое имя с делом помощи республиканской Испании. Идею эту так и не удалось воплотить в жизнь. Единственным итогом усилий Драйзера была отправка в Испанию нескольких грузовых судов с мукой по личному указанию Рузвельта. Узнав об этом из газет, Драйзер 5 января 1939 года послал президенту письмо, благодаря его за помощь, которую Рузвельт счел возможным оказать, «сохраняя полное беспристрастие». Но спасти гибнущую республиканскую Испанию такая помощь, конечно, не могла.

Хорошо понимая, почему американская буржуазия не хочет помочь испанским республиканцам в их неравной борьбе, Драйзер писал: «Отношение Америки к испанской войне определяется sixtyдесятью семействами, т. е. крупными концернами, контролирующими 70% газет, политическими деятелями и 95% обладателей денег в Америке. Американский же народ — за Испанскую республику. Американцы считают эту войну пагубной, ибо она ведется, чтобы навязать Испании режим Гитлера».

Даже простое перечисление названий статей, написанных и опубликованных Драйзером в это грозное время, свидетель-



ствует о том, что писатель всеми силами боролся за дело мира и прогресса, против фашизма и войны: «Память о нем священна» (о В. И. Ленине), «Заря на Востоке» (о СССР), «Помогите сперва американцам!», «Вот она, демократия Черчилля», «Ленин», «По поводу советско-финского договора», «Война», «Есть ли в США свобода печати?», «Значение СССР в современном мире», «Против войны». Такие статьи будили мысль, поднимали американских рабочих, фермеров, интеллигенцию на борьбу против фашизма и войны.

Во многих статьях и устных выступлениях Драйзер говорил о величайшем значении исторического опыта СССР для трудящихся США и других капиталистических стран, ведущих нелегкую борьбу за социальный прогресс, за лучшее будущее. Он подчеркивал историческое значение эксперимента Советской России по созданию «такого социального строя, который был бы и справедлив и в то же время практически осуществим». В приветствии советскому народу по поводу 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Драйзер писал: «Мир видит перед собой один-единственный, по-настоящему сильный и могучий пример того, что может сделать всеобщее равенство и социальное благополучие,— этим вечно живым примером является Советский Союз. И в какой-нибудь... день, который теперь кажется уже не таким отдаленным, Америке все-таки придется познать правду и, раскрыв дружеские объятия, присоединиться к Советскому Союзу», чтобы отстаивать и претворять в жизнь принципы свободы и демократии.

Огромная заслуга Драйзера состоит и в том, что он страстно разоблачал заговор молчания большой прессы США вокруг достижений советского народа. «Ни одна американская газета,— писал Драйзер в журнале «Коммон сенс» (позднее статью перепечатала «Правда»),—не решается напечатать хотя бы одну правдивую строку о гигантской работе, которая проводится в Советском Союзе,— о том, что там создается новый мир, что все без исключения обеспечены работой и живут и работают в условиях, достойных человека. Ничего не пишут о всеобщем обучении, существующем на огромном пространстве от Берингова пролива до Китая, от Архангельска до Ирана и Афганистана. Ни одна газета не решится обмолвиться хотя бы словом о новых железнодорожных линиях, автострадах, авиалиниях, о расширении телеграфной и телефонной сети, о новых, полностью модернизированных методах сельского хозяйства, о множестве университетов, научно-исследовательских институтов, о гигантских заводах и промышленных городах, выросших на всем пространстве Советского Союза»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> «Правда», 26 октября 1939 г



В другой статье, напечатанной в журнале «Совет Рашатудей» в ноябре 1940 года, Драйзер гневно обличал шпионаж и диверсии, проводимые против СССР империалистами во главе с правителями США. «Потерпев, однако, в этом провал,— подчеркивал писатель,— и видя, как массы русского народа устремились на заводы, фабрики, в поля, в школы, университеты и лаборатории, чтобы самим научиться, как построить для себя новый мир изобилия, агенты капитала и наемные лжецы подготовили и открыли против Советского Союза настоящую войну, поставив его под непрерывный огонь клеветнической пропаганды. Мы и по сей день являемся свидетелями того, как денежные тузы всех стран, в чьих руках по-прежнему находятся печать и радио, кино, телефон, государственные чиновники, банки, средства транспорта, полиция и наемные агенты, обрушивают нескончаемый поток клеветы на обширные планы, задуманные Советским Союзом, который прошел уже стадию экспериментов и достиг серьезных результатов в области здравоохранения, социального обеспечения и развития почти двухсотмиллионного народа».

Эти строки были написаны 45 лет назад, но и сегодня они звучат так же злободневно. Подчиняющаяся военно-промышленным монополиям большая пресса США и других капиталистических государств не пишет правды о СССР, о его неустанной борьбе за мир, за сохранение жизни на земле, против угрозы новой войны.

В сентябре 1940 года в США было создано Американское общество борьбы за мир, и Драйзера избрали одним из его вице-президентов. Писатель не разделял пацифистских, изоляционистских тенденций, преобладавших в обществе; выступая на массовых митингах сторонников мира в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго, других городах США, он призывал слушателей отказаться от благодушия, готовиться к серьезным схваткам с силами фашизма и войны.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз потрясло Драйзера. Он сразу же выступил с призывом «помочь России», требовал от американского правительства быстрых и эффективных действий в этом направлении, полностью разделял точку зрения одного из лидеров американских коммунистов, У. Фостера, охарактеризовавшего гитлеровское вторжение в СССР как «нападение и на народ США». 14 июля 1941 года Драйзер направил Иностранной комиссии Союза советских писателей телеграмму, в которой подчеркивал: «Что же касается Америки, то я вместе с миллионами других американцев буду призывать наше правительство не только к самозащите путем оказания всемерной помощи России, но и к лучшему пониманию этой великой демократии, которая делает сейчас для своего многомиллионного прогрессивного



народа больше, чем Америка за все время своего существования когда-либо сделала для своего народа».

Драйзер, верный друг советского народа, с неослабевающим вниманием и тревогой следил за его героической борьбой против гитлеровских захватчиков, от всей души желая Стране Советов скорейшей победы, в которой сам он ни на минуту не сомневался. Еще за год до начала войны в журнале «Интернациональная литература» он писал: «Русский народ, освобожденный Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба. Он будет бороться, проникнутый духом Ленина. В исходе этой борьбы я не сомневаюсь. Ленин, его советское государство восторжествуют». В тяжелые для советского народа дни, в октябре 1941 года, когда фашистские полчища находились на подступах к Москве, Драйзер отмечал: «Ничто не имеет большего значения для либеральной и демократической Америки, чем успех России в борьбе против Гитлера. Дело русских является всегда и везде подлинным делом демократии, ибо Россия уже сделала для простого человека больше, чем какая-либо другая страна в истории»<sup>1</sup>.

Успехи Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны безмерно радовали Драйзера. В июле 1944 года в журнале «Совет Раша тудей» он писал: «Ныне... совершенно ясно, что русские на своей земле наголову разбили Германию и тем самым укрепили позиции других союзных держав,— их победа теперь обеспечена, и они знают это». Предвидя скорый и окончательный разгром фашизма, Драйзер далее отмечал, что за свои «социальные завоевания, за рожденное ими чувство уверенности в будущем, за надежду на лучшее русский народ и готов отдать не только все свои силы, но и самую жизнь, чтобы сохранить то, что столь мудро ему дано. Нет сомнения, что разгром Гитлера силами сплоченного русского народа является доказательством благотворности социальных преобразований, осуществленных в России».

Весной 1945 года Драйзер принял решение вступить в члены Коммунистической партии США. «Я всегда глубоко верил,— писал он в заявлении на имя У. Фостера,— что простые люди, и прежде всего рабочие,— как Соединенных Штатов, так и всего мира,— являются хранителями своей собственной судьбы и своего собственного будущего»<sup>2</sup>. Вступление крупнейшего американского писателя в ряды Коммунистической партии США летом 1945 года явилось тем логическим шагом, который как бы подводил итог многолетней борьбе

---

<sup>1</sup> «Правда», 13 октября 1941 г.

<sup>2</sup> Цит. по кн.: Swanberg W. A., "Dreiser", New York, 1965, p. 514.



Драйзера против засилья капиталистов, против фашизма, за мир и лучшее будущее для простых людей.

В мае 1945 года Драйзер закончил и передал издателям — по иронии судьбы это было издательство «Даблдей энд компани», которое почти за полстолетия до этого отказалось рекламировать и распространять «Сестру Керри», — свой новый роман «Оплот». Роман этот на первый взгляд находится как бы за пределами типично драйзеровских тем. В нем рассказывается история семьи квакеров Барнсов в нескольких поколениях. В романе нашла свое отражение вечная как мир проблема отношений отцов и детей. Но в то же время в романе показано влияние капиталистического общества на человека, и в этом смысле он сродни другим романам Драйзера.

В романе рассказывается о жизни трех поколений семьи квакеров Барнсов — Руфуса и Ханты, их сына Солона и его жены Бенишии и их пятерых детей. Драйзер начал работать над первоначальными вариантами романа еще в 1910 году. В качестве основных действующих лиц он избрал семейство квакеров, так как считал их религиозную секту типично американской.

Биографы писателя утверждают, что в образе Солона Барнса нашли отражение многие черты отца писателя, глубоко религиозного человека, неспособного противостоять натиску капиталистического общества. Религия не спасает Солона и его семью от разрушительного влияния буржуазной действительности, его дети встают на путь лжи, обмана и преступлений. Извечная религиозная мораль не может уберечь человека от тлетворного влияния капиталистической морали — таков основной урок семейной истории Барнсов.

«Оплот» имел немалый успех, но сам писатель об этом уже не узнал.

28 декабря 1945 года на 75-м году жизни Теодор Драйзер скончался. В Советском Союзе, большим другом которого всегда был Драйзер, с глубокой скорбью восприняли эту весть.

За 40 лет, прошедших со дня смерти Драйзера, в мире произошло немало перемен. Имена многих американских писателей — современников Драйзера давно забыты. А его книги продолжают жить, их читают и перечитывают во всем мире, о них спорят литературоведы и критики, они по праву принадлежат тем, кто борется за сохранение жизни на земле, против угрозы войны, за лучшее будущее для всего человечества.

Но не только как крупнейшего американского литератора XX века помнят и чтят Драйзера советские люди. В СССР никогда не забудут о неустанной общественной деятельности писателя, его борьбе за мир, против фашизма и войны, актив-



нейшей пропаганде достижений первого социалистического государства. Писатель многое сделал для того, чтобы народы СССР и США жили в мире и дружбе. Драйзер говорил корреспонденту газеты «Дейли уоркер» в феврале 1941 года: «Мы должны признать роль Советского Союза в мире и его мощь. Сейчас СССР — величайшая сила, выступающая за мир во всем мире. Вот почему мне хотелось бы, чтобы Соединенные Штаты сблизилась с Советским Союзом... С какой бы точки зрения ни посмотреть на наши две страны — с точки ли зрения их схожести, их нужд и потребностей, которые они вполне способны взаимно удовлетворить, или их соседства на севере,— я считаю, что для сохранения устойчивости в мире поддержание и укрепление тесных дружеских отношений между этими странами будет иметь огромное значение.

Я знаю, простые люди в Соединенных Штатах думают точно так же. Поэтому взаимное понимание и знание друг друга совершенно необходимы».

Эти слова звучат как политическое завещание выдающегося американского писателя и общественного деятеля, коммуниста Теодора Драйзера. Именно эта ясная и непреклонная общественная позиция наряду с талантливейшими произведениями Драйзера определяют его место в истории американской и мировой общественной мысли.

*С. Иванько*



# Сестра Керри









## ГЛАВА I

### ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА МАГНИТА. ВО ВЛАСТИ СТИХИЙ

Когда Каролина Мибер садилась в поезд, уходящий днем в Чикаго, все ее имущество заключалось в маленьком сундучке, дешевеньком чемодане из поддельной крокодиловой кожи, коробочке с завтраком и желтом кожаном кошельке, где лежали железнодорожный билет, клочок бумаги с адресом сестры, жившей на Ван-Бьюрен-стрит, и четыре доллара.

Это было в 1889 году. Каролине только что исполнилось восемнадцать лет. Девушка она была смышленная, но застенчивая, преисполненная иллюзий, свойственных неведению и молодости. Если, расставаясь с родными, она о чем-нибудь и жалела, то уж во всяком случае не о преимуществах той жизни, от которой она теперь отказывалась.

Слезы брызнули у нее из глаз, когда мать в последний раз поцеловала ее, в горле защекотало, когда поезд прогрохотал мимо мельницы, где поденно работал отец, глубокий вздох вырвался из груди, когда промелькнули знакомые зеленые окрестности города и навек были порваны узы, которые не слишком крепко привязывали ее к родному дому.

Конечно, она могла сойти на ближайшей станции и вернуться домой. Впереди лежал большой город, который связан со всей страной ежедневно прибывающими туда поездами. И не так уж далеко находится городок Колумбия-сити, чтобы нельзя было поехать в родные края даже из Чикаго. Что значит несколько сот миль или несколько часов?



Каролина взглянула на бумажку с адресом сестры и невольно задумалась. Она долго следила глазами за зеленым ландшафтом, быстро мелькавшим перед нею; потом первые дорожные впечатления отошли на задний план и их место заняли мысли, обгонявшие поезд, и смутные догадки о том, что представляет собою Чикаго.

Когда девушка восемнадцати лет покидает родной кров, то она либо попадает в хорошие руки и тогда становится лучше, либо быстро воспринимает столичные взгляды на вопросы морали и становится хуже. Середины здесь быть не может.

Большой город с помощью своих коварных ухищрений обольщает не хуже опытного соблазнителя, микроскопически малого по сравнению с ним, но куда более гуманного. В городе действуют могучие силы, которые обладают такими способами проникнуть в душу своей жертвы, какие доступны лишь человеку утонченной культуры. Мерцание тысячи огней действует не менее сильно, чем выразительный блеск влюбленных глаз. Моральному распаду бесхитростной, наивной души главным образом способствуют сверхчеловеческие силы. Море оглушающих звуков, бурное кипение жизни, гигантское скопление человеческих ульев — все это действует на ошеломленное чувство весьма сомнительным образом. Какими только лживыми уверениями не пленяют эти силы неискушенное ухо, если нет рядом советчика, который вовремя шепнул бы «берегись!». Их истинная суть пока что не раскрыта, а прелесть их, подобно музыке, вначале притупляет напряженность, потом ослабляет дух и, наконец, извращает элементарные человеческие понятия.

Каролина, или сестра Керри, как ее с оттенком ласковости называли в семье, обладала умом, в котором способность к наблюдениям и анализу находилась еще в самом зачатке. Она была поглощена собой, и этот эгоизм, хотя и не слишком выраженный, был тем не менее основной чертой ее характера. Она была воодушевлена пылкими мечтами юности, мила пресноватой миловидностью переходного возраста, сложение ее обещало в будущем приятную округлость форм, а глаза светились природной сметливостью, — словом, она была прекрасным образцом американки среднего класса, которую



лишь два поколения отделяло от прадедов-эмигрантов из Европы.

Чтение ничуть не увлекало Керри — мир знаний был для нее за семью замками. Она пока совсем еще не знала, что такое интуитивное кокетство. Она не умела игриво откидывать назад головку, часто не знала, куда девать руки, и хоть ножки у нее были маленькие, но ступала она тяжело. Однако ей хотелось пленять, она быстро усваивала, в чем заключаются радости жизни, и стремилась к материальным благам.

Сестра Керри была плохо вооруженным маленьким рыцарем, который отважно ринулся на огромный, загадочный город, чтобы попытаться счастья, лелея безумную мечту о неясной, далекой победе, когда этот город — добыча и раб завоевателя — будет лежать распростертый под женской туфелькой.

— Это, — проговорил над ее ухом чей-то голос, — один из красивейших маленьких курортов штата Висконсин.

— Вот как? — чуть нервно отозвалась Керри.

Поезд уже миновал станцию Вокиша. Керри еще раньше заметила, что позади сидит какой-то мужчина, и чувствовала, что он смотрит на ее пышные волосы. Он не мог спокойно сидеть на месте, и Керри инстинктивно догадывалась, что она вызывает в нем интерес. Девичья скромность и чувство приличия подсказывали ей, что нельзя допускать с его стороны ни малейшей фамильярности и следует держать его на расстоянии, но смелость и притягательная сила ее соседа, выработанные богатым опытом и прошлыми успехами, взяли верх, и Керри откликнулась.

Слегка наклонившись вперед, он положил локти на спинку ее сиденья и заговорил, желая показать себя приятным спутником:

— Да, прекрасный уголок, отличные отели. Здесь отдыхают чикагцы. Вы, по-видимому, не знакомы с этими местами?

— Нет, знакома, — ответила Керри. — Вернее, я живу в Колумбия-сити, а здесь мне еще не приходилось бывать.

— Итак, это ваша первая поездка в Чикаго, — заметил он.



Во время этого разговора Керри видела своего собеседника лишь краешком глаза. Яркие, румяные щеки, светлые усы, на голове серая фетровая шляпа. Теперь она повернулась и посмотрела ему прямо в лицо; кокетливость боролась в ней сейчас с инстинктом самозащиты.

— Я не говорила вам, что это моя первая поездка,— сказала Керри.

— О! — приятно улыбнулся он, как бы изумляясь своей ошибке. — Очевидно, я ослышался.

Это был типичный коммивояжер крупного торгового дома, принадлежавший к категории людей, которых на жаргоне того времени называли «барабанщиками». К нему вполне подходило также и более позднее название, широко распространившееся в Америке восьмидесятых годов и определявшее людей, одежда и манеры которых рассчитаны на то, чтобы вызывать восхищение впечатлительных молодых женщин. Таких называли «мастак».

Его коричневый шерстяной костюм в клетку был в то время еще новинкой,— потом он стал обычным костюмом делового человека. В глубоком вырезе жилета видна была накрахмаленная грудь сорочки в белую и розовую полоску. Из рукавов пиджака выглядывали полотняные манжеты в такую же полоску, застегнутые крупными позолоченными запонками с обыкновенными желтыми агатами, известными под названием «кошачий глаз». На пальцах блестело несколько колец (среди них, конечно, неизменный перстень с печаткой), из карманчика жилета свисала золотая цепочка от часов, на которой болтался жетон тайного ордена Лосей. Костюм сидел почти в обтяжку. Наряд дополняли ярко начищенные коричневые ботинки на толстой подошве и мягкая серая шляпа.

Человеку, стоящему на уровне развития Керри, незнакомец мог показаться интересным, и ей достаточно было одного беглого взгляда, чтобы заметить все, что говорило в его пользу.

На случай, если люди подобного типа переведутся на земле, я позволю себе обрисовать здесь те приемы и уловки, к которым они прибегали не без успеха. Хорошее платье являлось, разумеется, главным козырем коммивояжера, без него он — ничто. Затем он должен был обладать физически крепкой натурой, главная дви-



жушая сила которой — острое влечение к женщине. И разумом, которому чужды какие-либо размышления о проблемах и силах, управляющих миром; поступками же его руководили не алчность, а ненасытная любовь к разнообразным удовольствиям.

Его приемы обычно были очень просты. Прежде всего — смелость, основанная, конечно, на сильном чувственном желании и восхищении прекрасным полом.

При встрече с молодой женщиной он начинал ухаживать за нею с добродушной фамильярностью, не лишней, однако, оттенка мольбы, и в большинстве случаев его ухаживания принимались снисходительно.

Если женщина обнаруживала склонность к кокетству, он позволял себе поправить на ней бантик, а заметив, что «клянуло», тотчас начинал называть ее просто по имени.

Зайдя, к примеру, в универсальный магазин, коммивояжер непринужденно облокачивался на прилавок и задавал продавщице несколько наводящих вопросов. В более изысканных кругах, а также в поезде или в зале ожидания он вел себя осторожнее. Но как только на его горизонте появлялся податливый, по его мнению, объект, он становился воплощенным вниманием и любезностью, заводил речь о погоде, галантно открывал дверь вагона, помогал нести чемодан, если же это не удавалось, старался сесть рядом, надеясь до прибытия поезда к месту назначения найти возможность поухаживать. Положить под голову подушечку, предложить книгу, скамеечку под ноги, опустить штору, — он успевал подумать обо всем. И, доехав до места, он лишь в том случае не сходил вслед за спутницей, чтобы принять на себя заботу о ее багаже, если считал дело безнадежным.

Кому-нибудь из женщин следовало бы написать философский трактат об одежде. Как бы женщина ни была молода, она знает толк в платье. Оценивая мужской костюм, женщина проводит при этом некую едва заметную грань, которая позволяет ей делить мужчин на стоящих и не стоящих ее внимания. Индивидуум, опустившийся ниже этой грани, уже никогда не удостоится ее взгляда.

Есть и другая грань, которая заставляет женщину сравнивать одежду мужчины со своей. И к такому сравнению невольно побудил Керри ее сосед. Она внезапно



поняла, как они неравны. Ее простое синее платье с отделкой из черной бумажной тесьмы показалось ей жалким... Она вдруг увидела, как поношены ее ботинки.

— Позвольте,— продолжал ее спутник,— ведь я как будто многих знаю в вашем городке! Хотя бы Моргенрота — магазин готового платья, Гибсона — мануфактурный магазин...

— В самом деле? — перебила Керри и сразу взволновалась, вспомнив, сколько томительных минут она пережила, простаивая перед витринами этих магазинов.

А он почувствовал, что нашел, наконец, ключ к ее вниманию. Через несколько минут он уже подсел к ней и принялся рассказывать о заключенных им сделках по продаже готового платья, о своих странствованиях, о Чикаго и городских развлечениях.

— Вы получите массу удовольствий, раз вы едете в Чикаго. У вас там есть родные?

— Я еду навестить сестру,— ответила Керри.

— Вы непременно должны осмотреть Линкольн-парк и бульвар Мичиган,— сказал он.— Вот где строятся гигантские здания! Это в полном смысле слова второй Нью-Йорк. Изумительный город! Там есть на что посмотреть! Театры, огромные толпы народа, красивые дома. О, вам там очень понравится!

Стараясь представить себе все, что он описывал, Керри вдруг ощутила глухую тоску. Она казалась себе таким ничтожеством по сравнению со всем этим великолепием, и ей стало не по себе. Она прекрасно понимала, что ее ждут не одни удовольствия, однако было что-то обещающее во всем том, о чем ей рассказывал ее спутник. Ей было приятно внимание этого хорошо одетого человека.

Она не могла сдержать улыбки, когда он, заговорив об одной известной актрисе, сказал, что Керри напоминает ее. Девушка отнюдь не была глупа, и все же ей это польстило.

— Вы ведь побудете немного в Чикаго? — спросил он в ходе беседы, теперь уже совсем непринужденной.

— Право, не знаю,— уклончиво сказала Керри: у нее мелькнула мысль, что она может не найти там работы.

— Но уж несколько недель во всяком случае поживете? — спросил он, пристально глядя ей в глаза.



То, что между ними происходило, было гораздо значительнее произнесенных слов. Он угадал в этой девушке какую-то неуловимую прелесть, заменявшую ей броскую красоту. Керри поняла, что интересна для него лишь с вполне определенной точки зрения,— это обычно пугает женщину и вместе с тем тайно радует. Она держалась очень просто, хотя бы потому, что еще не успела научиться легкому жеманству, которое помогает женщинам скрывать свои истинные чувства. Кое в чем ее поведение могло показаться смелым. Будь у нее, например, умный и опытный друг, он объяснил бы ей, что не следует так упорно смотреть мужчине в глаза.

— Почему это вас интересует? — спросила она.

— Да просто потому, что я сам пробуду в Чикаго несколько недель. Мне нужно хорошенько ознакомиться с товарами нашей фирмы и запастись новыми образцами. Тем временем я бы показал вам город.

— Я не знаю, сможете ли вы... То есть, вернее, не знаю, смогу ли я. Ведь я буду жить у сестры, и...

— Ну что ж, если она будет против, мы как-нибудь это уладим.

Он достал из кармана маленькую записную книжку и карандаш, точно они уже обо всем договорились.

— Какой же ваш адрес?

Керри порылась в кошельке, где хранилась бумажка с адресом сестры.

Ее спутник засунул руку в задний карман брюк и достал толстенный бумажник с пачкой зеленых ассигнаций и уймой различных записочек и квитанций. Бумажник произвел на Керри большое впечатление: такого не было ни у кого из ее знакомых. Да и вообще никогда еще она не встречала столь опытного путешественника и столь светского щеголя. Бумажник, блестящие коричневые ботинки, изящный, с иголки, костюм, уверенность в каждом жесте и каждом слове — все это рисовало ее воображению мир несметных богатств, окружавших этого человека. И потому она готова была отнестись благосклонно ко всему, что бы он ни предложил.

Он вынул из бумажника красивую визитную карточку своей фирмы с литографированной надписью: «Бартлет, Карио и К<sup>о</sup>»; внизу, в левом уголке, было добавлено: «Чарльз Друэ».



— Вот это я,— сказал он, подавая карточку Керри и указывая на фамилию внизу.— Произносится «Друэ», по отцу я француз.

Пока Друэ прятал бумажник, Керри рассматривала карточку. Затем он достал из внутреннего кармана пиджака пачку писем, взял одно из них и, указывая ей на красовавшийся сбоку рисунок, сказал:

— Это дом, где помещается наша фирма. На углу Стэйт- и Лейк-стрит.

Он произнес это с гордостью. Служба в такой фирме что-нибудь да значит, и ему хотелось, чтобы девушка это почувствовала.

— Итак, ваш адрес? — снова спросил он и приготовился записывать.

— Керри Мибер,— медленно сказала она.— Ван-Бьюрен-стрит на Западной стороне, дом триста пятьдесят четыре, квартира Гансона.

Друэ аккуратно записал адрес, снова вынул бумажник и спрятал туда записную книжку.

— Если я загляну к вам в понедельник вечером, я вас застану дома? — спросил он.

— Думаю, что застанете,— ответила Керри.

Как это верно, что слова — лишь бледные тени того множества мыслей и ощущений, что стоит за ними! Слова — это крохотные слышимые звенья, связующие большие неслышимые чувства и стремления.

Здесь, в вагоне, эти двое перекидывались незначительными фразами, доставали кошелек или бумажник, разглядывали визитную карточку, и каждый не признавал, как невнятны его истинные чувства для другого. Ни у него, ни у нее не хватало проницательности, чтобы угадать, что сейчас на уме у собеседника. Он еще не был уверен, удалось ли ему завлечь девушку. Она не понимала, что поддается ему, пока он не заручился ее адресом. И только тогда она почувствовала, что в чем-то ему уступила, а он убедился, что одержал победу. И уже оба поняли, что как-то связаны. И уже он овладел разговором, направляя его так, как ему хотелось. Он болтал с полной непринужденностью. А она стала держаться гораздо свободнее.

Они приближались к Чикаго. Замелькали сигнальные огни. Мимо пролетали встречные поезда. Из бес-



предельных просторов ровных и голых прерий к большому городу шагали по полям шеренги телеграфных столбов. Вдали уже вставали очертания предместий, высоко к небу вздымались фабричные трубы.

Часто стали попадаться двухэтажные деревянные строения, одиноко стоящие в открытом поле, не защищенные ни оградой, ни деревьями, словно дозорные надвигающейся армии домов.

Ребенку, человеку, одаренному воображением, и тому, кто никогда не путешествовал, момент приближения к большому городу всегда сулит чудеса. Особенно, если это происходит вечером, в тот таинственный час борьбы света с мраком, когда весь живой мир переходит из одного состояния в другое. О, эти обещания надвигающейся ночи! Как много говорит ночь усталому человеку! Сколько былых иллюзий и надежд возрождает она! Душа утомленного труженика говорит: «Скоро я буду свободна! Я примкну к сонмам веселящихся и буду веселиться вместе с ними. Улицы, фонари, ярко освещенные комнаты, где накрыты обеденные столы,— все это для меня! Театры, залы, собрания, пути, что ведут к отдыху, и тропинки, что ведут к веселым песням,— все это с наступлением ночи мое!» Хотя весь род людской еще работает в конторах и на заводах,— трепет предвкушения уже наполняет воздух. Самые апатичные люди и те испытывают чувство, которое не всегда можно описать или выразить словами,— точно с плеч вдруг свалилось тяжелое бремя.

Сестра Керри глядела в окно. Любопытство девушки, словно прилипчивая болезнь, передалось ее спутнику, и он сам по-новому стал смотреть на большой город, рассказывая ей о его чудесах.

— Это северо-западная часть Чикаго,— сказал Друэ.— А вот река Чикаго,— добавил он, указывая на мутную реку, где, упираясь носами в усаженные черными столбиками гранитные берега, теснились трехмачтовые гиганты, пришельцы из далеких вод.

Свист вырывающегося пара, стук, лязг — и река осталась позади.

— Чикаго становится великим городом,— продолжал Друэ,— удивительным городом! Вы найдете там много такого, на что стоит посмотреть.



Керри почти не слушала его. Ее вдруг охватил невольный страх при мысли, что она совсем одна, вдали от родного дома, и ее несет прямо в огромное море жизни и дерзаний. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха,— сильное сердцебиение вызывало легкую тошноту. Она прикрыла глаза и стала убеждать себя, что все это пустяки, что Колумбия-сити не так уж далеко от Чикаго.

— Чикаго! Чикаго! — прокричал проводник, шумно открывая дверь.

Поезд врезался в густую сеть рельсов; грохот и гул наполнили воздух. Керри схватила в одну руку свой жалкий чемоданчик, а в другой крепко зажала кошелек.

Друэ тоже встал. Привычным движением ног расправив брюки, он взял свой чистенький желтый чемодан.

— Вероятно, ваши родные встретят вас? — спросил он. — Разрешите мне донести ваш чемодан.

— О нет, не надо! — быстро ответила Керри. — Пожалуйста, не надо! И прошу вас, не стойте рядом, когда подойдет моя сестра.

— Хорошо,—нисколько не обижаясь, отозвался он. — Но на всякий случай я буду поблизости, и если вашей сестры на вокзале не окажется, я вас доставлю к ней.

— Вы очень добры,—поблагодарила его Керри, чувствуя, как в столь непривычной для нее обстановке ценно подобное внимание.

— Чикаго! — снова протяжно прокричал проводник.

Медленно продвигаясь вперед, поезд вошел под огромный сумрачный свод вокзала, где только что начали зажигаться огни. Все пассажиры были уже на ногах и толпились у выхода.

— Ну, вот мы и приехали,—сказал Друэ, направляясь к двери. — До свиданья, до понедельника.

— До свиданья! — ответила Керри и пожала его протянутую руку.

— Помните, я не выпущу вас из виду, пока вы не найдете сестру!

Она улыбнулась, глядя ему в глаза.

Пассажиры один за другим стали покидать вагон. Друэ сделал вид, будто не обращает на Керри внима-



ния. На перроне какая-то невзрачная женщина с изможденным лицом узнала Керри и поспешила к ней навстречу.

— А, здравствуй, Керри! — сказала она и небрежно обняла сестру.

Керри почувствовала, как мгновенно исчезла атмосфера ласкового внимания. Среди суматохи, шума и новизны она ощутила холодное прикосновение действительности. Какой уж там мир яркого света и веселья! Какой уж там вихрь развлечений и удовольствий! На лице сестры была написана вся история ее тяжелой жизни, полной забот и труда.

— Ну, как поживают все наши? — спросила она. — Как отец, как мама?

Керри отвечала на вопросы, но глаза ее были устремлены вдаль. В конце перрона, у прохода, который вел в зал ожидания и на улицу, стоял Друз. Он тоже оглянулся. Убедившись, что она видит его и что она находится под охраной сестры, он слегка улыбнулся ей и двинулся дальше. Одна только Керри заметила это. И тут при виде его удаляющейся фигуры ее охватило такое чувство, словно она чего-то лишилась. Когда же он совсем скрылся из виду, она поняла, что ей недостает его. Она чувствовала себя куда более одинокой в обществе сестры, — теперь она одна, совсем одна среди бурного, равнодушного моря.

## ГЛАВА II

### ЧЕМ ГРОЗИТ НИЩЕТА. ГРАНИТ И ДЕНЬГИ

Квартирка Минни была расположена в третьем этаже дома на Ван-Бьюрен-стрит, где ютятся семьи рабочих и конторских служащих, людей, прибывших и продолжавших прибывать в Чикаго с тем потоком, который ежегодно увеличивал население города на пятьдесят тысяч человек. Две комнаты выходили окнами на улицу, где по вечерам ярко горели витрины гастрономических магазинов и на тротуаре играли дети. Девушке было внове и понравилось треньканье звонков конки, то при-



ближавшееся, то замиравшее вдаль. Когда Минни привела сестру в отведенную ей комнатку, Керри подошла к окну и стала смотреть на освещенную улицу, дивясь звукам, движению и рокоту необъятного города, простиравшегося на многие мили во всех направлениях.

Дома, после первых же приветствий, миссис Гансон дала Керри нянчить ребенка, а сама принялась готовить ужин. Мистер Гансон, задав Керри несколько вопросов, углубился в чтение вечерней газеты. Это был молчаливый человек, швед по отцу, родившийся в Америке; сейчас он работал на бойне уборщиком вагонов-ледников. К приезду свояченицы он отнесся равнодушно. Внешность девушки не произвела на него особого впечатления. Его интересовало лишь одно — найдет ли Керри работу в Чикаго.

— Город велик,— заметил он.— Через несколько дней ты где-нибудь пристроишься. Рано или поздно все устраиваются.

Еще до ее приезда в семье Гансонов молчаливо подразумевалось, что Керри поступит на работу и будет платить за свое содержание. Гансон был по натуре человеком высокопорядочным и бережливым; уже несколько месяцев подряд он выплачивал взносы за два участка земли, купленные далеко, в западной части города. Он мечтал когда-нибудь построить на этой земле дом.

Пока шли приготовления к ужину, Керри успела осмотреть квартиру сестры. Девушка не лишена была наблюдательности и вдобавок обладала ценным даром, присущим каждой женщине,— интуицией.

Она угадывала, что здесь живут скудной, однообразной жизнью. Стены были оклеены безвкусными обоями. Полы устланы дешевыми дорожками, а в гостиной лежал тонкий лоскутный коврик. И сразу бросалось в глаза, что мебель грубая, кое-как сколоченная, купленная, очевидно, в рассрочку.

С ребенком на руках Керри прошла на кухню к Минни и посидела там, пока он не разревелся. Тогда она встала и, что-то напевая, принялась ходить с ним по комнате. Наконец Гансон, которому ее пение мешало читать, пришел и взял у нее малютку. В этом сказалась хорошая черта его характера: он был терпелив. К тому же сразу видно было, что он обожает свое чадо.



— Ну, ну! — говорил он, шагая с ребенком по комнате. — Полно, тише! — И в его произношении ясно слышался шведский акцент.

— Ты, наверное, захочешь прежде всего посмотреть город, — сказала во время ужина Минни. — Вот мы в воскресенье поедem и покажем тебе Линкольн-парк.

Керри заметила, что Гансон ничего на это не ответил. Его мысли, по-видимому, были заняты чем-то другим.

— Я завтра же пойду искать работу, — сказала Керри. — Где находится торговая часть города?

Минни принялась было растолковывать, как туда попасть, но муж решил объяснения взять на себя.

— Вот, — начал он, указывая рукою, — видите, там восток...

И Гансон произнес речь на тему о расположении Чикаго — такую пространную, какой, наверно, еще ни разу в жизни не произносил.

— Мой совет — побывать на больших фабриках, что на Франклин-стрит и по ту сторону реки, — сказал он в заключение. — Там много девушек работает. И домой добираться легко. Это неподалеку.

Керри кивнула в знак согласия и стала расспрашивать сестру о районе, где они живут. Минни отвечала вполголоса, сообщая то немного, что знала сама. Гансон все еще возился с ребенком, потом вдруг встал и передал его жене.

— Мне завтра рано вставать, я пойду лягу, — сказал он и скрылся в маленькой темной спальне, по другую сторону коридора.

— Он работает далеко, на бойне, и ему приходится вставать в половине шестого, — пояснила Минни.

— Когда же ты встаешь, чтобы успеть приготовить завтрак? — спросила Керри.

— Примерно без двадцати пять.

Домашнюю работу они закончили вместе. Керри вымыла посуду, а Минни тем временем раздела и уложила ребенка. Во всем, что она ни делала, чувствовалась привычная сноровка, и Керри подумала, что вот так сестра трудится с утра до вечера каждый день.

Керри начала понимать, что ей придется отказаться от всякого общения с Друэ. О том, чтобы он приходил сюда, не могло быть и речи. По поведению Гансона, по



покорному виду Минни и вообще по атмосфере в квартире сестры она чувствовала, что все, выходящее за рамки монотонной жизни труженика, встретит решительный отпор. Если Гансон каждый вечер сидит с газетой в гостиной и ложится спать в девять часов, а Минни чуть позднее, то что же остается делать ей?

Разумеется, сперва нужно найти работу, чтобы самой содержать себя, а потом уже думать о знакомствах. Безобидный флирт с Друз казался ей теперь чем-то из ряда вон выходящим.

«Нет, он не может приходить сюда», — мысленно решила Керри.

Она попросила у сестры бумаги и чернил (и то и другое оказалось в столовой на камине) и, когда та ушла к себе спать, достала визитную карточку Друз с его адресом и написала:

«Я не могу принять Вас здесь. Подождите, пока я снова не дам о себе знать. У моей сестры слишком уж крохотная квартирка».

Керри задумалась, что бы еще приписать. Ей хотелось как-нибудь упомянуть об их совместном пребывании в поезде, но застенчивость удерживала ее. Она ограничилась лишь неловкой благодарностью Друз за внимание, а потом снова стала ломать голову над тем, как же ей подписаться. Наконец она решила закончить письмо обычным «с почтением», но в последний миг передумала и заменила на «искренне преданная Вам».

Керри запечатала конверт, надписала адрес, прошла в комнатку, где в нише стояла ее кровать, и, придвинув маленькую качалку к открытому окну, присела, в немом восторге вглядываясь в вечерние улицы. Наконец, устав от дум, вялая и сонная, она разделась, аккуратно сложила одежду и легла в постель.

Когда Керри утром проснулась, было уже восемь часов и Гансон давно ушел на работу. Сестра сидела в столовой, которая служила и гостиной, и шила. Керри оделась, сама приготовила себе завтрак, потом посоветовалась с Минни, куда идти искать работу. Как сильно изменилась Минни с тех пор, как Керри видела ее в последний раз! Теперь это была худая, хотя и крепкая женщина двадцати семи лет. Ее представления о жизни всецело отражали взгляды мужа, а ее косные понятия



о развлечениях и о долге свидетельствовали о кругозоре еще более узком, чем в юности.

Минни пригласила к себе сестру вовсе не потому, что тосковала по ней,— просто та была недовольна своей жизнью у родителей, а здесь она, наверное, сумеет найти работу и сможет платить ей за комнату и стол. Минни, пожалуй, была и рада видеть Керри, но относительно работы полностью придерживалась взглядов мужа. Всякая работа хороша, если за нее будут платить,— для начала хотя бы пять долларов в неделю. Фабрика — вот удел, самой судьбою предназначенный для начинающей. Она найдет работу в одной из огромных чикагских мастерских и будет довольствоваться этим, пока... пока что-нибудь не произойдет. Что именно может произойти, этого, конечно, ни одна из них не знала. Они не рассчитывали на повышение. Они не связывали каких-либо надежд с мыслью о браке. Просто жизнь будет идти своим чередом — неясно, впрочем, как именно, — пока поворот к лучшему не вознаградит Керри за то, что она приехала трудиться в этом городе.

Вот при каких благоприятствующих обстоятельствах Керри вышла в это утро на поиски работы.

Прежде чем последовать за нею, давайте ознакомимся с той обстановкой, в которой будет протекать в дальнейшем ее жизнь.

В 1889 году Чикаго отличался всеми особенностями быстро растущего города, в котором отважные паломники, в том числе и молодые девушки, вполне могли рассчитывать на удачу. Он завоевал громкую славу своими многочисленными и неуклонно развивающимися коммерческими предприятиями, открывавшими перед людьми широкие возможности. Он стал магнитом, притягивавшим к себе со всех концов страны и тех, кто был полон надежд, и тех, кто успел потерять их; тех, кому еще предстояло сделать карьеру, и тех, кто уже потерпел крушение где-нибудь в другом месте.

Это был большой город с населением свыше полу-миллиона, но его честолюбия, дерзновения и кипучей деятельности хватило бы на столицу с миллионом жителей. Уже теперь его улицы и дома были разбросаны на площади в семьдесят пять квадратных миль. Его население было занято не столько давно известными отраслями производства, сколько деятельностью, подготов-



лявшей приток новых людских масс. Повсюду раздавался стук молотков на лесах воздвигаемых зданий. То и дело возникали огромные новые заводы. Мощные железнодорожные концерны, давно уже предугадавшие большую будущность города, захватили обширные участки земли для организации в нем транспорта и погрузотоварных станций. Трамвайные линии уходили далеко в открытую прерию,— это было сделано в расчете на быстрый рост предместий. Городское самоуправление вымостило камнем многие мили дорог и проложило канализационные трубы в таких местах, где пока что стоял всего один какой-нибудь дом — форпост будущих людных кварталов.

Нередко можно было видеть открытые дождям и бурям пустыри, которые, однако, всю ночь освещались длинными мигающими рядами газовых фонарей, которые раскачивались на ветру. Узкие деревянные мостки тянулись, минуя здесь дом, там лавку, и кончались далеко в открытом поле.

Центр города был районом огромного скопления торговых контор и фабрик. Сюда обычно и направлялся прежде всего неопытный искатель заработка. Особенностью тогдашнего Чикаго (свойственной далеко не всем большим городам) было то, что все сколько-нибудь заметные фирмы занимали отдельные здания. Обилие свободной земли вполне позволяло это, и потому большинство оптовых фирм, чьи конторы, доступные взорам улицы, помещались в первом этаже, выглядели весьма внушительно. Огромные зеркальные окна, ставшие сейчас обычным явлением, тогда только входили в моду и придавали конторам, расположенным в нижних этажах, изысканный и богатый вид. Прохожий мог видеть за этими окнами ряды перегородок из полированного дерева и матового стекла, множество служащих, углубленных в свою работу, и степенных дельцов в «шикарных» костюмах и белоснежных рубашках, расхаживающих по залам или же сидящих группами. Ярко начищенные бронзовые или никелированные дощечки у подъездов, отделанных квадратными глыбами тесаного камня, сжато и понятно возвещали название предприятия и характер его деятельности. Шагая по центру города, казалось, что находишься в столице,— такой внушительный у него был вид, рассчитанный на то, чтобы ошеломить



простого смертного, вселить в него благоговейный страх и показать всю ширину и глубину пропасти, лежащей между бедностью и преуспеянием.

В этот солидный торговый район и отправилась робкая Керри. Она шла по Ван-Бьюрен-стрит, в восточном направлении, проходя кварталы, которые с каждым шагом теряли в своем величии, постепенно сменяясь бесконечными рядами амбаров и угольных складов, обрывавшихся у реки.

Керри храбро шла вперед, подгоняемая искренним желанием поскорее найти работу, но почти на каждом шагу задерживалась, любуясь развертывавшейся перед ней панорамой и чувствуя свою беспомощность среди столь явных признаков загадочного для нее могущества и силы. Что это за огромные здания? Эти диковинные предприятия — чем там занимаются, что на них производят? Она могла понять, для чего существует маленькая мастерская каменотеса в Колумбия-сити, обрабатывающего небольшие куски мрамора по заказу своих клиентов, но необозримые дворы крупной фирмы по поставке декоративного строительного камня, с множеством рельсов, по которым катились грузовые платформы, с доками со стороны реки и высокими громыхающими подъемными кранами над головой, — все это показалось ей непостижимым, ибо не вмещалось в ее узком мире.

С тем же чувством она смотрела и на бесконечные железнодорожные депо, и сгрудившиеся на реке суда, и огромные фабрики, раскинувшиеся на другом берегу. Через открытые окна она могла разглядеть деловито снующие фигуры мужчин и женщин в фартуках. Длинные улицы были для нее двумя рядами тайн, отгороженных стенами, а обширные конторы — загадочными лабиринтами, где сидят недоступно важные господа. Ей казалось, что люди, имеющие отношение к этим конторам, только и делают, что считают деньги, прекрасно одеваются и разъезжают в экипажах. Чем они торгуют, над чем трудятся, ради какой цели, — об этом она имела самое смутное представление. Все было для нее так диковинно, необъятно, недоступно! Керри пала духом, и сердце ее сжалось при мысли, что ей придется войти в одно из этих великолепных зданий и попросить какой-нибудь работы, что-нибудь такое, что она сумела бы делать, — все равно что.



### ГЛАВА III

## МЫ ИСПЫТЫВАЕМ СУДЬБУ. ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ДОЛЛАРА В НЕДЕЛЮ

За рекою, попав в район оптовых фирм, Керри стала осматриваться, решая, в какую бы дверь войти. Разглядывая большие окна и внушительные вывески, она заметила, что на нее обращают внимание, и поняла, почему: все догадывались, что она ищет работы! Никогда еще ей не случалось заниматься этим, и мужество покинуло ее окончательно. Чтобы подавить безотчетный стыд от сознания, что все видят, как она бродит в поисках места, Керри зашагала быстрее и постаралась придать своему лицу равнодушное выражение, присущее, как ей казалось, людям, которые спешат по делу. Так она прошла мимо многих фабрик и торговых фирм, не заглянув ни в одну. Наконец, миновав несколько кварталов, она поняла, что таким способом ничего не найдет, и, не замедляя шага, снова стала приглядываться к дверям. Вскоре огромная дверь почему-то привлекла ее внимание. На ней красовалась медная дощечка; видимо, это был вход в громадный шести- или семиэтажный улей. «Возможно, здесь требуются работницы», — подумала Керри. Она перешла улицу и направилась к дверям. Приближаясь к желанной цели, она увидела в окне молодого человека в сером клетчатом костюме. Разумеется, она не знала, имеет ли этот человек какое-либо отношение к данному предприятию, но, так как он случайно бросил взгляд в ее сторону, Керри не выдержала и, застыдившись, поспешно прошла мимо.

На противоположной стороне улицы высилось шестиэтажное здание с вывеской «Сторм и Кинг». При виде его у Керри зародилась надежда. Это была фирма оптовой продажи мануфактуры, где работали также и женщины. Их фигуры мелькали в окнах верхних этажей. Керри решила во что бы то ни стало войти. Она пересекла улицу и направилась прямо к подъезду. Но как раз в эту минуту оттуда вышли двое мужчин и остановились в дверях. Рассыльный телеграфной конторы в синей форме проскользнул мимо Керри, избежал по ступенькам и скрылся внутри. Несколько человек из наводившей тротуары суетливой толпы обошли девушку.



Она стояла, беспомощно оглядываясь, потом вдруг заметила, что за ней наблюдают, и постыдно отступила. Задача оказалась слишком трудной. Она не сумела пересилить себя и пройти мимо стоявших у подъезда людей.

Это тяжелое поражение расстроило Керри. Ноги машинально несли ее вперед, и каждый шаг был частью отступления, на которое она решилась почти с радостью. Квартал за кварталом оставался позади. На фонарях у перекрестков она читала названия улиц: Медисон, Монро, Ла-Саль, Кларк, Дирборн, Стэйт, и все шла вперед, и ноги ее уже начали уставать от ходьбы по крупным каменным плитам тротуара. Все же ей было приятно, что город такой яркий и чистый. Утреннее солнце с каждым часом припекало все жарче, но теневая сторона улиц дышала приятной прохладой. Девушка посмотрела на голубое небо над головой и как-то особенно глубоко осознала его прелесть.

Керри начала приходить в отчаяние от своей трусости. Повернув назад, она решила снова разыскать фирму «Сторм и Кинг» и зайти туда. На пути ей попалась большая фирма оптовой продажи обуви, и через широкие зеркальные окна Керри увидела кабинет управляющего, скрытый от взоров остальных служащих матовым стеклом; перед этой перегородкой, у самого входа с улицы, сидел за столиком седовласый джентльмен, а перед ним лежала толстая раскрытая книга. Керри в нерешительности прошла несколько раз мимо подъезда и, наконец, убедившись в том, что никто не обращает на нее внимания, шмыгнула в дверь и робко остановилась у столика.

— Что скажете, барышня? — спросил старый джентльмен и довольно приветливо посмотрел на нее.

— Я... то есть вы... я хочу сказать, нет ли у вас работы? — запинаясь, произнесла она.

— Сейчас — нет, — с улыбкой ответил тот. — Сейчас — нет. Заходите на будущей неделе. Иногда нам бывают нужны люди.

Керри молча выслушала ответ и, неуклюже пятясь, вышла. Ласковый прием несколько удивил ее. Она рассчитывала, что будет гораздо хуже, что она услышит что-нибудь грубое, холодное, — мало ли что могло быть! Уже одно то, что ее не оскорбили, что ей не дали по-



чувствовать унижительность ее положения, казалось удивительным.

Несколько воспрянув духом, Керри осмелилась войти в другое огромное здание. Здесь помещалась фирма готового платья. Тут было, по-видимому, еще больше народу; хорошо одетые мужчины лет сорока и старше беседовали о чем-то за медным барьером.

К ней тотчас подошел мальчик-рассыльный.

— Кого вам угодно? — спросил он.

— Я хотела бы видеть управляющего, — сказала она.

Мальчик побежал и передал ее просьбу одному из трех джентльменов, беседовавших неподалеку от нее. Тот направился к девушке.

— Да? — холодно произнес он.

Его тон сразу убил в Керри всю решимость.

— Не нужна ли вам работница? — пробормотала она.

— Нет! — отрезал он и резко отвернулся.

Керри, совершенно растерянная, направилась к выходу, мальчик вежливо распахнул перед нею двери, а она стремилась поскорее слиться с толпою на улице. Ее еще недавно бодрому настроению был нанесен тяжелый удар.

Некоторое время она бродила без всякой цели, сворачивая то в одну улицу, то в другую, проходя мимо многих роскошных торговых контор, но не находя в себе мужества повторить свое предложение.

Настал полдень, а с ним пришел и голод. Выбрав скромный ресторан, Керри вошла, но с испугом убедилась, что цены ей не по карману. Она могла позволить себе лишь тарелку супу. Быстро справившись с ним, она снова вышла на улицу. Все же это несколько подкрепило ее и придало ей смелости продолжать поиски.

Пройдя несколько кварталов и не зная, на чем остановить свой выбор, Керри вновь набрела на фирму «Стром и Кинг» и на этот раз заставила себя войти. Несколько джентльменов о чем-то совещались в двух-трех шагах от нее, но никто из них не обратил внимания на Керри. Она остановилась, нервничая и глядя в пол. Когда она уже совсем было отчаялась, ее окликнул служащий, сидевший у одного из многочисленных столов за барьером.



— Кого вам угодно? — спросил он.

— Мне все равно кого, — ответила Керри. — Кого-нибудь. Я ищу работу.

— Стало быть, вам нужно мистера Мак-Мануса, — ответил служащий. — Присядьте! — добавил он, указывая на стул у стены, и снова принялся неторопливо писать. Наконец, с улицы вошел коротенький толстый человечек.

— Мистер Мак-Манус! — окликнул его писавший. — Эта молодая особа хочет вас видеть.

Низенький джентльмен повернулся в сторону Керри. Она встала и подошла к нему.

— Чем могу быть вам полезен, мисс? — спросил он, разглядывая ее с нескрываемым любопытством.

— Не найдется ли у вас какой-нибудь работы?

— Какой именно?

— О, какой угодно! — пролепетала она.

— У вас есть какой-нибудь опыт в оптовой торговле мануфактурой?

— Нет, сэр.

— Но вы, может быть, стенографистка или переписчица?

— Нет, сэр.

— В таком случае у нас ничего для вас нет, — сказал он. — Мы нанимаем только квалифицированных служащих.

Керри начала отступать к двери, но жалобное выражение ее лица подействовало на мистера Мак-Мануса.

— Вы вообще когда-нибудь служили? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Тогда вы едва ли найдете место в таких оптовых фирмах, как наша. Вы не пробовали обратиться в универсальный магазин?

Керри призналась, что не пробовала.

— На вашем месте я раньше всего попытал бы счастья в универсальных магазинах. Там часто требуются такие барышни, как вы, — добавил он, дружелюбно глядя на нее.

— Благодарю вас! — ответила Керри, сразу ожившая от проблеска дружеского участия.

— Да, вы непременно попытайте счастья в универсальных магазинах, — повторил он, когда Керри уже направлялась к выходу, и пошел дальше.



В то время универсальные магазины только недавно стали пользоваться успехом, и было их еще немного. Первые три в Соединенных Штатах открылись в Чикаго приблизительно в 1884 году. Из объявлений в газете «Дейли-ньюс» Керри запомнила названия нескольких магазинов и теперь пустилась их разыскивать. Слова мистера Мак-Мануса вновь придали ей бодрости, которая совсем было исчезла: девушка прониклась надеждой, что в этом новом деле найдется кое-что и для нее.

Довольно долго она бродила наугад, надеясь случайно очутиться у одного из таких зданий. Как легко удовлетворяется человек, идущий по трудному, но необходимому делу, одной видимостью поисков! Наконец она решила обратиться к полисмену, и тот сказал ей, что надо пройти еще два квартала, там и будет «Базар».

Описание этих громадных комбинатов розничной торговли, если они когда-нибудь сойдут со сцены, составит интересную главу в истории экономического развития нашей страны. До сих пор никогда и нигде в мире не наблюдалось такого расцвета этого скромного вида торговли. Подобные комбинаты были созданы с расчетом наиболее эффективно использовать розничную продажу; каждый из них состоял из сотен магазинов, объединенных в одно целое, исходя из самых существенных соображений экономии. И они процветали, эти красивые, шумные магазины, с целой армией продавцов, которыми правил сонм начальников.

Керри медленно шла по заполненным покупателями проходам, пораженная необыкновенной выставкой безделушек, драгоценностей, одежды, письменных принадлежностей. Каждый новый прилавок открывал перед нею ослепительное и заманчивое зрелище. Как ни трудно ей было устоять против манящей силы каждой безделушки и каждой драгоценности, все же она не позволила себе задержаться нигде. Все здесь было нужно ей, все ей хотелось иметь. Очаровательные туфельки, чулки, изящные плиссированные юбки, кружева, ленты, гребенки, кошелечки — каждый предмет внушал желание обладать им, и Керри с особой остротой сознавала, что ни один из них ей не по средствам. Она ищет кусок хлеба, она отверженная, без работы, и каждый продавец с первого взгляда может угадать в ней нищую, нуждающуюся в зарботке.



Впрочем, не следует считать Керри нервной, чересчур впечатлительной девушкой, неожиданно выброшенной в холодный, расчетливый, лишенный поэзии мир. Нет, она безусловно не была такой. Но женщины всегда особо чувствительны к вещам, которые могут их украсить.

Керри испытывала неодолимое влечение ко всем новым и красивым предметам дамского туалета и со щемлящим сердцем наблюдала за нарядно одетыми дамами, которые задевали ее, протискиваясь вперед, и, не обращая на нее ни малейшего внимания, пожирали глазами все, что видели на прилавках. Керри была еще незнакома с внешним обликом своих более счастливых сестер — обитательниц большого города. Не имела она до сих пор представления и о продавщицах большого магазина, по сравнению с которыми она показалась себе очень жалкой. По большей части это были хорошенькие, даже красивые девушки, вид у всех был независимый и равнодушный, что придавало наиболее интересным из них особую пикантность. Одеты они были мило, даже нарядно, и, встречаясь с ними взглядом, Керри тотчас же убеждалась, что они сурово осуждают ее за недостатки туалета и тот особый отпечаток, который, по ощущению Керри, явно доказывал, что она собою ничего не представляет. Пламя зависти вспыхнуло в душе Керри. Она начала смутно понимать, как много заманчивого таит в себе большой город: богатство, изящество, комфорт — все, что может украсить женщину. И ее мучительно потянуло к нарядным платьям и к красивым вещам.

Контора универсального магазина находилась во втором этаже. Керри порасспросила, где это, и ей показали, как туда пройти. Там уже ждали несколько девушек, которые, как и она, искали работу. Но, как истые жительницы большого города, они держались более независимо и самоуверенно. Девушки не замедлили подвергнуть Керри мучительному осмотру с ног до головы. Примерно минут через сорок пять она дождалась своей очереди.

— Ну,— сказал подвижной молодой еврей с резкими манерами, сидевший у окна за шведским письменным столом.— Вы уже служили в магазинах?

— Нет, сэр,— призналась Керри.

— Значит, не служили! — вслух отметил он, окидывая ее пронизательным взглядом.



— Нет, сэр,— повторила Керри.

— Гм! Видите ли, мы предпочитаем продавщиц с некоторым опытом. Думаю, что вы нам не подойдете.

Керри еще постояла с минуту, не зная, считать ли разговор оконченным.

— Вы напрасно ждете! — услышала она. — Не забывайте, мы здесь очень заняты.

Керри быстро направилась к двери.

— Стойте-ка! — окликнул ее молодой человек. — Оставьте нам ваше имя и адрес. Иногда нам бывают нужны девушки.

Когда Керри выбралась, наконец, на улицу, к глазам ее подступили слезы — не столько из-за этого холодного приема, сколько из-за всех удручающих впечатлений дня. Она очень устала и переволновалась. Отказавшись от мысли обратиться в другие магазины, она пошла бродить по улицам, чувствуя себя как-то спокойнее и безопаснее среди толпы.

Бесцельно скитаясь по городу, Керри свернула на Джексон-стрит, неподалеку от реки, и медленно пошла по южной стороне этой оживленной улицы. Внезапно в глаза ей бросился клочок оберточной бумаги, приколотый к двери, с надписью, сделанной чернилами: «Требуется упаковщицы и строчильщицы».

Керри постояла в нерешительности и вошла.

Фирма «Шпайгельхайм и К<sup>о</sup>», фабрика детских шляп, занимала один этаж в доме. Помещение, шириною в пятьдесят футов и длиною около восьмидесяти, было мрачное, загроможденное машинами и рабочими столами; лишь в самых темных углах горели электрические лампочки. Тут работало много женщин и несколько мужчин. Девушки, все в пыли, с масляными пятнами на лице, были в тонких бесформенных бумажных платьях, большинство — в стоптанных ботинках. Многие засучили рукава, обнажив худые руки, другие из-за духоты расстегнули верхние пуговицы платья. Это были типичные работницы из низкооплачиваемых слоев — неряшливые, сутулые, почти все бледные от пребывания в спертom воздухе. Однако застенчивостью они вовсе не отличались — они были неудержимо любопытны, дерзки на язык и сыпали жаргонными словечками.

Керри осматривалась в полном смятении, твердо зная одно: здесь работать она не хочет. Если не считать



смущавших ее косых взглядов, никто не обращал на девушку ни малейшего внимания. Керри стояла, пока, наконец, ее присутствие не было замечено всеми, кто находился в мастерской. Лишь тогда кто-то дал знать мастеру, и тот появился в фартуке, без пиджака, в рубашке с засученными до самых плеч рукавами.

— Вы хотели меня видеть? — спросил он.

— Не нужна ли вам работница? — Керри уже успела понять, что лучше всего действовать напрямик.

— Вы умеете прострачивать детские шапочки?

— Нет, сэр!

— А вообще вам знакома такая работа?

Керри ответила, что незнакома.

— Гм! — произнес мастер и задумчиво почесал за ухом. — Нам, видите ли, нужна работница. Но мы предпочитаем опытных. У нас нет времени обучать новичков.

Он умолк и отвернулся к окну.

— Впрочем, — добавил он, подумав, — мы можем поставить вас на отделку.

— Сколько вы платите в неделю? — осмелилась спросить Керри; мягкость этого человека и простота общения придали ей немного бодрости.

— Три с половиной, — ответил он.

— Ох! — чуть было не вырвалось у Керри, но она вовремя сдержалась, и то, что она подумала, осталось невысказанным.

— Мы не особенно нуждаемся сейчас в людях, — небрежным тоном продолжал мастер, глядя на Керри, как на тюк с тряпьем. — Впрочем, можете прийти в понедельник утром, и я вас поставлю на работу, — добавил он.

— Благодарю вас, — чуть слышно произнесла Керри.

— Если придете, захватите с собой передник, — сказал мастер.

И он ушел, оставив Керри возле лифта и не поинтересовавшись даже, как ее зовут.

Хотя внешний вид мастерской и нищенская недельная оплата и нанесли удар светлым надеждам Керри, все же ее приободрило сознание, что после многих неудач ей, наконец, предложили работу. Как ни скромны были притязания девушки, она не могла себе представить, что возьмется за эту работу. Она привыкла все же к лучшему. Привычка к вольному деревенскому воз-



духу вызывала в ней внутренний протест против этой тесноты и духоты. Она не знала, что такое жить в грязи. Сестра содержала свою квартиру опрятно. Здесь же все засалено, потолки низкие, а девушки сплошь неряхи и, видимо, жесточены. Они, наверно, испорченные и злые, решила она. А все-таки ей предлагают работу! Право, Чикаго не так уж неприступен, если в первый же день здесь можно найти место. Впоследствии она подыщет себе что-нибудь другое, получше.

Однако дальнейшие поиски не дали ничего утешительного. В местах более приятных или солидных ей отказывали категорически и самым ледяным тоном. В других конторах требовались только опытные работницы. Не раз девушка наталкивалась на крайне грубый прием, и особенно обидный ответ она выслушала на одной фабрике готового платья, когда, взобравшись на четвертый этаж, решила справиться, нет ли у них работы.

— Нет, нет! — крикнул ей мастер, дюжий, коренастый мужчина, хозяйничавший в скудно освещенной мастерской. — Нам никого не нужно. И нечего сюда таскаться!

День угасал, а с ним постепенно угасали и надежды Керри, ее решимость и энергия. Девушка проявила изумительную настойчивость. Такие ревностные усилия заслуживали лучшей награды. Огромный торговый район города показался ей, утомленной, таким необъятным, таким черствым, таким застывшим в своем равнодушии к людям. Казалось, для нее закрыты все двери, борьба предстоит слишком жестокая и нет никакой надежды, что она добьется здесь чего-нибудь. Мимо бесконечной вереницей спешили мужчины и женщины. Керри чувствовала вокруг себя могучий пульс жизни с ее многообразными интересами и чувствовала свою беспомощность, почти не сознавая, что в этом потоке она была лишь ничтожною соломинкой. Тщетно осматривалась она, ища, куда бы обратиться, но не находила двери, в которую у нее хватило бы духу войти. Ведь то же самое повторится всюду. Те же унижительные просьбы, а в награду — короткий отрицательный ответ.

Измученная душевно и физически, Керри повернула на запад, только и думая, как бы добраться до дома Минни, и это было то унылое, безнадежное отступление,



которое так часто начинается в сумерках человек, весь день тщетно искавший работу. Проходя по Пятой авеню, на пути к Ван-Бьюрен-стрит, где она намеревалась сесть в конку, Керри очутилась перед большой обувной фабрикой; в одном из ее зеркальных окон она увидела джентльмена средних лет, сидевшего за небольшим столом. Повинуясь некоему внезапному импульсу, какие подчас появляются у человека, осознавшего свое поражение, Керри решительно вошла и направилась к джентльмену. Тот посмотрел на нее — усталое лицо девушки явно пробудило в нем интерес.

— В чем дело?

— Не можете ли вы дать мне какую-нибудь работу? — спросила Керри.

— Я, право, не знаю, — довольно любезно отозвался он. — Какую именно работу вы ищете? Вы случайно не переписчица?

— Нет, — ответила Керри.

— Вот видите, а нам нужны только счетоводы и переписчицы. Но попробуйте обойти кругом, подняться наверх и справиться там. Несколько дней назад наверху нужны были люди. Спросите мистера Брауна.

Керри поспешила обойти кругом и в лифте поднялась на четвертый этаж.

— Доложи мистеру Брауну, Уилли! — сказал лифтер стоявшему поблизости мальчику.

Уилли вскоре вернулся и сообщил Керри, что мистер Браун сказал, пусть она посидит, он скоро будет.

Комната, в которой находилась Керри, примыкала к складу, так что девушка не могла составить себе представления ни обо всем помещении, ни о том, чем тут занимаются.

— Так вы хотите получить у нас какую-нибудь работу? — спросил мистер Браун, узнав о цели ее прихода. — А вы раньше когда-нибудь работали на обувной фабрике?

— Нет, сэр, — призналась Керри.

— Как вас зовут? — продолжал он и, когда она ответила, сказал: — Право, не знаю. найдется ли у меня что-нибудь для вас. А вы согласитесь работать за четыре с половиной доллара в неделю?

Керри была так подавлена неудачами, что предложение показалось ей заманчивым. Правда, она ожидала,



что ей дадут не меньше шести долларов в неделю. И все же она согласилась.

Мистер Браун записал ее адрес и на прощанье сказал:

— Ну, приходите в понедельник, в восемь часов утра. Я думаю, что подыщу что-нибудь для вас.

Он ушел, и Керри несколько ожила от сознания, что нашла, наконец, работу. Кровь горячей волной разлилась по ее телу. Нервное напряжение ослабело. Она вышла на улицу, кишевшую народом, и почувствовала себя в какой-то новой атмосфере. Как, оказывается, легко шагают люди на тротуарах! Она впервые заметила, что на лицах мелькают улыбки. До ее слуха доносились обрывки разговоров и взрывы смеха. Воздух был мягкий. Из огромных зданий уже выходили люди, окончившие дневную работу. Керри видела их довольные лица и, вспомнив, что у сестры ее ждет обед, ускорила шаг. Керри была утомлена, но больше уже не чувствовала боли в ногах. Интересно, что скажет Минни! А впереди зима, долгая зима в Чикаго — огни, веселая толпа, развлечения!.. В конце концов в этом городе-гиганте приятно жить. Фирма, где она будет работать, по-видимому, солидное предприятие. В окнах такие огромные зеркальные стекла! Ей, наверное, будет там неплохо. Девушка вспомнила о Друэ, о том, что он говорил в поезде. Жизнь начала казаться ей лучше, ярче, радостнее. В самом радужном настроении Керри села в вагон конки, чувствуя, как кровь горячей струей бежит по жилам. Она будет жить в Чикаго! — не переставало стучать у нее в мозгу. Она будет жить веселее, чем раньше. Она будет счастлива!

#### ГЛАВА IV

#### МЕЧТЫ УТРАЧЕНЫ.

#### ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ГЛУМИТСЯ

В продолжение двух дней Керри предавалась необузданным мечтаниям.

В воображении она окунулась во все те удовольствия и развлечения, которые были бы ей доступны, случись ей родиться богатой. Быстро и не задумываясь, она уже



во все стороны разбросала щедрою рукой свои скудные четыре с половиной доллара в неделю. Керри не жалела денег и быстро делала свой выбор. В те часы перед сном, когда она сидела в качалке у окна, любуясь освещенными улицами, будущий заработок прокладывал своей обладательнице дорогу ко всем утехам и безделушкам, какие только может пожелать женское сердце.

«И начнется чудесная жизнь»,--- мечтала Керри.

Ее сестра Минни была далека от этих неукротимых полетов фантазии, которая истощивала все мыслимые радости жизни. Жена Гансона была слишком занята мытьем пола в кухне и размышлениями над тем, что можно купить на восемьдесят центов, которые она могла истратить на воскресный обед.

Когда Керри вернулась домой, возбужденная первой своей удачей и готовая, несмотря на усталость, без конца обсуждать интересные подробности своих скитаний, завершившихся таким успехом, Минни лишь одобрительно улыбнулась и спросила, сколько из ее заработка уйдет на проезд. Хотя Керри упустила из виду это соображение, оно не могло надолго охладить ее пыл. Девушка была счастлива; она находилась в том настроении, которое позволяет вычитать одну сумму из другой без заметного ущерба для последней.

Гансон вернулся домой в семь часов вечера. Он был немного не в духе, как всегда перед обедом. Это обычно проявлялось не столько в его тоне или словах, сколько в его манере безмолвно, с хмурым видом ходить из комнаты в комнату. У него были желтые войлочные туфли, и, вернувшись домой, он тотчас же с наслаждением надевал их вместо тяжелых башмаков, затем мыл лицо куском простого стирального мыла и так тер кожу, что она становилась пунцовой и лоснящейся,— в этом и заключались все его приготовления к вечерней трапезе. А потом он брал газету и в глубоком молчании принимался читать.

Мрачное настроение у человека еще молодого неприятно действовало на Керри. Оно действовало, как водится, и на всю домашнюю атмосферу, и угнетало жену, которая не решалась сказать ему ни слова, боясь, что ответом будет молчание.

Когда Гансон узнал об удаче Керри, лицо его несколько прояснилось.



— Однако ты не теряла времени зря! — заметил он и при этом даже слегка улыбнулся.

— Конечно! — с оттенком гордости отозвалась Керри.

Гансон задал еще один-два вопроса, а потом стал играть с ребенком и не возвращался к этой теме до тех пор, пока она вновь не была затронута за столом его женой.

Но не так-то просто было заставить Керри проникнуться настроением, которое царило в семье.

— Кажется, это очень крупная фирма, — сказала она. — Огромные зеркальные стекла и уйма служащих! Джентльмен, с которым я говорила, сказал, что они нанимают очень много народу.

— Теперь не так уж трудно получить работу, если только у человека приличный вид, — вставил Гансон.

Минни тоже несколько оттаяла, согретая радостным настроением Керри и необычной разговорчивостью мужа, и начала рассказывать сестре о достопримечательностях Чикаго, вернее о том, что может видеть каждый без всяких затрат.

— Тебе интересно будет посмотреть Мичиган-авеню. Там такие красивые дома. И вся улица такая красивая!

— А где находится театр Джейкобса? — прервала ее Керри. Это был один из театров, в котором ставились мелодрамы.

— Не очень далеко отсюда, — ответила ей сестра. — Вернее, даже совсем близко: на Холстед-стрит.

— Вот бы пойти в этот театр! Я ведь, кажется, проходила сегодня по Холстед-стрит?

Вместо ответа на самый, казалось бы, естественный вопрос последовала маленькая заминка. Мысли человека удивительно окрашивают все его действия. Стоило упомянуть о театре, как настроение за столом тотчас омрачилось. В этом сказалось безмолвное неодобрение всего, что влечет за собою трату денег.

И Гансон и Минни оба одновременно подумали об этом. Последняя ответила: «Да», — но Керри сразу почувствовала, что посещение театров здесь не поощряется.

Разговор на эту тему не возобновлялся до тех пор, пока Гансон, покончив с едой, не ушел в другую комнату, захватив с собою газету.



Сестры принялись мыть посуду. Оставшись одни, они заговорили свободнее, и Керри, то и дело прерывая беседу, начинала тихонько напевать.

— Хорошо бы сейчас пройтись немного по городу и взглянуть на Холстед-стрит, если это не очень далеко, — вскоре сказала она. — Давайте сходим сегодня в театр!

— Ну, вряд ли Свен захочет куда-нибудь идти, — возразила Минни. — Ему нужно рано вставать.

— Но он едва ли будет против. Ведь это доставит ему удовольствие!

— Нет, он не очень любит ходить по театрам.

— А мне хотелось бы пойти, — сказала Керри. — Давай пойдем вдвоем!

Минни задумалась: не о том, пойдет ли она, — на этот вопрос у нее уже был готов отрицательный ответ, — а о том, как бы направить мысли сестры по другому руслу.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она наконец, не придумав ничего лучшего.

Керри сразу догадалась, в чем тут загвоздка.

— У меня есть немного денег, — сказала она. — Пойдем со мною, Минни!

Минни покачала головой.

— Возьмем и его с собой, — предложила Керри.

— Нет, — тихо ответила Минни и загромыхала посудой, чтобы прекратить разговор, — он не пойдет.

Сестры не виделись несколько лет, и за это время в характере Керри обнаружилось нечто новое. Она обладала врожденной робостью, которая проявлялась всякий раз, как ей приходилось бороться за свое благополучие, а тем более в тех случаях, когда у нее было недостаточно сил или средств для этой борьбы, но она страстно тянулась ко всяким развлечениям и удовольствиям, и это было одной из основных черт ее характера. Она могла уступить в чем угодно, только не в этом.

— Ну, спроси его! — умоляюще прошептала она.

А Минни думала о той прибавке к бюджету, которую даст им заработок сестры. Эти деньги пойдут на оплату квартиры, и ей не так тяжело будет каждый раз заводить с мужем разговор о расходах. Но раз Керри уже сейчас начинает гнаться за развлечениями, то, пожалуй, пустит на ветер все свои денежки. Если сестра не захочет подчиняться раз и навсегда установленному



распорядку их повседневной жизни, если она не поймет, что нужно усердно работать, не помышляя ни о каких забавах,— тогда какой же прок от того, что она приехала в город? Несмотря на такие мысли, Минни вовсе не была расчетлива и черства по натуре. Это были серьезные раздумья женщины, которая, даже не слышав сета на судьбу, всегда приспособлялась к тем жизненным условиям, какие мог обеспечить ей непрерывный труд.

Наконец Минни уступила и решила спросить Гансона. Но сделала она это скрепя сердце и ничуть не разделяя желания сестры.

— Керри предлагает нам сходить в театр,— сказала она, заглядывая в комнату, где сидел муж.

Оторвавшись от газеты, Гансон обменялся с Минни взглядом, яснее слов говорившим: «Это вовсе не то, чего мы ожидали».

— Мне неохота,— отозвался он.— А что она хочет посмотреть?

— Ей хочется побывать в театре Джейкобса.

Гансон снова уткнулся в газету и отрицательно покачал головой.

Увидя, как супруги отнеслись к ее предложению, Керри отчетливо поняла, как живут эти люди. Это произвело на нее гнетущее впечатление, но не вызвало решительного протеста.

— Я спущусь вниз и постою у подъезда,— сказала она.

Минни не стала возражать, и Керри, надев шляпу, вышла из квартиры.

— Куда ушла Керри? — спросил Гансон, который вернулся в столовую, услышав, как хлопнула дверь.

— Она, сказала, что сойдет вниз и постоит у подъезда,— ответила Минни.— Наверное, ей захотелось просто подышать свежим воздухом.

— Куда ж это годится, сразу деньги на театры тратить, а?

— Это она, наверно, просто от любопытства,— осмелилась сказать Минни.— Ей все здесь в новинку.

— Гм, не знаю! — проворчал Гансон и, слегка нахмутив лоб, направился к ребенку.

Он думал о том, сколь тщеславны и расточительны могут быть молодые девушки, и удивлялся, как это Кер-



ри может даже мечтать о подобных вещах при столь ничтожном заработке.

В субботу Керри опять пошла в город. Она направилась к реке, которая очень занимала ее, а потом вернулась по Джексон-стрит, застроенной прекрасными домами с зеленой лужайкой перед каждым (впоследствии это позволило превратить улицу в бульвар). Керри была ошеломлена такими доказательствами огромных богатств, хотя на этой улице вряд ли жил хоть один человек, чей капитал превышал бы сто тысяч долларов.

Девушка была рада вырваться из квартиры сестры: она уже успела понять, какой убогой и бесцветной жизнью живет эта семья, и убедилась, что радостей и интересных впечатлений нужно искать где-то в другом месте. Голова ее теперь была занята размышлениями на более легкомысленные темы, и она не раз подумывала о том, где-то теперь Друэ. Она далеко не была уверена, что он не явится в понедельник вечером, и хотя мысль о подобной возможности несколько тревожила ее, в глубине души она все же смутно желала, чтобы он пришел.

В понедельник Керри встала рано и собралась идти на работу. Она надела старую блузку из синей бумажной ткани в крапинку, выцветшую юбку из коричневой шерсти и маленькую соломенную шляпу, которую все лето проносила в Колумбия-сити. Ботинки на ней были сильно поношенные, а галстук — такой измятый и бесформенный, каким бывает всякая вещь после долгого употребления. Теперь Керри мало чем отличалась от фабричных работниц, но черты ее красивого лица были совсем незаурядны, и она производила впечатление милой, приятной и сдержанной девушки.

Не так-то легко встать на заре человеку, который, подобно Керри, привык спать в родном доме до семи-восьми часов утра. Она снова ощутила всю тяжесть жизненного уклада в доме сестры, когда, совсем еще сонная, в шесть часов заглянула в столовую и увидела там Гансона, безмолвно заканчивавшего завтрак. К тому времени, когда она оделась, он уже успел уйти. Керри завтракала вместе с Минни, а ребенок сидел за столом на высоком стуле и размазывал по тарелке кашу.

Теперь, когда настало время приступить к своим незнакомым, непривычным обязанностям, настроение Керри сильно упало. От всех ее красивых грез остался



только пепел, но и под этим пеплом еще тлели красные угольки надежды. Нервы ее сдали, и она, совсем подавленная, ела молча и старалась вообразить, что это за обувная фабрика, какая у нее будет работа и как отнесется к ней ее наниматель. Ей уже смутно представлялось, что она будет работать где-то около могущественных владельцев, к которым время от времени приходят солидные, по моде одетые мужчины.

— Ну, желаю успеха! — сказала Минни сестре, когда та собралась уходить.

Было решено, что Керри пойдет пешком, по крайней мере в это утро, чтобы выяснить, будет ли она в состоянии ходить так каждый день. Шестьдесят центов в неделю на конку — крупный расход при зарплате в четыре с половиной доллара.

— Я тебе вечером расскажу, как у меня пойдет работа, — сказала Керри.

Она очутилась на залитой солнцем улице, по которой в обе стороны спешили рабочие и мчались вагоны конки, битком набитые мелкими служащими разных оптовых фирм. Из подъездов выходили люди и торопливо расходились в разные стороны. Керри немного приободрилась. Какие страхи могут надолго удержаться при ярком свете утреннего солнца, под голубым небом, при свежем, бодрящем ветерке? В четырех стенах ночью — и даже в сумрачные дни — страхи и зловещие предчувствия растут и крепнут, но на воздухе, в солнечную погоду, человек теряет страх даже перед смертью.

Керри шагала все дальше, перешла через мост и свернула на Пятую авеню. Улица эта напоминала ущелье с отвесными стенами из бурого известняка и темно-красного кирпича. Огромные зеркальные витрины сверкали чистотой. Шумные подводы с кладью наводняли улицы; во всех направлениях двигались толпы мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Навстречу Керри попадались и девушки одного с нею возраста, которые, казалось, презирали ее за робость. Керри дивилась широкому размаху жизни в этом городе и думала о том, как много нужно уметь, чтобы играть в ней хоть какую-то роль. Она боялась, что окажется ни на что не годной, не сумеет взяться за дело, что ее найдут недостаточно расторопной. Разве не отказывали ей во всех других



местах оттого, что она ничего не умеет? А вдруг ее обругают, оскорбят и с позором выгонят на улицу?

Чувствуя слабость в коленках, с трудом переводя дыхание, приближалась Керри к огромной обувной фабрике на углу Адамс-стрит и Пятой авеню. Лифт поднял ее на четвертый этаж, но там не оказалось ни души. Кругом одни лишь длинные проходы между нагроможденными до потолка ящиками. Керри стояла испуганная, поджидая, чтобы кто-нибудь вышел к ней.

Вскоре появился мистер Браун, но он, очевидно, не узнал ее.

— Что вам угодно? — спросил он.

У Керри упало сердце.

— Вы велели мне прийти сегодня утром... Я насчет работы...

— Так, так! — прервал он ее. — Гм! Как вас зовут?

— Керри Мибер.

— Так! — повторил он. — Ступайте за мной!

Они шли между темными рядами ящиков, распространявших запах новой обуви, пока не достигли железной двери, которая вела в мастерские. Керри увидела просторное помещение с низким потолком, где громыкали и щелкали машины, у которых работали мужчины в белых рубашках с засученными рукавами и в синих передниках. Керри, слегка зардевшись и глядя прямо перед собой, робко шла за своим провожатым среди грохочущих автомашин. В дальнем углу мастерской они вошли в лифт и поднялись на шестой этаж.

Мистер Браун жестом подозвал мастера, тотчас вышедшего к нему из лабиринта машин и рабочих столов.

— Вот та девушка, о которой я говорил, — сказал он и, повернувшись к Керри, добавил: — Идите за ним!

Мистер Браун тотчас же ушел, а Керри последовала за своим новым начальником к небольшому столику в углу помещения, отведенном под контору.

— Вы никогда не работали в обувной мастерской? — довольно сурово спросил мастер.

— Нет, сэр, — ответила Керри.

Мастеру, очевидно, не хотелось возиться с неопытной работницей. Но все же он записал ее имя и повел в глубь мастерской, где на табуретках перед щелкающими машинами сидели в ряд девушки. Он положил руку



на плечо одной из работниц, которая с помощью машины пробивала отверстия в заготовках башмаков.

— Покажи ей, как это делается, — сказал мастер, показывая на Керри. — А потом подойди ко мне!

Девушка, к которой он обратился, быстро встала и уступила свое место Керри.

— Это совсем не трудно, — сказала она, наклонившись над новенькой. — Берешь кожу вот так, зажимаешь здесь и пускаешь машину.

Девушка закрепила маленькими переставными зажимами кусок кожи, из которого должна была выйти правая половина заготовки мужского ботинка, и надавила на небольшой рычажок сбоку. Машина быстро заходила и резкими щелчками начала пробивать вдоль края заготовки дырочки для шнурков, выбрасывая при этом круглые кусочки кожи.

Последив за работой Керри и убедившись, что она недурно справляется, девушка ушла.

Куски кожи поступали к Керри от соседки, сидевшей у машины справа, она же передавала их соседке слева. Керри сразу поняла, что должна соблюдать известную скорость, иначе возле нее накопится груда заготовок и это задержит работу тех, кто сидит слева от нее. У девушки не было времени оглядываться по сторонам, и она усердно принялась за дело.

Соседки понимали, что она смущается и волнуется, и, насколько могли, старались помочь ей, немного замедляя темп работы.

Керри ни на секунду не отрывалась от машины; ее однообразный ритм успокаивал нервы, отгонял внутренние воображением страхи. Мало-помалу она заметила, что в мастерской темновато. Спертый воздух был насыщен запахом новой кожи, но это не тяготило ее. Зато она ловила на себе взгляды окружающих и мучилась мыслью, что работает недостаточно быстро.

Как-то раз, когда Керри, неправильно вложив заготовку в машину, возилась с зажимом, перед ее глазами показалась огромная рука и помогла ей укрепить зажим. Это был мастер. Сердце Керри заколотилось так сильно, что у нее помутнело в глазах, и она не могла продолжать.

— Пускайте же машину! — сказал мастер. — Пускайте машину! Не задерживайте других.



Этот возглас привел девушку в себя; еле дыша от волнения, она вновь принялась за работу. И лишь когда исчезла тень, стоявшая за ее спиной, она перевела дух.

Время шло, и в помещении становилось все жарче и жарче. Керри томилась по глотку свежего воздуха, ее мучила жажда, но она не смела встать. Табурет, на котором она сидела, не имел ни спинки, ни подножки, и девушка начала испытывать крайне неприятную ломоту во всем теле. Вскоре у нее заныла спина. Керри вертелась, изгибалась, часто меняла положение, но это помогало ненадолго. Она начала уставать.

— А ты бы встала,— без лишних вступительных слов посоветовала ей соседка.— Это не запрещено.

Керри ответила ей благодарным взглядом.

— Пожалуй, я так и сделаю,— сказала она.

Поднявшись с табурета, она некоторое время работала стоя, но эта поза оказалась еще более неудобной: заныли шея и плечи.

Атмосфера, царившая в мастерской, угнетающе действовала на Керри своей грубостью. Она не осмеливалась оглянуться, но иногда, покрывая щелканье машин, до ее слуха доносились обрывки разговоров, а кое-что она могла заметить краешком глаза.

— Ты вчера видела Гарри? — спросила свою соседку работница, сидевшая слева от Керри.

— Нет.

— Ну, посмотрела б ты его в новом галстуке! До чего ж он был интересный!

— Тс-с! — шепнула другая девушка и еще ниже склонилась над работой.

Ее подруга тотчас же умолкла и приняла серьезный вид.

Мастер медленно прошел мимо, внимательно оглядывая каждую работницу. Но, как только он исчез из поля зрения, разговор возобновился.

— Слушай,— снова начала девушка слева от Керри.— Ты знаешь, что он сказал?

— А что?

— Говорит, будто видел меня с Эдди Гаррисом у «Мартина».

— Да ну?

Девушки захихикали.



Какой-то рыжий молодой детина, которому давно следовало бы подстричься, прошел между машинами, шаркая ногами и прижимая к животу корзину с обрезками кожи. Неподалеку от Керри он быстро протянул руку и схватил за локоть одну из девушек.

— Не смей! — сердито огрызнулась та. — Болван! Рыжий детина только ослабилась.

— Ломака! — бросил он, когда она посмотрела ему вслед.

Дело дошло до того, что Керри больше уже не в силах была сидеть. Ноги ее ныли, ей хотелось встать и потянуться. Неужели никогда не наступит полдень? Девушке казалось, что она проработала уже целый день. Голода она совсем не ощущала, зато испытывала ужасную слабость во всем теле. Глаза, которым приходилось напряженно следить за тем, чтобы удар пуансона приходился как раз в намеченную точку, устали. Девушка, сидевшая справа, заметила, что новенькая страдает, и ей стало жаль ее. Керри слишком уж усердствовала, а в действительности ее работа требовала гораздо меньше умственного и физического напряжения. Но ей ничем нельзя было помочь. Груда заготовок непрестанно росла. Сначала у Керри заныли запястья, потом пальцы, и вся она превратилась в сплошную массу наболевших мышц, которым все время нужно было выполнять одно-единственное механическое движение, становившееся все мучительнее и доводившее до тошноты. Когда Керри, не видя конца этой пытки, пришла уже в полное отчаяние, по шахте лифта откуда-то снизу вдруг донеслись глухие удары колокола, и наступил перерыв. Сразу поднялся гул голосов и началась суетня. Вмиг все девушки вскочили с мест и поспешили в смежное помещение. Из отделения справа через мастерскую стали проходить мужчины. Быстро вращавшиеся колеса запели на все понижающейся ноте, пока их гудение не замерло совсем. Наступила тишина, в которой голоса звучали как-то необычно.

Керри встала и пошла за своим завтраком. Все ее тело одеревенело, голова слегка кружилась, и хотелось сильно пить. По пути к маленькой загородке, где хранилось верхнее платье, Керри столкнулась с мастером, и тот пристально посмотрел на нее.

— Ну, — начал он, — как справляетесь с работой?



— Ничего,— почтительно ответила Керри.

— Гм! — промычал мастер и, не зная, что еще сказать, пошел дальше.

В другой обстановке эта работа вовсе не была бы такой тяжелой, но новые идеи о хороших условиях труда в те времена еще не коснулись промышленных компаний.

К сильному запаху смазочного масла и кожи примешивались затхлые запахи старого здания, что было не особенно приятно. Пол, который подметали только вечером, был завален отбросами. Об удобствах рабочих никто не заботился; считалось, что прибыль увеличится, если давать им как можно меньше и как можно больше загружать тяжелой, низкооплачиваемой работой. Подножки и выдвижные спинки у стульев, столовые для работниц, чистые передники и приличная гардеробная — обо всем этом тогда никто и не мечтал. Уборные были мрачные, грязные, даже зловонные. Все поражало убогостью.

Керри выпила кружку воды из ведра в углу и огляделась, ища места, где бы присесть и позавтракать. Остальные работницы разместились на подоконниках и на рабочих столах тех мужчин, которые вышли из мастерской. Не найдя ни одного свободного местечка, Керри, по натуре слишком робкая, чтобы навязывать кому-либо свое присутствие, вернулась к своей машине и села на табурет. Поставив на колени коробку с завтраком, она открыла ее и стала прислушиваться к разговорам. Болтовня работниц большей частью лишена была всякого содержания и густо уснащена жаргоном. Некоторые из мужчин, оставшихся в мастерской, издали перебрасывались словечками с девушками.

— Послушай, Китти! — крикнул один из них, обращаясь к девушке, сделавшей несколько туров вальса на крохотном пространстве возле окна.— Пойдем со мной на танцы, а?

— Смотри в оба, Китти! — крикнул другой.— А то он тебе прическу-то попортит!

— Ну, уж ты, помалкивай! — отозвалась девушка.

Прислушиваясь к этой фамильярной болтовне между мужчинами и девушками, Керри инстинктивно замыкалась в себе. Она не привыкла к подобным разговорам и угадывала в них что-то грубое и гадкое. Керри боя-



лась, как бы кто-нибудь не обратился и к ней с подобным замечанием. Молодые люди, работавшие в мастерской, казались ей неуклюжими и смешными, как и вообще все мужчины, кроме Друэ. Чисто по-женски она судила о мужчинах по одежде, приписывая элегантному костюму высокие душевные достоинства, а неприятные качества и такие, что не заслуживают внимания, оставляла рабочим блузам и грязным комбинезонам.

Она даже обрадовалась, когда кончился короткий полурасовой отдых и снова зажужжали колеса машин. Как ни устала Керри, она жаждала снова затеряться в массе рабочих. Но и это оказалось невозможным: один молодой рабочий, проходя мимо, с самым невозмутимым видом ткнул ее пальцем в бок.

Керри порывисто обернулась, в глазах ее вспыхнуло негодование, но обидчик уже пошел дальше и только раз оглянувшись, широко осклабившись. Керри стоило больших усилий сдержать слезы.

Соседка заметила это.

— Ты не обращай внимания! — сказала она. — Этот парень ужасный нахал.

Керри ничего не ответила и еще ниже склонилась над машиной. Ей казалось, что она не вынесет подобной жизни. Ее представление о работе было совсем иное. Всю вторую половину дня она думала о городе, лежащем за стенами мастерской, о витринах роскошных магазинов, о толпах народа, о красивых домах. В памяти вставляли родные места, вспоминалось все то хорошее, что она оставила дома. В три часа ей казалось, что уже шесть, а в четыре она начала подумывать, что начальство не следит за часами и заставляет всех работать сверхурочно. Мастер стал прямо зверем. Он шнырял по мастерской, ни на минуту не позволяя отвлекаться от ужасной работы. Обрывки разговоров, которые улавливала Керри, убивали в ней желание подружиться с кем-либо из девушек. Когда, наконец, пробило шесть, она порывисто встала и поспешно вышла. Руки у нее болели, все тело ломило от работы в одном положении.

Когда, надев шляпу, она проходила по длинному коридору, ее окликнул какой-то молодой рабочий, которому она приглянулась.

— Послушай, милашка, — сказал он, — я провожу тебя, если ты меня обождешь!



Было ясно, что эти слова относятся именно к Керри, но она даже не оглянулась.

В битком набитом лифте юнец в пыльной и грязной от работы одежде пожирал девушку глазами, пытаясь произвести на нее впечатление.

На улице какой-то парень, поджидавший на тротуаре товарища, ухмыльнулся при виде Керри и шутливо бросил:

— Нам, случайно, с вами не по дороге?

С тяжелым сердцем Керри торопливо прошла мимо. Свернув за угол, она через огромное зеркальное окно увидела столик, возле которого некоторое время тому назад впервые справлялась о работе. По улице, как и раньше, двигались суетливые, шумные толпы бодрых, энергичных людей. Керри почувствовала некоторое облегчение, но оно было вызвано лишь тем, что ей удалось вырваться из мастерской. Ей было стыдно перед встречными, лучше нее одетыми девушками. Она чувствовала, что заслуживает лучшего, и душа ее бунтовала.

## ГЛАВА V

### СИЯЮЩИЙ НОЧНОЙ ЦВЕТOK. КАК БЫЛО УПОМЯНУТО О КЕРРИ

Друэ не пришел в назначенный вечер. Получив письмо Керри, он на время оставил все мысли о ней и всецело отдался развлечению, — в том духе, в каком он понимал это слово. В этот день он обедал в довольно известном ресторане «Ректор», занимавшем подвальное помещение на углу Кларк и Монро-стрит. После обеда Друэ отправился в бар «Фицджеральд и Мой» на Адамс-стрит, напротив монументального здания муниципалитета. Там он присел у роскошной стойки, проглотил рюмку чистого виски и, купив две сигары, закурил одну из них. Это, по представлениям Друэ, входило в обиход жизни «высшего общества» — один из примеров того, какою, наверно, была эта жизнь в целом.

Друэ не был пьяницей и не был человеком денежным. Он только жаждал всего, что было лучшим в жизни, — в его представлении, разумеется, — и подобное времяпрепровождение казалось ему частицей этого луч-



шего. Ресторан «Ректор» со стенами и полом из полированного мрамора, весь залитый светом и уставленный серебром и фарфором, а главное, пользующийся репутацией излюбленного убежища артистов, казался ему наиболее подходящим уголком для преуспевающего человека. Друз любил хорошо одеться, вкусно поесть, но больше всего он ценил хорошую компанию и знакомство с людьми, добившимися успеха в жизни. Обедая в этом ресторане, он испытывал удовольствие от мысли, что здесь часто бывает Джозеф Джефферсон, что Генри Дикси, другой знаменитый актер того времени, сидит за несколько столиков от него. Это удовольствие всегда можно было получить у «Ректора», где встречались политики, биржевые маклеры, актеры, а также известные всему городу богатые молодые шалопаи и где они пили и ели среди гула банальной болтовни.

— Вон сидит такой-то,— подобную фразу можно было нередко услышать из уст того или иного джентльмена, особенно из числа тех, кто еще не достиг (хотя и надеялся в свое время достигнуть) головокружительной высоты, позволяющей тратить деньги на обильный обед у «Ректора».

— Да неужели? — следовал обычный ответ.

— Ну, конечно! Разве вы не знаете? Он директор Большой оперы.

Когда это доносилось до ушей Друз, он расправлял плечи и ел с еще большим аппетитом. Если ему и без того свойственно было некоторое тщеславие, подобные разговоры могли только усилить его; если он был честолюбив, они могли лишь еще больше разжечь его честолюбие. О, настанет день, когда и он сам будет швырять кредитки целыми пачками. Он и сейчас может обедать там, где обедают эти люди!

Предпочтение, которое он отдавал бару «Финджеральд и Мой» на Адамс-стрит, основывалось на тех же соображениях. Для Чикаго это был роскошный бар. Как и ресторан «Ректор», он был залит мягким электрическим светом, пол его был выложен пестрыми квадратными плитками, а стены в нижней части облицованы темным полированным деревом, отражавшим огни прекрасных люстр. Цветная лепка верхней части стен делала зал необычайно роскошным. Длинная стойка бара вся утопала в ярком свете и тоже была облицована по-



лированным деревом. Повсюду сверкали хрусталь, цветное стекло и, конечно, множество бутылок всевозможных затейливых форм. Это был действительно великолепный бар — с огромными пальмами, с дорогими винами и с обилием фруктов, конфет и сигар, лучше которых нельзя было найти нигде.

В ресторане «Ректор» Друэ познакомился с мистером Герствудом. Это был управляющий баром «Фицджеральд и Мой». О нем говорили как о человеке преуспевающем и весьма светском. Герствуд вполне оправдывал это мнение. Ему было под сорок, он обладал крепким сложением, деятельной натурой и имел солидный, внушительный вид, отчасти благодаря тому, что носил отличные костюмы, белоснежные рубашки и драгоценные запонки и булавки, но главным образом благодаря сознанию собственной значительности. Друэ тотчас же понял, что это лицо, с которым стоит водить дружбу, и потому не ограничился простым знакомством с Герствудом, а стал заходить в бар на Адамс-стрит всякий раз, как у него являлось желание пропустить стаканчик или выкурить сигару.

Герствуд представлял собою довольно интересный тип. Он был умен и хитер в мелочах и умел производить на людей выгодное впечатление. Его должность была довольно почетной — нечто вроде директора, но без права распоряжаться финансами. Ценою большого усердия и настойчивости, после долгих лет службы Герствуд сумел подняться от должности буфетчика в дешевеньком салуне до нынешнего положения. У него был при баре свой маленький кабинет, отделанный полированным вишневым деревом, и здесь в шведском бюро он хранил всю свою весьма несложную бухгалтерию, с помощью которой учитывал товары — нужные, заказанные и полученные. Общее руководство и финансовые функции осуществляли владельцы — Фицджеральд и Мой — и кассир, в ведении которого находилась выручка.

Большую часть времени Герствуд расхаживал по бару в элегантном костюме из заграничного материала, сверкая солитером на пальце и великолепной булавкой с голубым алмазом в галстук, щеголяя изумительным жилетом непременно какого-нибудь нового фасона, массивной золотой цепью, замысловатым брелком и часа-



ми наилучшей марки. Он знал по имени и приветствовал словами «А, здорово, старина!» сотни актеров, коммерсантов, политиков и множество всяких других людей, пользовавшихся известностью в городе, и этим отчасти объяснялись его популярность и успех. У него была точно градуированная шкала приветствий, постепенно повышавшаяся от «Добрый день!» по адресу конторщиков и мелких служащих, получавших пятнадцать долларов в неделю (но благодаря частому посещению бара имевших честь знать, кто такой Герствуд), до «Здравствуйте, здравствуйте! Как поживаете?» Это относилось к знаменитостям или богачам, знавшим его и относившимся к нему дружелюбно. Существовал, однако, еще один разряд гостей, слишком богатых или слишком знаменитых; с ними Герствуд даже и не пытался позволить себе фамильярный тон. К таким людям он подходил с профессиональным тактом, оказывая им должное почтение и придавая при этом своему лицу выражение серьезности и собственного достоинства. Это завоевывало ему их благосклонность, а достоинство его при этом нисколько не страдало. И, наконец, было несколько завсегдатаев не богатых, но и не бедных, довольно известных, но не пользовавшихся громкой славой, с которыми Герствуд поддерживал истинно приятельские отношения. С людьми этого сорта он охотнее всего беседовал, к их мнению он серьезнее всего прислушивался. Он любил время от времени доставлять себе развлечения, то есть посещать бега, театры или спортивные зрелища, устраивавшиеся в каком-либо клубе. У него был хороший выезд; вместе с женой и двумя детьми он жил в красивом особняке на Северной стороне, близ Линкольн-парка, и был представителем нашего американского так называемого «высшего класса» и по жизненному уровню стоял лишь ступенью ниже денежных тузов.

Друзь очень нравился Герствуду. Ему по душе были и добродушная общительность этого молодого человека и его нарядный внешний облик. Он знал, что Друзь — всего лишь коммивояжер и притом с весьма небольшим стажем, но «Бартлет, Карио и К°» считалась крупной и процветающей фирмой, а Друзь был там на хорошем счету. Герствуд хорошо знал мистера Карио и порою, когда тот приходил с приятелями, выпивал с ним за компанию бокал, участвуя в общем разговоре. Чарльз



Друэ обладал чувством юмора — качеством, весьма полезным в его деле, и при случае с успехом мог рассказать какой-нибудь забавный анекдот. С Герствудом он говорил о бегах, рассказывал ему о своих приключениях с женщинами и о прочих интересных случаях из своей жизни, делился сведениями о состоянии рынка в тех городах, куда ему приходилось ездить, словом, умел быть приятным и интересным собеседником. В этот вечер настроение у Друэ было на редкость хорошее, так как отчет его был одобрен фирмой, новые образцы отобранны удачно, и он успел выработать маршрут поездки на ближайшие полтора месяца.

— А, Чарли, старина! — приветствовал его Герствуд, когда Друэ часов в восемь вечера появился в баре. — Как дела?

Бар в этот час был переполнен.

Благодушно улыбаясь, Друэ поздоровался с Герствудом, и они вместе направились к стойке.

— Спасибо, недурно.

— Я вас месяца полтора не видел. Когда вы приехали?

— В пятницу, — ответил Друэ. — Очень удачно съездил.

— Рад слышать, — сказал Герствуд.

Его черные глаза, в которых обычно таилось холодное равнодушие, засветились неподдельной теплотой.

— Что вы будете пить? — спросил он, когда буфетчик в белоснежной куртке и таком же галстуке слегка наклонился вперед в ожидании заказа.

— Старую перцовку, — решил Друэ.

— И мне капельку того же, — сказал Герствуд. — Вы долго пробудете в городе?

— Только до среды. Теперь поеду в Сен-Поль.

— В субботу здесь был Джордж Ивэнс. Говорил, что видел вас на прошлой неделе в Милуоки.

— Да, я видел Джорджа, — подтвердил Друэ. — Верно, славный малый? Мы недурно провели с ним время.

Буфетчик поставил перед ними бутылку, и, продолжая разговор, приятели налили каждый себе. Друэ, согласно этикету, наполнил свою рюмку на две трети, а Герствуд налил себе лишь несколько капель и добавил сельтерской.



— Куда это девался Карио? — спросил Герствуд. — Уже недели две, как он не показывается.

— Говорят, слег, — ответил Друз. — Ведь у старика подагра!

— В свое время немало денежек нажил, а?

— Да, денег у него уйма, — согласился Друз. — Но он долго не протянет. Теперь почги совсем не заглядывает в контору.

— У него, помнится, только один сын? — спросил Герствуд.

— Да, и притом из тех, что торопятся жить, — рассмеялся Друз.

— Ну, я не думаю, чтобы он мог сильно повредить делу, пока существуют другие компаньоны.

— Да, я тоже не думаю, чтобы он мог нанести какой-либо ущерб.

Герствуд стоял, прислонившись к стойке, в расстегнутом пиджаке, засунув большие пальцы обеих рук в карманы жилета. Свет ярко переливался в булавке его галстука и перстнях, и это придавало всему его облику приятную изысканность. Он казался воплощением утонченности и благополучия.

Человеку, непьющему и склонному к серьезным размышлениям, этот огромный сверкающий зал, наполненный шумной, говорливой толпой, показался бы какой-то аномалией, странным извращением природы и жизни. Сюда бесконечной вереницей залетали мотыльки, чтобы погреться в теплых лучах яркого света. Судя по долевставшим обрывкам разговора, здешняя обстановка не располагала к интеллектуальным беседам. Мошенники, очевидно, выбрали бы более укромный уголок для обдумывания своих хитроумных махинаций, а политики не стали бы сходиться компанией и обсуждать секретные дела в таком месте, где всякий человек с острым слухом мог бы их подслушать. Пребывание в баре всех этих людей едва ли можно объяснить их пристрастием к вину, так как большинство тех, кто постоянно посещает эти великолепные места, отнюдь не страдают алкоголизмом. Тем не менее то, что люди собираются именно здесь и здесь болтают, здесь любят общаться и заводить знакомства, должно иметь какие-то причины. Несомненно, некие страсти, некие смутные желания вызывали к



жизни такие своеобразные учреждения,— иначе их не было бы на свете.

Друзь, например, влекли сюда в равной степени как жажда удовольствий, так и желание блистать среди людей вышестоящих. Приятели, с которыми он здесь встречался, посещали бар потому, что, сами, возможно, того не сознавая, испытывали потребность в том обществе, в том внешнем блеске, в той атмосфере, какие они тут находили. В конце концов это явление можно было бы, пожалуй, рассматривать как признак, знаменующий улучшение общественных нравов, ибо хотя посетителей и влекли сюда чисто чувственные желания, в этом не было ничего дурного. Никому не может принести вред созерцание богато обставленного зала. В худшем случае это может вызвать в человеке, смотрящем на жизнь с грубо материалистической точки зрения, стремление жить столь же богато. Но и в этом случае надо винить не обстановку, а врожденные склонности человека. То, что такая атмосфера может побудить кого-то в недорогом костюме во что бы то ни стало перещеголять другого, у которого костюм подороже, вряд ли возможно объяснить чем-либо иным, кроме мелкого честолюбия. Устраните единственное, что вызывает возражение,— алкоголь,— и ни один человек не станет осуждать красивую обстановку и приятное возбуждение, остающееся после посещения бара. Популярность современных модных ресторанов подтверждает правильность этой точки зрения.

И тем не менее этот освещенный зал, разодетая, алчная толпа, занятая пустой, самодовольной болтовней, свидетельствующей о беспорядочном, бесцельном и бессвязном мышлении,— все это преклонение перед мишурным блеском и щегольством показалось бы человеку, находящемуся вне этих стен, под чистым сиянием вечных звезд, чем-то удивительным и странным. Да, если стоять под звездами, где гуляет холодный ночной ветер, и смотреть на освещенный бар, он, должно быть, кажется сияющим ночным цветком — загадочной, издающей одуряющий аромат розой наслаждений, окруженной роем мотыльков...

— Видите этого субъекта, который только что вошел сюда? — тихо произнес Герствуд, взглянув на джентльмена в цилиндре и длинном двубортном сюртуке; жирные щеки его были красны, как после плотного обеда.



— Нет. Где? — сказал Друэ.

— Вон там! — Герствуд глазами указал в сторону джентльмена в шелковом цилиндре.

— Да, вижу, — сказал Друэ, бегло взглянув на него. — Кто же это?

— Это Жюль Уоллес — знаменитый спирит.

Друэ поглядел на джентльмена уже внимательнее.

— Я бы не сказал, что он похож на человека, имеющего дело с духами! — заметил он.

— Право, не знаю, имеет он с ними дело или нет, но денетки у него водятся, — отозвался Герствуд, и в глазах его блеснул алчный огонек.

— Я не особенно верю в подобные вещи, — сказал Друэ. — А вы?

— Как вам сказать, — ответил Герствуд. — Может быть, в этом что-то и есть. Впрочем, я лично не стал бы ломать себе над этим голову. Кстати, — добавил он, — вы сегодня идете куда-нибудь?

— Да, иду в театр смотреть «Дыру в земле», — ответил Друэ, называя популярную в то время комедию.

— В таком случае вам пора идти. Уже половина девятого, — заметил Герствуд, взглянув на часы.

В баре поредело: посетители стали расходиться. Одни направлялись в театр, другие — в свои клубы, а часть — к женщинам, источнику самых увлекательных наслаждений (во всяком случае, для людей того типа, которые бывали здесь).

— Да, мне пора, — сказал Друэ.

— Заходите после спектакля, — предложил Герствуд. — Я хочу вам кое-что показать.

— С удовольствием, — обрадовался Друэ.

— Но, может быть, вы чем-нибудь заняты сегодня? — спросил управляющий баром.

— Нет, ничем.

— Тогда заходите после театра.

— В пятницу, по дороге сюда, я познакомился с очаровательной девчонкой, — сказал при прощании Друэ. — Надо будет, черт возьми, непременно навестить ее до отъезда.

— На что она вам сдалась! — отозвался Герствуд.

— Вы не знаете, какая это красотка, — конфиденциальным тоном сообщил Друэ, стараясь произвести впечатление на приятеля.



— Итак, в двенадцать,— напомнил ему Герствуд.

— Да, да,— сказал Друэ, выходя из бара.

Вот каким образом Керри была упомянута в самом легкомысленном и веселом месте как раз в то время, когда маленькая труженица горько оплакивала свою жалкую участь, которая была почти неизбежна для нее на первых порах новой жизни.

## ГЛАВА VI

### МАШИНА И ДЕВУШКА. РЫЦАРЬ НАШИХ ДНЕЙ

Вечером, вернувшись к сестре, Керри почувствовала что-то новое в атмосфере, чего не замечала раньше. Собственно, никакой перемены не произошло, но сама Керри изменилась, и это позволило ей лучше разобраться во всем, что происходит. После того как Керри вернулась накануне в таком хорошем настроении, Минни ожидала услышать веселый рассказ о ее работе. Гансон тоже предполагал, что Керри будет вполне довольна.

— Ну,— начал он, подойдя в рабочей одежде из передней к двери столовой, где была Керри,— как твоя работа?

— Очень тяжело,— ответила девушка.— Мне там не понравилось.

Выражение ее лица говорило яснее слов, что она устала и разочарована.

— А что у тебя за работа? — спросил Гансон, задерживаясь на секунду, перед тем как пройти в ванную.

— У машины,— ответила Керри.

Чувствовалось, что это занимало его лишь постольку, поскольку имело какое-то отношение к его семейному благополучию. Гансон был слегка раздражен: надо же было так случиться, что Керри недовольна, хотя ей и повезло.

Минни возилась на кухне уже с меньшим воодушевлением, чем за минуту до прихода Керри. Шипение мяса на сковородке не доставляло ей удовольствия после жалобы Керри.

А между тем единственное, что могло бы порадовать Керри после такого дня,— это возвращение в привет-



ливый дом, сочувствие семьи, уютно накрытый стол и чтобы кто-нибудь догадался сказать: «Ну, ничего! Потерпи немного. Ты еще найдешь что-нибудь лучше!»

Но все ее надежды разлетелись в прах. Керри стало ясно, что ее сетования кажутся обоим супругам неосновательными. Она должна работать и молчать.

Керри знала, что ей придется платить четыре доллара в неделю за свое содержание, и видела, что жизнь с этими людьми не сулит ей ничего, кроме тоски.

Минни не годилась ей в подруги: она была намного старше. На все у нее были свои, сложившиеся сообразно с обстоятельствами ее жизни, воззрения. Гансон же, если у него и мелькали жизнерадостные мысли или бывали приятные ощущения, тщательно скрывал их. Казалось, вся происходившая в нем психическая деятельность не нуждалась в физическом выражении. Он был безмолвен, как заброшенный дом.

В Керри между тем текла горячая кровь юности, и она была не лишена воображения. У нее все было еще впереди: и ухаживания и любовь с ее тайнами. Ей нравилось думать о том, что она хотела бы сделать, о платьях, которые она хотела бы носить, о тех местах, где хотелось бы побывать. Вот вокруг чего вертелись все ее помыслы; и то, что здесь никто ее не понимал и не сочувствовал ей, она воспринимала как препятствие каждому своему шагу.

Перебирая в уме события дня, Керри совсем забыла, что может прийти Друэ. И теперь, убедившись, как неотзывчивы ее родственники, она даже хотела, чтобы он не пришел. Она не знала, в сущности, что стала бы делать и как стала бы говорить с ним, если он вдруг появится.

После ужина Керри переоделась. Стоило ей чуть принарядиться, и она опять стала премиленьким юным существом с большими глазами и грустным ртом. На лице Керри отражались ее чувства — смесь надежды, разочарования и уныния. Когда посуда была убрана со стола, Керри походила по комнате, поболтала немного с Минни, затем решила сойти вниз и постоять в дверях подъезда. Если Друэ придет, она встретит его там. Когда она надевала шляпу, в глазах ее мелькнул проблеск радости.



— Видно, Керри не особенно довольна своей работой,— обратилась Минни к мужу, когда тот с газетой в руках зашел в столовую, чтобы посидеть там несколько минут.

— Все равно, пока что надо хоть этого держаться,— сказал Гансон.— Она сошла вниз?

— Да.

— Ты бы сказала — пусть продержится. Может, не одна неделя пройдет, пока удастся найти что-то другое.

Минни ответила, что так и сделает, и Гансон снова уткнулся в свою газету.

— И будь я на твоём месте,— добавил он через некоторое время,— я не позволил бы ей стоять в подъезде. Это не очень-то прилично.

— Хорошо, я ей скажу,— обещала Минни.

Жизнь улицы не переставала интересовать Керри. Ей никогда не надоедало думать о том, куда направляются все эти люди в экипажах и как они развлекаются. Ее воображение затрагивал лишь очень узкий круг интересов: деньги, внешность, наряды и удовольствия. Изредка она мельком вспоминала Колумбия-сити, а иногда ее охватывало раздражение при мысли обо всем пережитом за день, но, в общем, маленький уголок мира вокруг нее приковывал все ее внимание.

В первом этаже дома, где жила Минни, находилась пекарня, и Гансон отправился туда за хлебом, в то время как Керри стояла в подъезде. Девушка лишь тогда заметила Гансона, когда он очутился возле нее.

— Я за хлебом,— только и сказал Гансон, проходя мимо.

И вот пример угадывания мыслей на расстоянии. Гансон и вправду спустился за хлебом, но вместе с тем он хотел проверить, что делает Керри. И не успел он приблизиться к ней, как она уже поняла его намерение. Она не могла бы сказать, как это пришло ей в голову, но впервые в ней шевельнулась настоящая неприязнь к Гансону. Теперь ей стало ясно, что этот человек ей очень неприятен. Он ее в чем-то подозревает.

Иногда какая-нибудь мысль способна по-новому осветить окружающее. Спокойные раздумья Керри были нарушены, и вскоре после того, как Гансон вернулся домой, она последовала за ним. Когда прошло четверть часа и еще четверть часа, Керри поняла, что Друз не



придет, и почувствовала себя немного обиженной. Ей казалось, что он ее бросил, что она, видимо, недостаточно хороша для него. В квартире было тихо. Минни сидела за столом и шила при свете лампы. Гансон уже улегся спать. Усталая и разочарованная, Керри тоже заявила, что идет спать.

— Да, пора уж,— сказала Минни.— Тебе ведь рано вставать.

Утро не принесло ничего радостного. Гансон уже выходил из дому, когда Керри приоткрыла дверь своей комнаты. За завтраком Минни пыталась было занять сестру разговором, но у них не было никаких общих интересов.

Как и накануне, Керри отправилась в город пешком, так как уже поняла, что ее четырех с половиной долларов, если вычесть из них плату за стол и квартиру, не хватит даже на конку. Невольно она подумала, что такое распределение заработка не особенно выгодно для нее. Но стоило ей выйти на улицу, как утреннее солнце рассеяло все ее тяжелые мысли. Утреннее солнце обладает такой удивительной способностью.

На обувной фабрике Керри провела томительно долгий день, и хотя работать ей было уже не так тяжело, как накануне, зато в ее впечатлениях было гораздо меньше новизны. Главный мастер во время обхода мастерской остановился возле ее машины и спросил:

— Вы откуда взялись?

— Меня нанял мистер Браун,— ответила Керри.

— А, вот как! Ладно! Только смотрите, не задерживайте работу!

Девушки, работавшие вместе с Керри, произвели на нее еще более неприятное впечатление, чем в первый день.

Казалось, они были довольны своей долей, и все, как одна, какие-то «неотесанные». У Керри было развито воображение куда больше, чем у них. Она не привыкла к их жаргону. Да и одевалась Керри с большим вкусом, чем они. Особенно тяжело действовали на нее разговоры одной из соседок — девушки, ожесточенной жизненной борьбой.

— Я сбегу отсюда,— как-то сказала та, обращаясь к своей подруге.— Грошовая плата и длинный рабочий день не для моего здоровья.



Керри заметила, что девушки очень свободно держат себя с мужчинами, как с молодыми, так и с пожилыми и перебрасываются с ними грубыми шутками. Вначале это ее шокировало. Несомненно, и ее ждет такое же обращение.

— Здравствуй, красотка! — окликнул ее один из рабочих во время обеденного перерыва. — Славная у тебя мордашка!

Это было сказано самым безобидным тоном, и парень рассчитывал услышать в ответ обычное: «Ну тебя, проваливай». Поэтому он был настолько удивлен, когда Керри молча отвернулась от него, что, смущенно ухмыльнувшись, поспешил прочь.

А дома ее ждал еще более тоскливый вечер. Ей все труднее становилось тянуть это унылое существование. Она уже убедилась, что у Гансонов почти никогда не бывает гостей. Спустившись в подъезд, Керри постояла в дверях, потом, осмелев, решила немного пройтись. Неторопливая походка и праздный вид девушки вызвали обычного рода оскорбительный интерес. Керри была огорошена, когда хорошо одетый мужчина лет тридцати, проходя мимо, внимательно посмотрел на нее, потом замедлил шаг и, обернувшись, сказал:

— Вышли на прогулочку, да?

Керри в изумлении взглянула на него и попятилась.

— Я вас совсем не знаю, — еле нашлась она что ответить.

— О, это неважно! — с улыбкой отозвался прохожий.

Не ответив ни слова, Керри бросилась назад. До двери своего дома она добралась, еле переводя дух. Во взгляде этого мужчины было что-то, испугавшее ее.

Так прошла вся неделя. Раз или два уставшая Керри чувствовала себя не в силах идти домой пешком и тратилась на конку. Керри была не особенно крепка, и оттого, что она весь день сидела на одном месте, у нее ныла спина. Однажды она легла спать даже раньше Гансона.

Цветы и девушки не всегда хорошо переносят пересадку на новую почву. Порою требуется почва более богатая, атмосфера более благоприятная для того, чтобы продолжался хотя бы естественный рост. Керри было бы легче, если бы она могла акклиматизироваться посте-



пенно, если бы переход не был так резок. Ей было бы легче, если бы она нашла работу не так скоро и успела бы подробнее ознакомиться с городом, который вызывал в ней тревожное любопытство.

В первый же дождливый день выяснилось, что у Керри нет зонта. Минни одолжила ей один из своих, старый и выцветший. Тщеславие Керри воспротивилось этому. Она отправилась в универсальный магазин и купила там зонт, истратив на это целый доллар с четвертью из своих ничтожных средств.

— Зачем ты это сделала?—ужаснулась Минни.

— Но ведь мне нужен зонт!—ответила Керри.

— Глупая девочка!

Это обозлило Керри, но она ничего не ответила. Она вовсе не намерена ходить, как простая фабричная работница, и пусть сестра на это не рассчитывает.

В первую же субботу, вернувшись вечером домой, Керри уплатила сестре четыре доллара за стол и комнату. Принимая деньги, Минни почувствовала легкий укор совести, но она не знала, что сказать Гансону, если возьмет у сестры меньше. Этот достойный человек с довольной улыбкой выдал жене на хозяйство ровно четырьмя долларами меньше обычного. Таким путем он рассчитывал увеличить ежемесячные взносы за свой участок земли.

А Керри ломала голову над проблемой, как одеваться и развлекаться на пятьдесят центов в неделю. Она много думала об этом и наконец внутренне взбунтовалась.

— Я немного пройду по улице,— сказала она после ужина.

— Не одна, надеюсь?—спросил Гансон.

— Нет, одна,—ответила Керри.

— Напрасно,—вмешалась Минни.

— Но мне хочется хоть что-нибудь видеть!—сказала Керри.

По тону, каким она произнесла последние слова, Гансоны впервые поняли, что она ими недовольна.

— Что это с ней?—заметил Гансон, когда Керри вышла надеть шляпу.

— Право, не знаю,—ответила Минни.

— Гм... Она должна бы понимать, что нельзя вечером разгуливать одной по улицам.



Однако Керри не пошла далеко. Она вскоре вернулась и постояла в дверях дома.

На следующий день все отправились в Гарфилд-парк, но прогулка не доставила Керри никакого удовольствия, так как она чувствовала себя плохо одетой. А на другой день на фабрике она услышала восторженные рассказы девушек об их, в сущности, довольно убогих развлечениях. Они были счастливы.

Несколько дней подряд шел дождь, и Керри возвращалась домой на конке. Однажды, направляясь к остановке на Ван-Бьюрен-стрит, она сильно промокла. Весь этот вечер Керри просидела одна в гостиной, задумчиво глядя вниз, где на мокрой мостовой отражались огни фонарей. Она была достаточно впечатлительна, чтобы прийти в скверное настроение.

В следующую субботу она снова уплатила сестре четыре доллара и с тоской спрятала свои пятьдесят центов. Из разговоров с некоторыми работницами на фабрике она узнала, что у них куда больше остается из заработка на свои личные нужды. К тому же их постоянно приглашали куда-нибудь поклонники — молодые люди, на которых Керри после знакомства с Друзэ смотрела свысока. Ей решительно не нравились эти пустомели — фабричные рабочие. Ни в одном из них не было ни капли утонченности. Она, конечно, видела их только в рабочее время.

Наступил день, когда по улицам города загулял холодный ветер — первый вестник приближающейся зимы. Этот ветер нагромоздил облака в небе, растянул в длинные полосы дым из фабричных труб и резкими порывами мчался по улицам и перекресткам. Керри задумалась о зимней одежде. Что ей делать? У нее не было ни теплого жакета, ни шляпки, ни ботинок. Ей очень трудно было заговорить об этом с Минни, но наконец она собралась с духом.

— Право, не знаю, что я буду делать зимой, — сказала она как-то вечером, когда они остались одни. — У меня нет теплой одежды. И мне нужна шляпа.

Лицо Минни приняло озабоченное выражение.

— А ты оставь себе часть заработка и купи шляпку, — предложила она сестре, хотя в душе была немало встревожена сложностями, которые вызовет уменьшение очередного взноса Керри.



— Я бы очень этого хотела, если ты позволишь. Дай мне неделю или две,— сказала, набравшись смелости, Керри.

— А два доллара ты можешь платить? — спросила Минни.

Керри охотно согласилась, радуясь выходу из тяжелого положения и сразу став щедрой. Она была в восторге и тотчас же принялась высчитывать. Прежде всего ей нужна шляпка. Она так и не узнала, как удалось Минни объяснить все Гансону. А тот тоже ничего не сказал свояченице, но в квартире воцарилась атмосфера скрытого недовольства.

План Керри, вероятно, удался бы, если бы не вмешалась болезнь. После одного из очередных дождей вдруг наступили холода, а Керри все еще ходила без теплого жакета. В шесть часов вечера она вышла из жаркой мастерской и сразу попала под холодный ветер. Ее охватил озноб. Утром у нее появился насморк, но она все же отправилась на работу. На фабрике у нее весь день ныли кости, в голове была какая-то пустота. К вечеру Керри почувствовала себя совсем больной и, вернувшись домой, почти ничего не ела. Минни заметила, что она как-то сникла, и спросила, что с ней.

— Я сама не знаю,— ответила Керри.— Мне что-то плохо.

Она не отходила от печки, и зубы у нее стучали от озноба.

Совсем больная, легла она в постель, а на следующее утро у нее оказался жар.

Минни была очень расстроена, но внешне держалась с сестрой ласково. Гансон же заметил, что Керри, пожалуй, лучше всего было бы на время вернуться домой.

Когда дня через три Керри встала с постели, можно было не сомневаться, что она потеряла место на фабрике. Зима на носу, у девушки не было теплой одежды, а тут еще она лишилась работы.

— Право, не знаю, что делать,— сказала она.— Пойду в понедельник в город и поищу; может быть, что-нибудь подвернется.

На этот раз старания Керри увенчались значительно меньшим успехом. Ее одежда не годилась для поздней осени. Последние свои деньги она истратила на



шляпку. Три дня девушка бродила по городу, все больше и больше падая духом. Отношения с Гансонами становились все более натянутыми. С тяжелым сердцем Керри возвращалась по вечерам к ним на квартиру. Гансон был холоден, как лед. Керри понимала, что так не может долго продолжаться. Скоро ей придется признать себя побежденной и уехать домой.

Весь четвертый день Керри тоже провела в поисках, заняв у Минни десять центов на завтрак. Она тщетно искала работы, хотя бы и совсем низко оплачиваемой. Она даже обратилась в какой-то маленький ресторан, в окошке которого увидела объявление о том, что требуется официантка, но ей ответили, что нужна опытная девушка.

Совсем отчаявшись, Керри брела в густой толпе чужих людей. Внезапно чья-то рука взяла ее за локоть и повернула кругом.

— Вот так-так! — услышала Керри.

С первого же взгляда она узнала Друэ. Свежий и румяный, он весь так и сиял. Казалось, он был соткан из солнечных лучей и благодушия.

— Как поживаете, Керри? — спросил он. — Вы очаровательны. Где вы пропадали?

Керри невольно заулыбалась, тронутая этой неотражимой сердечностью.

— Я была дома, — ответила она.

— Вы знаете, я еще издали, с той стороны улицы, заметил вас и подумал, что это, должно быть, вы, — сказал Друэ. — А я только собирался было навестить вас. Ну, как же вы поживаете?

— Недурно, — с улыбкой ответила Керри.

Друэ оглядел ее с ног до головы и пришел к обратному выводу.

— Мне очень хотелось бы поговорить с вами, — сказал он. — Вы никуда не спешите?

— Нет, сейчас не спешу, — ответила Керри.

— Тогда зайдем куда-нибудь перекусить. Боже мой, вы не поверите, как я рад вас видеть!

Керри почувствовала такое облегчение в присутствии этого жизнерадостного человека, к тому же обнаружившего явное участие к ней, что охотно согласилась, хотя изобразила некоторое колебание. Друэ взял ее под руку.



— Ну?..— сказал он, и в тоне его было столько простого товарищеского чувства, что у девушки сразу потеплело на душе.

Они пересекли Монро-стрит и направились в старинный «Виндзор», просторный и уютный ресторан, славившийся в те времена прекрасной кухней и образцовым обслуживанием. Друэ выбрал столик у самого окна, откуда можно было наблюдать за движением на людной улице. Он любил изменчивую панораму уличной жизни, ему было приятно видеть других и самому быть на виду, когда он обедал здесь.

— Итак,— начал он, когда они оба удобно уселись,— что вы будете есть?

Керри просмотрела поданное официантом меню, не особенно вникая в то, что она читает. Она очень проголодалась, и названия блюд еще более разожгли ее аппетит, но ее испугали высокие цены.

Цыпленок, жаренный на вертеле,— семьдесят пять центов.

Бифштекс-филе с грибами — один доллар двадцать пять центов.

Керри что-то слышала о подобных блюдах, но ей как-то не верилось, что она сама должна заказывать их.

— Мы вот что сделаем,— сказал Друэ.— Послушайте, официант!

Плечистый круглолицый негр приблизился и почти-тельно склонился.

— Бифштекс с грибами и фаршированные помидоры,— сказал Друэ.

— Слушсэр! — ответил негр, кивая.

— Жареный картофель, ломтиками.

— Слушсэр!

— Спаржу.

— Слушсэр!

— И кофе.

Друэ повернулся к Керри.

— У меня с утра маковой росинки во рту не было. Я только что приехал из Рок-Айленда и собирался идти обедать, когда увидел вас.

Керри в ответ только улыбалась.

— Что вы все это время делали? — продолжал Друэ.— Расскажите мне подробнее о себе. Как ваша сестра?



— Она здорова,— сказала Керри, отвечая лишь на последний вопрос.

Друэ пристально посмотрел на нее.

— Послушайте,— сказал он,— уж не были ли вы сами больны, а?

Керри кивнула.

— Вот беда! — воскликнул он.— У вас и сейчас вид далеко не важный. Я сразу подумал, что вы как будто слишком бледны. Что же вы все это время делали?

— Работала.

— Вот как! Где же?

Керри рассказала.

— «Родс, Моргентау и Скотт»? Как же, как же, знаю! Это на Пятой авеню, не так ли? О, они прижимистые люди. Что заставило вас пойти туда?

— Я не могла найти ничего лучшего,— откровенно призналась Керри.

— Но это же настоящее издевательство! — сказал Друэ.— Вам не следовало бы работать у этих господ. У них мастерская сейчас же за магазином, верно?

— Да,— подтвердила Керри.

— Это не особенно почтенная фирма,— сказал Друэ.— Такая работа вам не подходит.

Он без умолку болтал, задавал вопросы, рассказывал о себе, объяснял, что представляет собой ресторан «Виндзор», пока не явился, наконец, официант с огромным подносом, уставленным горячими, аппетитными блюдами. Друэ сиял и старался услужить Керри. Он очень выигрывал сейчас на фоне белоснежного столового белья и серебряных судков. Когда он стал орудовать ножом и вилкой, разрезая сочное жаркое, кольца на его пальцах, казалось, заговорили. Его новый костюм приятно шуршал всякий раз, как он протягивал руку за каким-нибудь блюдом, передавал хлеб или разливал кофе. Он не переставал подкладывать на тарелку Керри, и его душевное тепло согревало ее тело, пока она не почувствовала себя так, будто переродилась. Друэ с обывательской точки зрения был чудесный малый и совершенно пленил девушку.

Эта маленькая искательница счастья восприняла свою неожиданную удачу довольно легко. Она чувствовала себя чуточку неловко в таком непривычном месте, но огромный зал действовал на нее успокаивающе, а зрели-



ще хорошо одетой толпы на улице наполняло ее восхищением. Ну что за жизнь, когда нет денег! Как хорошо приходить сюда обедать, когда вздумается! Какой счастливец Друэ! Он много разъезжает, хорошо одевается, он такой сильный, он может всегда обедать в таких чудесных ресторанах! Друэ теперь представлялся ей весьма важной особой, и она невольно спрашивала себя, чем объяснить его дружбу и внимание к ней.

— Так вы, значит, потеряли работу из-за болезни? — спросил он. — Что же вы собираетесь теперь делать?

— Буду искать дальше, — ответила Керри.

Но при мысли о том, что за пределами этого прекрасного ресторана ее поджидает нужда, бредущая за ней по пятам, как голодная собака, в глазах девушки мелькнул страх.

— Нет, это никуда не годится, — сказал Друэ. — И давно вы ищете?

— Четыре дня.

— Подумайте только! — воскликнул Друэ, как будто обращаясь к невидимому третьему лицу. — Нет, все это совсем не для вас. Эти девушки, — и он сделал широкий жест рукой, как бы указывая на всех продавщиц и фабричных работниц, — ничего не получают за свой труд. Разве можно жить на такие деньги?

Друэ держался с Керри совсем по-братски, но, решительно отвергнув мысль о подобной работе для Керри, он переменял линию поведения. Керри и в самом деле была очень миловидна. Неказистое платье не могло скрыть, что девушка сложена очень недурно, а глаза у нее были большие и ласковые.

Друэ пристально смотрел на девушку, и она поняла, о чем он думает. Она понимала, что он восхищается ею, об этом убедительно говорила его щедрость, его веселое добродушие. Она чувствовала, что и он ей нравится, и чем дальше, тем больше. И еще нечто другое, более глубокое теплой струей вливалось ей в душу. Они то и дело встречались глазами, и при помощи этих взглядов шли токи от одного к другому, образуя замкнутую цепь.

— Почему бы вам не остаться в городе и не пойти со мной вечером в театр? — сказал Друэ, придвигая свой стул ближе. Столик был не очень широк.

— Ах, нет, я не могу! — испугалась Керри.



— Что вы собираетесь делать сегодня?

— Ничего,— уныло ответила Керри.

— Вам, видно, не слишком нравится там, где вы живете?

— Как вам сказать...

— Что вы будете делать, если не найдете работы?

— Наверно, уеду домой.

При этих словах голос Керри слегка дрогнул: почему-то влияние Друэ на нее оказалось непреодолимым. Они начали понимать друг друга без слов. Ему стало ясно, в каком она находится положении, а ей — что он это понимает.

— Нет, это не годится! — с искренним в эту минуту сочувствием произнес Друэ.— Позвольте мне помочь вам. Возьмите у меня немного денег.

— О нет! — воскликнула Керри и даже отшатнулась от него.

— Что же вы будете делать?

Она задумалась и молча покачала головой.

Друэ смотрел на нее с необычной для него нежностью. В жилетном кармане у него лежало несколько ассигнаций; они были мягкие, и ему удалось беззвучно нащупать их пальцами и, скомкав, зажать в руке.

— Послушайте, Керри,— снова начал он,— я непременно хочу вас выручить. Купите себе кое-что из платья.

Он впервые коснулся этой темы, и Керри сразу вспомнила, как плохо она одета. Друэ подошел к этому довольно грубо, но зато попал в самую точку. Губы Керри задрожали.

Одна ее рука лежала на столе. Они были совсем одни в своем уголке, и Друэ накрыл пальцы девушки своей большой теплой рукой.

— Ну, полно, Керри! — промолвил он.— Подумайте, что вы можете сделать одна? Разрешите мне помочь вам!

Он слегка пожал при этом пальчики Керри, а когда она попыталась высвободить руку, он еще крепче сжал их, и девушка больше не сопротивлялась. Тогда Друэ сунул ей в руку зеленые ассигнации и, прервав протесты Керри, шепнул:

— Я вам даю их взаймы, хорошо? Только взаймы!

Он заставил Керри взять деньги. Она почувствовала себя связанной с ним узами странной нежности.



Они вышли из ресторана и свернули в южном направлении. Друзь проводил ее довольно далеко, до самой Полк-стрит.

— Вы, видимо, не хотите жить с вашими родными? — как бы вскользь заметил он во время разговора.

Керри слышала вопрос, но не обратила на него внимания.

— Давайте завтра встретимся и пойдем на утренник, — предложил Друзь. — Хорошо?

Керри начала было отнекиваться, но потом согласилась.

— Вы ведь сейчас ничем не заняты. Купите себе красивые ботинки и теплую кофточку.

Керри и не подозревала, какие сложные, противоречивые мысли будут терзать ее по уходе Друзь. При нем она прониклась его радужным, беспечным настроением.

— И не огорчайтесь из-за людей, с которыми вы живете, — добавил он на прощание. — Я помогу вам.

У Керри было такое чувство, точно чья-то могучая рука протянулась к ней, чтобы вытащить ее из беды. Две мягкие и красивые зеленые десятидолларовые ассигнации были зажаты у нее в руке.

## ГЛАВА VII

### ВЕЛИКИЙ СОБЛАЗН ЗЕМНЫХ БЛАГ. КРАСОТА ГОВОРИТ ЗА СЕБЯ

До сих пор еще никто толком не разъяснил и не понял истинного значения денег. Когда каждый из нас уяснит себе, что деньги прежде всего означают вознаграждение моральное и только так должны восприниматься, что деньги — это возмещение честно затраченной энергии, а не привилегия, добытая незаконным путем, — тогда многие из наших общественных, религиозных и политических неурядиц отойдут в область преданий. Керри Мибер смотрела на деньги так же, как и огромное большинство. В старину говорили: «Деньги — это то, что есть у других и что нужно добыть мне» — это изречение могло бы прекрасно выразить ее представление о деньгах. Вот сейчас она держала их в руке — две мягкие зеленые ассигнации и, обладая ими, уже



чувствовала себя неизмеримо сильнее. Эти бумажки сами по себе были силой. Человек ее умственного развития радовался, если б его выбросило на необитаемый остров с целым тюком денег, и только долгие муки голода научили бы его, что деньги никогда не имеют никакой ценности. Но и тогда такая вот Керри не стала бы размышлять об относительной ценности денег; она, бесспорно, думала бы лишь о том, как обидно обладать таким могуществом и не иметь возможности им пользоваться.

Расставшись с Друэ, бедная девушка в полном смятении чувств продолжала свой путь. Ей было немного стыдно, что она проявила слабость и взяла деньги. Но она так нуждалась, что не радоваться помощи было невозможно. Наконец-то у нее будет красивая новая жакетка! Наконец-то она купит себе красивые ботинки на пуговках! У нее будут чулки, новая юбка... И снова, как и в тот раз, когда она распределяла свой будущий заработок, Керри вдвое переоценила покупательную способность своих денег.

Что же касается Друэ, то у нее сложилось вполне правильное мнение о нем. В ее глазах, да и в глазах всего света, он был славный, добродушный малый. Он никому не причинял зла. Он дал ей денег только по доброте, только потому, что понимал, в какой она нужде. Правда, он не дал бы такой суммы нуждающемуся мужчине, но следует помнить, что нуждающийся мужчина, естественно, не мог бы тронуть его так, как молодая девушка. Друэ был женолюбом. Он не мог смотреть на женщину без вожделения. В то же время стоило какому-нибудь нищему попасться ему на глаза и сказать: «Мистер, я умираю с голоду», — как Друэ охотно дал бы ему столько, сколько, по его мнению, полагалось давать нищим, после чего тотчас же забыл бы об этом. Он не стал бы предаваться размышлениям и философствовать. В его уме не происходило таких процессов, которые были бы достойны хоть одного из этих слов. Нарядный и цветущий, он был подобен беззаботному мотыльку. Если бы он лишился своего положения, если бы он стал жертвой хитроумных и ошеломляющих подвохов, которые судьба иной раз устраивает людям, он был бы столь же беспомощен, как Керри, столь же наивен и, если угодно, жалок.



Что же касается влечения Друэ к женщинам, то в его намерениях не таилось зла, ибо, стремясь к сближению с ними, он не видел в этом ничего дурного. Он любил ухаживать за женщинами, любил покорять их своими мужскими чарами, но он не был хладнокровным, бессовестным негодяем, — просто природные склонности влекли его к этому, как к высшему наслаждению в жизни. Друэ был тщеславен и хвастлив, красивая одежда кружила ему голову, словно легкомысленной девушке. Прожженный плут обошел бы его с такой же легкостью, с какой Друэ мог бы обольстить хорошенькую фабричную работницу. Его бесспорный успех в качестве коммивояжера объяснялся отчасти его добродушной веселостью, отчасти прекрасной репутацией его фирмы. Беспечным, жизнерадостным мотыльком кружился он среди людей — у него не было ни той духовной силы, которую можно было бы назвать интеллектом, ни единой мысли, которая была бы достойна эпитета «благородная», ни каких-либо чувств, которые могли бы долгое время волновать его. Какая-нибудь современная Сафо назвала бы его «свиньей», Шекспир сказал бы про него «мое резвое дитя», а старый пропойца Карио считал его умным, способным и деловитым человеком. Короче говоря, Друэ был таким, каким он мог быть при своих природных данных.

В этом человеке, несомненно, было нечто искреннее и располагающее, и то, что Керри приняла от него деньги, служило тому лучшим доказательством. Коварному совратителю с низкими целями под маской дружеского участия не удалось бы навязать ей хотя бы несколько центов. Люди, не обладающие большим умом, отнюдь не беспомощны. Природа научила диких зверей обращаться в бегство, почуяв скрытую опасность. Природа внушила глупой маленькой белке необъяснимый страх перед ядами. «Бог хранит свои создания» — это относится не только к животным. Керри не была умудрена опытом, зато, подобно неразумным овечкам, обладала инстинктом. Но ухаживания Друэ почти не пробудили в ней инстинкта самосохранения, столь сильного в таких непосредственных натурах.

Расставшись с Керри, Друэ поздравил себя с успехом, он произвел на нее выгодное впечатление. Черт возьми, это возмутительно, что молодым девушкам приходится так туго! Надвигаются холода, а ей и надеть



нечего. Это ужасно! Надо зайти выкурить сигару к «Фицджеральду и Мою». Мысли о Керри окрылили его.

Керри вернулась домой в приподнятом настроении, которое она никак не могла скрыть. В то же время полученные деньги ее серьезно смущали. Как она станет покупать обновки, когда Минни знает, что у нее нет ни цента? Прежде чем войти в дом, она уже твердо решила: покупать ничего нельзя. Для этого невозможно придумать никакого объяснения.

— Ну, как? — спросила Минни, имея в виду поиски работы.

Керри не обладала способностью обманывать и, чувствуя одно, говорить другое. Если порой она и отступала от истины, то уж по крайней мере в тех случаях, когда считала это необходимым.

Поэтому, вместо того, чтобы жаловаться на неудачу в то время, как у нее было так легко на душе, она ответила:

— Мне кое-что обещали.

— Где?

— В универсальном магазине «Бостон».

— А это наверняка? — допытывалась Минни.

— Вот завтра я узнаю, — ответила Керри, которой вовсе не хотелось лгать больше, чем это было необходимо.

Минни тотчас же почувствовала хорошее настроение Керри и решила, что сейчас самый удобный момент, чтобы осведомить ее, как относится Гансон к этой рискованной затее — приехать в Чикаго.

— Если ты не получишь этого места...

Она запнулась, не находя подходящих слов.

— Если я не получу ничего в самое ближайшее время, я, наверно, уеду домой, — сказала Керри.

Минни подхватила эту мысль.

— Свен тоже думает, что это, пожалуй, самое правильное... Во всяком случае, на зиму.

Керри сразу же поняла все: они не желали держать у себя безработную родственницу. Она не осуждала Минни и даже не слишком осуждала Гансона. Но сейчас, сидя рядом с сестрой и обдумывая ее слова, она радовалась, что у нее есть деньги Друзь.

— Да, — сказала она, помолчав, — я тоже об этом думала.



Керри не сочла нужным добавить, что мысль о возвращении в Колумбия-сити вызывала в ней бурное возмущение. Колумбия-сити! Что хорошего ждет ее там? Она прекрасно знала однообразность и будничность тамошней жизни. Здесь же был огромный таинственный город, все еще притягивавший ее к себе, точно магнит. То, что она успела увидеть, говорило о необъятных возможностях. И что же: опять влачить прежнее существование? При одной этой мысли у Керри чуть не вырвался крик протеста.

Сегодня она вернулась домой рано и сейчас прошла в комнату окнами на улицу, чтобы посидеть и подумать. Как ей теперь быть? Она не может купить новые ботинки и носить их здесь. И необходимо сохранить часть этих двадцати долларов на обратный проезд. Ей было бы неприятно занимать на дорогу у Минни. При всем том как объяснить, откуда эти деньги? Если бы она могла хоть сколько-нибудь заработать, чтобы выйти из этого тягостного положения!

Снова и снова Керри пробовала разобраться в этой сложной путанице. Завтра утром Друэ будет дожидаться ее, уверенный, что она придет в новой жакетке. А это неосуществимо. Гансоны ждут не дождутся дня, когда она уедет. Она и сама была бы рада расстаться с ними, но ей не хотелось ехать домой. Представив себе, как посмотрят эти люди на то, что она раздобыла деньги не работая, Керри и сама начала приходить в ужас от своего поступка. Ей стало стыдно. Создавшееся положение угнетало ее. Все было так ясно, пока рядом с нею был Друэ. А теперь все так запутанно, так безнадежно,— много хуже, чем раньше, как будто бы и есть помощь, а воспользоваться ею нельзя!

За ужином Керри совсем приуныла, и Минни подумала, что у сестры, должно быть, опять выдался тяжелый день. А Керри в конце концов решила, что вернет деньги Друэ. Напрасно она взяла их, это было нехорошо. Завтра с утра она отправится в город на поиски работы. В полдень, как условлено, она встретится с Друэ и скажет ему все напрямик. Но тут сердце ее екнуло, и она почувствовала себя по-прежнему несчастной.

Как это ни странно, но Керри испытывала чувство облегчения, стоило ей прикоснуться к ассигнациям. Все тягостные размышления, все тревоги отлетали прочь, и



тогда эти двадцать долларов казались ей чем-то чудесным и восхитительным. Ах, деньги, деньги, деньги! Как хорошо иметь их! Будь у нее много денег, все ее заботы развеялись бы, как дым!

Утром она встала и вышла из дому раньше обычного. Ее решимость найти себе место была не слишком твердой, но оттого, что в кармане у нее лежали деньги, вызвавшие столько волнений, проблема работы казалась уже чуть-чуть менее страшной. Снова Керри очутилась в районе оптовых фирм, но при мысли о том, чтобы предложить где-либо свои услуги, сердце ее замирало. «Какая трусиха», — бранила она себя. Но ведь она уже столько раз просила работы! Теперь, наверное, повторится старая история. И она все шла вперед и вперед, пока, наконец, не решилась зайти на одну фабрику, где ее встретил очередной отказ. Она вышла оттуда, считая, что судьба против нее. Все бесполезно!

Почти сама того не сознавая, она дошла до Дирборн-стрит. Здесь находился знаменитый универсальный магазин «Базар» с заманчивыми витринами, толпами покупателей и множеством фургонов для развозки покупок. Это зрелище быстро изменило ход мыслей Керри, тем более что она уже изнемогала от них. Вот здесь она вчера намеревалась купить нужные ей вещи. Во всяком случае, она может зайти сюда, чтобы хоть сколько-нибудь рассеяться. Она только взглянет на жакеты.

Нет в этом мире ничего восхитительнее того состояния неопределенности, когда мы, снedaемые соблазном купить вещь и обладая средствами для этого, все еще медлим, удерживаемые то ли голосом совести, то ли недостатком решимости. Таково было душевное состояние Керри, когда она вошла в магазин и стала бродить среди изумительных вещей, попадавших ей на каждом шагу. С того дня, когда она зашла сюда в поисках работы, у нее осталось сильное впечатление от этого магазина. Теперь она останавливалась перед каждой привлекавшей ее взор витриной, мимо которой тогда спешила пройти. Ее женское сердце горело желанием обладать всей этой красотой. Как хорошо сидело бы на ней вот это, какой очаровательной она была бы вон в том! Она остановилась у прилавка с корсетами и замечталась при виде яркой пены из шелка и кружев. Стоит ей только решиться, и один из корсетов будет принадлежать ей



Керри надолго задержалась в ювелирном отделе, рассматривая серьги, браслеты, булавки, цепочки. Чего бы она не дала за обладание всем, что было здесь! Она знала, что была бы обворожительна в этих украшениях.

Но главной приманкой для нее были жакеты. Уже при входе в магазин она остановила свой выбор на жакете кофейного цвета с большими перламутровыми пуговицами — крик моды в ту осень. Глядя на жакет, Керри с восторгом убеждалась, что ничего лучшего ей не найти. Она расхаживала среди стеклянных шкафов, в которых были выставлены всевозможные наряды, и радовалась тому, что сразу выбрала самую красивую вещь. И все это время она не переставала колебаться, то уверяя себя, что может сейчас же купить этот жакет, то вспоминая свое затруднительное положение. Близился полдень, а она еще ничего не купила. Нет, надо пойти и вернуть деньги!

Друз ждал ее на углу в условленном месте.

— А! — приветствовал он ее. — Где же жакет? — спросил он и, взглянув на ее ноги, добавил: — И ботинки?

Керри намеревалась толково изложить ему свое решение, но все смешалось у нее в голове, и она уже не помнила ни одной из заранее приготовленных фраз.

— Я пришла сказать вам, что... что я не могу взять ваших денег.

— А! Вот оно что! — отозвался Друз. — Хорошо, пойдите со мной. Мы заглянем к Партриджу.

Керри пошла с ним рядом, и всей сложной паутины сомнений и колебаний словно и не бывало. Она уже не сумела бы изложить те доводы, которые казались ей столь серьезными, те обстоятельства, которые она хотела объяснить ему.

— Вы еще не завтракали? — спросил вдруг Друз. — Ну, разумеется, нет! Давайте зайдем сюда.

И он вошел с ней в один из изящно обставленных ресторанов на Монро-стрит, близ Стэйт-стрит.

— Я не должна брать у вас деньги, — повторила Керри после того, как они расположились в уютном уголке и Друз заказал завтрак. — Я не могу носить эти вещи там. Мои родные... они спросят, откуда я их взяла.

— Что же вы намерены делать? — с улыбкой спросил Друз. — Ходить раздетой?

— Я уеду домой, — грустно ответила она.



— Полно, полно! — сказал Друэ. — Вы слишком много думаете об этом. Я вам скажу, что делать. Вы говорите, что не можете носить обновки в квартире сестры? А почему бы вам не снять меблированную комнату и не оставить там эти вещи, скажем, на неделю?

Керри покачала головой. Как и все женщины, она должна была протестовать, с тем чтобы потом поддаться уговорам. А задачей Друэ было рассеять ее сомнения и по возможности освободить путь для иных мыслей.

— Почему вы уезжаете домой? — спросил он.

— Потому, что я не могу найти здесь работу.

— Родные не хотят содержать вас? — догадался он.

— Они не могут, — ответила Керри.

— Я вам скажу, что делать! — воскликнул Друэ. — Не расставайтесь со мной. Я позабочусь о вас.

Керри покорно слушала его. В том состоянии, в котором она находилась, слова Друэ были для нее словно свежий воздух, повеявший из распахнутой двери. Друэ, казалось, отлично понимал ее, был ей приятен. Он так красив, аккуратен, хорошо одет и преисполнен сочувствия. Его голос — голос друга.

— Что вы будете делать там, в Колумбия-сити? — спросил он, и его слова вызвали в воображении Керри картину той серенькой жизни, от которой она бежала. — Что там хорошего? Чикаго — вот где надо жить! Снимите приличную комнату, оденьтесь как следует, тогда вы и работу найдете.

Керри смотрела в окно на сновавшую на улице толпу и думала: «Вот он, этот чудесный, огромный город, такой пленительный для тех, у кого есть деньги!» Мимо промчался экипаж, запряженный парой гнедых; в глубине, среди мягких подушек, сидела молодая женщина.

— Что вас ждет, если вы вернетесь в Колумбия-сити? — снова спросил Друэ.

Вопрос был задан искренне, без всякой задней мысли. Друэ просто считал, что дома Керри будет лишена всего того, ради чего, по его мнению, стоило жить.

Керри сидела неподвижно и смотрела на улицу. Она раздумывала, что ей делать. Ведь Гансоны ждут, что на этой неделе она уедет домой.

Друэ снова вернулся к вопросу об одежде.

— Почему вы не купите себе красивую теплую жа-



кетку? Ведь это необходимо. Я вам одолжу еще денег, об этом не беспокойтесь. Подыщите себе хорошую комнату, где вы будете жить одна. Меня вам нечего опасаться!

Керри ясно понимала, к чему клонится разговор, но не могла высказать свои мысли. Больше чем когда-либо она чувствовала всю безвыходность положения.

— Если б мне найти какую-нибудь работу! — пробормотала она.

— Возможно, что вы и найдете, если останетесь здесь, — ответил Друзь. — Но если вы уедете, то, конечно, ничего не достигнете. Ваши родные не хотят, чтобы вы оставались у них? Хорошо. Почему же вы не позволите мне снять вам уютную комнату? Я не стал бы вас беспокоить, не бойтесь! А когда вы как следует устроитесь, быть может, найдете и работу.

Друзь любовался ее миловидным личиком, и это оживляло его умственную деятельность. Ему, несомненно, нравилась Керри. Он угадывал в ней какую-то скрытую силу. Она не была похожа на обычных продавщиц, лишь недавно прибывших из провинции: она была далеко не глупа.

Надо признать, что Керри, безусловно, обладала куда большим воображением, чем Друзь, и у нее было больше врожденного вкуса. Вот в этой-то утонченности души и крылась причина ее угнетенного состояния и тоски. Она была одета бедно, но опрятно и, сама того не сознавая, как-то очень грациозно держала голову.

— Так вы думаете, я могла бы что-нибудь найти? — с сомнением спросила Керри.

— Ну еще бы! — сказал Друзь и наклонился налить ей чаю. — Я вам помогу.

Керри взглянула на него, и он беспечно рассмеялся, стараясь подбодрить ее.

— Послушайте, мы вот что сделаем. Сходим в магазин Партриджа и выберем все, что вам нужно. Затем мы поищем для вас комнату, и вы оставите там свои вещи. А вечером мы с вами пойдем в театр.

Керри покачала головой.

— Ну хорошо, вы потом вернетесь на квартиру к сестре. Пожалуй, так будет лучше. Вам вовсе незачем оставаться в новой комнате. Вы только снимете ее и сложите там покупки.



Керри ничего не ответила и до конца завтрака мучилась сомнениями.

— Ну, идем выбирать жакет! — сказал наконец Друз.

Они вместе отправились в магазин, где шелестели и сверкали всевозможные новые вещи, и, разумеется, Керри тотчас же оказалась во власти их магической силы. После вкусного завтрака в обществе жизнерадостного Друз его план казался ей вполне осуществимым. Она стала присматриваться к вещам и выбрала точно такой жакет, какой раньше облюбовала в «Базаре». Когда Керри взяла его в руки, жакет показался ей еще красивее.

Продавщица помогла девушке примерить покупку, которая оказалась как раз впору. Друз просиял, увидев, как идет эта вещь Керри. Девушка сразу стала элегантной.

— Именно то, что вам нужно! — воскликнул он.

Керри повертелась перед зеркалом, радостно разглядывая себя со всех сторон. Румянец заливал ей щеки.

— Именно то, что вам нужно! — повторил Друз. — А теперь платите.

— Девять долларов! — ужаснулась Керри.

— Ну и что ж, берите, — сказал Друз.

Керри порылась в сумочке и вынула одну из ассигнаций. Продавщица спросила, не наденет ли она жакет, и ушла. Через минуту она принесла сдачу, и покупка свершилась.

От Партриджа они отправились в обувной магазин, где Керри примерила ботинки. Друз стоял тут же. Увидев, как красиво новые ботинки облегают ее ноги, он сказал:

— Не снимайте их.

Но Керри покачала головой. Она думала о том, что должна вернуться домой, к сестре.

Друз тут же купил ей новую сумочку, потом пару перчаток, а чулки предоставил купить ей самой.

— А завтра снова ходите по магазинам и купите себе юбку, — сказал он.

На все это Керри соглашалась не без дурных предчувствий. Чем больше она запутывалась, тем больше пыталась уверить себя, что все будет зависеть именно от того, чего она еще не сделала. Пока она не сделала того-то и того-то, еще возможно отступление.

Друз знал дом на Вобеш-авеню, где сдавались мебели-



рованные комнаты. Когда они подошли к цели, он указал Керри на дом и сказал:

— Теперь помните, что вы моя сестра.

Весело и непринужденно вел он переговоры с квартирной хозяйкой, внимательно все разглядывал, выбирал, критиковал и делился своим мнением.

— Вещи сестры придут через день-два, — сказал он хозяйке, которая была очарована нанимателем.

Когда они остались в комнате одни, Друэ несколько не изменил своего поведения. Он продолжал болтать, словно они находились на улице. Керри заперла в своей новой комнате купленные вещи.

— А почему бы вам не переехать сегодня же? — спросил Друэ.

— О нет, я не могу! — ответила она.

— Почему?

— Я не хочу уходить от своих так сразу.

На улице Друэ вернулся к той же теме. Стоял теплый, ясный день. Солнце выглянуло из-за туч, а ветер совсем стих. Из разговора с Керри Друэ составил себе довольно точное представление о той атмосфере, которая царила в квартире ее сестры.

— Уходите оттуда поскорее, — посоветовал он девушке. — Они несколько не будут огорчены. А я вам помогу все наладить.

Керри слушала его, и мало-помалу все ее дурные предчувствия рассеивались как дым. Друэ сказал, между прочим, что сперва немного ознакомит ее с городом, а потом поможет найти работу. Он и сам верил в то, что говорил. Скоро он отправится в деловую поездку, а она останется и будет работать.

— Вы вот что сделайте, — сказал он. — Сходите к сестре, возьмите там, что вам нужно, а потом уходите.

Керри долго обдумывала его слова. Наконец она согласилась. Они условились, что вечером, в половине девятого, Друэ будет ждать ее на углу Пеория-стрит.

В половине шестого Керри вернулась домой, а к шести часам принятое ею решение окончательно окрепло.

— Значит, не получила? — спросила Минни.

Она подразумевала место, которое, по словам Керри, ей обещали в универсальном магазине «Бостон».

— Нет, — ответила Керри, искоса взглянув на сестру.



— Пожалуй, лучше тебе до весны больше и не искать,— сказала та.

Керри ничего не ответила.

Когда Гансон вернулся домой, на лице его было обычное непроницаемое выражение. Он молча умылся и сел читать газету. За обедом Керри слегка нервничала. То, что она задумала, было слишком значительно, а ощущение, что она здесь нежеланная гостья, стало еще острее.

— Ничего не нашла? — спросил Гансон.

— Нет.

Он снова принялся за еду, размышляя о том, какой неприятной обузой оказалась свояченица. Надо ей ехать домой, вот и все! А если уедет, так пусть и не воображает, что вернется весной.

Керри очень страшило то, что ей предстояло совершить, но ее утешала мысль, что тягостное положение подходит к концу. Им ведь все равно. Особенно Гансон будет рад ее уходу. Он не станет тревожиться за ее судьбу.

После обеда Керри ушла в ванную, где никто не мог помешать ей, и написала записку:

«Прощай, Минни! Я не еду домой. Я остаюсь в Чикаго и буду искать работу. Не беспокойся обо мне, все будет хорошо».

Гансон сидел в гостиной и читал газету.

Керри по обыкновению помогла Минни вымыть посуду, убрать со стола и привести комнату в порядок. Потом она сказала:

— Я, пожалуй, сойду вниз и постою немного в подъезде.

Произнося эти слова, она с трудом сдерживала дрожь в голосе.

Минни вспомнила про недовольство мужа и сказала:

— Свен считает, что не очень-то прилично стоять в подъезде.

— Вот как? — удивилась Керри.— Хорошо, это будет в последний раз.

Она надела шляпу, потом засуетилась возле столика в маленькой спальне сестры, не зная, куда положить записку. Наконец она сунула ее под щетку для волос, которой пользовалась Минни.



Выйдя из квартиры и закрыв за собой дверь, девушка на минуту остановилась, спрашивая себя, что подумают о ней сестра и зять. Необычность этого поступка пугала ее. Медленно спустилась Керри по лестнице. Оглянувшись на освещенный подъезд, она двинулась в путь, делая вид, что просто прогуливается по улице. Дойдя до ближайшего угла, она ускорила шаг.

В то время как Керри быстро удалялась от дома, Гансон вышел из гостиной и, окликнув жену, спросил:

— Керри опять вниз?

— Да,— сказала Минни.— Но она обещала мне, что это в последний раз.

Гансон подошел к игравшему на полу ребенку и пощекотал его пальцем.

А в это время Друз в прекрасном настроении ждал на углу.

— Ну что, Керри? — сказал он, когда девушка легкой походкой подошла к нему.— Надеюсь, выбрались благополучно? Теперь давайте сядем в конку.

## ГЛАВА VIII

### ЗИМА НАПОМИНАЕТ О СЕБЕ. СУДЬБА ШЛЕТ ПОСЛА

Человек без житейского опыта — это былинка, увлекаемая бушующими по вселенной ветрами... Наша цивилизация находится еще на середине своего пути. Мы уже не звери, ибо в своих действиях руководствуемся не только одним инстинктом, но еще и не совсем люди, ибо мы руководствуемся не только голосом разума. Тигр не отвечает за свои поступки. Мы видим, что природа наградила его всем необходимым для жизни,— он повинуетя врожденным инстинктам и бессознательно находит в них защиту. И мы видим, что человек далеко ушел от логовища в джунглях, его инстинкты притупились с появлением собственной воли, но эта воля еще не настолько развилась в нем, чтобы занять место инстинктов и правильно руководить его поступками. Человек становится слишком мудрым, чтобы всегда прислушиваться к голосу инстинктов и желаний, но он еще слишком слаб, чтобы всегда побеждать их. Пока он был зверем, силы



природы влекли его за собой, но как человек он еще не вполне научился подчинять их себе. Находясь в этом переходном состоянии, человек уже не руководствуется слепыми инстинктами и не действует в гармонии с природой, но он еще и не умеет по собственной воле разумно создавать эту гармонию. Вот почему человек подобен подхваченной ветром былинке: во власти порывов страстей он поступает так или иначе то под влиянием воли, то инстинкта, ошибаясь, исправляя свои ошибки, падая и снова поднимаясь; он — существо, чьи поступки невозможно предусмотреть. Нам остается только утешать себя мыслью, что эволюция никогда не прекратится, что идеал — это светоч, который не может погаснуть. Человек не будет вечно колебаться между добром и злом. Когда эта распря между собственной волей и инстинктом придет к концу, когда глубокое понимание жизни позволит первой из этих сил окончательно занять место второй, человек перестанет быть непостоянным. Стрелка разума тогда твердо, без колебаний будет устремлена на далекий полюс истины.

В Керри, как и в каждом человеке, борьба между желанием и разумом не прекращалась ни на минуту. Послушная своим стремлениям, она не шла по твердо намеченному пути, а скорее плыла по течению.

Когда наутро после тревожной ночи (эта тревога, впрочем, едва ли объяснялась тоскою, горем или любовью) Минни нашла записку, она воскликнула:

— Ну, что ты скажешь на это?

— В чем дело? — спросил Гансон.

— Керри ушла жить в другое место.

Гансон вскочил с постели с такой живостью, какой у него до сих пор не наблюдалось, и быстро прочел записку. Единственным признаком того, что он о чем-то думал, было легкое прищелкивание языком — звук, похожий на тот, которым погоняют лошадь.

— Как ты думаешь, куда она могла пойти? — спросила обеспокоенная Минни.

— А я почему знаю? — отозвался ее муж, и в глазах его блеснул нехороший огонек. — Ушла, так пусть теперь и пеняет на себя.

Минни в недоумении покачала головой.

— Ох! — вздохнула она. — Керри не понимает, что она наделала.



— Ну, что ж,— сказал Гансон, зевая и потягиваясь,— чем ты тут можешь помочь?

Женская натура Минни была, однако, благороднее. К тому же она лучше представляла себе возможные последствия такого поступка.

— Ох! — снова вырвалось у нее.— Бедная сестра Керри!

А в то время, когда происходил этот разговор,— это было часов в пять утра,— наша маленькая искательница счастья спала беспокойным сном одна в своей новой комнате.

Новая жизнь радовала Керри; она, казалось, открывала перед ней большие возможности. Керри отнюдь не принадлежала к тем чувственным натурам, которые мечтают лишь сонно нежиться среди роскоши. Она ворочалась в постели, напуганная собственной смелостью, обрadowанная освобождением, и думала о том, найдет ли какую-нибудь работу и что будет делать Друэ. А сей достойный джентльмен с такою точностью заранее определил свое будущее, что в нем не могло быть и места случайностям. Он не умел устоять против того, к чему его влекло. Он неспособен был разбираться в явлениях жизни настолько, чтобы понимать, что нужно поступать иначе. Он не мог бы отказать себе в удовольствии насладиться Керри, как не мог бы отказать себе в сытном завтраке. Он был способен иногда испытывать угрызения совести и называть себя негодяем и грешником. Но если и случались у него такие угрызения совести, то можете не сомневаться, что они были чрезвычайно мимолетны.

На следующий день он пришел к Керри, и та приняла его у себя в комнате. Он был все такой же веселый и жизнерадостный.

— Что это вы нос повесили? — спросил он.— Прежде всего пойдем завтракать. Вам еще нужно купить сегодня кое-что из платья.

Керри взглянула на него, и в ее больших глазах отразились мучившие ее мысли.

— Мне бы хотелось найти какую-нибудь работу,— сказала она.

— Да вы непременно найдете,— отозвался Друэ.— Зачем беспокоиться раньше времени. Сначала приведите себя в порядок. Осмотрите город. Я вам ничего дурного не сделаю.



— Я знаю, что не сделаете,— не совсем искренне согласилась Керри.

— Вы в новых ботинках? — заметил Друэ.— А ну-ка, покажитесь! Прелестно, черт возьми! А теперь наденьте жакет.

Керри повиновалась.

— Слушайте, он на вас как влитой! — воскликнул он и дотронулся до ее талии, как бы желая удостовериться, что жакет сидит на ней хорошо.

Он отступил на шаг, с восхищением разглядывая Керри.

— Теперь вам нужна новая юбка. А пока что пойдем завтракать.

Керри надела шляпу.

— А где перчатки? — напомнил ей Друэ.

— Здесь,— сказала Керри, вынимая их из ящика стола.

— Ну, теперь пошли! — сказал Друэ.

И дурные предчувствия утренних часов рассеялись окончательно.

Так было всякий раз, когда возникали эти предчувствия. Друэ не оставлял ее подолгу одну. У Керри было достаточно времени для одиноких прогулок, но большую часть ее досуга Друэ заполнял всевозможными развлечениями. В магазинах Карсона и Пайри он купил ей красивую юбку и блузку. На его деньги она приобрела разные мелочи туалета и в конце концов совершенно преобразилась. Зеркало подтвердило то, в чем в глубине души она уже давно была уверена. Она была хороша, несомненно хороша! Как идет ей эта шляпа! И разве у нее не прелестные глаза? Прикусив алую нижнюю губку, она смотрела на свое отражение и впервые с трепетом ощущала свое могущество. А Друэ был так добр к ней!

Однажды вечером они отправились смотреть «Микадо» — оперетту, которая пользовалась в то время огромным успехом. Перед спектаклем они решили зайти в ресторан «Виндзор» на Дирборн-стрит; это было довольно далеко от дома, где теперь жила Керри. Дул холодный ветер, и из окна своей комнаты Керри видела небо, еще розовое на западе, но синевато-стальное в зените, где уже воцарялась ночь. В воздухе чуть алело длинное, тонкое облачко, похожее по форме на пустынный остров



в безбрежном океане. Деревья на противоположной стороне улицы качали мертвыми ветвями, напоминая девушке картину, которую она часто наблюдала в декабрьские дни из окна родного дома.

Она вдруг остановилась и заломила маленькие руки.

— В чем дело? — спросил Друз.

— Ах, я и сама не знаю! — ответила Керри, и губы ее дрогнули.

Друз как будто угадал ее мысли, обнял одной рукой за плечи и нежно погладил ее руку.

— Полно! — ласково сказал он. — Все будет хорошо.

Керри отвернулась и стала надевать жакет.

— Я советовал бы вам надеть сегодня боа, — сказал он.

Они пошли по Вобеш-авеню и, дойдя до Адамс-стрит, повернули на запад. Из витрин уже лились потоки золотистого света. Дуговые фонари шипели над головой, и высоко-высоко светились окна гигантских конторских зданий. Дул пронизывающий порывистый ветер. Вокруг толкались и спешили тысячи служащих, возвращавшихся в этот час с работы. Те, на ком было легкое пальто, поднимали воротники до ушей и низко надвинули на лоб шляпы. Молоденькие работницы торопливо шли мимо то парами, то вчетвером, смеясь и весело болтая. Город заполнили толпы человеческих существ, в чьих жилах текла горячая кровь.

Внезапно Керри встретилась взглядом с чьими-то глазами, показавшимися ей смутно знакомыми. На нее смотрела девушка, которая проходила мимо вместе с другими бедно одетыми работницами. Юбки на них были выцветшие и мешковатые, жакетки сильно поношенные, и вообще выглядели они жалко и неприглядно.

Керри сразу узнала эти глаза и девушку. То была одна из работниц обувной мастерской. Девушка тоже, по-видимому, узнала Керри и, когда та прошла мимо, обернулась и посмотрела ей вслед. У Керри было такое ощущение, точно между ними пронеслась гигантская волна и отбросила их в разные стороны. Снова вспомнилось и старое платье, и тяжелый труд, и машина. Она вздрогнула всем телом.

Друз ничего не замечал до тех пор, пока Керри не наткнулась на прохожего, шедшего им навстречу.



— Вы, видно, задумались,— сказал Друз.

Они пообедали и отправились в театр. Спектакль очень понравился Керри. Яркие краски и игра артистов произвели на нее глубокое впечатление. Воображение уносило ее в неведомые страны, где могущественные люди боролись за власть.

Когда представление окончилось и она вышла с Друз на улицу, девушка не могла отвести глаз от экипажей и нарядных дам.

— Обождет минутку,— сказал Друз, отводя ее назад, в эффектно отделанный вестибюль.

Дамы и джентльмены теснились здесь оживленной толпой, шуршали платьями, женские головки в кружевных шарфах кивали одна другой, белые зубы сверкали из-за полуоткрытых губ.

— Давайте посмотрим.

— Шестьдесят семь! — зычно выкрикнул швейцар номер экипажа, и голос его разнесся под сводами театра. — Шестьдесят семь!

— Как хорошо! — сказала Керри.

— Здорово! — подтвердил Друз.

На него это зрелище нарядной, веселой толпы произвело не меньшее впечатление, чем на нее. Он слегка сжал ее руку. В какую-то минуту она подняла на него глаза, взгляд ее сверкал, она улыбалась, и ее ровные зубы блестели. Когда они двинулись вперед, он наклонился к ней и прошептал:

— Вы очаровательны!

В эту минуту они поравнялись с швейцаром, который как раз широко распахнул дверцу экипажа, помогая садиться двум дамам.

— Держитесь меня, и у нас тоже будет свой экипаж! — смеясь, сказал Друз.

Керри вряд ли расслышала его — такое головокружение вызвал у нее этот водоворот жизни.

После театра они зашли в ресторан закусить. Керри мельком подумала о позднем часе, но она теперь не подчинялась законам домашнего распорядка; если бы она успела выработать в себе какие-то привычки, то в эту минуту они дали бы о себе знать. Курьезная вещь — привычка! Только она может вытащить человека совершенно неверующего из постели, чтобы прочесть молитвы, в которые он вовсе не верит.



Жертвы привычки, забыв сделать что-то, что по своему обыкновению проделывают каждый день, ощущают непонятное беспокойство, они словно выбиты из колеи и воображают, что в них говорит голос совести, понуждающий восстановить нарушенный порядок. Если такое нарушение не совсем обычно, сила привычки заставляет покорную жертву вернуться и механически проделать то-то и то-то. «Ну, слава богу», говорит такой человек, «я выполнил свой долг», — на самом же деле он уже который раз повторил все то же пустяковое, но неизменное дело.

Если бы в семье Керри были привиты высокие моральные принципы, она бы куда больше мучилась укорами совести, чем сейчас. Ужин проходил в приподнятом настроении. Под влиянием новых впечатлений, вкусной еды, все еще непривычной для нее ресторанной обстановки, страсти, сквозившей в глазах Друэ, Керри отдалась во власть минуты и безвольно внимала собеседнику. Она снова пала жертвой гипноза большого города.

— Ну, — сказал наконец Друэ, — нам, пожалуй, пора идти!

Они уже давно сидели над пустыми тарелками, и глаза их часто встречались. Керри не могла не чувствовать той трепетной силы, которую излучал взгляд Друэ. Иногда, объясняя ей что-нибудь, он прикасался к ее руке, как бы для того, чтобы подчеркнуть свои слова. И теперь опять, сказав, что пора идти, он коснулся ее пальцев.

Они встали и вышли на улицу. Центральная часть города опустела, и по пути им лишь изредка попадались насвистывающий пешеход, ночной вагон конки или еще открытый, ярко освещенный ресторан. Они шли по Вобеш-авеню, и Друэ продолжал изливать запас своих сведений о Чикаго. Он вел Керри под руку и, рассказывая, крепко прижимал к себе ее локоть. Отпустив какую-нибудь остроту, он поглядывал на свою спутницу, и глаза их встречались.

Наконец они дошли до дома, где жила Керри. Она поднялась на первую ступеньку подъезда, и голова ее оказалась на одном уровне с головой Друэ. Он взял ее руку и стал ласково гладить, пристально глядя ей в лицо, а она рассеянно смотрела по сторонам, о чем-то взволнованно думая.



Приблизительно в этот же час Минни забылась крепким сном после утомительного вечера, проведенного в тревожном раздумье. Она лежала в неудобной позе, поджав под себя локоть, и ее мучил кошмар.

Ей снилось, что она и Керри находятся где-то вблизи старой угольной копи. Она видела высокую насыпь, по которой проходила дорога, и груды отвалов и угля. Обе они стояли и смотрели в зияющую шахту. Им видны были влажные каменные стены, терявшиеся в смутной мгле. На истертом канате висела старая корзина для спуска.

— Давай спустимся,— предложила Керри.

— Ох, нет, не надо! — возразила Минни.

— Да пойдем же! — настаивала младшая сестра.

Она потянула к себе корзину и, несмотря на протесты Минни, стала спускаться.

— Керри! — крикнула Минни.— Керри, вернись!

Но та уже была глубоко внизу, и мрак окончательно поглотил ее.

Минни шевельнула рукой, и тотчас все преобразилось. Вместе с Керри она очутилась у воды,— такого количества воды она никогда не видела раньше. Они были не то на молу, не то на каком-то узком мысе, выдававшемся далеко вперед, и на самом конце его стояла Керри. Сестры озирались по сторонам; вдруг то, на чем они стояли, стало медленно погружаться. Минни даже слышала плеск прибывавшей воды.

— Иди назад, Керри! — крикнула она, но та шагнула еще дальше: казалось, ее куда-то уносит и голос Минни не долетает до нее.

— Керри! — кричала старшая сестра.— Керри!..

Но ее собственный голос звучал словно издали, — диковинные воды уже затопили все вокруг. Минни пошла прочь с тяжелой болью в душе, какая бывает, когда теряешь что-то очень дорогое. Никогда в жизни ей еще не было так грустно.

Видения сменялись одно за другим, в усталом мозгу Минни возникали странные призраки, сливаясь с жуткими картинками. И вдруг она дико вскрикнула: перед нею была Керри, которая карабкалась на скалу, цепляясь за камни; вдруг пальцы ее разжались, и на глазах Минни она упала в пропасть.

— Минни! Что с тобой? Проснись!



Гансон тряс жену за плечо, встревоженный ее криками.

— Что случилось? — спросонья отозвалась Минни.

— Проснись, — повторил он, — и повернись на другой бок, а то ты разговариваешь во сне!

Неделю спустя Друэ, сияющий, одетый с иголочки, вошел в бар «Фицджеральд и Мой».

— А, Чарли! — приветствовал его Герствуд, покаяваясь в дверях своего кабинета.

Друэ пересек зал и заглянул к управляющему баром, который снова сел за письменный стол.

— Когда опять в дорогу? — спросил Герствуд.

— В самом скором времени, — ответил Друэ.

— Я почти не видел вас в этот ваш приезд, — заметил Герствуд.

— Да, я был очень занят, — пояснил Друэ.

Приятель несколько минут поговорили на общие темы.

— Послушайте, — сказал Друэ, точно его вдруг осенила гениальная мысль, — я хотел бы как-нибудь вечером вытащить вас отсюда.

— Куда же это? — удивился Герствуд.

— Ну, разумеется, ко мне домой, — улыбаясь, ответил Друэ.

Глаза Герствуда лукаво блеснули, по губам скользнула легкая усмешка. Он со свойственной ему проницательностью поглядел на Друэ, потом сказал тоном, добавляющим джентльмену:

— Благодарю! Охотно приду.

— Мы чудесно сыграем в картишки.

— Можно мне принести с собой бутылочку шампанского? — спросил Герствуд.

— Сделайте одолжение! — сказал Друэ. — Я вас кое с кем познакомлю.

## ГЛАВА IX

### В МИРЕ УСЛОВНОСТЕЙ. ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА ЗАВИСТИ

Дом, где жил Герствуд, на Северной стороне, близ Линкольн-парка, был обычным по тем временам трехэтажным кирпичным особняком. Первый этаж был рас-



положен чуть ниже уровня улицы. На фасаде второго этажа было большое окно-фонарь, выходившее на зеленую лужайку футов двадцать пять в ширину и десять в длину. За домом находился дворик с конюшней, где Герствуд держал свою лошадь и рессорную двуколку.

В доме было десять комнат, их занимали сам Герствуд, его жена Джулия, сын Джордж, дочь Джессика и служанка — то одна, то другая, так как на миссис Герствуд нелегко было угодить.

— Джордж, я вчера отпустила Мери.

Этими словами нередко начинался разговор за обеденным столом

— Ладно! — отвечал в таких случаях Герствуд, которому давно уже надоело обсуждать эту острую тему.

Домашний уют — одно из сокровищ мира; нет на свете ничего столь ласкового, тонкого и столь благоприятствующего воспитанию нравственной силы и справедливости в людях, привыкших к нему с колыбели. Тем, кто не испытал на себе его благотворного влияния, не понять, почему у иных людей наворачиваются на глаза слезы от какого-то странного ощущения при звуках прекрасной музыки. Им неведомы таинственные созвучия, которые заставляют трепетать и биться в унисон сердца других.

В доме Герствуда едва ли ощущалась приятная атмосфера домашнего очага. Здесь не доставало той терпимости и взаимного уважения, без которых дом — ничто. Квартира была превосходно обставлена в соответствии со вкусами обитателей дома. Тут были мягкие ковры, роскошные кресла и диваны, большой рояль, мраморное изваяние какой-то неизвестной Венеры — творение неизвестного скульптора — и множество бронзовых статуэток, собранных бог весть откуда, — крупные мебельные фирмы продают их вместе с обстановкой, уверяя покупателей, что их необходимо иметь в каждом «хорошем» доме.

В столовой буфет сверкал графинами и прочей хрустальной посудой. Все здесь было расставлено в строжайшем порядке, не допускавшем никаких отступлений, — в этом Герствуд знал толк. Он изучал это годами в своем деле. Ему доставляло немалое удовольствие объяснять каждой новой «Мери», вскоре после ее водворения в доме, назначение всех вещей на буфете. Гер-



ствуда ни в коем случае нельзя было назвать болтливым. Напротив, в его отношении ко всем домашним чувствовалась сдержанность, подобающая, как принято считать, джентльмену. Он никогда не вступал в пререкания, никогда не говорил лишнего; в нем было что-то педантичное. То, чего он не мог изменить или исправить, он оставлял без внимания, предпочитая держаться в стороне.

Было время, когда Герствуд нежно любил свою дочь Джессику, особенно когда был помоложе и еще не достиг успеха в делах. Однако теперь, на семнадцатом году жизни, в характере Джессики появилась некоторая замкнутость и независимость. Ни то, ни другое не способствовало излиниям родительской нежности. Она посещала среднюю школу, и ее взгляды на жизнь были бы под стать истинной патрицианке. Джессика любила красивые наряды и не переставала требовать все новых и новых. Она мечтала о любви и собственном роскошном доме. В школе она познакомилась с дочерьми очень богатых людей, владельцев или совладельцев крупных предприятий, а эти девушки держали себя так, как того требовала их среда. Джессика интересовалась только такими подругами.

Джордж, которому шел двадцатый год, уже занимал хорошее место в крупном агентстве по продаже недвижимости. Он ничего не платил за свое содержание, так как считалось, что он копит деньги, чтобы со временем приобрести землю. Это был способный и тщеславный молодой человек, которому любовь к наслаждениям пока еще не очень мешала выполнять свои служебные обязанности. Джордж приходил и уходил когда и куда ему было угодно и лишь изредка перекидывался несколькими словами с матерью или рассказывал какой-нибудь забавный случай отцу, но большею частью ограничивался общими фразами. Молодой человек никому не открывал своих желаний. Тем более, что в доме никто особенно и не интересовался ими.

Миссис Герствуд принадлежала к тем женщинам, которые всю жизнь стремятся блистать в обществе, и искренне огорчалась, если видела, что кто-то преуспевает в этом больше, чем она.

Она смотрела на жизнь глазами того косного круга «избранных», куда она не была допущена, но мечтала



когда-нибудь попасть. Впрочем, она уже начинала понимать, что для нее это недостижимо, но надеялась на лучшую долю для дочери. Возможно, что благодаря Джессике ей и самой удастся занять более видное положение в обществе, размышляла она. Успех ее сына, пожалуй, когда-нибудь даст ей право гордо называть себя примерной матерью. Ее муж тоже более или менее преуспевал в делах, и она рассчитывала, что мелкие аферы Герствуда с недвижимостью принесут хорошие плоды. Пока его доход был недурен, хоть и скромненький, а место управляющего баром «Фицджеральд и Мой» было надежное. Оба владельца бара находились с ним в хороших и совсем неофициальных отношениях.

Легко себе представить, что за атмосферу могли создать в доме члены подобной семьи. Она складывалась из тысячи мелких разговоров одного и того же уровня.

— Я еду завтра в Фокс-Лейк, — сообщил Джордж-младший за обедом в пятницу вечером.

— А что там такое? — спросила миссис Герствуд.

— Эдди Фаруэй купил новую паровую яхту и приглашает посмотреть, какова она на ходу.

— Много она ему стоила?

— О, свыше двух тысяч долларов. Говорит, яхта — первый сорт.

— Видно, старик Фаруэй изрядно зарабатывает, — вставил Герствуд.

— Ну еще бы! Джек говорит, они стали экспортировать сигары в Австралию. А на прошлой неделе отправили большую партию в Капштадт.

— Подумать только! — изумилась миссис Герствуд. — Всего каких-нибудь четыре года назад они арендовали подвал на Медисон-стрит.

— Джек говорил мне, что весною они будут строить шестизэтажный дом на Роби-стрит.

— Подумать только! — воскликнула Джессика.

В тот вечер, когда происходил этот разговор, Герствуд намеревался рано уйти из дому.

— Мне нужно сегодня в город, — сказал он, отодвигая стул.

— А мы пойдем в понедельник в театр Мак-Викера? — спросила миссис Герствуд, не вставая с места.

— Да, — безразличным тоном ответил муж.



Семья продолжала обедать, а Герствуд поднялся наверх за пальто и шляпой.

Вскоре внизу хлопнула дверь.

— Папа ушел,— заметила Джессика.

Школьные новости Джессики носили особый характер.

— Наши устраивают спектакль в лицее,— однажды сказала она,— и я буду в нем участвовать.

— Вот как! — отозвалась мать.

— Да, и мне нужно будет новое платье. В спектакле участвуют самые красивые девушки школы. Мисс Пальмер играет Порцию.

— Вот как! — повторила миссис Герствуд.

— Они опять пригласили эту Марту Гризволд. Она воображает, будто умеет играть.

— Ее семья, кажется, ничего собой не представляет? — с интересом осведомилась миссис Герствуд.— У них, я слыхала, ничего за душой нет?

— Конечно. Эти люди бедны, как церковные крысы!

Джессика весьма тщательно выбирала знакомства среди учившихся в школе юношей, многие из которых пленялись ее красотой.

— Как тебе нравится? — возмущенно заявила она однажды вечером матери.— Этот Герберт Крейн пытается подружиться со мной!

— А кто он такой, дорогая? — спросила миссис Герствуд.

— О, ровным счетом никто! — ответила Джессика и надула прелестные губки.— Просто студент. А денег ни цента!

Совсем другое было дело, когда Джессику однажды проводил домой молодой Блайфорд, сын мыльного фабриканта.

Миссис Герствуд в это время читала, сидя в качалке у окна одной из верхних комнат. Случайно она выглянула на улицу.

— Кто это был с тобой? — спросила она, как только девушка поднялась к ней.

— Это молодой Блайфорд, мама!

— Неужели! — только и вымолвила миссис Герствуд.

— И он приглашает меня пройтись с ним по парку,— добавила Джессика, раздумываясь от быстрого бега по лестнице.



— Хоршо, дорогая, иди,— сказала миссис Герствуд.— Только не задерживайся в парке долго.

Когда молодые люди вышли на улицу, миссис Герствуд, чрезвычайно заинтересованная, снова выглянула из окна. Это было приятное зрелище, чрезвычайно приятное.

В такой атмосфере Герствуд жил много лет, никогда не давая себе труда призадуматься над своей семейной жизнью. Он был не из тех, кого мучит стремление к лучшему, если только это лучшее не находится под рукой и не являет собою резкий контраст с окружающим. В сущности, он не только давал, но и получал. Порою его раздражали мелочные проявления эгоизма и равнодушия в семье, порою он испытывал удовольствие при виде нарядов жены или дочери, считая, что это повышает его престиж и положение в обществе. Он жил только жизнью бара, которым управлял. Там он проводил большую часть своего времени. А когда он возвращался по вечерам, все в доме выглядело приятно. Обед, за редкими исключениями, бывал довольно сносный — такой, какой может приготовить кухарка средней руки. Его в известной мере интересовало то, что рассказывали за столом сын и дочь,— они всегда выглядели так элегантно. Миссис Герствуд из тщеславия даже дома одевалась чересчур нарядно, но Герствуд находил, что это куда лучше, чем ходить неряхой. Любви к ней у него никогда не было, стало быть, не было и охлаждения. Не было также и острого взаимного недовольства. Миссис Герствуд никогда не высказывала неожиданных суждений. Кроме того, супруги так мало разговаривали между собой, что у них и не могло возникнуть разногласий. У него, как говорится, были свои понятия, у нее свои. Иногда Герствуд встречал на своем пути какую-нибудь женщину, живую, остроумную и молодую, по сравнению с которой его жена сильно проигрывала. Но преходящее чувство неудовлетворенности, вызванное подобной встречей, уравнивалось в Герствуде сознанием своего солидного общественного положения и некоторыми соображениями. Ведь семейные неурядицы могли бы вредно отозваться на его отношениях с владельцами бара. Они не потерпели бы скандала. Чтобы занимать такое место, человек должен обладать достойными манерами, безупречной репутацией и образцовой семьей. Вот



почему Герствуд был весьма осторожен во всех своих поступках и в общественных местах неизменно появлялся с женой и детьми. Они ездили отдыхать на местные курорты или в находящийся неподалеку штат Висконсин и проводили там чопорно и скучно несколько дней, посещая места, которые полагалось посещать, делая все то, что полагалось делать. Герствуд знал, что это необходимо.

Когда случалось, что кто-нибудь из его знакомых, человек со средствами, попадал в неприятную историю, Герствуд скорбно качал головой. О таких вещах не следовало даже говорить. Но, если на эту тему все-таки заходил разговор среди людей, которых он считал близкими друзьями, он искренне осуждал провинившегося.

— Не в том беда, что он это сделал,— все мужчины делают такие вещи,— но почему он был недостаточно осторожен? Осторожность никогда не повредит.

Герствуд тотчас же терял всякое сочувствие к человеку, который совершил проступок и был пойман с поличным.

Все эти соображения заставляли Герствуда по-прежнему оказывать некоторое внимание жене и иногда брать ее с собой. Это было бы ему, конечно, довольно тяжело, если бы он в таких случаях не встречался со знакомыми и не позволял себе маленьких развлечений, не зависящих от присутствия или отсутствия жены. Иной раз он с непритворным любопытством наблюдал за нею, так как миссис Герствуд была еще красивая женщина, и мужчины нередко заглядывались на нее. Она была общительна, тщеславна, падка на лесть, и Герствуд понимал, что эти черты характера легко могут привести ее к трагедии. По складу своего ума Герствуд не особенно доверял женской стойкости, а его жена никогда не обладала такими достоинствами, которые внушали бы ему восхищение и доверие. Пока она страстно любила его, он еще способен был, пожалуй, верить ей, но когда исчезла эта связующая цепь, мало ли что могло случиться.

За последний год или два расходы семьи сильно возросли: Джессика не переставала требовать все новых нарядов, да и миссис Герствуд, не желавшая, чтобы дочь затмевала ее, тоже частенько освежала свой гардероб. Герствуд долгое время молчал, но потом начал роптать.



— Джессике нужен новый костюм,— сказала как-то утром миссис Герствуд.

Герствуд стоял перед зеркалом и надевал один из своих умопомрачительных жилетов.

— Насколько мне помнится, ей совсем недавно что-то купили,— заметил он.

— Совершенно верно,— спокойно подтвердила жена,— но то было вечернее платье.

— По-моему, Джессика в последнее время слишком много тратит на туалеты,— сказал Герствуд.

— Ну что ж, она теперь чаще бывает в обществе,— невозмутимо ответила жена.

Но в голосе мужа она уловила нотки, которых раньше никогда не слыхала.

Герствуд разъезжал не особенно много, но, если ему случалось куда-нибудь ехать, он неизменно брал с собой жену. Однажды группа членов муниципалитета задумала устроить увеселительную прогулку в Филадельфию, и Герствуду предложили присоединиться к ним.

— В Филадельфии нас никто не знает,— сказал ему один из участников поездки, лицо которого достаточно ярко свидетельствовало о тупости и чувственных наклонностях,— и мы можем там хорошенько повеселиться.

При этом он левым глазом чуть заметно подмигнул Герствуду и слегка склонил набок голову, на которой красовался великолепный шелковый цилиндр.

— Непременно поезжайте с нами, Джордж! — добавил он.

На следующий день Герствуд сообщил жене о своем намерении.

— Я уезжаю на несколько дней, Джулия.

— Куда? — спросила та, подняв на него глаза.

— В Филадельфию... по делу.

Миссис Герствуд пристально смотрела на мужа, точно ожидая еще чего-то.

— На этот раз мне не удастся взять тебя с собой,— добавил Герствуд.

— Ну, нет так нет,— ответила она.

Но мужу было ясно, что она находит это странным. Прежде чем он ушел, она задала ему еще несколько вопросов, и это вызвало у Герствуда раздражение. Он начал подумывать, что его жена — неприятная обуза.



Герствуд получил от поездки в Филадельфию большое удовольствие и испытывал сожаление, когда настало время возвращаться. Он не любил лгать, и ему противно было измышлять объяснения. Разговор не пошел дальше замечаний общего характера, но миссис Герствуд еще долго размышляла о нем. Она стала больше выезжать, еще лучше одеваться и чаще посещать театры, чтобы вознаградить себя за перенесенную обиду.

Такую атмосферу едва ли можно было назвать приятной семейной жизнью. И текла здесь эта жизнь по привычному, раз и навсегда установленному образцу, повинаясь силе условностей. Но, по мере того как время шло, отношения становились все суше и суше. Рано или поздно должен был произойти взрыв и все разнести в прах.

## ГЛАВА X

### ЗИМА В РОЛИ СОВЕТЧИКА. ПОСОЛ ФОРТУНЫ

В свете принятого в обществе отношения к женщине и ее обязанностям душевное состояние Керри заслуживает некоторого пояснения. Чаши весов, на которых измеряются поступки, подобные тому, что совершила она, колеблются чрезвычайно прихотливо. Общество имеет установленное мерило для всех поступков. Все мужчины должны быть честны, все женщины — добродетельны. А потому, о преступница, как смела ты перешагнуть за пределы дозволенного?

При всей широте взглядов Спенсера и наших современных философов-натуралистов мы все же находимся на уровне чисто детского восприятия морали. Это значит несколько больше, чем простое подчинение законам эволюции. И шире, чем простое подчинение законам, действующим только на земле. Все это гораздо сложнее, чем нам представляется, — по крайней мере, сейчас. Ответьте, например, почему трепещет сердце? Объясните, почему какой-нибудь жалобный напев бродит по всему миру, никогда не умирая? Откройте, под воздействием какой тонкой алхимии распускается алый факел розы под дождем и при свете? В сути всех этих фактов и кроются первоосновы морали.



«О, как сладостна моя победа!» — размышлял Друэ  
«Что же я, собственно, потеряла?» — размышляла Керри, терзаемая мрачными предчувствиями.

И вот мы, серьезные, пытливые и недоумевающие, стоим перед древней, как мир, проблемой, стараясь установить истинные принципы нравственности, найти точный ответ на вопрос, что есть добро.

С точки зрения некоторых слоев общества Керри теперь была устроена недурно. С точки зрения тех, кто умирал с голоду, кто страдал от порывов холодного ветра, кто мок под дождем, Керри укрылась в тихую гавань. Друэ снял для нее квартиру из трех меблированных комнат на Огден-сквере, на Западной стороне, как раз напротив Юнион-парка. И тогда уже эта площадь, красивее которой не сыскать сейчас в Чикаго, представляла собою сплошной зеленый газон, здесь дышалось легче, чем в густо застроенных кварталах. Из окон открывался чудесный вид, гостиная выходила прямо на просторную лужайку парка, сейчас уже побуревшую, где отливал серебром маленький пруд. Над оголенными ветвями деревьев, покачивавшихся под напором зимнего ветра, высился шпиль церкви конгрегационалистов, вдали виднелись колокольни других церквей.

Комнаты были хорошо обставлены. На полу в гостиной лежал ковер богатых темно-красных и лимонных тонов: на нем были изображены жардиньерки с пышными, небывалых размеров цветами. Между двумя окнами сверкало трюмо. В одном углу стоял мягкий широкий плюшевый диван, вокруг — несколько качалок. Две-три картины, маленькие коврики и кое-какие безделушки дополняли убранство этой комнаты.

В спальне стоял сундук Керри, подаренный ей Друэ, а в платяном шкафу, вделанном в стену, рядами висели платья, и все они ей шли. Керри никогда в жизни не имела столько платьев. Третьей комнатой можно было пользоваться как кухней; там Друэ посоветовал Керри поставить маленькую переносную газовую плитку, чтобы готовить завтраки и легкую закуску — гренки с сыром, устрицы и прочие любимые его блюда. И, наконец, в квартире была ванная. Все комнаты были приветливые, освещались газом и, помимо центрального отопления, там еще был маленький камин, вносивший много уюта. Благодаря старательности Керри и ее врожденной люб-



ви к порядку квартирка имела чрезвычайно привлекательный вид.

Керри жила здесь, не зная затруднений, которые раньше вставали перед ней на каждом шагу, но зато обремененная новыми нравственными проблемами. Ее взаимоотношения с окружающим миром так изменились, что она сама стала как бы иным человеком. Она заглядывала в зеркало и видела там другую Керри, которая была красивее прежней. Она заглядывала себе в душу (зеркало, составленное из представлений своих и чужих) и видела там Керри, которая была хуже прежней. А настоящая Керри колебалась между этими двумя образами, не зная, который из них считать верным.

— Какая ты красавица! — неоднократно восклицал Друзь.

Керри глядела на него большими сияющими глазами.

— Ты это, наверное, и сама знаешь, — продолжал он.

— О, ничего я не знаю! — обычно отвечала Керри.

Она радовалась, что он такого мнения о ней, и, не решаясь верить, все же верила и упивалась его лестью.

Но Друзь, который был заинтересован в том, чтобы льстить ей, не мог быть ее совестью.

В душе своей Керри слышала совсем другой голос. С ним она спорила, перед ним она оправдывалась, его она пыталась задобрить. Ее совесть в конечном итоге не была непогрешимым и мудрым советчиком. Это была маленькая заурядная совесть, олицетворявшая ее мирок, ее прежнюю среду, обычаи и условности. Для такой совести глас народа поистине был гласом божьим.

«Эх ты, пропащая!» — шептал ей этот голос.

«Почему?» — спрашивала Керри.

«Посмотри на людей, — шептал голос в ответ. — Посмотри на честных людей. С каким бы презрением они отвернулись, если бы им предложили сделать то, что сделала ты. Посмотри на честных девушек. Все они отвернулись бы от тебя, узнав, какой ты оказалась слабой. Ты даже не пыталась сопротивляться и сразу пала».

Керри слышала этот голос в те часы, когда она оставалась дома одна и, сидя у окна, глядела на парк. Он напоминал о себе не так уж часто, разве что в тех случаях, когда возле Керри не было Друзь, когда не так открыто бросалась в глаза приятная сторона ее жизни.



Вначале голос звучал довольно резко, хотя и не совсем убедительно. У Керри всегда был наготове ответ: предстояла зима, она была совершенно одна, она была полна желаний, она боялась завываний ветра. За нее отвечал голос нужды...

Едва минуют ясные летние дни, город закутывается в темный серый плащ, который не сбрасывает всю зиму. Бесконечные ряды зданий кажутся серыми, небо и улицы принимают свинцовый оттенок, а оголенные деревья, пыль, вздымаемая ветром, обрывки бумаги, летающие в воздухе, лишь усугубляют неприглядность и мрачность картины. Порывы холодного ветра, проносающегося по длинным узким мостовым, наводят тяжкое уныние. Это чувствуют не только поэты, не только художники, не только люди с высоким складом ума, претендующие на особую душевную утонченность, но даже собаки и все люди вообще. Обыкновенные люди чувствуют это не меньше поэтов, хотя не обладают даром выражать свои чувства. И воробышек, сидящий на телеграфном проводе, и кошка, притаившаяся в подъезде дома, и ломовая лошадь, с трудом влачащая поклажу, — всем им знакомо лютое дыхание зимы. Зима наносит удар в сердце всякой жизни, одушевленной и неодушевленной. Если бы не искусственные огни веселья, если бы не суета, создаваемая жадой жизни, и бешеная погоня за барышами торговцев развлечениями, если бы не роскошные витрины, которые торговцы устраивают и внутри и снаружи своих магазинов, если бы не яркие, разноцветные рекламы, которыми изобилуют наши улицы, если бы не толпы снующих во всех направлениях пешеходов, — мы быстро почувствовали бы, как тяжело ледяная рука зимы ложится нам на сердце и как гнетущи те долгие дни, когда солнце не дает нам достаточно тепла и света. Мы сами не сознаем, до какой степени зависим от всех этих явлений. В сущности, мы те же насекомые, вызванные к жизни теплом и гибнущие без него.

И среди уныния таких серых дней тайный голос заявлял о себе все слабее и слабее.

Этот внутренний разлад не подавлял Керри. Характер ее ни в коем случае нельзя было назвать угрюмым. К тому же она не обладала достаточным умом, чтобы твердо добиваться правды. Не находя выхода из лабиринта путаных мыслей, возникавших вокруг како-



го-нибудь вопроса, она совсем выкидывала его из головы.

Друэ меж тем — для человека его типа — вел себя безукоризненно. Он всячески развлекал Керри, много тратил на нее и брал ее с собой в деловые поездки. Иной раз она оставалась одна дня на два, на три, пока он колесил по близлежащим городам, но, как правило, они почти не расставались.

— Послушай, Керри,— сказал однажды утром Друэ, вскоре после того как они обосновались на новой квартире,— я пригласил моего приятеля Герствуда провести с нами вечерок.

— Кто он такой? — насторожилась Керри.

— О, это чудеснейший человек. Он управляющий у «Фицджеральда и Моя».

— А что это такое?

— Очень изысканный бар, один из лучших в городе.

Керри была немного озадачена. Она задумалась над тем, что мог сказать о ней Друэ своему другу и как ей следует держать себя в его обществе.

— Ты не беспокойся,— сказал Друэ, точно угадывая ее мысли.— Он ничего не знает. Ты теперь миссис Друэ.

Его слова показались Керри не совсем тактичными. Она убедилась, что Друэ не обладает чуткостью.

— Почему же мы не обвенчаемся? — спросила она, вспомнив о его многоречивых обещаниях.

— Подожди, обвенчаемся,— ответил он.— Дай мне только обделать дельце, которым я сейчас занят.

Друэ имел в виду несуществующее наследство, с которым якобы была большая возня; дело требовало столько внимания, что каким-то образом мешало его личной жизни.

— Вот в январе я вернусь из Денвера, и мы обвенчаемся.

На этих словах Керри основывала некоторую надежду, служившую целебным бальзамом для ее совести и открывавшую вполне прекрасный выход из положения. Все еще могло быть исправлено. Ее поступок будет оправдан.

Керри не была по-настоящему влюблена в Друэ. Она была гораздо умнее его и смутно догадывалась, что ему многого недостает. Если бы не это обстоятельство, если



бы она не могла оценивать его беспристрастно и не разгадала бы его, ее положение было бы гораздо хуже. Она обожала бы его и была бы глубоко несчастной от страха, что не сумеет добиться его любви, что у него может пропасть интерес к ней, что он бросит ее и она останется без всякой опоры. А так Керри лишь вначале слегка тревожилась за свою дальнейшую судьбу, пытаясь завладеть Друэ целиком, но потом стала спокойно выжидать. Она не была уверена, что он таков, каким она его считает, и сама не знала, чего ей хотелось.

Когда явился Герствуд. Керри увидела перед собой человека в сто раз умнее Друэ. Он относился к женщинам с тем особым почтением, которое они так ценят. Он не обнаружил ни чрезмерного восхищения, ни излишней смелости. Его обаяние усиливалось исключительной предупредительностью. Он прошел хорошую школу, научившись завоевывать симпатии обеспеченных людей, крупных дельцов и людей искусства, с которыми ему приходилось сталкиваться в баре, и с большим тактом умел очаровывать тех, кто ему нравился. Из хороших женщин больше всего его привлекали те, в ком он замечал некоторую утонченность чувств. Он был мягок, спокоен, уверен в себе, и, казалось, его единственное желание — угодить во всем своей даме.

Друэ и сам вел себя так, когда игра стоила свеч, но он обладал слишком большим самомнением, чтобы выработать в себе тот изысканный лоск, который украшал Герствуда. Друэ был слишком жизнерадостен, слишком полон кипучей энергии и слишком самоуверен. Он имел успех у женщин, не особенно изощренных в искусстве любви. Но он терпел жестокие поражения, когда ему случалось столкнуться с женщиной более или менее опытной и обладающей природной утонченностью.

В Керри Друэ обнаружил много тонкости, но ни малейшего опыта в искусстве любви. Ему попросту повезло: случай, так сказать, сам привел к нему Керри. Несколькими годами позже, когда Керри приобрела жизненный опыт и добилась пусть даже незначительного успеха, ему не удалось бы даже близко подойти к ней.

— Вам следовало бы купить рояль, Друэ, — сказал пришедший к ним в назначенный вечер Герствуд и с улыбкой посмотрел на Керри. — Ваша жена могла бы тогда играть.



Эта мысль даже не приходила в голову Друэ.

— Да, вы правы, — согласился он.

— Но я не играю, — отважилась возразить Керри.

— О, это не так уж трудно, — сказал Герствуд. — Вы научились бы в несколько недель.

В этот вечер Герствуд был в ударе.

Костюм на нем был с иголки и очень элегантный. Лацканы пиджака из превосходной ткани были в меру приутюжены. На жилете в шотландскую клетку поблескивал двойной ряд крутых перламутровых пуговиц. Шелковый галстук, переливавший разными цветами, не был кричащим, но в то же время его нельзя было назвать неприметным. В отличие от Друэ Герствуд был одет отнюдь не броско, но Керри сразу оценила покрой и качество материала. Ботинки Герствуда из мягкого черного шевро были начищены до блеска, но не слишком ярко, и, хотя Друэ носил лакированную обувь, Керри подумала, что мягкая кожа куда больше подходит к столь изысканной строгости костюма. Почти бессознательно подмечала она все эти мелочи. И это было естественно, так как к внешности Друэ она уже успела привыкнуть.

— Не сыграть ли нам партию в юкр? — предложил немного погодя Герствуд.

Он весьма дипломатично избегал всего, что могло показать, будто он что-нибудь знает о прошлом Керри. Он вообще не касался личностей и говорил только на общие темы. Благодаря этому Керри чувствовала себя вполне непринужденно, внимание и веселые шутки Герствуда привели ее в отличное настроение. К тому же он делал вид, будто его серьезно интересует все, что она говорит.

— Я ведь не знаю правил игры, — сказала Керри.

— Чарли, вы несправно исполняете свои обязанности, — шутливо обратился Герствуд к Друэ. — Но, между нами говоря, мы вас можем научить, — добавил он.

Со свойственным ему тактом Герствуд дал понять Друэ, что восхищен его выбором. Он держался так, будто пребывание в этом доме доставляло ему огромное удовольствие. Друэ чувствовал, что сблизился с Герствудом еще больше. И к Керри он стал относиться с большим уважением. Одобренная Герствудом, Керри пред-



стала перед ним в новом свете. Атмосфера в гостиной значительно оживилась.

— Дайте-ка я посмотрю, что вам досталось,— сказал Герствуд, корректно заглядывая в карты Керри через ее плечо.

Несколько секунд он изучал ее карты и наконец сказал:

— Совсем не плохо. Вам везет. Сейчас я научу вас, как обыграть вашего мужа. Вы только слушайте меня.

— Позвольте,— запротестовал Друз,— если вы вдвоем против меня, то мне, конечно, крышка. Герствуд здорово играет в карты.

— Нет, это все ваша жена. Она и мне приносит счастье. Почему бы ей и не выигрывать?

Керри бросила благодарный взгляд Герствуду и улыбнулась Друз. Первый придал своему лицу выражение обыкновенной дружеской симпатии. Он пришел сюда с целью приятно провести вечер. Все, что Керри делает, доставляет ему удовольствие — только и всего.

— Так, так,— задумчиво промолвил он и, придержав одну из хороших карт, дал Керри возможность получить лишнюю взятку.— Я бы сказал, что недурно сыграно для начинающей! — добавил он.

Керри весело хохотала, забирая взятки. Казалось, помощь Герствуда делала ее непобедимой.

А тот лишь изредка смотрел на нее. И когда смотрел, взгляд его светился мягким светом. В нем не отражалось ничего, кроме задушевного и доброго товарищеского отношения. Он далеко запрятал хитрое и жесткое выражение своих глаз, и во взгляде его было лишь самое невинное восхищение. Керри была вправе думать, что ее общество доставляет ему удовольствие. Она чувствовала, что кажется ему привлекательной.

— Это несправедливо так играть и совсем даром,— сказал Герствуд и, запустив руку в маленький карманчик жилета, где лежал кошелек для мелочи, добавил: — Давайте играть по десяти центов.

— Ладно,— согласился Друз и полез в карман за деньгами.

Но Герствуд опередил его. В руках у него оказалась горсть новеньких десятицентовиков.

— Пожалуйста! — сказал он, снабжая каждого из партнеров маленькой стопкой монет.



— О, сейчас начнется азартная игра! — с улыбкой сказала Керри. — Это очень дурно!

— Ничего подобного, — возразил Друз. — Это просто забава. Если ты не будешь делать большие ставки, то попадешь прямо в рай.

— Не морализируйте, — ласково сказал Герствуд, обращаясь к Керри, — пока не увидите, что будет дальше. Друз улыбнулся.

— Если выигрыш достанется вашему мужу, — продолжал Герствуд, — он объяснит вам, как это дурно. Друз громко расхохотался.

Голос Герствуда звучал так располагающе, а его обаяние было так ощутимо, что и Керри тоже не могла не засмеяться.

— Когда вы уезжаете? — спросил Герствуд приятеля.

— В среду, — ответил Друз.

— Не легко вам, должно быть, приходится с мужем, который вечно в бегах, — сказал Герствуд, глядя на Керри.

— На этот раз мы поедem вместе, — заметил Друз.

— До отъезда вы непременно должны пойти со мною в театр, — сказал Герствуд.

— Отлично, — согласился Друз. — Как ты думаешь, Керри?

— Я бы охотно пошла, — ответила она.

Герствуд сделал все, что мог, чтобы дать Керри выиграть. Он радовался ее успехам, подсчитывал ее выигрыши, наконец, собрал деньги и положил ей в руку.

Когда игра кончилась, Керри накрыла стол и подала легкую закуску с вином, которое принес с собой Герствуд, а после ужина он все с тем же тактом не стал засиживаться.

— Помните, — сказал он при прощании, обращаясь сперва к Керри, а затем переводя взгляд на Друз, — что вы должны быть готовы к половине восьмого. Я заеду за вами.

Друз и Керри проводили гостя до дверей. На улице мягко светились красные фонари поджидавшего его кэба.

— Вот что: когда вы уедете и ваша супруга останется одна, — сказал Герствуд тоном доброго приятеля, — вы должны разрешить мне немного развлечь ее, чтобы она не слишком тосковала в ваше отсутствие.



— О, конечно! — сказал Друэ, чрезвычайно польщенный вниманием Герствуда.

— Вы очень добры,— прибавила со своей стороны Керри.

— Нисколько,— сказал Герствуд.— Ваш муж на моем месте, несомненно, сделал бы то же самое.

Он улыбнулся и стал спускаться со ступенек.

Гость произвел на Керри сильное впечатление; она никогда еще не сталкивалась с таким обаятельным человеком.

Что касается Друэ, то и он был очень доволен.

— Удивительно милый человек! — сказал он, когда они вернулись в свою уютную гостиную.— И к тому же хороший друг.

— Видимо, да,— согласилась Керри.

## ГЛАВА XI

### ГОЛОС ИСКУШЕНИЯ ПОД ОХРАНОЙ ЧУВСТВ

Керри быстро знакомилась с жизнью, вернее, с внешними ее формами. Видя какую-нибудь вещь, Керри тотчас спрашивала себя, пойдет ли ей это. Да будет известно, что подобный метод мышления не является признаком мудрости или утонченности чувств. Красивый наряд всегда был для Керри чем-то весьма убедительным — он говорил в свою пользу мягко и вкрадчиво, как иезуит. И желание обладать им заставляло Керри охотно прислушиваться, когда какой-нибудь наряд зывал к ней. Голос так называемого Неодушевленного! Кто сумеет перевести на наш язык красноречие драгоценных камней?

«Дорогая моя,— говорил кружевной воротничок, приобретенный ею у Партриджа,— полюбуйся только, до чего я тебе к лицу! Ни в коем случае не отказывайся от меня!»

— Ах, какие прелестные ножки! — говорила кожа мягких новых туфель.— Как красиво я их облегаю! Какая жалость, если им будет не доставать меня!»

И только лишь когда желанные вещи оказывались у Керри в руках или же на ней, она обретала способ-



ность думать о том, что надо отказаться от них. Мысль о том, каким путем они ей доставались, мучила Керри, но она всеми силами старалась прогнать сомнения, потому что не могла бы отказаться от нарядов.

«Надень старое платье и стоптанные башмаки!» — тишечно взывал к ней голос совести.

Керри еще, пожалуй, могла бы побороть свой страх перед голодом и вернуться к старому. Под давлением совести она еще могла бы внять внутреннему голосу и не побояться тяжести труда, жалкого прозябания и лишений. Но испортить свою внешность? Одеться в отрепья? Снова обрести нищенский вид? Никогда!

Друз всячески укреплял в Керри уверенность в правильности ее поступков и суждений, ослабляя таким образом ее способность к сопротивлению разным соблазнам. А добиться этого совсем нетрудно, особенно когда наше мнение сходится с желанием. Со свойственной ему задушевностью Друз без конца твердил, что она очень хороша, и смотрел на нее восхищенными глазами. А Керри все принимала за чистую монету. При таких обстоятельствах ей не было нужды держать себя так, как обычно держатся хорошенькие женщины, однако она стала быстро усваивать эту премудрость. Друз обладал свойственной людям его склада привычкой провожать глазами на улице нарядных или хорошеньких женщин и отпускать на их счет замечания. У него было какое-то чисто женское пристрастие к красивой одежде, и благодаря этому он прекрасно разбирался если не в уме, то в туалетах женщин. Друз внимательно приглядывался к тому, как ходят элегантные дамы, как они ставят ножку, как держат голову, как изгибают свое тело на ходу. Грациозное колыхание бедер распяляло его, как пьяницу мысль о стакане хорошего вина. Он чрезвычайно ценил и любил в женщинах то, что они сами больше всего любят и ценят в себе, — изящество. Перед алтарем изящества он вместе с ними преклонял колена, как горячо верующий.

— Ты обратила внимание на ту даму, что сейчас прошла? — спросил он Керри в первый же день, когда они вместе вышли погулять. — Какая у нее походка!

Керри внимательно посмотрела на даму, чья грация заслужила его похвалу.

— Да, ты прав, — отозвалась она.



И у нее мелькнула догадка, что, быть может, ей самой как раз этого и недостает. Если это так красиво, ей надо присмотреться к этим дамам повнимательнее. У нее возникло инстинктивное желание подражать таким женщинам. Без сомнения, и она может ходить не хуже.

Когда женщина с умом Керри видит вещи, на которые беспрестанно обращают ее внимание, которыми без конца восхищаются, она делает из этого логический вывод и потом применяет его в жизни. У Друэ не хватало ума понять бестактность своих замечаний. Он не мог уразуметь, насколько лучше было бы внушить Керри мысль, что она должна превзойти самое себя, а не других женщин, которые якобы лучше ее. Он не обращался бы так с более зрелой, более опытной женщиной, но в Керри он видел только новичка. Менее умный, чем она, Друэ, естественно, не в состоянии был понять, что он ее обижает. Он продолжал воспитывать ее, нанося ей раны, а это было неразумно со стороны человека, чье восхищение своей ученицей и жертвой непрестанно росло.

Керри безропотно выслушивала его указания и наставления. Она видела, что именно нравится Друэ, и смутно сознавала его слабости. Мужчина сильно теряет во мнении женщины, если он щедро расточает свои восторги перед другими. В глазах женщины только один предмет достоин высшей похвалы: она сама. Чтобы иметь успех у многих женщин, нужно целиком отдавать себя каждой.

У себя в квартире Керри тоже черпала немало сведений все из той же области.

В одном доме с нею жил некий Фрэнк Гейл, директор театра «Стандард», вместе с женой. Миссис Гейл была миловидная брюнетка лет тридцати пяти. Она и ее муж принадлежали к категории людей, весьма многочисленной в современной Америке, — людей, которые живут прилично, хотя ничего и не имеют за душой. Гейл получал сорок пять долларов в неделю. Его жена, обладая привлекательной внешностью, отказывалась признавать свой возраст и не желала возиться с хозяйством и воспитанием детей. Как и Друэ с Керри, супруги Гейл занимали три меблированных комнаты, только этажом выше.



Керри скоро познакомилась с миссис Гейл и вместе с нею гуляла по городу. Долгое время она была единственной знакомой Керри: болтовня приятельницы служила призмой, сквозь которую Керри смотрела на мир. Всякого рода пошлости, преклонение перед деньгами и избитые представления о морали, таившиеся в пассивном уме миссис Гейл, неминуемо оказали свое воздействие на Керри и на какое-то время внесли страшную путаницу в ее взгляды на жизнь.

С другой стороны, Керри с помощью своих чувств и инстинктов сама вносила в это какие-то коррективы. Ей нельзя было отказать в постоянном стремлении к чему-то лучшему. Те впечатления, что вызывают к нашему сердцу, указывали ей правильный путь.

В квартире этажом ниже жила молодая девушка с матерью; они приехали из Ивенсвиля, штат Индиана. Это была семья казначея крупной железнодорожной компании. Дочь приехала в Чикаго совершенствоваться в музыке, а мать сопровождала ее, чтобы девушка не скучала.

Керри не завела с ними знакомства, но нередко сталкивалась с девушкой, когда та приходила или уходила. Несколько раз Керри видела ее за роялем в гостиной меблированных комнат и часто слышала ее игру. Девушка хорошо одевалась, и когда она садилась за рояль, на ее белых пальчиках сверкали кольца.

Музыка имела большую власть над Керри. Нервы молодой женщины отзывались на некоторые мелодии, подобно тому, как вибрируют струны арфы, когда рядом ударяют по клавишам рояля. Керри отличалась тонкостью восприятия, и некоторые аккорды вызывали в ней смутные думы, пробуждая тоску по многому, чего она была лишена. Эти же думы заставляли ее крепко держаться за то, чем она обладала. Одну небольшую вещь пианистка исполняла особенно трогательно и нежно. Керри услышала ее через открытую дверь своей квартиры. Это было в тот час между сумерками и тьмой, когда для людей праздных, для тех, кто не нашел себя в жизни, все кругом приобретает грустный облик. И человек мысленно уносится в далекие странствия, из которых возвращается опустошенный, с обрывками угасших, навсегда отлетевших радостей. Керри сидела у окна и глядела на улицу. Друг ушел еще в де-



сять часов утра. Она развлекала себя сначала прогулкой, потом чтением романа Берты Мак-Клей, оставленного ей Друз, но книга не доставила ей особого удовольствия. Чтобы скоротать время, она переоделась в более подходящее для вечера платье, а потом опять села у окна и принялась смотреть в парк, охваченная такой печалью и беспокойством, какую только может испытывать в подобных обстоятельствах натура, жаждущая разнообразия и полноты жизни. Так она сидела, раздумывая над своим новым положением, когда снизу, из гостиной, вдруг полились звуки рояля и спутали ее мысли, придав им новую окраску. Керри вспомнились самые лучшие и самые печальные дни ее короткой жизни. На миг ее охватило раскаяние.

В таком настроении застал ее Друз,— с его появлением в комнату словно ворвалась струя совсем иного воздуха. Сумерки уже сгустились, но Керри не зажигала света. Огонь в камине тоже почти догорел.

— Где ты, Кэд? — окликнул ее Друз, назвав ласкательным именем, которое он для нее придумал.

— Я здесь,— ответила она.

В ее голосе звучала грусть, но Друз неспособен был это уловить. Ему недоставало того чутья, которое подсказало бы ему, что надо деликатно подойти к женщине и утешить ее. Он чиркнул спичкой и зажег газ.

— Да ты никак плакала! — воскликнул он.

И правда, глаза Керри были еще влажны от невольных слез.

— Вот так-так! — удивился Друз.— Это не годится!

Он взял ее за руку, предполагая в своем добродушном эгоизме, что только его отсутствие было причиною ее тоски и слез

— Полно, полно, Кэд! — продолжал он.— Все будет хорошо. Слышишь музыку? Давай потанцуем!

Он вряд ли мог бы предложить ей в эту минуту что-либо более неуместное. Слова Друз доказали Керри, что ей нечего искать в нем сочувствия. Ей трудно было бы определить, в чем именно заключался его недостаток, в чем была разница между ним и ею, но она все же ощущала и этот недостаток и эту разницу. Друз совершил свою первую крупную ошибку.

То, что говорил Друз о юной музыкантше, когда та по вечерам выходила в сопровождении матери, заставля-



ло Керри с особым вниманием присматриваться к манерам женщин, сознающих свое достоинство. Она смотрелась в зеркало и слегка поджимала губки, чуть откидывая при этом голову назад, как это делала дочь железнодорожного казначея. Она стала легким, небрежным движением подбирать юбку — разве Друз не обращал ее внимание на то, как грациозно это проделывает молодая музыкантша да и многие другие женщины? А ведь Керри от природы была переимчива. Она начала усваивать все те мелкие черточки, которые рано или поздно приобретает всякая хорошенькая женщина, не лишенная тщеславия. Короче говоря, ее представления об изяществе значительно расширились и соответственно изменилась ее внешность. Керри стала женщиной с весьма развитым вкусом.

Это не укрылось и от Друз. Он заметил и новый бант в ее волосах и то, как она по-новому взбила локоны однажды утром.

— Тебе очень к лицу эта новая прическа, Кэд! — сказал он.

— Ты находишь? — обрадовалась Керри.

Его слова заставили ее проверить в тот же день и другие свои успехи.

Керри уже не так тяжело ступала при ходьбе, и это опять-таки было подражанием изящной походке дочери казначея. Трудно сказать, как велико было влияние музыкальной соседки, но только Керри многому научилась у нее. И когда Герствуд впервые навестил своего друга, он встретил молодую женщину, во многом отличавшуюся от той Керри, с которой Друз в свое время заговорил в поезде. В ее одежде давно уже исчезли прежние недостатки, и то же можно было сказать о ее манерах. Она была хороша, изящна и прелестна в своей робости, порожденной неуверенностью в себе. В ее больших глазах было что-то детски-наивное, и вот это-то и пленило накрахмаленного позера Герствуда.

Вечное влечение увядающего к юному и свежему! В Герствуде сохранилась еще эта способность ценить все цветущее, все неиспорченное и молодое, и сейчас она вспыхнула с новой силой. Он глядел на миловидную девушку и чувствовал, как от нее исходят нежные волны сияющей юности. Его светская пресыщенность не могла обнаружить в ее больших ясных глазах ничего похожего



на притворство. Даже ее легкое тщеславие, подметь он его, понравилось бы ему и показалось бы прелестным

«И как это удалось Друэ пленить ее?» — подумал он, направляясь в своем экипаже домой.

С первого же взгляда Герствуду стало ясно, что Керри гораздо утонченнее Друэ.

Экипаж катился между двумя рядами убежавших назад газовых фонарей. Герствуд сидел, сложив на коленях затянутые в перчатки руки, и все еще видел перед собой освещенную комнату и личико Керри. Он не переставал думать о юной красоте этой женщины.

«Надо послать ей цветов! — решил он. — Друэ не рассердится».

Он ни на секунду не скрывал от себя, что Керри ему нравится. Его нисколько не беспокоило то, что Друэ имеет право первенства. Он просто отдался течению легких, как обрывки паутины, мыслей, надеясь, что где-то он ухватится за одну из них и соединит в одно целое. Конечно, он не знал и не мог предвидеть, к чему это приведет.

Несколько недель спустя Друэ, по-прежнему разъезжавший по всей стране, вернувшись в Чикаго из поездки в штат Омаха, повстречался с одной из своих прежних приятельниц, большой щеголихой. Он намеревался немедленно поехать на Огден-сквер, чтобы устроить сюрприз Керри, не знавшей о его возвращении, но эта встреча заставила его изменить первоначальное решение.

— Давайте пообедаем вместе, — предложил он своей знакомой, нисколько не беспокоясь о том, что его могут увидеть.

— С удовольствием, — согласилась она.

Они зашли в один из лучших ресторанов, чтобы поболтать и вспомнить старое. Встретились они в пять часов, обед закончили лишь в половине восьмого.

Друэ только что рассказал своей даме какой-то забавный случай, и лицо его уже расплывалось в улыбке, как вдруг он встретился взглядом с Герствудом. Тот вошел в ресторан в сопровождении нескольких друзей и, увидев молодого коммивояжера в обществе какой-то женщины — вовсе не Керри, — сделал соответствующий вывод.



«А, шалопай! — подумал он и мысленно добавил, искренне сочувствуя Керри: — Напрасно он так обижает бедную девочку!»

Едва Друэ поймал на себе взгляд Герствуда, как мысли его понеслись бешеным галопом, перегоняя одна другую. Впрочем, у него еще не было никаких дурных предчувствий, пока он не заметил, что Герствуд притворяется, будто не видит его. И тут он вдруг вспомнил, какое впечатление произвела Керри на Герствуда. Он подумал о том вечере, который они провели тогда вечером. Черт возьми, придется как-нибудь объяснить это Герствуду. Случайная встреча, полчаса за столиком со старинной приятельницей — стоит ли этому придавать значение?

Впервые в жизни Друэ был серьезно озабочен. Он столкнулся с осложнением морального порядка и не в состоянии был предвидеть, чем это может кончиться. Герствуд будет смеяться над ним и назовет его ветрогоном. Ну что ж, он и сам посмеется с Герствудом! Керри ничего не узнает, и точно так же ничего не будет знать его знакомая, которая сейчас сидит с ним за столом. Но как ни старался Друэ успокоить себя, он не мог прогнать овладевшего им неприятного ощущения — на него как будто легло позорное клеймо, а меж тем он ни в чем не виноват. Друэ поспешил закончить обед, усадил свою знакомую в экипаж и направился домой.

«Что-то он мне не рассказывал об этих других своих пассиях, — размышлял Герствуд. — Он думает, что я верю, будто он любит ту».

«У него нет никаких оснований думать, что я погуливаю на стороне, поскольку я совсем недавно познакомил его с Керри», — размышлял, в свою очередь, Друэ.

— А я вас видел! — шутливо заметил Герствуд, когда Друэ некоторое время спустя зашел в его сверкающие владения, ибо не в силах был лишить себя привычного удовольствия.

Произнося эти слова, Герствуд наставительно поднял палец, точно отец, разговаривающий с сыном.

— А, это старая приятельница, с которой я случайно встретился по дороге с вокзала, — поспешил объяснить Друэ. — В свое время она была недурна.

— И все еще немного нравится, а? — так же шутливо во сказал Герствуд.



— О, что вы! — воскликнул Друэ. — Просто я никак не мог от нее улизнуть.

— Долго пробудете в Чикаго? — спросил Герствуд.

— Всего несколько дней.

— Вы непременно должны пообедать со мной вместе с вашей девочкой, — сказал Герствуд. — Сдается мне, что вы держите ее взаперти. Я возьму ложу на Джо Джефферсона.

— О, я вовсе не намерен прятать ее! — ответил коммивояжер. — Мы охотно приедем.

Герствуд остался чрезвычайно доволен. Он ничуть не верил, что Друэ питает сильное чувство к Керри. Он завидовал коммивояжеру, и теперь, при взгляде на хорошо одетого, веселого молодого человека, который так нравился ему, в глазах его вспыхнул огонь ревности. Он начал мысленно критиковать Друэ с точки зрения мужского обаяния и ума. Он стал видеть его недостатки. Каково бы ни было его мнение о Друэ как о славном малом, он с некоторым пренебрежением смотрел на него как на любовника. Его нетрудно будет обойти в этом, Герствуд был уверен. Да ему достаточно было бы только наекнуть Керри на тот маленький случай, который произошел в четверг, и все было бы кончено! Непринужденно болтая и от души смеясь, Герствуд не переставал думать об одном и том же, а Друэ ничего не замечал. Ему не под силу было разгадать такого человека, как Герствуд. С улыбкой принял он приглашение, меж тем как тот стоял и всматривался в него ястребиным взглядом.

А героиня этой запутанной комедии ни о ком из них и думать не думала. Она приспособливала свои мысли и чувства к новой обстановке и окружению и отнюдь не собиралась страдать из-за Друэ или Герствуда.

Однажды вечером Друэ застал ее перед зеркалом: она стояла и прихорашивалась.

— Ага! — шутливо воскликнул он, неожиданно входя. — Я начинаю думать, что ты становишься кокеткой.

— Ничего подобного, — улынувшись, отвстила Керри.

— Во всяком случае, ты чертовски хороша, — продолжал он, обнимая ее за талию. — Надень синее платье и пойдем в театр.



— Ах, как жаль! Я обещала миссис Гейл пойти с ней на выставку,— сказала она виновато.

— Вот как,— рассеянно промолвил Друз, словно что-то обдумывая.— Меня лично выставка не интересует.

— Право, не знаю, как и быть,— нерешительно сказала Керри, вовсе не собираясь, однако, нарушить обещание в угоду Друз.

В эту минуту в дверь постучали. Вошла служанка и подала Друз запечатанный конверт.

— Посыльный говорит, ему приказано ждать ответа,— сказала горничная.

— От Герствуда,— сказал Друз, тотчас узнав почерк приятеля.

Он вскрыл конверт и принялся читать.

«Вы непременно должны пойти со мной сегодня в театр,— гласило письмо.— Играет Джо Джефферсон. На сей раз приглашаю я, как мы условились. Отказа не принимаю».

— Что ты скажешь на это? — без всяких задних мыслей спросил Друз.

С языка Керри уже готово было сорваться согласие.

— Ты лучше сам реши, Чарли,— все же сдержанно произнесла она.

— Я думаю, нам следовало бы пойти, если только ты сумеешь отказаться от приглашения миссис Гейл,— сказал Друз.

— О, это можно будет устроить! — не задумываясь, решила Керри.

Друз взял листок бумаги, чтобы написать ответ, а Керри немедленно пошла переодеваться. Ей и самой не ясно было, почему она предпочла приглашение Герствуда.

— Как ты думаешь, сделать мне такую же прическу, как вчера? — спросила, возвращаясь в комнату, Керри; в руках она держала какие-то предметы туалета.

— Конечно,— отозвался Друз.

Керри облегченно вздохнула при мысли, что он не сердится. Она отнюдь не считала, что согласилась принять приглашение потому, что Герствуд ей нравится. Просто провести вечер в обществе его и Друз было самым приятным из всех вариантов, какие были предложены ей в тот день.



Она оделась и причесалась с особой тщательностью, и они вышли из дому, предварительно извинившись перед миссис Гейл.

— Однако! — воскликнул Герствуд, когда Керри и Друэ показали в вестибюле театра. — Мы сегодня очаровательны!

Керри вздрогнула, почувствовав на себе его восхищенный взгляд.

— Пойдемте! — сказал он и двинулся вперед, показывая дорогу.

Театр блистал нарядами. Это была живая иллюстрация к старому выражению «разодеться в пух и прах».

— Вы когда-нибудь видели Джефферсона? — спросил Герствуд, когда они расположились в ложе, и слегка наклонился при этом к Керри.

— Нет, никогда, — ответила она.

— О, он бесподобен, бесподобен!

И он стал рассыпаться в похвалах по адресу актера, повторяя избитые фразы людей своего круга. Герствуд отправил Друэ за программой и снова принялся рассказывать Керри про Джефферсона то, что он о нем слышал. Молодой коммивояжер был несказанно доволен и просто загипнотизирован окружающей обстановкой, роскошным убранством лож, элегантным видом своего друга. А Керри в те минуты, когда глаза ее случайно встречались с глазами Герствуда, видела в его взгляде столько чувства, сколько никто и никогда не проявлял по отношению к ней. В ту минуту она даже не могла понять, в чем дело, так как в следующий миг во взгляде Герствуда она обнаруживала кажущееся безразличие, а в его манерах — только любезность и вежливость.

Друэ тоже принимал участие в разговоре, но по сравнению с Герствудом казался весьма недалеким. Управляющий баром развлекал и его и Керри, и теперь она отчетливо понимала, насколько Герствуд выше Друэ. Она инстинктивно чувствовала, что он и сильнее и умнее, хоть и держится удивительно просто. К концу третьего действия она окончательно пришла к убеждению, что Друэ всего лишь добрый малый, а во всех других отношениях ему многого недостает. С каждой минутой он все больше терял в ее глазах, не выдерживая опасного сравнения.



— Я получила огромное удовольствие,— сказала Керри по окончании спектакля.

— Я тоже,— поддержал ее Друэ, и не подозревавший, что в душе ее разыгралась битва, в которой его позиции сильно пострадали. Он напоминал древнего китайского императора, который восседал на троне, очень довольный собою и своим могуществом, и вовсе не подозревал, что в это время враги отнимают у него лучшие земли.

— А вы избавили меня от скучного вечера,— ответил Герствуд.— Спокойной ночи!

Он взял маленькую ручку Керри, и их обонх словно пронзил электрический ток.

— Я так устала,— ответила Керри, когда Друэ говорил было с ней в вагоне конки, и откинулась на спинку сиденья.

— Тогда посиди, а я пойду покурю.

Он встал и вышел на площадку, беспечно оставив игру в том положении, в каком она находилась.

## ГЛАВА XII

### ЯРКИЕ ОГНИ ОСОБНЯКОВ. МОЛЬБА ИСКУСИТЕЛЯ

Миссис Герствуд не имела ни малейшего представления о моральной неустойчивости мужа, хотя его наклонности, хорошо ей известные, могли бы заставить ее быть настороже. Трудно было предугадать, на что способна эта женщина, если вывести ее из себя. Герствуд, и тот не мог бы заранее сказать, как поступит его жена при тех или иных обстоятельствах. Ему никогда не случалось видеть, чтобы она вспылила. Миссис Герствуд не принадлежала к тем женщинам, которые позволяют себе приходить в ярость. Прежде всего она слишком мало верила в людей и прекрасно знала, что все не без греха. Затем она была слишком расчетлива и никогда бесpoleзным шумом не лишила бы себя преимуществ, зная все до мельчайших деталей. Она никогда не позволила бы своему гневу вылиться сразу в один сокрушительный удар. Она стала бы выжидать, размышлять, тщательно изучать все подробности, накапливая их одну



за другой, пока наконец ее сила не сравнялась бы с жаждой мести. В то же время она не стала бы мешкать, если бы ей представился случай нанести обидчику рану, все равно — серьезную или легкую, и притом так, чтобы объект ее мести сам не знал, откуда грянула беда. Это была холодная, самовлюбленная женщина, и в голове у нее теснилось немало мыслей, которые никогда не находили себе выражения и которых миссис Герствуд не выдала бы даже мимолетным взглядом.

Многое из этих черт Герствуд угадывал в натуре жены, хотя ничто пока не подтверждало ее догадок. Они жили мирно, и он отчасти был даже доволен своей семейной жизнью. Он нисколько не опасался своей супруги — для этого не было никаких оснований. Миссис Герствуд все еще слегка гордилась своим мужем, тем более что ей по-прежнему хотелось поддерживать в обществе мнение о сплоченности своей семьи. И все же втайне она была очень довольна, что значительная часть имущества мужа переписана на ее имя. Она склонила Герствуда принять эту меру предосторожности давно, когда домашний очаг обладал для него большей притягательной силой, чем теперь. У жены не было ни малейшего повода предполагать, что в ее домашнем быту может когда-нибудь произойти какой-то неприятный переворот. И все же тени, которые порою опережают события, заставляли ее иной раз радоваться, что состояние мужа, в сущности, у нее в руках. Поэтому, ничем не рискуя, она всегда имела возможность проявить упорство, а Герствуд держал себя очень осторожно, ибо не знал, как поведет себя жена, если вызвать ее недовольство.

И вот в тот вечер, когда Герствуд, Керри и Друз сидели в ложе театра Мак-Викера, сын Герствуда, оказывается, сидел в шестом ряду партера с дочерью Х. Б. Кармайкла, совладельца крупной мануфактурной фирмы в Чикаго. Герствуд не заметил сына, так как, по обыкновению, держался в глубине ложи; а его можно было увидеть лишь в тех случаях, когда он слегка наклонялся вперед, да и то только из первых шести рядов партера. Он всегда сидел так в театре, стараясь, чтобы его присутствие было по возможности никем не замечено, если, конечно, у него не было оснований поступать иначе.

Утром за завтраком молодой Герствуд сказал отцу:



— Я видел тебя вчера вечером.

— А, ты был вчера в театре Мак-Викера? — самым беспечным тоном спросил Герствуд.

— Да, — ответил Джордж.

— С кем ты был?

— С мисс Кармайкл.

Миссис Герствуд испытующе посмотрела на мужа, но выражение его лица ничего не сказало ей. Герствуд мог случайно зайти ненадолго в театр.

— Как пьеса? — спросила она.

— Превосходная, — ответил Герствуд, — только уж очень старая — «Рип Ван Винкл».

— С кем же ты был? — с напускным равнодушием спросила она.

— С Чарльзом Друэ и его женой. Это друзья мистера Моя, они наездею в Чикаго.

Ввиду особых условий работы Герствуда это обстоятельство не могло вызвать у его жены никаких подозрений. Миссис Герствуд мирилась с тем, что служба вынуждает его иногда бывать в обществе без жены. Но последнее время он уже несколько раз отговаривался служебными обязанностями именно тогда, когда жена куда-нибудь звала его. И как раз такой случай был накануне утром.

— А мне помнится, ты говорил, что будешь занят, — заметила миссис Герствуд, осторожно выбирая слова.

— Я и был занят! — воскликнул муж. — Но я ничего не мог сделать, пришлось пойти, зато потом я должен был работать до двух часов ночи.

Пояснение Герствуда на время прекратило всякие дальнейшие расспросы, но от этого разговора у обоих супругов остался на душе неприятный осадок. Миссис Герствуд трудно было бы найти более неудачное время для того, чтобы предъявлять какие-либо требования. Уже немало лет ее супруг постепенно охладевал к ней и скучал в ее обществе. Теперь, когда на его горизонте засиял новый свет, старое светило совсем померкло. У него не было ни малейшего желания оглядываться на прошлое, и всякое напоминание о нем раздражало его.

Миссис Герствуд, однако, вовсе не собиралась идти на уступки и требовала, чтобы муж свято чтил брачный контракт, даже если этот контракт давно уже стал мертвой буквой.



— Мы вечером собираемся в гости,— заметила она несколькими днями позже.— Я хотела бы, чтобы ты пошел с нами к Кинсли и познакомился с супругами Филиппс. Они остановились в отеле «Тремонт», и мы решили развлечь их и показать им город.

После недавнего инцидента с театром Герствуд не мог отказать ей, несмотря на то, что эти Филиппсы были так неинтересны, как только могут быть неинтересны люди тщеславные и невежественные. Он согласился, но не слишком любезно и, уходя из дому, был страшно зол.

«Этому надо положить конец,— решил он.— Я вовсе не намерен таскаться по гостям, когда я должен работать!»

Вскоре после этого разговора миссис Герствуд выступила с новым предложением. На этот раз речь шла о каком-то утреннике в театре.

— Моя милая,— ответил ей муж,— у меня совсем нет свободного времени. Я очень занят.

— Однако ты же находишь время, чтобы ходить с другими в театр! — раздраженным тоном возразила ему жена.

— Ничего подобного! — рассердился Герствуд.— Я не могу пренебрегать деловыми связями, только и всего.

— Очень хорошо! — прошипела миссис Герствуд и плотно сжала губы.

Чувство взаимного антагонизма между супругами усилилось.

С другой стороны, приблизительно в равной мере усилился и интерес Герствуда к маленькой фабричной работнице, с которой он познакомился у Друэ. А та уже освоилась со своим положением и под влиянием новой подруги успела сильно измениться. Керри обладала приспосабливаемостью людей, борющихся за свое освобождение. Блеск более яркой жизни не пропал для нее даром. Она не могла бы похвастать, что приобрела много знаний, зато в ней пробудились желания. Разглагольствования миссис Гейл о богатстве и положении в свете научили ее разбираться в степени состоятельности людей.

В хорошую погоду миссис Гейл любила кататься, наслаждаясь видом прекрасных, но недоступных для нее



особняков, окруженных прелестными лужайками. На Северной стороне в то время появилось много изящных домов — там, где теперь Северная набережная. Ограды из камня и искусственного гранита, что в настоящее время окружает озеро Мичиган, тогда еще не существовало, но уже была проложена отличная дорога, газоны с обеих сторон ласкали взор, а все здания были новые и красивые. Однажды, когда миновала зима и уже наступили первые чудесные весенние дни, миссис Гейл наняла экипаж и пригласила Керри покататься с нею. Проехав через Линкольн-парк, они направились в Ивентон, в четыре часа повернули назад и около пяти достигли Северной набережной. В это время года дни еще сравнительно коротки, и вечерние тени уже сгущались, окутывая огромный город. Фонари замигали тем мягким светом, который кажется глазу водянистым и прозрачным. В воздухе была разлита нега, которую тонко чувствуют и тело и душа. Керри прониклась красотой весеннего вечера. В ней зрело множество желаний. Время от времени по гладкой мостовой навстречу ей и миссис Гейл катились экипажи. Один из них остановился, с козел соскочил лакей и распахнул дверцу перед джентльменом, видимо, неторопливо возвращавшимся с вечерней прогулки. За широкими, только еще зазеленевшими лужайками тепло светились лампы, освещающие богатую обстановку комнат. Иногда глаз различал красивое кресло, или стол, или уютный уголок — подобные зрелища необычайно занимали и восхищали Керри. Казалось, перед нею длинной чередой проходили те сказочные дворцы и замки, о которых она грезила в детских снах. Она готова была поверить, что там, за этими пышными, украшенными резьбой подъездами, где свет из граненых и матовых шаров падал на двери с цветными и узорчатыми стеклами, люди не знают забот, не знают неудовлетворенных желаний. Да, там, несомненно, царит счастье! Если бы она могла пройти по этой широкой аллее и подняться по ступеням этого разукрашенного, казавшегося ей таким прекрасным, подъезда, войти в него, очутиться среди роскоши и богатства, которыми она могла бы владеть и распоряжаться, — о, как скоро отлетела бы вся ее грусть, как в одно мгновение исчезла бы боль из сердца! Керри смотрела и смотрела кругом, дивясь, восхищаясь, тоскуя



и все время слыша манящий голос неутомимых желаний.

— Вот бы иметь такой дом! — вздохнув, заметила миссис Гейл. — Какое это счастье!

— А говорят, что на свете нет счастливых людей, — промолвила Керри.

Она немало наслышалась лицемерных рассуждений лисы на тему о незрелом винограде.

— Однако я замечаю, что люди в роскошных особняках как-то мирятся со своим бедственным положением! — иронически заметила миссис Гейл.

Когда Керри вернулась домой, ей сразу бросилась в глаза относительная убогость ее квартирки. Молодая женщина была достаточно наблюдательна, чтобы понимать, что это всего лишь три маленькие комнаты в скромном меблированном доме. Она сопоставляла их не с тем, что было у нее раньше, а с тем, что она видела на набережной во время катания с миссис Гейл. Перед ее глазами все еще стояли красивые особняки, а в ушах раздавался звук мягко катящихся экипажей. «Кто такой в конце концов Друэ? И кто она?» — невольно подумала Керри, покачиваясь в качалке у окна и глядя на освещенный фонарями парк, за которым мигали огни Уоррен и Эшленд-стрит. Она была слишком взбудоражена, чтобы пойти поест, и слишком ушла в свои мысли, чтобы найти себе другое занятие, кроме как покачиваться в качалке и напевать. Ей вспоминались давно забытые мелодии, и от них еще больше ныло сердце. Ее снедала тоска, тоска, тоска. Она тосковала то по старому домику в Колумбия-сити, то по особнякам на набережной, то по изысканному платью, замеченному на какой-то даме, то по красивому пейзажу, бросившемуся ей в глаза днем. Она была печальна без меры и в то же время полна смутных стремлений и грез. Наконец, Керри начало казаться, что она необычайно заброшена и одинока. Ее губы вздрагивали, и она с трудом сдерживала себя. Минуты бежали за минутами, а она все еще неподвижно сидела в полумраке у окна и тихонько напевала, не сознавая, что сейчас она, в сущности, так счастлива, как ей никогда уже не быть.

И вот, в то время как Керри продолжала сидеть, вся во власти напавшей на нее тоски, вошла горничная и сообщила, что в передней находится мистер Герствуд



и спрашивает, можно ли ему видеть миссис и мистера Друэ.

«Видимо, он не знает, что Чарли нет в городе», — подумала Керри.

Зимой она довольно редко видела управляющего баром, но каждый раз то одно, то другое напоминало ей о нем, а главное — он произвел на нее сильное впечатление при первой же встрече. Прежде всего Керри в смятении подумала о том, как она сейчас выглядит, но зеркало тотчас успокоило ее, и она вышла к гостю.

Герствуд был, как всегда, элегантен. Он не знал об отсутствии Друэ. Впрочем, он был не слишком разочарован и тут же перевел разговор на общие темы, которые могли представлять интерес для Керри. Поразительно, с какой непринужденностью он овладел разговором. Впрочем, это легко удастся людям с богатым жизненным опытом, знающим к тому же, что им симпатизируют. Он не сомневался, что Керри слушает его с удовольствием, и без малейшей напряженности принялся рассказывать о всякой всячине, будоражащей ее воображение. Он придвинулся чуть ближе и порою слегка понижал голос, для того чтобы придать разговору видимость сугубо интимной беседы. Герствуд говорил о том, что ему довелось видеть, о людях, о приятных поездках. Он бывал там-то и там-то, видел то-то и то-то. Постепенно ему удалось внушить Керри желание увидеть описанные им места, и вместе с тем он ни на миг не позволял ей забывать о нем самом.

Керри не переставала ощущать обаяние и физическую близость этого человека. Порою Герствуд, желая подчеркнуть какое-нибудь слово, с улыбкой медленно поднимал на нее глаза, и она чувствовала магнетизм его взгляда. Вкрадчивой, почти незаметной ласковостью он добивался ее одобрения. Потом, рассказывая о чем-то, он для вящей убедительности коснулся ее руки, но Керри только и могла, что улыбнуться. Казалось, он создавал вокруг себя атмосферу, в которой растворялось все ее существо. За всю беседу он не сказал ничего бессодержательного, и сама Керри благодаря ему становилась как будто умнее. Зараженная его живостью, она повеселела, раскрыв все лучшее, что было в ней. Она сама чувствовала, что становится интереснее в его присутствии: он находил в ней столько достойного похвалы.



При всем том в его обращении с нею не было ничего покровительственного, а именно этим всегда злоупотреблял Друэ.

Всякий раз, как им случалось встречаться, будь то в присутствии Друэ или без него, в их отношениях было так много интимного, так много затаенного чувства, что Керри не без страха думала об этом. По натуре Керри не была многоречива. Она никогда не умела стройно излагать свои мысли. В ней всегда брали верх чувства, сильные и глубокие. Ни разу между нею и Друэ не было сказано ничего такого, что она могла бы утаить, а что касается взглядов, которыми они обменивались, и ощущений, то какая женщина станет укорять себя за них? Ничего похожего на духовную близость в ее отношениях с Друэ не было, и, по правде говоря, никогда не могло быть. Керри была подавлена, когда встретилась с Друэ, и радость избавления от нужды благодаря этому вовремя подвернувшемуся человеку побудила ее уступить ему. Теперь же на нее хлынул поток скрытых чувств, которых Друэ не мог бы даже понять. В каждом взгляде Герствуда было не меньше силы, чем в пылких словах любовника, а может быть, и больше. Эти взгляды не требовали немедленного ответа, да и не было возможности ответить на них.

Люди в общем придают слишком много значения словам. Им кажется, будто слова всегда чрезвычайно действенны. На самом же деле слова обычно обладают весьма слабой убедительностью. Они лишь смутно передают те глубокие, бурные чувства и желания, которые за ними скрыты. И сердце прислушивается только тогда, когда ему перестает мешать язык.

Во время беседы с Герствудом Керри вслушивалась не в его слова, а в то, что таилось за ними. Как красноречиво говорила в его пользу внешность! Как ощутимо говорило за него его общественное положение! Возраставшее в нем с каждой минутой влечение к Керри ласкало ей душу, словно нежная рука. Оно оставалось невидимым — и поэтому не пугало Керри; оно было неосязательно — и поэтому не рождало в ней страха перед тем, что скажут люди, что она сама себе скажет. Керри умоляли, увещевали, призывали отвергнуть чьи-то прежние права на нее и признать новые, но обо всем этом не было сказано ни слова. Разговор, который вели



между собою эти двое, был подобен тихому музыкальному аккомпанементу, сопровождающему какой-нибудь драматический эпизод, разыгрываемый на сцене.

— Вы когда-нибудь видели особняки, что тянутся по набережной вдоль Северной стороны озера? — как бы случайно спросил Герствуд.

— Я как раз сегодня была там с миссис Гейл. Как же они красивы, эти особняки!

— Да, очень, — подтвердил Герствуд.

— Как бы мне хотелось жить в таком доме, — задумчиво произнесла Керри.

— Вам не повезло, — промолвил он после недолгого молчания.

Он медленно поднял глаза и теперь смотрел ей прямо в лицо. Герствуду было ясно, что он затронул в ней слабую струнку. Сейчас ему представлялся случай замолвить за себя словечко. Он слегка наклонился к Керри и спокойно продолжал смотреть ей в глаза, прекрасно сознавая, что настала критическая минута.

Керри невольно сделала чуть заметное движение, словно пытаясь стряхнуть с себя его чары, но тщетно. В своем взгляде Герствуд сосредоточил всю силу мужской воли, — он понимал, что именно теперь должен проявить эту волю. Он неотрывно смотрел на молодую женщину, и положение становилось все более неловким и трудным. Маленькая фабричная работница глубже и глубже погружалась в омут. Последние опоры, одна за другой, ускользали у нее из-под рук.

— Вы не должны так смотреть на меня, — сказала она наконец.

— Я ничего не могу с собой поделать, — ответил Герствуд.

Керри умолкла, предоставив событиям идти своим чередом, и тем самым придала смелости Герствуду.

— Вас не удовлетворяет ваша жизнь, ведь правда? — продолжал он.

— Да, — тихо ответила она.

Герствуд понял, вернее, почувствовал, что он хозяин положения; низко наклонившись к молодой женщине, он прикоснулся к ее руке.

— Не надо! — воскликнула Керри, вскакивая.

— Простите, это вышло ненамеренно, — непринужденно ответил Герствуд.



Керри могла бы убежать от него, однако она этого не сделала. Она не прекратила разговора, и Герствуд тотчас с готовностью принялся рассказывать ей что-то интересное. Но вскоре он поднялся, собираясь уходить. Керри чувствовала, что победа осталась за ним.

— Вы не должны сердиться,— ласково сказал он.— Со временем все образуется!

Она ничего не ответила, так как не знала, что сказать.

— Мы с вами хорошие друзья, да? — сказал Герствуд, прощаясь и протягивая руку.

— Да,— ответила Керри.

— В таком случае ни слова об этом, пока я снова не увижу вас.

Он ненадолго задержал ее руку в своей.

— Я не могу обещать,— с сомнением в голосе отозвалась Керри.

— Надо быть великодушнее с друзьями,— упрекнул он ее так просто, что она была тронута.

— Давайте не будем больше говорить об этом,— сказала она.

— Отлично! — просиял Герствуд.

Он спустился по лестнице и сел в экипаж. Керри заперла дверь и вернулась к себе в комнату. Она подошла к зеркалу, сняла широкий кружевной воротничок и расстегнула красивый пояс из крокодиловой кожи, который она недавно купила.

— Я становлюсь ужасно гадкой! — произнесла она, искренне огорченная и охваченная смятением и стыдом.— Что бы я ни делала, все получается плохо.

Она распустила волосы, и они рассыпались густыми каштановыми волнами. Она перебирала в уме впечатления этого вечера.

— Не знаю, как мне теперь быть,— чуть слышно пробормотала она наконец.

А Герствуд, которого в это время мчал экипаж, мысленно говорил себе:

«Она меня любит. Я в этом уверен!»

И весь оставшийся путь до места его службы — добрых четыре мили — управляющий баром весело насвистывал старинную песенку, которую не вспоминал уже пятнадцать лет.



### ГЛАВА XIII

## ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ ПРИНЯТЫ. БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Не прошло и двух суток после разговора между Керри и Герствудом, как последний снова явился на Огден-сквер. Все это время он не переставал думать о Керри. Ее кротость воспламенила его надежды. Он чувствовал, что добьется успеха, и скоро. Его интерес к Керри — чтобы не сказать влюбленность — основывался не на одном только желании, он был гораздо глубже. Это был расцвет чувств, прозябавших в сухой и бесплодной почве уже много лет. Вполне возможно, что Керри лучше всех тех женщин, которые когда-либо раньше владели его воображением. У него не было ни одного настоящего романа после того, который закончился его женитьбой, и он успел понять, насколько ошибочно и незрело было его тогдашнее решение. Всякий раз, как Герствуду приходилось задумываться над этим, он говорил себе, что, если бы можно было начать жизнь сначала, он ни в коем случае не женился бы на такой женщине, как миссис Герствуд. Собственный опыт значительно поколебал его уважение ко всему прекрасному полу вообще. Он стал относиться к женщинам цинически, и основанием тому были его многочисленные интрижки. Все те, кого он знал до встречи с Керри, были похожи одна на другую: эгоистичные, невежественные, пустые. В женах его друзей не было ничего вдохновляющего, а его собственная жена оказалась по натуре холодной и будничной, что доставляло ему мало радости. То, что Герствуд слышал о злых местах, где по ночам кутили сластолюбцы из общества (а он знал многих из них), развило в нем черствость. Он привык смотреть на всех женщин с недоверием, — эти существа только и стремятся извлекать пользу из своей красоты и нарядов. Он провожал их проницательным и двусмысленным взглядом. Вместе с тем он был далеко не так глуп, чтобы не проникнуться уважением к хорошей женщине. Он даже не стал бы раздумывать, откуда берется такое чудо, как добродетельная женщина. Он просто снял бы перед ней шляпу и заставил бы умолкнуть всех болтунов и сквернословов; так ирландец, хо-



зяин ночлежки в Бауэри, смиряется перед сестрой милосердия из католической секты в Дублине и щедрой рукой благоговейно жертвует на благотворительные дела. Но Герствуд даже не задумался бы, почему он так поступает.

Человек в положении Герствуда, выдавший на своем веку немало никчемных, себялюбивых красоток, столкнувшись с молодой, неиспорченной, открытой натурой, либо держится подалеже от нее, сознавая, как велико расстояние между ними, либо же, в восторге от своего открытия, тянется к ней, влекомый непреодолимой силой. Лишь долгим обходным путем такой человек, как Герствуд, может приблизиться к женщине вроде Керри. У подобных людей нет какого-либо определенного метода, они не знают, как завоевать расположение юности — разве только в том случае, когда жертва находится в тяжелом положении. Но если муха, увы, попалась в сети, паук начинает переговоры, диктуя свои условия. И когда наивная девушка, втянутая в водоворот большого города, оказывается в близком соседстве с охотником за легкой добычей, он пускает в ход свое искусство соблазнителя.

Когда Герствуд в первый раз явился по приглашению Друэ, он ожидал увидеть красивое платье и смазливое личико. Он вошел в квартиру Друэ и Керри, рассчитывая провести вечер в легкомысленной болтовне и сейчас же забыть о новой знакомой. И вдруг, вопреки ожиданиям, он встретил женщину, юность и красота которой пленили его. В кротком свете ее глаз не было ничего похожего на расчетливость содержанки. Застенчивая манера держаться ничуть не напоминала куртизанок. Он сразу понял, что девушка просто ошиблась — очевидно, какие-то тяжелые обстоятельства толкнули бедное создание на эту связь. И в Герствуде сразу зажегся интерес к Керри. Он проникся сочувствием к ней — правда, не без некоторой примеси самомнения. Желанию отвоевать Керри сопутствовала мысль, что с ним ей будет лучше, чем с Друэ. Герствуд завидовал молодому коммивояжеру, как не завидовал еще никому за все годы своей сознательной жизни.

По своим душевным качествам Керри, несомненно, была лучше Герствуда, точно так же, как по умствен-



ным способностям она стояла выше Друэ. Она явилась в Чикаго свежая, как воздух полей, лучи деревенского солнца еще блестели в ее глазах. Тут не могло быть и речи о коварных замыслах или алчности. Правда, если копнуть глубже, то в ней, возможно, нашлись бы задатки и того и другого. Но она была слишком мечтательна, слишком полна неосознанных желаний, чтобы стать жадной. Она пока что глядела изумленными глазами на огромный город-лабиринт, многого еще не понимая. Герствуд ощутил в ней цветение юности. Ему хотелось взять ее, как хочется сорвать с дерева прекрасный, сочный плод. В ее присутствии Герствуд чувствовал себя человеком, для которого томительный летний зной каким-то чудом сменился вдруг свежим дыханием весны.

Оставшись одна после описанной сцены с Герствудом, Керри, которой не с кем было посоветоваться, принялась перебирать в уме возможные выходы из положения, один нелепее другого; наконец, обессилив, бросила попытки разобраться в этом. Она считала, что кое-чем обязана Друэ. Ведь словно бы только вчера он оказал ей помощь в такую минуту, когда она была в унынии и тревоге. Она питала к нему самые лучшие чувства. Она отдавала должное его красивой внешности, его великодушию и даже, как ни странно, во время его отсутствия забывала о его эгоизме. Вместе с тем она не чувствовала, что ее связывают с ним какие-либо узы. Возможность прочного союза между ними не подтверждалась поведением Друэ.

По правде сказать, привлекательный «барабанщик» все свои связи с женщинами заранее сбрескал на недолговечность своим же собственным легкомыслием и непостоянством. Он весело наслаждался жизнью, в полной уверенности, что пленяет всех, что любовь неотступно следует за ним по пятам, что все неизменно будет складываться возможно приятнее для него. Если случалось, что из поля его зрения исчезало чье-либо лицо или какая-нибудь дверь окончательно закрывалась перед ним, он не особенно огорчался. Он был слишком молод и слишком удачлив. Он верил, что будет молод душою до гробовой доски.

Что до Герствуда, то сейчас все его помыслы и чувства сосредоточились на Керри. У него не было ни-



какого определенного плана, но он твердо решил, что заставит ее признаться в любви. Ему казалось, что в ее опущенных ресницах, в ее глазах, избегающих его взгляда, во всем поведении он узнает признаки зарождающейся страсти. Ему хотелось находиться подле нее, заставить ее вложить свою руку в его, ему не терпелось узнать, каков будет ее ближайший шаг, в чем выразится ее чувство в дальнейшем. Подобных тревог и радостей он не испытывал уже много лет. Он снова обрел чувства юноши и вел себя, как рыцарь.

Должность позволяла ему свободно располагать своими вечерами. Вообще Герствуд был чрезвычайно преданный служащий и пользовался таким доверием хозяев, что они разрешали ему распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. Он мог уходить когда угодно, так как всем было известно, что он блестяще выполняет обязанности управляющего, совершенно независимо от времени, которое уделяет делу. Его изящество, такт и элегантность создали в баре особую атмосферу изысканности, что было весьма важно для такого предприятия. В то же время благодаря многолетнему опыту Герствуд стал превосходным знатоком напитков, сигар и фруктов, ассортимент которых в баре не оставлял желать ничего лучшего. Буфетчики, их помощники сменяли один другого, но пока оставался Герствуд, плеяда старых посетителей едва ли замечала перемену. Именно он, повторяем, давал заведению тот тон, к которому привыкли завсегдатаи. Вполне понятно поэтому, что Герствуд мог располагать своим служебным временем, как ему было угодно, и, случалось, уходил то днем, то вечером, но неизменно возвращался между одиннадцатью и двенадцатью, чтобы быть на месте последние час или два и присутствовать при закрытии бара.

— Вы уж последите за тем, чтобы все было убрано в шкафы и чтобы никто не оставался в баре после вас, Джордж! — сказал ему однажды мистер Мой, и ни разу за всю свою долголетнюю службу Герствуд не нарушил этого указания. Владельцы бара годами не заглядывали туда после пяти часов дня, и все же управляющий так же точно выполнял их требование, как если бы они ежедневно приходили проверять его.



В пятницу, всего через два дня после визита к Керри, Герствуд решил снова повидаться с ней. Он уже не мог существовать без нее.

— Ивенс,— обратился он к старшему буфетчику,— если кто будет спрашивать меня, скажите, что я вернусь к пяти часам.

Быстрыми шагами направился он на Медисон-стрит, сел в конку и через полчаса был на Огден-сквер.

Керри как раз собиралась выйти погулять и надела светло-серое платье и изящный двубортный жакет.

Она уже приготовила шляпу и перчатки и, стоя перед зеркалом, прикалывала к платью белый кружевной бант, когда горничная постучала и сообщила, что пришел мистер Герствуд.

Услышав это, Керри слегка вздрогнула, но, овладев собой, попросила горничную передать ему, что через минуту выйдет в гостиную, и стала торопливо заканчивать туалет.

В эту минуту Керри не могла бы ответить, рада ли она тому, что ее дожидается этот интересный человек. Она чувствовала, как кровь прилила к ее щекам, но то было скорее от волнения, чем от страха или радости. Она не пыталась угадать, о чем он будет говорить, только подумала, что нужно быть осторожнее и что ее непостижимо влечет к этому человеку. Поправив в последний раз бант, Керри вышла в гостиную.

Герствуд тоже волновался и нервничал. Он не скрывал от себя цели своего прихода. Он сознавал, что на этот раз должен действовать решительно, однако, едва настал ответственный момент и послышались шаги Керри, смелость покинула его. Он начал колебаться, так как далеко не был уверен в том, как она отнесется к нему.

Но едва Керри вошла в комнату, Герствуд снова воспрянул духом при виде красоты молодой женщины. В ней было столько непосредственности и очарования, что всякий влюбленный почувствовал бы прилив отваги. Керри явно волновалась, и это рассеяло тревогу Герствуда.

— Как вы поживаете? — непринужденно приветствовал он ее.— День такой прекрасный, что я не мог устоять против искушения пройтись немного.



— Да, день чудесный,— сказала Керри, останавливаясь перед гостем.— Я и сама собиралась выйти погулять.

— Вот как? — воскликнул Герствуд.— В таком случае, быть может, вы наденете шляпу и мы выйдем вместе?

Они пересекли парк и пошли по бульвару Вашингтона; здесь была отличная щебенчатая мостовая, а немного отступя от тротуара тянулись большие особняки. На этой улице жили многие из состоятельных обитателей Западной стороны, и Герствуд слегка нервничал оттого, что идет с дамой у всех на виду. Однако вывеска «Экипажи напрокат» в одном из переулков вывела его из затруднения, и он предложил Керри прокатиться по новому бульвару.

Бульвар представлял собою в то время просто-напросто проезжую дорогу. Та часть его, которую Герствуд намеревался показать Керри, находилась тоже на Западной стороне, но значительно дальше и была редко заселена. Бульвар соединял Дуглас-парк с Вашингтонским или Южным парком; эта аккуратно вымощенная дорога тянулась миль пять по открытой, заросшей высокой травой прерии на юг, сворачивая затем к востоку. Там нечего было опасаться кого-либо встретить, и ничто не могло помешать беседе.

Герствуд выбрал смирную лошадь, и скоро он и Керри оказались уже в таких местах, где никто их не видел и не слышал.

— Вы умеете править? — спросил Герствуд.

— Никогда не пробовала.

Он передал Керри вожжи, а сам скрестил руки на груди.

— Вот видите, как это просто,— с улыбкой сказал он.

— Да, когда лошадь смирная! — ответила Керри.

— При некотором навыке вы справитесь с любой,— подбодрил он ее.

Герствуд выжидал удобной минуты, чтобы перевести разговор на другую тему и придать ему более серьезный характер. Раза два он совсем умолкал, в надежде, что в молчании мысли Керри потекут по тому же направлению, что и его. Но она, как ни в чем не бывало, продолжала болтать. Вскоре, однако, его молчали-



вость стала действовать на нее. Она поняла, о чем он думает. Герствуд упорно смотрел перед собою, точно раздумье его не имело никакого отношения к спутнице. Но его настроение говорило само за себя, и Керри знавала, что близится критическая минута.

— Поверите ли,— задумчиво произнес он,— я уже много лет не был так счастлив, как с тех пор, когда я узнал вас.

— Правда?

Она произнесла это слово с притворной легкостью, хотя была сильно взволнована убежденностью в его голосе.

— Я хотел сказать вам это еще в прошлый вечер,— добавил он,— но не представилось случая.

Керри слушала его, даже не пытаясь найти слова для ответа. При всем желании она ничего не могла бы придумать. Вопреки ее представлениям о порядочности и мыслям, тревожившим ее с первой минуты их знакомства, она теперь снова почувствовала сильное влечение к этому человеку.

— Я затем и пришел сегодня,— торжественным тоном продолжал Герствуд,— чтобы сказать вам о своих чувствах, то есть узнать, пожелаете ли вы меня выслушать.

Герствуд был в некотором роде романтиком, ему не чужды были пылкие чувства — порою даже весьма поэтические,— и под действием сильной страсти он становился красноречив. Вернее, в голосе его появлялась та кажущаяся сдержанность и патетика, которая является сущностью красноречия.

— Вы, наверное, и сами знаете...— сказал он, положив свою руку на ее. Воцарилось неловкое молчание, пока он подыскивал нужные слова.— Вы, наверное, и сами знаете, что я люблю вас...

Керри даже не шевельнулась, услышав это признание. Она целиком подпала под обаяние этого человека. Ему для выражения своих чувств нужна была церковная тишина, и Керри не нарушала ее. Не отрываясь, смотрела она на развертывавшуюся перед нею панораму открытой, ровной прерии.

Герствуд выждал несколько секунд, а затем повторил последние слова.



— Вы не должны так говорить,— чуть слышно отозвалась Керри.

Это звучало совсем неубедительно. Просто у нее слабо шевельнулась мысль, что надо что-нибудь сказать. Герствуд не обратил внимания на ответ.

— Керри,— сказал он, впервые с теплой фамильярностью называя ее по имени,— Керри, я хочу, чтобы вы полюбили меня. Вы не знаете, как я нуждаюсь хоть в капельке нежности. Я, в сущности, совсем одинок. В моей жизни нет ничего светлого и радостного. Одни только заботы и возня с людьми, которые для меня ничего не значат.

Произнося эти слова, Герствуд и сам считал, что его доля достойна глубокой жалости. Он обладал способностью увлекаться собственной речью и, глядя на себя словно со стороны, видеть то, что ему хотелось бы видеть. Его голос дрожал от волнения, и слова находили отклик в душе спутницы.

— А я-то думала, что вы, должно быть, очень счастливы! — сказала Керри, обращая на него свои большие глаза, полные искреннего сочувствия.— Ведь вы так хорошо знаете жизнь!

— В том-то и беда,— сказал Герствуд, и в голосе его послышалась легкая грусть,— в том-то и беда, что я слишком хорошо знаю жизнь!

На Керри произвело сильное впечатление то, что это говорит ей человек влиятельный, с хорошим положением в обществе. Она с невольным удивлением подумала, как странно складывается ее судьба. Как же это могло случиться, что в такой короткий промежуток времени вся рутина захолустной жизни, точно плащ, свалилась с ее плеч и вместо нее выступил большой город со всеми его загадками? А сейчас перед нею была самая удивительная загадка: человек с деньгами, с положением, управляющий большим делом — и вдруг ищет ее сочувствия. Ведь стоит только взглянуть на него, и сразу видно, что он живет в довольстве, что он силен, одет изысканно и, несмотря на все это, о чем-то просит ее, Керри! Она не могла найти ни одной разумной фразы и попросту перестала ломать себе голову. Она только нежилась в лучах его горячего чувства, как озябший путник у жаркого костра. Герствуд весь пылал, и огонь



его страсти уже, как воск, растоплял последние сомнения Керри.

— Вы думаете, что я счастлив, что мне не на что жаловаться? Если бы вам приходилось каждый день встречаться с людьми, которым совершенно нет до вас дела, если бы вам изо дня в день приходилось бывать там, где царят лицемерие и полное безразличие, если бы вокруг вас не было ни одного человека, с кем вы могли бы поговорить по душам, в ком вы могли бы искать сочувствия,— разве вы не считали бы себя глубоко несчастной?

Герствуд сейчас затронул чувствительную струнку в ее душе — ведь она сама испытала все это. Она прекрасно знала, что значит встречаться с людьми, которые к тебе равнодушны, блуждать в толпе, которой нет до тебя никакого дела. Она ли этого не испытала? Разве она не одинока и в настоящую минуту? Разве среди тех, кого она знает, есть хоть кто-нибудь, в ком она могла бы искать сочувствия? Ни одного человека! Она всецело предоставлена своим думам и сомнениям.

— Я был бы вполне доволен жизнью,— продолжал Герствуд,— если бы мог приходить к вам, если бы я нашел в вас друга. Теперь же я машинально хожу то в одно место, то в другое, не испытывая ни малейшего удовольствия. Я не знаю, чем мне заполнить свой досуг. Пока не было вас, я ничего не делал и только бесцельно плыл по течению навстречу всяким случайным впечатлениям. Но вот появились вы, и с тех пор я думаю только о вас!

И Керри поддалась извечному самообману: ей казалось, что перед ней человек, который истинно нуждается в ней. Она от души жалела одинокого и грустного Герствуда. Подумать только, что, несмотря на свое положение в обществе, он чувствует себя несчастным без нее, он умоляет ее о любви, когда она и сама так одинока и не имеет пристанища в жизни. Нет, это очень печально!

— Я далеко не дурной человек,— как бы оправдываясь, продолжал Герствуд, словно он считал своим долгом дать ей на этот счет некоторое разъяснение.— Вы думаете, быть может, что я веду беспутный образ



жизни и предаюсь всяким порокам? Не стану скрывать, что бываю порою весьма, весьма легкомыслен, но я без труда мог бы отречься от этого. Вы нужны мне для того, чтобы я вновь мог стать самим собой, если только жизнь моя еще чего-нибудь стоит.

Керри посмотрела на него с нежностью, которой неизменно проникается добродетель, когда надеется спасти заблудшую душу. Возможно ли, чтобы такой человек нуждался в нравственном спасении? Какие могут быть в нем пороки, которые она могла бы исправить? Они должны быть ничтожны в этом человеке, в котором все так красиво. В худшем случае, это маленькие грешки, к которым надо относиться с большой снисходительностью.

Герствуд выставил себя в таком свете, что Керри не могла не проникнуться к нему глубокой жалостью «Неужели это правда?» — думала она.

Он обнял ее одной рукой за талию, и у нее не хватило духу отодвинуться. Свободной рукой он слегка сжал ее пальцы. Мягкий весенний ветерок пробежал через дорогу, перекатывая на своем пути прошлогодние сучки и листья. Лошадь, не чувствуя вожжей, бежала ленивой рысцой.

— Скажите, что вы любите меня, Керри! — чуть слышно произнес Герствуд.

Керри опустила глаза.

— Признайтесь, дорогая! — глубоко прочувствованным голосом продолжал он. — Любите, да?

Керри не отвечала, но Герствуд несколько не сомневался в том, что одержал победу.

— Скажите «да», — горячим шепотом повторил он и так близко привлек ее к себе, что их губы почти встретились.

Он сжал ей руку, но тотчас выпустил и ласково прикоснулся к ее лицу.

— Правда? — настаивал он, прижимаясь к ее губам.

Ее губы ответили ему.

— Теперь вы моя, да? — горячо прошептал Герствуд, и его красивые глаза загорелись.

Керри ничего не ответила и только тихонько опустила голову к нему на плечо.



## ГЛАВА XIV

### ГЛАЗА, КОТОРЫЕ НЕ ВИДЯТ. ОДНО ВЛИЯНИЕ ИСЧЕЗАЕТ

В этот вечер, сидя в своей комнате, Керри чувствовала себя превосходно и физически и нравственно. Ее радостно волновала любовь к Герствуду, его взаимность, и она, ликуя, рисовала себе в мечтах предстоящее в воскресенье вечером свидание. Не задумываясь о необходимости соблюдать осторожность, они все же именно по этой причине условились, что Керри встретится с ним в городе.

Миссис Гейл из своего окна видела, как Керри возвращалась домой.

«Гм,— подумала она.— Ездит кататься с каким-то джентльменом, когда мужа нет в городе! Не мешало бы мистеру Друэ присмотреть за своей женой!»

Между прочим, не одна миссис Гейл сделала подобное заключение. Горничная, открывавшая дверь Герствуду, тоже составила себе кой-какое мнение на этот счет. Она не питала особой любви к Керри, считая ее холодной и неприятной особой. Зато ей очень нравился веселый и простой в обращении Друэ, время от времени бросавший приветливое словечко и вообще оказывавший ей то внимание, которое он неизменно уделял всем представительницам прекрасного пола. Герствуд, человек более сдержанный, не произвел такого выгодного впечатления на эту затянутую в корсет девушку. Горничная с удивлением задавала себе вопрос: почему мистер Герствуд является так часто и куда это миссис Друэ отправилась с ним в отсутствие мужа? Она не преминула поделиться своими наблюдениями с кухаркой. По дому пошла сплетня, с таинственным видом передаваемая из уст в уста.

Поддавшись обаянию Герствуда и признавшись ему во взаимности, Керри перестала раздумывать насчет их дальнейших отношений. На время она почти забыла о Друэ, целиком занятая мыслями о благородстве и изяществе своего возлюбленного и о его всепоглощающей страсти к ней. В первый вечер она долго перебирала в уме все подробности их прогулки. Впервые в жизни в ней проснулись дотоле не изведенные чувства, и в са-



мом ее характере появились какие-то новые черточки. Она почувствовала в себе энергию, которой раньше за собой не знала, стала более практически смотреть на вещи, и ей уже казалось, что вдали брезжит какой-то просвет. Герствуд представлялся ей спасительной силой, которая выведет ее на путь чести. В общем, ее чувства заслуживали большой похвалы, ибо в последних событиях ее особенно радовала надежда выбраться из бесчестья. Она не имела ни малейшего представления о том, каковы будут дальнейшие планы Герствуда. Но его чувство к ней казалось чем-то прекрасным, и она ожидала больших, светлых перемен.

А Герствуд между тем думал только о наслаждении, не связанном с ответственностью. Он вовсе не считал, что чем-то осложняет свою жизнь. Служебное положение у него было прочное, домашняя жизнь если и не удовлетворяла, то по крайней мере не доставляла ему никаких тревог, и его личная свобода до сих пор ничем не была ограничена. Любовь Керри представлялась ему лишь новым удовольствием. Он будет наслаждаться этим даром судьбы, отпущенным ему сверх обычной доли земных радостей. Он будет счастлив с нею, и это отнюдь не послужит помехой его прочим делам.

В воскресенье вечером Керри обедала с ним в одном облюбованном им ресторане на Ист-Адамс-стрит, потом они сели в наемный экипаж и отправились на Коттедж-Гров-авеню, где находился известный в те времена кабачок. Уже делая признание, Герствуд заметил, что Керри поняла его любовь как весьма возвышенное чувство, чего он, собственно, не ожидал. Она всерьез держала его на определенном расстоянии, позволяя проявлять лишь те знаки нежного внимания, которые к лицу лишь совсем неопытным влюбленным. Ему стало ясно, что овладеть ею будет далеко не так просто, и он решил пока не слишком настаивать.

Так как Герствуд с самого начала делал вид, будто считает Керри замужней женщиной, ему необходимо было и сейчас продолжать эту игру. Он понимал, что до полной победы над Керри еще далеко. Как далеко — этого он, разумеется, не мог предвидеть.

Когда они возвращались в экипаже на Огден-сквер, Герствуд спросил:

— Когда я вас снова увижу?



— Право, не знаю,— ответила Керри, немного растерявшись.

— Почему бы нам не встретиться во вторник в «Базаре»? — предложил он.

— Не так скоро,— покачала она головой.

— Тогда мы вот что сделаем,— сказал Герствуд,— я напишу вам «до востребования» по адресу почтамта на Западной стороне, а вы во вторник зайдите туда за письмом. Хорошо?

Керри согласилась.

По приказанию Герствуда кучер остановился, не дожидая одного дома до квартиры Керри.

— Спокойной ночи,— прошептал Герствуд, и экипаж тотчас отъехал.

Плавное развитие романа было, увы, нарушено возвращением Друэ. Герствуд сидел за письменным столом в своем изящном маленьком кабинете, когда на другой день после его свидания с Керри в бар заглянул молодой коммивояжер.

— Здорово, Чарли! — благодушно окликнул его издали Герствуд.— Уже вернулись?

— Да, как видите,— с улыбкой ответил Друэ и, подойдя ближе, остановился в дверях кабинета.

Герствуд поднялся ему навстречу.

— Такой же цветущий, как всегда,— шутливо заметил он.

Они заговорили об общих знакомых и о последних происшествиях.

— Дома уже были? — спросил наконец Герствуд.

— Нет еще. Но сейчас еду,— ответил Друэ.

— Я тут не забывал вашу девочку,— сказал Герствуд.— Даже навестил ее как-то. Думал, вам было бы неприятно, если б она все время сидела одна.

— Вы совершенно правы,— согласился Друэ.— Ну, как она поживает? — спросил он.

— Отлично,— ответил Герствуд.— Только очень скучает по вас. Вы бы скорее пошли и развеселили ее!

— Сейчас иду,— весело заверил его Друэ.

— Я хотел бы, чтобы вы в среду поехали со мной в театр,— сказал на прощание Герствуд.

— Спасибо, дружище! — поблагодарил его молодой коммивояжер.— Я спрошу у нее и потом сообщу вам, что она скажет.



Они сердечно пожали друг другу руки.

«Герствуд — очаровательный малый!» — подумал Друэ, сворачивая за угол и направляясь к Медисон-стрит.

«Друэ — славный парень! — подумал Герствуд, возвращаясь к себе в кабинет. — Но он совсем не подходит для Керри».

При воспоминании о Керри его мысли тотчас приняли приятный оборот. Он стал думать о том, как ему обойти коммивояжера.

Очутившись дома, Друэ, по обыкновению, схватил Керри в объятия, но она, возвращая ему поцелуй, слегка дрожала, точно преодолевая внутреннее сопротивление.

— Чудесно съездил! — сказал он.

— Правда? Ну, а чем кончилось в Ла-Кроссе то дело, о котором ты мне рассказывал?

— Прекрасно! Я продал этому человеку полный ассортимент наших товаров. Там был еще один комми, представитель фирмы Бернштейн, но он ничего не сумел сделать. Я его здорово заткнул за пояс!

Снимая воротничок и отстегивая запонки, перед тем как пойти умыться и переодеться, Друэ продолжал описывать свою поездку. Керри с невольным любопытством слушала его красочное повествование.

— Понимаешь, у нас в конторе все были прямо поражены, — сказал он. — За последнюю четверть года я продал больше всех других представителей нашей фирмы. В одном только Ла-Кроссе я сплавил товару на три тысячи долларов.

Он погрузил лицо в умывальный таз с водой и, фыркая и отдуваясь, принялся мыть лицо, шею и уши, а Керри глядела на него, и в голове ее теснился целый рой противоречивых мыслей: воспоминание о прошлом и нынешнее критическое отношение к этому человеку.

Взяв полотенце и вытирая лицо, Друэ продолжал:

— В июне непременно потребую прибавки. Пусть платят больше, раз я приношу им столько дохода! И я добыю своего, можешь не сомневаться!

— Надеюсь, — сказала Керри.

— А если к тому же закончится благополучно и то маленькое дело, про которое я тебе говорил, мы с тобой



обвенчаемся! — с видом неподдельной искренности добавил он.

Подойдя к зеркалу, Друэ стал приглаживать волосы.

— По правде сказать, я не верю, чтобы ты когда-нибудь женился на мне, Чарли,— грустно сказала Керри.

Недавние уверения Герствуда придали ей смелости произнести эти слова.

— Нет, что ты... что ты!..— воскликнул Друэ.— Вот увидишь, женюсь! Откуда у тебя такие мысли?

Он перестал возиться у зеркала и, круто повернувшись, подошел к Керри. А ей впервые захотелось отстраниться от него.

— Слишком уж давно ты говоришь об этом! — сказала она, подняв к нему красивое личико.

— Но я это сделаю, Керри! Только для того, чтобы жить, как я хочу, нужны деньги. Вот получу прибавку, тогда можно будет устроиться и зажить на славу. И мы с тобой сразу поженимся. Брось тревожиться, детка!

Он ласково потрепал ее по плечу, но Керри лишний раз почувствовала, как тщетны ее надежды. Очевидно, этот ветреник не собирался и пальцем шевельнуть ради ее душевного покоя. Он попросту предоставлял событиям идти своим чередом, так как предпочитал свободную жизнь всяким законным узам.

Герствуд, напротив, казался Керри положительным и искренним человеком. У него не было этой манеры отмахиваться от важных вопросов. Он глубоко сочувствовал ей во всем и каждым словом давал понять, как высоко ее ценит. Он действительно нуждался в ней, а Друэ не было до нее никакого дела.

— О нет, этого никогда не будет! — повторила она.

Она произнесла это тоном упрека, но в голосе ее чувствовалась прежде всего растерянность.

— Вот обожди еще немного, тогда увидишь,— сказал Друэ, как бы заканчивая разговор.— Раз я сказал — женюсь, значит, женюсь!

Керри внимательно посмотрела на него, убеждаясь в своей правоте. Она искала, чем бы успокоить свою совесть, и нашла себе оправдание в беспечном и пренебрежительном отношении Друэ к ее справедливым



требованиям. Ведь он обещал жениться на ней, и вот как он выполняет свое обещание!

— Слушай,— сказал Друз после того, как, по его мнению, с вопросом о женитьбе было покончено,— я видел сегодня Герствуда, он приглашает нас в театр!

При звуке этого имени Керри вздрогнула, но быстро овладела собой.

— Когда? — спросила она с деланным равнодушием.

— В среду. Пойдем, а?

— Если ты хочешь,— пожалуйста! — ответила Керри с такой ненатуральной сдержанностью, которая могла бы вызвать подозрение.

Друз что-то заметил, но приписал ее тон разговору насчет женитьбы.

— Он сказал, что навестил тебя однажды.

— Да,— подтвердила Керри,— он заходил вчера вечером.

— Вот как? А я понял из его слов, будто он был здесь с неделю назад,— удивился Друз.

— Да, он был и около недели назад,— сказала Керри.

Не зная, о чем говорили между собою ее любовники, она растерялась, боясь, что ее ответ может вызвать какие-нибудь осложнения.

— Значит, он был здесь дважды? — спросил Друз, и на лице его впервые мелькнула тень сомнения.

— Да,— простодушно подтвердила Керри, хотя теперь ей стало ясно, что Герствуд, должно быть, говорил лишь об одном визите.

Друз подумал, что не понял приятеля, и не придавал этой маленькой путанице никакого значения.

— А что, собственно, ему было нужно? — спросил он; в нем шевельнулось любопытство.

— Он сказал, что пришел проводить меня, думая, что мне должно быть очень скучно одной. Ты, по-видимому, давно не был у него в баре, и он справлялся, куда ты пропал.

— Джордж на редкость славный малый,— сказал Друз, весьма польщенный вниманием приятеля.— Ну, пойдем обедать!

Когда Герствуд узнал, что Друз вернулся в Чикаго, он сел за стол и написал Керри:



«Дорогая, я сказал ему, что был у Вас в его отсутствии. Я не упомянул, сколько раз я заходил к Вам, но он, вероятно, думает, что только один раз. Сообщите мне все, о чем Вы говорили с ним. Ответ на это письмо пришлите с посыльным. Я должен Вас видеть, моя дорогая! Дайте знать, удобно ли Вам встретиться со мною в среду, в два часа, на углу Джексон- и Трупп-стрит. Мне очень хотелось бы поговорить с Вами прежде, чем мы увидимся в театре».

Керри получила это письмо в почтовом отделении Западной стороны, куда зашла во вторник утром. Она тотчас же написала ответ:

«Я сказала ему, что Вы приходили дважды. Он, по моему, не рассердился. Постараюсь быть на Трупп-стрит, если ничто не помешает. Мне кажется, я становлюсь дурной женщиной. Нехорошо поступать так, как я поступаю сейчас».

Встретившись с Керри в условленном месте, Герствуд сумел успокоить ее.

— Вы не должны тревожиться, дорогая! — сказал он. — Как только Чарли уедет из Чикаго, мы с вами что-нибудь придумаем. Устроим все так, чтобы вам не приходилось никого обманывать.

Керри вообразила, что Герствуд сейчас же на ней женится, хотя он этого прямо и не сказал. Она воспрянула духом и решила, что нужно как-нибудь протянуть до тех пор, пока не уедет Друэ.

— Не обнаруживайте большего интереса ко мне, чем раньше, — напомнил ей Герствуд, имея в виду предстоящее посещение театра.

— А вы не должны смотреть на меня так пристально! — ответила Керри, зная, какую власть имеет над нею его взгляд.

— Хорошо, не буду, — обещал он.

Но, пожимая ей на прощание руку, он посмотрел на нее тем взглядом, которого так боялась Керри.

— Ну вот, опять! — воскликнула Керри, шутливо погрозив ему пальцем.

— Но ведь спектакль еще не начался! — возразил Герствуд.

Он долго с нежностью глядел ей вслед. Ее юность и красота сильнее вина опьяняли его.



В театре все складывалось в пользу Герствуда. Если он и раньше нравился Керри, то теперь ее влекло к нему со все возрастающей силой. Его обаяние стало еще более действенным, ибо нашло для себя благоприятную среду. Керри восхищенно следила за каждым его движением. Она почти забыла о бедном Друэ, который не переставал болтать, словно хозяин, старающийся занять своих гостей.

Герствуд был слишком умен, чтобы хоть намеком обнаружить перемену в своем отношении к Керри. Пожалуй только, он стал еще внимательнее к своему приятелю и ни разу не позволил себе тонко подтрунить над ним, как мог бы это сделать счастливый соперник в присутствии возлюбленной. Он превосходно сознавал бесчестность своей игры и не был настолько мелок, чтобы допустить хоть малейшую насмешливость по отношению к Друэ. Только один эпизод создал ироническую ситуацию, и то лишь благодаря одному Друэ.

В пьесе «Договор» есть сцена, когда жена в отсутствие мужа поддается сладким речам соблазнителя. Позже, когда жена уже всеми силами старается искупить свою вину перед мужем, Друэ сказал:

— И поделом ему! Вот уж мне ни капельки не жаль мужа, который может быть таким ослом!

— В таких случаях очень трудно судить,— мягко возразил Герствуд.— Ведь он, наверное, считал себя безукоризненным супругом.

— Ну, знаете ли, муж должен быть гораздо внимательнее к жене, если хочет удержать ее!

Они вышли из вестибюля и стали пробираться сквозь густую толпу зрителей у подъезда.

— Мистер, мистер,— послышался возле Герствуда чей-то голос.— Не откажите дать бездомному на ночлег!

Герствуд в это время о чем-то рассказывал Керри.

— Богом клянусь, мистер, мне негде спать!

Это молил невероятно тощий мужчина лет тридцати, который мог бы служить живым олицетворением человеческого горя и лишений. Друэ первый обратил на него внимание и с чувством глубокой жалости подал ему десять центов.

Герствуд едва ли даже заметил этот инцидент, а Керри быстро забыла о нем.



ГНЕТ СТАРЫХ УЗ.  
МАГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ ЮНОСТИ

По мере того, как росла любовь Герствуда, он уделял своему дому все меньше и меньше внимания. Ко всему, что касалось семьи, он относился весьма небрежно. Сидя за завтраком с женой и детьми, он погружался в думы, уносившие его далеко от сферы их интересов. Он читал газету, которая казалась тем содержательнее, чем пошлее были темы, обсуждавшиеся его сыном и дочерью. Между ним и женою образовалось море холодного равнодушия.

С тех пор как в жизнь Герствуда вошла Керри, он ступил на путь, ведущий к блаженству. Он с наслаждением отправлялся теперь по вечерам в город. Когда он в сумерках шел по улицам, уличные фонари, казалось, весело подмигивали ему. Он снова испытывал то почти забытое чувство, которое ускоряет шаги влюбленного. Он глядел на свой элегантный костюм глазами Керри, а глаза у нее были такие юные.

И когда среди наплыва подобных чувств он вдруг слышал голос жены, когда настойчивые требования семейной жизни пробуждали его от грез и возвращали к тоскливым будням, сердце Герствуда начинало больно ныть. Он понимал тогда, какие крепкие путы связывают его.

— Джордж,— заметила однажды миссис Герствуд тоном, который давно уже неизбежно ассоциировался в его уме с какой-нибудь очередной просьбой,— мы хотели бы иметь сезонный билет на бега.

— Неужели вы собираетесь постоянно играть на бегах? — спросил он, в раздражении повышая голос.

— Да,— кратко ответила миссис Герствуд.

Бега, о которых шла речь, должны были вскоре открыться в Вашингтон-парке на Южной стороне, и посещение их входило в программу развлечений тех кругов общества, которые не слишком выставляли напоказ свою религиозную нравственность и приверженность к старым правилам. Миссис Герствуд никогда раньше не претендовала на сезонный билет, но в этом году особые соображения склоняли ее к мысли обзавестись собст-



венной ложей. Во-первых, ее соседи, некие мистер и миссис Рамси, люди с большими деньгами, нажитыми на угольном деле, имели на бегах свою ложу. Во-вторых, домашний врач Герствудов, доктор Билл, джентльмен, относящийся с большим пристрастием к лошадям и тотализатору, говорил с миссис Герствуд о бегах и сообщил ей о намерении пустить на состязания своего двухлетнего жеребца. В-третьих, миссис Герствуд хотелось вывозить в свет Джессику, которая была уже в возрасте и хорошела с каждым днем. Мать надеялась выдать ее за богатого человека. Да и желание самой участвовать в этой ярмарке суеты и блистать среди знакомых и друзей немало возбуждало миссис Герствуд.

Ее супруг несколько секунд обдумывал это требование, не произнося ни слова. Они сидели в гостиной на втором этаже, ожидая ужина. Это было в тот самый вечер, когда Герствуд собирался идти в театр с Керри и Друэ, и лишь необходимость сменить костюм заставила его зайти домой.

— А почему бы тебе не брать разовых билетов? — спросил он, сдерживаясь, чтобы не сказать что-либо более резкое.

— Я не хочу, — нетерпеливо возразила миссис Герствуд.

— Во всяком случае, незачем злиться, — сказал Герствуд, оскорбленный ее тоном. — Я только спросил.

— Я и не думаю злиться, — отрезала жена. — Я только прошу взять мне сезонный билет.

— А я тебе скажу, что это не так легко устроить, — ответил муж, глядя ей в лицо ясным, холодным взглядом. — Я не уверен в том, что директор ипподрома даст мне сезонный билет.

В уме он все же прикидывал, кто из беговых заправил мог бы оказать ему подобную услугу.

— Ты можешь и купить билет! — воскликнула миссис Герствуд, повышая голос.

— Тебе легко говорить, — ответил Герствуд. — Семейный сезонный билет стоит полтора ста долларов.

— Я не желаю вступать с тобой в пререкания, — решительным тоном заявила миссис Герствуд. — Я хочу получить билет. Вот и все!

Она встала и, разъяренная, вышла из комнаты.



— Ладно, получишь свой билет! — угрюмо произнес ей вслед Герствуд, все же понизив голос.

Как это нередко случалось, за вечерней трапезой не доставало одного человека...

На следующее утро обиженный муж значительно остыл. Билет был своевременно приобретен, но это уже не могло поправить дела. Герствуд охотно отдавал семье приличную долю заработка, но его возмущали траты, к которым его принуждали силой.

— Знаешь, мама, — сказала однажды Джессика, — Спенсеры готовятся к отъезду.

— Вот как! А куда именно?

— В Европу. Я вчера встретила с Джорджиной, и она мне рассказала. Конечно, она страшно важничает

— Она тебе говорила, когда они едут?

— Как будто в понедельник, — ответила Джессика. — И, наверное, об этом сообщат в газетах — о них всегда пишут.

— Ничего, — утешила ее миссис Герствуд, — мы тоже как-нибудь выберемся в Европу.

Услышав этот разговор, Герствуд только поднял глаза от газеты, но ничего не сказал.

— «Из Нью-Йорка мы отплываем в Ливерпуль, — продолжала Джессика, подражая голосу подруги, — но большую часть лета думаем провести во Франции». Задавака! Подумаешь, какая важность: едет в Европу!

— Вероятно, большая важность, если ты ей так заводишь! — вставил Герствуд.

Его раздражала суетность дочери.

— Полно огорчаться, дорогая! — поспешила утешить ее миссис Герствуд.

В другой раз был такой разговор.

— Джордж уже уехал? — спросила Джессика, обращаясь к матери.

Только из ее слов Герствуд узнал, что в семейном быту произошло какое-то событие.

— Куда же это уехал Джордж? — спросил он, взглянув на дочь. Это был первый случай, чтобы он не знал, что кто-то из членов его семьи уехал.

— Он поехал в Уитон, — ответила Джессика, не догадываясь, как близко отец принимает это к сердцу.

— А что там, в Уитоне? — спросил он, втайне раз-



драженный и огорченный тем, что ему приходится об этом допытываться.

— Теннисный матч,— ответила Джессика.

— Он мне ничего не сказал,— произнес Герствуд. Ему трудно было скрыть свою досаду.

— О, наверно, забыл,— примирительным тоном встала миссис Герствуд.

В прошлом Герствуд пользовался в своем доме известным уважением, объяснявшимся отчасти чувством привязанности, отчасти признанием его главенства. Простоту обращения, которая до некоторой степени сохранилась еще между ним и дочерью, он сам поощрял. Но, очевидно, простота была лишь в словах. За ними всегда оставалась сдержанность, и, как бы то ни было, в их отношениях не хватало теплоты, а теперь он убедился, что его все меньше посвящают в дела детей. Он уже не знал подробностей их жизни. Иногда он встречал их за столом, а иногда и нет. Случайно он узнавал, что кто-либо из них делал то-то и то-то, но порою он в недоумении прислушивался к их разговору, не в состоянии даже догадаться, о чем идет речь. Многие в доме происходили в его отсутствие. Джессика все больше преисполнялась сознания, что ее дела касаются лишь ее самой и больше никого. Джордж-младший вел себя точно совсем зрелый мужчина, который ни перед кем не обязан отчитываться в своих поступках. Все это Герствуд замечал, и все это огорчало его, ибо он привык, чтобы с ним считались,— по крайней мере так было на службе. Он мысленно твердил себе, что не должен допускать подрыва своего авторитета в доме. Хуже всего было то, что он видел то же безразличие и ту же независимость и в своей жене. С каждым днем это проявлялось все больше и больше, а он только терпел да платил по счетам.

Герствуд утешал себя мыслью, что он все же не совсем лишен любви. Пусть себе дома делают, что им угодно, у него есть Керри! Он мысленно переносился в ее квартиру на Огден-сквере, где он так чудесно провел несколько вечеров, и думал о том, как хорошо будет, когда они окончательно отделаются от Друз и Керри по вечерам будет поджидать его где-нибудь в уютном гнездышке. Он тешил себя надеждой, что у Друз никогда не будет повода рассказывать Керри о том,



что он, Герствуд, женат. Все шло так гладко, что он не ожидал никаких перемен. В скором времени ему удастся уговорить Керри, и тогда все разрешится к его полному удовольствию.

После того, как они вместе были в театре, Герствуд начал регулярно писать ей. Каждое утро он отправлял Керри по письму и просил ее ответить. Герствуд не обладал литературным талантом, но жизненный опыт и любовь, возраставшая с каждым днем, придавали его посланиям некоторую выразительность. Он мог спокойно заниматься этим у себя в кабинете. Герствуд купил коробку красивой надушенной почтовой бумаги с монограммой и хранил ее в одном из ящиков письменного стола; друзья с удивлением посматривали на управляющего баром, обязанности которого требовали такой обширной переписки. Пятеро буфетчиков, работавших за стойкой, стали с большим уважением относиться к человеку, которого долг службы вынуждал так часто прибегать к перу.

Герствуд и сам изумлялся непрерывному потоку своих писем. По закону природы, который управляет всеми действиями человека, содержание его писем отражалось и на нем самом. Найденные им прекрасные слова вызывали в нем соответствующие чувства. И они крепили и росли в нем с каждым вновь найденным выражением. Он оказался во власти тех сокровенных душевных движений, которые описывал словами. И он считал, что Керри вполне достойна той любви, о которой он писал ей в своих письмах.

Керри и вправду была достойна любви, если молодость, изящество и красота в полном своем расцвете дают на это право. Жизненный опыт еще не лишил ее той душевной свежести, которая так украшает человека. Кроткий взгляд ее красивых глаз говорил о том, что она еще не знакома с чувством разочарования. Она испытала душевную тревогу, тоску и сомнения, но это не оставило в ней глубокого следа, разве лишь более вдумчивым стал ее взгляд, более осторожной речь. Губы Керри, говорила она или молчала, складывались порою так, что, казалось, она вот-вот расплачется, и это не от горя. Просто, когда она произносила некоторые звуки, рот ее принимал страдальческое выражение, и в этом было что-то трогательное.



В ее манерах не было ничего вызывающего. Жизнь не научила ее властности, тому высокомерию красоты, в котором таится сила многих женщин. Она жаждала заботы и внимания, но желание это не было настолько сильно, чтобы сделать ее требовательней. Ей все еще не доставало самоуверенности, но она уже столкнулась с жизнью и потому была далеко не такой робкой, как раньше.

Керри жаждала удовольствий, положения в обществе и вместе с тем вряд ли отдавала себе отчет в том, что значит и то и другое.

В области чувств Керри, как и следовало ожидать, была натурой необычайно отзывчивой. Многое из того, что ей приходилось видеть, вызывало в ней глубокую грусть и сострадание ко всем слабым и беспомощным. Она болела душой при виде бледных, оборванных, отупевших от горя людей, которые с безнадежным видом брели мимо нее по улицам, или бедно одетых работниц, которые, тяжело дыша, проходили вечером мимо ее окон, спеша домой с фабрики где-нибудь на Западной стороне. Она закусывала губы, грустно качала головой и погружалась в раздумье.

«Как мало получают они от жизни! — думала Керри. — Как грустно быть бедным, оборванным!» Вид оторванных гнетуще действовал на нее.

«И притом им приходится так тяжело работать!» — мысленно добавляла она.

На улице Керри часто присматривалась к тому, как работают мужчины. Ирландцы с тяжелыми кирками, возчики угля, орудовавшие огромными лопатами, рабочие, занятые делом, требовавшим только физической силы, — все они действовали на ее воображение. Теперь, когда она жила праздно, тяжелый труд казался ей еще более страшным, чем в то время, когда она работала сама. Порою чье-то промелькнувшее в окне лицо напоминало ей старика отца, с ног до головы осыпанного мукой с жерновов. Она видела его сквозь дымку воображения — в бледном сумрачном свете, который является сущностью поэтического ощущения. Сапожник, колотивший изо всех сил молотком, лудильщики, которых она видела сквозь узенькое окошко расположенной в подвале мастерской, слесарь у верстака — без пиджака, с засученными рукавами — все они будили в ней воспо-



минания о старой мельнице. Она редко выражала свои мысли вслух, но мысли эти были очень грустные. Все ее симпатии были целиком на стороне тружеников, из рядов которых она только недавно вышла и которых так хорошо понимала.

Герствуд не знал, какие тонкие и деликатные чувства наполняют душу молодой женщины, которую он любил. Он сам не сознавал, что именно это и влекло его к ней. Он никогда не пытался разобраться в своем чувстве. С него достаточно было и того, что во взгляде Керри сквозила нежность, в ее манерах — женственность, в мыслях — доброта и доверие к жизни. Его влекло к прекрасной лилии, которая питала свою восковую красоту и аромат глубинами вод, куда Герствуд никогда не проникал. Герствуда влекло к этому цветку, потому что он был красив и свеж, потому что пробуждал в нем лучшие чувства и скрашивал для него утренние часы.

Физически Керри тоже развилась. Ее неловкость почти исчезла, оставив лишь едва заметный след, столь же приятный глазу, как и совершенная грация. Маленькие туфельки на высоких каблуках красиво сидели на ноге. Керри уже отлично разбиралась во всяких кружевах и галстучках, так украшающих женскую внешность. Она немного пополнела, и ее тело приобрело восхитительную округлость.

Однажды утром она получила письмо от Герствуда, который просил ее встретиться с ним в Джефферсон-парке, на Монро-стрит. Он считал теперь неудобным приходить к ней, даже когда Друзь бывал дома.

На следующий день, ровно в час, Герствуд явился в маленький парк и выбрал деревянную скамью под зеленой листвой сирени, окаймлявшей одну из дорожек. Было то время года, когда еще чувствуется свежесть и обаяние весны. У маленького пруда неподалеку играли дети, пускавшие лодочки с белыми парусами. В тени зеленой пагоды стоял застегнутый на все пуговицы блюститель порядка. Руки его были скрещены на груди, у пояса висела дубинка. Старый садовник возился у лужайки, подстригая огромными ножницами какие-то кусты. Высоко над головой сияло голубое небо, а в яркой гуще листвы прыгали и чирикали суетливые воробы.



Герствуд вышел из дому с тем чувством досады, которое давно уже донимало его. Какое-то время он посплохнулся в баре без дела, так как в этот день ему незачем было писать. Зато в парк он пришел с той легкостью на сердце, которая так свойственна людям, умеющим оставлять неприятности позади. Сидя в прохладной тени сиреневых кустов, он смотрел вокруг глазами влюбленного. Он слышал, как на соседних улицах громыхали повозки, но этот гул большого города лишь смутно доносился до него, а дребезжание случайного колокольчика отдавалось музыкой в его ушах. Герствуд смотрел на окружающее и предавался грезам, не имевшим никакого отношения к его нынешней жизни. Он вспомнил свою молодость, когда он еще не был женат и не имел еще прочного места в жизни. Вспомнил, как, бывало, встречался со знакомыми девушками, как беззаботно танцевал, провожал их домой, беседовал с ними через калитку. Ему хотелось вернуть прошлое, — эти мечты вызывала приятная обстановка, в которой он чувствовал себя вновь свободным.

В два часа на дорожке показалась Керри, розовая и свежая. Она совсем недавно купила новую шляпку с большими полями и лентой из красивого голубого шелка в белую крапинку. Ее юбка была из хорошего синего сукна, блузка — белая, в тончайшую синюю полоску. На ней были изящные коричневые туфельки. В руках она держала перчатки.

Герствуд с восхищением смотрел на нее.

— Вы пришли, дорогая! — взволнованно сказал он и, встав ей навстречу, взял ее за руки.

— Ну, конечно! — с улыбкой ответила она. — Вы что же думали, что я не приду?

— Я не был уверен, — ответил Герствуд.

Он взглянул на ее лоб, еще влажный от быстрой ходьбы, и, достав из кармана мягкий надушенный шелковый платок, осторожно прикоснулся к ее вискам.

— Ну вот, теперь все хорошо! — сказал он с нежностью.

Они были счастливы, что находятся вместе и могут смотреть друг другу в глаза. Наконец, когда миновал первый порыв восторга, Герствуд спросил:



— Когда уезжает Чарли?

— Не знаю,— ответила Керри.— Он говорит, что у него есть кое-какие дела здесь

Герствуд слегка нахмурился и погрузился в глубокое раздумье. Через некоторое время он поднял глаза и сказал:

— Уходите от него!

Он отвернулся и посмотрел в ту сторону, где резвились ребяташки, точно эта просьба была сущим пустяком.

— А куда? — в тон ему спросила Керри, теребя перчатки и глядя на ближайшее дерево

— Где бы вы хотели жить? — спросил он.

Что-то в его тоне побудило ее высказать протест против жизни в Чикаго.

— Мы не можем оставаться здесь,— сказала она.

Герствуд не предвидел ничего подобного, ему и в голову не приходила мысль, что необходимо будет куда-то уехать

— Почему же? — мягко спросил он.

— О, потому... я не хочу.

Герствуд слушал, лишь смутно сознавая, что означают слова Керри. Ее голос звучал не слишком серьезно, да вопрос и не требовал немедленного ответа.

— Мне пришлось бы тогда отказаться от места,— сказал он

По его интонации можно было подумать, что это для него не так уж важно.

Керри помолчала, любясь парком.

— Я не хотела бы жить в Чикаго, в одном городе с ним,— промолвила она, имея в виду Друэ.

— Чикаго — огромный город, дорогая моя,— сказал Герствуд.— Стоит переехать на Южную сторону — и уже ты словно бы в другой части Америки.

Герствуд, по-видимому, успел остановить свой выбор именно на Южной стороне.

— Как бы то ни было,— сказала Керри,— я не хотела бы выходить замуж, пока он здесь. Мне не хочется бежать от него.

Упоминание о женитьбе было ударом для Герствуда. Ему стало ясно, к чему она стремится, и он понял, что обойти этот вопрос будет нелегко. На миг в его затуманенных мыслях сверкнуло слово «двоеженство». Он не



мог представить себе, чем все это кончится, и сейчас думал только о том, что ни на шаг не подвинулся вперед, разве лишь в своем уважении к ней.

Герствуд посмотрел на Керри, и она показалась ему еще очаровательнее. Какое счастье быть любимым ею, хотя бы это и вело к осложнениям! Сопротивление Керри еще больше возвысило ее в его глазах. За эту женщину нужно бороться, и в этом было особое удовольствие. Как не похожа она на тех женщин, которые сами вешаются на шею! Он брезгливо отогнал самую мысль о них.

— Так вы не знаете, когда он уезжает? — спокойно спросил Герствуд.

Керри покачала головой.

Герствуд вздохнул.

— Ведь вы решительная женщина, Керри, правда? — обратился он к ней некоторое время спустя и пристально посмотрел ей в глаза.

Волна горячего чувства затопила Керри. Тут была и гордость, вспыхнувшая от сознания, что ею восхищаются, и огромная нежность к человеку, который так высоко ее ставил.

— Не думаю, — робко ответила она. — Но скажите, что, по-вашему, я должна сделать?

Герствуд сжал руки и снова устремил взгляд через лужайку вдаль.

— Я хочу, — патетически произнес он, — чтобы вы ушли от него ко мне. Я не могу жить без вас. Что пользы ждать? Ведь вы не станете счастливее от этого.

— Счастливее! — тихо повторила Керри. — Вы сами знаете, что нет.

— Ну, так вот, — продолжал он тем же тоном, — мы попусту теряем время. Вы думаете, я могу быть счастливым, зная, что вы несчастливый? Большую часть дня я провожу за письмами к вам. Послушайте, Керри, — воскликнул Герствуд, вкладывая в свой голос весь пыл, на какой он был способен, и пронизывая ее взглядом, — я не могу жить без вас, вот и все! Теперь скажите, что мне делать! — закончил он, беспомощно разводя холерными белыми руками.

Керри понравилось, что Герствуд тем самым как бы возложил на нее всю тяжесть решения. Эта види-



мость бремени, хотя и невесомого, тронула ее женское сердце.

— Разве вы не можете подождать еще немного? — нежно спросила она. — Я постараюсь узнать, когда он уезжает.

— Что пользы в том? — воскликнул Герствуд все с той же пылкостью.

— Может быть, нам удастся куда-нибудь уехать.

В сущности, положение не стало яснее для Керри, но постепенно в ее психике происходил тот сдвиг, который заставляет женщину уступить из любви к мужчине.

Герствуд не понял этого. Он думал лишь о том, как ее убедить, какими доводами заставить ее бросить Друза. Он спрашивал себя, как далеко решится зайти Керри в своей любви к нему, и старался подыскать такой вопрос, который заставил бы ее сказать об этом откровенно.

Наконец у него мелькнул в голове один из тех проблематических вопросов, которые, часто маскируя наши истинные желания, позволяют уяснить стоящие на нашем пути препятствия и тем подсказывают какой-то выход. Слова, которые он произнес, отнюдь не совпадали с его намерениями и вырвались у него раньше, чем он успел обдумать их.

— Керри, — начал он, глядя ей прямо в лицо и напуская на себя глубокую серьезность, которой сейчас в нем вовсе не было, — Керри, если бы я пришел к вам, скажем, на будущей неделе или даже на этой, хотя бы даже сегодня, и сказал, что мне необходимо уехать, что я не могу больше оставаться здесь ни одной минуты и никогда уже не вернусь, — пошли бы вы тогда за мной?

Его возлюбленная посмотрела на него взглядом, исполненным преданности, и ответ ее был готов прежде, чем Герствуд успел договорить.

— Да, — сказала она.

— Вы не стали бы спорить, не стали бы отговаривать меня? — настаивал он.

— Если бы вы не могли ждать? Нет, не стала бы!

Герствуд улыбнулся, поняв, что она приняла его слова совершенно всерьез. Ему рисовалась возможность очень приятно провести неделю или две. Он глельком



подумал, не сказать ли ей, что он шутит, и таким образом рассеять ее милую серьезность, но слишком уж очаровательна она была в эту минуту. И он не стал ее разубеждать.

— А если, предположим, у нас не хватило бы времени обвенчаться здесь? — спросил он, ухватившись за вдруг блеснувшую мысль.

— Если мы обвенчаемся, как только прибудем на место, все будет в порядке.

— Я именно так и думал, — сказал Герствуд.

— Да.

День теперь казался Герствуду еще более светлым и радостным.

Он сам удивлялся: как пришла ему в голову такая мысль? При всей своей несбыточности она была столь удачна, что он не мог сдержать улыбки. Благодаря ей Керри доказала, как она любит его. Теперь у него не оставалось никаких сомнений. Он найдет способ овладеть ею!

— Хорошо, — шутливо сказал Герствуд, — в один из ближайших вечеров я приеду и украду вас!

И он весело рассмеялся.

— Но только я не останусь с вами, если мы не обвенчаемся, — с задумчивым видом произнесла Керри.

— Я и не стал бы требовать этого, — нежно ответил он и взял ее за руку.

Теперь, когда все стало ясно, Керри почувствовала себя бесконечно счастливой. Она еще сильнее полюбила Герствуда, увидев в нем своего спасителя. Что же касается ее поклонника, то вопрос о женитьбе не тревожил его. Герствуд думал лишь о том, что при такой сильной любви не должно быть препятствий к его будущему счастью.

— Давайте пройдемся, — предложил он, вставая и обводя парк довольным взглядом.

— С удовольствием! — отозвалась Керри.

Они прошли мимо какого-то молодого ирландца, проводившего их завистливым взглядом.

«Хороша парочка, ничего не скажешь! И, наверное, очень богаты...» — заметил тот про себя.



## ГЛАВА XVI

### НЕРАЗУМНЫЙ АЛАДИН. ВОРОТА В МИР

Вернувшись в Чикаго, Друэ решил уделить некоторое внимание тайному ордену Лосей, к которому он принадлежал. Дело в том, что в дороге он получил новое доказательство могущества своего ордена.

— Вы не представляете себе, как полезно быть масоном! — сказал ему в разговоре другой коммивояжер. — Взгляните-ка на Газенштаба. Он звезд с неба не хватает. Конечно, он представитель солидной фирмы, но одного этого далеко не достаточно. Я вас уверяю, что главное тут — его высокое положение в ордене. Он один из самых видных масонов, а это много значит. У него есть тайный знак — штука немаловажная.

Друэ тут же решил, что ему следует побольше интересоваться подобными делами, поэтому, вернувшись в Чикаго, он тотчас же посетил главную квартиру тайного ордена Лосей.

— Слушайте, Друэ, вы пришли очень кстати! — сказал мистер Гарри Квинсел, видный член местного отделения логи. — Вот вы-то и сможете нам помочь.

Разговор происходил после делового заседания, и в зале стоял гул голосов. Друэ переходил с места на место, обмениваясь приветствиями и шутками с десятком знакомых.

— Какое такое у вас дело? — добродушно спросил он, с улыбкой глядя на своего собрата по ложе.

— Мы хотим устроить через две недели спектакль. Не знаете ли вы какой-нибудь молодой женщины, которая согласилась бы принять в нем участие? Роль очень легкая.

— Конечно, найдется! — ответил Друэ.

Он даже не потрудился вспомнить, что среди его знакомых не было ни одной женщины, которую он мог бы привлечь к этой затее. Просто его врожденное добродушие подсказало утвердительный ответ.

— Так вот, послушайте, я расскажу вам, в чем дело, — продолжал мистер Квинсел. — Нам необходимо приобрести новую мебель для логи, а денег в кассе



сейчас маловато. Мы и подумали, что можно раздобыть деньги, устроив спектакль.

— Ну, конечно! — поддержал его Друэ. — Отличная мысль.

— У нас есть несколько весьма талантливых молодых людей. Взять, например, Гарри Бэрбека — он прекрасно имитирует негров. Мак-Льюис совсем не плохой трагик. Вы когда-нибудь слыхали, как он декламирует «Над холмами»?

— Нет, не приходилось.

— Ну так поверьте мне, читает великолепно!

— И вы хотите, чтобы я нашел вам женщину для участия в спектакле? — спросил Друэ. Разговор уже наскучил ему, и он хотел отделаться от собеседника. — А что вы будете ставить?

— «Под фонарем», — сказал мистер Квинсел...

Это знаменитое произведение Августина Дэйли успело уже пережить дни успеха на большой сцене и перейти в репертуар любителей, причем наиболее трудные места были вычеркнуты, а число действующих лиц сведено к минимуму. Друэ когда-то видел эту пьесу.

— Очень хорошая вещь! — одобрил он. — Она должна иметь успех. Вы загребете уйму денег.

— Мы тоже надеемся, что пьеса будет иметь успех, — сказал мистер Квинсел. — Смотрите, не забудьте найти кого-нибудь для роли Лауры, — закончил он, видя, что Друэ обнаруживает некоторое нетерпение.

— Будьте спокойны! Я позабочусь об этом.

Друэ ушел, тотчас же позабыв о словах Квинсела, как только тот умолк. Он даже не позаботился спросить, где и когда состоится спектакль.

Но день или два спустя он получил напоминание в виде письма, в котором сообщалось, что первая репетиция пьесы «Под фонарем» назначена на пятницу, а потому мистера Друэ просят срочно сообщить адрес его знакомой, чтобы препроводить ей роль.

— О черт! — вырвалось у молодого коммивояжера.

«Кто же из моих знакомых годится для такой роли? — подумал он, почесывая розовое ухо. — Я вообще не знаю никого, кто бы хоть что-нибудь понимал в любительских спектаклях!»

Он стал перебирать в памяти знакомых женщин и остановился на одной из них лишь потому, что та жи-



ла неподалеку, на Западной стороне. Выйдя в тот вечер из дому, он решил первым делом отправиться к ней. Но стоило ему очутиться на улице и сесть в конку, как все это мгновенно вылетело у него из головы. О своем упущении он вспомнил, лишь прочитав краткую заметку в «Ивнинг ньюс», где говорилось, что местная ложа ордена Лосей устраивает шестнадцатого числа спектакль в Эвери-холл, причем будет исполнена пьеса «Под фонарем».

— Вот те на! — воскликнул Друэ. — Опять забыл!  
— Что такое? — поинтересовалась Керри.

Они сидели за маленьким столиком в комнате, где находилась переносная газовая плитка. Иногда Керри готовила дома, и как раз в этот вечер ей захотелось устроить домашний ужин.

— Да вот спектакль в моей ложе! Они ставят пьесу и просили меня найти кого-нибудь для женской роли.

— Что же они собираются ставить?

— «Под фонарем».

— А когда?

— Шестнадцатого.

— Почему же ты не исполнил их просьбы? — спросила Керри.

— Потому, что я никого не знаю, — признался Друэ. Вдруг он поднял глаза и взглянул на Керри.

— Послушай, — сказал он, — хочешь играть на сцене?

— Я? — изумилась Керри. — Но ведь я не умею.

— А откуда ты знаешь, что не умеешь? — задумчиво произнес Друэ.

— Но ведь я никогда не играла, — ответила Керри.

И все же ей было приятно, что он подумал о ней. Она просияла, ибо ничто на свете не привлекало ее так, как сценическое искусство.

А Друэ, верный своей натуре, ухватился за эту мысль, найдя столь легкий выход из положения.

— Пустяки! — сказал он. — Ты великолепно справишься с ролью.

— Нет, где уж мне! — слабо протестовала Керри. Предложение Друэ и манило и пугало ее.

— А я говорю, что справишься! Почему бы тебе не попробовать? Ты выручишь их, а тебе самой это доставит большое удовольствие.

— Нет, едва ли, — серьезно сказала Керри.



— О, тебе понравится! — настаивал Друзь. — Я убежден, что понравится. Сколько раз я видел, как ты вертишься перед зеркалом и подражаешь заправским актрисам. Вот потому-то я и предложил тебе эту роль. Ты ведь способная.

— Да вовсе нет, — робко возразила Керри.

— Ты вот что сделай: сходи и посмотри, как там пойдет дело. Тебе будет интересно. Остальные исполнители вряд ли чего-нибудь стоят. У них нет никакого опыта. Что они понимают в театральном искусстве!

Друзь даже нахмурился при мысли о том, до чего невежественны эти люди.

— Налей мне кофе, — добавил он.

— Не думаю, чтобы я сумела играть, Чарли! — стояла на своем Керри. — Неужели ты это говоришь всерьез?

— Ну, конечно, всерьез, — ответил он. — И сомнений быть не может. Я убежден, что тебя ожидает успех. И ты ведь хочешь играть, я знаю! Я сразу подумал об этом. Потому-то я и предложил тебе.

— Что, ты говорил, ставят?

— «Под фонарем».

— И какую роль хотят мне поручить?

— Вероятно, одной из героинь, — ответил Друзь. — Я, право, точно не знаю.

— А что это за пьеса?

— М-м, видишь ли, — начал Друзь, не обладавший особой памятью на такие вещи, — речь идет об одной девушке, которую похищают преступники — мужчина и женщина, живущие в трущобах. У девушки, кажется, есть деньги... Что-то в этом роде, и эти люди хотят ограбить ее. Я уж не помню точно, что там дальше.

— Так ты не знаешь, какую роль мне придется играть? — снова спросила Керри.

— Нет, по правде сказать, не знаю.

Друзь на минуту задумался.

— Обожди, вспомнил! — воскликнул он. — Лаура! Да, да, ты будешь Лаурой!

— Может быть, ты вспомнишь, в чем заключается роль Лауры? — допытывалась Керри.

— Хоть убей меня, Кэд, не могу! — ответил он. — А меж тем мне следовало бы помнить. Я несколько раз видел эту пьесу. Там все дело вертится вокруг одной



девушки: ее украли еще ребенком — похитили прямо на улице, если не ошибаюсь, и вот за ней-то и охотятся те двое бродяг, о которых я тебе говорил.

Он умолк, держа перед собой на вилке огромный кусок пирога.

— Ее, кажется, чуть не утопили... — немного погодя продолжал он. — Нет, впрочем, не то... Знаешь что, — сказал он, безнадежно махнув рукой, — я тебе достану эту пьесу, а то я ничего больше не могу вспомнить.

— Да, но я, право, не знаю, как быть, — сказала Керри.

Интерес к театру и желание блеснуть на сцене боролись в ней с природной застенчивостью и робостью.

— Пожалуй, — добавила она, — я схожу туда, если ты думаешь, что из этого что-нибудь выйдет.

— Ну, разумеется, выйдет! — подхватил Друэ.

Стараясь заинтересовать Керри, он и сам воодушевился.

— Неужели ты думаешь, что я стал бы угovarивать тебя, если бы не был уверен, что тебя ожидает успех? Я убежден, что ты очень способная. И тебе это будет только полезно.

— А когда мне идти? — задумчиво спросила Керри.

— Первая репетиция в пятницу вечером, — сказал Друэ. — Я вечером же раздобуду тебе твою роль.

— Хорошо, — с покорным видом согласилась Керри. — Я попробую. Но смотри, если я провалюсь, вина будет твоя.

— Ты не можешь провалиться, — заверил ее Друэ. — Веди себя на сцене точно так, как здесь, когда ты начинаешь играть шутки ради. Будь сама собой. О, ты справишься! Я не раз думал о том, что из тебя выйдет превосходная актриса.

— Правда? — живо спросила Керри.

— Разумеется, правда! — подтвердил он.

Не знал Друэ, выходя в этот вечер из дому, какое пламя он зажег в груди женщины, с которой только что расстался. Керри обладала восприимчивой, участливой натурой — залогом блестящего драматического таланта. Она отличалась пассивностью души, которая делает ее зеркалом, отражающим в себе весь активный мир. Она также обладала даром тонко подражать всему, что видела и слышала. Не имея ни малейшего опы-



та, она иногда чрезвычайно удачно воспроизводила отрывки из виденных ею спектаклей, имитируя перед зеркалом участников какого-нибудь эпизода. Она любила придавать своему голосу тембр и интонации, характерные для драматических примадонн, и повторяла отрывки из патетических монологов, находивших отклик в ее душе. В последнее время она не раз присматривалась к воздушной грации одной инженю, игравшей в нескольких хороших пьесах, и у нее нередко появлялось желание подражать жестам и мимике актрисы; она посвящала этому немало времени, когда оставалась одна в своей комнате. Несколько раз Друэ заставлял ее за этим занятием, но он думал, что она просто любит себя перед зеркалом; на самом же деле она пыталась повторить какую-либо позу или жест, отмеченные ею у исполнительницы той или иной роли. Выслушивая его шуточные попреки, Керри сама стала упрекать себя в кокетстве, хотя в действительности это были лишь первые робкие проявления артистической натуры, жаждавшей воспроизвести виденное. Всякому должно быть известно, что в подобных стремлениях воссоздавать жизнь и таится основа драматического искусства.

И теперь, когда Керри услышала из уст Друэ похвалу своим драматическим способностям, она вся затрепетала от радости. Подобно огню, сваривающему отдельные частицы металла в единую крепкую массу, его слова соединили в одно целое те смутные обрывки чувств, которые возникали в ее душе всякий раз, как она задумывалась над своими способностями, никогда, однако, не доверяя им, и вселили в нее надежду.

Как и всем людям, Керри не было чуждо некоторое самомнение. Она верила, что могла бы многое сделать, если бы ей представилась возможность. Сколько раз, бывало, она глядела на разодетых актрис на сцене и думала о том, какой она была бы на их месте и какое это доставило бы ей наслаждение. Эффектность положений, огни рамп, красивые наряды, аплодисменты — все это постепенно захватывало ее, и в конце концов она стала думать, что сама могла бы выступить перед публикой и добиться признания своих способностей. И вот нашелся человек, который уверил ее, что она и вправду могла бы играть, что те попытки подражания, которые он видел, когда она упражнялась перед зерка-



лом, заставили его поверить в ее способности. Керри пережила поистине радостную минуту.

Когда Друэ ушел из дому, она села в свою качалку у окна и задумалась. Воображение, как обычно, рисовало ей все в преувеличенном виде: как если бы судьба дала ей в руки пятьдесят центов, а Керри строила бы планы на тысячу долларов. Она уже слышала свой взволнованный голос и видела себя в десятках драматических поз, в которых все ее существо выражало страдание. Перед нею проносились сцены, рисовавшие роскошную, утонченную жизнь. Сама она неизменно была в них предметом всеобщего восхищения, все глаза устремлены были только на нее. Покачиваясь в качалке, Керри переживала то острую горечь покинутой, то гордый гнев обманутой, то томление и тоску потерпевшей поражение. В памяти вставали все красивые женщины, каких она когда-либо видела на сцене, и подобно волне, возвращающейся с приливом к берегу, на нее нахлынуло сейчас все, что имело какое-либо отношение к театру, все, что она когда-либо наблюдала. В ней возникали чувства и зрели решения, которые очень далеки были от реальных возможностей.

Отправившись в город, Друэ зашел в ложу ордена Лосей и принялся с важным видом рассказывать по залу, пока не столкнулся с Квинселом.

— Где же та молодая особа, которую вы обещали нам найти? — тотчас спросил тот.

— Я уже нашел ее.

— Вот как! — Квинсел весьма был удивлен подобной исполнительностью молодого коммивояжера. — Чудесно! Дайте-ка мне ее адрес.

Он достал из кармана записную книжку и карандаш, чтобы, не мешкая, отправить по адресу роль.

— Вы хотите послать ей роль? — спросил Друэ.

— Разумеется.

— А вы дайте роль мне. Я прохожу каждое утро мимо дома этой дамы.

— Хорошо, но вы все-таки сообщите мне ее адрес. Нам необходимо знать его на случай, если бы понадобилось послать ей какое-либо уведомление.

— Огден-сквер, двадцать девять.

— А как зовут даму? — допытывался Квинсел.

— Керри Маденда, — наобум ответил Друэ.



Это имя случайно пришло ему в голову. Следует заметить, что в ложе он был известен как холостяк.

— Керри Маденда?—повторил Квинсел.—Имя прямо как с театральной афиши.

— Совершенно верно! — согласился Друз.

Он захватил роль с собою и по возвращении домой вручил ее Керри с таким видом, словно оказывал ей большую услугу.

— Мистер Квинсел сказал, что это самая лучшая роль. Как думаешь, справишься ты с нею?

— Я ничего не могу сказать, пока не просмотрю ее,— ответила Керри.— Знаешь, теперь, когда я согласилась на эту затею, она начинает меня пугать.

— Полно! Ну чего тебе бояться? Вся труппа ничего в общем не стоит. Остальные, я уверен, будут играть куда хуже!

— Хорошо, посмотрим,— сказала Керри.

Несмотря на пугавшие ее предчувствия, она была рада, что роль у нее в руках. Друз начал одеваться и долго возился, пока наконец не высказал то, что его беспокоило.

— Видишь ли, Керри, они собирались печатать программу, и я сказал, что тебя зовут Керри Маденда. Ты ничего не имеешь против?

— Нет, почему же,— ответила она, подняв на него глаза.

Тем не менее у нее мелькнула мысль, что это несколько странно.

— Это на всякий случай... если у тебя не выйдет,— добавил Друз.

— Конечно, конечно! — согласилась Керри, очень довольная такой предусмотрительностью.— Это очень умно с твоей стороны.

— Я не хотел выдавать тебя за жену, тебе было бы неловко, если бы роль не удалась. Меня там все хорошо знают. Но я уверен, что ты великолепно сыграешь. Так или иначе, ты, возможно, больше никогда и не встретишься ни с кем из этих людей.

— О, мне все равно! — храбро сказала Керри.

Она теперь твердо решила попробовать свои силы на этом заманчивом поприще.

Друз облегченно вздохнул. Он опасался, что ему снова грозит разговор о браке.



Роль Лауры, как, едва познакомившись с ней, убедилась Керри, состояла сплошь из страданий и слез. Автор, Августин Дэйли, написал ее в духе священных традиций мелодрамы, еще властвовавших в ту пору, когда он начинал свою карьеру. Тут было все: и позы, проникнутые грустью, и тремоло в музыке, и длинные пояснительные монологи.

«Бедняга! — читала Керри, заглядывая в текст и с чувством растягивая слова.— Мартин, непременно дай ему стакан вина перед уходом».

Керри была изумлена краткостью роли. Она не знала, что должна оставаться на сцене, пока говорят другие, и не только оставаться, но и играть соответственно происходящему на сцене и игре других артистов.

«Я, кажется, справлюсь!» — в конце концов решила она.

На следующий вечер, когда Друэ пришел к ней, он обнаружил, что Керри чрезвычайно довольна сделанной за день работой.

— Ну, как у тебя подвигается дело, Кэд? — спросил он.

— Очень хорошо! — смеясь, ответила она.— Мне кажется, что я уже знаю все наизусть.

— Вот славно! — сказал Друэ.— Ну-ка, я послушаю что-нибудь,— предложил он.

— О, я, право, не знаю... Сумею ли я так вдруг встать и начать? — застенчиво ответила она.

— А почему же нет? — удивился Друэ.— Ведь здесь тебе будет легче, чем там.

— Я в этом не уверена.

Кончилось тем, что она выбрала эпизод в бальном зале и прочла свой текст с большим чувством. Чем больше Керри входила в роль, тем меньше помнила она о присутствии Друэ.

— Хорошо! — воскликнул тот.— Великолепно! Блистательно! Ну и молодец же ты, Керри, скажу я тебе!

Он был растроган ее превосходной игрой и всей ее трогательной фигуркой, еле державшейся на ногах и наконец, согласно роли, упавшей в обмороке на пол. Друэ подскочил, поднял ее и, весело смеясь, заключил в объятия.

— А ты не боишься разбиться? — спросил он.

— О, несколько!



— Ты настоящее чудо! Вот уж не знал, что ты сумеешь так играть!

— Я и сама не знала! — весело отозвалась Керри и покраснела от удовольствия.

— Ну, теперь можешь не сомневаться, что все сойдет великолепно! — сказал Друэ. — Верь моему слову. Ты не провалишься.

## ГЛАВА XVII

### ДВЕРЬ ПРИОТКРЫЛАСЬ. ВО ВЗОРЕ ЗАГОРАЕТСЯ НАДЕЖДА

К спектаклю, так много значившему для Керри, решено было привлечь гораздо больше внимания, чем это предполагалось вначале. Юная дебютантка написала Герствуду об этом событии на другое же утро после того, как получила роль.

«Право, я говорю серьезно, — писала она, опасаясь, что он примет это за шутку. — Честное слово! У меня даже роль есть!»

Герствуд снисходительно улыбнулся, прочтя эти строки. «Интересно знать, что из этого выйдет! Обязательно надо будет посмотреть!» — решил он и тотчас же ответил, что нисколько не сомневается в ее успехе.

«Непременно приходите завтра утром в парк и расскажите мне обо всем», — писал он.

Керри охотно согласилась и сообщила ему все, что знала сама.

— Ну что ж, хорошо! — сказал Герствуд. — Я очень рад. Я уверен, что вы прекрасно сыграете. Вы же умница!

Никогда раньше он не видел Керри такой воодушевленной. Ее обычная меланхоличность сейчас исчезла. Когда она говорила, щеки ее разгорелись, глаза блестели. Она вся сияла от предвкушаемого удовольствия. Несмотря на все страхи — а их было достаточно, — она чувствовала себя счастливой. Она не могла подавить в себе восторга, который вызывало в ней это маленькое событие, столь незначительное в глазах всякого другого.

Герствуд пришел в восхищение, обнаружив в Керри такие качества. Нет ничего отраднее, чем наблюдать



в человеке пробуждение честолюбивых желаний, стремления достичь более высокого духовного уровня. От этого человек делается сильнее, ярче и даже красивее.

Керри радовалась похвалам обоих своих поклонников, хотя, в сущности, ничем этих похвал не заслужила. Они были влюблены, и потому все, что она делала или собиралась делать, естественно, казалось им прекраснее, чем на самом деле. Неопытность позволила ей сохранить пылкую фантазию, готовую ухватиться за первую подвернувшуюся соломинку и превратить ее в магический золотой жезл, помогающий находить клады в жизни.

— Позвольте,— сказал Герствуд,— мне кажется, я кое-кого знаю в этой ложе. Ведь я сам масон.

— О, вы не должны говорить ему, что я вам все рассказала!

— Ну разумеется,— успокоил ее Герствуд.

— Мне было бы приятно, если б вы пришли на спектакль, при условии, конечно, что вы сами этого хотите. Но я не знаю, как это сделать, разве что Чарли пригласит вас.

— Я буду там,— нежно заверил ее Герствуд.— Я устрою так, что он и не догадается, от кого я узнал об этом. Предоставьте все мне.

Интерес, вызванный в Герствуде сообщением Керри, сам по себе имел большое значение для предстоящего спектакля, так как управляющий баром занимал среди Лосей видное положение. Он уже строил планы, как бы совместно с несколькими друзьями приобрести ложу и послать Керри цветы. Уж он постарается превратить этот спектакль в настоящее торжество и обеспечить де-вочке успех.

Дня через два Друзь заглянул в бар, и Герствуд тотчас же заметил его.

Было часов пять вечера, в баре собралось много коммерсантов, актеров, управляющих всевозможными предприятиями, политических деятелей — уйма круглолицых джентльменов в цилиндрах, в крахмальных сорочках, с кольцами на руках, с бриллиантовыми булавами в галстуках. У одного конца сверкающей стойки стоял в группе франтовато одетых спортсменов знаменитый боксер Джон Салливан; компания вела оживленную беседу.



Друз в новых желтых ботинках, скрипевших при каждом шаге, беспечной, праздничной походкой прошел через бар.

— А я-то ломал себе голову, не понимая, что могло стрястись, сэр! — шуточно приветствовал его Герствуд. — Я решил, что вы снова уехали.

Друз только рассмеялся в ответ.

— Если вы не будете показываться более регулярно, придется вычеркнуть вас из списка постоянных клиентов!

— Ничего не поделаешь, — ответил коммивояжер. — Я был очень занят.

Они вместе направились к стойке, пробираясь сквозь шумную толпу разных знаменитостей. Элегантный управляющий то и дело пожимал завсегдатаям руки.

— Я слышал, ваша ложа устраивает спектакль, — самым непринужденным тоном заметил Герствуд.

— Да. Кто вам сказал? — спросил Друз.

— Никто не говорил, — ответил Герствуд. — Мне прислали два билета, по два доллара. Будет что-нибудь интересное?

— Право, не знаю, — ответил молодой коммивояжер. — Знаю только, что ко мне пристали с просьбой раздобыть кого-нибудь для женской роли.

— Я едва ли пойду, — равнодушно произнес Герствуд. — Но, конечно, внесу свою лепту. А как там вообще дела?

— Ничего как будто. На вырученные от спектакля деньги они хотят обновить мебель.

— Ну, что ж, будем надеяться, что все сойдет успешно. Хотите еще стаканчик?

Больше Герствуд ничего не намеревался говорить. Теперь, если он явится на спектакль с несколькими друзьями, можно будет сказать, что его уговорили пойти.

Что же касается Друз, то он, со своей стороны, вознамерился предупредить возможность недоразумения.

— Похоже, что моя девочка тоже будет участвовать, — отрывисто произнес он, предварительно обдумав свои слова.

— Неужели? Как так?

— Видите ли, им не доставало одной артистки, и они просили меня найти кого-нибудь. Я передал об этом Керри, и она как будто не прочь попытать счастья.



— Превосходно! — воскликнул управляющий баром. — Я очень рад за нее! А она когда-нибудь выступала на сцене?

— Никогда в жизни!

— В конце концов это не такой уж серьезный спектакль, — заметил Герствуд.

— Ну, Керри справится! — заявил Друз, протестуя против всякого умаления ее способностей. — Она очень быстро входит в роль.

— Скажите пожалуйста! — счел нужным вставить Герствуд.

— Да, сэр! Она буквально изумила меня вчера своей игрой. Честное слово!

— Надо будет устроить ей маленькое подношение, — сказал Герствуд. — Я позабочусь о цветах.

Друз ответил благодарной улыбкой.

— А после спектакля поедем куда-нибудь вместе и уютно поужинаем.

— Я думаю, что Керри сыграет хорошо, — ради собственного успокоения снова сказал Друз.

— Надо будет посмотреть на нее, — промолвил Герствуд. — Я тоже думаю, что она сыграет хорошо. Она должна. Мы заставим ее!

Последние слова управляющий баром произнес со своей обычной улыбкой, благодушной и лукавой.

Керри в это время была на первой репетиции. Здесь распоряжался мистер Квинсел, которому помогал некий мистер Миллис, молодой человек со сценическим стажем, чего, к сожалению, никто толком не оценил. Тем не менее он был очень деловит и очень высоко ставил свою опытность, доходя почти до грубости и совершенно забывая, что имеет дело с добровольными любителями, а не с платными подчиненными.

— Да послушайте же, мисс Маденда! — крикнул он, обращаясь к Керри, когда та вдруг остановилась, не зная, куда двинуться. — Что вы застряли на месте? Придайте своему лицу подобающее выражение! Помните, что вы сильно встревожены появлением чужого человека. Вот как вы должны ходить!

И мистер Миллис, сутулясь и ежась, побрел по сцене.

Это не особенно понравилось Керри, но новизна положения, готовность исполнить что угодно, лишь бы не



провалиться, присутствие на спектакле чужих, не менее взволнованных людей — все это вызывало в ней сильную робость. Она прошла по сцене, как требовал ее наставник, чувствуя в душе, что это совсем не то, что надо.

— Теперь вы, миссис Морган,— обратился режиссер к молодой даме, которой предстояло играть роль Пэрл,— садитесь вот сюда! А вы, мистер Бамбергер, становитесь сюда, вот так! Ну, теперь говорите!

— «Объяснитесь!» — чуть слышным шепотом произнес мистер Бамбергер.

Он играл роль Рэя, поклонника Лауры, светского человека, который, узнав, что она сирота и бесприданница, колеблется, не решаясь жениться на ней.

— Нет, тут что-то не так,— заметил режиссер.— Как там сказано у вас в роли?

— «Объяснитесь!» — тем же голосом повторил мистер Бамбергер, не отрывая глаз от бумажки с ролью.

— Да, но здесь сказано также, что вы ошеломлены! — загорячился режиссер.— Повторите еще раз и постарайтесь изобразить на лице изумление.

— «Объяснитесь!» — оглушительно рявкнул мистер Бамбергер.

— Нет, нет, так никуда не годится! Вот послушайте, скажите так: «Объяснитесь!»

— «Объяснитесь!» — повторил мистер Бамбергер с несколько иным выражением.

— Вот так, пожалуй, лучше,— сказал режиссер.— Теперь дальше!

— «Однажды вечером,— начала миссис Морган свою реплику,— отец с матерью направлялись в оперу. Когда они переходили Бродвей, их, по обыкновению, окружила толпа детей, просивших милостыню...»

— Стойте! — крикнул режиссер и, вытянув вперед руку, кинулся к миссис Морган.— Больше чувства, больше чувства! — завопил он.

Миссис Морган взглянула на него так, точно ожидала, что он сейчас ее ударит. Ее глаза вспыхнули негодованием.

— Вы должны помнить, миссис Морган,— пояснил режиссер, игнорируя яростный блеск ее глаз, но все же несколько сбавляя тон,— вы должны помнить, что передаете трогательную повесть. Ваш рассказ связан для



вас с горькими воспоминаниями. Тут нужно чувство, сдержанное напряжение, вот так: «...их, по обыкновению, окружила толпа детей, просящих милостыню».

— Хорошо,— отчеканила миссис Морган.

— Теперь продолжайте!

— «И когда мать опустила руку в карман за мелочью, ее пальцы коснулись холодной дрожащей ручонки, схватившей ее кошелек».

— Очень хорошо,— прервал режиссер, одобрительно кивая.

— «Карманная воровка! — выпалил мистер Бамбергер.— Вот оно что!»

— Нет, нет, мистер Бамбергер, так не годится,— подскочил к нему режиссер.— Вот как надо: «Карманная воровка?.. Вот оно что!»

— Не думаете ли вы,— робко промолвила Керри,— что лучше будет, если мы хоть раз попросту пройдем наши реплики, чтобы убедиться, насколько мы их знаем. Это нам было бы очень полезно.

Она заметила, что далеко не все участники спектакля знают свои роли, уж не говоря о том, какое выражение следует придать лицу при той или иной реплике.

— Очень хорошая мысль, мисс Маденда! — вмешался мистер Квинсел.

Он сидел сбоку и с серьезным видом наблюдал за происходившим, вставляя иногда замечания, на которые режиссер почти не обращал внимания.

— Пожалуй! — согласился режиссер, чуть смутившись.— Может быть, это принесет пользу.

Потом, вдруг просветлев, он авторитетным тоном заявил труппе:

— Давайте сейчас пройдем быстро наши роли, только старайтесь по возможности вкладывать больше чувства в слова!

— Прекрасно,— одобрил мистер Квинсел.

— «Моя мать,— продолжала миссис Морган, поглядывая то на мистера Бамбергера, то на тетрадку со своей ролью,— схватила эту ручонку и так сжала ее, что послышался тихий стон; мать посмотрела и увидела перед собой маленькую оборванную девочку».

— Очень хорошо! — с безнадежным видом произнес режиссер, которому теперь нечего было делать.



— «Карманная воровка!» — воскликнул мистер Бамбергер.

— Громче! — вставил режиссер, не в состоянии хоть временно воздержаться от замечаний.

— «Карманная воровка!» — завопил бедный Бамбергер.

— «Да, воровка, но которой не было еще и шести лет и к тому же с лицом ангелочка!» — «Что ты делаешь?» — крикнула ей моя мать. — «Я хотела украсть», — ответила девочка. — «А ты разве не знаешь, что красть нехорошо?» — обратился к ней мой отец. — «Нет, не знаю, — отозвалась девочка. — Зато я знаю, как страшно быть голодной!» — «А кто велел тебе красть?» — спросила мать. — «Вот она, вон она там! — Девочка указала на подъезд, в котором стояла жуткого вида женщина, кинувшаяся вдруг бежать. — Мы зовем ее «Иуда», — добавила девочка!»

Миссис Морган произнесла все это довольно бесцветно, и режиссер был в отчаянии. Он нервно рассказывал по эстраде и, наконец, подошел к мистеру Квинселу.

— Ну, как вы их находите, мистер Квинсел? — спросил он.

— О, я думаю, мы их вымуштруем, — ответил тот без особой уверенности в голосе.

— Не знаю, не знаю, — сказал режиссер. — Этот Бамбергер слишком уж мямля для любовника.

— Никого другого нет, — сказал Квинсел, возводя очи к небу. — Гаррисон в последнюю минуту надул меня. Где же нам теперь достать кого-нибудь взамен?

— Не знаю, не знаю, — снова повторил режиссер. — Но я боюсь, что он никуда не годится.

Как раз в эту минуту Бамбергер воскликнул:

— «Вы смеетесь надо мной, Пэрл!»

— Вот, полюбуйтесь! — зашептал режиссер, прикрывая ладонью рот. — Боже мой! Что можно сделать с человеком, который то орет, то цедит слова?

— Сделайте, что можете, — стараясь утешить его, произнес Квинсел.

Репетиция продолжалась, и, наконец, настал момент, когда Лаура-Керри входит в комнату, чтобы объясниться со своим возлюбленным. Последний, выслушав



рассказ Пэрл, успел написать письмо, в котором он отказывается от Лауры, но еще не отправил его.

Бамбергер только что закончил реплику Рэя:

— «Я должен уйти, пока она не вернулась. Ее шаги! Поздно!»

Он комкает письмо, торопясь засунуть его в карман, а в это время Керри нежным голосом начинает:

— «Рэй!»

— «Мисс... мисс Кортленд!» — запинаясь, чуть слышно выдавливает из себя Бамбергер.

Керри посмотрела на него и сразу забыла обо всех окружающих. Она начала входить в роль. Равнодушно улыбаясь, как того требовала авторская ремарка, Керри повернулась к окну и отошла от своего возлюбленного с таким видом, точно его и не было в комнате. Все это она проделала так грациозно, что нельзя было не залюбоваться ею.

— Кто такая эта женщина? — спросил режиссер, с интересом наблюдавший за сценой между Керри и Бамбергером.

— Мисс Маденда, — ответил Квинсел.

— Я знаю, как ее имя, — сказал режиссер. — Но кто она такая, чем она занимается?

— Не знаю, — произнес Квинсел. — Она знакомая одного из членов нашей ложи.

— Гм, как бы то ни было, у нее больше чутья, чем у всех остальных, вместе взятых. Она хоть проявляет интерес к тому, что делает!

— И притом хорошенькая, а? — добавил Квинсел.

Режиссер отошел, не ответив на это замечание.

Во второй сцене, в бальном зале, где Лаура встречается лицом к лицу с враждебно настроенным обществом, Керри играла еще лучше и заслужила одобрительную улыбку режиссера.

Он даже соблаговолил подойти и заговорить с нею.

— Вы уже когда-нибудь выступали на сцене? — как бы вскользь спросил он.

— Нет, никогда, — ответила Керри.

— Вы так хорошо играете, что я думал, уж нет ли у вас некоторого сценического опыта?

Керри только смущенно улыбнулась.

Режиссер отошел от нее и стал слушать Бамбергера,



который бездушным голосом бубнил очередную реплику.

Миссис Морган заметила эту сценку и сверкнула на Керри завистливыми черными глазами.

«Наверное, какая-нибудь захудалая актриса!» — решила она, находя удовлетворение в этой мысли и проныкаясь презрением и ненавистью к Керри.

Репетиция кончилась, и Керри отправилась домой, чувствуя, что не ударила лицом в грязь. Слова режиссера все еще звучали у нее в ушах, и она горела желанием поскорее рассказать обо всем Герствуду. Пусть он знает, как хорошо она играла! Друэ тоже мог бы служить объектом для ее излияний, и она еле сдерживалась, дожидаясь, когда же он, наконец, спросит ее. И тем не менее сама она не заговаривала об этом. А Друэ в тот вечер думал о чем-то другом, и то, что казалось Керри столь важным, не имело большого значения в его глазах. Он не стал поддерживать разговор на эту тему, выслушав лишь то, что рассказала — не очень умело — сама Керри. Он сразу же решил, что Керри прекрасно со всем справится, и тем самым заранее избавил себя от всяких тревог. Керри была несколько раздражена и подавлена этим. Она остро ощутила безразличие Друэ и томила желанием увидеться с Герствудом. Он казался ей единственным другом на земле. На следующее утро Друэ все же проявил интерес к сценическим успехам Керри, но впечатления от вчерашнего разговора с ним уже нельзя было исправить.

Керри получила письмо от Герствуда, извещавшего ее, что, когда она получит его послание, он уже будет ждать ее в парке. Когда она явилась, Герствуд встретил ее, сияя, точно утреннее солнце.

— Ну, дорогая, — сразу начал он, — как у вас сошло?

— Недурно, — сдержанно ответила Керри, помня о равнодушии Друэ.

— Расскажите мне все, как происходило, — попросил Герствуд. — Это было интересно?

Керри стала описывать ему во всех подробностях вчерашнюю репетицию, все больше и больше воодушевляясь.



— Ну просто великолепно! — воскликнул Герствуд, выслушав ее. — Очень рад за вас. Непременно приду посмотреть, как вы играете. Когда у вас следующая репетиция?

— Во вторник, — ответила Керри. — Но посторонних туда не пускают, — добавила она.

— Я все же думаю, что мне как-нибудь удастся пройти, — многозначительно сказал Герствуд.

Керри была в восторге от его внимания. Она снова обрела душевное равновесие. Тем не менее она заставила его дать слово, что он не будет приходить на репетиции.

— Тогда вот что, — вы должны хорошенько постараться, чтобы я остался доволен! — сказал Герствуд, желая поощрить ее. — Помните, я многого жду от вас. Мы, со своей стороны, приложим все усилия, чтобы спектакль удался на славу. А вы тоже сделайте, что можете.

— Я постараюсь, — сказала Керри, преисполненная восторга и любви.

— Ну вот, молодец! — похвалил ее Герствуд.

Он с отеческой нежностью погрозил ей пальцем и повторил:

— Смотрите, сделайте все, что можете!

— Непременно! — весело отозвалась Керри.

В это утро, казалось, вся земля тонула в солнечном сиянии. Керри шла домой, и чистое небо, прозрачное и синее, словно вливалось в ее душу. Блаженны дерзающие, исполненные бодрой надежды; блаженны и те, кто взирает на них с улыбкой одобрения.

## ГЛАВА XVIII

### ПО ТУ СТОРОНУ. БЕГЛЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ

К вечеру шестнадцатого числа незримая рука Герствуда успела показать свою силу. Стоило ему пустить слух среди своих друзей (а они были многочисленны и влиятельны), что стоит пойти туда-то, и мистер Квинсел, к великому своему удивлению, продал значительно больше билетов, чем предполагал. Во всех ежеднев-



ных газетах появились небольшие заметки. И это опять-таки устроил не кто иной, как Герствуд, с помощью одного из своих приятелей-газетчиков, мистера Гарри Мак-Гаррена, главного редактора «Таймса».

— Послушайте, Гарри,— сказал ему как-то вечером Герствуд у стойки бара, когда редактор допивал последний стаканчик, готовясь держать запоздалый путь домой,— вы могли бы оказать кое-кому большую услугу.

— А в чем дело? — спросил мистер Мак-Гаррен, которому было приятно, что этот представительный управляющий обращается к нему с просьбой.

— Местная ложа ордена Лосей устраивает маленький спектакль в свою пользу, и им очень пригодилась бы заметочка в прессе. Вы понимаете, что я имею в виду всего несколько строк, в которых говорилось бы, что, где и когда.

— С удовольствием,— ответил мистер Мак-Гаррен.— Конечно, я это сделаю для вас, Джордж!

Сам Герствуд держался в тени. Члены ложи не могли понять, почему их маленькая затея привлекла такое внимание. На мистера Квинсела стали смотреть как на гениального организатора.

Когда наступило шестнадцатое, друзья Герствуда явились, подобно римлянам, послушным зову сенатора. С той минуты, как он решил помочь Керри, она смело могла рассчитывать на хорошо одетую, благодушную и благосклонную публику.

Молодая дебютантка успела вполне овладеть ролью и была очень довольна собой, хотя и дрожала, думая о том, что вскоре ей придется предстать в ярком свете ramпы перед многочисленной толпой зрителей. Она пыталась утешить себя мыслью, что и остальные участники, человек двадцать мужчин и женщин, волнуются за исход спектакля, не зная, к чему приведут их усилия. Но при всем желании она никак не могла выбросить из головы свои личные страхи. То ее пугало, что она забудет какую-нибудь реплику или не сумеет проникнуться чувствами своей героини, то она начинала жалеть, что вообще взялась за это дело. Она дрожала, представляя себе, что, возможно, будет стоять бледная, задышающаяся, парализованная страхом, не зная, что



сказать и что сделать. Она еще, пожалуй, испортит все представление.

Что касается остальных участников, то мистер Бамбергер выбыл из труппы. Он был безнадежен и пал жертвой режиссерской критики. Миссис Морган все еще была тут. Она сгорала от зависти и твердо решила, хотя бы в пику Керри, сыграть не хуже ее. Для роли Рэя был приглашен какой-то слонявшийся без дела актер-профессионал. Правда, артист он был весьма посредственный, но его хоть не терзали страхи, переживаемые людьми, никогда не выступавшими перед публикой. Он с таким небрежным и самоуверенным видом расхаживал по сцене (между прочим, ему строго-настрого было наказано не упоминать о своей причастности к театральному миру), что по одним лишь «косвенным уликам» всякий легко мог сообразить, кто он такой.

— Какие пустяки! — с театральной аффектацией обрattился он к миссис Морган. — Стану я волноваться из-за публики! Дух роли — вот что важно, хорошенько схватить его — вот в чем вся трудность!

Весь его внешний облик был неприятен Керри, но она была в достаточной степени актрисой, чтобы суметь скрыть свою антипатию и примириться с его качествами, тем более что в этот вечер ей предстояло мириться с его фиктивной любовью.

В шесть часов вечера она была совсем готова. Все, что требуется для сцены, было заранее и даже в изобилии закуплено. Керри с утра училась накладывать грим, к часу она уже успела прорепетировать и приготовить все необходимое для спектакля, после чего стала дожидаться наступления вечера, лишь изредка заглядывая в свою роль.

Ради такого торжественного случая ложа ордена Лосей прислала за ней экипаж, и Керри вместе с Друзэ отправилась в театр. Впрочем, он проводил ее только до дверей, а сам пошел искать хорошую сигару. Новопеченная актриса нервной поступью прошла в свою уборную и приступила к тем волнующим таинствам, которые должны были превратить ее, простую девушку, в Лауру — светскую красавицу.

Яркий свет газовых рожков, открытые сундуки с костюмами, наводящие на мысль о путешествиях, разбросанные повсюду орудия гримера — румяна, пудра,



белила, жженая пробка, тушь, карандаши для век, парики, ножницы, зеркала — все эти бесчисленные принадлежности маскарада создавали совсем особую атмосферу. С того дня, как Керри приехала в большой город, многое произвело на нее впечатление, но это всегда бывало как бы издалека. Эта новая атмосфера дышала теплом. Она была так непохожа на атмосферу, окружающую пышные особняки, которые холодно гнали бедную девушку прочь, позволяя ей только проникнуться благоговейным страхом и любоваться ими на расстоянии. У нее было такое чувство, будто кто-то ласково взял ее за руку и сказал: «Войди, дорогая!» Этот мир открылся перед нею сам собой. Она дивилась напечатанным гигантскими буквами афишам, подробным заметкам в газетах, красоте нарядов на сцене, прекрасным экипажам, обилию цветов и витавшему над всем приглушенному веселью. Это не было иллюзией. Перед Керри распахнулась дверь, и она увидела свет. Керри случайно наткнулась на эту дверь, подобно человеку, вдруг нащупавшему в темноте потайной ход. И вот она очутилась в роскошном зале, залитом огнями и сулившем блаженство!

Керри торопливо одевалась в маленькой артистической уборной, прислушивалась к голосам снаружи, видела, как суетился мистер Квинсел, а миссис Морган и миссис Хогленд нервно готовились к выходу на сцену, и с большим интересом наблюдала за всеми остальными членами труппы: они слонялись за кулисами, тревожась за исход спектакля. При этом Керри невольно мечтала о том, как было бы чудесно, если бы все это могло продолжаться без конца! Вот бы ей справиться как следует с ролью, а потом поступить куда-нибудь на сцену, стать настоящей актрисой. Эта мысль заполнила Керри и звучала в ее ушах, как мелодия старинной песни.

А за пределами ее комнатки, в маленьком фойе, в это время можно было наблюдать другие картинки. Без вмешательства Герствуда небольшой зал едва ли был бы полон, ибо члены ложи обнаружили весьма умеренный интерес к этой затее. Но слово Герствуда успело оказать свое влияние. На спектакль рекомендовалось явиться в парадном виде. Все четыре ложи были разобраны. Одну взял доктор Норман Мак-Нил-Гейл с же-



ной, а это уже кое-что значило. Мистер Уокер, торговец мануфактурой с состоянием по меньшей мере в двести тысяч долларов, тоже взял отдельную ложу. Купить третью ложу уговорили одного известного угольного дельца, а четвертую приобрел Герствуд с друзьями. Среди последних находился и Друэ. Публика, валом валившая в зал, не состояла ни из знаменитостей, ни даже из местных богачей. Это были представители определенного круга — зажиточные люди и члены ордена Лосей. Все господа Лоси прекрасно знали, какое положение тот или иной из них занимает в свете. Они с большим уважением относились ко всякому, кто сумел накопить состояние, приобрел красивый дом, содержал экипаж, со вкусом одевался и пользовался доверием в торговом мире. Естественно, что Герствуд, достаточно умный, чтобы не считать этот уровень жизни пределом человеческих достижений, сочетавший с делового сметкой умение прекрасно держать себя, занимавший довольно видную должность и завоевавший всеобщее расположение врожденным тактом в обращении с людьми, — Герствуд был здесь довольно крупной фигурой. Он был известнее многих других в этом кругу, а его сдержанность объясняли тем, что вдобавок к солидному финансовому положению он пользуется еще и большим влиянием.

В этот вечер Герствуд был в своей стихии. Он приехал в экипаже, вместе с несколькими приятелями, прямо из ресторана «Ректор». В фойе он встретил Друэ, который только что вернулся, купив сигары, и между ними завязалась оживленная беседа, во время которой перемывались косточки присутствующих и обсуждались дела ордена.

— Кого я вижу! — воскликнул Герствуд.

Он уже успел пройти в зрительный зал, где ярко горели люстры и оживленно болтала веселая компания джентльменов.

— А, как поживаете, мистер Герствуд? — отозвался джентльмен, к которому обратился с приветствием управляющий баром.

— Рад вас видеть, — сказал Герствуд, слегка пожимая протянутую ему руку.

— Надо полагать, спектакль будет блестящий.

— Да, можно надеяться, — согласился Герствуд.



— По-видимому, ложа пользуется большой поддержкой своих членов,— заметил собеседник.

— Так оно и должно быть,— сказал Герствуд.— Я лично очень рад, что это так.

— Здорово, Джордж! — окликнул его плотный джентльмен, крахмальная рубашка которого горой вздымалась на груди.— Как дела?

— Великолепно!

— Что привело вас сюда? Ведь вы, насколько я знаю, не член этой ложи.

— Только доброта душевная,— отозвался Герствуд.— Приятно, знаете ли, повидать старых друзей!

— Жена с вами?

— Нет, она сегодня не могла прийти,— сказал Герствуд.— Не совсем здорова.

— Жаль, жаль! Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет, легкое недомогание.

— Я помню миссис Герствуд... Она однажды сопровождала вас в Сент-Джо.

И толстяк пустился в какие-то скучные воспоминания, которым, к счастью, положило конец прибытие новых знакомых Герствуда.

— А, здорово, Джордж! Как поживаете? — поздоровался с ним какой-то добродушный член муниципалитета, житель Западной стороны и тоже член ложи.— Очень рад вас видеть. Ну, как дела?

— Очень хорошо, благодарю вас. Вы, я слышал, избраны в олдермены<sup>1</sup>?

— Да, мы без всякого труда разбили противников,— подтвердил политический деятель.

— Что станет теперь делать Хеннеси?

— О, ведь у него кирпичный завод! Вернется, надо полагать, к своим кирпичам.

— Вот как? Я этого не знал,— сказал Герствуд.— Воображаю, как он злился, когда потерпел поражение.

— Да, по всей вероятности,— согласился новый олдермен, лукаво подмигивая Герствуду.

Мало-помалу начали прибывать в экипажах более близкие друзья Герствуда, которых он пригласил сам. Они, шаркая ногами и выставляя напоказ свои отличные костюмы, входили в зал, исполненные сознания собственного достоинства и весьма довольные собой.

---

<sup>1</sup> Член муниципального совета.



— А, вот и мы! — воскликнул Герствуд, обращаясь к одному из вновь прибывших, мужчине лет сорока пяти.

— Вы не ошиблись, — в тон ему ответил тот.

Потом он наклонился к уху Герствуда и, добродушно притянув приятеля за плечо поближе к себе, шепнул:

— Если мы сегодня не увидим здесь ничего интересного, я вам голову оторву!

— При чем тут спектакль? — отозвался Герствуд. — Разве не стоило заплатить за возможность повидать старых друзей?

Одному из гостей, обратившемуся к управляющему баром с вопросом, действительно ли будет что-нибудь интересное, Герствуд ответил:

— Я и сам не знаю. Едва ли!

Затем он сделал рукой красивый жест и добавил:

— Но для масонской логи...

— А народу набралось, однако, порядочно! Что вы скажете?

— М-да!.. Кстати, мистер Шэнехен только что справлялся о вас; непременно разыщите его.

Вот как случилось, что маленький театр огласился беспечной болтовней богатых людей, шелестом шелка, хрустом крахмальных сорочек, благодушно-банальными фразами, — и все лишь потому, что этого захотел один человек. Стоило посмотреть на Герствуда в те полчаса, которые предшествовали поднятию занавеса, когда он беседовал с компанией в пять-шесть человек, из тех, чьи внушительные фигуры, туго накрахмаленные сорочки и бриллиантовые булавки в галстуках свидетельствовали об их преуспевании! Джентльмены, прибывшие с женами, не упускали случая окликнуть Герствуда и пожать ему руку. Билетеры учтиво кланялись гостям, откидные сиденья стульев хлопали, а Герствуд довольным взором обводил зал. Он был здесь светилом, воплощавшим в своей персоне честолюбивые стремления всех приветствовавших его. Он был признан обществом, ему льстили, считали чуть ли не светским львом. По всему видно было, что этот человек занимает солидное положение. Он был по-своему, хотя и скромно, но велик.



## ГЛАВА XIX

### ЧАС В СТРАНЕ ГРЕЗ.

### ЧУТЬ СЛЫШНАЯ ЖАЛОБА

Наконец все приготовления были закончены, и занавес готов был взвиться. Артисты успели наложить последние штрихи грима, и в ожидании присели кто где. Дирижер многозначительно постучал палочкой по пюпитру, и нанятый для этого случая маленький оркестр заиграл вступление. Герствуд умолк и вместе со своими друзьями направился в ложу.

— Ну, теперь посмотрим, как справится девочка! — шепнул он Друэ, так чтобы никто другой не слышал его.

На сцене уже находилось шесть актеров, открывавших первое действие сценой в гостиной. Друэ и Герствуд, тотчас удостоверившись, что Керри между ними нет, шепотом продолжали беседу. В первом акте участвовали миссис Морган, миссис Хогленд и заступивший на место Бамбергера артист-профессионал Пэттон. Последний мало чем мог похвастать, за исключением уверенности, но именно это в данную минуту и было самым необходимым. Миссис Морган в роли Пэрл буквально стыла от ужаса. Миссис Хогленд произносила реплики хриплым голосом. У всех дрожали колени, и свои роли они попросту читали, — ничего больше. Нужна была вся снисходительность публики, все ее благодушное настроение и вера в то, что артисты постепенно оправятся, чтобы удержаться от проявления жалости ерзанием на местах, что обычно предшествует провалу спектакля.

Герствуд хранил полное спокойствие. Он заранее был уверен, что эта затея с пьесой ничего не стоит. Ему важно было только, чтобы все сошло более или менее сносно, тогда можно было бы сделать вид, что Керри заслуживает похвалы, и поздравить ее с успехом.

Когда первый приступ страха миновал, актеры как будто несколько ожили и стали кое-как передвигаться по сцене, бездушно произнося свои реплики и наводя на зрителей скуку. Вскоре на сцену вышла Керри. Едва Герствуд и Друэ взглянули на нее, им сразу стало ясно, что и у нее «поджилки трясутся». Еле волоча ноги, прошла она по сцене со словами:



— «А! Вот и вы, сэръ! Мы уже с восьми часов ждем вас».

Она произнесла это так бесцветно и так тихо, что ее друзьям стало больно за нее.

— Боится,— прошептал Друз.

Герствуд ничего не ответил.

В роль входила одна реплика, которая должна была немного рассмешить зрителей. Она гласила:

«Это все равно, что назвать меня спасительной пилюлей!»

Но и это вышло у нее до ужаса безжизненно. Друз заерзал на стуле, а Герствуд чуть заметно шевельнул носком ботинка.

В другом месте Лаура, чувствуя надвигающуюся опасность, должна была встать и с грустью произнести:

«О, лучше бы вы этого не говорили, Пэрл! Вы прекрасно знаете, что все мы любим красивый обман».

В голосе Керри до смешного не хватало чувства.

Ей не удавалось войти в роль. Казалось, она говорит во сне. Она как будто заранее была уверена, что провалится. Керри играла еще хуже, чем миссис Морган, которая успела немного прийти в себя и по крайней мере внятно произносила слова.

Друз отвел глаза от сцены и окинул взглядом зрителей. Публика хранила молчание, надеясь, что вот-вот произойдет какая-то перемена. Герствуд пристально смотрел на Керри, точно стараясь загипнотизировать ее и заставить играть лучше. Он хотел влить в нее частицу своей воли. Ему было бесконечно жаль ее.

Через некоторое время Керри предстояло прочесть анонимное письмо, полученное ею от неизвестного негодяя.

Публика чуть оживилась во время диалога между актером-профессионалом и маленьким американцем, который не без юмора играл роль однорукого, выжившего из ума солдата по прозвищу Храпун, ставшего ради куска хлеба посыльным. Он с таким азартом выкрикивал слова, что они невольно вызывали в публике смех, хотя и не тот, на который рассчитывал автор пьесы. Но вот Храпун уходит, и опять на сцену возвращается Керри в качестве главного действующего лица. Однако она все еще не овладела собой и в продолжение всей сцены ме-



жду нею и интриганом вяло бродила по сцене, злоупотребляя последней каплей терпения публики. Когда она, наконец, ушла, все облегченно вздохнули.

— Она слишком волнуется, — сказал Друэ, прекрасно сознавая, что говорит неправду.

— А вы бы сходили, подбодрили ее, — посоветовал Герствуд.

Друэ рад был сделать что угодно, лишь бы сколько-нибудь помочь делу. Он быстро пробрался к боковой двери, служившей входом за кулисы; добродушный страж пропустил его. Керри стояла за кулисами, дожидаясь следующего своего выхода. Вся ее живость, весь огонь, трепетавший в ней раньше, исчезли без следа.

— Послушай, Керри, зачем ты так волнуешься? — сказал Друэ, пристально глядя на нее. — Очнись, наконец! Не такая уж это публика, чтобы стоило так бояться ее!

— Я и сама не знаю, в чем дело, — ответила Керри. — Просто мне кажется, я не способна играть.

Все же она была рада приходу Друэ. Видя, как волнуется вся труппа, она тоже совсем пала духом.

— Да полно, Керри! — сказал Друэ. — Возьми себя в руки. Чего ты боишься? Покажи им, как нужно играть!

Керри несколько ожила, наэлектризованная словами изрядно взволнованного коммивояжера.

— Я очень скверно играла?

— Ничего подобного! Тебе только нужно прибавить немного «перцу»! Играй так, как ты мне показывала. Постарайся этак откинуть голову, как ты это делала вчера.

Керри вспомнила, с каким подъемом она играла дома. Она пыталась убедить себя, что может сыграть хорошо и сегодня.

— Что сейчас будет? — спросил Друэ, заглядывая в роль, которую Керри держала в руках.

— Диалог между мной и Рэем, когда я отказываю ему.

— Ну, вот, — сказал Друэ, — побольше огня, побольше жизни! Играй так, точно тебе ни до кого дела нет.

— Ваш выход, мисс Маденда! — сказал суфлер.

— О боже! — вырвалось у Керри.

— Как глупо с твоей стороны так бояться! — ска-



зал Друэ.— Возьми же себя в руки, Керри! Я отсюда буду следить за тобой.

— Правда?

— Да, да, иди! И не бойся!

Суфлер подал ей знак.

Керри двинулась вперед, испытывая все ту же слабость, что и раньше, но вдруг какая-то доля решимости вернулась к ней. Она вспомнила о том, что Друэ смотрит на нее.

— Рэй,— начала она ласковым и более спокойным голосом.

Это была как раз та сцена, которая понравилась режиссеру во время репетиции.

«Она, кажется, приходит в себя!» — подумал Герствуд.

Керри провела эту сцену не так хорошо, как на репетиции, но все же играла лучше, чем вначале. Ее присутствие на сцене не вызывало по крайней мере раздражения публики. Вся труппа теперь подтянулась, и, таким образом, внимание зрителей уже не сосредоточивалось на одной Керри. Актеры недурно справлялись со своими ролями, и можно было надеяться, что пьеса кое-как пройдет, за исключением, разумеется, особенно трудных мест.

Керри покинула сцену, разгоряченная и взволнованная.

— Ну, что? — спросила она, глядя на Друэ.— Теперь немножко лучше?

— Еще бы! Вот так и надо! Побольше жизни! Ты играла сейчас в тысячу раз лучше, чем в предыдущей сцене. Теперь дай им жару. Ты можешь. Пусть все ахнут.

— Я в самом деле играла лучше? — повторила Керри.

— Лучше? Несравненно! А что теперь?

— Сцена на балу.

— Ну, с этим ты справишься шутя! — сказал Друэ.

— Я не уверена,— отозвалась Керри.

— Полно, полно! — воскликнул Друэ. Ты же прекрасно играла тогда для меня! Вот иди теперь и играй так же. Держись так, будто ты в своей комнате, и если провернешь эту сцену не хуже, уверяю тебя,



успех будет блестящий. Готов биться об заклад на что угодно. Ты справишься!

Друз, как обычно, вкладывал в слова всю пылкость и все добродушие своей натуры. Он и вправду считал, что Керри особенно удастся эта сцена, и хотел, чтобы она блеснула перед публикой. Этим и объяснялся его энтузиазм.

До следующего выхода Керри Друз удалось внушить ей уверенность в свои силы. Он заставил ее поверить, что она играет хорошо. Слушая его, она снова стала проникаться жаждой успеха, и мало-помалу к ней вернулся прежний подъем.

— Я думаю, что справлюсь!

— Ну конечно! Только не рсбей!

На сцене между тем артистка, игравшая роль миссис ван Дэм, жестоко клеветала на Лауру. Керри прислушивалась, и что-то в ней вдруг вспыхнуло — ноздри ее слегка раздулись.

— «Общество страшно мстит за нанесенные ему оскорбления,— говорил актер, игравший Рэя.— Вам приходилось слышать про сибирских волков? Когда один из стаи падает, остальные пожирают его. Сравнение не особенно приятное, но в обществе таится что-то волчье. Лаура своим маскарадом бросила вызов обществу, и общество, которое само по себе сплошной маскарад, отомстит за насмешку!»

Услышав свое сценическое имя, Керри вздрогнула. Она стала проникаться горечью ситуации. На нее нахлынули чувства, которые испытывает отверженная. Она стояла за боковой кулисой, поглощенная потоком гневных мыслей. Она не слышала ничего кругом, только кровь с шумом билась у нее в висках.

— «Вот что, милочки, надо хорошенько присматривать за нашими вещами,— мрачно произнесла миссис ван Дэм.— Они отнюдь не в безопасности, пока среди нас находится такая ловкая воровка!»

— Реплика! — произнес суфлер, стоявший рядом с Керри.

Но Керри даже не слышала его. Она двинулась вперед с уверенной грацией, рожденной вдохновением. Гордая и прекрасная появилась она перед публикой, постепенно превращаясь, как того требовал ход действия, в застывшее, бледное, несчастное создание, тогда как



группа бездушных светских людей презрительно отодвигалась от нее все дальше.

Герствуд часто замигал глазами, зараженный ее волнением. Горячая волна чувства и искренности уже достигла до самых дальних уголков зала. Магическое действие страсти, способной затопить мир, сказывалось во всей своей силе.

Публика, которая до сих пор была не особенно внимательна, теперь с неослабевающим интересом следила за тем, что происходит на сцене.

— «Рэй! Рэй! Почему вы к ней не подходите?» — раздался возглас Пэрл.

Взоры всех были устремлены на Керри, по-прежнему гордую и презрительную. Все с напряженным вниманием следили за каждым ее движением и поворачивали головы в ту сторону, куда она переводила взгляд.

Пэрл — миссис Морган подошла к ней.

— «Поедем домой!»

— «Нет, — ответила Лаура — Керри, и впервые ее голос обрел ту проникновенность, которой не доставало ему раньше. — Оставайтесь с ним!»

Она обличающим жестом указала на своего возлюбленного, а потом произнесла с пафосом, который потрясал до глубины души своей неподдельной искренностью:

— «Он не долго будет страдать!»

Герствуд понял, что перед ним на редкость хорошая актерская игра. Это подтвердили и бурные аплодисменты публики, раздавшиеся, когда упал занавес. Управляющий баром думал теперь только о том, как прекрасна Керри. К тому же она ведь добилась успеха на таком поприще, которое было много выше сферы его деятельности. Он испытывал острое наслаждение при мысли, что она принадлежит ему.

— Превосходно! — воскликнул он.

Повинуясь внезапному порыву, он встал и направился к двери, которая вела за кулисы.

Когда управляющий баром вошел в уборную Керри, Друэ все еще был там. Сейчас Герствуд чувствовал, что до безумия влюблен в Керри, — он был ошеломлен глубиной и страстностью ее игры. Он жаждал расхвалить ее, выразить свой восторг влюбленного, но тут находился Друэ, чей интерес к Керри тоже быстро возрастал. Пожалуй, молодой коммивояжер был очарован еще



больше Герствуда, по крайней мере в силу обстоятельств он мог высказать это в более бурной форме.

— Ну и ну! — не переставал он повторять. — Ты играла изумительно! То есть прямо великолепно! Я с самого начала знал, что ты справишься с ролью. Ну и славная же ты девочка!

Глаза Керри сверкали от радости.

— Ты правду говоришь, что я хорошо играла?

— Хорошо играла?! Еще бы! Разве ты не слышала аплодисментов?

В зрительном зале еще раздавались восторженные хлопки.

— Мне и самой казалось, что я сумела передать все так... как я это переживала.

В эту минуту вошел Герствуд. Он инстинктивно угадал какую-то перемену в Друэ и в груди его вспыхнула жгучая ревность, когда он видел, что тот чуть ли не обнимает Керри. Он не мог простить себе, что сам недоумил Друэ пойти за кулисы, и уже ненавидел своего приятеля, как человека, посягнувшего на его права. С великим трудом Герствуд взял себя в руки и поздравил Керри просто, как друг. Это была с его стороны огромная победа над самим собой. В глазах его даже загорелся былой лукавый огонек.

— Мне хотелось сказать вам, что вы дивно играли, миссис Друэ! — сказал он, пристально глядя на нее. — Вы доставили всем большое наслаждение.

Керри, прекрасно все понимая, ответила ему в тон:

— О, благодарю вас, мистер Герствуд!

— Вот и я как раз говорил ей, что, по-моему, она играла превосходно! — вставил Друэ, в восторге от сознания, что обладает таким сокровищем.

Керри весело рассмеялась.

— Это несомненно так, — подтвердил Герствуд, и в его взгляде Керри могла прочесть больше, чем говорили слова. — Если вы и впредь будете так играть, то заставьте нас думать, что родились актрисой.

Керри только улыбнулась в ответ. Она сознавала, в каком мучительном положении находился сейчас Герствуд, ей до боли хотелось остаться с ним наедине, но она не понимала перемены в Друэ.

Герствуд был настолько угнетен, что не смог больше продолжать разговор. Ненавидя Друэ за одно его при-



сутствие, он откланялся с достоинством Фауста и, выйдя из уборной Керри, в бешенстве стиснул зубы.

— Будь он проклят! — прошипел Герствуд. — Долго еще он будет стоять мне поперек пути?

С угрюмым видом Герствуд побрел назад в ложу и долго не разжимал губ, размышляя о своем злосчастном положении.

Когда занавес снова поднялся и началось второе действие, Друэ, наконец, вернулся в ложу. Он был весьма оживлен и тотчас же начал что-то шептать Герствуду, но тот сделал вид, будто поглощен игрой актеров. Герствуд ни на минуту не спускал глаз со сцены, хотя Керри сейчас там не было. Разыгрывался комический пассаж, предшествовавший ее выходу. Но Герствуд ничего не видел. Он был занят своими горькими мыслями.

Пьеса продолжала разворачиваться, отнюдь не улучшая его настроения. Керри теперь была в центре всеобщего внимания. Публика, которая успела было прийти к убеждению, что от подобной труппы нельзя ожидать ничего хорошего, теперь ударились в другую крайность и готова была видеть отличную игру там, где ее вовсе не было. Общее настроение, естественно, отразилось и на Керри. Она недурно справлялась со своей ролью, хотя в ее игре теперь далеко не было той глубины, которая так потрясла зрителей в конце первого действия.

Герствуд и Друэ наблюдали за изящной фигуркой маленькой актрисы с все возрастающей страстью. То, что у нее оказались такие способности, то, что они стали свидетелями ее успеха в такой эффектной обстановке, где словно в массивной золотой раме вдруг засияла ее индивидуальность, — все это усиливало ее очарование. Для Друэ она уже не была прежней простенькой Керри. Он жаждал очутиться дома, наедине с нею, чтобы там высказать ей свои восторги. Он с нетерпением ждал конца, когда они, наконец, останутся одни и поедут домой.

А Герствуд, напротив, в том, что Керри стала еще привлекательней, чем прежде, видел весьма грустное для себя предзнаменование. Он проклинал сидящего рядом приятеля. Черт возьми, он даже не мог аплодировать с таким жаром, как ему хотелось. Он вынужден



был все время притворяться, и это было крайне неприятно.

В последнем действии Керри играла на редкость хорошо, и оба ее возлюбленных ни на мгновение не отводили от нее глаз.

Герствуд прислушивался к тому, что происходило на сцене, думая лишь о том, когда же, наконец, появится Керри. Ему не пришлось долго ждать. Автор спровадил всю веселую компанию на прогулку, и теперь Керри была одна. Герствуд впервые видел ее одну лицом к лицу с публикой,— до сих пор на сцене всегда находился еще кто-то из незадачливых актеров. Как только она вошла, он почувствовал, что прежнее воодушевление, та сила, которая захватила его в конце первого действия, не покинула Керри. Она как будто вдохновлялась все больше и больше, по мере того как пьеса близилась к развязке и исчерпывалась возможность показать свою игру.

— «Бедняжка Пэрл! — с неподдельным состраданием говорила она. — Как грустно не ведать счастья, но еще ужаснее видеть, как другой слепо ищет его, тогда как ему надо лишь протянуть за ним руку!»

Она стояла, прислонившись к косяку двери, и печально смотрела вдаль, на море.

Герствуду стало бесконечно жаль и ее и самого себя. Ему казалось, что она разговаривает именно с ним. Он весь растворился в этом потоке горячих чувств, в звуках проникновенного голоса, способного оказывать на человека такое же действие, как трогательная музыка. В этом и кроется исключительное свойство истинного пафоса: каждому слушателю кажется, что говорящий обращается только к нему.

— «А между тем она может быть очень счастлива с ним,— продолжала маленькая актриса. — Ее жизнерадостность, ее веселое личико украсят всякий дом...»

Керри медленно повернулась и окинула публику отсутствующим взглядом. В ее движениях было столько простоты и безыскусственности, что, казалось, она совершенно забыла о зрителях. Затем она под села к столу и принялась перелистывать какие-то книги.

— «Не тоскуя по тому, что мне недоступно,— тихо сказала она — и это было почти как вздох,— я скрою свое существование от всех на свете, кроме двух людей,



и буду лишь радоваться счастью этой невинной девушки, которая скоро станет его женой».

Герствуд был искренне огорчен, когда некая мисс Блосом прервала Керри. Он раздраженно повернулся на стуле, — ему хотелось, чтобы Керри продолжала говорить. Он был очарован ее бледным лицом, изящной фигуркой в платье светло-серого цвета с крученой ниткой жемчуга у шеи. Казалось, Керри очень устала и нуждается в защите. И так велика была сила иллюзии, что взволнованный Герствуд, забыв о том, что это лишь игра, готов был встать и броситься к ней на помощь.

Вскоре Керри снова осталась одна и с воодушевлением продолжала:

— «Я вернусь в город, что бы мне там ни грозило! Я должна ехать. Если удастся — тайком, не удастся — открыто».

За сценой раздался топот конских копыт и голос Рэя:

— «Нет, я сегодня больше не поеду. Можете отвести лошадь в конюшню».

Вошел Рэй. Началась сцена, которой суждено было сыграть большую роль и в любви Герствуда, ставшей для него трагедией, и во всей его необычной и сложной судьбе. Ибо Керри заранее внушила себе, что эта сцена должна быть для нее решающей, и после первой же реплики ею овладело вдохновение. И Герствуд и Друзэ заметили, что она играет с нарастающей выразительностью.

— «Я думала, что вы уехали с Пэрл», — сказала Лаура, обращаясь к своему бывшему возлюбленному.

— «Я проехал со всей компанией около мили, но затем вернулся».

— «Уж не поссорились ли вы с Пэрл?»

— «Нет... то есть да. Мы с ней всегда ссоримся. Наш барометр неизменно показывает «пасмурно» или «туманно».

— «И кто же в этом виноват?» — непринужденно спросила она.

— «Только не я, — капризно сказал Рэй. — Я делаю все, что в моих силах... а она...»

Пэттон произнес все это довольно вялым тоном, но живые интонации Керри искупали слабость партнера.



— «Но она ваша жена»,— продолжала Керри, пристально глядя на умолкшего актера и смягчая голос, пока он снова не зазвучал тихо и мелодично.— Рэй, друг мой, ухаживание за женой — это текст, который служит темой всей проповеди брачной жизни. Пусть не будет в вашем браке недовольства и несчастья».

Керри умоляюще сложила свои маленькие ручки и прижала к груди.

Герствуд глядел, чуть приоткрыв губы. Друг от удовольствия задвигался на стуле.

— «Моя жена, да...» — продолжал актер, казавшийся особенно бесцветным по сравнению с Керри.

К счастью, теперь уже ничто не могло испортить той тонкой атмосферы, которую Керри создала и сумела сохранить. По-видимому, она даже не замечала, как беспомощен Пэттон. Едва ли она провела бы эту сцену хуже, если бы ей пришлось обращаться к деревянному чурбану. Все, что нужно для этой сцены, было заложено в ней самой, и игра остальных исполнителей не имела для нее никакого значения.

— «И вы уже расклинаетесь?» — медленно и с укоризной произнесла Лаура.

— «Я потерял вас,— ответил Рэй, схватив ее маленькую руку,— и попался в сети первой легкомысленной девчонки, которая вздумала поманить меня пальцем. Во всем виноваты... вы... Почему вы покинули меня?»

Керри медленно отвернулась и, казалось, напрягла всю свою волю, чтобы удержать порыв чувств. Потом она снова повернулась к своему возлюбленному.

— «Рэй,— начала она,— я радовалась, что вы навсегда отдали свою любовь женщине хорошей, во всех отношениях равной вам. Каким страшным откровением являются для меня сейчас ваши слова! Объясните же мне, что вынуждает вас постоянно противиться собственному счастью?»

Она задала этот последний вопрос так просто, что каждому из зрителей показалось, будто он обращен непосредственно к нему.

И, наконец, наступил момент, когда бывший возлюбленный Лауры воскликнул:

— «Станьте для меня тем, чем были раньше, Лаура!»



На что Керри с бесконечной нежностью ответила:  
— «Нет, Рэй, я уже не могу быть для вас тем, чем была. Но я могу говорить от имени прежней Лауры, которая навсегда умерла для вас».

— «Будь по-вашему!» — сказал Пэттон.

Герствуд наклонился вперед. Весь зрительный зал настороженно слушал, храня глубокое молчание.

— «Пусть та женщина, на которой остановился ваш взор, мудра или суетна,— продолжала Керри, с глубокой грустью глядя на возлюбленного, в отчаянии упавшего в кресло,— прекрасна или безобразна, богата или бедна,— у нее есть лишь одно, что она может отдать вам и в чем она может отказать вам: ее сердце».

Друз почувствовал, что у него зашекотало в горле.

— «Она может продать вам свою красоту, все свои совершенства, но ее любовь — это сокровище, которое нельзя купить ни за какие деньги, которому нет цены».

Герствуд глубоко страдал, точно слова Керри отозвались непосредственно к нему. Ему представлялось, что он наедине с ней, и ему стоило огромного труда сдерживать слезы, которые вызывали в нем трогательные и нежные слова любимой женщины.

Друз тоже с трудом владел собой. Он мысленно решил, что отныне станет для Керри тем, чем никогда не был. Он женится на ней, честное слово! Она вполне этого заслуживает.

— «И взамен,— продолжала Керри, едва ли даже расслышав реплику своего возлюбленного, и голос ее звучал в полной гармонии с грустной музыкой, сопровождавшей эту сцену,— она просит от вас лишь немного: чтобы в вашем взоре отражалась преданность, чтобы в голосе вашем при обращении к ней звучала нежность, чтобы вы не позволяли презрению или пренебрежению проникать в ваше сердце, даже если она и не так быстро усваивает ваши мысли и честолюбивые стремления. Ибо если случится, что рок разобьет ваши замыслы и фортуна повернется к вам спиной, у вас для утешения останется любовь... Вы смотрите на деревья и восхищаетесь их величием и силой. Но не презирайте маленькие цветочки за то, что они не могут дать ничего, кроме нежного аромата...»

Герствуд слушал, с огромным усилием сдерживая обуревавшие его чувства.



— «Помните,— мягко закончила Керри,— любовь — это единственное, что дарит вам женщина,— эти слова она произнесла с каким-то особым, ласковым оттенком,— но это единственное не подвластно даже смерти».

Управляющий баром и коммивояжер с мучительной нежностью смотрели на молодую актрису. Они почти не слышали заключительных слов и только видели перед собой предмет своего обожания, двигавшийся по сцене с трогательной грацией, исполненной силы, которая была для них откровением.

Герствуду, так же как и Друэ, приходили в голову тысячи решений. Оба с равным усердием присоединились к буре аплодисментов, вызывавших Керри. Друэ хлопал до тех пор, пока у него не заныли руки. Потом он вскочил и выбежал из ложи.

Как раз в этот миг Керри снова показалась на сцене и, увидев, что навстречу ей несут огромную корзину цветов, замерла в ожидании. Цветы были от Герствуда. Керри подняла глаза на ложу, где он сидел, поймала его взгляд и улыбнулась. Герствуд чуть не выскочил из ложи, чтобы заключить возлюбленную в объятия. Он забыл, что ему, женатому человеку, следовало быть крайне осторожным. Он почти забыл, что вместе с ним в ложе сидят люди, которые хорошо его знают. Нет, эта женщина будет принадлежать ему, хотя бы ради этого пришлось пожертвовать всем! Он не станет медлить. Пора устранить этого Друэ. Прочь его! Он не станет ждать ни одного дня. Коммивояжер не должен обладать Керри.

Герствуд дошел до такого возбуждения, что не мог усидеть в ложе. Он вышел в вестибюль, потом на улицу, погруженный в свои мысли. Друэ все еще не возвращался из-за кулис. Через несколько минут пьеса должна была закончиться. Герствуд жаждал остаться вдвоем с Керри, он проклинал судьбу, вынуждавшую его улыбаться, раскланиваться, лицемерить, когда у него было лишь одно желание: говорить ей о своей любви, шептать ей наедине нежные слова. Со стоном подумал он, что все его надежды тщетны. Он не мог даже пригласить Керри поужинать, не прибегая к притворству... Наконец Герствуд решился пройти за кулисы, чтобы спросить Керри, как она себя чувствует. Спектакль



кончился, артисты одевались и болтали, торопясь поскорее уйти. Друэ говорил без умолку, весь во власти своего настроения и возродившейся страсти. Управляющий баром усилием воли взял себя в руки.

— Мы, конечно, поедem ужинать? — спросил он голосом, отнюдь не соответствовавшим его переживаниям.

— С удовольствием, — ответила Керри и ласково улыбнулась ему.

Маленькая актриса была бесконечно счастлива. Теперь она понимала, что значит быть любимой, что значит быть обласканной. Ею восхищались, с ней искали знакомства. Впервые она смутно ощутила независимость, которую приносит успех. Роли переменились, и теперь она могла смотреть на своего поклонника сверху вниз. В сущности она сама почти не сознавала, что это так, и все же в ней уже заметна была мягкая и деликатная снисходительность. Как только Керри была готова, они сели в поджидавший их экипаж и отправились в ресторан ужинать. И только раз, когда Герствуд опередил Друэ, сядил рядом с нею в экипаж, Керри улучила минуту, чтобы выразить ему свои чувства. Прежде чем Друэ успел занять свое место, она порывисто и нежно сжала руку управляющего баром. Герствуд был взволнован до крайности. Он готов был душу продать, чтобы только остаться наедине с Керри.

«Боже, какая пытка!» — чуть не вырвалось у него.

Друэ, разумеется, не отставал от них ни на шаг, считая себя героем дня. Ужин был испорчен его болтливостью. Герствуд отправился домой, твердя себе, что умрет, если его страсть не будет удовлетворена. Он успел горячим шепотом бросить «до завтра», и Керри поняла его.

Распрощавшись и оставив Друэ с его добычей, Герствуд ушел, и в ту минуту ему казалось, что он без малейшего раскаяния мог бы убить этого человека. Керри тоже была подавлена.

— Спокойной ночи! — сказал Герствуд, стараясь придать своему голосу дружески непринужденный тон.

— Спокойной ночи! — нежно ответила ему Керри.

«Болван! — мысленно выругался Герствуд, почувствовав вдруг глубокую ненависть к Друэ. — Идиот! Я еще расправлюсь с ним, и весьма скоро! Посмотрим завтра — кто кого!»



— Право же, ты чудо, Керри! — безмятежно говорил в это время Друэ, ласково сжимая ее руку. — Ты чудеснейшая девочка.

## ГЛАВА XX

### ВЛЕЧЕНИЕ ДУХА. ВОЖДЕЛЕНИЕ ПЛОТИ

У таких людей, как Герствуд, страсть всегда проявляется бурно. Она не выражается в задумчивости или мечтательности. Не бывает и серенад под окном возлюбленной или тоскливого томления и горестных сетований на непреодолимые препятствия. Ночью различные мысли долго не давали Герствуду заснуть, а утром, проснувшись рано, он с прежней силой и рвением вновь принимался думать о дорогом его сердцу предмете. Он и духовно и физически был полностью выбит из колеи, ибо разве не восхищался он совсем по-новому своей Керри и разве на пути его не стоял Друэ? Никогда и никто не изводил себя так, как Герствуд, не переставая думавший о том, что его любимой владеет легкомысленный и развязный коммивояжер. Герствуд отдал бы все на свете, лишь бы положить конец осложнениям и уговорить Керри на такой шаг, который навсегда устранил бы Друэ.

Но что делать? Герствуд одевался в глубокой задумчивости. Он ходил по комнате, где в это время находилась его жена, и даже не замечал ее присутствия.

За завтраком у него совсем не было аппетита. Мясо, которое он положил себе на тарелку, осталось нетронутым. Его кофе остыл, пока он рассеянно проглядывал столбцы газет. Иногда в глаза ему бросалась какая-нибудь заметка, но он не понимал даже, о чем читает. Джессика еще не спустилась в столовую, а миссис Герствуд сидела на другом конце стола, тоже погруженная в молчаливые думы. Новая горничная, совсем недавно поступившая к ним, забыла положить салфетки, и молчание в конце концов было нарушено раздраженным голосом миссис Герствуд.

— Я уже говорила вам об этом, Мэгги, и больше повторять не желаю! — сказала она.



Герствуд лишь мельком взглянул на жену. Она сидела, нахмуренная. Ее манера держаться вызывала в нем сейчас крайнее раздражение.

— Ты уже решил, Джордж, когда ты возьмешь отпуск? — вдруг обратилась к нему миссис Герствуд.

В это время года они обычно обсуждали планы летнего отдыха.

— Нет еще, — ответил он. — Я страшно занят.

— Не мешало бы тебе поскорее прийти к какому-то решению, если мы собираемся куда-либо ехать.

— Но, по-моему, у нас еще много времени впереди, — возразил ей муж.

— Этак можно прождать до конца лета! — с досадой пожала плечами миссис Герствуд.

— Опять старая песня! Послушать тебя, так выходит, как будто я ничего не делаю.

— Я хочу знать окончательно! — так же раздраженно повторила миссис Герствуд.

— У тебя еще много времени впереди, — стоял на своем муж. — Ведь ты же не поедешь до конца бегового сезона.

Его злило, что этот разговор зашел именно сейчас, когда ему хотелось думать совсем о другом.

— Может быть, и поедем! Джессика не хочет ждать так долго.

— Зачем же в таком случае понадобился тебе сезонный билет? — спросил Герствуд.

— Уф! — вырвалось у миссис Герствуд, постаравшейся вложить в этот звук все свое возмущение. — Я во все не желаю вступать с тобой в пререкания!

С этими словами она поднялась с места, намереваясь выйти из-за стола.

— Послушай, что это с тобой происходит в последнее время? — произнес Герствуд, тоже вставая, и тон его был так решителен, что жена невольно остановилась. — Неужели с тобой и разговаривать нельзя?

— Разговаривать со мной можно, — ответила миссис Герствуд, напирая на первое слово.

— Я бы этого не сказал! А теперь, если ты хочешь знать, когда я могу уехать с вами, — изволь: не раньше чем через месяц. Впрочем, может быть, и позже.

— Тогда мы поедем без тебя.

— Вот как? — насмешливо произнес Герствуд.



— Да, поедем!

Управляющий баром был изумлен решительным тоном жены, но вместе с тем это еще больше обозлило его.

— Ну, это мы еще посмотрим! — воскликнул он. — Я нахожу, что в последнее время ты что-то слишком уж стала командовать! Ты, кажется, собираешься решать все дела за меня. Но этого не будет. Я не позволю тебе командовать там, где дело касается только меня лично. Хочешь — поезжай, но меня такими разговорами спешить не заставишь!

Герствуд был разъярен. Его темные глаза сверкали. Он скомкал газету и швырнул ее на стол. Миссис Герствуд не добавила больше ни слова. При последних словах мужа она повернулась и вышла из комнаты. А он постоял в нерешительности еще несколько секунд, потом снова сел, отхлебнул кофе, затем встал и отправился на первый этаж за шляпой и перчатками.

Миссис Герствуд вовсе не предвидела подобной сцены. Правда, она вышла к завтраку несколько не в духе; к тому же все мысли ее были заняты обдумыванием одного плана. Джессика обратила ее внимание на то, что бега далеко не оправдали их ожиданий. Они не давали в этом году особых возможностей в смысле выгодных знакомств. Красивая девушка вскоре убедилась, что бывать каждый день на бегах чрезвычайно скучно, а в этом году, как назло, публика рано стала разъезжаться на курорты и в Европу. Несколько молодых людей, интересовавших Джессику, уехали в Вокишу. Она тоже стала подумывать о поездке на этот курорт, и мать соглашалась с ней.

Миссис Герствуд решила обсудить этот вопрос с мужем. Садясь за стол, она обдумывала план, предложенный дочерью, но почувствовала, что атмосфера для такого разговора мало благоприятна. Миссис Герствуд и сама не знала, из-за чего началась ссора. Все же она решила, что ее муж — зверь и тиран и что подобную выходку ни в коем случае нельзя оставить безнаказанной. Он должен обращаться с ней, как с леди, не то она ему покажет!

Герствуд тоже находился под тягостным впечатлением этого спора, пока не пришел в бар; оттуда он направился на свидание с Керри, и тут им овладели со-



всем другие чувства: любовь, страсть, протест. Мысли, словно на крыльях, опережали одна другую. Он не мог дожидаться минуты, когда наконец увидит Керри. Что ему ночь, что день, если нет ее? Керри должна и будет принадлежать ему.

А Керри, с тех пор как рассталась накануне со своим возлюбленным, жила в мире чувств и мечтаний. Она прислушивалась к пылким разглагольствованиям Друэ, пока он говорил о ней, но была весьма невнимательна к тому, что он говорил о себе. Насколько это было возможно, она старалась держать его на расстоянии, а мысли ее полны были пережитым успехом. Страсть Герствуда казалась ей чудесным дополнением к тому, чего она сумела достичь, и ей хотелось поскорее узнать, что он скажет ей при свидании. Она жалела его той особой жалостью, которая находит нечто лестное для себя в страдании другого. Керри впервые смутно ощутила едва уловимую перемену, которая происходит с человеком, попадающим из рядов просителей в ряды дарующих блага. В общем, она была очень счастлива.

На следующий день, когда выяснилось, что газеты ни словом не обмолвились о спектакле, вчерашний успех, потонув в потоке повседневных мелочей, утратил значительную долю своего блеска. Даже Друэ говорил теперь не столько о ней, сколько для нее. Он инстинктивно чувствовал, что ему необходимо как-то перестроить свои отношения с Керри.

— Я надеюсь еще в этом месяце покончить со своими делами, и тогда мы обвенчаемся, — сказал он на следующее утро, снуя из комнаты в комнату и прихорашиваясь перед тем, как отправиться в город. — Как раз вчера я говорил об этом с адвокатом.

— О, это одни слова! — сказала Керри.

Она чувствовала себя теперь настолько сильной, что решила подтрунить над ним.

— Нет, не слова! — воскликнул Друэ с необычным для него жаром и тут же добавил умоляющим тоном: — Почему ты мне не веришь, Керри?

Та лишь рассмеялась в ответ.

— Отчего же — верю! — сказала она через некоторое время.

На сей раз самоуверенность ничем не могла помочь Друэ. Хотя он и был человеком весьма мало наблюда-



тельным, он все же чувствовал, что в последнее время вокруг него происходит что-то непонятное, не поддающееся его разумению. Керри по-прежнему была с ним, но она стала уже не такой беспомощной, как раньше. В ее голосе звучали теперь совсем новые нотки. Она больше не смотрела на него глазами зависимого существа.

У молодого коммивояжера было такое ощущение, словно на него надвигается туча. Это придало новую окраску его чувствам и заставило его осыпать Керри знаками внимания и ласковыми словечками, чтобы как-то защититься от беды.

Вскоре после ухода Друэ Керри начала готовиться к свиданию с Герствудом. Она поспешила привести себя в порядок, и, быстро покончив с этим, сбегала с лестницы. На ближайшем перекрестке она прошла мимо Друэ, но они не видели друг друга.

Друэ забыл захватить какие-то счета, которые ему необходимо было представить в контору, и потому вернулся домой. Быстро поднявшись наверх, он влетел в комнату, но нашел там только горничную, занятую уборкой.

— Гм! — удивился он. — Куда же девалась Керри? Ушла, что ли? — добавил он, обращаясь больше к самому себе.

— Ваша жена? Она ушла минут пять назад.

«Странно! — подумал Друэ. — Она мне ничего не сказала. Куда же это она могла пойти?»

Он порылся в чемодане, нашел нужные ему бумаги и сунул их в карман. Затем обратил свое благосклонное внимание на горничную. Это была хорошенькая девушка, к тому же весьма расположенная к Друэ.

— Ну, а вы что тут делаете? — с улыбкой спросил Друэ.

— Убираю комнату, как видите, — кокетливо ответила она, остановившись и накручивая на руку пыльную тряпку.

— Устали?

— Нет, не особенно.

— Хотите, я покажу вам что-то интересное? — добродушным тоном предложил Друэ.

Подойдя к горничной, он достал из кармана маленькую литографию, которую в виде рекламы выпустила



одна крупная табачная фирма. На открытке была изображена красивая девица с полосатым зонтиком в руках, цвета которого можно было менять с помощью помещенного сзади диска. При вращении этого диска в маленьких прорезах показывались то красные, то желтые, то зеленые, то синие полосы.

— Правда, остроумно? — спросил Друэ, подавая горничной открытку и объясняя, как с ней обращаться. — Вы, наверное, такого еще не видели.

— Прелесть какая! — воскликнула горничная.

— Можете оставить ее себе, если хотите, — сказал молодой коммивояжер. — У вас хорошенькое колечко, — добавил он, помолчав, и указал на простое кольцо, украшавшее палец девушки.

— Вам нравится?

— Очень даже, — ответил Друэ. — Очень красивое кольцо!

Пользуясь случаем, он взял руку девушки, делая вид, будто заинтересован дешевеньким перстнем. Лед был сломан. Друэ продолжал болтать, как будто совсем забыв, что ее пальцы по-прежнему лежат в его руке. Горничная, однако, высвободила руку и, отступив на несколько шагов, оперлась на подоконник.

— Я вас давно не видела, — игривым тоном заметила она, увертываясь от жизнерадостного коммивояжера. — Вы, наверно, уезжали?

— Уезжал, — ответил Друэ.

— И далеко ездили?

— Да, довольно далеко.

— Вам нравится разъезжать?

— Нет, не особенно. Это скоро приедается, должен вам сказать.

— А мне хотелось бы попутешествовать! — сказала девушка, уставясь в окно. — А куда это девался ваш друг, мистер Герствуд? — вдруг спросила она, вспомнив об управляющем баром, который, по ее мнению, был отличным поводом позлословить.

— Он здесь, в городе, — ответил Друэ. — А почему вы о нем спрашиваете?

— Да просто так... Он ни разу не был здесь с тех пор, как вы вернулись.

— А откуда вы его знаете?

— Вот тебе раз! — воскликнула девушка. — Разве я



не докладывала о нем раз десять за один только прошлый месяц?

— Бросьте,— небрежно возразил Друз.— За все время, что мы тут живем, он у нас и пяти раз не был.

— Вы так думаете? — улыбнулась девушка.— Много же вы знаете!

Друз принял более серьезный тон. Он не мог решить, шутит ли горничная, или говорит правду.

— Плутовка! — сказал он.— Почему вы так улыбаетесь? Что это значит?

— О, ничего особенного!

— А вы в последнее время видели его?

— Нет, не видела с тех пор, как вы приехали.

И с этими словами горничная звонко расхохоталась.

— А раньше?

— Ну, еще бы!

— И часто?

— Да почти каждый день!

Девушка была страстной сплетницей, и ей очень хотелось знать, какое действие произведут ее слова.

— К кому же он приходил? — недоверчиво спросил Друз.

— К миссис Друз.

Услышав этот ответ, Друз тупо уставился на горничную.

Однако, чтобы спасти положение и не показаться смешным, он добавил:

— Ну, и что же из этого следует?

— Ровно ничего,— в тон ему ответила горничная и кокетливо склонила голову набок.

— Мистер Герствуд — мой старый друг,— продолжал Друз, все глубже увязая в болото.

За несколько минут до этого он не прочь был немножко пофлиртовать, но теперь у него пропала всякая охота. Он даже облегченно вздохнул, когда снизу кто-то окликнул горничную.

— Я должна идти,— заявила девушка, весело побегав к двери.

— Мы еще увидимся,— ответил Друз, делая вид, будто очень недоволен внезапной помехой.

Когда горничная ушла, он дал волю своим чувствам. На лице его,— которым, кстати, он никогда не умел владеть,— отразились растерянность и недоумение. Воз-



можно ли, чтобы Керри так часто принимала Герствуда и ничего об этом не сказала ему? Неужели Герствуд лгал? И что, собственно, имела в виду горничная?.. Ведь он и сам заметил, что в манерах Керри появилось что-то странное. Почему она так смутилась, когда он спросил ее, сколько раз был у нее Герствуд? Черт возьми, теперь он вспомнил! Тут что-то неладное, во всей этой истории!

Друз сел в качалку у окна, чтобы лучше обдумать положение. Он закинул ногу на ногу и свирепо нахмурился. Мысли с бешеной скоростью проносились у него в голове.

Нет, размышляя он, в поведении Керри нет ничего необыкновенного. Не может быть, черт возьми, чтобы она его обманывала! Она не так вела себя, чтобы ее можно было заподозрить в чем-либо подобном. Ведь еще только вчера она была так мила с ним... И Герствуд тоже. Друз не мог поверить, что его обманывают. Нет, этого никак не может быть!

Его мысли нашли наконец выход в словах:

— Иной раз она и впрямь ведет себя как-то странно. Вот, например, сейчас оделась и ушла, не сказав мне ни слова.

Друз почесал затылок и встал, решив идти в город. Он все еще хмурился. В передней он снова встретился с горничной, которая убирала теперь другую комнату. На голове у нее была изящная белая накладка, возвышавшаяся над добродушным смазливym личиком. Она улыбнулась молодому коммивояжеру, и Друз забыл все свои тревоги.

Как бы приветствуя ее, он мимоходом фамильярно положил ей руку на плечо.

— Перестали сердиться? — спросила девушка, которая все еще не прочь была попроказничать.

— И не думал сердиться.

— А я думала — сердитесь, — сказала она и опять улыбнулась.

— Бросьте дурить, — произнес Друз, стараясь говорить возможно более непринужденно. — Вы это сказали всерьез?

— Конечно! — не задумываясь, ответила девушка.

И добавила с видом человека, не имеющего ни малейшего намерения причинить кому-либо неприятность:



— Я думала, что вы знаете. Он приходил сюда много раз.

Все ясно — его обманывают. Друэ больше не пытался даже изображать равнодушие.

— И он проводил здесь вечера? — спросил коммивояжер.

— Иной раз. А иногда они вместе уходили из дому.

— Тоже вечером?

— Да. Но все-таки вы не должны из-за этого глядеть так сердито.

— Я вовсе не сержусь, — сказал Друэ. — А кроме вас, его видел кто-нибудь еще?

— Ну, конечно! — ответила девушка таким тоном, точно во всем этом не было ничего особенного.

— И давно это было в последний раз?

— Перед самым вашим возвращением.

Друэ нервно закусил губу.

— Не болтайте об этом! Хорошо? — попросил он, дружески пожимая локоть горничной.

— Не буду, — согласилась та. — На вашем месте я не стала бы из-за этого огорчаться, — добавила она.

— Ладно, — сказал Друэ, расставаясь с ней.

Он ушел, весьма озадаченный. Впрочем, это не помешало ему вскользь подумать и о том, что он, видимо, произвел очень выгодное впечатление на хорошенькую горничную.

«Мы с Кэд поговорим об этом! — решил он, чувствуя, что ему нанесли совершенно незаслуженную обиду. — Черт возьми! Мы еще посмотрим, осмелится ли она и дальше так вести себя!»

## ГЛАВА XXI ВЛЕЧЕНИЕ ДУХА. ВОЖДЕЛЕНИЕ ПЛОТИ

(Продолжение)

Когда Керри пришла в парк, Герствуд давно уже ждал ее. Кровь его кипела, нервы были взвинчены. Ему хотелось поскорее увидеть женщину, которая накануне сумела так глубоко взволновать его.



— Наконец-то! — вырвалось у него при виде Керри.

Он с трудом сдерживал себя, но в груди у него расцветала весна, и он испытывал необычайный подъем, не лишенный, впрочем, трагизма.

— Да, это я, — весело отозвалась Керри.

Они пошли по аллее, словно направляясь к заранее намеченной цели. Герствуд упивался близостью молодой женщины. Шуршание ее нарядного платья звучало музыкой в его ушах.

— Вы довольны? — спросил он, подразумевая ее вчерашний успех.

— А вы? — в свою очередь, спросила Керри.

Герствуд крепко сжал пальцы при виде улыбки, которой она наградила его.

— Это было изумительно, — ответил он.

Керри радостно засмеялась.

— Я давно уже не видел такой игры! — добавил Герствуд. Он воскрешал в памяти восторженные впечатления минувшего вечера, и к ним примешивалось радостное сознание, что Керри в эту минуту с ним.

А она наслаждалась тем вниманием, каким окружал ее этот человек. Она оживилась и вся сияла каким-то внутренним светом. В каждом звуке голоса Герствуда она чувствовала, как велико его тяготение к ней.

— Благодарю вас за цветы, — сказала она помолчав. — Они прекрасны!

— Я очень рад, что они вам понравились, — просто ответил Герствуд.

Его не покидала мысль о том, как он еще далек от цели. Ему хотелось говорить о своем чувстве. Казалось, почва была вполне подготовлена. Его Керри шла рядом с ним. Он с радостью немедленно приступил бы к решительному разговору, но, увы, сейчас у него почему-то не хватало слов, и он не знал, с чего начать.

— Вы благополучно добрались до дому? — довольно угрюмо спросил он вдруг. В его голосе теперь звучала жалость к самому себе.

— О да! — беспечно ответила Керри.

Герствуд пристально посмотрел на нее; замедлив шаг, он поистине сверлил ее взглядом.

Волна страсти нахлынула на нее.

— А как будет со мной? — спросил Герствуд.



Этот вопрос смутил Керри. Она поняла, что наступит решительная минута, но не знала, что отвечать.

— Право, не знаю,— сказала она.

Герствуд прикусил губу. Он остановился и стал рассеянно водить по траве носком ботинка. Подняв глаза, он с мольбой и нежностью посмотрел на Керри.

— Неужели вы не уйдете от него? — взволнованно спросил он.

— Не знаю,— ответила Керри, которой казалось, что она бездумно плывет куда-то по воле волн и ей не за что ухватиться.

Надо признать, что она находилась в крайне затруднительном положении. Перед ней стоял человек, который ей очень нравился, который имел на нее сильное влияние — такое сильное, что заставил ее поверить, будто она питает к нему глубокую страсть. Керри по-прежнему находилась в его власти — его пронизательный взгляд, его учтивые манеры, элегантность одежды просто завораживали ее. Она глядела на него и видела перед собой самого обаятельного, самого приятного ей человека, который склонился к ней, переполненный чувством, вызывавшим у нее восторг. Она не могла противостоять его темпераменту, его горящим глазам и не могла не испытывать того, что испытывал он.

И все же ее томили тревожные мысли.

Что Герствуду известно о ней? Что говорил ему про нее Друз? Считает ли Герствуд ее женою молодого коммивояжера? Собирается ли он жениться на ней? Даже слушая его, тая от его слов и глядя на него светившимся нежностью взглядом, она не переставала думать о том, говорил ли ему Друз, что они не женаты? Никогда нельзя предусмотреть, что скажет или сделает Друз.

Однако любовь Герствуда не доставляла ей никаких огорчений. Знал он что-либо или нет, но она никогда не замечала даже тени упрека. Очевидно, он искренен. Страсть его горяча и неподдельна. В его словах чувствовалась сила. Но что же ей делать? Керри не переставала размышлять об этом, не приходя ни к какому определенному решению, наслаждаясь любовью Герствуда и беспомощно барахтаясь во власти потока, уносившего ее в безбрежное море неизвестности.

— Почему вы не уходите от него? — с нежностью сказал Герствуд. — Я обеспечу вас так, что...



— О, не надо! — прервала она его.

— Не надо чего? — спросил он. — Что вы хотите этим сказать, Керри?

На ее лице отразились смутение и горе. Ее как ножом полоснули слова о каком-то «обеспечении» вне крепкой ограды брака.

Герствуд тоже понял, что у него вырвалась чрезвычайно неудачная фраза. Он тщетно пытался взвесить ее последствия, но ничего не мог предугадать. Он продолжал говорить, разгоряченный близостью Керри, и в то же время напряженно обдумывал план действий.

— Почему вы этого не хотите? — снова спросил он, придавая своему голосу особую почтительность. — Ведь вы знаете, что я не могу жить без вас... Вы это знаете... Так больше не может продолжаться... Я думаю, вы и сами это видите.

— Да, не может, — согласилась Керри.

— Я не стал бы просить вас, если бы... я не стал бы уговаривать вас, если бы я мог побороть себя. Взгляните на меня, Керри! Поставьте себя на мое место! Ведь вы не захотите расстаться со мной, правда?

Керри в глубоком раздумье покачала головой.

— В таком случае, почему бы не покончить с этим раз навсегда?

— Не знаю, — тихо произнесла Керри.

— Вы не знаете! Ах, Керри, что заставляет вас так говорить! Не мучайте меня! Говорите серьезно!

— Я говорю серьезно, — ласково отозвалась Керри.

— Нет, этого не может быть, иначе вы бы так не сказали... тем более что вы знаете, как я люблю вас. Вспомните вчерашний вечер.

Герствуд произнес последние слова самым спокойным тоном. Он сейчас прекрасно владел собой. Лишь в глазах его заметно было беспокойство, они горели ярким, всепожирающим огнем. В них сосредоточилось все его внутреннее напряжение.

Керри все еще молчала.

— Как вы можете так относиться к этому, моя радость? — снова начал Герствуд немного спустя. — Ведь вы любите меня, правда?

В голосе его слышалась такая бурная страсть, что Керри была ошеломлена. На миг все ее сомнения рассеялись.



— Да, — искренне и нежно ответила она.

— Тогда уйдем со мной. Хорошо? — горячо заговорил Герствуд. — Сегодня же!

Несмотря на всю свою растерянность, Керри отрицательно покачала головой.

— Я не могу больше ждать! — настаивал Герствуд. — Если не сегодня, то хотя бы в субботу.

— А когда мы обвенчаемся? — робко спросила Керри, совсем забыв от волнения, что Герствуд, как она надеялась, считает ее женой Друэ.

Герствуд слегка вздрогнул, очутившись перед проблемой, еще более тягостной для него, чем для нее. Но он ничем не выдал тех мыслей, которые с молниеносной быстротой возникли у него в уме.

— Когда хотите, — с легкостью ответил он, не желая портить очарование минуты размышлениями об этом проклятом вопросе.

— В субботу? — продолжала Керри.

Герствуд кивнул.

— Если мы в субботу обвенчаемся, я уйду с вами, — сказала Керри.

Герствуд смотрел на свою очаровательную, заманчивую добычу, которую ему так трудно было завоевать, и строил самые странные планы. Его страсть достигла тех пределов, когда человек уже не подчиняется рассудку. Как могли тревожить его всякие мелкие препятствия, если в награду его ждала любовь такой прелестной женщины. Он закрывал глаза на все трудности и не желал отвечать на возражения, которые холодная действительность бросала ему в лицо. В эту минуту он готов был обещать что угодно, предоставив судьбе потом вырывать его. Он решил пробиться в рай, а там — будь что будет. Он должен хоть раз в жизни познать счастье, хотя бы ценою отречения от чести и правды.

Керри с нежностью посмотрела на него. Все устраивалось как нельзя лучше. Ей хотелось положить голову ему на плечо — все это казалось ей таким счастьем.

— Я постараюсь быть готовой к тому времени, — сказала она.

Герствуд любовался ее милым личиком, по которому еще пробегали легкие тени боязни и сомнения, и немного думал при этом, что никогда не видел более очаровательного создания.



— Мы еще завтра встретимся и поговорим о наших планах,— весело сказал он.

Герствуд шел рядом с ней по дорожке, радуясь тому, что произошло. Говорил он мало, но не из слов слагалась та длинная повесть о его радости и нежности, которую он ей поведал. Только через полчаса он вспомнил, что пора расставаться, так как жизнь неумолимо призывала его к исполнению определенных обязанностей.

— До завтра! — сказал он на прощанье, стараясь держаться бодро и непринужденно.

— До завтра! — отозвалась Керри и весело пошла прочь.

Последний час принес ей бездну блаженства, и она уже не сомневалась в том, что по-настоящему любит Герствуда. Она даже вздохнула, вспоминая своего красивого поклонника. Да, она будет готова к субботе, она уйдет с ним, и они будут счастливы!

## ГЛАВА XXII

### ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА. СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ

Неприятности в семье Герствуда объяснялись тем, что ревность, рожденная любовью, не умерла вместе с нею, а продолжала жить в душе миссис Герствуд и при соответствующих условиях могла в любую минуту обратиться в ненависть. По своим физическим данным Герствуд все еще был достоин той любви, которую жена когда-то питала к нему, хотя в характере его она и разочаровалась. Что касается его, то он перестал быть внимательным к ней, а это для женщины хуже, чем явное прегрешение. Любовь к себе подсказывает нам, как следует расценивать другого человека, что должно в нем считать хорошим и что дурным, и миссис Герствуд начала видеть в равнодушии мужа многое такое, чего на самом деле вовсе не было. Ей чудились какие-то козни в его поступках и словах, которые объяснялись лишь тем, что он утратил к ней интерес. В конце концов она стала злопамятной и подозрительной. Ревность побуждала ее отмечать малейшее невнимание со стороны мужа,



по-прежнему блиставшего элегантною и непринужденностью манер. По тому, с какой тщательностью и вниманием он следил за своей внешностью, легко было понять, что он отнюдь не потерял интереса к жизни. В каждом его движении, в каждом взгляде сквозили отблески той радости, что доставляла ему Керри, а борьба за эту новую радость придала его жизни приятную остроту. И миссис Герствуд почуяла перемену, подобно тому, как зверь издавек чувствует опасность.

Это ощущение усиливалось благодаря поведению Герствуда, натуры прямой и, конечно, более сильной. Мы уже видели, с каким раздражением он уклонялся от обычно возлагаемых на мужа мелких обязанностей, не находя в них теперь ничего приятного, и как в последнее время он начал просто огрызаться в ответ на язвительные замечания жены. Эти мелкие стычки питались тем взаимным недовольством, которым была насыщена домашняя атмосфера.

Вполне понятно, что с неба, застланного такими грозowymi тучами, рано или поздно должен был хлынуть ливень. Однажды утром миссис Герствуд, взбешенная явным и полным равнодушием мужа к ее планам, отправилась из столовой к Джессике, которая сидела у себя в комнате перед зеркалом и лениво расчесывала волосы. Герствуд уже успел уйти из дому.

— Я очень просила бы тебя не запаздывать так к завтраку! — сказала миссис Герствуд, усаживаясь в кресло с корзиночкой для шитья в руках. — На столе уже все остыло, а ты еще не ела.

Обычно весьма сдержанная, миссис Герствуд была сильно возбуждена, и Джессике суждено было ощутить на себе последние порывы шторма.

— Я не голодна, мама, — спокойно ответила она.

— В таком случае ты могла бы раньше сказать об этом! — отрезала миссис Герствуд. — Горничная убрала бы со стола вместо того, чтобы ждать тебя все утро!

— Она на меня не сердится, — сухо бросила Джессика.

— Зато я сержусь! — повысила голос мать. — И вообще мне не нравится твоя манера разговаривать со мной! Ты еще слишком молода, чтобы говорить с матерью таким тоном!



— О, мама, ради бога, не кричи,— сказала Джессика.— Что с тобой сегодня?

— Ничего! И я вовсе не кричу. А ты не думай, что если я иной раз потакаю тебе, то тебя все обязаны ждать! Я этого не допущу!

— Я никого не заставляю ждать! — резко ответила Джессика, переходя от пренебрежительного равнодушия к энергичной самозащите.— Я же сказала — я не голодна и не желаю завтракать.

— Не забывай, с кем ты разговариваешь! — в бешенстве крикнула миссис Герствуд.— Я не потерплю такого тона, слышишь? Не потерплю!

Последние слова донеслись до Джессики уже издали, так как она тут же вышла из комнаты, шурша юбками, гордо откинув голову и всем своим видом показывая, что она человек независимый и ей нет никакого дела до настроения матери. Спорить с ней дочь не желала.

В последнее время такие размолвки участились. Они были неизбежны при совместной жизни слишком эгоистичных и самоуверенных натур. Сын проявлял еще большую щепетильность в вопросах личной независимости и старался на каждом шагу показать, что он взрослый мужчина, а это, конечно, было в высшей степени необоснованно и глупо, так как ему шел лишь двадцатый год.

Герствуд привык к общему уважению, и его, человека довольно тонкого, очень раздражало, что он окружен людьми, для которых его авторитет перестал существовать и которых он с каждым днем понимал все меньше и меньше.

И теперь, когда стали возникать всякие мелкие недоразумения, вроде размолвки, например, которая произошла из-за желания миссис Герствуд выехать в Вокишу пораньше, он яснее осознал свое положение. Теперь уже не он руководил, а им руководили, и когда к тому же он то и дело сталкивался со вспышками раздражения, когда он видел, что на каждом шагу стараются умалить его авторитет и вдобавок награждают его моральными пинками — пренебрежительной усмешкой или ироническим смехом,— тогда он тоже переставал владеть собой. Его охватывал с трудом сдерживаемый гнев, и он мечтал развязаться со своим домом, который казал-



ся ему раздражающей помехой на пути к осуществлению его желаний и планов.

Несмотря на все это, он сохранял видимость главенства и контроля, хотя жена всячески старалась бунтовать. Впрочем, миссис Герствуд устраивала сцены и открыто восставала против мужа лишь потому, что считала это своим правом. У нее не было никаких фактов, которыми она могла бы оправдать свои поступки, никаких точных сведений, которые она могла бы использовать как козырь против мужа. Недоставало лишь явно-го, неопровержимого доказательства, холодного дуновения, чтобы нависшие тучи подозрений разразились ливнем безудержного гнева.

Однако вскоре миссис Герствуд случайно напала на след тайных походов мужа. Доктор Биэл, красивый мужчина, живший по соседству с Герствудами, встретил миссис Герствуд у ее дома спустя несколько дней после того, как управляющий баром катался с Керри в экипаже по бульвару Вашингтона. Доктор Биэл, случайно проезжавший той же дорогой, узнал Герствуда, лишь когда они уже разъехались в разные стороны. Что же касается Керри, то он не разглядел ее и думал, что это жена Герствуда или его дочь.

— Вы что же, перестали здороваться со знакомыми, когда встречаете их на прогулке? — шутиливо обратился он к миссис Герствуд.

— Если я их замечаю, то здороваюсь, — ответила миссис Герствуд. — Где же вы меня видели?

— На бульваре Вашингтона, — произнес доктор Биэл.

Он ожидал, что в ее глазах мелькнет воспоминание. Но она лишь покачала головой.

— Около Гойн-авеню, — попытался напомнить ей доктор. — Вы были с мужем.

— Мне кажется, что вы ошибаетесь, — ответила миссис Герствуд.

Но когда он упомянул о ее муже, в ней сразу зародились подозрения, которые она, впрочем, ничем не выдала.

— Я уверен, что видел вашего мужа, — продолжал доктор. — Но, возможно, это были не вы, а ваша дочь. Тут я не совсем уверен.



— Вполне возможно, что это была она,— поспешила согласиться миссис Герствуд, отлично зная, что такого случая не было: Джессика уже несколько недель никуда не выезжала без нее.

Миссис Герствуд успела настолько овладеть собой, что тут же попыталась выведать какие-нибудь подробности.

— Когда же это было? Днем? — спросила она, искусно разыгрывая равнодушие и делая вид, будто кое-что знает об этом.

— Да, часа в два или три.

— В таком случае это была Джессика,— сказала миссис Герствуд, не желая показывать, что придает какое-либо значение этому инциденту.

Доктор Биэл, со своей стороны, тоже сделал кое-какие выводы, но прекратил разговор, считая, что продолжать его не стоит.

А миссис Герствуд в течение нескольких часов и даже дней ломала голову над полученными сведениями. Она нисколько не сомневалась, что доктор Биэл в самом деле встретил ее мужа, который с кем-то катался в экипаже по бульвару,— по-видимому, с посторонней женщиной. А своей жене между тем он говорил, что страшно занят.

Миссис Герствуд с нарастающим гневом принялась вспоминать, сколько раз муж отказывался сопровождать ее в гости или участвовать в тех или иных развлечениях, разнообразивших ее жизнь. Его видели в театре с какими-то людьми, которые, по его словам, были друзьями владельцев бара. Теперь его видели, когда он катался по бульвару с какой-то женщиной, и, надо полагать, у него и для этого готово какое-нибудь объяснение! Возможно даже, что были и другие женщины, о которых она не слыхала, иначе чем же объяснить, что он в последнее время все отговаривается делами и проявляет такое равнодушие к событиям семейной жизни? За последние несколько недель он стал страшно раздражителен и все время норовит куда-нибудь уйти, нисколько не интересуясь, все ли благополучно дома. В чем же дело?

Миссис Герствуд вспомнила также — и немало была взволнована этой мыслью,— что Герствуд больше не смотрел на нее так, как бывало раньше, и в его взгля-



де уже не бывало удовлетворения или одобрения. Очевидно, помимо всего прочего, он находил, что она стареет и становится неинтересной. Быть может, он стал замечать ее морщинки. Она увядает с каждым днем, между тем как он сохранил еще всю элегантность и молодость. Он по-прежнему остался душой общества во всевозможных развлечениях, а она... Миссис Герствуд больше не хотела думать об этом. Она только сознавала, что находится в весьма печальном положении, и поэтому еще больше ненавидела мужа.

Инцидент с доктором Биэлом не повлек за собой пока никаких последствий, так как миссис Герствуд не имела никаких доказательств, которые дали бы повод завести разговор с мужем. Но атмосфера недоверия и взаимной неприязни все сгущалась и время от времени порождала легкие шквалы раздражения и вспышки гнева. Вопрос о поездке на курорт Вокиша был лишь звеном в длинной цепи подобных столкновений.

На следующий день после выступления Керри в клубе общества Лосей миссис Герствуд и Джессика поехали на бега с молодым Тэйлором, сыном крупного поставщика мебели. Они выехали рано и случайно повстречали знакомых Герствуда, тоже «Лосей», двое из которых присутствовали накануне на спектакле. Не будь Джессика так увлечена своим молодым спутником, вопрос о спектакле, возможно, вовсе не был бы поднят. Но так как юный Тэйлор не обращал никакого внимания на миссис Герствуд, последняя вынуждена была вступить в короткий разговор с раскланивавшимися с нею знакомыми, а короткий разговор превратился в длинный, и она услышала весьма интересную новость.

— Жаль, что вас не было вчера на нашем маленьком спектакле,— сказал джентльмен в красивом спортивном костюме и с биноклем через плечо.— Очень жаль!

Миссис Герствуд в недоумении уставилась на него. О чем он говорит? Она не была на каком-то спектакле? На спектакле, о котором она даже не слыхала! С ее уст чуть было не сорвалось: «А что там было?» — но тут ее собеседник добавил:

— Вашего мужа я там видел.

Недоумения как не бывало,— ее охватили жгучие подозрения.



— Да,— осторожно сказала она.— И что же, было интересно? Муж лишь вкратце рассказал мне об этом.

— Очень интересно! Один из лучших любительских спектаклей, на которых я когда-либо присутствовал. Там выступала одна артистка, которая нас всех поразила.

— Вот как! — произнесла миссис Герствуд.

— Да, жаль, что вы не могли прийти. Я был огорчен, когда узнал, что вы плохо себя чувствуете.

«Плохо себя чувствую!» Миссис Герствуд была так ошеломлена, что чуть не повторила эти слова вслух. Она с трудом подавила желание опровергнуть ложь и расспросить собеседника, и почти проскрежетала:

— Да, мне тоже очень жаль.

— По-видимому, сегодня на бегах будет много народу,— продолжал человек с биноклем, переводя разговор на другую тему.

Жена управляющего баром очень хотела бы продолжить расспросы, но ей больше не представилось удобного случая.

Миссис Герствуд совсем растерялась. Ей хотелось все как следует обдумать, она не могла понять, что заставило мужа объявить ее больной, когда она была совершенно здорова. Вот еще одно доказательство, что ее общество нежелательно Герствуду и он придумывает всевозможные причины для объяснения ее отсутствия. Она твердо решила подробнее разузнать об этом деле.

— Вы были вчера на спектакле? — спросила она одного из друзей Герствуда, который подошел поздороваться с нею, когда она уже сидела в ложе.

— Да,— ответил тот.— Очень жаль, что вас не было.

— Я себя неважно чувствовала,— пояснила миссис Герствуд.

— Да, ваш муж говорил мне. Очень интересный спектакль. Играли гораздо лучше, чем я ожидал.

— Было много народу?

— Полным-полно! — воскликнул собеседник.— Настоящее празднество «Лосей». Я видел многих из наших общих знакомых. Миссис Гаррисон, миссис Барнс, миссис Коллинс.

— Весь цвет общества.



— Совершенно верно. Моя жена получила большое удовольствие.

Миссис Герствуд прикусила губу.

«Вот оно что! — подумала она. — Так-то он поступает. Рассказывает друзьям, что я больна и не могу прийти».

Миссис Герствуд задумалась. Что могло побудить ее мужа пойти без нее? Тут что-то неладно. Она тщетно ломала голову над этой загадкой.

Вечером, когда Герствуд вернулся домой, она была в том мрачном состоянии, когда хочется лишь одного — допытаться и мстить. Она во что бы то ни стало решила узнать, что означает его странное поведение. Миссис Герствуд была убеждена, что за всем этим таится гораздо больше, чем она слышала. К недоверию и злости, еще не утихшей в ней после утренней ссоры, прибавилось ядовитое любопытство.

Олицетворением надвигающейся катастрофы ходила она по дому, с глазами, обведенными темными тенями, и гневной складкой у жесткого рта.

А Герствуд, что вполне понятно, пришел домой в самом радужном настроении. Под впечатлением свидания с Керри и ее согласия он готов был петь от радости. Он гордился собою, гордился своим успехом, гордился своей Керри. Он готов был обнять весь мир, и в эту минуту не испытывал ни малейшей неприязни к жене. Ему хотелось быть добрым, забыть о ее присутствии и жить в атмосфере вновь возвращенной молодости и радости.

Поэтому дом показался в этот вечер Герствуду каким-то особенно светлым и приятным. В передней он нашел вечернюю газету, — горничная положила ее на место, а жена забыла ее взять. В столовой сверкал покрытый белоснежной скатертью стол, уставленный фарфором и хрусталем. Через открытую дверь Герствуд заглянул на кухню, где в плите трещал огонь и готовился ужин. На маленьком дворике Джордж-младший возился со щенком, которого он недавно приобрел. Джессика играла на рояле в гостиной, и звуки веселого вальса отдавались в каждом уголке комфортабельной квартиры.

Герствуду казалось, что все обитатели дома, как и он сам, в хорошем настроении, что все склонны радоваться и веселиться. Ему хотелось сказать каждому что-нибудь



приятное. Он с удовольствием оглядел накрытый стол и полированную мебель, затем поднялся в гостиную, чтобы сесть в удобное кресло у открытого окна и просмотреть газету.

В гостиной он застал миссис Герствуд, которая поправляла прическу и, видимо, была всецело поглощена своими думами. Герствуд хотел загладить то неприятное впечатление, которое, возможно, осталось у его жены после утренней ссоры, и ждал лишь случая, чтобы сказать несколько ласковых слов или же дать согласие на то, что от него потребуют. Но миссис Герствуд упорно молчала. Ее муж сел в большое кресло, устроился поудобнее, развернул газету и приступил к чтению. Через несколько секунд он уже улыбался, увлекшись забавным описанием матча в бейсбол между командами Чикаго и Детройта.

А пока он читал, миссис Герствуд украдкой наблюдала за ним в висевшем напротив зеркале. Она заметила благодушное настроение мужа, его веселую улыбку, и это вызвало в ней еще большее раздражение. Как он смеет вести себя так в ее присутствии после такого цинического равнодушия и пренебрежения, с каким он относился к ней и будет относиться до тех пор, пока она станет это терпеть! Она заранее предвкушала удовольствие, думая о том, как она выложит ему все, что накопилось у нее на душе, как будет отчеканивать каждое слово своего обвинительного акта, как будет бичевать виновного, пока не получит полного удовлетворения! Сверкающий меч ее гнева висел на волоске над головой мужа.

А он тем временем наткнулся на потешную заметку об одном иностранце, который прибыл в город и попал в какую-то историю в игорном притоне. Это развеселило Герствуда, и, повернувшись в кресле, он рассмеялся. Ему очень хотелось как-то привлечь внимание жены, чтобы прочесть ей заметку.

— Ха-ха-ха! Вот это здорово! — воскликнул он.

Но миссис Герствуд продолжала приглаживать волосы и не обращала на мужа ни малейшего внимания.

Герствуд переменял позу и стал читать дальше. Наконец он почувствовал, что должен что-то сказать или сделать, как-то излить свое хорошее настроение. Джулия, очевидно, еще не в духе из-за утренней размолвки.



Ну, это легко уладить. Конечно, она не права, но это несущественно. Пусть себе едет в Вокишу хоть сейчас, если ей этого так хочется, и чем скорее, тем лучше. Он так и скажет ей при первом же удобном случае, и все пройдет.

— Ты обратила внимание,— начал он, пробежав другую заметку в газете,— против железной дороги «Иллинойс-Сентрал» начат процесс: хотят заставить ее очистить набережную? Ты читала, Джулия?

Миссис Герствуд стоило большого труда ответить.

— Нет,— резким тоном произнесла она.

Герствуд насторожился. В голосе жены ему послышалась какая-то опасная нотка.

— Давно пора! — продолжал он, обращаясь больше к самому себе, нежели к жене, ибо в ее поведении ему почудилось что-то неладное.

Он снова взялся за чтение, в то же время прислушиваясь к малейшему звуку в комнате и стараясь угадать, что будет дальше.

По правде говоря, человек, столь умный, наблюдательный и чуткий, как Герствуд, не стал бы вести себя подобным образом с раздраженной женой, не будь он всецело поглощен другими мыслями. Если бы не Керри, если бы не его восторженное состояние от ее согласия, он не видел бы своего дома в таком приятном свете. Вовсе не дышал его дом в этот вечер уютом и весельем. Просто Герствуд глубоко ошибся, и ему гораздо легче было бы бороться с надвигавшейся грозой, вернись он домой в обычном настроении.

Почитав еще несколько минут, Герствуд решил, что надо так или иначе сдвинуть дело с мертвой точки. Жена, по-видимому, не намерена так легко идти на мировую. Поэтому он сделал первый шаг.

— Откуда у Джорджа взялся этот пес, с которым он играет во дворе? — спросил он.

— Не знаю,— отрезала миссис Герствуд.

Герствуд опустил газету на колени и стал рассеянно глядеть в окно. «Не надо выходить из себя,— мысленно решил он.— Нужно быть настойчивым и любезным и как-нибудь поддипломатичнее наладить отношения».

— Ты все еще сердишься из-за того, что произошло утром? — сказал он наконец.— Не стоит из-за это-



го ссориться. Ты можешь поехать в Вокишу, когда тебе будет угодно.

Миссис Герствуд круто повернулась к нему.

— Чтобы ты мог остаться здесь и кое за кем уживаться, не так ли? — со злобой и ехидной усмешкой выпалила она.

Герствуд оцепенел, словно получив пощечину. Все его примирительное настроение мигом испарилось, и он занял оборонительную позицию, подыскивая слова для ответа.

— Что ты хочешь этим сказать? — произнес он наконец, выпрямляясь и пристально глядя на холодную, преисполненную решимости жену.

Но миссис Герствуд, как будто ничего не замечая, продолжала приводить себя в порядок перед зеркалом.

— Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать, — ответила она таким тоном, точно у нее был в запасе целый ворох доказательств, которые она пока еще не считала нужным приводить.

— Представь себе, что не знаю, — упрямо стоял на своем Герствуд, однако насторожившись и нервничая.

Решительный тон жены лишил его чувства превосходства в этой битве.

Миссис Герствуд ничего не ответила.

— Гм! — пробормотал Герствуд, склоняя голову набок.

Это беспомощное движение только показало его неуверенность в себе. Жена повернулась к нему, точно разъяренный зверь, готовясь нанести решительный удар.

— Я требую денег на поездку в Вокишу завтра же утром! — заявила она.

Герствуд в изумлении смотрел на нее. Никогда еще не видел он в глазах жены такой холодной, стальной решимости, такого жестокого равнодушия к нему. Она отлично владела собой и, по-видимому, твердо решила вырвать власть в доме из его рук. Герствуд почувствовал, что у него не хватит сил для обороны. Он должен немедленно перейти в атаку.

— Что это значит? — воскликнул он, вскакивая. — Ты требуешь?! Что с тобой сегодня?

— Ничего! — вспыхнула миссис Герствуд. — Я желаю получить деньги. Можешь потом распускать хвост перед кем хочешь.



— Это еще что такое?! Ничего ты от меня не получишь! Изволь объяснить, что значат твои намеки?

— Где ты был вчера вечером? — выкрикнула миссис Герствуд, и слова ее, точно горячая лава, полились на голову Герствуда. — С кем это ты катался по бульвару Вашингтона? С кем ты был в театре, когда Джордж видел тебя в ложе? Что же, ты думаешь, я дура? Меня можно водить за нос? Уж не полагаешь ли ты, что я по целым дням буду сидеть дома и мириться с твоим «я занят» и «мне некогда», в то время как ты веселишься и рассказываешь всем, будто я нездорова и не выхожу из дому? Так позволь тебе вот что сказать: довольно с меня дипломатических разговоров! Я не позволю тебе тиранить меня и детей. У меня с тобой счеты покончены раз навсегда!

— Все это ложь! — крикнул Герствуд.

Он был загнан в тупик и не знал, что сказать.

— Ложь, да? — в бешенстве повторила миссис Герствуд, но тотчас же несколько овладела собой. — Можешь называть это ложью, если тебе угодно, но я знаю, что это правда!

— А я говорю — ложь! — глухим и хриплым голосом огрызнулся муж. — Ты, видно, месяцами рыскала по городу в поисках гнусных сплетен и теперь воображаешь, что поймала меня. Хочешь пустить в ход подобную выдумку и таким способом забрать меня в руки? Но я тебе говорю, что этого не будет! Пока я нахожусь в этом доме, я здесь хозяин. Поняла? И я не позволю собой командовать.

Он медленно надвигался на жену; в глазах ее горел зловеющий огонь. В этой женщине было что-то до того бездушное, наглое и заносчивое, такая уверенность в конечной победе, что Герствуд на миг ощутил желание задушить ее.

А миссис Герствуд смотрела на него в упор холодным, саркастическим взглядом удава.

— Я не командую тобой, — ответила она. — Я говорю тебе, чего я хочу.

Эти слова были произнесены таким ледяным тоном, с такой заносчивостью, что Герствуд опешил. Он был не в силах перейти в наступление и требовать у нее доказательств. Он чутьем догадывался, что доказательства у нее есть, что закон будет на ее стороне, вдобавок



враждебный взгляд жены напомнил ему о том, что все его состояние переписано на ее имя. В эту минуту Герствуд был похож на могучий и грозный корабль, лишившийся парусов и отданный во власть волн.

— А я тебе говорю,— сказал он, тоже приходя в себя,— что ты этого не добьешься!

— Ну, это мы еще посмотрим! — произнесла миссис Герствуд.— Я выясню свои права. Если ты не хочешь говорить со мной, то, может быть, поговоришь с моим адвокатом.

Миссис Герствуд великолепно играла свою роль, и ее слова оказали свое действие. Герствуд чувствовал, что потерпел полное поражение. Он понял, что имеет дело отнюдь не с пустой похвалой. Ему стало ясно, что он стоит перед чрезвычайно тяжелой проблемой. Он не знал, как продолжать разговор. Вся сегодняшняя радость исчезла. Герствуд был встревожен, озлоблен и глубоко несчастлив. Что он должен теперь делать?

— Поступай, как тебе угодно,— сказал он наконец.— Я не желаю иметь с тобой ничего общего.

И с этими словами он вышел из комнаты.

## ГЛАВА XXIII

### ДУШЕВНЫЕ МУКИ.

### ЕЩЕ ОДНА СТУПЕНЬ ПОЗАДИ

К тому времени, когда Керри добралась домой, ее снова стали терзать сомнения и опасения, всегда возникающие при недостатке решимости. Она никак не могла убедить себя, что поступила правильно, дав Герствуду обещание, и не знала, должна ли теперь сдержать свое слово. В его отсутствие она перебрала в уме все случившееся и обнаружила много таких препятствий, которые раньше, во время пылких объяснений Герствуда, не приходили ей в голову. Сейчас она сообразила, в какое двусмысленное положение поставила себя, согласившись выйти замуж за Герствуда, когда тот должен был считать ее замужней женщиной. Вспомнила она и многое из того, что сделал для нее в свое время молодой коммивояжер, и подумала, что с ее стороны было бы очень некрасиво уйти от него, не сказав ни слова. А кроме



того, что будет дальше? Сейчас она живет в уюте и комфорте, а это весьма убедительный аргумент для человека, который боится жизни.

«Ведь ты не знаешь, что тебя ждет,— шептал ей внутренний голос.— На свете много бедствий. За стенами этого дома много несчастных женщин. Там люди ходят, протягивая руку за куском хлеба. Никогда нельзя знать, что случится с тобою. Вспомни-ка время, когда ты, голодная, бродила по городу. Не упускай того, что у тебя есть!»

Как ни странно, но, несмотря на чувства, которые Керри питала к Герствуду, ему не удалось подчинить ее себе. Она слушала, улыбалась, одобряла его намерения и все же окончательно не соглашалась. Очевидно, Герствуду не хватало силы воли, а страсти его — той мощи, которая отбрасывает в сторону разум, разбивает вдребезги все теории и доводы и на время отнимает всякую способность логического мышления. Почти каждому мужчине дано раз в жизни зажечься такой могучей страстью, но обычно это бывает лишь в молодости, и тогда возникает счастливый союз.

Герствуд, человек уже зрелый, не сохранил этого огня юности, хотя и был сейчас охвачен пылкой, безрассудной страстью. Эта страсть была достаточно сильна, чтобы вызвать в Керри влечение к нему, пожалуй, даже заставить ее вообразить, будто она любит его. Это нередко случается с женщинами, и причиной тому служит их склонность к любви и жажда радости сознавать, что они любимы. Желание быть под надежной защитой, являться предметом нежных забот, встречать во всем сочувствие — неотъемлемая черта женского характера. А если к этому примешивается еще природная эмоциональность, то женщине бывает трудно отказать мужчине, и поэтому ей кажется, что она влюблена.

Вернувшись домой, Керри переделалась и стала приводить в порядок комнату, так как уборка, которую производила горничная, не удовлетворяла ее. Особенно это относилось к манере горничной расставлять мебель. Например, она неизменно задвигала в угол комнаты качалку, которую Керри любила ставить у окна. Сегодня она, поглощенная своими мыслями, не сразу заметила, что качалка не на своем месте. Часов около пяти пришел Друз. Он был в весьма возбужденном состоянии. Твер-



до решив узнать правду об отношениях между Керри и Герствудом, Друэ весь день ломал над этим голову и потому чувствовал себя усталым и хотел поскорей покончить с этим. Он не предвидел каких-либо серьезных осложнений, но все-таки не решался начать разговор.

Керри, утомленная собственными раздумьями, сидела у окна и, покачиваясь в качалке, глядела на улицу.

— Что ты сегодня так мечешься? — невинным тоном спросила она, удивленная торопливыми движениями и плохо скрываемым волнением Друэ.

Друэ все еще колебался. Сейчас, в присутствии Керри, он не мог решить, как ему держать себя. Он не был дипломатом. Он не умел читать чужие мысли и вообще не был наблюдателем.

— Когда ты пришла домой? — с глупым видом спросил он.

— С час назад, — ответила Керри. — А почему ты спрашиваешь?

— Мне пришлось вернуться утром, и я не застал тебя, — продолжал Друэ. — Значит, ты куда-то уходила.

— Да, я вышла погулять, — просто ответила Керри.

Друэ смотрел на нее растерянно. Несмотря на то, что самолюбие его в подобных случаях обычно молчало, он все же не решался приступить к делу. Однако он так пристально глядел на Керри, что та наконец не выдержала.

— Почему ты так уставился на меня? — спросила она. — Что случилось?

— Ничего, — ответил Друэ. — Я только думал...

— Что ты думал? — с улыбкой спросила она, удивленная его странным поведением.

— Нет, ничего, ничего особенного.

— Почему же ты так странно смотришь на меня? — снова спросила она.

Друэ стоял у туалетного столика, и вид у него был очень комичный. Он повесил шляпу, положил перчатки и теперь перебирал всевозможные вещицы на туалетном столе, не зная, как начать разговор. Ему не хотелось верить, что эта красивая женщина замешана в столь неприятной для него истории. Он склонен был думать, что в конце концов ничего плохого не произошло. И все же в голове у него крепко засели слова горничной. Ему



хотелось начать разговор без обиняков, но он не знал, как это сделать.

— Куда же ты ходила утром? — нерешительно спросил он.

— Я уже говорила тебе, что вышла погулять, — ответила Керри.

— Это правда?

— Ну, конечно, правда! А почему ты спрашиваешь?

Керри стала догадываться, что Друэ кое-что знает. Она внутренне насторожилась, и щеки ее слегка побледнели.

— Я думал, что это, может быть, и не так, — произнес Друэ, которому никак не удавалось хотя бы на йоту продвинуться к цели.

Керри глядела на него, и постепенно к ней возвращалась смелость, которая на время совсем было покинула ее. Она видела, что Друэ колеблется, и с чисто женской интуицией поняла, что оснований для особой тревоги нет.

— Почему ты так разговариваешь со мной? — спросила она, наморщив хорошенький лобик. — Ты так смешно ведешь себя сегодня!

— Я и чувствую себя в смешном положении, — отозвался он.

Секунду они молча смотрели друг другу в глаза. Наконец Друэ набрался храбрости и сделал решительный шаг.

— Что у тебя с Герствудом, хотел бы я знать? — спросил он.

— У меня с Герствудом? — спросила Керри. — Что ты хочешь этим сказать?

— А разве он не приходил сюда без конца, когда меня не было в городе?

— Без конца?! — дрогнувшим голосом повторила Керри. — Нет, я тебя совершенно не понимаю.

— Мне сказали, что ты с ним ездила кататься, что он приходил сюда каждый вечер.

— Ничего подобного! — воскликнула Керри. — Это неправда! Кто тебе это сказал?

Она покраснела до корней волос, но сумерки мешали Друэ разглядеть ее лицо. Видя, что Керри только отпирается, он вновь обрел уверенность.



— Не все ли равно кто,— заявил он.— Правда ли, что этого не было?

— Разумеется! — ответила она.— Ты же знаешь, сколько раз он был здесь.

Друэ снова задумался.

— Я знаю только то, что ты мне говорила,— ответил он наконец.

Он нервно зашагал по комнате, а Керри в смятении следила за ним.

— Но я тебе не говорила ничего подобного,— сказала она, немного овладев собой.

— На моем месте,— продолжал Друэ, оставляя без внимания ее последние слова,— на моем месте я не стал бы связываться с ним. Ведь он женат.

— Кто... кто женат? — запинаясь, переспросила Керри.

— Как кто? Герствуд, конечно,— ответил Друэ.

От него не укрылось то впечатление, которое произвели его слова.

— Герствуд!.. — воскликнула, вскакивая, Керри.

Она то краснела, то бледнела. Ошеломленная, она не в состоянии была разобраться в том, что происходит у нее в душе; комната ходуном ходила перед ее глазами.

— Кто тебе сказал, что он женат? — спросила Керри, совсем забывая о том, что выдает себя, проявляя к этому такой интерес.

— Да я сам знаю,— ответил Друэ.— Мне это давно известно.

Керри тщетно пыталась собраться с мыслями. Вид у нее был жалкий и растерянный, но вместе с тем в душе ее шевелились чувства, ничего общего не имеющие с гибельной трусостью.

— Мне казалось, я говорил тебе об этом,— добавил Друэ.

— Нет, ты мне ничего подобного не говорил! — возразила Керри, вновь обретая дар речи.— Ты ничего подобного не говорил! — еще раз повторила она.

Друэ в изумлении слушал ее. Это было что-то новое.

— А мне казалось, я говорил,— сказал он.

Керри угрюмо обвела глазами комнату и подошла к окну.

— Ты не должна была заводить с ним шашни после всего, что я для тебя сделал,— обиженным тоном произнес Друэ.



— Ты? — воскликнула Керри. — Ты?! А что ты такое для меня сделал?

В ее маленькой головке теснилось множество противоречивых мыслей, порождавших столь же противоречивые чувства. И стыд от сознания, что ее изобличили во лжи, и негодование на коварство Герствуда, и озлобление против Друэ, сделавшего ее посмешищем в собственных глазах. Одно было ясно: во всем виноват Друэ. В этом не могло быть никакого сомнения. Зачем он привел к ней этого Герствуда, женатого человека, ни словом не предупредив ее? Но не о Герствуде и о его вероломстве надо сейчас думать, — а вот почему Друэ так поступил с нею? Почему он вовремя не предостерег ее? И теперь он, обманувший ее доверие, смеет еще стоять перед ней и говорить о том, что он для нее сделал!

— Вот это мне нравится! — воскликнул Друэ, далеко не отдавая себе отчета в том, какую бурю вызвали его слова в душе Керри. — По-моему, я очень многое для тебя сделал.

— По-твоему? Вот как? — отозвалась Керри. — Ты обманул меня — вот что ты сделал. Ты приводишь сюда своих приятелей и выставляешь их передо мной в ложном свете. А меня выдаешь за... О!

Голос Керри сорвался, и она трагическим жестом сжала руки.

— Но все-таки я не вижу, какая между этим связь? — сказал Друэ, окончательно растерявшись.

— Ты не видишь? — сказала Керри, овладев собой и крепко стиснув зубы.

— Конечно, ты не видишь! — продолжала она. — Ты вообще ничего не видишь. Ты не мог вовремя предупредить меня, да? Ты молчал до тех пор, пока не стало поздно. А теперь ты еще шпионишь за мной, собираешь сплетни и еще говоришь, что ты для меня много сделал!

Друэ и не подозревал, что Керри способна на подобные вспышки. Она пылала от негодования, глаза ее метали искры, губы дрожали, и все тело трепетало от обиды, которая, по ее мнению, была ей нанесена.

— Кто за тобой шпионит? — пробормотал Друэ; он смутно сознавал, что виноват, но в то же время был вполне уверен, что с ним поступили очень плохо.



— Ты! — бросила ему в ответ Керри.— Ты отвратительный, самовлюбленный трус, вот ты кто! Будь в тебе хоть что-то от настоящего мужчины, тебе бы и в голову не пришло так поступать!

Друэ даже рот раскрыл от изумления.

— Я не трус! — ответил он.— И я желаю знать, почему ты шляешься по городу с другими мужчинами.

— С другими мужчинами! — воскликнула Керри.— С другими мужчинами! Ты прекрасно знаешь, с каким мужчиной! Я часто выходила с мистером Герствудом, но кто в этом виноват? Разве не ты привел его сюда? Разве не ты предлагал ему навещать и развлекать меня, когда ты уезжаешь? А теперь, после всего этого, ты приходишь и заявляешь, что я не должна выходить с ним, что он женатый человек!

Произнеся последние два слова, Керри внезапно прервала свою речь и снова заломила руки. Мысль о коварстве Герствуда ранила ее, как острый нож.

— О!..— всхлипнула она, но прекрасно справилась с собой и не пролила ни слезинки.

— Вот уж не думал, что ты начнешь шляться с ним, когда меня нет в городе! — сказал Друэ.

— Ты не думал! — язвительным тоном повторила Керри, до глубины души возмущенная поведением этого человека.— Конечно, ты не думал! Ты ни о чем другом, кроме своего удовольствия, не думал. Ты полагал, что тебе удастся сделать из меня игрушку, что я буду для тебя приятной забавой! Так вот я тебе докажу, что этого не будет! С этой минуты я не желаю иметь с тобой ничего общего! Можешь получить назад свои дрянные подарки и хранить их на память!

Сорвав с груди маленькую брошку, Керри с силой швырнула ее на пол и забегала по комнатам, собирая кое-какие вещицы, которые принадлежали ей.

Друэ, несмотря на свою злость, смотрел на Керри, как зачарованный.

— Не пойму, почему ты бесишься? — наконец сказал он изумленно.— Вся правда на моей стороне, а уж никак не на твоей! Ты не должна была так некрасиво вести себя после всего, что я для тебя сделал!

— А что такое ты сделал для меня? — пылая гневом, спросила Керри.

Она гордо откинула голову и чуть приоткрыла губы.



— По-моему, я сделал совсем не мало,— ответил Друэ, многозначительно обводя глазами комнату.— Разве я не покупал тебе все, что только тебе хотелось? Разве не я водил тебя всюду, куда только тебе хотелось пойти? Ты получала столько же удовольствий, сколько и я, пожалуй, даже больше.

Можно было сказать про Керри что угодно, но не благодарной она не была. По ее понятиям за полученные блага она платила достаточной признательностью. Она не нашлась, как ответить Друэ, однако ее гнев далеко не утих. Ей казалось, что коммивояжер нанес ей непоправимую обиду.

— Разве я тебя об этом просила? — сказала она.

— Во всяком случае, я давал, а ты принимала,— парировал Друэ.

— Можно подумать, что я тебя уговаривала! — воскликнула Керри.— Чего ты вздумал хвалиться тем, что ты для меня сделал? Наряды твои мне не нужны! Я их не стану больше надевать! Можешь хоть сегодня получить их и делать с ними все что угодно! Я ни одной минуты больше не останусь здесь!

— Это мне нравится! — воскликнул в свою очередь Друэ, обозленный предчувствием грозящей утраты.— Использовать меня, а потом оскорбить и уйти! Что ж, это очень по-женски. Я приютил тебя, когда у тебя ничего за душой не было, а теперь вдруг является другой, и я уже нехорош! Впрочем, я всегда думал, что этим рано или поздно кончится.

Он был глубоко уязвлен тем, как отнеслась к нему Керри, и сознанием, что ему уже не удастся добиться справедливости.

— И вовсе это не так,— сказала Керри.— Ни к кому я не уйду. А ты вел себя грубо, гадко и эгоистично, как, впрочем, и следовало ожидать! Я тебя ненавижу, слышишь, ненавижу, и ни одной минуты больше не останусь с тобой! Ты просто подлый...

Керри запнулась и не добавила слова, которое готово было сорваться с ее губ.

— Иначе ты не посмел бы так говорить! — закончила она.

Керри взяла шляпу, накинула жакет на скромное черное платье, поправила волнистые пряди, выбившиеся из прически на разгоряченные щеки. Она была озлобле-



на, раздавлена горем, уничтожена. В ее больших глазах стояли слезы, но веки были сухими. Она рассеянно и неуверенно двигалась по комнате, бесцельно перекладывая вещи с места на место, принимая какие-то смутные решения и совсем не представляя себе, во что выльется эта ссора.

— Хорош конец, что и говорить! — сказал Друз.— Уложила вещи — и адью, не так ли? Право, тебе следует за это выдать приз! Уж, конечно, ты сошлась с Герствудом — не то вела бы себя иначе. Мне эти комнатенки не нужны, можешь не выезжать из-за меня. Оставайся здесь — мне все равно. Но, черт возьми, ты со мной скверно поступила!

— Я не стану жить с тобой, — спокойно сказала Керри.— Я не хочу жить с тобой. Ничего, кроме бахвальства, я от тебя не слыхала за все время, что мы были вместе.

— Вот уж ничего подобного, — возразил Друз.

Керри направилась к двери.

— Куда ты? — крикнул Друз.

Он сорвался с места и загородил ей дорогу.

— Дай мне пройти!

— Куда ты? — повторил он.

Друз был человек мягкосердечный, и, несмотря на горечь обиды, ему стало жаль Керри, уходившую неизвестно куда. Керри, ничего не ответив, дергала ручку двери. Однако напряженность этого разговора оказалась ей не под силу. Она сделала еще одну тщетную попытку открыть дверь и вдруг разрыдалась.

— Будь же благоразумна, Кэд, — ласково сказал Друз.— Зачем тебе убегать отсюда? Тебе же некуда идти. Оставайся здесь и успокойся. Я не стану беспокоить тебя, я и сам не хочу здесь больше оставаться.

Керри, всхлиывая, отошла от двери к окну. Она была так измучена, что не могла произнести ни слова.

— Будь же благоразумна, — повторил Друз.— Я все не намерен удерживать тебя силой. Если уж тебе так хочется, можешь уйти, но прежде обдумай все хорошенько. Бог видит, я тебе препятствовать не стану.

Ответа не последовало, но мало-помалу, под действием его теплых слов, Керри стала успокаиваться.

— Оставайся здесь, а я уйду, — сказал, наконец, Друз.



Керри слушала его с самыми разноречивыми чувствами. Мысли ее точно шквалом отнесло от маленького причала логики, которой все же не был лишен ее разум. Ее тревожило одно, сердило другое, она терзалась собственной несправедливостью, и несправедливостью Герствуда и Друэ к ней, и воспоминанием о доброте обоих, и мыслью о том, что за стенами этой комнаты лежит холодный мир, в котором она уже однажды потерпела поражение, и тем, что она больше не имеет права оставаться здесь. Все это вместе превратило ее в клубок трепещущих нервов, в потерявшее якорь, исхлестанное штормом утлое суденышко, способное лишь беспомощно нестись по волнам.

— Послушай, Керри! — сказал вдруг Друэ, которого, видимо, осенила какая-то новая мысль.

Он подошел к ней и положил ей руку на плечо.

— Не трогай меня! — прошептала Керри, отшатываясь, но не отнимая платка от заплаканных глаз.

— Не огорчайся из-за нашей ссоры, Керри, ну ее! — снова начал Друэ. — Оставайся здесь до конца месяца, а тем временем ты решишь, как быть дальше. Ладно?

Керри не отвечала.

— Право, так будет лучше, — продолжал Друэ. — Какой смысл сейчас укладываться? Тебе же некуда идти!

Его слова по-прежнему остались без ответа.

— Если ты сделаешь, как я говорю, мы больше не будем толковать об этом, и я уйду.

Керри отняла от глаз платок и посмотрела в окно.

— Ты согласна? — снова спросил он.

По-прежнему никакого ответа.

— Согласна? — повторил он.

Керри молчала и только рассеянно смотрела на улицу.

— Да полно, Керри! — настаивал Друэ. — Ну, скажи, ты согласна?

— Я не знаю, — тихо произнесла она, вынужденная что-то ответить.

— Обещай мне, что ты так и сделаешь, и бросим об этом говорить, — снова сказал Друэ. — Ведь лучшего сейчас не придумаешь.

Керри слушала его, но не могла собраться с мыслями, чтобы дать разумный ответ. Этот человек был ла-



сков с нею, его привязанность к ней нисколько не слабела, и ее стали мучить угрызения совести. Она была в состоянии полной беспомощности.

Что касается Друэ, то он сейчас переживал то, что переживает ревнивый любовник. В чувствах его царил полнейший сумбур — тут была и ярость обманутого, и боль утраты, и горькое чувство поражения. Ему хотелось так или иначе отстоять свои права, но для этого он должен был удержать Керри и заставить ее понять свою ошибку.

— Ну что, обещаешь? — торопил он ее.

— Я подумаю, — ответила Керри.

Вопрос, таким образом, остался открытым, но и это было уже кое-что. Казалось, буря пронесется мимо, лишь бы только им снова найти общий язык. Керри стало стыдно, а Друэ был огорчен. Он сделал вид, будто принимается укладывать свои вещи в чемодан.

Керри исподтишка следила за ним, и в голове у нее начали зарождаться трезвые мысли. Правда, этот человек совершил ошибку, но разве не была виновата и она? При всем своем эгоизме Друэ был добр и ласков. Во время их ссоры он не сказал ей ни одного оскорбительного слова.

С другой стороны, Герствуд оказался еще большим обманщиком, чем Друэ. Он делал вид, будто влюблен в нее, он разыгрывал страсть и все время лгал и притворялся. О, коварство мужчин! Она любила его!.. Но теперь с ним все кончено. Она никогда больше не увидит Герствуда. Она напишет ему и выложит все, что о нем думает... Ну, а потом что она будет делать? Тут у нее по крайней мере есть квартира, Друэ, умоляющий ее остаться. Очевидно, все может идти по-старому, если только как-то уладить дело. Во всяком случае, это лучше, чем улица, лучше, чем остаться без крова.

А пока она размышляла, Друэ рылся в ящиках, собирая сорочки и воротнички, потом долго и усердно искал запонку. Он, по-видимому, не особенно торопился. Влечение к Керри у него не исчезло. Он не мог себе представить, что вот он уйдет, и все будет кончено. Должно же найтись какое-то иное решение, какое-то средство заставить Керри признать, что он прав, а она не права! Тогда можно было бы заключить мир и навсегда захлопнуть двери перед носом Герствуда... Друэ



был возмущен бесстыдной двуличностью этого человека.

— А ты не думаешь попытать счастья на сцене? — спросил Друэ после продолжительного молчания.

Его интересовало, что она намеревается делать.

— Я еще ничего не решила, — сказала Керри.

— Если хочешь попытаться, я помогу тебе. У меня много друзей в театральном мире.

Керри ничего не ответила.

— Не вздумай только уходить без денег, — сказал он. — Позволь мне помочь тебе. Здесь, в Чикаго, на свои силы нечего полагаться.

Керри сидела в качалке и молча раскачивалась взад и вперед.

— Я б не хотел, чтобы тебе снова пришлось тяжело, — продолжал Друэ.

Он опять принялся возиться с вещами, а Керри все продолжала раскачиваться.

— Ты бы взяла да рассказала мне все, как есть, — немного погодя начал Друэ. — И больше мы к этому не возвращались бы. Ты что, в самом деле любишь Герствуда?

— Зачем ты опять начинаешь сначала? — сказала Керри. — Ты сам во всем виноват.

— Ничего подобного! — запротестовал Друэ.

— Нет, именно ты виноват, — стояла она на своем. — И ты не должен был передавать мне эти сплетни.

— Надеюсь, ты не зашла с ним слишком далеко? — продолжал Друэ, горя желанием успокоиться, получив отрицательный ответ.

— Я не желаю говорить об этом, — заявила Керри, удрученная тем, что их примирение приняло такой комический оборот.

— Что толку вести себя так, Кэд? — не унимался Друэ. — Он даже перестал собираться и выразительным жестом поднял руку. — Ты могла бы по крайней мере внести какую-то ясность в мое положение.

— Не хочу! — буркнула Керри, видя в гневе единственное свое прибежище. — Что бы там ни было, во всем виноват только ты.

— Значит, ты в самом деле любишь его? — произнес Друэ.



В приливе негодования он бросил упаковывать чемодан.

— Ах, перестань! — воскликнула Керри.

— Нет, не перестану! — расвирипел Друз.— Я не позволю тебе дурачить меня! Ты можешь сколько угодно играть им, но себя я не дам водить за нос! Хочешь говорить — говори, не хочешь — не надо, как тебе угодно, но я не желаю, чтобы ты делала из меня дурака!

Друз закинул последние вещи в чемодан и захлопнул его, словно вымещая на нем свою злость. Потом он схватил пиджак, который снял, чтобы удобнее было собираться, взял перчатки и двинулся к выходу.

— Можешь отправляться ко всем чертям! — крикнул он, подойдя к двери.— Я тебе не мальчишка!

Он с силой рванул дверь и шумно захлопнул ее за собой.

Керри продолжала сидеть у окна, скорее пораженная, нежели оскорбленная этим внезапным взрывом ярости. Она не верила своим ушам: Друз всегда был такой добродушный и покладистый. Где ей было разбираться в источниках человеческих страстей! Истинное пламя любви — вещь очень тонкая. Оно горит, как блуждающий болотный огонек, и, танцуя, уносится в сказочные царства радостей. Оно же бушует, как огонь в доменной печи. Увы, как часто оно питается ревностью!

## ГЛАВА XXIV

### ОСТЫВШАЯ ЗОЛА. ЛИЦО В ОКНЕ

В ту ночь Герствуд не ночевал дома. Вместо того, чтобы после закрытия бара вернуться к себе, он отправился в отель «Палмер», где и снял номер. Его мозг работал с лихорадочной быстротой; поведение жены ставило под угрозу все его будущее. Он точно не знал, какую силу имеют ее угрозы, но в то же время несколько не сомневался, что жена способна причинить ему множество неприятностей, если она будет продолжать свою линию. Очевидно, она приняла какое-то твердое решение и к тому же в стычке с ним сумела одержать весьма серьезную победу. Что будет дальше? Об этом-то и раз-



мышлял Герствуд, шагая взад и вперед сперва по своей маленькой конторе, а потом по комнате в отеле, и не мог прийти ни к какому выводу.

А миссис Герствуд, наоборот, решила не уступать выигранных позиций и не сидеть сложа руки. Теперь, когда она как следует запугала мужа, ей легко будет диктовать ему условия, а это, в свою очередь, приведет к тому, что ее слово станет законом. Отныне он вынужден будет давать ей столько, сколько она потребует, не то — берегись! Как Герствуд будет себя вести, — до этого ей не было никакого дела. Ее очень мало интересовало, вернется ли он домой. Жизнь в доме будет протекать без него даже более приятно. Она, миссис Герствуд, может теперь поступать как ей угодно, ни у кого не спрашивая совета. Вместе с тем она решила повидаться с адвокатом, а также нанять сыщика. Она должна, не мешкая, выяснить, каких преимуществ она может добиться.

Герствуд шагал из угла в угол, обдумывая свое положение. «Все имущество записано на имя жены!» — не переставал он твердить себе. Как это было глупо с его стороны, черт возьми! Как он мог быть таким ослом?

Подумал он и о том, как все это отразится на его положении управляющего баром.

«Если жена затеет скандал, я лишусь места. Владельцы бара не станут держать меня, если мое имя попадет в газеты. А друзья... ох!»

Герствуда охватил новый прилив злобы при мысли о том, какие пересуды вызовет поведение его жены. Что будут печатать газеты? Все знакомые мужчины будут любопытствовать. Он должен будет что-то объяснять, отрицать, — словом, станет центром всеобщего внимания. А потом явится мистер Мой, выразит желание «побеседовать» с ним, и черт знает во что это выльется.

От этих беспокойных мыслей на лице Герствуда появилось много мелких морщинок, а на лбу выступила холодная испарина. Он не мог себе представить, чем кончится эта передряга, и не видел для себя ни малейшей лазейки.

Среди этих тревог Герствуд вдруг вспоминал о Керри и об их уговоре на субботу. Как ни запутаны были теперь его дела, обещание, данное Керри, несколько не



тревожило его. Свидание с ней было единственным просветом на темном фоне неприятностей. Вопрос об их отъезде он уладит к обоюдному удовлетворению, — ведь она охотно подождет, если это понадобится. Посмотрим, что покажет завтра, а там можно будет и поговорить с нею... Они условились встретиться в обычном месте. Герствуд видел перед собой хорошенькое личико Керри, ее изящную фигурку и с горечью спрашивал себя, почему так нелепо устроена жизнь, что радость, которую он испытывает в присутствии этой женщины, не может длиться вечно. Насколько приятнее было бы тогда жить!.. Но тут же он снова вспоминал об угрозе жены, и лоб его опять покрывался испариной, и около глаз появлялись морщинки.

Утром он пришел на службу прямо из отеля и тотчас сел просматривать корреспонденцию, но почта не принесла ему ничего необычного. Почему-то у него было предчувствие, что он должен получить что-то с этой почтой, и он облегченно вздохнул, не найдя ничего подозрительного. К нему даже вернулся аппетит, которого не было, когда он встал, и он решил перед встречей с Керри зайти в кафе «Гранд-Пасифик» и выпить кофе со сладкими булочками. Опасность, правда, не миновала, но она и не приняла пока что никакой определенной формы, а для Герствуда отсутствие новостей было равносильно хорошим новостям. Если бы только у него было время как следует все обдумать, тогда, несомненно, нашелся бы какой-то выход. Нет, нет, не может быть, чтобы все это вылилось в катастрофу и чтобы он так и не нашел пути к спасению!

Однако он пал духом, когда, явившись в парк, он ждал бесконечно долго, а Керри так и не пришла. Час с лишним сидел он на обычном месте, потом встал и принялся нервно расхаживать по аллее. Что могло задержать Керри? А вдруг его жена добралась до нее? Нет, этого не может быть! Что же касается Друз, то Герствуд почти не принимал его в расчет; ему даже в голову не пришло, что тот может что-нибудь узнать. Чем больше думал Герствуд, тем сильнее нервничал, но в конце концов решил, что ничего, вероятно, не случилось, а просто Керри почему-либо неудобно было уйти сегодня из дому. Поэтому от нее и письма не было в это утро. Но письмо, наверное, еще будет, возможно даже,



что оно уже ждет его в конторе. Надо сейчас же сходить туда.

Герствуд подождал еще немного, потом решил, что ждать больше не стоит, и уныло поплелся к конке на Медисон-стрит. Вдобавок ко всему ясное до сих пор небо вдруг покрылось пухлыми облаками, скрывшими солнце. Ветер изменил направление, и к тому времени, когда Герствуд достиг бара, уже собрался дождь, угрожавший затянуться на весь день.

Герствуд тщательно просмотрел все письма, но от Керри не было ничего, хорошо еще, что не нашлось ничего и от жены.

Управляющий баром мысленно возблагодарил судьбу за то, что ему не приходилось ничего решать сейчас, когда нужно было о стольком подумать. Он снова заходил взад и вперед по комнате, внешне спокойный, но в душе чрезвычайно встревоженный.

В половине второго он отправился завтракать в ресторан «Ректор», а вернувшись, застал мальчика-посыльного, ожидавшего его в конторе.

С тяжелым предчувствием взглянул Герствуд на мальчугана.

Тот протянул ему письмо и сказал:

— Мне приказано ждать ответа.

Герствуд узнал почерк жены. Он быстро вскрыл конверт и принялся читать, ничем не выказывая своих чувств. Письмо было написано самым официальным тоном и притом в крайне холодных и резких выражениях.

«Прошу немедленно прислать деньги, о которых я говорила. Они нужны мне для выполнения моих планов. Можешь, если хочешь, не жить дома,— это меня нисколько не интересует. Но деньги мне нужны немедленно. Поэтому не откладывай и пришли с мальчиком».

Герствуд прочел письмо и стоял, держа его в руках. От этой наглости у него перехватило дыхание. Он был разгневан и глубоко возмущен. Первым его порывом было написать в ответ лишь четыре слова: «Убирайся ко всем чертям!» Но он вовремя овладел собой и, избрав полумеру, сказал мальчику, что ответа не будет. Затем он опустился на стул и, глядя перед собой невидящим взглядом, стал думать о том, к чему приведет этот шаг. Что теперь сделает жена? Какая гадина! Неужели она думает, что ей удастся запугать его и



добиться полной покорности? Он сейчас же поедет домой и объяснится с ней, да! Слишком уж она зазналась!

Таковы были первые мысли Герствуда.

Однако вскоре к нему вернулась былая осторожность. Необходимо что-то предпринять. Близится минута развязки: жена, надо полагать, не будет сидеть сложа руки. Он достаточно хорошо знал ее и не сомневался, что, задумав что-либо, она уже ни перед чем не остановится. Возможно даже, что она сразу передаст дело в руки адвоката.

— Будь она проклята! — пробормотал Герствуд, стиснув зубы. — Я проучу ее, если только она вздумает мне вредить. Пусть даже силой, но я заставлю ее заговорить другим тоном!

Герствуд встал и, подойдя к двери, принялся глядеть на улицу. Заморосил дождь и, очевидно, затяжной. Пешеходы подняли воротники пальто, некоторые подвернули брюки. У тех, кто шел без зонтов, руки были засунуты в карманы. Над головами остальных реяли зонты, и улица напоминала собой колышущуюся, извивающуюся реку круглых черных матерчатых крыш. По мостовой с грохотом тянулась вереница телег и фургонов; и всюду люди старались возможно лучше укрыться от дождя. Но Герствуд почти не замечал этой картины. Перед его глазами неотступно стояла сцена его будущего разговора с женой. Он мысленно требовал, чтобы она изменила свое поведение, угрожая в противном случае переломать ей все кости.

В четыре часа снова пришло письмо, в котором просто говорилось, что, если до вечера деньги не будут доставлены, она, миссис Герствуд, завтра же обо всем расскажет мистеру Фицджеральду и мистеру Мою, а помимо того, предпримет еще и другие шаги. Герствуд чуть не взвыл от злости, до такой степени разъярила его настойчивость жены. Ладно, он пошлет ей деньги! Он сам отвезет их ей... Он немедленно отправится к ней и как следует поговорит.

Герствуд надел шляпу и стал искать зонтик. Сейчас он покончит с этим делом!

Он кликнул кэб и под унылый шум дождя отправился домой, на Северную сторону. По дороге, обдумывая все подробности дела, он несколько остыл. Что знает



его жена? Неужели она уже что-то предприняла? Может быть, ей удалось найти Керри или... или... Друзь? Что, если у нее есть какие-нибудь улики и она готовится нанести удар из-за угла? О, эта женщина хитра! Она не стала бы его пугать, если бы не была уверена в своих силах.

Герствуд уже начал жалеть о том, что не пошел на какой-нибудь компромисс, что не послал ей требуемых денег. Но, может быть, еще не поздно? Он увидит, что можно сделать. Скандала он не хочет.

К тому времени, когда Герствуд доехал до своего дома, он успел проникнуться всей серьезностью этой ситуации и мучительно надеялся, что какое-то решение придет само собой и он найдет выход. Он вышел из кэба и поднялся по ступенькам подъезда, но сердце его билось учащенно.

Герствуд достал ключ и хотел было сунуть его в замочную скважину, но изнутри торчал другой ключ. Герствуд несколько раз дернул ручку, но дверь была на запоре. Он позвонил — ответа не последовало. Герствуд позвонил вторично, на этот раз настойчивее, — никто не отзывался. Он несколько раз бешено дернул звонок, но безуспешно.

Тогда он спустился вниз.

В доме, под лестницей, была еще одна дверь, которая вела на кухню. От воров она была защищена железной решеткой. Герствуд, подходя к этой двери, тотчас же убедился, что она заперта изнутри, а окна кухни закрыты. Что это могло значить? Он позвонил и стал дожидаться. Наконец, убедившись, что никто не идет открывать, он отошел и вернулся к кэбу.

— По всей вероятности, никого нет дома, — сказал он, словно извиняясь перед возницей, который сидел, спрятав красное лицо в просторный брезентовый дождевик.

— Я видел молодую девушку вон в том окне, — заметил тот.

Герствуд посмотрел вверх, но в окне уже никого не было. Он угрюмо уселся в кэб, испытывая одновременно и облегчение и досаду.

Так вот в чем их игра! Выгнать его из дому и заставить платить! Поистине это превосходит все пределы!



ГЛАВА XXV  
ОСТЫВШАЯ ЗОЛА.  
ПОЧВА УХОДИТ ИЗ-ПОД НОГ

Герствуд вернулся в контору в еще большем смятении, чем раньше. Боже, в какую историю он попал! Как случилось, что дело приняло такой ужасный оборот, да еще так быстро! Он не мог толком уяснить себе, как все это произошло. Положение казалось ему чудовищным, неестественным, ничем не оправданным, и сложилось как-то вдруг, само собой, помимо него.

То и дело он вспоминал о Керри. Что могло там стрястись? Ни слова, ни записки от нее, и сейчас уже поздний вечер, а ведь они условились встретиться утром. Завтра они должны были встретиться вновь и уехать. Куда? Только теперь он осознал, что среди тревог и волнений последних дней забыл обдумать, как быть дальше с Керри. Он был безгранично влюблен и при обычных обстоятельствах охотно пошел бы на большой риск, лишь бы добиться взаимности. Но теперь... что же будет теперь? Вдруг и она что-нибудь узнала? Вдруг она тоже напишет ему, что ей все известно и она с ним порывает. Судя по тому, как все складывалось, можно было ожидать и этого.

Время шло, а денег жене он все не посылал.

Герствуд шагал взад и вперед по ярко натертому паркету своей конторы, засунув руки в карманы, нахмурив лоб и стиснув зубы. Хорошая сигара немного утешила его, но отнюдь не была панацеей против всех бед, обрушившихся на его голову. Время от времени он сжимал кулаки и принимался постукивать носком ботинка по полу, что было признаком волнения и напряженной работы мысли. Все это явилось для него чудовищным потрясением, и он только дивился, где же предел выносливости человеческого сердца. В тот вечер он выпил коньяку с содовой больше, чем когда-либо позволял себе раньше. Словом, Герствуд мог бы сейчас служить олицетворением тяжелого душевного кризиса.

Сколько Герствуд ни размышлял в тот вечер, ни к какому выводу он не сумел прийти. Он сделал лишь одно: отправил жене деньги. После продолжительной душевной борьбы, после двух или трех часов мучительных



пререканий с самим собой он в конце концов достал конверт, вложил в него необходимую сумму и медленно запечатал его.

Затем он позвал Гарри, мальчика при बारे.

— Отнеси вот это по указанному здесь адресу,— сказал он, подавая ему конверт,— и передай лично мисс Герствуд.

— Слушаю, сэр.

— Если ее не будет, принеси назад.

— Слушаю, сэр.

— Ты когда-нибудь видел мою жену? — из осторожности спросил Герствуд, когда мальчик уже собрался идти.

— О да, сэр. Я знаю ее.

— Ну, ладно. Возвращайся скорее!

— Ответ будет?

— Не думаю.

Мальчик ушел, а управляющий баром снова вернулся к своим невеселым думам.

Ну вот, дело сделано. Не стоило столько времени ломать над этим голову! Он потерпел сегодня полный крах, и ему остается только примириться с этим. Но как отвратительно стать жертвой подобного вымогательства! Он рисовал себе, как его жена встречает мальчика у дверей и схибно улыбается. Она возьмет в руки конверт, торжествуя свою победу. Если б можно было вернуть этот конверт, он бы вернул и оставил его у себя. Тяжело дыша, он вытер со лба пот.

Чтобы хоть немного отвлечься, Герствуд присоединился к группе приятелей, беседовавших у стойки за стаканчиком виски. Он прилагал все усилия, чтобы заинтересоваться тем, что происходило вокруг, но это ему не удавалось. Его мысли то и дело возвращались к дому, и он воображал разыгрывавшиеся там сцены. Из головы у него не выходил вопрос: что сказала его жена, когда мальчик-посыльный вручил ей конверт с деньгами.

Часа через полтора мальчик вернулся. Очевидно, он передал конверт по назначению, так как, входя, он не полез за ним в карман.

— Ну? — спросил Герствуд.

— Передал, сэр.

— Моей жене?

— Да, сэр.



— Она что-нибудь сказала?

— Она сказала: «Давно пора!»

Герствуд гневно сдвинул брови.

В этот вечер больше ничего сделать было нельзя. Герствуд до полуночи ломал голову над тем, как ему теперь быть, а потом, как и накануне, отправился в отель «Палмер».

«Что принесет с собою утро?» — думал он.

Эта мысль долго не давала ему уснуть.

На следующий день он снова отправился в бар и стал рассматривать почту, томимый опасениями и надеждами.

От Керри — ни слова. Ни слова и от жены, что было очень приятно.

То, что он уже отправил деньги и что миссис Герствуд приняла их, почти успокоило его: дело сделано, гнев постепенно утихал, и появились даже надежды на мир. Сидя за столом у себя в кабинете, он размышлял о том, что в ближайшую неделю-две его жена, вероятно, ничего не предпримет, а он тем временем успеет все обдумать.

«Обдумывание» началось с того, что мысли его снова вернулись к Керри и к тому плану, который ему предстояло разработать, чтобы увезти ее от Друэ. Как же теперь быть? Чем больше он старался угадать, почему она не пришла на свидание и даже не написала ему ни слова, тем больше это огорчало его. Он решил сам написать ей «до востребования» на почтамт Западной стороны, попросить у нее объяснений и назначить новое свидание. Но мысль, что это письмо едва ли дойдет до Керри раньше понедельника, чрезвычайно беспокоила его. Надо придумать какой-то более быстрый способ, но какой?

Не менее получаса Герствуд размышлял только об этом. Отправить к ней посыльного? Или самому съездить в кэбе? Нет, этим он только разоблачит себя. Видя, что время уходит зря, он набросал письмо и вновь предавался своим мыслям.

Час шел за часом, и постепенно таяли надежды на соединение с Керри, к чему он так стремился. Еще так недавно он надеялся, что в это время будет радостно помогать ей устраивать новую жизнь, а тут уже близится вечер, и еще ничего не сделано. Часы пробили



три, четыре, пять, шесть,— письма все не было. Управляющий баром мрачно шагал по кабинету, думая о своем жестоком поражении. Миновала хлопотливая суббота, наступило воскресенье, а он все еще ничего не сделал. По воскресеньям бар был закрыт, и Герствуд весь день пробыл наедине со своими мыслями, отрезанный от дома, лишенный возбуждающего шума бара, разлученный с Керри и бессильный хоть сколько-нибудь изменить свое положение. Так скверно он не проводил еще ни одного воскресенья в своей жизни.

В понедельник со второй почтой пришел конверт весьма официального вида, и Герствуд некоторое время с любопытством разглядывал его. На конверте значилась контора юристов «Мак-Грегор, Джеймс и Гэй». Письмо начиналось холодным «Милостивый государь, настоящим доводим до Вашего сведения» и так далее. Из письма явствовало, что миссис Джулия Герствуд обратилась в контору с просьбой урегулировать некоторые вопросы касающиеся ее содержания и права на собственность, и его, мистера Герствуда, просят срочно прийти для переговоров по этому поводу.

Герствуд несколько раз подряд внимательно прочел письмо и только покачал головой. Похоже было на то, что его семейные неурядицы только еще начинаются!

— Да-а! — вслух произнес он некоторое время спустя. — Только этого не доставало!

Сложив письмо, он спрятал его в карман.

В довершение неприятностей от Керри по-прежнему ничего не было. Теперь у Герствуда не оставалось никаких сомнений. Она узнала, что он женат, и возмущена его обманом. Утрата была тем мучительнее, что именно теперь он больше всего нуждался в Керри. Он подумывал о том, чтобы пойти к ней и настоять на свидании, если в самом скором времени она не пришлет ему письма. Мысль, что Керри покинула его, глубоко угнетала Герствуда. Он страстно любил ее, и теперь, когда ему грозила опасность потерять ее, она казалась ему еще более желанной. Ему мучительно хотелось услышать хотя бы одно ее слово. Он с грустью вызывал в воображении лицо Керри. Что бы она ни думала, он не может, да и не хочет терять ее, он не позволит ей ускользнуть; что бы ни случилось, он должен уладить этот вопрос как можно скорее. Да, он пойдет к ней и расскажет



о разладе в своей семье. Он скажет ей, как нуждается в ее любви. Не может быть, чтобы она отвернулась от него в такую минуту. Нет, это невозможно! Он будет умолять ее, пока ему не удастся смягчить ее гнев, пока она не простит его. И вдруг он подумал: «А если ее там нет? Если окажется, что она ушла оттуда?» Он вскочил на ноги. Было невыносимо сидеть сложа руки и думать.

Тем не менее его волнение не повлекло за собой никаких действий.

Во вторник продолжалось то же самое. Ему удалось уговорить себя пойти к Керри, но, когда он дошел до Огден-сквер, ему показалось, что за ним следят, и он немедленно повернул обратно. Он не дошел целого квартала до дома Керри.

Однако этот визит доставил Герствуду неприятные минуты. Он сел в вагон конки, которая повезла его обратно по Рэндолф-стрит, и неожиданно очутился перед зданием фирмы, в которой работал его сын. Сердце его болезненно сжалось: он неоднократно заходил сюда проводить Джорджа. А теперь тот и не подумал повидаться с ним. Очевидно, никто из детей даже не заметил его отсутствия. Да, таковы превратности судьбы. Герствуд вернулся в бар и, присоединившись к группе приятелей, принял участие в общей беседе. Ему казалось, что праздная болтовня притупляет душевную боль.

Победив в этот вечер в ресторане «Ректор», Герствуд поспешил обратно в бар. Только там, среди блеска и суеты, он находил некоторое облегчение. Он занимался всякими мелочами и останавливался поболтать с каждым знакомым.

Еще долго после того, как все разошлись, Герствуд продолжал сидеть у себя в кабинете и покинул его, лишь когда ночной сторож, совершая обход своего участка, дернул с улицы дверь, проверяя, хорошо ли она заперта.

В среду Герствуд снова получил вежливое письмо от фирмы «Мак-Грегор, Джеймс и Гэй». Оно гласило:

«Милостивый государь!

Настоящим сообщаем, что нам предложено ждать Вашего ответа до завтра (четверг), до часа дня, прежде чем подавать в суд о разводе и о назначении содержания Вашей жене. Если до того времени мы не получим от Вас ответа, мы будем считать, что Вы не желаете



идти на какое-либо соглашение, и будем вынуждены принять соответствующие меры. С глубоким почтением...»

— Идти на соглашение! — с горечью воскликнул Герствуд. — Идти на соглашение!

Он снова скорбно покачал головой.

Теперь все стало ясно. По крайней мере он знал, чего ему ждать. Если он не пойдет к адвокатам, то сейчас же начнут бракоразводный процесс. Если же он пойдет к ним, ему предложат такие условия, от которых вся кровь закипит у него в жилах. Герствуд сложил письмо и присоединил его к первому, уже лежавшему у него в кармане. Затем он надел шляпу и вышел на улицу, чтобы немного освежиться.

## ГЛАВА XXVI

### ПАВШИЙ ПОСЛАННИК СУДЬБЫ. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Друз ушел, и Керри долго прислушивалась к его удалявшимся шагам, еще как следует не отдавая себе отчета в том, что случилось. Она только сознавала, что он ушел разъяренный, и прошло некоторое время, прежде чем она задалась вопросом, вернется ли Друз, — если не сейчас, то вообще. Она медленно обвела взглядом утопавшую в сумерках комнату и подумала о том, что чувствует себя здесь совсем не так, как раньше. Затем она встала, подошла к туалету и, чиркнув спичкой, зажгла газ. Потом вернулась к своей качалке и принялась размышлять...

Прошло немало времени, прежде чем молодой женщине удалось собраться с мыслями, и тогда одна непреложная истина предстала перед нею: она, Керри, осталась совсем одна. Что, если Друз больше не вернется? Что, если больше не даст даже знать о себе? Ведь тогда конец этим уютным комнатам! Ей придется уйти отсюда.

Надо отдать Керри справедливость — ей ни разу даже в голову не пришло искать помощи у Герствуда. О нем она могла думать лишь с болью в душе, глубоко сожалея о случившемся. По правде сказать, Керри



была потрясена и изрядно напугана подобным проявлением человеческой лживости и коварства. Человек этот обманул бы ее и глазом не моргнув. Она могла бы очутиться в еще худшем положении, чем теперь! И, несмотря на все это, она не в силах была отогнать от себя образ Герствуда, забыть его облик и манеры... Только один этот поступок казался таким странным и гадким! Он так резко противоречил всему, что она умом и сердцем знала об этом человеке.

Итак, она совсем одна. Сейчас эта мысль занимала ее больше всего. Как же ей теперь быть? Снова искать работу? Снова блуждать по торговой части города? А если на сцену?.. Да, да! Друзь говорил ей об этом. Но есть ли там для нее хоть какая-нибудь надежда? Керри показывалась в качалке взад-вперед, углубившись в свои мысли, перескакивавшие с одного на другое, минута бежала за минутой, и вскоре наступила ночь. Керри еще ничего не ела; тем не менее она сидела и все думала и думала.

Наконец она вспомнила, что давно уже голодна, и, поднявшись с качалки, направилась к буфетику в задней комнате, где еще оставалось кое-что от завтрака. С каким-то странным чувством смотрела Керри на эти остатки: еда значила для нее сегодня больше, чем обычно.

Керри принялась за ужин, и тут у нее внезапно возникла мысль: сколько у нее денег? Эта мысль показалась ей очень важной, и, не медля ни минуты, она встала и пошла за сумочкой, которая лежала на туалете. В ней оказалось семь долларов и немного мелочи. Сердце Керри болезненно сжалось, как только она убедилась, какой ничтожной суммой она располагает. В то же время она порадовалась, что за квартиру уплачено до конца месяца.

Невольно задумалась она и над тем, что стала бы делать, если бы, поддавшись порыву, ушла на улицу в самом начале ссоры с Друзь. Если вообразить, в каком положении она могла бы оказаться, то действительность казалась даже приятной. Сейчас по крайней мере у нее еще было впереди немного времени, а потом — кто знает? Может быть, все еще уладится в конце концов.

Правда, Друзь ушел, но что ж из этого? Судя по всему, едва ли он серьезно рассердился. Скорее всего, он просто вспылил. Он еще вернется, о, он, без сомне-



ния, вернется! Вон там, в углу, стоит его трость, а вот валяется один из его воротничков. В шкафу висит его летнее пальто.

Керри окинула взглядом комнату и, увидев другие вещи Друэ, попыталась убедить себя, что он вернется, но, увы, то и дело мелькала прежняя мысль: ну, положим, он придет, а что дальше?

Вот тут-то возникала еще одна проблема, почти столь же для нее тревожная. Ведь ей придется говорить с ним и что-то ему объяснять. Он захочет, чтобы она признала его правоту. Нет, жить с ним она не сможет.

В пятницу Керри вспомнила о свидании с Герствудом, которое было назначено на этот день. В тот час, когда, согласно своему обещанию, Керри должна была встретиться с ним, она особенно ясно и остро почувствовала всю тяжесть постигшего ее несчастья. Она испытывала такое нервное напряжение, что ей казалось необходимым что-то делать, что-то предпринять. В одиннадцать часов утра, надев скромное коричневое платье, она отправилась в деловую часть города. Она должна найти себе работу.

Дождь, собиравшийся уже с полудня, полил в час дня и заставил Керри вернуться домой и выждать лучшей погоды, а Герствуду на весь остаток дня вконец испортил настроение.

На следующий день была суббота, и многие предприятия заканчивали работу в двенадцать часов. Утро выдалось ясное, воздух благоухал, а деревья и трава сверкали яркой зеленью после прошедшего накануне дождя. Керри вышла из дому; ее встретил веселый хор чирикающих воробьев. Глядя на чудесный парк, она невольно подумала о том, как радостна жизнь для тех, кого не гнетут заботы, и ей мучительно захотелось, чтобы какой-нибудь непредвиденный случай дал ей возможность сохранить прежнее обеспеченное положение. Ей вовсе не нужен ни Друэ, ни его деньги, она не желает также встречаться с Герствудом. Только бы на душе у нее было так же спокойно, как до сих пор,—ведь в конце концов она все же была счастлива, во всяком случае, счастливее, чем теперь, когда перед нею встала необходимость самой пробивать себе путь в жизни.

Было одиннадцать часов, когда Керри очутилась в торговой части города, и до окончания занятий остава-



лось уже немного времени. Она не сразу подумала об этом, подавленная суровой, изнуряющей атмосферой этих мест, воспоминаниями о заключениях, пережитых когда-то. Она шла медленно, стараясь уверить себя, что ищет работу, но в то же время думала, что, пожалуй, и нет особой необходимости так спешить с этим. Свободные места попадаются не очень-то часто, да она могла и обождать несколько дней. Она далеко еще не была уверена, что ей и впрямь придется стать лицом к лицу с ненавистой проблемой заботы о куске хлеба. Так или иначе,— вдруг подумала Керри,— хоть одно изменилось к лучшему. Она знала, что много выиграла в смысле внешности. Ее манеры значительно изменились. Одета она была к лицу, и мужчины — хорошо одетые мужчины, которые раньше с равнодушным видом оглядывали ее из-за полированных стоек и внушительных перегородок,— теперь смотрели на нее ласково, и в глазах у них вспыхивали огоньки. Конечно, это придавало ей сознание своей силы и радовало, но не успокаивало окончательно. Впрочем,— размышляла Керри,— она ищет только того, что может достаться ей прямым и законным путем, и не примет ничего, похожего на личное одолжение. Да, ей нужен заработок, но ни один мужчина не купит ее подачками и лживыми уверениями. Она будет честно зарабатывать на жизнь.

«Магазин закрывается по субботам в час дня»,— гласила надпись на одной из дверей, возле которой Керри остановилась с намерением войти и справиться о работе. Эта надпись доставила молодой женщине большое удовольствие, так как несколько оправдывала ее перед самой собой. Заметив целый ряд подобных надписей на дверях различных предприятий, Керри решила, что на этот раз нет никакого смысла продолжать поиски, так как часы показывали уже четверть первого. Она села в конку и отправилась в Линкольн-парк. Там всегда было на что посмотреть — цветы, дикие звери, маленькое озеро. Она успокаивала себя мыслью, что в понедельник встанет рано и как следует займется поисками работы. До понедельника многое еще может случиться...

Воскресный день прошел в таких же сомнениях, тревогах, надеждах и невесть каких еще, сменявших одно другое, настроениях. Каждые полчаса Керри вновь и



вновь вспоминала, что нужно действовать, действовать немедленно, и эта мысль была для нее точно жгучий удар бича. Порою же, глядя вокруг, она пыталась уверить себя, что положение не так уж скверно, что так или иначе все кончится благополучно. В такие минуты она задумывалась над советом Друэ идти на сцену, и ей начинало казаться, что на этом поприще ее ждет успех. Она твердо решила на следующий день отправиться на поиски работы именно в этой области.

Итак, в понедельник Керри встала рано и тщательно оделась. Она не имела ни малейшего представления о том, куда нужно обращаться, чтобы поступить на сцену, но решила, что скорей всего следует обратиться прямо в театр. Нужно войти в какой-нибудь театр, узнать, где принимает директор, и спросить насчет работы. Если свободное место есть, она, возможно, получит его, в противном случае директор по крайней мере скажет ей, где искать.

Керри никогда не сталкивалась с театральной средой и не имела понятия о чудачествах актерской богемы и о свободе царящих там нравов. Она знала, что мистер Гейл занимал видный пост в театре, но, будучи в дружбе с его женой, ни за что не хотела обращаться к нему с просьбой.

В то время особое одобрение публики снискала Чикагская опера, и о директоре ее, Дэвиде Гендерсоне, шла хорошая слава. Керри видела там две-три эффектных постановки, слышала и о других. Она не знала, кто такой Гендерсон, не имела понятия о том, как следует обращаться с подобной просьбой, но инстинктивно чувствовала, что у него может найтись для нее что-нибудь подходящее. Поэтому она и отправилась туда. Керри храбро вошла в подъезд, оттуда — в роскошный, раззолоченный вестибюль, где висели в рамках фотографии сцен из последних спектаклей, и уже направилась было к тихой билетной кассе, но вдруг решимость покинула ее, и она не могла заставить себя идти дальше. Известный опереточный комик служил в ту неделю приманкой для публики, и театр был так разукрашен широковетельными афишами, что Керри вдруг прониклась благоговейным ужасом, очутившись в этой атмосфере величия и блеска. Что тут может быть для нее? Она даже вздрогнула при мысли о своей дерзости, за которую ее



могли просто выгнать. У нее хватило духу лишь на то, чтобы постоять и посмотреть броские фотографии. Потом она поспешила уйти. Ей казалось, что она счастливо избежала опасности, и она решила, что приходить с улицы в театр и надеяться на работу — сущее безумие.

В тот день этим маленьким испытанием и закончились ее поиски. Она еще немного побродила по улицам, оглядывая небольшие театрики — но только снаружи, — потом постояла возле запомнившихся ей театров Мак-Викера и Большой оперы, которые пользовались тогда большим успехом, — и пошла прочь. Она сильно упала духом, ее снова стало мучить сознание величия недоступной ей жизни и ничтожность ее попыток соприкоснуться с тем, что в ее понимании было «обществом».

Вечером зашла миссис Гейл, и завязавшаяся между ними болтовня помешала Керри поразмыслить над тем, что готовила ей судьба. Но, перед тем как лечь спать, она снова очутилась во власти самых мрачных дум и предчувствий. Друг не показывался. Ни от него, ни от Герствуда не было никаких известий. Она истратила из своего драгоценного запаса целый доллар на еду и конку. Ясно, что так долго тянуться не может, тем более что работы она никакой не нашла.

Невольно ее мысли перенеслись на Ван-Бьюрен-стрит, к сестре, которую она не видела ни разу со дня своего бегства, и к родному дому в Колумбия-сити, куда, казалось, ей уже нет возврата. Впрочем, она не собиралась искать там пристанища. О Герствуде она вспоминала беспрестанно, но мысли эти не приносили ей ничего, кроме горя. Как жестоко было с его стороны так обмануть ее!

Наступил вторник, а с ним — опять нерешительность и раздумье. После неудачи, которую она потерпела накануне, Керри не особенно торопилась снова пускаться на поиски работы. Тем не менее она горько упрекала себя в малодушии и в конце концов вышла из дому с целью еще раз заглянуть в Чикагскую оперу.

У нее едва хватило смелости войти в вестибюль театра. Все же она заставила себя подойти к кассе и спросить, где можно видеть директора.

— Директора труппы или директора театра? — переспросил франтоватый молодой кассир, которому, видно, понравилась внешность Керри.



— Я и сама не знаю,— ответила Керри, озадаченная его вопросом.

— Директора театра вы сегодня уже не увидите,— сообщил ей молодой человек.— Его нет в городе.

Заметив растерянность Керри, он добавил:

— А зачем вам директор?

— Я хотела спросить его, не найдется ли для меня какой-нибудь работы,— ответила Керри.

— В таком случае вам следует обратиться к директору труппы,— посоветовал кассир.— Но и его сейчас нет.

— Когда же он будет? — спросила Керри, несколько ободренная добытыми сведениями

— Пожалуй, вы застанете его между одиннадцатью и двенадцатью. Иногда он бывает также и после двух.

Керри поблагодарила и быстро вышла из вестибюля, а молодой человек посмотрел ей вслед из окошечка своей золоченой клетки.

— Недурна! — решил он, и воображение начало рисовать ему весьма лестные знаки внимания, которые могла бы оказать ему молодая посетительница.

В Большой опере гастролировала одна из известных опереточных трупп того времени. Здесь Керри пожелала видеть директора труппы. Она не имела понятия о том, как узки полномочия этой персоны, не знала и того, что на вакантное место в труппе сейчас же прислали бы кого-нибудь из Нью-Йорка.

— Его кабинет наверху,— сказал ей кассир.

В кабинете директора оказалось несколько человек. Двое стояли у окна, третий беседовал с кем-то, сидевшим за шведским бюро. Это и был директор. Сильно волнуясь, Керри обвела взглядом комнату, и ей стало страшно при мысли, что придется изложить свою просьбу в присутствии стольких людей, тем более что двое у окна уже внимательно разглядывали ее.

— Ничего не могу поделать! — услышала она слова директора.— Мистер Фроман установил твердое правило — посторонних за кулисы не пускать. Нет, нет!

Керри робко стояла в ожидании. В кабинете были стулья, но никто и не подумал предложить ей сесть. Посетитель, с которым разговаривал директор, ушел с унылым видом. Театральный сановник углубился в какие-то



лежавшие перед ним бумаги, точно это были документы необычайной важности.

— Читал сегодня в «Геральде» про Ната Гудвина, Херрис? — обратился один актер к другому.

— Нет, — ответил тот. — А что такое?

— Вчера в театре Гулли он обратился к публике с целой речью. Вот посмотри сам.

Херрис подошел к столу и стал рыться в газетах, разыскивая упомянутый номер «Геральда».

— В чем дело? — спросил директор, поднимая глаза на Керри и, очевидно, впервые заметив ее.

Он подумал, что она пришла просить контрамарку.

Керри собрала все свое мужество, которого осталось совсем немного. Она понимала, что ее, совсем неопытную в этом деле, неизбежно ждет отказ. Она была настолько уверена в этом, что сделала вид, будто пришла лишь за советом.

— Не можете ли вы мне сказать, как можно поступить на сцену?

В конце концов это был, пожалуй, самый лучший подход к делу. Своим вопросом Керри до некоторой степени заинтересовала важную персону, восседавшую в кресле за столом. Наивная просьба и манеры молодой женщины понравились директору. Он улыбнулся. Улыбнулись и остальные двое, стараясь, впрочем, скрыть, что им смешно.

— Не знаю, право, что вам сказать, — отозвался директор, бесцеремонно разглядывая стоявшую перед ним посетительницу. — А у вас есть какой-нибудь сценический опыт?

— Очень маленький, — ответила Керри. — Я участвовала лишь в любительских спектаклях.

Своим ответом Керри хотела как-нибудь поддержать интерес, который ей удалось пробудить в директоре.

— И вы никогда не обучались драматическому искусству? — продолжал тот, напуская на себя важный вид с целью произвести должное впечатление как на Керри, так и на своих приятелей.

— Нет, сэр!

— Гм! В таком случае я, право, не знаю, — ответил он, лениво откидываясь назад вместе с креслом и не смущаясь тем, что Керри продолжает стоять. — А почему вам так хочется попасть на сцену?



Керри растерялась от дерзости этого человека. Все же она улыбнулась в ответ на его наглую, но не лишнюю приветливости усмешку и ответила:

— Должна же я как-то существовать!

— Ах, вот что! — отозвался тот, заинтересованный красивой просительницей, и тут же подумал о возможности завязать многообещающее знакомство. — Конечно, это вполне уважительная причина, но Чикаго, видите ли, не место для начинающих. Вам нужно ехать в Нью-Йорк, там больше возможностей. Здесь нечего и надеяться на то, что вам дадут ход.

Керри улыбнулась в знак благодарности за то, что он снизошел до разговора с нею. Директор, заметивший улыбку, истолковал ее несколько иначе. Он решил, что ему представляется удобный случай для маленького флирта.

— Присядьте, пожалуйста, — сказал он, придвигая стул поближе к своему креслу и еле заметно понижая голос, чтобы другие присутствующие не могли слышать его.

Двое у окна перемигнулись.

— Ну, я уйду, Барни! — сказал один из них, обращаясь к директору. — Увидимся после обеда.

— Ладно, — отозвался директор.

Актер, оставшийся в кабинете, взял газету и сделал вид, будто читает ее.

— И вы уже решили, какие роли хотели бы играть? — вкрадчиво спросил директор.

— Нет, — созналась Керри, — но я согласилась бы для начала на что угодно.

— Понимаю! — произнес директор. — Вы живете здесь, в городе?

— Да, сэр.

Директор улыбнулся любезнейшей улыбкой.

— А вы не пытались поступить в статистики? — с конфиденциальным видом спросил он.

Керри начинала ощущать неприятную слащавость в манерах этого человека.

— Нет, — ответила она.

— С этого начинается большинство актрис, — продолжал директор. — Прекрасный способ приобрести сценический опыт.



Произнося эти слова, он ласково и убеждающе глядел на Керри.

— Я этого не знала,— сказала она.

— Попасть в статистики тоже трудно,— продолжал директор.— Но иногда может помочь случай.— Потом, как будто что-то вспомнив, он вытащил часы и взглянул на них.— У меня в два часа деловое свидание,— сказал он,— а потому мне нужно идти, чтобы успеть позавтракать. Может быть, вы составите мне компанию? Закусим и поговорим о деле.

— Ах, нет! — воскликнула Керри, которой стало сразу ясно поведение этого человека.— Мне самой нужно кое-кого повидать.

— Очень жаль! — сказал директор, поняв, что действовал чересчур поспешно и что теперь Керри, по всей вероятности, уйдет.— Заходите в другой раз. Возможно, я услышу о чем-нибудь подходящем для вас.

— Благодарю вас,— с дрожью в голосе отозвалась Керри и поспешно вышла.

— Хорошенькая девчонка! — заметил молодой человек, не уловивший всех подробностей разыгравшейся на его глазах сцены.

— Мм-м, ничего! — согласился директор, огорченный тем, что, видимо, игра проиграна.— Но, должен вам сказать, актрисы из нее никогда не выйдет. Разве что статистка, не больше!

Это маленькое приключение убило в Керри всякую охоту идти в Чикагскую оперу. Но в конце концов она все же решила на это. Там директор оказался человеком более степенным и напрямик заявил, что никаких вакансий у него нет, и явно считал ее поиски глупой затеей.

— Чикаго не место для начинающих,— заявил он.— Начинать нужно в Нью-Йорке.

Однако Керри не сдавалась и побывала еще в театре Мак-Викера. Но там она никого не застала.

В этом театре шла пьеса «Старое пепелище», но режиссера, к которому направили Керри, ей так и не удалось разыскать.

Эти небольшие странствия отняли у Керри почти весь день, и было уже четыре часа, когда, почувствовав усталость, она направилась домой. Она отлично понимала, что необходимо продолжать поиски и наводить



справки где только можно, но слишком уж много разочарований принесли с собою ее хлопоты. Керри села в конку и через три четверти часа была уже на Огденсквер, однако решила доехать до почтамта на Западной стороне, где она обычно получала письма от Герствуда. Там оказалось для нее письмо, отправленное в субботу. Керри быстро вскрыла его и прочла, волнуемая противоречивыми чувствами. В письме было столько тепла, столько сожаления и сетований на то, что Керри не пришла на свидание, а потом так долго молчала, что ей невольно стало жаль Герствуда. Он любил ее — это ясно! Вся беда в том, что он осмелился полюбить ее, будучи женатым.

Подумав, что такое письмо как-никак заслуживает ответа, она решила написать ему и сообщить, что ей все известно и что она преисполнена справедливого негодования. Она объявит ему, что отныне между ними все кончено.

Дома Керри тотчас же занялась письмом. Оно отняло у нее немало времени: задача была не из легких.

«Едва ли я должна Вам объяснять, почему я не пришла на свидание. Как могли Вы так обмануть меня? Вы понимаете, что теперь я не хочу иметь с Вами ничего общего. Нет, ни при каких обстоятельствах! О, как могли Вы так нехорошо поступить со мной? Вы причинили мне больше горя, чем можете вообразить. Надеюсь, Вы скоро преодолете свое чувство ко мне. Мы никогда не должны больше встречаться. Прощайте!»

Наутро Керри, дойдя до первого перекрестка, нехотя опустила письмо в почтовый ящик, далеко не уверенная, что она правильно поступает. А затем снова направилась в торговую часть города.

В универсальных магазинах, куда Керри обращалась в поисках работы, была как раз полоса затишья, но изящную и привлекательную молодую женщину выслушивали более внимательно, чем других просительниц. И снова ей задавали вопросы, которые были ей так хорошо знакомы:

— Что вы умеете делать? Работали ли раньше в магазинах? Есть ли у вас опыт?

В «Базаре», как и в других крупных магазинах, было то же самое. Повсюду она слышала один и тот же



ответ: сейчас мертвый сезон, пусть она наведается через некоторое время, возможно, что она им понадобится.

Когда к концу дня Керри, усталая и павшая духом, вернулась домой, она обнаружила, что Друэ в ее отсутствие побывал в квартире. Его зонтик и летнее пальто исчезли.

Керри показалось, что недостает еще кое-каких его вещей, но она не была в этом уверена. Во всяком случае, Друэ не все забрал с собой.

Все же его уход, видимо, не был временным. Как же ей теперь быть? Через день-два ей снова, как раньше, придется одной бороться со всем миром. Опять ее одежда примет жалкий вид. Керри со свойственной ей жестам выразительностью сложила руки и крепко переплела пальцы. Крупные слезы навернулись ей на глаза и покатались по щекам. Она была одинока, бесконечно одинока.

Друэ действительно приходил, но совсем не с той целью, какую вообразила себе Керри. Он ожидал застать ее дома и решил объяснить свое появление тем, что пришел за вещами, а перед уходом надеялся помириться с ней.

Вполне понятно, что, не застав Керри дома, Друэ был сильно разочарован. Он долго возился в квартире, надеясь, что Керри вышла куда-нибудь недалеко и скоро вернется. Каждую минуту он прислушивался, не раздадутся ли на лестнице ее шаги.

Он хотел сделать вид, будто только что вошел и очень смущен, что его застали врасплох. А потом он сказал бы, что ему понадобились кое-какие вещи, и попутно выяснил бы, как настроена Керри.

Его ожидания были напрасны. Керри не возвращалась. Друэ перестал рыться в ящиках, подошел к окну, поглядел на улицу и, наконец, уселся в качалку. Керри все не было. Друэ начал нервничать, закурил сигару.

Немного спустя он встал и принялся ходить взад и вперед по комнате. Взглянув в окно, Друэ заметил, что на небе собираются тучи. Вспомнив, что в три часа у него деловое свидание, он решил, что больше ждать, пожалуй, не стоит.

Захватив зонтик и пальто, Друэ собрался уходить, мысленно твердя себе, что все равно он намеревался



взять эти вещи. Возможно, что это испугает Керри, понадеялся он. Завтра он вернется за остальным и увидит, как она настроена.

Друз направился к двери, искренне огорченный тем, что не дождался ее. На стене висела небольшая фотография Керри. На ней был жакет — первый его подарок. Лицо у нее было грустное — куда грустнее, чем в последнее время. Это его искренне растрогало, и он посмотрел в глаза Керри на карточке с необычной для него нежной грустью.

— Нехорошо ты со мной поступила, Кэд! — пробормотал он, словно обращаясь к ней самой.

Он подошел к двери, еще раз обвел комнату взглядом и вышел.

## ГЛАВА XXVII

### КОГДА НАС ПОГЛОЩАЕТ ПУЧИНА, МЫ ТЯНЕМ РУКИ К ЗВЕЗДЕ

Когда Герствуд, мрачный, расстроенный вторичным напоминанием адвоката из конторы «Мак-Грегор, Джемс и Гэй», вернулся, побродив по улицам, в бар, там его ждало письмо Керри. Трепет прошел по его телу, едва он узнал ее почерк. Он быстро вскрыл конверт и принялся читать.

«Значит, она меня любит,— подумал он.— Иначе она не стала бы мне писать!»

Прочитав письмо, он в первые минуты был несколько подавлен его содержанием, но вскоре воспрянул духом.

«Если бы она меня не любила, то не стала бы писать!» — повторял он про себя.

Он был так угнетен, что только эта мысль и поддерживала его.

Из слов Керри мало что можно было извлечь, но Герствуду казалось, что он угадывает ее истинное настроение. Было что-то очень человеческое — если не сказать трогательное — в том, что слова упреков принесли ему такое облегчение. Он, за столько лет привыкший к внутренней независимости, теперь жаждал



утешения извне — и от кого? Тайнственные нити чувств, как крепко они нас опутывают!

На лице Герствуда снова заиграл румянец. Он на время забыл о письме адвоката. Если бы только Керри была с ним, возможно, ему удалось бы выпутаться из создавшегося положения, возможно, тогда это вообще перестало бы иметь для него какое-либо значение. Ему нет дела до того, что затевает его жена, лишь бы только не потерять Керри. Герствуд встал и зашагал по кабинету, рисуя себе в сладких мечтах жизнь с прелестной владычицей его сердца.

Однако заботы вскоре нахлынули вновь, и Герствуда охватила ужасная усталость. Он опять задумался о завтрашнем дне и о предстоящем бракоразводном процессе. Герствуд ничего еще не предпринял, а между тем часы приема у адвокатов истекали. Теперь без четверти четыре, в пять контора «Мак-Грегор, Джемс и Гэй» закроется, и юристы разойдутся по домам. Останется лишь завтрашнее утро до двенадцати часов. Пока Герствуд раздумывал, прошло еще четверть часа — и пробило четыре. Тогда он отказался от мысли повидаться в этот день с адвокатами и снова стал думать о Керри.

Нужно заметить, что Герствуд даже и не пытался оправдываться перед самим собой. Этот вопрос насколько его не тревожил. Он думал лишь о том, как бы уговорить Керри уйти с ним. Что в этом плохого? Ведь он горячо любит ее. От этого зависит их взаимное счастье. О, только бы Друэ не оказалось в Чикаго!

Герствуд внезапно очнулся от восторженных дум о Керри, вспомнив, что завтра ему понадобится чистое белье. Поэтому на пути в отель он купил несколько сорочек и полдюжины галстуков. Когда Герствуд входил в отель «Палмер», ему показалось, что он видит вдали Друэ, поднимающегося по лестнице с ключом в руках. Нет, не может быть! Потом он подумал, что Друэ и Керри, по всей вероятности, временно переехали из квартиры в отель. Он направился прямо к столику портье.

— Скажите, пожалуйста, не живет ли здесь некий Друэ?

— Как будто есть такой, — ответил портье, пробегая взглядом книгу записей. — Да, живет.



— Да неужели? — воскликнул Герствуд, стараясь, впрочем, по возможности скрыть свое изумление. — И один? — добавил он.

— Да, один, — подтвердил портье.

Герствуд отвернулся и сжал губы, чтобы не выдать охватившего его волнения.

«Чем же это объяснить? — размышлял он. — Очевидно, они поссорились!»

Герствуд поспешил к себе в номер уже в значительно лучшем настроении и быстро переоделся. Он решил немедленно отправиться к Керри и узнать, продолжает ли она жить одна у себя на квартире, или же куда-нибудь переехала.

«Вот что я сделаю, — подумал он. — Подойду к двери, позвоню и спрошу, дома ли мистер Друэ. Таким образом я узнаю, живет ли он еще там и где находится Керри».

При мысли об этом Герствуд весь даже как-то подтянулся. Он твердо решил пойти туда тотчас же после ужина. В шесть часов вечера Герствуд вышел из своего номера, посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, нет ли поблизости Друэ, и направился в ресторан. Но ему так не терпелось скорее поехать к Керри, что он с трудом заставил себя что-то съесть.

Однако, прежде чем тронуться в путь, Герствуд решил проверить, где Друэ, и вернулся в отель.

— Мистер Друэ не выходил? — спросил он у портье.

— Нет, он у себя в номере, — сообщил тот. — Вы, может быть, хотите послать ему наверх свою карточку?

— Нет, благодарю, я зайду позже, — ответил Герствуд и вышел из отеля.

На Медисон-стрит он сел в вагон конки и поехал прямо на Огден-сквер. На этот раз он смело подошел к двери. Ему открыла горничная.

— Мистер Друэ дома? — вежливо спросил он.

— Его нет в городе, — ответила девушка, слылавшая, что Керри говорила так миссис Гейл.

— А миссис Друэ?

— Нет, она ушла в театр.

— Вот как! — Герствуд несколько растерялся, затем, сделав вид, будто пришел по важному делу, спросил:

— А вы не знаете, в какой именно?



Горничная не имела ни малейшего понятия о том, куда ушла Керри, но она недолюбливала Герствуда и рада была причинить ему какую-нибудь неприятность.

— В театр Гулли,— ответила она.

— Благодарю вас,— сказал управляющий баром и, слегка притронувшись к шляпе, удалился.

«Я загляну в театр Гулли»,— решил он, но так и не заглянул.

По дороге в центр он все обдумал и пришел к заключению, что это не имеет смысла. Как ни хотелось ему видеть Керри, он понимал, что она будет в театре не одна и что нелепо вторгаться туда со своей мольбой. Лучше немного обождать — скажем, до утра. Но утром ему предстояло встретиться с адвокатами жены...

Эта мысль подействовала на радостно возбужденного Герствуда, как ушат холодной воды. Он снова весь ушел в прежние тревоги и, добравшись до бара, мечтал только о том, чтобы хоть немного забыться. В зале собралась довольно большая компания, наполнявшая помещение гулом оживленных голосов. За круглым вишневого дерева столом в глубине бара сидели группой политики из округа Кук и о чем-то совещались. У стойки столпилась компания молодых гуляк, собиравшихся, несмотря на поздний час, посетить театр. Одетый с претензией на франтоватость красноносый джентльмен в поношенном цилиндре цедил из своего стакана эль. Герствуд на ходу кивнул знакомым и прошел к себе.

Часов около десяти в кабинет заглянул один из друзей Герствуда, некий Фрэнк Тэйнтор, местный любитель скачек и всякого рода спорта, и, увидев, что у Герствуда никого нет, зашел к нему.

— Здорово, Джордж! — приветствовал он управляющего.

— Как поживаете, Фрэнк? — отозвался Герствуд, почувствовав при виде приятеля некоторое облегчение. — Присядьте! — предложил он, указывая на стул.

— Что с вами, Джордж? — спросил Тэйнтор. — Что-то вы сегодня невеселый! Уж не продулись ли на бегах?

— Нет, просто неважно себя чувствую. Должно быть, немного простудился.

— Выпейте виски, Джордж! — посоветовал Тэйн-



тор.— Вам-то надо бы знать, что это — прекрасное средство!

Герствуд только усмехнулся в ответ.

Пока они беседовали, в баре появилось еще несколько знакомых Герствуда, а в двенадцатом часу, после разъезда из театров, стали собираться актеры, и среди них несколько знаменитостей.

И тогда завязалась одна из тех бессодержательных бесед, которые столь обычны в американских барах и ресторанах, где те, кто жаждет проникнуть в круг избранных, стараются хотя бы потереться возле тех, кто уже причислен к нему. Если у Герствуда и была какая-то слабость, так это тяготение к «видным людям». Себя он тоже относил к их числу. Он был слишком горд, чтобы заискивать перед кем бы то ни было, слишком умен, чтобы забывать о своем месте в присутствии тех, кто недостаточно ценил его. Но в обществе, подобном сегодняшнему, он мог блистать как истый джентльмен, и сознание, что люди с громкими именами принимали его как друга и как равного, приводило Герствуда в восторг. Если и бывало, что иной раз он пропускал лишний стаканчик, то именно в таких случаях. Когда в баре собиралось интересное общество, он даже позволял себе пить наравне со всеми, причем аккуратно соблюдал свою очередь платить, точно был здесь посторонним, как прочие.

И если Герствуд когда-либо и начинал хмелеть, вернее, ощущать румянящую теплоту и приятную разнеженность, предшествующие более возбужденному состоянию, то именно в тех случаях, когда он бывал окружен такими людьми, как сейчас, когда вокруг него весело острословили знаменитости. В этот вечер он, взволнованный и угнетенный, обрадовался этому обществу и, отогнав на время прочь все свои тревоги, прикинул к общему веселью.

Скоро вся компания была уже навеселе. Один за другим посыпались анекдоты — эти никогда не приедающиеся смешные истории, из которых главным образом состоят беседы американцев в подобной обстановке.

Но вот пробило двенадцать — час, когда закрывается бар, и гости стали прощаться с Герствудом. Он с чувством пожимал руку каждому. Физически он чувствовал себя прекрасно. Он дошел до того состояния,



когда мозг еще работает ясно, но легко воспламеняется игрой воображения. Герствуду теперь казалось, что все его тревоги не так уж серьезны. Пройдя к себе в кабинет, он стал перебирать счета, дожидаясь, пока уйдут буфетчики и кассир. Вскоре все разошлись.

Управляющий обязан был осмотреть бар после ухода служащих. Это вошло у него в привычку. Прежде чем уйти, он проверял, все ли заперто. Обычно в кассе денег не оставалось, если не считать выручки, накапливавшейся после закрытия банков, да и это небольшое кассир прятал в сейф,— секрет замка знали лишь он и владельцы бара. Тем не менее каждую ночь перед уходом Герствуд смотрел, плотно ли закрыты ящики кассы и дверцы сейфа. Затем он запирает свой маленький кабинет, зажигал специальную лампочку возле сейфа и лишь тогда отправлялся домой.

Никогда еще за все эти годы ему не случилось находить что-либо не в порядке. Но сегодня, когда Герствуд, заперев свой стол, подошел к сейфу и потянул дверцу, она легко подалась и открылась. Герствуд был удивлен. Он заглянул внутрь и заметил, что там лежат деньги. Его первой мыслью было осмотреть ящики и захлопнуть дверцу сейфа.

«Надо будет завтра сделать замечание Мэйхью»,— решил он.

Кассир, уходя из бара за полчаса перед этим, не сомневался, надо полагать, что повернул ручку дверцы так, чтобы защелкнулся замок. Никогда не случалось, чтобы он делал это небрежно. Но сегодня у Мэйхью были другие заботы, которые поглощали все его внимание. Он обдумывал план открытия собственного дела.

«Надо посмотреть, что там»,— подумал Герствуд, выдвигая один из ящиков.

Он и сам не знал, почему ему захотелось заглянуть туда. Это было совсем произвольное движение, которого в другое время он, возможно, и не сделал бы.

Едва он открыл ящик, взгляд его упал на пачки ассигнаций, сложенных по тысяче долларов, как их выдают в банке. Герствуд сразу не мог определить, какую сумму они составляют, но он стоял и внимательно разглядывал их. Потом выдвинул второй ящик, где оказалась дневная выручка.



«Никогда не думал, что Фицджеральд и Мой оставляют так деньги! — мелькнуло у него в уме. — По-видимому, они забыли про них».

Он заглянул в другой ящик и опять остановился.

«А ну, пересчитай!» — шепнул ему на ухо какой-то голос.

Герствуд засунул руку в первый ящик и приподнял всю стопку. Потом разжал пальцы, и пачки одна за другой упали обратно. Они были сложены из кредиток в пятьдесят и сто долларов. Он насчитал около десяти пачек.

«Почему же я не запираю сейфа? — мысленно спросил себя Герствуд. — Зачем я стою здесь?»

И в ответ внутренний голос шепнул ему:

«А у тебя когда-нибудь было на руках десять тысяч долларов наличными?»

И вдруг управляющий баром вспомнил, что действительно никогда у него не было на руках такой суммы. Свое состояние он накопил медленно, на это ушло много лет, и теперь всем владела его жена. В общей сложности у него было свыше сорока тысяч, но все это должно было достаться ей.

Эти мысли смущали Герствуда. Он вдвинул ящик назад в сейф и закрыл дверцу, но пальцы его продолжали сжимать ручку, которую так легко было повернуть, тем самым положив конец искушению.

Герствуд все еще медлил. Наконец он подошел к окнам и спустил шторы. Затем попробовал дверь, которую перед этим сам запер.

Чем объяснить, что он стал вдруг так подозрителен? Зачем он старается передвигаться так бесшумно? Герствуд подошел к концу стойки, оперся о нее рукой и задумался. Потом снова открыл дверь своего кабинета и зажег свет. Он отпер стол, сел перед ним, и странные мысли зашевелились у него в мозгу.

«Сейф открыт! — шептал ему тот же голос. — Еще осталась узкая щель. Замок не защелкнут».

От этого хаоса мыслей у Герствуда голова шла кругом. Ему снова припомнились все запутанные перипетии прошедшего дня. Неотступно преследовала мысль, что перед ним была возможность разрешить все трудности. С такими деньгами все можно сделать. О, если б у него были эти деньги и Керри!



Герствуд встал и застыл на месте, глядя себе под ноги.

«Ну так как же?» — спросил внутренний голос.

Вместо ответа управляющий баром только поднял руку и задумчиво почесал затылок.

Герствуд вовсе не был глупцом, и он не позволил бы себе слепо ринуться в столь дикую авантюру. Но, увы, положение создалось весьма своеобразное. В его крови все еще играло вино. Оно ударило в голову и в розовых тонах рисовало положение вещей. Оно делало эти десять тысяч долларов вполне достигаемыми. А имея деньги, какие он получал возможности добиться успеха! Он может завоевать Керри, да, да, вне всякого сомнения! Он избавится от жены. В кармане лежит это письмо, в котором его приглашают для объяснения с адвокатом. Ему не придется возиться с ними. Герствуд вернулся к сейфу и взялся за круглую ручку. Распахнув настежь дверцу, он совсем вытащил ящик с деньгами.

Когда пачки с ассигнациями оказались перед ним, ему показалось, что оставлять деньги в сейфе просто глупо. Ну, разумеется, глупо! Ведь на эти деньги он спокойно мог бы прожить с Керри многие годы.

Боже! Что это? Герствуд весь напрягся, словно чья-то суровая рука опустилась ему на плечо. Он стал пугливо озиаться. Никого! Ни единого звука. Лишь кто-то, шаркая ногами, шел по тротуару. Герствуд взял ящик с деньгами и вдвинул его назад в сейф. Затем опять прикрыл дверцу.

Тем, кто никогда не колебался в своих поступках, трудно понять мучения людей менее сильных, которые, трепеща, мечутся между долгом и желанием. Те, кто никогда не слышал жуткого тиканья призрачных часов, с ужасающей четкостью выстукивающих: «Сделай!», «Не делай!», «Сделай!», «Не делай!» — не могут судить таких людей. Подобная душевная борьба возможна не только у натур чувствительных и щепетильных. Самый толстокожий представитель рода человеческого и тот слышит голос совести в ту минуту, когда желание толкает его на дурное, и голос этот звучит тем громче, чем серьезнее преступление. Между прочим, это не всегда объясняется сознанием аморальности поступка, ибо отнюдь не это побуждает животное инстинктивно



воздерживаться от зла. Люди тоже поступают, повинувшись прежде всего инстинкту, а уж потом доводам рассудка. Именно инстинкт останавливает преступника, именно инстинкт (в тех случаях, когда человек не может здраво рассуждать) внушает преступнику страх перед опасностью, страх перед дурным делом.

Но затем, при первой же попытке человека неискленного совершить преступное дело, рассудок его начинает колебаться. Мысли его мечутся вслед за призрачным маятником, отстукивающим то приказание, то запрет. Для тех, кто никогда не знал подобной умственной дилеммы, дальнейшее представляет чисто познавательный интерес.

Едва Герствуд поставил ящик с деньгами на место, к нему снова вернулись самообладание и смелость. Никто не видел его, он был совсем один. Никто не мог сказать, что он намеревался сделать минуту назад. Он мог основательно все взвесить.

Хмель еще не прошел, и, хотя на лбу у Герствуда выступила испарина, а руки его дрожали от пережитого необъяснимого страха, винные пары продолжали еще оказывать свое действие. Он едва ли замечал, что время идет. Снова и снова обдумывал он свое положение. При этом он мысленно все время видел перед собой кучу денег, и воображение не переставало рисовать ему, что можно будет сделать с ними.

Герствуд направился было в свой кабинет, потом подошел к двери, потом опять подошел к сейфу. Пальцы его сами взялись за ручку, и дверца снова открылась. Вот они — деньги! Право же, нет ничего дурного в том, что он смотрит на них!

Он выдвинул ящик и стал перебирать пачки с деньгами. Они были такие гладкие, так плотно упакованы, их было бы так легко унести! Удивительно, право, как мало места они занимают! Герствуд вдруг решил, что должен взять их. Да, да, он возьмет их! Он положит их в карман. Но он тотчас же увидел, что все деньги не уместятся в кармане. Саквояж! Он вспомнил, что у него есть тут же, в кабинете, маленький саквояж. Туда деньги свободно войдут. Да, как это удачно, что у него есть саквояж! Деньги там вполне уместятся, и никто ничего не узнает.



Герствуд прошел в свой кабинет и достал с полки в углу саквояж. Поставив его на стол, он вышел за дверь и подошел к сейфу. Почему-то ему не хотелось класть деньги в саквояж в большом помещении бара.

Сперва он перенес в кабинет ассигнации, а потом и мелкую дневную выручку. Да, он заберет все! Пустые ящики он вдвинул назад в сейф, прикрыл почти плотно железную дверцу и остановился в раздумье.

Колебания человеческого ума при подобных обстоятельствах — явление почти необъяснимое, однако вполне достоверное. Герствуд не мог заставить себя действовать решительно. Ему хотелось без конца думать об этом, думать, и соображать, и решать, как лучше всего поступить. Его с такою силой влекло к Керри, и он так запутался в своих личных делах, что настойчивая мысль взять деньги не оставляла его. И все же он колебался. Он не знал, чем все это кончится, не мог предугадать, когда настанет час расплаты. О бесчестности такого поступка он и не подумал. Это никогда, ни при каких обстоятельствах не пришло бы в голову Герствуду.

После того как Герствуд уложил все деньги в саквояж, им вдруг овладело чувство отвращения. Нет, он этого не сделает! Ни за что! Подумать только, какой это вызовет скандал!.. А полиция, которая тотчас же бросится по его следам! Он вынужден будет бежать, но куда? О, какой это ужас — бежать от правосудия!

Герствуд снова выдвинул оба ящика сейфа и быстро переложил туда деньги из саквояжа. От волнения он перепутал ящики. Он уже собирался захлопнуть дверцу, как вдруг сообразил, что положил деньги не так, как они лежали раньше, и вновь открыл сейф. Ну, конечно, он все перепутал!

Герствуд спять вынул из ящиков их содержимое, чтобы привести все в порядок, но тем временем страх исчез. Да чего, собственно говоря, ему бояться?

Когда деньги были у него в руках, он вдруг услышал, как щелкнул замок. Дверца сейфа захлопнулась! Неужели это он сам?.. Герствуд быстро схватился за ручку и стал с силой дергать дверцу. Сейф был на запоре! Боже! Теперь он попался. Кончено!

Как только он понял, что сейф захлопнулся накрепко, на лбу у него выступил холодный пот, и его броси-



ло в дрожь. Он огляделся вокруг и немедленно принял решение. Теперь мешкать было нельзя.

«Если я даже положу деньги на сейф и уйду,— подумал Герствуд,— все догадаются, кто это сделал. Ведь я всегда последним выхожу отсюда. А кроме того, мало ли что может случиться с деньгами, если их бросить здесь!»

Он сразу ощутил острую потребность действовать. «Ну, надо выпутываться!» — сказал он себе.

Быстро вернувшись в свой маленький кабинет, он снял с вешалки летнее пальто и шляпу, запер стол и взял саквояж. Затем погасил свет, оставив лишь одну лампочку, и открыл наружную дверь. Он старался вернуть себе прежнюю уверенность, но, увы, от нее мало что осталось. Он уже раскаивался в своем поступке.

— Напрасно я это сделал,— прошептал он.— Это было ошибкой!

Он вышел на улицу и, кивнув проверявшему двери ночному сторожу, которого знал в лицо, уверенно зашагал прочь. Надо убраться вон из города, как можно скорее!

«Первым делом необходимо узнать, какие сейчас есть поезда»,— решил он.

Герствуд вынул часы и взглянул на стрелки. Было около половины второго.

У ближайшей аптеки он остановился, увидев через окно телефонную будку. Это была известная аптека, и в ней была установлена одна из первых телефонных будок общего пользования.

— Разрешите мне воспользоваться телефоном? — обратился он к дежурному фармацевту.

Тот кивнул в знак согласия.

— Шестнадцать сорок три,— попросил Герствуд, отыскав в книге абонентов вокзал Мичиган-Сентрал. Вскоре его соединили с кассиром.

— Когда отходит поезд в Детройт? — спросил Герствуд.

Кассир стал перечислять поезда.

— Значит, сегодня поезда уже нет? — прервал его Герствуд.

— Поезда со спальным вагоном нет,— ответил тот, но тотчас же добавил: — Впрочем, есть: почтовый поезд, который отходит в три часа утра.



— Очень хорошо, — сказал Герствуд. — А когда этот поезд прибывает в Детройт?

«Только бы добраться до Детройта, — подумал он, — переправиться через реку в Канаду, а там уже можно будет спокойно доехать до Монреаля!» — Поэтому он облегченно вздохнул, услышав, что поезд прибывает в Детройт к полудню.

«Раньше десяти кассир не откроет сейфа, — пронеслось у него в уме. — Значит, до полудня им не удастся напасть на мой след!»

Потом он вспомнил про Керри, — чтобы увезти ее с собой, нужно действовать молниеносно. Она во что бы то ни стало должна ехать с ним!

Герствуд вскочил в стоявший поблизости кэб.

— Огден-сквер! — крикнул он. — Если поедете быстро, получите доллар на чай!

Возница хлестнул лошадь, и та изобразила галоп, то есть потрусила как могла бойчее. По дороге Герствуд обдумывал, что делать дальше. Подъехав к дому, где жила Керри, он быстро взбежал по ступенькам подъезда и резким звонком поднял на ноги служанку.

— Дома миссис Друэ? — спросил он.

— Да, — ответила изумленная горничная.

— Передайте ей, пусть она быстро оденется и сойдет сюда. С ее мужем произошло несчастье. Он лежит в больнице и хочет ее видеть.

Девушка бросилась наверх. Взволнованный вид Герствуда и его тон убедили ее в том, что он говорит правду.

— Что? — воскликнула Керри, зажигая свет и протягивая руку за платком.

— С мистером Друэ случилось несчастье. Он в больнице и хочет вас видеть, — повторила горничная. — Внизу дожидается кэб.

Керри торопливо оделась и сбежала вниз, забыв обо всем, кроме того, что сказала ей горничная.

— Друэ расшибся, — быстро проговорил Герствуд. — Он хочет видеть вас. Едем скорее!

Керри была так ошеломлена, что приняла все за чистую монету.

— Садитесь! — сказал Герствуд, подсаживая ее и прыгнув в кэб следом.

Извозчик стал поворачивать лошадь.



— Вокзал Мичиган-Сентрал! — привстав, сказал ему Герствуд так тихо, что Керри не могла его слышать.— И гоните вовсю!

## ГЛАВА XXVIII

### ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ И БЕГЛЕЦ. ПЛЕНЕННЫЙ ДУХ

Кэб успел проехать лишь несколько домов, когда Керри, собравшись с мыслями и окончательно проснувшись на холодном ночном воздухе, спросила:

— Что же с ним случилось? Он сильно расшибся?

— Нет, ничего серьезного,— угрюмо ответил Герствуд.

Он был немало встревожен своим положением и теперь, когда Керри сидела рядом, думал лишь о том, чтобы поскорее оказаться подальше от цепких лап закона. У него не было ни малейшего желания разговаривать, и потому он говорил лишь то, что было необходимо для выполнения его планов.

Керри отнюдь не забыла, что в ее отношениях с Герствудом был один нерешенный вопрос, но волнение оттеснило эту мысль на задний план. Прежде всего пусть кончится это странное путешествие.

— Где он?

— Там, на Южной стороне,— неопределенно ответил Герствуд.— Нам придется ехать поездом. Так будет скорее.

Керри ничего не ответила.

Лошадь бежала быстрой рысцой.

Призрачная картина ночного города завладела вниманием Керри. Она смотрела на уходившие назад ряды фонарей и вглядывалась в безмолвные темные дома.

— Как же он все-таки расшибся? — спросила она, имея в виду серьезность положения Друз.

Герствуд понял ее. Ему было неприятно лгать больше, чем это казалось необходимым, но в то же время лучше не допускать никаких протестов до той минуты, пока он не очутится вне опасности.

— Я точно не знаю,— ответил он.— Мне позвонили и попросили немедленно поехать за вами. Сказали, что



нет оснований пугаться, но что я непременно должен доставить вас.

Серьезный тон Герствуда убедил Керри, и она, умолкнув, задумалась.

Герствуд взглянул на часы и поторопил кэбмена. Несмотря на всю щекотливость положения, он сохранял удивительное хладнокровие. Он думал только о том, чтобы успеть на поезд и спокойно выбраться из города. Керри была послушна, и Герствуд уже поздравлял себя с успехом.

Наконец они прибыли на вокзал. Герствуд сунул Кэбмену бумажку в пять долларов, помог Керри сойти и поспешил с ней вперед.

— Посидите здесь,— сказал он, проводив ее в зал ожидания.— Я схожу за билетами.

— Сколько осталось до отхода поезда в Детройт? — обратился он к дежурному кассиру.

— Четыре минуты,— последовал ответ.

Герствуд уплатил за два билета, стараясь по возможности не привлекать к себе внимания.

— Далеко нам ехать? — спросила Керри, когда Герствуд, запыхавшись, вернулся к ней.

— Нет, не очень,— ответил он.— Но нам нужно торопиться.

Когда они подошли к выходу на перрон, Герствуд пропустил Керри вперед и стал между нею и контролером, проверявшим билеты, так, чтобы она не могла увидеть их; затем они поспешили дальше.

У платформы стояла длинная вереница багажных и пассажирских вагонов. Среди последних было два обычных дневных с сидячими местами. Этот поезд стал курсировать лишь недавно, и администрация дороги не рассчитывала на большой приток пассажиров, а потому на весь поезд было только два кондуктора.

Герствуд и Керри вошли в один из дневных вагонов и сели. Почти тотчас же с платформы раздалось:

— Готово! — и поезд тронулся.

Керри казалось немного странным, что понадобилось почему-то тащиться на вокзал, но она промолчала. Все это происшествие настолько выходило из рамок обычного, что она старалась не придавать значения смущавшим ее мелочам.



— Как вы себя чувствуете? — ласково спросил Герствуд, вздохнув свободнее.

— Очень хорошо, — коротко ответила Керри.

Она была так встревожена, что еще не могла решить, как держаться с Герствудом. Она волновалась и хотела лишь одного: поскорее добраться до Друзэ и узнать, что с ним. Герствуд смотрел на нее и читал ее мысли. Его нисколько не беспокоило, что сейчас она думала о Друзэ. Это было естественно и вполне соответствовало ее добросердечию. А именно это свойство ее характера и нравилось ему. Его смущало лишь предстоявшее с нею объяснение. Но и это не было сейчас главным. Гораздо больше угнетало его сознание совершенного преступления и это бегство.

«Как это было глупо, как глупо! — твердил он про себя. — Какую я сделал ошибку!»

Сейчас, размышляя трезво, Герствуд с трудом мог представить себе, что оказался способным на такой шаг. В его сознании все еще никак не укладывалось, что он — беглец, скрывающийся от правосудия. Ему не раз приходилось читать о таких случаях, и он всегда ужасался про себя. Но теперь, когда такое произошло с ним самим, он мог лишь сидеть и думать о том, что было. Будущее для Герствуда связывалось с канадской границей. Он жаждал поскорее добраться до нее. Но главным образом он раздумывал о том, что случилось в минувший вечер, считая все свои действия одной огромной оплошностью.

«А все-таки, — говорил он себе, — что же мне было делать?»

Тут он решал, что нужно примириться со случившимся, и начинал с того, что снова и снова перебирал в памяти все события прошедшего дня. Это был бесплодный и мучительный круговорот мыслей, очень плохо подготовивший его к разговору с Керри.

Поезд с грохотом неся мимо сортировочных станций на берегу озера, затем замедлил ход у Двдцать четвертой улицы. За окном мелькали сигнальные вышки и стрелки. Паровоз издавал короткие предупредительные свистки, и часто звонил колокол<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Американские паровозы снабжены были небольшим колоколом, звонящим от движения поезда



По вагону прошли проводники с фонарями в руках. Они запирали двери площадок, готовясь к продолжительному перегону.

Вскоре поезд прибавил ходу, и перед глазами Керри быстрой чередой замелькали безмолвные улицы. Паровоз все чаще и чаще подавал сигналы, предостерегавшие о приближении к опасным перекресткам.

— Это далеко? — снова спросила Керри.

— Нет, не очень, — ответил Герствуд.

Он с трудом сдерживал улыбку, думая о наивности своей спутницы. Ему хотелось скорее объясниться с нею и добиться примирения, но приходилось ждать, пока они отъедут подальше от Чикаго.

Прошло еще полчаса, и Керри начала понимать, что Герствуд везет ее куда-то далеко.

— А это где — в Чикаго? — с беспокойством спросила она.

Поезд уже давно выбрался за черту города и мчался теперь по полям штата Индиана.

— Нет, не в Чикаго, — ответил Герствуд.

Что-то в интонации его голоса заставило Керри мгновенно насторожиться. Она нахмурила красивый лоб и спросила:

— Разве мы едем не к Чарли?

Герствуд понял, что наступил решительный момент. Рано или поздно он вынужден будет объясниться. Поэтому он нежно взглянул на Керри и еле заметно покачал головой.

— Что?! — воскликнула Керри.

Она была ошеломлена, обнаружив, что они направляются совсем не туда, куда она предполагала.

Герствуд молчал и только смотрел на нее кротким, умоляющим взглядом.

— Куда же вы меня везете? — спросила Керри, и в голосе ее послышался страх.

— Я скажу вам, Керри, если вы посидите спокойно. Я хочу увезти вас в другой город.

— О! — вырвалось у Керри. — Оставьте меня! Я не желаю ехать с вами!

Она была поражена дерзостью этого человека. Ничего подобного не могло прийти ей в голову. Единственной мыслью ее было — бежать, скорее бежать! Если бы



только можно было остановить мчавшийся поезд, она расстроила бы весь этот гнусный замысел.

Керри встала и хотела было выйти в коридор. Она понимала, что должна немедленно что-то сделать. Герствуд ласково дотронулся до ее руки.

— Сидите спокойно, Керри,— сказал он.— Сидите спокойно! Вам некуда торопиться. Выслушайте меня, и я объясню вам свои намерения. Обождите минутку!

Керри все еще пыталась протиснуться мимо его колен, но Герствуд легонько потянул ее назад, и она села на место. Никто не заметил этого маленького препирательства, так как в вагоне было мало пассажиров, да и те, что были, клевали носом.

— Я не хочу! — протестовала Керри, все же подчиняясь.— Оставьте меня! — воскликнула она.— Как вы смеете!

Ее глаза наполнились слезами.

Только теперь Герствуд вполне осознал все возникшие перед ним трудности и перестал думать о себе и своем положении. Надо как-то уговорить девушку, иначе она доставит ему много неприятностей. Он призвал на помощь все свое красноречие.

— Послушайте, Керри,— начал он,— не надо так. Я вовсе не собираюсь оскорблять вас. Я не сделаю ничего такого, что было бы вам неприятно.

— О! — рыдала Керри.— О! О!

— Полно, перестаньте,— уговаривал ее Герствуд.— Не надо плакать! Отчего вы не выслушаете меня! Я вам скажу, почему я вынужден был так поступить. Иначе нельзя было. Уверю вас! Ну, послушайте же меня! — снова и снова повторял он.

Его встревожили рыдания Керри. Она, конечно, не слышит ни одного его слова...

— Ну, послушайте же, Керри!

— Не хочу! — вспыхнула Керри.— Выпустите меня отсюда, не то я позову кондуктора! Я не желаю ехать с вами! Стыдно вам!..

И снова вызванные страхом рыдания не дали ей договорить.

Герствуд был несколько ошеломлен. Он понимал, что возмущение Керри справедливо, но все же нужно успокоить ее как можно скорее. Вот-вот придет кондуктор проверять билеты. Не надо никакого шума, никаких



осложнений. Прежде всего он должен как-то уговорить ее.

— Вы все равно не выйдете отсюда, пока поезд не остановится,— сказал он.— Обождите немного, мы скоро доедем до какой-нибудь станции. Если захотите, вы там сойдете. Я не стану вас удерживать... Я только прошу вас выслушать меня. Позвольте мне объяснить, почему я это сделал.

Керри, казалось, не слушала его. Она отвернулась к окну, за которым чернела ночь. Поезд быстро и плавно скользил между полей и перелесков. Протяжно и уныло заливался паровозный свисток каждый раз, как поезд приближался к шлагбаумам на пустынных лесных дорогах.

Кондуктор вошел в вагон, выдал билеты двум пассажирам, занявшим места перед самым отходом поезда, потом стал проверять билеты у остальных. Он подошел к Герствуду, и тот протянул ему два билета. Керри, несмотря на все свое негодование, не шевельнулась. Она даже не подняла глаз.

Когда кондуктор ушел, Герствуд облегченно вздохнул.

— Вы сердитесь на меня за то, что я вас обманул,— сказал он.— Но у меня не было такого намерения, Керри! Клянусь, я этого не хотел. Я просто не мог бороться с собой. Я не могу жить без вас с той минуты, как я впервые вас увидел.

О последнем своем обмане Герствуд даже не упомянул, как о мелочи, не имевшей никакого значения. Он спешил убедить Керри, что его жена больше не может явиться препятствием для них. А что касается украденных денег, то Герствуд старался выкинуть из головы всякую мысль о них.

— Не смейте разговаривать со мной! — отозвалась Керри.— Я ненавижу вас. Оставьте меня в покое! Я сойду на ближайшей станции.

Она вся дрожала от возмущения.

— Хорошо,— сказал Герствуд.— Но только выслушайте меня. После всего, что вы говорили о вашей любви ко мне, вы могли бы меня выслушать! Я не хочу причинять вам зло. Я дам вам денег, чтобы вы могли вернуться домой, когда вы решите со мной расстаться. Я только хочу вам сказать одно, Керри: вы не можете



запретить мне любить вас, что бы вы обо мне ни думали!

Он посмотрел на нее с нежностью, но она не удостоила его ответом.

— Вы, конечно, думаете, что я поступил некрасиво, обманув вас, но вы не правы. Я не хотел вас обманывать. С женою я порвал. Она не имеет никаких прав на меня. Я никогда больше не увижу ее. Вот почему я сегодня здесь, с вами. Вот почему я увез вас.

— Вы сказали мне, что Чарли расшибся! — в бешенстве крикнула Керри. — Вы снова обманули меня. Вы все время обманывали меня, а теперь еще хотите силой заставить меня бежать с вами!

Она пришла в такое возбуждение, что вскочила с места и снова попыталась пройти мимо Герствуда. На этот раз он не стал удерживать ее, и она пересела на другую скамью. Он последовал за ней.

— Не уходите от меня, Керри! — ласково сказал он, подсаживаясь к ней. — Позвольте, я объясню вам. Выслушайте меня, и вы все поймете. Повторяю вам: я окончательно порвал с женой. Мы чужие уже много лет, иначе я не стал бы искать сближения с вами. Я скоро добьюсь развода. Я больше никогда не увижу ее. У меня с ней все покончено. Вы — единственная женщина, которая мне дорога. Если только вы будете со мной, я никогда не стану думать ни о ком другом.

Керри слушала его взбудораженная и растерянная. Вопреки всему, что Герствуд сделал, его слова звучали искренне. В его голосе и жестах чувствовалась сейчас напряженность, которая не могла не подействовать на нее.

Но она не желала никакой близости с ним. Он был женат, и он однажды уже обманул ее, а теперь снова увез ее обманом. Он ужасный человек...

И все же в его смелости и силе воли было нечто такое, что чарует каждую женщину, особенно когда ей внушают, что все это только из любви к ней. Немалую роль в разрешении запутанной проблемы играло и беспрестанное движение поезда. Быстро вращались колеса — пейзаж менялся, и Чикаго все дальше и дальше уплывал назад. Керри чувствовала, что ее несет вперед непреодолимая сила, что паровоз без единой остановки мчится к какому-то далекому городу. Порой ей хотелось



закричать и устроить громкий скандал, чтобы кто-нибудь прибежал к ней на помощь; потом начинало казаться, что это бесполезно... теперь никто и ничем не мог бы ей помочь. А Герствуд тем временем старался взывать к ее сердцу такими словами, которые могли бы найти у Керри отклик и пробудить в ней сочувствие к нему.

— Поймите же, Керри, я очутился в таком положении, что у меня не было иного пути.

Керри и виду не подавала, что слушает его.

— Когда я убедился, что вы не поедете со мной, пока я не смогу жениться на вас, я решил бросить все и увезти вас. Я еду в другой город. Я рассчитываю ненадолго задержаться в Монреале, а потом мы поедem, куда только вы захотите. Если пожелаете, мы поедem в Нью-Йорк и поселимся там.

— Я не хочу никуда ехать с вами,— повторила Керри.— Я сойду на ближайшей станции. Куда идет этот поезд?

— В Детройт.

— О! — вырвалось у Керри, и она в ужase всплеснула руками. От дальности расстояния ее положение казалось еще более трудным.

— Неужели вы не поедете со мной? — продолжал Герствуд таким тоном, будто над ним нависла страшная угроза, что она не последует за ним.— Вам не придется ничего делать, вы только будете путешествовать со мной. А я ничем не стану вам мешать. Вы увидите Монреаль и Нью-Йорк, а потом, если вы не захотите остаться со мной, вернетесь назад. Это куда лучше, чем возвращаться сейчас, ночью!

Впервые Керри начала понимать, что его предложение не таит в себе никакого подвоха. В нем было много заманчивого, хотя она боялась, что все будет не так, как обещал Герствуд. Увидеть Монреаль и Нью-Йорк! Сейчас она уже на пути к этим чудесным гигантским городам, и она увидит их, если только пожелает. Она задумалась, ничем, впрочем, не выдавая своих мыслей.

Герствуду показалось, что он уловил намек на согласие, и он удвоил усилия.

— Подумайте только, что я бросил ради вас! — сказал он.— Я уже не могу больше вернуться в Чикаго. Если вы не поедете со мной, мне суждено остаться на-



веки одиноким. Не может быть, чтобы вы покинули меня, Керри!

— Я запрещаю вам разговаривать со мной! — с трудом произнесла она.

На некоторое время Герствуд умолк.

Вдруг Керри почувствовала, что поезд замедляет ход. Настало время действовать, если она и впрямь намерена что-то предпринять. Она сделала движение, чтобы встать.

— Не покидайте меня, Керри! — молил Герствуд. — Если вы когда-нибудь хоть немного любили меня, поезжайте со мною, и мы начнем новую жизнь. Я сделаю для вас все, что вы захотите. Я женюсь на вас или же отпущу вас обратно. Не торопитесь и хорошенько подумайте. Если бы я не любил вас, зачем понадобилось бы мне увозить вас с собой? Клянусь, Керри, я не могу жить без вас! Не могу и не хочу!

Столько решимости и отчаяния звучало в словах этого человека, что слова его глубоко проникли в душу Керри. Это был голос всепоглощающей страсти. Он слишком сильно любил Керри, чтобы отказаться от нее в такую тяжелую минуту. Он схватил ее руку и с горячей мольбой сжал ее пальцы.

Поезд медленно шел мимо вагонов, стоявших на запасном пути. За окном было темно и мрачно. Несколько капель брызнуло на стекло, — начинался дождь. Керри переживала острую душевную борьбу, то решая уйти, то снова колеблясь. Поезд остановился, а она все еще выслушивала мольбы Герствуда. Паровоз чуть-чуть осадил назад, и настала тишина.

Керри беспомощно сидела на месте. Минута проходила за минутой, она все медлила, а он все упрашивал ее.

— И вы отпустите меня обратно, если я захочу? — спросила Керри, точно она была хозяйкой положения, а ее спутник всецело зависел от нее.

— Конечно! — ответил Герствуд. — Вы же знаете, что я не посмею вас задерживать.

Керри слушала его с видом владычицы, даровавшей лишь условное помилование. Ей теперь казалось, что в дальнейшем ход событий всецело в ее руках.

Поезд тронулся и вскоре снова помчался полным ходом. Герствуд переменил тему разговора.



— Вы, наверно, очень устали? — спросил он.

— Нет, — бросила Керри.

— Разрешите мне достать вам место в спальном вагоне? — предложил Герствуд.

Керри отрицательно покачала головой. Но, несмотря на все свое смятение, несмотря на коварство Герствуда, она снова стала замечать в нем то, что всегда так ценила: его заботливость.

— Но я прошу вас! — настаивал он. — Там вам будет гораздо лучше.

Керри снова покачала головой.

— Тогда хоть позвольте подложить вам под голову мое пальто, — сказал Герствуд.

Он встал и свернул свое легкое летнее пальто так, чтобы голова Керри удобно покоилась на нем.

— Ну вот, — нежно сказал он, — теперь попробуйте немного отдохнуть.

Герствуд готов был расцеловать Керри за ее уступчивость. Усевшись возле нее, он задумался.

— Вероятно, будет сильный дождь, — сказал он после паузы.

— Да, похоже на то, — отозвалась Керри, понемногу начиная успокаиваться под мягкий стук дождевых капель, бросаемых ветром в окна поезда, который бешено мчался во мгле к новому миру.

Герствуд был рад, что ему удалось до некоторой степени успокоить Керри, но для него это было лишь временной передышкой. Теперь, когда ее сопротивление было сломлено, он мог отдаться мыслям о совершенной им ошибке. На душе у него была невыносимая тяжесть. Он украл эту жалкую сумму, которая, в сущности, ему не нужна. Он не хотел быть вором. Никакие деньги — ни эта сумма, ни какая-либо иная, — не могли возместить ему легкомысленную утрату прежнего положения. Никакие деньги не могли вернуть ему друзей, доброе имя, дом и семью, даже Керри — такую, какой он надеялся видеть ее рядом. Он сам изгнал себя из Чикаго, сам лишил себя положения в обществе. Он ограбил себя, он отнял у себя сознание собственного достоинства, свой приятный досуг, веселые вечера. И ради чего?

Чем больше Герствуд думал, тем нестерпимее становилась для него эта мысль. Не попытаться ли восстановить свое прежнее положение? Что если он вернет



эти несчастные несколько тысяч, украденные прошлой ночью, и все объяснит? Быть может, мистер Мой поймет. Быть может, владельцы бара простят его и позволят ему вернуться?

К полудню поезд подъехал к Детройту, и Герствуд стал нервничать. Полиция уже наверно ищет его. Надо полагать, что во всех больших городах полиция извещена о пропаже и теперь сыщики будут его выслеживать. Ему невольно вспомнились описания поимки преступников, и грудь его стала высоко вздыматься, а лицо побледнело. Руки Герствуда конвульсивно задергались, словно ища, за что ухватиться.

Он притворялся, будто его интересует вид за окном, и нервно постукивал ногой о пол.

Керри заметила волнение Герствуда, но ничего не сказала. Она не имела ни малейшего представления о причине, которая вызвала его, и о том, как эта причина важна.

А Герствуд вдруг спохватился, что даже не спросил, идет ли этот поезд прямо до Монреаля или до какого-нибудь другого пункта в Канаде. Возможно, что ему удастся выиграть время. Он тотчас вскочил и пошел разыскивать кондуктора.

— Скажите, пожалуйста, не идет ли часть вагонов прямо в Монреаль? — спросил он.

— Да, ближайший спальный идет в Канаду.

Герствуд хотел было продолжить расспросы, но решил, что это будет неосторожно и что правильнее навести справки на вокзале.

Поезд, пытая и громохкая, подкатил к станции.

— Я думаю, что нам лучше всего ехать прямо до Монреаля, — сказал он, обращаясь к Керри. — Я пойду узнаю, есть ли туда поезд и когда он отходит.

Герствуд волновался, но внешне старался казаться возможно спокойнее. А Керри только смотрела на него большими тревожными глазами. Все ее мысли перепутались, и она не могла прийти ни к какому решению.

Едва поезд остановился, Герствуд помог ей сойти и пошел вперед. Он с опаской оглядывался на каждом шагу, делая вид, что смотрит, не отстает ли Керри. Но он не заметил ничего подозрительного. Никто, очевидно, и не думал следить за ним, а потому он направился прямо к кассе.



— Когда отходит поезд в Монреаль? — спросил он.

— Через двадцать минут, — ответил кассир.

Герствуд взял два спальных места и тотчас поспешил назад к Керри.

— Мы сейчас же едем дальше, — сказал он, не обращая внимания на ее усталый, измученный вид.

— О, хоть бы все это скорее кончилось! — воскликнула она.

— В Монреале вы сразу почувствуете себя лучше, дорогая!

— У меня ничего нет с собой, — сказала Керри. — Даже носового платка!

— Вы купите все, что вам нужно, как только мы приедем на место, — успокаивал ее Герствуд. — Там вы сможете пригласить к себе портниху.

Они заняли места в поезде; вскоре дежурный по станции дал сигнал к отправлению. Когда поезд тронулся, Герствуд облегченно вздохнул. Сперва небольшой пробег до реки, потом поезд перешел на паром, а когда они очутились в Канаде, Герствуд откинулся на спинку дивана и впервые свободно перевел дыхание.

— Теперь уже недолго! — сказал он, на радостях вспомнив и об утомлении Керри. — Рано утром мы будем в Монреале.

Керри ничего не ответила.

— Я пойду узнаю, нет ли тут вагон-ресторана, — добавил Герствуд. — Мне хочется есть.

## ГЛАВА XXIX

### ПУТЕВЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

### МОРСКИЕ КОРАБЛИ

Для человека, который никогда не путешествовал, всякое новое место, сколько-нибудь отличающееся от родного края, выглядит очень заманчиво. Если не говорить о любви, больше всего радости и утешения приносят нам путешествия. Все новое кажется нам почему-то очень важным, и разум, в сущности, лишь отражающий восприятия наших чувств, уступает наплыву впечатлений. Можно забыть возлюбленного, рассеять горе, отогнать от себя призрак смерти. В простом выраже-



нии «я уезжаю» кроется целый мир не находящих выхода чувств.

Керри смотрела на мелькавший перед ее глазами пейзаж, почти забыв, что она хитростью, против воли, вовлечена в эту долгую поездку, что у нее нет с собой даже самого необходимого для дороги. Иногда она вообще забывала о присутствии Герствуда и с любопытством разглядывала простые фермерские дома и уютные коттеджи. Перед ней открывался новый, интересный мир. Жизнь как будто только начиналась для нее. Она вовсе не чувствовала себя побежденной, ее надежды не были разбиты. Большой город сулил так много! Быть может, она вырвется из рабства на свободу. Кто знает? Быть может, она еще найдет счастье! Эти мысли окрыляли ее. В оптимизме было ее спасение.

На следующее утро поезд благополучно прибыл в Монреаль, и путешественники вышли из вагона: Герствуд, радуясь тому, что очутился вне опасности, а Керри, дивясь новой для нее картине северного города. Герствуд в свое время бывал здесь, и теперь ему вспомнилось название отеля, в котором он останавливался. Когда они выходили из здания вокзала, он услышал, как агент назвал этот отель.

— Мы поедем прямо туда и снимем номер,— сказал Герствуд.

В отеле Герствуд придвинул к себе книгу для записи приезжих и стал перелистывать ее в ожидании, пока освободится портье. Бывший управляющий баром усиленно думал, каким именем назваться. Когда портье очутился перед ним, больше уже нельзя было медлить ни секунды. По дороге в отель Герствуд из окна экипажа увидел на вывеске одно имя, которое нашел достаточно благозвучным. И он размашисто написал в книге: «Дж. У. Мердок, с женой». Это была огромная уступка обстоятельствам, но от инициалов своих он ни в коем случае не хотел отказаться.

Когда им показали комнаты, Керри убедилась, что Герствуд снял для нее прелестный номер.

— Там у вас есть ванна,— сказал он,— и вы можете сейчас же выкупаться.

Керри подошла к окну и выглянула на улицу. А Герствуд посмотрел на себя в зеркало. Он был весь в пы-



ли, и ему хотелось поскорее вымыться. У него не было с собою ни смены белья, ни даже щетки для волос.

— Я позвоню и попрошу принести мыло и полотенце, а также пришлю вам щетку для волос,— сказал он.— Вы можете, не торопясь, купаться до завтрака. Я побреюсь и вернусь за вами, а потом мы пойдем и что-нибудь вам купим.

При последних словах он добродушно улыбнулся.

— Хорошо,— согласилась Керри.

Она уселась в качалку, а Герствуд стал дожидаться слугу, который вскоре постучал в дверь.

— Пожалуйста, мыло, полотенце и графин холодной воды.

— Слушаю, сэр!

— А теперь я пойду,— сказал Герствуд и, подойдя к Керри, протянул ей руки.

Но она не проявила ни малейшего желания взять их в свои.

— Вы все еще сердитесь на меня, Керри? — ласково спросил он.

— Нет, не сержусь,— равнодушно ответила она.

— Неужели вы меня ни капельки не любите?

Керри не отвечала, упорно глядя в окно.

— Неужели вы никогда не полюбите меня хоть немного? — молил Герствуд, беря ее за руку, но Керри попыталась вырвать ее.

— Вы когда-то говорили, что любите меня! — не сдавался он.

— Почему вы меня обманули? — спросила Керри.

— Я ничего не мог с собой поделать,— сказал Герствуд.— Я слишком люблю вас.

— Вы не имели права влюбляться в меня,— колко заметила она.

— Полно, Керри,— отозвался Герствуд.— Теперь уже поздно. Я здесь, с вами. Попробуйте немного полюбить меня!

Он стоял перед нею с таким видом, будто это он был сбманутым.

Керри отрицательно покачала головой.

— Позвольте мне начать сначала,— продолжал Герствуд.— Будьте с этого дня моей женой, Керри!

Он все еще держал ее руку. Керри встала и повернулась, словно собираясь уйти. Тогда Герствуд обнял



ее за талию. Керри пыталась обороняться, но тщетно. Он крепко прижал ее к себе. И в нем тотчас вспыхнула непреодолимая страсть. Он весь пылал.

— Пустите меня,— пробормотала Керри, когда Герствуд крепко прижал ее к груди.

— Неужели вы не полюбите меня? — умолял он.— Почему вы не хотите быть моей?

Керри никогда не питала неприязни к Герствуду и всего минуту назад довольно благосклонно прислушивалась к его словам, вспоминая свое бывшее увлечение им. Этот человек был так красив, так смел!

Теперь это чувство сменилось постепенно нараставшим чувством протеста. Оно на миг овладело ею, но когда Герствуд обнял ее, начало испаряться. Что-то иное заговорило в ней. Этот человек, прижимавший ее к груди, был такой сильный, в нем пылала страсть, он любил ее, а она была так одинока! Если она не захочет опереться на него, не ответит на его любовь — куда же ей тогда деваться? Соппротивление ее уже наполовину растаяло под напором его сильного чувства.

Она внезапно почувствовала, как он взял ее за подбородок и, приподняв ей голову, заглянул в глаза. Керри никогда не могла понять, что за магнетическая сила была в его взгляде. В этот миг она забыла все его прегрешения.

Еще крепче прижав ее к себе, Герствуд начал страстно целовать ее, и Керри поняла, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Вы обвенчаетесь со мной? — спросила она, совсем не думая о том, возможно ли это.

— Сегодня же! — восторженно отозвался Герствуд.

Тут в дверь постучали, и Герствуд с большой неохотой выпустил Керри из объятий. Коридорный принес мыло, полотенце и воду.

— Вы скоро будете готовы? — спросил Герствуд, направляясь к двери.

— Да,— ответила Керри.

— Я вернусь меньше чем через час.

Герствуд спустился в вестибюль и стал оглядываться, ища глазами парикмахерскую. На душе у него было легко и радостно. Победа, только что одержанная над Керри, сулила награду за все, что он вынес в последние несколько дней. Жизнь стояла того, чтобы за нее



бороться. Это бегство от всего, к чему он привык, к чему был привязан, быть может, вело к счастью. Гроза кончилась, и на небе появилась радуга, быть может, одним концом своим указывающая на золотой клад.

Герствуд собрался было подойти к двери, возле которой красовался столбик в красную и белую полосу<sup>1</sup>, как вдруг кто-то фамильярно окликнул его. Сердце у него мгновенно сжалось.

— Здорово, Джордж, старина! — услышал он. — Что вы подделываете в этих краях?

Герствуд узнал одного из своих приятелей, биржевого маклера, по фамилии Кенни.

— Я здесь по небольшому частному делу, — ответил Герствуд.

Его мозг заработал с лихорадочной быстротой: «Очевидно, Кенни ничего не знает: он еще не читал утренних газет!»

— Как странно встретить вас так далеко от дома, — добродушно продолжал мистер Кенни. — Вы остановились в этом отеле?

— Да, — неохотно ответил Герствуд, вспомнив о своей записи в книге приезжих.

— Надолго приехали?

— Нет. Денька на два.

— Вот как! А вы уже завтракали?

— Да, — солгал Герствуд. — Я иду бриться.

— Не зайдете со мной в бар?

— Сейчас не могу. После — пожалуй! — ответил Герствуд. — Мы еще увидимся. Вы тоже остановились здесь?

— Да, — ответил мистер Кенни. — Как дела в Чикаго? — добавил он.

— Все по-старому, — с улыбкой отозвался Герствуд.

— Жена с вами?

— Нет.

— Ну, мы непременно должны еще встретиться с вами сегодня. Я сейчас пойду позавтракаю, а потом заходите ко мне, как только освободитесь.

— Непременно, — обещал Герствуд, и они разошлись.

---

<sup>1</sup> В Америке парикмахерские не всегда имеют вывески. Их заменяет невысокий полосатый столбик, иногда вращающийся.



Весь этот разговор был для него сплошной пыткой. Каждое слово Кенни, казалось, лишь усложняло и без того запутанное положение. Он пробудил в Герствуде тысячу воспоминаний. Он олицетворял собою все, что управляющий баром оставил позади: Чикаго, жена, роскошный бар — обо всем этом упомянул Кенни в своих приветствиях и расспросах. Надо же было Кенни остановиться именно в этом отеле! Теперь он, наверное, будет рассчитывать на общество Герствуда! С минуты на минуту придут газеты из Чикаго, да и местные газеты сегодня же напечатают обо всем. Мысль о том, что в глазах этого человека он будет вором, взломавшим сейф, заставила Герствуда совсем забыть о победе над Керри. Он чуть не застонал, открывая дверь парикмахерской. Надо бежать отсюда, найти какой-то более уединенный отель!

Герствуд обрадовался, когда, выйдя из парикмахерской, увидел, что в вестибюле нет ни души. Он быстро направился к лестнице. Он сейчас же возьмет с собой Керри, они выйдут с другого хода и позавтракают в более укромном месте.

Однако на другом конце вестибюля он заметил какого-то субъекта, внимательно наблюдавшего за ним. Это был типичный ирландец, небольшого роста и довольно бедно одетый с лицом, которое можно было назвать удешевленным изданием лица крупного политического интригана. По-видимому, этот человек только что разговаривал с портье и теперь устремил все свое внимание на бывшего управляющего баром.

Герствуд почувствовал на себе пристальный взгляд и тотчас догадался, к какой категории людей принадлежит этот субъект. Инстинктивно он понял, что сыщик следит за ним. Он быстро прошел мимо, делая вид, будто ничего не заметил, но в голове у него вихрем кружился поток мыслей. Что теперь будет? Что могут сделать с ним здесь? Он вспомнил, что существует закон о выдаче преступников, и заволновался, не зная в точности положений этого закона. Что, если его арестуют? О, если Керри узнает! Нет, в Монреале земля горела у него под ногами. Ему захотелось поскорее бежать отсюда.

Когда Герствуд вернулся в номер, Керри уже успела выкупаться и теперь ждала его. Она посвежела и ка-



залась еще прелестнее, но вела себя в высшей степени сдержанно. За время его отсутствия к ней вернулся прежний холодок. Во всяком случае, любовь не пылала в ее сердце. Герствуд почувствовал это, и на душе у него стало еще тревожнее. Он не смог схватить ее в объятия, он даже не пытался сделать это. Что-то в ее поведении удерживало его. Да и сам он еще не отделался от мыслей и ощущений, нахлынувших на него в вестибюле.

— Вы готовы? — ласково спросил он.

— Да.

— Пойдемте куда-нибудь завтракать. Здешний ресторан мне не очень понравился.

— Мне все равно, — сказала Керри.

Они вышли из номера и спустились вниз.

На ближайшем углу стоял тот же ирландец, который наблюдал за Герствудом в вестибюле. Управляющий баром еле сдержал себя, — так трудно было ему притворяться, что он ничего не замечает. Его злил наглый взгляд ирландца. Они прошли мимо, и Герствуд принял за рассказывать Керри про Монреаль. Вскоре они увидели ресторан и вошли туда.

— Какой странный город! — заметила Керри, которую Монреаль удивлял, в сущности, лишь потому, что не был похож на Чикаго.

— Просто жизнь здесь не кипит, как в Чикаго, — сказал Герствуд. — Вам тут не нравится?

— Нет, — ответила Керри, уже свыкшаяся с великой столицей Запада и полюбившая ее.

— Да, пожалуй, Монреаль менее интересен, — согласился Герствуд.

— А что он собой представляет? — полюбопытствовала Керри.

Она никак не могла понять, почему Герствуд повез ее именно в этот город.

— Ничего особенного, — ответил Герствуд. — Это своего рода курорт с очень живописными окрестностями.

Керри слушала его со смутной тревогой. Странность ее положения отравляла удовольствие, которое могла бы доставить ей эта поездка.

— Но мы здесь долго не останемся, — продолжал Герствуд, который теперь был даже рад, что Керри не одобрила Монреаля.



— Как только мы позавтракаем, вы купите нужные вам вещи, и мы сразу двинемся в Нью-Йорк. Там вам понравится! Чикаго и Нью-Йорк — самые интересные города в Соединенных Штатах.

Герствуд только и думал о том, как бы скорее убраться отсюда подобиру-поздорову. Надо будет только сперва посмотреть, что сделают сыщики, какие шаги предпримут его бывшие хозяева в Чикаго, а потом улизнуть, хотя бы в Нью-Йорк, где можно скрыться без особого труда. Он был достаточно знаком с этим городом и знал, как безграничны его тайны и возможности мистификаций.

Но чем больше он об этом размышлял, тем ужаснее казалось ему положение, в котором он находился. Герствуду стало ясно, что бегство в Монреаль отнюдь не решало задачи. Надо полагать, что его хозяева наймут сыщиков, которые неотступно будут следить за ним, — для этого существуют агентства Пинкертона, Муни и Боланда. Как только он попытается покинуть Канаду, его тотчас же арестуют. Возможно, ему придется прожить здесь долгие месяцы и в каком состоянии!

Вернувшись, Герствуд решил как можно скорее посмотреть утренние газеты. Его тянуло к ним, и в то же время он боялся взять их в руки. Ему хотелось узнать, как далеко успела распространиться весть о совершенном им преступлении. Сказав Керри, что вернется через несколько минут, он отправился за газетами. В вестибюле не оказалось ни одного знакомого или подозрительного лица, тем не менее Герствуд не хотел читать здесь. Поэтому он поднялся во второй этаж и уселся с газетами у окна общей гостиной. Его преступлению было уделено очень мало места, но о нем было упомянуто во всех газетах среди всевозможных телеграфных сообщений о несчастных случаях, убийствах, ограблениях, венчаниях и прочем.

«И зачем только я сделал это!» — с горечью размышлял Герствуд. С каждой минутой пребывания в этом далеком убежище в нем крепло мучительное сознание, что он совершил большую оплошность. Наверное, существовал другой, более легкий выход из положения, выход, которого он не знал.

Не желая, чтобы газеты попались на глаза Керри, он оставил их в гостиной.



— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил он, входя в номер.

Керри сидела у окна и смотрела на улицу.

— Ничего, — ответила она.

Герствуд подошел к ней и только собрался заговорить, как вдруг раздался стук в дверь.

— Это, вероятно, мои покупки, — сказала Керри.

Герствуд отпер дверь. В коридоре стоял все тот же неприятный субъект, в котором он уже давно заподозрил сыщика.

— Вы мистер Герствуд, не так ли? — спросил ирландец, принимая решительный и самоуверенный вид.

— Да, — спокойно ответил Герствуд.

Он так хорошо знал, чего стоят подобные люди, что к нему даже вернулась доля прежнего самообладания. У него в баре таких господ принимали весьма холодно.

Выйдя в коридор, Герствуд закрыл за собою дверь.

— Надо полагать, что вы знаете, зачем я здесь? — понизив голос, спросил сыщик.

— Да, догадываюсь, — так же тихо ответил Герствуд.

— Ну и что же? Намерены вы вернуть деньги?

— Это мое личное дело, — угрюмо отозвался Герствуд.

— Вы отлично знаете, что вам не удастся улизнуть, — сказал сыщик, невозмутимо глядя на него.

— Послушайте, милейший, — пренебрежительным тоном начал Герствуд. — Вы ровно ничего не понимаете во всем этом деле, и я не намерен объясняться с вами. Как бы я ни собирался поступить, я сделаю это без вашего или чьего бы то ни было совета. Прошу прощения!

— Странно вы рассуждаете! — заметил сыщик. — Ведь вы, в сущности, уже сейчас в руках полиции. Если мы пожелаем, то можем причинить вам много неприятностей. Вы записались здесь под вымышленным именем, и с вами вовсе не ваша жена. Но газеты еще не знают, что вы здесь, и я советовал бы вам быть более разумнее.

— Что вы хотите знать?

— Только одно: отошлете вы назад деньги или нет. Герствуд молча глядел в пол.



— Мне незачем давать вам объяснения,— сказал он наконец.— А вам незачем меня допрашивать. Поверьте, я не дурак. Я прекрасно знаю, что вы можете сделать и чего не можете. Вы можете причинить мне неприятности, против этого я не спору, но этим вы не вернете денег. Я уже решил, как поступить, и написал об этом Фицджеральду и Мою. Больше мне нечего вам сказать. Ждите, пока не получите от них новых указаний.

Продолжая говорить, Герствуд все дальше и дальше отходил от двери, увлекая таким образом за собой своего собеседника, чтобы Керри не слышала разговора. Наконец они очутились в самом конце коридора, у двери в общую гостиную.

— Значит, вы отказываетесь вернуть деньги? — сказал сыщик, когда Герствуд умолк.

Эти слова вызвали у Герствуда крайнее раздражение. Кровь горячей волной ударила ему в голову, мысли быстро сменяли одна другую. Да неужели он вор? Он вовсе не хотел этих денег. Если бы только он мог объяснить все толком владельцам бара, дело, пожалуй, уладилось бы благополучно.

— Послушайте, вы, я вовсе не желаю больше обсуждать с вами этот вопрос! — заявил он.— Я признаю вашу силу, но предпочитаю иметь дело с людьми, которые более осведомлены в этом деле.

— Вам не выбраться из Канады с деньгами,— стоял на своем сыщик.

— Я и не собираюсь уезжать из Канады,— отозвался Герствуд.— А когда я улажу это дело, никто и не подумает задерживать меня.

Он повернулся и пошел обратно, все время чувствуя на себе пристальный взгляд ирландца. Это было невыносимо, но тем не менее Герствуд заставил себя спокойно идти дальше, пока не дошел до номера.

— Кто это был? — спросила Керри.

— Один мой чикагский знакомый.

Разговор с сыщиком был для Герствуда большим потрясением, тем более что произошел он сразу же после мучительных тревог последней недели. Герствуд погрузился в мрачное уныние. Вся эта история вызвала в нем сильнейшее отвращение. Больше всего его мучило сознание, что его преследуют, как вора. Он начал понимать, сколь несправедливо так называемое общественное



мнение, которое видит только одну сторону вопроса и судит о длительной трагедии подчас по какому-нибудь отдельно взятому эпизоду. Все газеты отметили только одно: что он захватил чужие деньги. Но почему и как — это не играло для них никакой роли. Их нисколько не интересовало, какие осложнения в жизни привели человека к подобному шагу. И теперь его обвиняли, так и не поняв, что побудило его так поступить.

В тот же день, сидя в номере вместе с Керри, Герствуд решил вернуть деньги. Да, он напишет Фицджеральду и Мою, объяснит им все и телеграфно перешлет деньги. Возможно, что они простят его. Быть может, они даже предложат ему вернуться. Кстати, будет оправдано и его заявление сыщику, будто он уже написал своим бывшим хозяевам. А затем он покинет этот город.

Целый час он раздумывал над этим как будто приемлемым разрешением проблемы. Ему хотелось написать хозяевам о своих отношениях с женой, но на это он не мог решиться. И в конце концов он написал лишь, что, выпив в компании друзей и случайно найдя сейф открытым, вынул оттуда деньги, а потом нечаянно захлопнул дверцу. Теперь он очень сожалеет о своем поступке и о том, что причинил мистерам Фицджеральду и Мойю столько беспокойства. Он постарается возместить нанесенный ущерб, вернув деньги, то есть большую часть того, что он взял. Остальную сумму он вернет при первой же возможности.

В конце письма он намекнул на то, что не прочь был бы вернуться к исполнению прежних обязанностей, если мистеры Фицджеральд и Мой найдут это возможным.

Уже само содержание письма Герствуда достаточно ясно свидетельствовало о том, в каком смятении пребывал этот человек. Он даже забыл, как мучительно было бы для него вернуться в бар, если бы владельцы и пошли на это. Он забыл, что отсек от себя прошлое, словно ударом меча. Если бы даже ему каким-либо образом и удалось восстановить связь с этим прошлым, на месте разреза навсегда остался бы заметный рубец.

Впрочем, Герствуд теперь то и дело о чем-нибудь забывал: то о жене, то о Керри, то о нужде в деньгах.



Сейчас он просто не способен был трезво рассуждать. Все же он отправил письмо, отложив посылку денег до получения ответа.

А пока он решил примириться с создавшимся положением и радоваться тому, что Керри с ним. Среди дня выглянуло солнце, его золотые лучи залили комнату. За открытыми окнами чирикали воробьи, слышались смех и пение. Герствуд не мог оторвать глаз от Керри. Она казалась ему единственным светлым лучом среди всех его бедствий. О, если бы только она любила его! Только бы она хоть раз обняла его и стала опять такой нежной и радостной, какой он видел ее в маленьком парке в Чикаго! Как он был бы счастлив! Это вознаградило бы его за все пережитое! Тогда он знал бы, что не все еще потеряно. Ему не было бы тогда никакого дела до всего остального...

— Керри! — сказал он, поднимаясь с места и подходя к ней. — Керри, останешься ли ты со мной?

Она взглянула на него чуть насмешливо, но в глазах ее мелькнуло искреннее сочувствие, как только она увидела выражение его лица. Это была любовь, горячая, страстная любовь, еще более возросшая от всевозможных затруднений и тревог. И Керри невольно улыбнулась ему.

— Я хочу отныне быть для тебя всем, — продолжал Герствуд. — Не причиняй мне больше горя! Я буду предан тебе. Мы поедем в Нью-Йорк и найдем там уютную квартиру. Я снова займусь делом, и мы будем счастливы. Ты хочешь быть моей?

Керри слушала его серьезно. Конечно, она не пылала страстью к этому человеку, но его близость и само стечение обстоятельств пробудили в ней некоторое подобие чувства. Ей было искренне жаль Герствуда, — и это была жалость, которую породило недавнее восхищение этим человеком. Настоящей любви к нему она никогда не питала. Она сама убедилась бы в этом, если бы пожелала хорошенько разобраться в своих чувствах. Но то, что она испытывала сейчас под влиянием его сильной страсти, все же разрушило преграду между ними.

— Ты останешься со мной, да? — снова повторил Герствуд.

— Да, — ответила Керри, слегка кивнув.



Герствуд привлек ее к себе и стал покрывать ее лицо поцелуями.

— Но ты должен жениться на мне,— сказала Керри.

— Я сегодня же раздобуду разрешение на брак,— ответил Герствуд.

— Каким образом?

— Под чужим именем,— ответил Герствуд.— Я при-  
му новое имя и начну новую жизнь. С этого дня меня  
зовут Мердок.

— О, только не это имя! — воскликнула Керри.

— Почему?

— Оно мне не нравится.

— Какое же ты хочешь? — спросил Герствуд.

— Какое угодно, только не это!

Все еще не выпуская Керри из объятий, Герствуд  
подумал и предложил:

— А что ты скажешь насчет имени Уилер?

— Это ничего,— согласилась Керри.

— Ладно! В таком случае меня зовут Уилер,— за-  
явил Герствуд.— Я сегодня же достану разрешение.

Они обвенчались у первого попавшегося пастора-  
баптиста.

Наконец пришел ответ из Чикаго за подписью ми-  
стера Моя. Он писал, что поступок Герствуда чрезвычай-  
но удивил его и что он искренне скорбит о случив-  
шемся. Если Герствуд вернет деньги, они не станут за-  
тывать против него дела, так как отнюдь не питают  
к нему каких-либо враждебных чувств. Но что касается  
его возвращения на прежнее место, то они еще оконча-  
тельно не решили этого вопроса, так как трудно сказать,  
какие последствия это может иметь для бара. Они еще  
подумают и сообщат ему позднее, возможно, даже очень  
скоро...

И так далее.

Смысл письма был вполне ясен: больше Герствуду  
надеяться не на что. Владельцы бара хотят вернуть  
свои деньги, по возможности избегая огласки. В ответе  
мистера Моя Герствуд прочел свой приговор.

Он решил передать доверенному лицу, которое обе-  
щали прислать владельцы бара, девять с половиной ты-  
сяч долларов, оставив себе тысячу триста. Герствуд те-  
леграфно известил об этом своих бывших хозяев, вру-  
чил явившемуся в тот же день доверенному лицу день-



ги и, получив от него расписку, предложил Керри укладываться. Сначала он был несколько угнетен новым оборотом дела, но постепенно оправился. Его и теперь еще не покидал страх перед возможностью ареста и выдачи американским властям. Поэтому, как это ни трудно было, Герствуд постарался уехать незаметно. Он распорядился отправить сундук Керри на вокзал и там сдал его в багаж на Нью-Йорк. Никто, по-видимому, не обращал на него никакого внимания, но все-таки он покинул отель глубокой ночью. Герствуд волновался, ему казалось, что на первой же станции по ту сторону границы или на вокзале в Нью-Йорке его встретят представители закона и арестуют.

А Керри, которая не имела ни малейшего понятия ни о совершенной им краже, ни о его страхах, радовалась тому, что едет в Нью-Йорк. И утром, приближаясь к гигантскому городу, она залюбовалась зелеными холмами, окаймляющими широкую долину Гудзона. Она была очарована красотой местности, по которой мчался поезд, следуя изгибам реки. Она уже слыхала о Гудзоне и об огромном Нью-Йорке и теперь наслаждалась развертывавшейся перед нею чудесной панорамой.

Когда поезд, повернув, помчался вдоль восточного берега реки Харлем, Герствуд, сильно нервничая, сообщил своей спутнице, что они находятся на окраине города. Знакомая с чикагскими вокзалами, Керри ожидала увидеть длинные ряды вагонов и гигантское переплетение рельсовых путей, но здесь ничего подобного не было. Вместо этого она увидела большие суда на реке — предвестники близости океана. Дальше показалась обыкновенная улица с пятиэтажными кирпичными домами, и затем поезд вошел в туннель.

— Нью-Йорк! Грэнд-Сентрал! — возвестил кондуктор, когда поезд после нескольких минут пребывания в мраке и в дыму снова вылетел на свет.

Герствуд встал и уложил свой маленький чемодан. Нервы его были взвинчены до предела. Он подождал вместе с Керри у дверей и вышел из вагона. Никто не подошел к нему, но, направляясь к выходу на улицу, он все же боязливо озирался по сторонам. Он был настолько взволнован, что совсем забыл про Керри, которая отстала от него и дивилась рассеянности своего спутника.



Как только они покинули здание Грэнд-Сентрал, Герствуд несколько успокоился. Они вышли на улицу — никто, кроме кебменов, и не думал заговаривать с ним.

Только тогда Герствуд глубоко вздохнул и, вспомнив наконец про Керри, обернулся к ней.

— А я уж думала, что ты собираешься убежать и оставить меня одну, — сказала она.

— Я стараюсь вспомнить, как доехать до отеля «Джилси», — ответил Герствуд.

Керри была так захвачена видом шумного города, что почти не расслышала его ответа.

— Сколько жителей в Нью-Йорке? — спросила она.

— Свыше миллиона, — ответил Герствуд.

Он окликнул кеб, но далеко не с тем видом, с каким делал это раньше. Впервые за многие годы в голове его мелькнула мысль, что теперь нужно быть более расчетливым даже в мелких расходах. И мысль эта была весьма неприятна.

Герствуд решил, не теряя времени, снять квартиру, чтобы не тратить денег на отели. Он сказал об этом Керри, и та вполне согласилась с ним.

— Мы поищем сегодня же, если хочешь, — предложила она.

Тут Герствуд вдруг вспомнил о неприятной встрече со знакомым в Монреале. В крупных нью-йоркских отелях он наверняка столкнется с кем-нибудь из тех, кто знал его в Чикаго. Приподнявшись с сиденья, он обратился к кебмену.

— Отвезите нас в «Белфорд», — сказал он.

Это была скромная гостиница, где редко останавливались приезжие из Чикаго.

— В какой части Нью-Йорка расположены жилые кварталы? — спросила Керри.

Она не могла представить себе, чтобы за этими пятиэтажными стенами, тянувшимися по обе стороны улицы, жили люди со своими семьями.

— Да повсюду, — ответил Герствуд, довольно хорошо знакомый с городом. — В Нью-Йорке нет особняков с лужайками. Все это жилые дома.

— Ну, тогда этот город мне не нравится, — тихо произнесла Керри, которая начала высказывать собственные мнения.



## ГЛАВА XXX

### В ЦАРСТВЕ ВЕЛИЧИЯ. ПУТНИК МЕЧТАЕТ

Какое бы положение ни занимал Герствуд в Чикаго, в Нью-Йорке он был лишь ничтожнейшей каплей в море. В Чикаго, хотя его население в то время уже равнялось полумиллиону, крупных капиталистов было немного. Богачи не были еще столь богаты, чтобы затмевать своим блеском людей со средним достатком. Внимание жителей не было столь поглощено местными знаменитостями в драматической, художественной, социальной и других областях, чтобы человек, занимающий независимое положение, оставался совсем в тени. В Чикаго существовало лишь два пути к известности — политика и коммерция. В Нью-Йорке таких путей было с полсотни, на каждом из них подвизались сотни людей, и, таким образом, знаменитости не были редкостью. Море здесь кишело китами, а потому мелкая рыбешка совсем исчезала из виду и даже не смела надеяться, что ее заметят. Иными словами, в Нью-Йорке Герствуд был ничто.

Есть и более опасная сторона в таком положении вещей. Ее не всегда принимают во внимание, но она-то и порождает трагедии. Великие мира сего окружают себя атмосферой, дурно действующей на малых. Эту атмосферу легко ощутить. Пройдитесь среди великолепных особняков, изумительных экипажей, ослепительных магазинов, ресторанов, всевозможных увеселительных заведений; вдохните аромат цветов, шелковых нарядов, вин; почувствуйте опьянение от смеха, рвущегося из груди блаженствующих в роскоши, от взглядов, сверкающих, словно дерзкие копья, ощутите, чего стоят эти разящие, как лезвие меча, улыбки и эта надменная поступь, — и вы поймете, что представляет собой атмосфера, в которой живут могущественные и великие. Нет смысла доказывать, что не в этом истинное величие. Пока весь мир тянется к этим благам, пока человеческое сердце ставит их достижение главной своей целью, до тех пор эта атмосфера будет разрушать душу человека. Она как химический реактив. Один день ее действия — подобно одной капле химического вещества —



так меняет и обесценивает наши понятия, желания и стремления, что на них остается неизгладимый след. День такого воздействия для ума неискушенного то же, что опиум для неискушенного тела. Начинается мука желаний, которые, если им поддаться, неизменно ведут к безумным грезам и смерти. Ах, несбывшиеся мечты! Они снедают нас и томят, эти праздные видения, они манят и влекут, манят и влекут, пока смерть и разложение не сокрушат их власти и не вернут нас, слепых, в лоно природы.

Человек возраста и темперамента Герствуда не подвержен иллюзиям и жгучим желаниям юности, зато в нем нет и того оптимизма, который брызжет фонтаном из юного сердца. Атмосфера Нью-Йорка не могла вызвать в нем тех вожделений, которые загораются в душе восемнадцатилетнего мальчика. Но отсутствие надежды когда-либо приобщиться к этой атмосфере усугубляло горечь его неудач. Герствуд раньше бывал в Нью-Йорке и прекрасно знал, какие возможности открываются в этом городе для тех, кто может вкушать жизнь во всей ее полноте. Нью-Йорк вызвал в нем отчасти благоговейный страх, ибо здесь сосредоточивалось все, что он уважал и почитал: богатство, положение и слава. Большинство знаменитостей, с которыми он неоднократно чокался в те дни, когда управлял баром, выдвинулось именно в этом величественном многолюдном городе. Рассказывали самые захватывающие истории о роскоши здешних дворцов и веселье их обитателей.

Он понимал, что здесь человек, сам того не замечая, живет всю жизнь бок о бок с богатством; что здесь, имея сто или даже пятьсот тысяч долларов, можно жить лишь более или менее прилично. Для того, чтобы блистать в обществе, для того, чтобы не отставать от моды, здесь нужны несравненно большие капиталы, а для бедного человека тут вообще нет места. Очутившись в этом городе, отрезанный от друзей, лишившийся не только своего скромного состояния, но и имени, вынужденный заново начать борьбу за существование, Герствуд с особенной остротой отдавал себе во всем этом отчет. Он не был стар, но был достаточно умен, чтобы понимать, что скоро начнет стареть. И как-то сразу это зрелище красивых нарядов, уверенности и силы приоб-



рело в его глазах особое значение. Уж очень велика была разница между этой роскошью и его собственным плачевным положением.

А положение его и вправду было плачевное. Герствуд вскоре увидел, что отсутствие страха перед арестом не является *Sine qua* поп<sup>1</sup>. Едва миновала одна опасность, на сцену выступила другая — нужда. Жалкая сумма в тысячу триста долларов, которую им с Керри придется растянуть на несколько лет, чтобы покрывать свои расходы на жилище, одежду, пищу и развлечения, вряд ли могла успокоить человека, привыкшего тратить в пять раз больше за один лишь год. Герствуд много думал об этом в первые же дни по приезде в Нью-Йорк и пришел к выводу, что нужно действовать решительно. Ознакомившись с коммерческими предложениями в утренних газетах, он принялся за поиски работы.

Однако прежде он вместе с Керри обосновался в квартире на Семьдесят восьмой улице, близ Амстердам-авеню. Дом был пятиэтажный, а их квартира расположена на третьем этаже. Благодаря тому, что улица еще не была плотно застроена, на востоке видны были зеленые вершины деревьев Сентрал-парка, а на западе — широкие воды Гудзона. Квартирка с ванной обходилась в тридцать пять долларов в месяц, что для того времени было средней ценой, но все же очень чувствительной для Герствуда.

Керри обратила внимание на разницу в размере здешних и чикагских комнат. Она поделилась своими наблюдениями с Герствудом.

— Ничего лучшего мы не найдем, дорогая, — сказал он ей. — Разве только если будем искать квартиру в одном из старых домов, а там ты не будешь иметь тех удобств, что здесь.

Квартирка привлекла внимание Керри тем, что была заново отделана и находилась в одном из новых домов с центральным отоплением. Это было большое преимущество. Хорошая плита, горячая и холодная вода, грузовой лифт и даже рупор для переговоров со швейцаром — все это очень понравилось молодой женщине. В ней был достаточно развит хозяйственный инстинкт, чтобы вполне оценить эти усовершенствования.

---

<sup>1</sup> Непременное условие (лат.).



Герствуд вошел в соглашение с одной мебельной компанией, которая обставила квартиру за взнос в пятьдесят долларов наличными при условии выплаты остальной суммы частями, по десять долларов в месяц. Затем он заказал медную дощечку, на которой было выгравировано «Дж. У. Уилер», и прикрепил ее в вестибюле над своим почтовым ящиком. Сперва Керри казалось очень странным, когда швейцар называл ее «миссис Уилер», но мало-помалу она привыкла и стала относиться к этому имени, как к своему собственному.

Покончив с хлопотами по устройству квартиры, Герствуд отправился по нескольким объявлениям, рассчитывая приобрести долю в каком-нибудь преуспевающем баре. После роскошного заведения на Адамс-стрит ему не по душе были жалкие кабаки, которые он теперь посетил; он только зря потратил несколько дней на их осмотр: все они были очень неприглядны.

Зато он извлек много ценных сведений из бесед с владельцами баров. Он узнал о неограниченном влиянии Таммани-холла<sup>1</sup> на деловую жизнь города и о том, как важно быть в хороших отношениях с полицией. Он обнаружил, что наиболее процветающие бары, в противоположность «Фицджеральду и Мою», ведут свои дела, далеко отступая от предусмотренных законом норм. Наиболее доходные заведения имели во втором этаже шикарно обставленные отдельные кабинеты и потайные комнаты для свиданий. По самодовольным лицам владельцев этих заведений, по бриллиантам, сверкавшим на запонках их сорочек, и по элегантному покрою их одежды видно было, что торговля алкоголем здесь, как и везде в мире, — золотое дно.

После долгих поисков Герствуд нашел человека, который владел на Уоррен-стрит баром, как будто обещавшим в будущем большие барыши. Тут, казалось, можно было ввести кое-какие усовершенствования, внешний вид заведения был довольно приличный, а владелец хвастал, что дела идут прекрасно, и, по-видимому, оно так и было.

— Наша клиентура состоит из людей зажиточных, — сказал он Герствуду. — Это коммерсанты, комми-

---

<sup>1</sup> Таммани-холл — реакционнейшая организация, связанная с гангстерами, подкупающая чиновников и посылающая на все выборные должности своих ставленников.



вояжеры, люди всяких профессий. Проходимцев мы сюда не пускаем.

Герствуд постоял, прислушиваясь к частым звонкам кассы, и некоторое время последил за торговлей.

— И вы думаете, что доходов с вашего предприятия вполне хватит на двоих? — спросил он.

— Если вы понимаете в деле, то можете убедиться сами, — ответил владелец. — У меня есть еще один бар на улице Нассау, и у меня нет времени для обоих. Если бы я нашел подходящего человека, знающего дело, я был бы не прочь взять его в долю и предоставить ему управление этим баром.

— У меня есть опыт, — небрежно ответил Герствуд.

Однако он воздержался от упоминания о том, что был управляющим бара «Фицджеральд и Мой» в Чикаго.

— В таком случае слово за вами, мистер Уилер! — сказал владелец бара.

Он предлагал только третью долю в деле, включая наличный товар и обстановку, за что Герствуд должен был внести тысячу долларов и, кроме того, работать управляющим. О недвижимом имуществе договариваться не приходилось, так как владелец бара лишь арендовал помещение.

Предложение показалось Герствуду весьма заманчивым. Вопрос был лишь в том, даст ли одна треть дохода бара, расположенного в таком месте, те полтораста долларов в месяц, которые, по его приблизительному подсчету, необходимы были на домашние расходы. Впрочем, ввиду неудач во всех других местах сейчас не время было долго колебаться. Во всяком случае, Герствуд мог надеяться, что уже сейчас будет зарабатывать долларов сто в месяц, а если разумно вести дело и кое-что усовершенствовать, то и больше. Он согласился на предложение, внес свою тысячу долларов и решил на следующий день приступить к исполнению своих обязанностей.

Вначале он был в восторге от заключенной сделки и говорил Керри, что, по-видимому, вложил деньги в очень выгодное предприятие. С течением времени, однако, обнаружилось много такого, что заставило его призадуматься. Во-первых, оказалось, что его парт-



нер — человек очень сварливый, к тому же он выпивал и тогда начинал скандалить. К этому Герствуд совсем не привык. Во-вторых, доходность бара сильно колебалась. Здесь не было ничего похожего на ту постоянную клиентуру, с которой Герствуд имел дело в Чикаго. Он понял, что пройдет немало времени, прежде чем ему удастся завести друзей среди своих посетителей. Сюда, в этот бар, люди заходили наспех и уходили, нисколько не интересуясь чьей-либо дружбой. Это не было местом, куда приходили посидеть и поболтать. Мелькали дни и недели, а Герствуд ни от кого не слышал тех сердечных приветствий, какие привык слышать каждый день в Чикаго.

Кроме того, Герствуду не доставало общества знаменитостей, тех элегантных людей, которые создают атмосферу даже в барах средней руки, принося с собой вести о том, что делается в наиболее изысканных и замкнутых кругах. Он месяцами не видел ни одного чем-либо выдающегося человека. По вечерам, во время пребывания в баре, Герствуд неоднократно находил в газетах заметки о прославленных людях, которых он знал и с которыми неоднократно выпивал стаканчик-другой, о людях, которые посещали такие бары, как «Фицджеральд и Мой» или «Гофман»; но здесь, он прекрасно понимал это, ему никогда не придется встретиться с ними.

К тому же предприятие не приносило ожидаемого дохода. Правда, дела несколько оживились, но Герствуду было ясно, что придется быть очень и очень экономным в своих расходах, а это было унижительно.

В первое время для него было наслаждением, вернувшись поздно домой, увидеть поджидающую его Керри. Он распределил свое время так, чтобы между шестью и семью часами вечера уходить домой обедать, а утром оставаться дома до девяти часов. Но мало-помалу это потеряло прелесть новизны, и Герствуд начал тяготиться однообразием своих обязанностей.

Не прошло и месяца со дня приезда в Нью-Йорк, как Керри заметила однажды таким тоном, каким говорит о вещах маловажных:

— Я собираюсь сходить на этой неделе в город и купить себе платье.

— Какое именно? — спросил Герствуд.



— О, какое придется, лишь бы можно было выходить в нем на улицу.

— Хорошо,— с улыбкой сказал Герствуд, но при этом подумал, что для его финансов было бы лучше, если бы она воздержалась от покупки.

На следующий день об этом больше не упоминалось, но на третий день утром Герствуд осведомился:

— Ты уже купила себе платье?

— Нет еще,— ответила Керри.

Герствуд помолчал, как будто что-то соображая, а затем сказал:

— Ты не можешь повременить несколько дней с этой покупкой?

— Могу,— ответила Керри, еще не уловив, к чему он клонит, так как Герствуд никогда не давал ей повода думать о денежных затруднениях.— Но почему? — поинтересовалась она.

— Видишь ли, я вложил все наличные деньги в дело и пока что очень стеснен в средствах. Но я надеюсь в самом ближайшем времени вернуть весь вложенный капитал.

— Ах, вот оно что! — воскликнула Керри.— Ну, конечно, дорогой! Почему же ты мне раньше не сказал об этом?

— Раньше в этом не было необходимости,— ответил Герствуд.

Согласившись с такой готовностью, Керри все же не преминула отметить какое-то сходство между словами Герствуда и отговорками Друэ, все время собиравшегося покончить с каким-то дельцем. Это была лишь минутная мысль, и все же она положила начало чему-то новому. Керри начала несколько иначе смотреть на Герствуда.

Мало-помалу стали накапливаться и другие мелочи такого же рода, которые в общей сложности явились для Керри большим откровением. Она вовсе не была глупа. К тому же два человека, прожив долгое время под одним кровом, не могут не узнать друг друга. Беспокойство одного открывается другому, независимо от того, желает он сознаться в нем или нет. Воздух насыщен тревогой, и мрачное настроение говорит само за себя.



Герствуд по-прежнему хорошо одевался, но костюмы его были все те же, что он носил еще в Канаде. Керри заметила, что он не обновлял своего крайне скромного гардероба. От нее не укрылось и то, что он весьма редко предлагал ей какие-либо развлечения, что он ни разу не похвалил ее кулинарных способностей и как будто с головой ушел в свое дело. Это был уже не тот беспечный, щедрый, богатый Герствуд, которого она знала в Чикаго. Перемена была столь разительна, что не могла оставаться незамеченной.

Вскоре Керри почувствовала и другую перемену — он перестал делиться с ней своими мыслями. Он стал скрытным и советовался лишь с самим собою. Ей приходилось самой расспрашивать его о всяких мелочах, а это весьма неприятно для каждой женщины. Иногда сильная любовь вынуждает мириться с этим, но только мириться, не больше. А там, где сильной любви нет, напрашиваются более определенные, но весьма неутешительные выводы.

Герствуд же отважно боролся с затруднениями, которые возникли у него на этом новом пути. Он был достаточно умен, чтобы понимать, какую огромную ошибку он совершил, и ценить то немногое, чего он добился сейчас, однако час за часом и день за днем он невольно сравнивал свое нынешнее жалкое и шаткое положение с прежней солидной обеспеченностью.

Кроме того, его постоянно мучил страх встретить кого-нибудь из прежних приятелей. Этот страх особенно усилился после одной неприятной встречи, которая произошла вскоре по прибытии Герствуда в Нью-Йорк. Он шел по Бродвею и вдруг увидел, что навстречу ему идет знакомый. Притворяться и делать вид, будто он не узнал чикагца, было уже поздно. Они успели обменяться взглядами, и было слишком ясно, что оба узнали друг друга. Знакомый, представитель крупной чикагской фирмы, счел своим долгом остановиться.

— Ну, как живете? — спросил он, протягивая Герствуду руку, но ни в интонации его, ни в жесте не было ничего похожего на искренний интерес.

— Благодарю вас, хорошо, — ответил Герствуд, не менее смущенный, чем тот. — А вы как?

— Ничего. Я приехал кое-что закупить для фирмы. А вы что же, теперь живете здесь постоянно?



— Да,— ответил Герствуд.— У меня свое дело на Уоррен-стрит.

— Вот как! Очень рад слышать. Как-нибудь загляну к вам.

— Заходите,— сказал Герствуд.

— Ну, всего доброго,— сказал тот с любезной улыбкой и попрощался.

«Он даже не спросил номера дома,— подумал Герствуд.— Так он и зайдет!»

Герствуд вытер вспотевший лоб и от всего сердца понадеялся, что никого больше не встретит.

Все эти мелочи стали сказываться на характере Герствуда, который до сих пор был человеком добродушным. Единственная его надежда была на скорую перемену в материальном положении. Керри была с ним. Долг за мебель он аккуратно погашал. У него было более или менее доходное место. Что же касается развлечений, то Керри должна довольствоваться тем, что он может предложить ей. Только бы ему продержаться, и тогда все будет хорошо.

Но он забывал о неустойчивости человеческой натуры, о трудностях семейной жизни. Керри была молода. У них обоих часто менялось настроение. В любую минуту могла произойти вспышка, хотя бы за обеденным столом, как это часто бывает в самых благополучных домах. Лишь сильная любовь может загладить те мелкие недоразумения, которые возникают при совместной жизни. А там, где такой любви нет, обе стороны скоро разочаровываются друг в друге и неизбежно сталкиваются с тяжелой проблемой.

## ГЛАВА XXXI

### ЛЮБИМИЦА ФОРТУНЫ. БРОДВЕЙ БЛЕЩЕТ БОГАТСТВОМ

Если на Герствуда Нью-Йорк действовал угнетающе, то Керри, напротив, вполне спокойно относилась к новой обстановке. Несмотря на то, что вначале она отозвалась о Нью-Йорке неодобрительно, этот город интересовал ее чрезвычайно. Прозрачный воздух, шумные площади и перекрестки, полное равнодушие к челове-



ку — все здесь поражало ее. Она никогда еще не видела таких крохотных комнат, как те, в которых жила сейчас, но это не помешало ей полюбить их. Новая мебель выглядела нарядно, а сервант, на котором Герствуд все расставил по своему вкусу, сверкал красивой посудой. Каждая комната была обставлена соответствующим образом — в гостиной стояло взятое напрокат пианино, так как Керри выразила желание учиться музыке... Она наняла служанку и быстро усваивала премудрость ведения домашнего хозяйства. Впервые в жизни она жила в узаконенном положении жены и, стало быть, была оправдана в глазах общества. И мысли ее были просты и невинны. Долгое время ее занимало устройство нью-йоркских домов, где десять семейств могли жить годами и оставаться чужими и безразличными друг другу. Дивилась она также гудкам сотен судов в порту, этому пронзительному и долгому вою, которым обмениваются в тумане океанские пароходы и паромы. Уже одно то, что эти звуки доносились с моря, представлялось ей чудесным. Она могла без конца любоваться видневшейся из окон полоской Гудзона и кипевшим кругом строительством огромных зданий. Здесь было много такого, о чем можно пораздумать, новых впечатлений хватило бы на целый год, и все это нисколько не приедалось.

Кроме того, Герствуд был чрезвычайно предан ей. Как ни мучили его всякие тревоги, он никогда не говорил о них Керри. Он держал себя с прежним достоинством, мирился с новым положением, радовался обществу Керри, ее способностям и маленьким успехам. Каждый вечер он вовремя являлся к обеду и находил уютно убранную столовую. Малые размеры комнаты лишь придавали ей больший уют: казалось, она обставлена всем, что только требуется для столовой. Стол, покрытый белой скатертью, был уставлен красивыми тарелками, а канделябр с четырьмя ветвями, увенчанными маленькими красными абажурами, бросал мягкий свет. С помощью служанки Керри отлично справлялась с бифштексами и котлетами, а в остальном ее очень выручали всевозможные консервированные продукты. Она овладевала искусством печь бисквиты и вскоре уже с гордостью ставила на стол блюдо с воздушным, тающим во рту печеньем.



Так они прожили второй месяц, третий, четвертый. Пришла зима, а с нею ощущение, что приятнее всего сидеть дома. О посещении театров заговаривали редко. Герствуд прилагал все усилия, чтобы покрывать расходы по дому, стараясь при этом ничем не выдавать своих тревог. Он говорил Керри, что ему приходится то и дело вкладывать в предприятие деньги, чтобы в будущем иметь больше доходов. Для себя лично он довольствовался самой скромной суммой, но и очень редко предлагал что-либо приобрести для Керри. Так миновала первая зима.

На второй год дело под управлением Герствуда несколько оживилось и стало давать ему те сто пятьдесят долларов в месяц, на которые он рассчитывал. К сожалению, Керри к этому времени успела сделать для себя некоторые выводы, а Герствуд со своей стороны обзавелся кое-какими знакомыми.

Керри, бывшая по натуре скорее пассивной и покорной, чем активной и требовательной, мирилась с положением, которое представлялось ей довольно сносным. Иногда они посещали театр, иногда — довольно редко — ездили на побережье океана, в разные концы Нью-Йорка, но знакомых у них совсем не было. В своих отношениях с Керри Герствуд, естественно, утратил прежнюю изысканность и галантность манер и постепенно перешел на простой дружеский тон. Недоразумений между ними не бывало, не было и особых расхождений во взглядах. Не имея свободных денег, не навещая никаких друзей, Герствуд, вполне понятно, вел жизнь, которая не могла вызвать у Керри ни ревности, ни недовольства. Она сочувственно относилась к его трудной работе и несколько не скорбела о том, что лишилась тех развлечений, в которых у нее не было недостатка в Чикаго. Нью-Йорк в целом и ее домашняя жизнь в частности пока что удовлетворяли ее.

Но по мере расширения дела Герствуд, как уже было сказано, стал постепенно заводить знакомства. Он также стал уделять больше внимания своему гардеробу. Он уверял себя, что очень дорожит семейной жизнью, но что это отнюдь не лишает его права иной раз не явиться домой к обеду. Когда это случилось впервые, он отправил к Керри посыльного, поручив ему передать, что задержится. Керри пообедала одна. Она на-



деялась, что это больше не повторится. Во второй раз он также предупредил ее, но лишь в последнюю минуту. А в третий раз Герствуд и совсем забыл известить ее и лишь потом уже, по возвращении домой, извинился. Правда, между этими случаями были промежутки в несколько месяцев.

— Где же ты пропадал, Джордж? — спросила Керри, когда он не пришел в первый раз.

— Был занят в баре, — добродушно отозвался он. — Нужно было оформить кое-какие счета.

— Очень жаль, что ты не пришел, — ласково упрекнула она его. — Я приготовила такой чудесный обед!

Во второй раз он ограничился той же отговоркой, а в третий раз Керри была уже немало рассержена его поведением.

— Пойми, что я не мог уйти домой, — оправдывался Герствуд. — Я был очень занят.

— Неужели ты не мог дать мне знать, что не придешь? — стояла на своем Керри.

— Я хотел предупредить тебя, но как-то случилось, что я забыл об этом и вспомнил, когда было уже поздно.

— А я приготовила такие вкусные вещи! — вздохнула Керри.

Наблюдая за Керри, Герствуд решил, что она по натуре домоседка и ее главное призвание — дом и хозяйство. К этому странному выводу он пришел после года совместной жизни, хотя видел ее выступление на сцене в Чикаго и прекрасно знал, что теперь она привязана к квартире и к нему лишь в силу созданных им условий и полного отсутствия друзей. Его радовало, что у него есть жена, которая довольствуется столь малым. Такой взгляд привел к естественным последствиям: вообразив, что Керри всем довольна, Герствуд счел себя обязанным давать лишь то, что может обеспечить ей подобное удовлетворение жизнью. Иными словами, он заботился о мебели, об украшении квартиры, о необходимой одежде и средствах для пропитания, но все меньше и меньше думал о том, чтобы сколько-нибудь развлечь Керри, приобщить ее к блеску и веселью большого города. Сам он испытывал сильное тяготение к миру, лежавшему за стенами их квартиры, но почему-то думал, что Керри было бы неинтересно сопровождать



его. Однажды он отправился в театр один. В другой раз уехал на весь вечер играть в покер со своими новыми друзьями. Постепенно у него опять завелись деньги, и он снова ожил, но, конечно, это было далеко не то, что в Чикаго. К тому же он всячески избегал таких увеселительных заведений, где рисковал встретиться с людьми, с которыми встречался раньше.

Все это Керри стала как-то инстинктивно угадывать, но по натуре она не принадлежала к женщинам, которых подобное поведение могло бы встревожить. Не пылая сильной любовью к Герствуду, она не могла особенно терзаться и ревностью. Собственно говоря, она и вовсе не ревновала. А Герствуд был только доволен ее спокойствием и не трудился вникнуть в его причины. И если теперь случалось, что он не приходил домой к обеду, это уже не казалось Керри ужасным. Она оправдывала все тем, что на его пути стоят обычные соблазны, которых не может избежать ни один мужчина: друзья, с которыми хочется побеседовать, всякие места, куда интересно заглянуть, знакомые, с которыми надо посоветоваться. Керри ничего не имела против того, чтобы он по-своему развлекался. Она только не хотела, чтобы он забывал о ней. Положение казалось ей более или менее терпимым, и она только замечала, что Герствуд стал совсем не тот, каким был раньше.

На втором году их пребывания в Нью-Йорке рядом с ними освободилась квартира, и вскоре туда переехала очень красивая молодая женщина с мужем. Керри познакомилась с этой четой. Знакомству способствовало то, что обе квартиры обслуживались одним грузовым лифтом. Это полезное сооружение служило для подачи наверх присылаемых из магазинов покупок и для отправки вниз всяких хозяйственных отходов. Всякий раз, когда швейцар подавал свисток, хозяйки обеих квартир подходили к дверцам лифта и встречались лицом к лицу. Однажды утром, когда Керри подошла взять из лифта газету, новая соседка, красивая темно-волосая женщина лет двадцати трех, вышла из своей квартиры, очевидно, с той же целью. На ней был пеньюар, накинутый поверх ночной сорочки, волосы ее были растрепаны, но она казалась такой хорошенькой и такой симпатичной, что сразу понравилась Керри. Соседка лишь смущенно улыбнулась, но этого было



вполне достаточно. Керри сейчас же подумала, что было бы очень приятно познакомиться с нею, и та же мысль мелькнула у другой женщины, которая пришла в восхищение от наивного личика Керри.

— Рядом с нами поселилась очень красивая женщина с мужем,— заметила Керри, садясь с Герствудом завтракать.

— Кто такие? — поинтересовался он.

— Я, право, не знаю,— сказала Керри.— Над звонком у них написано «Вэнс». Я только знаю, что кто-то у них прекрасно играет на рояле; полагаю, что это миссис Вэнс.

— Гм! — промычал Герствуд.— В таком городе, как Нью-Йорк, никогда не знаешь, что за люди живут рядом с тобой.

В этих немногих словах отразилось обычное отношение жителей Нью-Йорка к своим соседям.

— Подумай только, Джордж! — сказала Керри.— Вот я больше года живу в этом доме среди десятка других семей и не знаю ни души. Новые соседи, о которых я тебе сейчас говорила, уже больше месяца здесь, а я только сегодня утром впервые увидела эту самую миссис Вэнс.

— Что ж, это, пожалуй, к лучшему,— стоял на своем Герствуд.— Никогда не знаешь, с кем имеешь дело. Порою можно натолкнуться на очень неприятных людей.

— Конечно,— согласилась с ним Керри.

Разговор перешел на другие темы, и Керри перестала думать об этом, пока снова не столкнулась с миссис Вэнс, когда два-три дня спустя выходила из дому, отправляясь на рынок. Та как раз возвращалась домой и, узнав соседку, кивнула ей. Керри ответила улыбкой. Таким образом создалась почва для знакомства. Не будь этого мимолетного приветствия, они, по всей вероятности, никогда не узнали бы друг друга ближе.

Снова прошло несколько недель, и Керри больше не встречала миссис Вэнс. Но через тонкую стенку, разделявшую их гостиные, доносились звуки рояля. Керри нравился и выбор музыкальных пьес и блеск их исполнения. Сама она играла лишь посредственно, и поэтому игра миссис Вэнс граничила в ее представлении с виртуозностью. Все, что ей до сих пор случалось видеть



и слышать,— конечно, это были самые отрывочные и туманные сведения,— указывало на то, что соседи очень культурные и вполне обеспеченные люди. И потому Керри, естественно, с нетерпением дожидалась случая завязать, наконец, знакомство.

Однажды утром в квартире Керри раздался звонок. Служанка, находившаяся в кухне, нажала кнопку, автоматически открывающую парадную дверь вниз. Когда Керри вышла на площадку, чтобы узнать, кто это к ним направляется, она увидела поднимавшуюся по лестнице миссис Вэнс.

— Надеюсь, вы простите меня,— сказала та.— Уходя, я забыла захватить с собою ключ, а потому и позволила себе позвонить к вам.

К этой уловке нередко прибегали и другие жильцы, когда по рассеянности забывали дома ключи, но никто не находил нужным извиняться.

— Я очень рада, что могла быть вам полезна,— сказала Керри.— Я сама часто пользуюсь этим способом.

— Чудесная погода сегодня! — заметила миссис Вэнс, задерживаясь на минуту.

Так после ряда незначительных фраз завязалось, наконец, это знакомство, и в миссис Вэнс Керри обрела очень милую собеседницу и приятельницу.

Керри часто заходила после этого к соседке, и та, в свою очередь, навещала ее. Обе квартирны были уютные, но жилище супругов Вэнс было обставлено несколько богаче.

— Не зайдете ли вы вечером к нам? — предложила однажды миссис Вэнс.— Мне хотелось бы познакомить вас с мужем.— Этот разговор произошел вскоре после того, как между обеими женщинами завязалась дружба.— Мой муж тоже очень хочет познакомиться с вами. Вы играете в карты? — добавила миссис Вэнс.

— Немного,— ответила Керри.

— Вот мы и составим маленькую партию. А если ваш муж к тому времени вернется, непременно захватите его с собой!

— Он сегодня не придет к обеду,— сказала Керри.

— Что ж, мы позовем его, когда он вернется.

Керри согласилась и в тот же вечер познакомилась с тучным мистером Вэнсом. Он был несколькими года-



ми моложе Герствуда. Тем, что у него была такая красивая и приятная жена, он был обязан больше своим деньгам, нежели внешности.

Керри понравилась ему с первого же взгляда, и он всячески изоощрялся, стараясь быть с ней полюбознее: он научил ее новой игре в карты, много рассказывал о Нью-Йорке и о том, какие развлечения есть в этом городе.

Затем миссис Вэнс поиграла на рояле, а вскоре пришел и Герствуд.

— Очень рад познакомиться с вами,— сказал он миссис Вэнс, когда Керри представила его.

И в его манерах вновь появилась та изысканность, которая в свое время пленила Керри.

— Вы не подумали, что ваша жена сбежала? — спросил мистер Вэнс, протягивая руку.

— Да я уж решил, что она нашла себе более подходящего мужа,— в тон ему ответил Герствуд.

После этого Герствуд перенес все свое внимание на миссис Вэнс, и Керри мгновенно вновь увидела то, чего ей в последнее время подсознательно недоставало в Герствуде: лоск и галантность светского человека. Увидела она и то, что была неважно одета — куда ей до нарядной миссис Вэнс. Все стало ясно Керри, словно завеса спала с ее глаз. Она почувствовала, что не живет, а прозябает, и этого сознания было вполне достаточно, чтобы испортить ей настроение. К ней вернулась прежняя благотворная, пробуждавшая желания грусть, заставившая Керри задуматься о своих возможностях.

Это пробуждение не имело каких-либо немедленных последствий, ибо Керри была человеком не очень инициативным. Тем не менее, если жизнь сулила какую-то новизну, Керри охотно плыла по течению. Герствуд ничего не заметил. От него остались скрытыми те явные контрасты, на которые обратила внимание Керри. Он не уловил даже тени грусти, появившейся в ее глазах. А хуже всего было то, что теперь Керри стала чувствовать себя дома одинокой и постоянно искала общества миссис Вэнс, которая искренне к ней привязалась.

— Давайте пойдем сегодня на дневной спектакль! — предложила миссис Вэнс, заглянув однажды утром к Керри.



На гостье был бледно-розовый капот, который она накинула, встав с постели. Герствуд и Вэнс уже с час назад разошлись каждый по своим делам.

— Хорошо,— согласилась Керри, любуясь холеной внешностью своей изящной приятельницы.

Достаточно было взглянуть на миссис Вэнс, чтобы стало ясно, что каждое ее желание исполняется, что ее горячо любят.

— А что сегодня идет? — поинтересовалась Керри.

— О, мне очень хочется посмотреть Ната Гудвина! — сказала миссис Вэнс.— По-моему, он лучший комик в мире. Газеты очень хвалят этот спектакль.

— А когда нам нужно будет выйти из дому? — спросила Керри.

— Давайте выйдем в час и пройдемся по Бродвею,— сказала миссис Вэнс.— Это прекрасная прогулка. Театр — на Медисон-сквер.

— Я с удовольствием пойду,— сказала Керри.— А почему билеты? — спросила она.

— Я думаю, не больше доллара,— ответила миссис Вэнс.

Миссис Вэнс ушла к себе и к часу появилась снова. На ней было элегантно темное платье и очаровательная шляпка, в тон. Керри тоже приоделась и выглядела очень мило, но при виде приятельницы она с болью в сердце почувствовала, как велика между ними разница. У миссис Вэнс было много прелестных мелочей, которые дополняли ее туалет и которых недоставало Керри: золотые вещицы, изящная сумочка из зеленой кожи, с монограммой, премилый шелковый платочек, обшитый кружевом, и тому подобное. Керри понимала, что ее гардероб слишком скуден и прост, чтобы она могла выдержать сравнение с этой женщиной. Она подумала, что, взглянув на них, всякий отдаст предпочтение миссис Вэнс, плененный ее нарядом. Это была неприятная, но не совсем справедливая мысль, ибо теперь фигура Керри стала тоже прелестно округлой, а лицо было красиво красотой определенного типа. Разница была лишь в качестве и свежести наряда, и нельзя сказать, чтобы эта разница уж очень бросалась в глаза. Но так или иначе это еще больше укрепило в душе Керри недовольство своим положением.



Прогулка по Бродвею в те дни (как и сейчас, впрочем) составляла одну из главных приманок Нью-Йорка. Здесь можно было встретить не только хорошеньких женщин, любящих показать себя, но и мужчин, любящих восхищаться ими. Это была яркая процессия красивых лиц и туалетов. Женщины появлялись в своих лучших шляпах, в изящной обуви и перчатках и шли попарно, рука об руку, в роскошные магазины или театры, разбросанные на всем протяжении Бродвея от Четырнадцатой до Тридцать четвертой улицы. Точно так же щеголяли мужчины, разодетые по последней моде. Любой портной мог бы выбрать здесь модели мужских костюмов, сапожник получил бы урок, какую обувь нужно шить, а шляпный мастер узнал бы, какие головные уборы больше всего нравятся мужчинам.

Недаром говорилось, что если щеголь сошьет себе новый костюм, он прежде всего непременно «проветрит» его на Бродвее. Все это было столь достоверно и общеизвестно, что через несколько лет все мюзик-холлы обошла весьма популярная песенка о дневном бродвейском параде перед началом утренников. В песенке высмеивались разные факты, в том числе и этот. Она называлась «Имеет ли он право на Бродвей».

За все свое пребывание в Нью-Йорке Керри никогда еще не слыхала об этом параде, об этой выставке туалетов. И ей ни разу не приходилось бывать на Бродвее в те часы, когда можно было все это увидеть. Что же касается миссис Вэнс, то для нее это зрелище было привычным. Она не только неоднократно видела его, но и сама принимала в нем участие, вызывая одобрительный шепот своим туалетом и внешностью. Она приходила сюда не только чтобы посмотреть на других и самой показаться, но и затем, чтобы лишний раз убедиться, что не отстала от моды.

Выйдя у Тридцать четвертой улицы из трамвая, Керри с довольно непринужденным видом пошла рядом с подругой, не в силах оторвать взгляда от сновашей вокруг нарядной толпы. Она вдруг заметила, что походка и все манеры миссис Вэнс стали какими-то искусственными и натянутыми под пытливыми взглядами красивых мужчин и изысканно одетых женщин. По-видимому, здесь считалось вполне приличным глядеть на человека в упор. Керри внезапно обнаружила, что и ее



рассматривают и изучают десятки глаз. Мужчины в безупречных пальто и цилиндрах, держа в руках трости с серебряными набалдашниками, то и дело проходили вплотную мимо женщин и заглядывали им в глаза, ловя ответные взгляды. Дамы шуршали шелками, расточая деланные улыбки и запах духов. Здесь добродетель стушевывалась перед пороком. Сколько было здесь надушенных волос, нарумяненных и напудренных лиц, накрашенных губ, томных подведенных глаз! Внезапно Керри поняла, что очутилась в самом центре выставки шика и моды, и какой выставки! Витрины ювелиров сверкали на каждом шагу. Цветочные магазины, меховые ателье, магазины мужского и дамского платья и белья следовали один за другим. Улица была запружена колясками и каретами. У подъездов стояли величественные швейцары в каких-то фантастических livreeх с золотыми перевязями и пуговицами. Кучера в коричневых гетрах, белых рейтузах и синих куртках покорно ждали занятых покупателями владелиц экипажей. На всем Бродвее царила атмосфера богатства и внешней эффектности, и Керри сознавала, что она не принадлежит к этому миру. При всем желании она не могла держаться здесь так уверенно, как миссис Вэнс. Керри казалось, что каждому встречному бросается в глаза огромная разница в их туалете, и это задевало ее за живое. Она решила больше не показываться здесь, пока у нее не будет дорогих туалетов. В то же время она жаждала испытать наслаждение продефилировать на этом параде равной среди равных. О, тогда она почувствовала бы себя счастливой!

## ГЛАВА XXXII

### ПИР ВАЛЬТАСАРА. ПРОВИДЕЦ-ТОЛКОВАТЕЛЬ

Чувства, вызванные у Керри прогулкой по Бродвею, настроили ее чрезвычайно восприимчиво к пьесе, которую она видела в тот день. Актер, исполнявший главную роль, приобрел популярность в веселых комедиях, где к сценкам, полным юмора, подмешано для контраста несколько сцен человеческого горя.



Для Керри, как мы уже знаем, театр всегда имел большую притягательную силу. Молодая женщина не забыла своего памятного выступления в Чикаго, оно жило в ее душе и занимало ее мысли в те долгие вечера, когда качалка и модный роман были ее единственными развлечениями. И если ей случалось побывать в театре, она тотчас живо вспоминала о своем умении играть. Нередко какой-нибудь эпизод вызывал в ней страстное желание выступить на сцене и выразить те чувства, которые она испытывала бы на месте того или иного действующего лица. И почти каждый раз она уносила с собой яркие впечатления, дававшие пищу для раздумий на весь следующий день. Этим она жила больше, чем реальными событиями, наполнявшими ее повседневное существование. Не часто бывало, чтобы она приходила в театр, взволнованная виденным в жизни. Но сегодня в ее душе тихо зазвучала песня желаний, пробужденных зрелищем роскоши, веселья и красоты. О, эти женщины, которые сотнями и сотнями проходили мимо нее,— кто они? Откуда эти богатые, изящные туалеты, эти ткани изумительной окраски, серебряные и золотые безделушки? Где обитают эти прелестные женщины? Среди каких обтянутых шелком стен, среди какой узорной мебели и пышных ковров проводят они свои дни? Где их роскошные жилища, наполненные всем, что можно купить за деньги? В каких конюшнях отдыхают эти лоснящиеся нервные лошади, и стоят великолепные экипажи, где живут лакеи в богатых livreeх? О, эти особы, этот яркий свет, этот тонкий аромат, уютные будуары, столы, ломящиеся под тяжестью яств! Нью-Йорк, должно быть, полон таких дворцов, иначе не было бы и этих прекрасных, самоуверенных, надменных созданий! Их выращивают где-нибудь в оранжереях. Керри было больно от сознания, что она не принадлежит к их числу, что ее мечты, увы, не осуществились. И она поражалась своему одиночеству в последние два года, своему равнодушию к тому, что так и не достигла того, на что надеялась.

У пьесы был банальный сюжет из жизни светских салонов, где среди раззолоченной мебели разодетые дамы и кавалеры терзаются муками ревности и любви. Такие пьесы всегда приводят в восторг людей, всю жизнь тщетно мечтавших о подобной обстановке. Здесь



показано страдание в идеальных жизненных условиях. Кто не согласился бы погоревать, сидя в золотом кресле? Кто не захотел бы погрузиться среди надушенных гобеленов, мягких пуфов и слуг в ливреях? Горе в таких условиях становится заманчивым. Керри жаждала приобщиться к нему. Ей хотелось переносить страдания, каковы бы они ни были, именно в такой обстановке, или если это невозможно, то хотя бы изображать их на сцене, в чудесных декорациях. Ее воображение было настолько захвачено всем виденным, что пьеса показалась ей необычайно прекрасной. Она вся ушла в этот искусственный мир и была бы рада никогда не возвращаться к действительности. В антракте она разглядывала элегантную публику первых рядов и лож и пополняла свои представления о Нью-Йорке. Теперь она знала, что до сих пор не видела его целиком, что этот город — сплошной вихрь веселья и радостей.

А когда они вышли из театра, тот же Бродвей снова преподнес ей еще более наглядный урок. Картина, которую она наблюдала по дороге в театр, стала еще эффектнее и в своей яркости достигла апогея. Керри не могла прийти в себя от всей этой безумной роскоши. Какой контраст с ее положением! Да, она не живет, она даже не имеет права утверждать, что живет, пока на ее долю не выпадет хотя бы малая частица вот такой жизни! Здесь женщины тратили деньги, не считая: стоило лишь заглянуть в любой магазин, мимо которого они проходили, чтобы убедиться в этом. Цветы, драгоценности, сласти — вот что, казалось, наполняло жизнь всех этих элегантных дам. А она! У нее едва хватало карманных денег на то, чтобы раза два в месяц позволить себе прогуляться здесь и посидеть в театре.

В этот вечер уютная маленькая квартирка показалась Керри будничной и заурядной. Это было совсем не то, чем наслаждался весь остальной мир. Равнодушным взглядом следила она за служанкой, готовившей обед. В голове то и дело вставали сценки из виденной комедии. Больше всего она вспоминала очаровательную актрису, исполнявшую роль женщины, которая после долгих ухаживаний сдалась возлюбленному. Керри покорило изящество этой женщины. Ее туалеты были шедевром искусства, ее страдания были так правдивы! Тоска,



которую она изображала, была понятна Керри. Керри была уверена, что и сама могла бы сыграть не хуже. Некоторые места она провела бы даже лучше этой актрисы. Она повторяла вслух отдельные фразы...

О, если бы попасть на сцену, если бы и ей дали такую роль,—какой интересной, какой просторной стала бы ее жизнь! Ведь она тоже могла бы волновать зрителей своей игрой.

Герствуд застал Керри в унылом настроении. Она сидела у окна в качалке и тихонько покачивалась, погруженная в свои думы. Не желая расставаться со своими увлекательными фантазиями, она отвечала скупой или старалась промолчать.

— Что с тобой, Керри? — немного погодя спросил Герствуд, заметив ее грустную молчаливость.

— Ничего,—бросила она.— Я себя неважно чувствую.

— Ты не больна, надеюсь? — спросил Герствуд, близко подойдя к ней.

— Да нет! — почти с раздражением отозвалась Керри.— Просто мне не по себе.

— Очень жаль,—сказал Герствуд, отходя и одергивая на себе чуть топорщившийся жилет.— А я думал пойти сегодня в театр.

— Мне не хочется,—сказала Керри.

Ей было досадно, что приход Герствуда нарушил и развеял ее чудесные видения.

— Я уже была сегодня на утреннике,—добавила она.

— Вот как! — сказал Герствуд.— Что же ты смотрела?

— «Золотые россыпи».

— Ну и как? Понравилось тебе?

— Очень!

— И тебе не хотелось бы пойти вечером еще раз?

— Пожалуй, нет,—сказала Керри.

Все же, очнувшись от своей меланхолии и усевшись за стол, она передумала. Тарелка супа иногда творит чудеса. Керри пошла с Герствудом в театр и тем самым на время вернула себе душевное равновесие.

Однако толчок к пробуждению был дан. Как бы она ни старалась забыть об этом, чувство неудовлетворенности почти не покидало ее. Время и повторение —



о, какая это сила! Так капля воды долбит камень, и он в конце концов распадается на куски.

Примерно через месяц после описанного нами утренника миссис Вэнс снова пригласила Керри в театр. Она слышала от Керри, что Герствуд не придет к обеду домой.

— Почему бы вам не пойти с нами? Не готовьте сегодня обеда. Мы пообедаем у «Шерри», а потом отправимся в «Лицей». Непременно пойдемте с нами!

— Благодарю вас, я, пожалуй, пойду,— согласилась Керри.

Она уже с трех часов начала одеваться, чтобы к половине шестого быть готовой отправиться в известный ресторан, в ту пору конкурирующий с «Дельмонико». В наряде Керри, несомненно, сказывалось влияние изысканной миссис Вэнс. Та постоянно обращала ее внимание на всевозможные новинки дамского туалета.

«А вы не хотите купить такую-то или такую-то шляпку?», или «Вы видели новые перчатки, которые теперь носят — с овальными перламутровыми пуговками?» — такие вопросы Керри постоянно слышала от своей подруги.

— Когда вы в следующий раз будете покупать себе ботинки, дорогая моя,— наставляла ее миссис Вэнс,— непременно купите на пуговицах, с лакированным носком и на толстой подошве. Это самая модная сбувь нынешней осенью.

— Спасибо, я так и сделаю,— говорила Керри.

— Ах, дорогая моя, вы заметили, какие блузки появились у Альтмана? — сказала ей в другой раз миссис Вэнс.— Изумительные фасоны! Я присмотрела там одну блузку, которая, я уверена, очень пошла бы вам. Я тотчас подумала об этом, как только увидела ее.

Керри с большим интересом прислушивалась к советам приятельницы, ибо в отношении миссис Вэнс к ней чувствовалось гораздо больше искреннего дружелюбия, чем бывает между двумя хорошенькими женщинами. Миссис Вэнс искренне полюбила Керри за ее мягкий и ровный нрав, и ей доставляло удовольствие указывать соседке на модные новинки.

— Почему вы не купите себе юбку из синей саржи, какие продают сейчас у «Лорда и Тэйлора», — сказала однажды миссис Вэнс.— Такую — колоколом. Они как



раз входят в моду; к тому же темно-синий цвет так идет вам!

Керри жадно ловила ее слова. О подобных вещах ей никогда не приходилось беседовать с Герствудом. Постепенно она начала высказывать желание купить то одно, то другое, а он соглашался, ничем не проявляя своего мнения. Разумеется, он заметил новые наклонности Керри и, слыша на каждом шагу похвалы по адресу миссис Вэнс, сообразил, откуда дует ветер. Пока он вовсе не собирался в чем-либо препятствовать Керри, но вскоре убедился, что ее потребности растут. Это, конечно, не могло быть ему особенно по душе, но он все еще по-своему любил ее, а потому предоставил событиям идти своим чередом.

Однако Керри заметила, что Герствуд, удовлетворяя ее желания, не обнаруживает при этом ни малейшего признака удовольствия. Он никогда не восхищался ее покупками, и она пришла к выводу, что он становится равнодушен к ней. Так в их отношения был вбит новый клин.

Как бы то ни было, но указания миссис Вэнс не пропали даром, и Керри была вполне прилично одета в тот день, когда она собралась со своими новыми друзьями в театр. Керри надела лучшее свое платье и с удовольствием думала, что хотя ей и приходится ограничивать свой запас нарядов одним «лучшим» платьем, оно по крайней мере ей к лицу и хорошо сидит. У нее, несомненно, был вид холеной двадцатилетней женщины, и миссис Вэнс сделала ей комплимент, от которого на пухлых щечках Керри выступила краска, а в больших глазах вспыхнул огонек удовольствия.

Собирался дождь, и мистер Вэнс, по просьбе жены, вызвал экипаж.

— А ваш муж не поедет с нами? — спросил мистер Вэнс, когда Керри вошла в уютную маленькую гостиную.

— Нет, — ответила она. — Он предупредил меня, что не придет к обеду.

— В таком случае вы бы оставили ему записку, чтобы он знал, где мы находимся. Быть может, он еще успеет присоединиться к нам позже.

— Вы правы, — сказала Керри. — Сейчас напишу. Сама она об этом не подумала.



— Напишите ему, что мы до восьми будем у «Шерри»,— добавил мистер Вэнс.— Впрочем, он и сам, верно, догадается.

Шурша платьем, Керри прошла через площадку к себе в квартиру и, не снимая перчаток, набросала записку. Когда она вернулась к приятельнице, там оказалась какой-то гость.

— Миссис Уилер, разрешите представить вам моего двоюродного брата, мистера Эмса,— сказала миссис Вэнс.— Он поедет с нами. Правда, Боб?

— Очень рад познакомиться,— сказал Эмс, почтительно кланяясь Керри.

Керри с первого же взгляда успела заметить, что он очень высок и статен, тщательно выбрит, молод и недурен собой, но не более того.

— Мистер Эмс приехал в Нью-Йорк на несколько дней,— сказал Вэнс,— и мы стараемся немного развлечь его.

— А, вы приезжий? — спросила Керри, снова оглядывая молодого человека.

— Да,— ответил тот.— Я только что приехал из Индианополиса и пробуду здесь с неделю.

Он присел на стул в ожидании, пока миссис Вэнс закончит свой туалет.

— Я думаю, Нью-Йорк показался вам прелюбопытным городом: тут есть что посмотреть,— отважилась заметить Керри, чтобы избежать неловкого молчания.

— Нью-Йорк слишком велик, чтобы его можно было обойти в одну неделю,— любезно сказал Эмс.

Молодой человек был, по-видимому, весьма благодушного нрава и ничуть не рисовался. Керри показалось, что он еще не совсем преодолел остатки юношеской робости. Он вряд ли умел вести блестящую беседу; достоинства его заключались в том, что он был хорошо одет и довольно храбро держался в обществе. Керри решила, что с этим человеком ей нетрудно будет поддерживать разговор.

— Ну, теперь мы, кажется, готовы,— сказал Вэнс.— Экипаж у подъезда.

— Да, пойдем,— сказала миссис Вэнс, входя в гостиную.— Боб, тебе придется позаботиться о миссис Уилер!



— Постараюсь,— улыбнувшись, ответил Боб и подошел ближе к Керри.— Мне кажется, вы не потребуете особого надзора? — добавил он, как бы прося у нее благожелательности и снисхождения.

— Надеюсь, что нет,— отозвалась она.

Они спустились по лестнице, и вскоре вся компания разместилась в экипаже.

— Поехали,— сказал Вэнс, усаживаясь последним и захлопывая дверцу.

Экипаж тронулся в путь.

— А что сегодня идет? — поинтересовался Эмс.

— «Лорд Чомли»,— ответил Вэнс.— С Созерном в главной роли.

— О, Созерн бесподобен,— воскликнула миссис Вэнс.— Он такой забавный.

— Да, газеты его очень хвалят,— вставил Эмс.

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы получим большое удовольствие,— сказал Вэнс.

Эмс сидел рядом с Керри и потому считал своим долгом уделять ей известное внимание. Его заинтересовала эта совсем еще молодая и уже замужняя женщина, такая хорошенькая к тому же, но этот интерес был только почтительным. Молодой человек отнюдь не был ловеласом. Он с большим уважением относился к брачным узам и помышлял только о хорошеньких индианопольских девицах на выданье.

— Вы уроженка Нью-Йорка? — спросил он, обращаясь к своей соседке.

— О нет, я здесь всего два года,— ответила Керри.

— Значит, у вас было достаточно времени ознакомиться с городом.

— Я бы этого не сказала,— ответила Керри.— Нью-Йорк мне и сейчас такой же чужой, как в первый день.

— Вы не из западных ли штатов?

— Да, из Висконсина,— подтвердила Керри.

— У меня такое впечатление, что большинство жителей Нью-Йорка поселились здесь лишь недавно,— заметил Эмс.— Мне уже называли много людей из Индианы, работающих по моей специальности.

— А какая у вас специальность? — спросила Керри.



— Я служу в одной электрической компании,— ответил молодой человек.

Они продолжали болтать, перескакивая с одной темы на другую, разговор их прерывался лишь замечаниями, которые время от времени вставляли супруги Вэнс. Несколько раз беседа становилась общей и довольно оживленной, и наконец они подъехали к ресторану.

Керри успела заметить веселое оживление на улицах, по которым они проезжали. Во все стороны двигались люди в поисках развлечений. Пешеходы наводняли тротуары, по мостовым мчались экипажи, а по Пятдесят девятой улице шли переполненные вагоны трамвая. На углу Пятдесят девятой улицы и Пятой авеню ярко горели огни нескольких новых отелей, окаймлявших Плаза-сквер, и наводили на мысль о том, в какой роскоши, должно быть, живут там люди. Пятая авеню — улица богачей — была еще больше запружена экипажами, толпа джентльменов во фраках была там еще гуще. У ресторана «Шерри» внушительный швейцар распахнул дверцы экипажа и помог всем выйти. Когда они поднимались по ступенькам, Эмс поддерживал Керри под локоть. Они вошли в вестибюль, где уже толпились завсегдатаи, сняли пальто и накидки и направились в богато отделанный главный зал.

Керри в жизни не видела ничего подобного. За все время их пребывания в Нью-Йорке Герствуд в силу стесненных обстоятельств ни разу не мог позволить себе повести ее в такой ресторан. Здесь царила та не поддающаяся описанию атмосфера, которая тотчас же говорила каждому посетителю, что он попал в совершенно особое место. Высокие цены ресторана ограничивали круг его посетителей. Здесь можно было встретить либо людей богатых, либо принадлежащих к классу охотников за развлечениями. Керри неоднократно читала в газетах заметки о балах, банкетах, обедах и ужинах, для которых тот или иной представитель «высшего общества» избирал ресторан «Шерри». «Миссис такая-то устраивает в среду вечером званый ужин у «Шерри». «Мистер такой-то шестнадцатого числа дает завтрак у «Шерри» маленькому кружку друзей». Подобные избитые заметки о развлечениях «света», которые Керри любила ежедневно просматривать, помогли ей составить себе довольно ясное представление о пышно-



сти и великолепии этого удивительного храма чревоугодия. И вот, наконец, она сама очутилась здесь! Рослый дородный швейцар охранял двери в вестибюль, внутри стоял другой рослый дородный джентльмен, а услужливые мальчики в форменной одежде принимали у гостей палки, пальто, шляпы. Перед глазами Керри открылся красивый зал, изысканно обставленный, залитый ярким светом, зал, где ели богатые мира сего. Счастливая эта миссис Вэнс! Она молода, хороша и богата, во всяком случае, достаточно богата, чтобы ездить сюда в экипаже. Как это чудесно — быть богатым!

Вэнс шел впереди, между рядами столиков с ослепительной сервировкой, за которыми небольшими группами сидели обедающие. Новичку тотчас же бросались в глаза достоинство и уверенность, с какими держались посетители этого ресторана. От множества электрических лампочек, лучи которых отражались в хрустале, от блеска позолоты на стенах все сливалось в одном слепящем сверкании; проходит несколько минут, прежде чем глаз привыкает и начинает различать отдельные предметы и лица. Белоснежные сорочки джентльменов, светлые наряды дам, бриллианты, пышные перья — все это являло собой чрезвычайно эффектное зрелище.

Керри шла по залу с горделивым видом, ничуть не уступавшим осанке миссис Вэнс, и, подойдя к столику, опустилась на стул, предложенный ей метрдотелем. Она подмечала каждую мелочь окружавшей их обстановки, вплоть до подобострастных поклонов официантов, за которые так охотно платят американцы. Выражение лица метрдотеля, пододвигавшего каждому по очереди стул, и жест, которым он приглашал сесть, — уже одно это стоило нескольких долларов!

Едва они уселись, на сцену выступила излюбленная богатыми американцами показная, расточительно-дорогая и нездоровая гастрономия — предмет изумления и недоумения всего культурного мира. Пространное меню предлагало вниманию посетителей бесконечное разнообразие всяких блюд, которых хватило бы на прокорм целой армии, а цены сразу показывали, что думать о благоразумных тратах более чем смешно. Десятки разных супов от пятидесяти центов до доллара за порцию, сорок сортов устриц, по шестьдесят центов за полдюжины, закуски, рыбные и мясные блюда, —



и все это по таким ценам, что простому смертному вполне достаточно было бы этой суммы, чтобы заплатить за ночлег в приличном отеле. Доллар пятьдесят и два доллара наиболее часто встречались в этом изящно отпечатанном прейскуранте яств.

Это, конечно, не укрылось от Керри, и, увидев цену жареного цыпленка, она вдруг вспомнила другое меню и другой день, когда она впервые обедала в хорошем ресторане в обществе Друз. Это воспоминание мелькнуло на миг, точно грустная мелодия забытой песни, и тотчас же исчезло. Но даже в этот краткий миг она успела увидеть другую Керри — бедную, голодную, потерявшую всякое мужество, для которой Чикаго был холодным, неприступным миром, где она бродила в тщетных поисках работы.

Стены зала представляли собой зеленовато-голубые прямоугольники в пышных золоченых рамах с замысловатой лепкой по углам, где над фруктами и цветами безмятежно витали жирные купидоны. По потолку раскинулся сложнейший золотой узор, сходящийся в центре к бросающей целый сноп огней люстре из электрических лампочек, перемешанных со сверкающими призмами и золочеными гипсовыми подвесками. Паркет, наощенный и натертый, был красноватого оттенка; куда ни глянь — всюду зеркала, высокие, светлые, с граненой кромкой; зеркала отражали мебель, лица, огни — десятки и сотни раз.

Столики сами по себе не представляли ничего особенного, но на скатерти и на салфетках красовалось «Шерри», на серебре — «Тиффани», на фарфоре — «Хэвиленд», а маленькие лампочки под красными абажурами на каждом столике отбрасывали розовый свет на лица, на туалеты и на стены и удивительно украшали зал. Официанты придавали ресторану еще больше ю элегантность и изысканность своей манерой кланяться, бесшумно приходить и уходить, обмахивать и ставить тарелки. Каждому гостю они оказывали исключительное внимание. Слегка согнувшись, склонив голову набок и отставив локти, официант повторял за гостем:

— Черепаший суп, так. Одну порцию, слушаю. Устрицы, полдюжины, так. Спаржа, слушаю. Оливки...

Та же процедура повторилась бы с каждым в отдельности, если бы Вэнс не заказал сразу для всех,



предварительно выслушав советы и пожелания каждого. Керри, широко раскрыв глаза, смотрела на собравшееся в зале общество. Так вот она, жизнь нью-йоркского высшего света! Вот как проводят богатые люди дни и вечера! Ее бедный маленький ум не мог не распространять отдельные виденные ею сцены на все общество. Каждая шикарная леди, должно быть, днем бывает среди толпы на Бродвее или в театре, а вечером в ресторане. Она, должно быть, окружена роскошью и блеском, у подъезда ее ожидает экипаж с лакеем у дверей. А ей, Керри, это не дано. За два долгих года она ни разу не была в таком месте, как это. Зато Вэнс был здесь в своей стихии, как был бы и Герствуд в прежние дни. Не стесняясь ценами, он заказал суп, устрицы, жаркое, гарнир и потребовал также несколько бутылок вина, которые официант поставил возле столика в плетеной корзинке.

Эмс довольно равнодушно разглядывал толпу, повернув к Керри свой красивый профиль. У него был высокий лоб, довольно крупный нос и мужественный подбородок. Рот, тоже большой, но хорошей формы, свидетельствовал о доброте, темно-каштановые волосы были разделены сбоку пробором.

Керри угадывала в нем что-то мальчишеское, и все-таки это был вполне взрослый человек.

— Знаете,— сказал вдруг Эмс, поворачиваясь к ней после довольно долгого задумчивого молчания,— мне иногда кажется, что стыдно тратить столько денег подобным образом.

Керри взглянула на него, слегка удивленная его серьезным тоном. Этот человек, по-видимому, задумывался о вещах, которые ей никогда не приходили в голову.

— Почему же? — спросила она, заинтересованная его словами.

— Потому что здесь платят больше, чем все это на самом деле стоит. Платят за показной шик.

— А я не понимаю, почему бы людям не тратить деньги, если они у них есть,— сказала миссис Вэнс.

— Во всяком случае, это никому не приносит вреда,— поддержал ее Вэнс.

Он все еще изучал меню, хотя уже передал официанту обильный заказ. Эмс опять смотрел в сторону,



и Керри снова загляделась на его лоб. Ей казалось, что этот молодой человек думает о странных вещах. Было что-то мягкое во взгляде, каким он обводил ресторан.

— Взгляните-ка на туалет вон той женщины,— сказал он, вновь поворачиваясь к Керри и легким кивком указывая направление.

— Где? — спросила Керри, следя за его взглядом.

— Вот там, в углу, довольно далеко от нас. Вы видите ее брошку?

— Боже, какая огромная! — воскликнула Керри.

— Я давно не видел такого безвкусного нагромождения бриллиантов,— сказал Эмс.

— Да, пожалуй, брошка слишком велика,— согласилась Керри.

Ей почему-то захотелось понравиться молодому человеку,— этому предшествовало смутное сознание, что он намного образованнее ее и, наверное, умнее. Керри, надо отдать ей справедливость, понимала, что люди могут стоять в умственном отношении выше ее. За всю свою жизнь она редко встречала людей, подходивших под ее представление об ученых. А этот сидевший рядом с нею сильный молодой человек с ясным, открытым взглядом, очевидно, хорошо разбирался в вещах, которые она не совсем понимала, хотя и относилась к ним одобрительно. «Как хорошо для мужчины быть таким!» — подумала она.

Разговор перешел на книгу «Воспитание девушки» Альберта Росса, которая пользовалась в то время большим успехом. Миссис Вэнс читала книгу, а ее муж видел рецензии в газетах.

— Сколько шуму может наделать роман! Об этом Россе говорят без конца,— заметил Вэнс, глядя на Керри.

— А я о нем никогда не слыхала,— честно призналась Керри.

— Я читала его,— сказала миссис Вэнс.— Он написал много интересных вещей. Но лучше всего его последний роман.

— Ваш Росс ровным счетом ничего не стоит,— вдруг произнес Эмс.

Керри посмотрела на него, как на оракула.



— Все его вещи бездарны, так же как «Дора Торн», — заключил Эмс.

Керри восприняла это как личный упрек. Она как-то читала «Дору Торн», и книга показалась ей тогда «ничего себе», но ей думалось, что другие считают ее превосходной. И вот является юноша с ясными глазами и тонким профилем, чем-то напоминающий студента, и высмеивает нашумевший роман. По его словам, он ничего не стоит и не заслуживает даже того, чтобы тратить на него время. Керри опустила глаза. Впервые ей стало стыдно за свое невежество.

Вместе с тем в словах Эмса не было ни скрытого сарказма, ни высокомерия. Нет, этого не было и в помине! Керри почувствовала, что просто ему свойственно мышление более высокого порядка, мышление, приводящее к правильным взглядам, и она невольно задумалась над тем, что же, с точки зрения этого человека, хорошо и что дурно. А он, заметив, что Керри внимательно, и, по-видимому, сочувственно прислушивается к его словам, стал обращаться главным образом к ней.

Пока официант возился у стола, раскладывая ложки, вилки, ножи, проверял, достаточно ли горячи тарелки, и выказывал всяческие иные знаки заботливости, рассчитанные на то, чтобы угодить гостям и вызвать у них ощущение комфорта, Эмс, слегка наклонясь к Керри, стал рассказывать про жизнь в Индианополисе. Этот молодой человек в самом деле обладал недюжинным умом, нашедшим себе главное приложение в электротехнике. В то же время он интересовался и другими отраслями науки, да и люди сами по себе интересовали его. В розовом отсвете абажура волосы его отливали медью, и в глазах играли веселые искорки. Керри подмечала все это, когда он наклонялся к ней, и чувствовала себя совсем юной. Ей было ясно, что он далеко и во всем опередил ее. Он казался умнее Герствуда, рассудительнее и образованнее Друэ и вместе с тем, по-видимому, обладал детски чистой душой. Керри подумала, что, в общем, он на редкость приятный человек.

От нее, однако, не ускользнуло, что интерес Эмса к ней был в высшей степени отвлеченным. Она не входила в круг его жизни, не имела никакого отношения к интересовавшим его вопросам. И все же ей было при-



ятно, что он обращается к ней, и его слова находили у нее отклик.

— Меня нисколько не влечет к богатству,— сказал он, когда обед шел своим чередом, и от обильной еды он несколько разгорячился.— А тем более нет у меня желания тратить деньги вот таким путем.

— В самом деле? — спросила Керри, впервые в жизни чувствуя, что новый взгляд на вещи производит на нее сильное впечатление.— Почему?

— Как почему?! Какая от этого польза? Разве это нужно человеку, чтобы быть счастливым? — воскликнул Эмс.

Последние его слова вызвали некоторое сомнение у Керри, но, как и все, что исходило от него, они показались ей заслуживающими уважения.

«Он, верно, мог бы быть счастлив и в полном одиночестве,— мелькнуло у нее в уме.— Ведь он такой сильный!»

Мистер и миссис Вэнс почти непрерывно болтали, и таким образом Эмсу лишь изредка представлялась возможность вставить несколько фраз, производивших на Керри большое впечатление. Однако и этого было ей достаточно, так как не только слова, а даже та атмосфера, которая исходила от юноши, была впечатляющей. В молодом человеке — а может быть, в том мире, в котором он жил,— было что-то, находившее отклик в ее душе. Эмс порою вызывал в памяти Керри ту или иную сцену, виденную в театре,— напоминал о печалях и жертвах, которые неизбежны в человеческой жизни. Своими словами он сумел несколько сгладить для нее горечь контраста между ее жизнью и той, которую она сейчас наблюдала вокруг себя, и объяснялось это главным образом тем спокойным безразличием, с которым он относился к окружающему.

Когда они вышли из ресторана, Эмс взял Керри под руку, помог ей сесть в экипаж, и они всей компанией отправились в театр.

Во время спектакля Керри внимательно прислушивалась к тому, что говорил ей Эмс. Он часто обращал ее внимание именно на те места пьесы, которые особенно нравились и ей, которые глубоко ее волновали.

— Вы не находите, что чудесно быть актером? — спросила она.



— Да,— ответил он.— Но только хорошим актером. Ведь театр — такая великая вещь!

Достаточно было его одобрения, чтобы сердце Керри затрепетало. О, если бы она могла стать актрисой, и хорошей актрисой к тому же! Этот человек так умен, он все знает и с уважением относится к театру. Будь она хорошей актрисой, ее уважали бы такие люди, как Эмс. Ее охватило чувство признательности к нему за его слова, хотя они вовсе не относились к ней. Она и сама не знала, чем была вызвана эта признательность.

По окончании спектакля вдруг выяснилось, что Эмс не намерен сопровождать компанию обратно.

— О, неужели вы не поедете с нами? — вырвалось у Керри.

— Нет, благодарю вас,— ответил он.— Я остановился в отеле на Тридцать третьей улице, здесь неподалеку.

Керри больше ничего не сказала, но эта неожиданность почему-то огорчила ее. Она и жалела, что приятный вечер близится к концу, но все-таки надеялась, что он продолжится еще хоть полчаса. О, эти часы, эти минуты, из которых составляется жизнь! Сколько печали и страданий вмещается в них!

Она пожала Эмсу руку с напускным равнодушием. Не все ли ей равно, собственно говоря! Однако экипаж без Эмса показался ей опустевшим.

Вернувшись домой, Керри стала перебирать в уме впечатления вечера. Она не знала, встретит ли еще когда-нибудь этого человека. Впрочем, не все ли это равно для нее? Не все ли равно?

Герствуд был уже дома и успел лечь в постель. Его одежда была небрежно разбросана по комнате. Керри подошла к двери спальни, увидела его и повернула назад. Она не чувствовала никакого желания лечь к нему. Это было ей неприятно. Ей хотелось подумать.

Она вернулась в столовую, села в свою качалку и задумалась, крепко сжав маленькие руки. Постепенно сквозь дымку грез и противоречивых желаний Керри стала различать будущее. О вы, сонмища надежд и сожалений — горя и страданий! Покачиваясь в качалке, она начинала прозревать.



## ЗА СТЕНАМИ ГОРОДА. ГОДЫ УПЛЫВАЮТ

Никаких прямых последствий это, впрочем, не дало. В таких случаях последствия обнаруживаются не скоро. Утро приносит другое настроение. Привычная жизнь неизбежно берет свое. Лишь в редкие минуты мы замечаем, сколь жалко наше существование. Мы испытываем душевную боль, очутившись перед резкими контрастами. Уберите их — и боль стихает.

Полгода или даже больше Керри жила той же жизнью, что и раньше. Эмса она больше не встречала. Он еще раз заходил к Вэнсам, но Керри только от приятельницы узнала об этом. Молодой инженер уехал на Запад, и мало-помалу стало стираться то впечатление, которое он оставил о себе, и то влечение, которое Керри почувствовала к нему. Его моральное воздействие, однако, отнюдь не исчезло, и можно было смело сказать, что оно никогда не исчезнет. Теперь у Керри появился идеал. С ним она сравнивала всех других мужчин, особенно тех, которые были близки ей.

Все это время, уже почти три года, Герствуд жил ровной, размеренной жизнью. Он не катился вниз по склону, но о подъеме тоже не могло быть и речи. Так по крайней мере сказал бы случайный наблюдатель. Однако психологическая перемена свершилась, и достаточно явная, чтобы можно было довольно точно определить, какова будет дальнейшая судьба Герствуда. И главным здесь было то, что с отъездом из Чикаго оборвалась его карьера. В росте делового человека есть много общего с его физическим ростом. Либо он становится сильнее, здоровее и мудрее, как юноша, приближающийся к зрелости, либо — слабее, дряхлее и пассивнее, как зрелый муж, приближающийся к старости. Других состояний не существует. Бывают периоды, когда прерывается юношеское накопление сил и чувствуется (мы говорим о человеке средних лет) тенденция к упадку, — когда оба процесса почти уравнивают друг друга и мало проявляются вовне. Но проходит некоторое время, и весы перетягивают в сторону могилы: сна-



чала медленно, потом все быстрее, пока нисходящий процесс не достигнет полного развития.

То же самое часто происходит с состоянием богатого человека. Если прирост капитала не прекращается, если никогда не наступает период равновесия доходов и расходов, то не будет и краха. В наши дни богачи нередко спасают свои состояния благодаря умению привлекать к себе на службу молодые умы. Эти молодые умы заинтересованы в прочности состояния, как если бы оно было их собственным, и потому прилагают все старания, чтобы оно постоянно возрастало. Если бы каждый богач должен был сам заботиться о своем состоянии и при этом дожил бы до глубокой старости, то оно растаяло бы, как и силы и воля его владельца. И сам он и все, чем он владел, превратилось бы в прах и было бы развеяно ветрами на все четыре стороны.

Но теперь проследим, как эта параллель изменяется. Состояние, как и человек, представляет собою организм, которому уже не хватает ума и сил одного своего владельца. Кроме молодых умов, заинтересованных крупным заработком, у него появляются еще союзники — молодые силы, которые поддерживают его существование, когда силы и ум владельца начинают иссякать. Состояние может сохраниться при росте и развитии сообщества или государства. Оно станет необходимым в этом процессе развития, если связано с производством чего-то такого, на что растет спрос. И тогда отпадает необходимость в попечениях владельца. Тогда требуется не столько дальновидность, сколько управление. Человек начинает угасать, а спрос на его богатства не падает или даже возрастает, и в чьи бы руки это состояние фактически ни перешло, оно продолжает существовать. Поэтому некоторые владельцы порой не замечают спада своих способностей к действиям. И только в тех случаях, когда они вдруг лишаются богатства или успеха, они убеждаются, что теперь уж неспособны действовать, как прежде.

Герствуд, попав в новые условия, мог бы заметить, что он уже немолод. Если он этого не видел, то лишь потому, что находился в состоянии такого равновесия, когда постепенное ухудшение происходит незаметно.

Не привыкший рассуждать или разбираться в самом себе, Герствуд не мог постичь той перемены, которая



происходила в его сознании, а стало быть, и в теле, но он ощущал подавленность. Постоянно сравнивая свое прежнее положение с нынешним, Герствуд пришел к выводу, что его жизнь изменилась к худшему, а это влекло за собой мрачное или по крайней мере угнетенное настроение. Экспериментальным путем доказано, что длительная подавленность порождает в крови особые яды — катастаты, тогда как благотельные чувства радости и удовольствия способствуют выделению полезных химических веществ — анастатов. Яды, возникающие от самобичевания, вредят организму и часто вызывают заметное физическое разрушение. Вот это и происходило теперь с Герствудом.

С течением времени это сказалось на его характере. Взгляд потерял былую живость и пронизательность, походка стала не так тверда и уверенна, как раньше, а хуже всего было то, что Герствуд без конца думал, думал и думал. Его новые знакомства не были знаменитостями. Это были люди более низкого уровня, которых интересовали более низменные и грубые удовольствия. Их общество не могло радовать его так, как радовало когда-то общество эlegantных завсегдатаев чикагского бара. Да, ему ничего не оставалось, кроме бесконечных и бесплодных размышлений.

Мало-помалу желание приветствовать посетителей заведения на Уоррен-стрит, ублажать их, создавать для них атмосферу уюта покинуло Герствуда. И мало-помалу он стал понимать значительность брошенного им места. В свое время там, на Адамс-стрит, то, что он делал, не казалось ему таким уж чудесным. Как легко, думал он тогда, подняться по службе, зарабатывать на все необходимое и иметь еще свободные деньги, но как далеко позади теперь все это было! Герствуд начал смотреть на свое прошлое как на город, окруженный стеной. У ворот стоит стража. Внутрь пройти нельзя. А те, кто внутри, не выказывают желания выйти и посмотреть, кто ты такой. Им так весело, что они забывают о тех, кто за воротами, а он — он был за воротами.

Каждый день он читал в вечерних газетах о том, что происходило на территории неприступного города. В заметках о лицах, отплывавших в Европу, он встречал имена видных посетителей своего старого бара. В столбцах, посвященных театру, он неоднократно видел сооб-



щения об успехах людей, которых он хорошо знал. Все эти люди, наверно, развлекались так же, как и раньше. Пульмановские вагоны перевозили их по всей стране, газеты в лестных заметках упоминали их имена, роскошные вестибюли отелей и сверкающие залы ресторанов удерживали их внутри обнесенного стенами города. Все люди, которых он знал, с которыми он еще так недавно чокался,— видные люди, а он... он забыт. Кто такой мистер Уилер? Что такое бар на Уоррен-стрит? Чепуха!

Если кто-либо из читателей думает, что подобные мысли не приходят на ум рядовому человеку, что такие переживания доступны только людям более высокого умственного развития, то я хочу обратить их внимание на то, что только высокое умственное развитие и порождает такую философию, такую стойкость духа, которые не позволяют сосредоточиваться на подобных вещах — и страдать из-за них. Только умы заурядные способны придавать столь большое значение материальному благополучию и убиваться из-за утраты сотни долларов. А Эпиктет только улыбается, когда исчезают последние остатки материальных благ.

Наступил момент (приблизительно к концу третьего года), когда эти думы и мрачные настроения начали отражаться на делах бара на Уоррен-стрит. Клиентов заметно прибавилось по сравнению с тем, сколько народу посещало бар в дни наибольшего его процветания, и это сильно раздражало и тревожило Герствуда.

Как-то вечером он признался Керри, что дела в этом месяце идут хуже, чем в предыдущем. Это было сказано в ответ на заявление Керри, что ей нужно купить кое-какие мелочи. Керри не преминула мысленно отметить, что Герствуд никогда не находил нужным советоваться с нею, когда покупал что-нибудь из одежды для себя. Впервые у нее мелькнула мысль, что он хитрит и хочет, чтобы она у него ничего не просила. Она ответила довольно мягко, но в душе была возмущена. Герствуд совсем не думает о ней. Если у нее когда-нибудь и выдается веселый часок, то лишь благодаря Вэнсам.

А они вдруг объявили, что уезжают из Нью-Йорка. Близилась весна, и они намеревались поехать на Север.

— Да,— сказала в разговоре с Керри миссис Вэнс,— нам, пожалуй, лучше отказаться от квартиры, а вещи сдать на хранение. Мы уедем на все лето. Какой же



смысл платить за квартиру? Кроме того, по возвращении, мы, наверно, поселимся ближе к центру.

Керри слушала ее с искренним огорчением. Общество миссис Вэнс доставляло ей огромное удовольствие, и во всем доме она больше не знала ни души. Теперь она опять останется совсем одна.

Плохое настроение Герствуда из-за понижения доходов от бара как раз совпало с отъездом супругов Вэнс. На долю Керри сразу выпали и угрюмость мужа и невыносимое одиночество. И то и другое угнетало ее. Она стала нервничать, постоянно была недовольна, и не столько Герствудом, думала она, сколько всей своей жизнью. Какова она, эта жизнь? Кругом одна сплошная тоска. Что Керри получила от жизни? Ничего, кроме этой тесной квартирки. Супруги Вэнс могут путешествовать, им доступно так много интересного, а она тут сидит одна-одинешенька. Неужели она только для этого создана? Печальные мысли сменяли одна другую, а потом явились и слезы — единственное, что приносило хоть некоторое облегчение.

Такое положение продолжалось довольно долго. И Керри и Герствуд влачили в высшей степени однообразное существование. Потом наступила маленькая перемена, увы, к худшему. Однажды вечером, желая как-нибудь умерить пристрастие Керри к новым туалетам и дать ей понять, что ему не так-то легко справляться с расходами, Герствуд сказал:

— Я начинаю думать, что едва ли сумею долго ладить с моим компаньоном.

— Почему? — спросила Керри.

— О, это такой тупой и такой жадный ирландишка! Он не соглашается ни на какие усовершенствования в баре, а в таком виде, как сейчас, дело не может давать прибыль.

— И тебе не удастся убедить его?

— Нет, я уж сколько раз пытался. Единственный выход, насколько я понимаю, это основать свое дело.

— И что же?

— Видишь ли, все мои деньги в настоящее время вложены в этот бар. Будь у меня возможность некоторое время жить бережливо, пожалуй, удалось бы открыть другой бар, который давал бы нам приличный доход.



— Почему же не быть более бережливым? — сказала Керри, невольно подумав при этом, что и так ничего лишнего не тратит.

— Надо бы попытаться, — ответил Герствуд. — Я уже думал о том, чтобы снять квартирку поменьше и пожить экономнее хотя бы год. Мы собрали бы достаточно, чтобы с этой суммой и деньгами, вложенными в дело на Уоррен-стрит, открыть хороший бар. Тогда мы могли бы зажить так, как тебе хочется.

— Что ж, я ничего не имею против, — сказала Керри.

В душе, однако, ей было больно, что дело дошло до этого. Уже один разговор о меньшей квартире наводил на мысль о бедности.

— В районе Шестой авеню за Четырнадцатой улицей есть сколько угодно прелестных маленьких квартир. Там можно было бы найти что-нибудь подходящее.

— Если хочешь, я могу посмотреть, — сказала Керри.

— Я убежден, что через год сумел бы порвать с моим компаньоном, — повторил Герствуд. — Из дела в том виде, в каком оно находится сейчас, ничего путного не выйдет.

— Хорошо, я схожу и посмотрю квартиры, — сказала Керри, решив, что предложенный Герствудом переезд, по-видимому, имеет для него огромное значение.

Вскоре после этого разговора они переселились на другую квартиру, причем Керри по этому поводу впала в глубокое уныние. Из всех событий последнего времени ни одно так сильно не задевало ее. Она уже начала смотреть на Герствуда не как на любовника, а как на настоящего мужа и считала себя неразрывно связанной с ним. Что бы ни случилось, ее судьба неотделима от его судьбы. К сожалению, она замечала, что он становится все более хмурым и молчаливым, что он несколько не похож больше на прежнего сильного, жизнерадостного и энергичного мужчину. Морщинки в углах рта и около глаз говорили о надвигающейся старости. О том же говорили и многие другие признаки. Керри стала понимать, что совершила ошибку, и вместе с тем ей теперь неоднократно приходило на ум, что Герствуд, в сущности, силой заставил ее бежать с ним.



Новая квартира находилась на Тринадцатой улице, близ Шестой авеню, и состояла из четырех комнатушек. Район не нравился Керри. Здесь совсем не было зелени, из окон уже не видно было реки. Улица была сплошь застроена и густо заселена. В новом доме обитало двенадцать семей — люди, видимо, почтенные, но не выдерживавшие никакого сравнения с супругами Вэнс. Такие люди, как Вэнсы, жили в лучших квартирах.

В своей маленькой квартирке Керри обходилась без служанки. Она обставила ее очень мило, но это не доставляло ей ни малейшей радости. В душе Герствуд отнюдь не был доволен, что ему пришлось спуститься ступенью ниже, но он уверял себя, что ничего другого ему не остается. Надо до поры до времени примириться с этим, и пока что пусть будет так, как есть.

Желая показать Керри, что нет оснований считать их материальное положение особенно тревожным и что нужно, напротив, лишь радоваться, — ведь через год он получит возможность поправить свои дела, — Герствуд стал чаще ходить с ней в театр и давал ей больше на хозяйство. Но все это было лишь явлением временным. Он постепенно погружался в то состояние, когда человек прежде всего хочет, чтобы его оставили в покое и не мешали думать. Меланхолия, эта страшная болезнь, избрала его своей жертвой. Помимо газеты и собственных мыслей, ничто другое его уже не интересовало. Любовь перестала быть для него источником радости. Его девизом как будто стали слова: живи и мирись с жалким прозябанием.

Дорога вниз имеет мало остановок. Душевное состояние Герствуда все расширяло пропасть между ним и его компаньоном, пока и тот не стал подумывать о том, как бы отделаться от Герствуда. Но дело разрешилось быстрее, чем мог предполагать тот или другой, и случилось это с легкой руки владельца дома, в котором помещался бар.

— Вы читали? — спросил как-то утром Шонеси, показывая Герствуду заметку в «Геральде», в отделе «Недвижимых имуществ».

— Нет, не читал, — ответил Герствуд. — А в чем дело? — спросил он, заглядывая в газету.

— Наш домовладелец кому-то продал свой участок земли.



— Неужели? — вырвалось у Герствуда.

Он взял газету и прочел:

«Мистер Август Вил продал вчера мистеру Слосону за пятьдесят семь тысяч долларов принадлежащий ему участок земли размером двадцать пять на семьдесят пять футов, на углу Уоррен и Гудзон-стрит».

— Когда истекает срок нашей аренды? — задумчиво спросил Герствуд. — Как будто в феврале?

— Совершенно верно, — подтвердил его компаньон.

— Здесь ничего не говорится о планах нового владельца, — заметил Герствуд и снова взял газету.

— Надо полагать, что мы вскоре услышим от него о его планах! — ответил Шонеси.

И в самом деле вскоре выяснилось, что Слосон, владевший и смежным участком, собирался построить по последнему слову техники новый дом, специально под конторы. Старый дом, в котором помещался бар, предполагалось снести. На строительство нового здания должно было уйти года полтора.

Все эти подробности выплывали постепенно, и Герствуд стал понимать, чем это все ему грозит. Однажды он завел об этом речь со своим компаньоном.

— Вы не думаете открыть новый бар где-нибудь поблизости? — спросил он.

— Какой в этом смысл? — отозвался Шонеси. — Углового помещения мы нигде по соседству не найдем.

— А в другом месте, по-вашему, не стоит?

— Я лично не стал бы рисковать, — ответил тот.

Да, эта неожиданная перемена несла Герствуду новые и весьма серьезные затруднения! Расторжение контракта означало для него потерю тысячи долларов, а за время, остававшееся до истечения срока договора, нечего было и надеяться собрать другую тысячу. Он догадывался, что его компаньону надоело их совладение; когда новый дом будет построен, Шонеси, наверное, арендует в нем угловое помещение один.

Итак, нужно было найти что-то иное, ибо надвигался полный финансовый крах. В таком настроении Герствуду было не до того, чтобы наслаждаться уютом новой квартиры или обществом Керри, и дома у него воцарилось уныние.

Весь свой досуг Герствуд уделял теперь поискам нового дела, но ничего подходящего не попадалось. Мало



того, он уже не обладал той импонирующей внешностью, как три года назад, когда он только что прибыл в Нью-Йорк. Тревожные мысли придали какую-то растерянность его взгляду, и это производило неблагоприятное впечатление. Не было у него на руках и тысячи трехсот долларов, на которые он раньше опирался в своих переговорах. А примерно месяц спустя Шонеси, не видя улучшения в состоянии Герствуда, сказал, что новый домовладелец будто бы наотрез отказался продолжить аренду углового помещения.

— По-видимому, нашему бару пришел конец,— добавил он, стараясь придать своему лицу озабоченное выражение.

— Ну, что ж, конец так конец,— угрюмо отозвался Герствуд.

Нет, он не позволит этому человеку читать его мысли. Этого удовольствия он ему не доставит.

Через день или два Герствуду стало ясно, что необходимо так или иначе предупредить Керри о случившемся.

— Мне, кажется, грозит большая неприятность в деле,— осторожно начал он.

— Что случилось? — встревожилась она.

— Владелец дома, в котором помещается наш бар, продал свой участок, а новый хозяин отказывается возобновить контракт на аренду. Таким образом, делу, вероятно, придет конец.

— А разве нельзя открыть другой бар?

— Едва ли найдется подходящее место,— ответил Герствуд.— К тому же мой компаньон, по-видимому, не желает продолжать дело сообща.

— И ты теряешь деньги, которые ты вложил в дело?

— Да,— с каменным лицом подтвердил Герствуд.

— Как обидно! — воскликнула Керри.

— Это жульнический трюк,— пояснил ей Герствуд.— Вот и все. Шонеси наверняка откроет бар в том же месте, как только будет готово новое помещение.

Керри пристально посмотрела на Герствуда, и по всему его виду ей стало ясно, что положение очень серьезное.

— Как ты думаешь, удастся тебе найти что-нибудь другое? — робко спросила она



Герствуд немного помолчал. Теперь уже незачем было придумывать басни насчет экономии и открытия нового дела. Керри прекрасно понимала, что Герствуд, как говорят, «вылетел в трубу».

— Право, не знаю,— угрюмо отозвался он наконец.— Я попытаюсь.

#### ГЛАВА XXXIV

### МЕЖДУ ЖЕРНОВАМИ. БЫЛИНКА ВО ВЛАСТИ ВЕТРОВ

Как только Керри поняла значение этих фактов, она, подобно Герствуду, стала упорно ломать голову над создавшимся положением. Прошло несколько дней, прежде чем она вполне осознала, что если дело, в котором участвовал ее муж, закроется, то это повлечет за собою лишения и самую обычную борьбу за кусок хлеба. В ее воображении всплывали первые дни ее пребывания в Чикаго, вспоминались Гансоны и их квартирка, и душа ее бунтовала. Это ужасно! Все, что связано с бедностью, ужасно. Если б только найти какой-то выход! Месяцы, проведенные в обществе супругов Вэнс, совсем лишили ее способности здраво относиться к своему положению. Блеск веселой нью-йоркской жизни, которую ей благодаря любезности этой четы удалось увидеть краешком глаза, завладел ее душой. Ее научили хорошо одеваться, ей показали, куда стоит ходить, а денег у нее ни на то, ни на другое не было. Но эти соблазны постоянно напоминали ей о себе. Чем неблагоприятнее были обстоятельства, тем больше привлекала Керри та, другая жизнь, вкус которой она уже успела узнать. И вот нищета грозит окончательно забрать ее в свои лапы и навсегда отдалить от нее мир мечтаний, который станет для нее недоступен, как небо, к которому нищий Лазарь тщетно воздевает руки.

Вместе с тем то, что она узнала от Эмса о высоких идеалах, глубоко запало ей в душу. Сам Эмс ушел из ее жизни, но в ушах Керри звучали его слова, что деньги еще не все в жизни, что в мире есть много ценного, о чем Керри не имеет и представления, что сцена — великое дело и что читала она до сих пор только вздор.



Этот человек был сильный и честный, гораздо сильнее и лучше Герствуда и Друэ. Ей не хотелось сознаваться даже самой себе, но разница между ними была мучительной. Она намеренно закрывала на это глаза.

В последние три месяца существования бара на Уоррен-стрит Герствуд частенько отлучался с работы и рыскал по газетным объявлениям. Это были безрадостные поиски. Нужно было что-то найти и как можно скорее, иначе придется тратить на жизнь те последние несколько сот долларов, которые останутся после закрытия бара. А тогда уже нечего будет вкладывать в дело и придется искать службу.

Все, что в газетах попадалось по части баров, было либо слишком дорого, либо слишком уж мизерно. Надвигалась зима, газеты предвещали застой в делах, и по общему ощущению наступали трудные времена. Терзаемый заботами, Герствуд стал замечать и чужие невзгоды. Сообщения о том, что обанкротилась такая-то фирма, что там-то обнаружили голодающую семью или подняли на улице человека, умиравшего от истощения, — все это останавливало теперь внимание Герствуда, когда он пробегал глазами утренние газеты. Газета «Уорлд» выступила однажды с сенсационным известием: «Зимой в Нью-Йорке будет восемьдесят тысяч безработных». Герствуда как ножом по сердцу полоснули эти слова.

«Восемьдесят тысяч! — думал он. — Какой ужас!»

Для Герствуда такие мысли были весьма необычны. В дни его преуспевания все в мире шло как будто благополучно. Подобные сообщения ему случалось видеть и на столбцах чикагской «Дейли ньюс», но он никогда не обращал на них внимания. Теперь же эти вести казались ему серыми тучами, обложившими в ясную погоду горизонт. Они грозили закрыть собою все небо и омрачить дальнейшую жизнь Герствуда. Чтобы сколько-нибудь подбодрить себя, он порою мысленно восклицал:

«Э, зачем так тревожиться? Ведь я еще не вышел из игры, у меня еще полтора месяца впереди! А на худой конец сбережений все же хватит на полгода».

Как ни странно, но сейчас, преисполненный тревоги за будущее, Герствуд часто возвращался в думах к жене и детям. В первые три года он по возможности избегал этих мыслей. Он ненавидел миссис Герствуд и отлично обходился без нее. Да ну ее! Он еще выбьется на



дорогу! Но теперь, когда фортуна повернулась к нему спиной, он все чаще и чаще стал задумываться над тем, что поделявает жена, как живут его сын и дочь. Им-то, наверное, так же хорошо, как и раньше. Вероятно, они занимают тот же уютный дом и пользуются его, Герствуда, добром!

«Черт возьми! Ну разве не возмутительно, что все досталось им? — часто негодовал он. — Что же такое я сделал в конце концов?»

Оглядываясь на прошлое и разбираясь в событиях, которые привели его к похищению денег, Герствуд теперь находил для себя смягчающие обстоятельства. Что он сделал особенного? Почему он оказался выброшенным за борт? Откуда все эти напасти? Казалось, только вчера он был состоятельным человеком и жил в полном комфорте. И вдруг у него все вырвали из рук.

«Уж она-то, во всяком случае, не заслужила того, что ей досталось от меня! — думал он, вспоминая про жену. — Если бы люди знали правду, все единодушно решили бы, что я ничего особенного не сделал».

Из этого вовсе не следует, что у Герствуда было желание изложить кому-нибудь все факты. Это было лишь стремлением морально оправдать себя в собственных глазах. В борьбе с надвигавшейся нуждой ему необходимо было сознавать себя честным человеком.

Однажды под вечер, недель за пять до закрытия бара на Уоррен-стрит, Герствуд отправился по трем или четырем объявлениям, которые он нашел в «Геральде». Один бар находился на Голд-стрит. Герствуд доехал до этого места, но даже не вошел в бар. Это был простой кабак, до того жалкий, что ему стало противно. В другом месте, на Бауэри, он нашел красиво обставленный бар. Здесь, неподалеку от Грэнд-стрит, был расположен целый ряд подобных заведений.

Три четверти часа Герствуд беседовал о своем вступлении в товарищество с владельцем бара, который утверждал, что решил взять компаньона только из-за слабого здоровья.

— Сколько же потребуется денег, чтобы приобрести половинную долю? — спросил Герствуд.

Он прекрасно знал, что располагает самое большее семьюстами долларами.

— Три тысячи, — последовал ответ.



Лицо Герствуда вытянулось.

— Наличными? — спросил он.

— Наличными.

Герствуд сделал вид, будто размышляет над выгодностью предложения и, возможно, еще согласится, но во взгляде его сквозило уныние. Он поспешил закончить разговор, сказав, что еще подумает, и тотчас же ушел.

Владелец бара более или менее разгадал его мысли.

«Едва ли это серьезный покупатель, — сказал он себе. — Что-то он не так разговаривает».

День был свинцово-серый и холодный. Пронизывающий ветер напоминал о близости зимы. Герствуд направился еще в одно место, близ Шестьдесят девятой улицы. Было уже пять часов, когда он прибыл туда. Сумерки быстро сгущались. Владелец бара оказался толстый немец.

— Я к вам по поводу вашего объявления в газете, — сказал Герствуд, которому не понравились ни бар, ни его хозяин.

— Уже все! — ответил немец. — Я решил не продавать.

— Вот как? — удивился Герствуд.

— Да, и кончен разговор. Уже все.

Немец больше не обращал на него внимания, и Герствуд обозлился.

— Ладно! — отозвался Герствуд, поворачиваясь к двери. — Проклятый осел! — процедил он сквозь зубы. — На кой же черт помещает он объявления в газете?

Крайне унетенный, направился он домой, на Тринадцатую улицу. Керри хлопотала на кухне, и только там горел свет. Герствуд чиркнул спичкой, зажег газ и уселся в столовой, даже не поздоровавшись с Керри.

Она подошла к двери и заглянула в комнату.

— Это ты, Джордж? — спросила она.

— Да, я, — отозвался Герствуд, не поднимая глаз от вечерней газеты, которую он купил по дороге.

Керри поняла, что с ним творится что-то неладное. В угрюмом настроении Герствуд был далеко не красив: морщинки возле глаз обозначались резче, а смуглая кожа принимала какой-то нездоровый, зловещий цвет. Вид у него в такие минуты был непривлекательный.

Керри накрыла на стол и поставила еду.



— Обед готов,— заметила она, проходя мимо Герствуда.

Он ничего не ответил и продолжал читать.

Керри села за стол на свое место, чувствуя себя грубо несчастной.

— Ты разве не будешь есть? — спросила она.

Герствуд сложил газету и перешел к столу. Молчание лишь изредка прерывалось отрывистыми «передай, пожалуйста...».

— Сегодня, кажется, очень скверная погода? — заметила через некоторое время Керри.

— Да,— ответил Герствуд.

Он только ковырял вилкой еду.

— Ты все еще думаешь, что бар придется закрыть? — спросила Керри, пытаясь навести разговор на тему, часто обсуждавшуюся за столом.

— Не думаю, а знаю! — бросил он с ноткой раздражения в голосе.

Его ответ рассердил Керри. У нее и без того был невеселый день.

— Ты мог бы и не говорить со мной таким тоном,— сказала она.

— Ох! — вырвалось у Герствуда.

Он отодвинулся вместе со стулом от стола, собираясь, видимо, что-то добавить, но промолчал и снова принялся за газету.

Керри поднялась, с трудом сдерживая себя. Герствуд понял, что она обиделась.

— Не уходи, Керри! — сказал он, видя, что она направляется в кухню.— Доешь хотя бы.

Керри, ничего не ответив, прошла мимо него.

Герствуд еще некоторое время почитал газету, потом поднялся и стал надевать пальто.

— Я немного пройдуся, Керри,— сказал он, заходя на кухню.— Мне что-то не по себе.

Керри молчала.

— Не сердись,— продолжал Герствуд.— Завтра опять все будет хорошо.

Он смотрел на нее, но она мыла посуду, не обращая на мужа ни малейшего внимания.

— До свидания,— сказал он, наконец, и вышел.

В этой стычке впервые обнаружились их натянутые отношения, а по мере того как близился день закрытия



бара, настроение в доме становилось все более и более беспросветным, Герствуд не в силах был скрывать то, что в нем происходило, а Керри непрестанно спрашивала себя, куда это все ее приведет. Дошло до того, что они почти перестали разговаривать друг с другом, причем не Герствуд чуждался Керри, а, напротив, она сама сторонилась его. И Герствуд заметил это. Его возмущало, что она с таким равнодушием стала относиться к нему. Он прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить дружеские отношения,— как ни трудно это ему давалось при таких обстоятельствах,— но затем с горечью убедился, что Керри своим поведением сводит на нет все его старания.

Наконец приблизился последний день. Когда он настал, Герствуд, который довел себя до такого состояния, что ожидал бури, грома и молний, с облегчением убедился, что этот день ничем не отличается от всякого другого, а в небе даже сияет солнце, и погода довольно теплая. Выходя в это утро к завтраку, он подумал, что в конце концов дело обстоит не так уж скверно, как это кажется.

— Ну, сегодня мой последний день на земле,— сказал он, обращаясь к Керри.

Та улыбнулась этой шутке.

Герствуд в довольно веселом настроении стал просматривать газету. Ему казалось, что с его плеч свалился тяжелый груз.

— Я схожу на несколько минут в бар, а потом пушусь в поиски,— сказал он, покончив с едой.— Завтра я буду искать целый день. Теперь, когда у меня больше свободного времени, мне кажется, легче будет что-нибудь найти.

С улыбкой вышел он из дому и отправился в бар на Уоррен-стрит. Шонеси был уже там, и компаньоны поделили общее имущество пропорционально своим долям. Герствуд провел в баре несколько часов, часа на три он выходил куда-то, и когда вернулся, от прежнего приподнятого настроения не осталось и следа. Бар порядком опротивел ему, но теперь, когда он прекращал свое существование, Герствуд искренне жалел об этом. Ему было грустно, что дело приняло такой оборот. Шонеси держал себя холодно и деловито. Когда пробило пять часов, он заметил:



— Ну вот, я думаю, нам пора подсчитать кассу и поделить выручку.

Так они и сделали. Обстановка бара была уже распродана раньше, и вырученная за нее сумма поделена между компаньонами.

— Ну, будьте здоровы! — сказал, наконец, Герствуд, делая над собой усилие, чтобы в последнюю минуту сохранить вежливость.

— Прощайте, — ответил Шонеси, не удостоив его даже взглядом.

Так прекратил свое существование бар на Уоррен-стрит.

Керри приготовила хороший обед, но Герствуд вернулся домой задумчивый и угрюмый.

— Ну? — пытливо взглянула на него Керри.

— Все кончено, — сказал Герствуд, снимая пальто.

Глядя на него, она старалась угадать, каковы же его денежные дела. Приступили к обеду, за которым они почти не разговаривали.

— А у тебя хватит денег, чтобы приобрести долю где-нибудь в другом месте? — спросила Керри.

— Нет, — ответил Герствуд. — Придется пока заниматься чем-нибудь другим и скопить немного.

— Было бы очень хорошо, если бы тебе удалось найти службу, — сказала Керри, подстрекаемая тревогой и надеждой.

— Надеюсь, что найду, — задумчиво проговорил Герствуд.

Несколько дней после этого Герствуд каждое утро надевал пальто и уходил из дому. Во время поисков он вначале утешал себя мыслью, что с семьюстами долларов в кармане он может найти что-нибудь подходящее. Он подумал было обратиться на какой-нибудь пивоваренный завод и заручиться там поддержкой: он знал, что такие заводы часто сдают в аренду пивные, сохраняя в своих руках контроль над ними. Но потом сообразил, что в таком случае пришлось бы истратить несколько сот долларов на обстановку, и тогда у него не осталось бы ничего на текущие расходы. На жизнь уходило около восьмидесяти долларов в месяц.

— Нет, — решал он в минуты просветления, — из этого ничего не выйдет. Я должен поступить на работу и скопить денег.



Проблема достать работу казалась ему тем сложнее, чем больше он думал над нею. Искать место управляющего баром? Но где же он найдет это место? По газетным объявлениям никто не искал управляющих. Только долголетней службой или же купив половину или третью, можно было добиться такого места. Но денег на то, чтобы купить себе долю в совладении баром, который нуждался бы в особом управляющем, у него было слишком мало.

Тем не менее Герствуд приступил к поискам. Одет он был все еще хорошо, внешность у него была импонирующая, и она вводила людей в заблуждение. При виде этого холеного, полного, уже не молодого джентльмена каждый думал, что это, должно быть, вполне обеспеченный человек, от которого простому смертному может что-нибудь перепасть. Герствуду исполнилось сорок три года, он слегка располнел и много ходить ему было не так-то легко. Он уже несколько лет не занимался никакими физическими упражнениями. Ноги у него уставали, плечи ныли, ступни к концу дня горели, хотя он везде, где можно, пользовался трамваем. Вставать и садиться без конца и то было утомительно.

От него не укрылось, что люди принимают его за человека состоятельного. Ему было ясно, что это только затрудняет его поиски. Конечно, он не жалел о том, что у него такой представительный вид, но ему было стыдно, что эта внешность так не соответствует его положению. Подумал он и об отелях, но тотчас же вспомнил, что у него нет никакого опыта в этой области и, что еще важнее, друзей, к которым он мог бы обратиться. Правда, у него были знакомые владельцы крупных отелей в разных концах Соединенных Штатов, включая и Нью-Йорк, но они знали о том, что произошло у Фицджеральда и Мое. Он не мог пойти к ним. Что же касается какой-либо другой работы — в оптово-бакалейной или москательной торговле, в страховых обществах и так далее, — то опять-таки у него не было опыта.

Идти куда-то и просить работы, дожидаться очереди в приемных, а потом ему, элегантному и солидному, признаться, что он ищет место, — нет, это невозможно. Его передергивало при одной мысли об этом.

Бесцельно слонялся Герствуд по городу, а так как настали холода, то как-то раз он зашел в вестибюль



крупного отеля. Он знал, что всякий, кто прилично одет, может сколько угодно сидеть в мягких креслах вестибюлей. Этот отель — «Бродвей-Сентрал» был одним из лучших в Нью-Йорке. С мучительным чувством Герствуд опустился в кресло. Подумать только, что он дошел до этого! В свое время он слышал, как бездельников, торчащих весь день в вестибюлях отелей, называют «грелками для кресел». И он так называл их в свое время. А теперь сам сидит здесь, несмотря на опасность встречи с кем-нибудь из старых знакомых, сидит, спасаясь от холода и усталости!

«Нет, так не годится! — сказал он себе. — Какой смысл уходить по утрам из дому, не подумав заранее, куда идти? Нужно сперва наметить определенные места и наведаться туда».

Ему пришло в голову, что он мог бы, пожалуй, найти место буфетчика в баре. Такие вакансии нередко выпадают. Но Герствуд поспешил отогнать от себя эту мысль. Буфетчиком! Он, бывший управляющий баром!

Ему надоело сидеть в вестибюле отеля, и около четырех часов он отправился домой. Входя в квартиру, Герствуд постарался придать себе деловой вид, но это была довольно жалкая попытка. Качалка в столовой так и манила к себе. Он тотчас опустился в нее с несколькими газетами, которые захватил по дороге, и погрузился в чтение.

Керри, занятая приготовлением обеда, проходя мимо Герствуда, заметила скользь:

— Сегодня приходили за квартирной платой.

— Вот как, — отозвался Герствуд.

На лбу у него залегла маленькая морщинка: он вспомнил, что сегодня второе февраля и, значит, пора вносить квартирную плату. Герствуд опустил руку в карман за кошельком и впервые познал, что такое необходимость платить, когда нет никаких видов на будущее. Он посмотрел на пачку зеленых ассигнаций, как смотрит больной на единственное лекарство, еще способное спасти его. Потом медленно отсчитал двадцать восемь долларов.

— Вот возьми! — сказал он, подавая деньги Керри, когда та снова прошла мимо.

Он уткнулся в газеты и продолжал читать. О, какое это облегчение, какой отдых после долгих скитаний и



тяжких дум! Эти потоки телеграфной информации были для него водами Леты. Они помогали ему хоть отчасти забыть о своих тревогах. Вот молодая женщина, красивая, если верить газетному портрету, подала в суд, требуя развода у своего богатого толстого мужа, владельца шоколадной фабрики в Бруклине. Вот другая заметка — об аварии судна среди льдов Принцева залива. Вот пространный и живой отдел новостей театрального мира: рецензии на состоявшиеся спектакли, отзывы о новых актерах, сообщения режиссеров о намеченных постановках... У Фанни Дэйвенпорт будет свой театр на Пятой авеню. Августин Дэйли ставит «Короля Лира». Герствуд прочел о том, что Вандербильты со своими друзьями отправляются во Флориду, открывая тем самым весенний сезон. В горах Кентукки произошла перестрелка между местными жителями.

И Герствуд все читал и читал, покачиваясь в качалке возле радиатора и дожидаясь обеда.

## ГЛАВА XXXV

### УСИЛИЯ СЛАБЕЮТ. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ЗАБОТОЙ

Утром Герствуд просмотрел газеты, внимательно проштудировал объявления торговых фирм и сделал несколько отметок у себя в записной книжке. Затем он принялся за отдел «Спрос на мужскую рабочую силу», но с весьма и весьма неприятным чувством. К его услугам был целый день, очень долгий день, в течение которого можно было что-нибудь найти, и газета должна в этом помочь. Он пробежал глазами длинные столбцы объявлений, где главным образом упоминались пекари, грузчики, повара, наборщики, возчики и так далее. Только два объявления показались ему более или менее интересными: требовались кассир для мебельного магазина и агент для фирмы, производящей виски. О таких фирмах он почему-то раньше не подумал и теперь решил тотчас же наведаться по указанному адресу.

Фирма, о которой шла речь, называлась «Олсбери и К°. Производство виски».



Герствуда тотчас же провели к управляющему конторой.

— Доброе утро, сэр! — приветствовал его тот, предполагая, что перед ним иногородний заказчик.

— Доброе утро! — ответил Герствуд. — Если я не ошибаюсь, вы давали объявление, что вам требуется агент.

— А! — вырвалось у управляющего, который только сейчас понял, в чем дело. — Да, да, мы давали такое объявление.

— Я решил зайти к вам, — с достоинством продолжал Герствуд, — так как у меня есть некоторый опыт работы в этой отрасли.

— Гм. Вот как? — промывчал управляющий. — А какой у вас опыт, разрешите узнать?

— Я, видите ли, управлял раньше крупным баром, а в последнее время был владельцем бара на углу Уоррена и Гудзон-стрит.

— Так, так, — произнес управляющий.

Герствуд молчал и дожидался ответа.

— Да, нам нужен агент, но я не думаю, чтобы наше предложение могло заинтересовать вас.

— Я понимаю, — сказал Герствуд. — Но, видите ли, сейчас мне не приходится выбирать. И если место свободно, я охотно возьму его.

Управляющий фирмой не слишком тепло отнесся к этому «мне не приходится выбирать». Ему нужен был человек, который не стал бы думать о выборе или о чем-то лучшем, а главное, не такой пожилой. Он имел в виду какого-нибудь молодого, расторопного юношу, который рад был бы усердно работать за самое скромное вознаграждение. Герствуд совсем не понравился ему. У него был более важный вид, чем у самих владельцев фирмы.

— Что ж, — заявил управляющий, — мы с удовольствием обсудим вашу кандидатуру. Окончательно мы решим лишь через несколько дней. А пока что я предложил бы вам представить нам рекомендации.

— Хорошо, — согласился Герствуд.

Кивнув на прощание, он вышел из кабинета управляющего.

Дойдя до угла, он заглянул в записную книжку, где у него был записан адрес мебельной фирмы. Это оказа-



лось на Двадцать третьей улице, и Герствуд немедленно отправился туда. Фирма была маленькая, контора неказистая, служащие сидели без дела и, судя по всему, получали ничтожное жалованье. Герствуд посмотрел в окно и прошел мимо, решив, что сюда обращаться не стоит.

«Наверно, им нужна барышня, которой будут платить долларов десять в неделю», — подумал он.

В час дня он вспомнил, что не ел с утра, и зашел в ресторан на Медисон-сквер. Там он принялся размышлять, куда бы еще пойти в этот день. Он устал. Было холодно, ветер нагнал тучи. По другую сторону Медисон-сквер высились огромные отели, окна которых выходили на оживленную улицу. Герствуд решил зайти в один из этих отелей и посидеть в вестибюле. Там было тепло и светло. Накануне он был в отеле «Бродвей-Сентрал» и не встретил там никого из знакомых. Он надеялся, что и здесь никого не встретит. Найдя свободное место на одном из красивых плюшевых диванов, у окна, выходившего на кипевший жизнью Бродвей, Герствуд сел и задумался.

И снова положение показалось ему не таким уж безнадёжным. Удобно сидя на диване и глядя на улицу, он находил утешение в тех нескольких сотнях долларов, которые еще оставались у него в бумажнике. Здесь, в вестибюле роскошного отеля, можно было на время забыть об утомительных поисках и негостеприимных улицах. Но, конечно, это было лишь бегством от более тяжелого к менее тяжелому. Тяжесть на душе и отчаяние не проходили. Медленно тянулись минуты. Час казался бесконечно долгим. Герствуд заполнял его наблюдениями над обитателями отеля, которые то приходили, то уходили, и теми пешеходами за окном на Бродвее, чье благополучие сразу можно было угадать по их одежде и настроению. Пожалуй, впервые в Нью-Йорке у него было достаточно досуга, чтобы созерцать все это. Оставшись поневоле праздным, он с любопытством следил за деятельностью других. Как веселы эти молодые люди, и как хороши женщины! Как они прекрасно одеты! И у каждого, очевидно, есть какая-то цель, к которой он торопился. Он подмечал кокетливые взгляды, которые бросали по сторонам девушки ослепительной красоты. О, какие деньги нужны для того, чтобы поддерживать



с ними знакомство! Об этом Герствуд был отлично осведомлен. Когда-то он мог себе это позволить. Как давно это было!

Где-то часы пробили четыре. Рановато еще, но все же Герствуд решил идти домой.

Возвращение на квартиру было связано с мыслью, что Керри заподозрит его в безделье, если он будет приходить чересчур рано. Он и не думал, что так скоро пойдет домой, но уж слишком томительно тянулось время. Там, дома, он был у себя. Он мог сидеть в качалке и читать. Там у него перед глазами не было этой соблазнительной картины шумного, хлопотливого Бродвея. Там у него были газеты. И Герствуд отправился домой. Керри была одна; она читала при скудном свете угасавшего дня.

— Ты испортишь себе глаза,— сказал Герствуд, увидев ее.

Сняв пальто, он счел необходимым рассказать ей о событиях дня.

— Я был на одном оптовом складе виски,— сказал он.— Возможно, что я получу там место.

— Вот было бы славно!

— Да, это было бы неплохо,— согласился с нею Герствуд.

Каждый вечер, проходя мимо киоска на углу, он брал у газетчика две газеты — «Ивнинг уорлд» и «Ивнинг сан». И теперь, с газетами в руках, он, не останавливаясь, прошел мимо Керри.

Придвинув качалку поближе к батарее отопления, он зажег свет. Дальше все пошло, как накануне. Опять его затруднения и тревоги растворились в газетных заметках, которыми он жадно упивался.

Следующий день оказался еще более тягостным, так как Герствуд не мог придумать, куда бы ему пойти. Все, что он видел в отделе объявлений (а читал он их до десяти часов утра), не подходило ему. Герствуд чувствовал, что отправиться на поиски необходимо, но уже самая мысль об этом вызывала в нем содрогание. Куда же идти?

— Не забудь оставить мне денег на хозяйство,— спокойно сказала Керри.

У них было заведено, что он каждую неделю выдавал ей двенадцать долларов на хозяйство. Услышав сло-



ва Керри, Герствуд подавил легкий вздох и полез в карман за кошельком. И страх снова охватил его. Он все черпает и черпает из своего скудного запаса, а поступлений — никаких!

«Боже,— сказал он про себя.— Так дольше не может продолжаться».

Однако Керри он ничего не сказал. Та и сама чувствовала, что напоминание о деньгах расстроило его. Вскоре каждый расход будет равносителен катастрофе.

«Но чем же я виновата? — со своей стороны, спрашивала она себя.— Почему я должна так мучиться?»

Герствуд вышел и снова направился к Бродвею. Нужно было придумать, куда идти. Но вскоре он очутился у «Грэнд-отеля» на Тридцать первой улице. В этом отеле был чрезвычайно уютный вестибюль. Герствуд продрог, так как прошел пешком около двадцати кварталов.

«Надо зайти в парикмахерскую», — решил он.

Таким образом он нашел повод посидеть здесь после бритья.

Опять время потянулось бесконечно медленно, и Герствуд рано вернулся домой. Так продолжалось несколько дней. Каждый раз его терзала мысль о необходимости искать работу, и каждый раз отвращение к этим поискам, уныние и стыд гнали его в отель, где он часами просиживал без дела.

А потом три дня подряд свирепствовала снежная буря, и Герствуд вовсе не выходил из дому. Началось с того, что однажды под вечер повалил большими рыхлыми хлопьями снег. Утром он все еще падал, но подул сильный ветер, и газеты предупреждали о надвигающемся буране. Сидя в столовой у окна, Герствуд смотрел на устлавший улицу мягкий белый покров.

— Я, пожалуй, сегодня не пойду в город,— сказал он за завтраком Керри.— В газетах пишут, что будет метель.

— Мне сегодня опять не привезли угля,— сказала Керри, заказывавшая топливо мешками.

— Я пойду и узнаю, в чем дело,— вызвался Герствуд, впервые предлагая ей свою помощь.

Его услужливость объяснялась тем, что он хотел как-то оправдать свое желание остаться дома.



Снег падал целые сутки, и город начал страдать от того, что почти весь транспорт вышел из строя. Газеты в ярких красках описывали безвыходное положение нью-йоркской бедноты.

А Герствуд сидел возле теплой батареи в углу и читал. Он старался даже не думать о поисках работы. Ужасная метель, остановившая все дела, избавляла его от этой необходимости. Уютно сидя в качалке, Герствуд грел ноги и читал. Его благодушие вызывало у Керри тревогу. Как бы ни был силен буран, она все же далеко не была уверена, что Герствуд правильно поступает, не жась в полном безделье. Слишком философски он относится к своему положению!

А Герствуд все читал и читал, почти не обращая внимания на Керри, которая хлопотала по дому и почти не разговаривала, чтобы не беспокоить его.

На следующий день все еще валил снег, на третий день тоже, и притом сильно похолодало. Считаясь с предупреждениями газет, Герствуд сидел дома. Однако он вызывался теперь кой-чем помочь Керри. Раз он пошел вместо нее в мясную лавку, в другой раз — в зеленую. Эти маленькие услуги нисколько не тяготили его. Они создавали у него ощущение, что он не совсем бесполезен; напротив: шутка ли — ходить по лавкам в такую погоду!

На четвертый день прояснилось, и газеты сообщили, что буран миновал. И все же Герствуд по-прежнему сидел дома, оправдываясь тем, что улицы непроходимо грязны.

Лишь в полдень он наконец расстался с газетами и двинулся в путь. Слегка потеплело, и снег на тротуарах развезло. Герствуд направился к Четырнадцатой улице, сел в трамвай и взял пересадочный билет на Бродвей. Он нашел в газете объявление об одном питейном заведении на Перл-стрит. Однако, подъезжая к отелю «Бродвей-Сентрал», Герствуд вдруг передумал.

«Какой смысл ехать туда! — рассуждал он, глядя на снег и слякоть. — В долю я все равно не могу вступить. Тысяча шансов против одного, что все это будет напрасно. Выйду, пожалуй». И вышел. В вестибюле отеля он сел в кресло и опять задумался над тем, что бы предпринять.



В то время, как Герствуд сидел, углубившись в свои мысли, довольный тем, что находится в тепле, в вестибюле показался хорошо одетый джентльмен, остановился, пристально посмотрел на Герствуда, точно желая проверить свою память, и подошел ближе.

Герствуд сразу узнал Карджила, владельца больших скаковых конюшен в Чикаго. В последний раз он видел этого человека в день выступления Керри в любительском спектакле. Он вспомнил, как этот самый Карджил вместе с женой подошел поздороваться с ним.

Герствуд был чрезвычайно смущен. По выражению его глаз чувствовалось, что он переживает тяжелые минуты.

— Да ведь это Герствуд! — воскликнул Карджил.

Он узнал своего бывшего приятеля, но искренне пожалел, что не узнал его раньше, ибо тогда он мог бы избежать неприятной встречи.

— Да, это я, — сказал Герствуд. — Как поживаете?

— Очень хорошо, — ответил Карджил, стараясь придумать, о чем бы заговорить. — Вы остановились в этом отеле?

— Нет, я только назначил здесь свидание одному человеку.

— Я слышал, что вы покинули Чикаго. Я все удивлялся, куда это вы пропали.

— О, я уже давно живу здесь, — ответил Герствуд, думая лишь о том, как бы поскорее отделаться от своего собеседника.

— Дела идут хорошо, надеюсь?

— Прекрасно.

— Очень рад слышать, — сказал Карджил.

Несколько секунд они смущенно разглядывали друг друга.

— Ну, я пойду наверх. Меня там ждут, — сказал наконец Карджил. — Будьте здоровы!

Герствуд кивнул на прощание.

— Проклятие! — пробормотал он, направляясь к двери. — Я так и знал, что это случится!

Герствуд прошел несколько кварталов и посмотрел на часы. Было только еще половина второго. Он старался придумать, куда бы пойти, где бы еще поискать работы. Погода была скверная, и Герствуду хотелось по-



скорее очутиться дома. Наконец, почувствовав, что ноги у него озябли и промокли, он сел в трамвай, который доставил его на Пятьдесят девятую улицу. Куда ехать, ему было безразлично. Выйдя из вагона, он направился в обратную сторону по Седьмой авеню. Но слякоть была совершенно невозможная, и бродить без всякой цели стало невыносимо. Герствуду казалось, что он простудился.

Подойдя к углу, он стал дожидаться трамвая, направлявшегося на Южную сторону. Нет, в такой день нельзя ходить по улицам. Он поедет домой.

Керри была изумлена, увидя его уже в четверть третьего дома.

— Погода мерзкая, — только и сказал он.

Потом он снял пиджак и переобулся.

Ночью у Герствуда начался сильный озноб, и он принял хинин. Его лихорадило до утра, и он, естественно, сидел весь день дома, а Керри ухаживала за ним. Во время болезни он становился беспомощным; к тому же вид у него на сей раз был весьма неприглядный: он лежал нечесаный, в каком-то бесцветном халате. Тусклые глаза глядели мрачно, и он казался теперь почти стариком. Керри все видела, и, конечно, это не могло ей нравиться. Ей хотелось проявить доброту и сочувствие, но что-то в нем удерживало ее на расстоянии.

К вечеру у Герствуда был такой ужасный вид, что Керри сама предложила ему лечь в постель.

— Ложись-ка ты сегодня один, — посоветовала она. — Ты будешь лучше себя чувствовать. Я сейчас постелю тебе.

— Хорошо, — согласился Герствуд.

А Керри возилась с постелью и в отчаянии спрашивала себя: «Что же это будет? Что это за жизнь?»

Еще днем, когда Герствуд сидел, сгорбившись, у батареи и читал газеты, Керри прошла мимо и, взглянув на него, нахмурилась. Она вышла в гостиную, где было не так тепло, как в столовой, опустилась на стул у окна и расплакалась. Неужели жизнь кончена? Неужели ей суждено до гроба оставаться с человеком, который бездельничает и к тому же совсем равнодушен к ней? Всю свою молодость провести взаперти в этих клетушках? Ведь в конце концов она превратилась просто в служанку Герствуда!



От слез у нее покраснели глаза, и, когда, приготовив постель, она зажгла газ и позвала Герствуда, тот обратил на это внимание.

— Что с тобой, Керри? — спросил он, пристально вглядываясь в нее.

Его голос звучал хрипло, волосы были взлохмачены, и это придавало ему крайне неприглядный вид.

— Ничего, — чуть слышно ответила Керри.

— Ты плакала?

— И не думала даже!

Он догадывался, что эти слезы вызваны отнюдь не любовью к нему.

— Не надо плакать, — сказал он, укладываясь в постель. — Вот увидишь, все еще уладится!

Дня через два Герствуд был уже снова на ногах, но, так как погода все еще была отвратительная, он остался дома. Газетчик-итальянец приносил ему утренние газеты, и Герствуд прилежно прочитывал их.

После этого он несколько раз бывал в городе, но, встретившись снова с кем-то из старых друзей, уже не чувствовал себя уютно в вестибюлях отелей.

Теперь он стал рано возвращаться домой и в конце концов перестал даже притворяться, будто ищет работу. Зима — неподходящее время для таких поисков.

Сидя почти весь день дома, Герствуд, конечно, видел, как Керри ведет хозяйство. В роли домашней хозяйки она далеко не была совершенством, и ее мелкие отступления от принципа бережливости привлекли внимание Герствуда. Раньше, пока просьбы о деньгах не стали для Герствуда мукой, он ничего не замечал. Теперь же, сидя дома без дела, он с удивлением думал о том, как быстро мчатся недели. А Керри каждый вторник требовала денег.

— Ты думаешь, что мы живем достаточно экономно? — спросил он в один из таких вторников.

— Я делаю все, что могу, — ответила Керри.

На этом разговор окончился. Но на следующий день Герствуд снова спросил:

— Ты когда-нибудь ходила на рынок Гензевурт?

— Я даже и не знала, что такой существует, — ответила Керри.

— Вот видишь, а между тем говорят, что там продукты значительно дешевле.



Керри не обратила никакого внимания на это указание. Такие вещи не интересовали ее.

— Сколько ты платишь за фунт мяса? — как-то спросил Герствуд.

— Разные бывают цены, — ответила Керри. — Филейная часть для бифштекса стоит, например, двадцать два цента фунт.

— А ты не находишь, что это очень дорого?

В том же духе продолжал он расспрашивать ее и о других продуктах, пока это не превратилось у него в какую-то манию. Герствуд узнавал цены и хорошенько запоминал их.

Вместе с тем он стал проявлять все большие способности в качестве посыльного. Началось, конечно, с мелочей. Однажды, когда Керри надевала шляпу, Герствуд остановил ее:

— Куда ты идешь, Керри?

— В булочную, — ответила она.

— Давай-ка я схожу, — предложил он.

Керри охотно согласилась, и Герствуд пошел за хлебом.

Каждый день под вечер, отправляясь на угол за газетами, он спрашивал ее:

— Тебе, может, что-нибудь нужно?

Постепенно Керри привыкла пользоваться его услугами. Но зато она лишилась своих еженедельных двенадцати долларов.

— Дай мне сегодня на хозяйство, — сказала она как-то утром, во вторник.

— Сколько тебе нужно? — спросил Герствуд.

Керри великолепно поняла смысл этого вопроса.

— Долларов пять, — ответила она. — Я задолжала за уголь.

Несколько позже, в тот же день, Герствуд заметил:

— Итальянец на углу продает уголь как будто дешевле, кажется, за двадцать пять центов за бушель. Я буду покупать у него.

Керри отнеслась к этому с полным равнодушием.

— Хорошо, — сказала она.

А потом уже пошло:

— Джордж, у нас весь уголь вышел.

Или:

— Джордж, сходи принеси мяса к обеду.



Герствуд узнавал во всех подробностях, что именно требуется, и отправлялся за покупками. Но следом за экономией пришла скaredность.

— Я купил только полфунта говядины,— сказал он как-то, возвращаясь с газетами.— По-моему, мы никогда всего не съедаем.

Эта отвратительная мелочность изводила Керри. Она омрачала ее существование, наполняла тоской ее душу. О, как страшно изменился этот человек! Целый день он сидел дома на одном и том же месте и все читал и читал свои газеты. Казалось, мир потерял для него всякий интерес. Лишь изредка он выходил из дому, если была хорошая погода,— иногда часа на четыре, на пять, обычно между одиннадцатью и четырьмя.

Керри со всевозрастающей неприязнью и презрением наблюдала за ним.

Герствудом овладела полная апатия, так как он не видел выхода из создавшегося положения. С каждым месяцем его денежные запасы таяли. Теперь у него оставалось лишь пятьсот долларов, и он так цеплялся за них, словно эта сумма могла до бесконечности отдалить нужду. Сидя все время дома, он решил, что не стоит носить хорошее платье, и надевал какой-нибудь старенький костюм. Впервые это случилось, когда наступила плохая погода, но тогда он счел нужным извиниться перед Керри.

— Сегодня такая отвратительная погода, что я решил надеть что-нибудь из старых вещей,— сказал он.

А потом это уже вошло в привычку.

Раньше он имел обыкновение платить пятнадцать центов за бритье и десять оставлял мастеру «на чай». В первом порыве отчаяния он сразу урезал чаевые до пяти центов, а затем и совсем свел их на нет. Через некоторое время, однако, он решил побриться в более дешевой парикмахерской, где брали лишь десять центов. Убедившись, что там бреют вполне удовлетворительно, он стал ходить туда. Вскоре он перестал бриться каждый день. Сперва брился через день, потом через два дня, потом — лишь раз в неделю. К субботе он весь обрастал щетиной.

И, конечно, по мере того как этот человек терял к себе уважение, теряла уважение к нему и Керри. Она не могла понять, что случилось с Герствудом. Ведь у него



еще оставалось немного денег, у него был в запасе вполне приличный костюм, и, когда Герствуд аккуратно одевался, он все еще неплохо выглядел.

Керри ни на минуту не забывала о том, какую борьбу ей самой пришлось выдержать в Чикаго, но она не забывала также, что не прекращала поисков работы и не сдавалась до конца. А этот человек и не пытается что-либо сделать. Он перестал даже заглядывать в газетные объявления.

И, наконец, у нее однажды вырвалось то, о чем она думала постоянно.

— Для чего ты кладешь так много масла в жаркое? — спросил как-то Герствуд, околавившийся на кухне.

— Чтобы оно было вкуснее, — ответила Керри.

— Масло нынче чертовски дорого, — пробормотал он.

— О, ты не стал бы обращать внимания на это, если бы работал! — возразила Керри.

Герствуд тотчас умолк и вернулся к своим газетам. Но ответ Керри еще долго сверлил его мозг. Ему впервые случилось услышать от нее такую резкую отповедь.

В тот вечер Керри приготовила себе постель в гостиной. Это было необычно. Войдя в спальню, Герствуд, по своему обыкновению, улегся, не зажигая света. И только тогда обнаружил, что Керри нет.

«Как странно! — подумал он. — Может быть, она читает и еще не легла?»

Больше он не думал об этом и тотчас заснул, а наутро убедился, что Керри нет рядом с ним.

Как ни странно, но этот инцидент не вызвал никаких разговоров.

На другой день с приближением ночи Керри заметила:

— У меня сегодня что-то голова болит. Я лучше буду спать одна.

— Как хочешь, — сказал Герствуд.

На третью ночь Керри уже без всяких объяснений приготовила себе постель в гостиной. Это было жестоким ударом для Герствуда, но он все-таки не сказал ни слова.

«Ладно, пусть спит одна», — решил он, но при этом невольно нахмурился.



ГЛАВА XXXVI  
ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ.  
ПРИЗРАК УДАЧИ

Супруги Вэнс, возвратившиеся в Нью-Йорк еще к рождеству, не забыли Керри, но они, вернее, миссис Вэнс, не навестили ее по той простой причине, что она не сообщила им своего адреса. Керри переписывалась с миссис Вэнс лишь до тех пор, пока они с Герствудом жили на Семьдесят восьмой улице,— таков уж был ее характер. Но когда они были вынуждены переселиться на Тринадцатую улицу, она стала думать, как бы ей не давать нового адреса. Она боялась, что ее приятельница догадается по этому переезду о той перемене к худшему, которая произошла в их положении. И, ничего не придумав, Керри с сожалением оборвала переписку с миссис Вэнс. А та, не зная, чем объяснить молчание приятельницы, решила, что Керри, по всей вероятности, уехала из Нью-Йорка и что едва ли они когда-нибудь увидятся. Велико было поэтому ее удивление, когда она столкнулась с Керри на Четырнадцатой улице, куда случайно отправилась за покупками. Керри пришла туда с той же целью.

— Как, миссис Уилер, это вы? — воскликнула миссис Вэнс, окидывая Керри быстрым взглядом.— Где же вы пропадали? Почему вы ни разу не зашли ко мне? Я не переставала спрашивать себя, что могло с вами случиться. Право, я...

— Я очень рада вас видеть,— сказала Керри, обрадовавшись и вместе с тем сильно смутившись. Вот уж не вовремя встретила она миссис Вэнс! — Мы живем здесь неподалеку. Я все время собиралась побывать у вас. Где же вы сейчас обитаете?

— На Пятьдесят восьмой улице, дом двести восемнадцатый,— ответила миссис Вэнс.— Это почти на углу Седьмой авеню. Так вы зайдете к нам? — снова спросила она.

— Непременно зайду,— обещала Керри.— Поверьте, мне тоже хотелось повидать вас. Я знаю, что давно уже следовало это сделать, мне даже стыдно, честное слово. Но, знаете ли...

— А вы где живете? — перебила ее миссис Вэнс.



— Тринадцатая улица, сто двенадцать, на Западной стороне,— неохотно ответила Керри.

— О, ведь это совсем близко отсюда! — воскликнула ее приятельница.

— Да,— подтвердила Керри.— Вы должны как-нибудь зайти ко мне.

— Ну и хороши же вы! — снова попрекнула ее миссис Вэнс и рассмеялась.

Однако во время разговора она успела заметить, что Керри как-то изменилась внешне. И к тому же этот новый адрес...

Все же она очень любила Керри и, как всегда, хотела покровительствовать ей.

— Зайдемте со мной на минутку сюда,— сказала она, потянув Керри в универсальный магазин.

Когда Керри вернулась домой, Герствуд, по обыкновению, сидел в качалке и читал. К своему положению он, видимо, относился с исключительной беспечностью. Он не брился уже по крайней мере четыре дня.

«А вдруг зашла бы миссис Вэнс и застала его в таком виде!» — подумала Керри.

Она горестно покачала головой. Положение становилось совершенно невыносимым.

В порыве отчаяния она спросила за обедом:

— Что слышно о том оптовом складе, где тебе обещали место? Помнишь, ты мне как-то рассказывал?

— Ничего из этого не вышло,— ответил Герствуд.— Им не нужен человек, не имеющий опыта.

Керри прекратила разговор, чувствуя, что не в силах ничего больше сказать.

— Я встретила сегодня миссис Вэнс,— промолвила она через некоторое время.

— Вот как? — отозвался Герствуд.

— Да. Они снова в Нью-Йорке. У нее очень элегантный вид.

— Что ж, она может себе это позволить, пока у ее мужа есть деньги,— сказал Герствуд.— У него доходное местечко.

Он снова уткнулся в газету и не заметил бесконечно усталого и разочарованного взгляда, который бросила на него Керри.

— Миссис Вэнс обещала зайти к нам,— сказала Керри.



— Однако она что-то долго собиралась. Ты не находишь? — заметил Герствуд с некоторым сарказмом.

Он не питал особой симпатии к миссис Вэнс, считая ее мотовкой.

— Как сказать, — ответила Керри, рассерженная его тоном. — Быть может, я сама не хотела, чтобы она приходила.

— Уж больно она легкомысленна, — многозначительно произнес Герствуд. — За нею может угнаться лишь тот, у кого уйма денег.

— Насколько я вижу, мистеру Вэнсу это совсем не в тягость, — парировала Керри.

— Сейчас, может, и нет, — упрямо сказал Герствуд, прекрасно понявший намек Керри. — Но его жизнь еще не кончена. Мало ли что может случиться. Он тоже может сесть на мель, да еще как!

На его лице появилось гаденькое выражение, он ехидно подмигнул, как бы злорадно предвкушая крах всех этих счастливицев. А его собственное положение — это совсем другое дело, тут все образуется.

В этом сказывались последние остатки его прежней самоуверенности и независимости. Проводя все дни дома, читая о деятельности других людей, Герствуд временами вновь ощущал прилив энергии и былой самонадеянности. Тогда он забывал о том, как томительно шататься без толку по улицам, каким чувством унижения сопровождаются поиски работы. Он вдруг гордо выпрямлялся, словно говоря себе:

«О, я еще на что-то гожусь. Я не совсем пропащий человек. Стоит мне только захотеть, и я многого могу достигнуть».

В такие минуты он тщательно одевался, брился, натягивал перчатки и пускался в путь, испытывая жажду какой-нибудь деятельности. Но брел он без всякой определенной цели. Он выходил из дома под влиянием настроения. Он просто чувствовал потребность выйти на улицу и что-то делать.

Но в таких случаях у него уплывали деньги. Он знал несколько мест, где играли в покер. У него были знакомые в барах, поблизости от ратуши. Повидаться с кем-нибудь из них и поболтать — это уже вносило какое-то разнообразие в его жизнь.



Когда-то Герствуд довольно удачно играл в покер. Случалось, что в кругу друзей он выигрывал сотню долларов, а то и больше. В те времена, однако, такая сумма была лишь чем-то вроде острой приправы к самой игре, ибо не в выигрыше было дело. И теперь Герствуду снова пришла в голову мысль о покере.

«Я мог бы, пожалуй, выиграть сотню-другую долларов. Ведь я еще не научился играть!» — подумал он.

Надо отдать ему справедливость: эта мысль приходила ему в голову много раз, прежде чем он решил ее осуществить.

Первый игорный зал, в который он попал, находился над каким-то кабачком на Уэст-стрит, неподалеку от одной из переправ. Герствуд уже не раз бывал здесь. Играли за несколькими столами, и Герствуд некоторое время довольствовался ролью наблюдателя. Он заметил, что в банке, несмотря на мелкие ставки, набралась сравнительно крупная сумма.

— Сдайте-ка и мне, — сказал он перед раздачей.

Он придвинул себе стул и посмотрел в карты. Остальные партнеры исподтишка внимательно изучали новичка.

Вначале Герствуду не везло. Ему досталось пять разных карт, не оставлявших даже надежды что-либо прикупить. Игра между тем завязалась.

— Я пасую, — сказал он.

При таких картах невольно приходилось жертвовать первоначальной ставкой.

Но потом ему шла приличная карта, и в конце концов он ушел, унося в кармане выигрыш в несколько долларов.

На другой день Герствуд вернулся, ища развлечения и наживы. На этот раз он, на свою беду, получил при сдаче карт трех королей. Напротив него сидел молодой ирландец воинственного вида, из тех, что околачиваются в Таммани-холл. Ему досталась лучшая карта. Герствуд был удивлен настойчивостью, с какой его противник повышал ставки, и его хладнокровием. «Если этот субъект решился на блеф, он делает это очень искусно», — подумал Герствуд. Он начал сомневаться в своей карте, но внешне сохранял или старался сохранять полную невозмутимость, помогавшую ему в прежние времена обманывать иных психологов игорного стола, которые не



руководствуются реальными данными, а предпочитают читать чужие мысли и настроения. Он не мог побороть в себе трусливую мысль, что карта у противника, возможно, лучше, чем у него, что тот будет упорствовать до конца и вытянет у него все до последнего доллара, если он сам вовремя не отступит. А все-таки почему не сорвать большой куш — ведь карта превосходная! Почему не повысить еще?

— Ставлю еще три, — сказал молодой ирландец.

— Пусть уж будут все пять, — отозвался Герствуд, пододвигая стопочку фишек.

— И еще столько же! — сказал его противник, в свою очередь, прибавляя в банк стопочку красных фишек.

— Разрешите мне еще фишек, — попросил Герствуд, обращаясь к крупье, и протянул ему ассигнацию.

Молодой ирландец насмешливо осклабился, когда Герствуд, получив фишки, покрыл ставку.

— Еще пять! — сказал ирландец.

У Герствуда на лбу выступила испарина. Игра все больше и больше втягивала его, и он зашел в ней слишком далеко, особенно если учесть состояние его финансов. В банке было уже шестьдесят долларов его кровных денег.

По натуре Герствуд далеко не был трусом, но при мысли, что может сразу столько потерять, он почувствовал какую-то слабость во всем теле. В конце концов он сдался. Он больше не доверял своей хорошей карте.

— Что у вас? — спросил он у партнера, закрывая игру.

— Тройка и пара, — ответил тот, показывая карты. Руки Герствуда бессильно опустились.

— А я уж думал, что поймал вас, — еле слышно проормотал он.

Молодой человек загреб все фишки, а Герствуд вышел из комнаты. Спускаясь по лестнице, он остановился и пересчитал деньги.

— Триста сорок долларов, — прошептал он.

Как много денег ушло у него с тех пор, как закрылся бар!

Вернувшись домой, он принял твердое решение больше не играть в карты.



Керри не забыла обещания миссис Вэнс навестить ее и попыталась еще раз воздействовать на Герствуда. Дело было в его внешности. В этот день, придя домой, он, по обыкновению, переоделся в старый костюм, в котором проводил теперь все время.

— Ну, скажи, пожалуйста, зачем только ты надеваешь это старье? — спросила Керри.

— А какой смысл носить дома хороший костюм? — вопросом же ответил Герствуд.

— Мне кажется, что в приличном костюме ты и сам чувствовал бы себя лучше. И ведь к нам может кто-нибудь зайти, — добавила она.

— Кто, например?

— Да хотя бы миссис Вэнс.

— Ей незачем видеть меня, — угрюмо отозвался Герствуд.

Подобное отсутствие самолюбия и интереса к чему бы то ни было, кроме газет, вызвало в Керри возмущение, граничащее с ненавистью.

«Вот так и сидит целыми днями! — подумала она. — «Ей незачем видеть меня!» Да как ему не стыдно?»

Но наибольшую горечь Керри испытала в тот день, когда миссис Вэнс в самом деле зашла проведать свою бывшую приятельницу. Она ходила по магазинам и решила заглянуть к Керри. Поднявшись по довольно жалкой лестнице, она постучалась.

К ее огорчению, Керри не оказалось дома. Герствуд отпер дверь, предполагая, что это она возвращается домой. При виде миссис Вэнс он растерялся. Потухшая было гордость снова вспыхнула в нем.

— А, миссис Вэнс! — насилу произнес он. — Здравствуйте!

— Здравствуйте! — отозвалась миссис Вэнс, не веря своим глазам.

Она сразу заметила, как сильно он смутился. Он мялся, не зная, предложить ли гостье войти или нет, и та продолжала стоять в дверях.

— Ваша супруга дома? — спросила она.

— Нет, Керри куда-то вышла, — ответил он. — Вы, может быть, зайдете? Она скоро вернется.

— Н-нет, я очень тороплюсь, — ответила миссис Вэнс, поняв, как изменилась жизнь ее друзей. — Я хотела заглянуть на минутку, так как была поблизости, но



остаться я никак не могу. Пожалуйста, передайте вашей супруге, что я очень прошу ее навестить меня.

— Передам,— сказал Герствуд, отступая назад. Он почувствовал большое облегчение, когда гостья ушла. Ему было так стыдно, что, усевшись в качалку, он слабо сжал переплетенные пальцы и задумался.

Керри подходила к дому с противоположной стороны, и ей показалось, что она издали видит удаляющуюся миссис Вэнс. Но, как ни напрягала она зрение, она все же не была уверена в этом.

— Кто-нибудь заходил к нам сейчас? — был первый вопрос, который она задала Герствуду.

— Да,— с виноватым видом ответил он,— заходила миссис Вэнс.

— И она видела тебя? — спросила Керри тоном, в котором выразилось все овладевшее ею отчаяние.

Этот тон обжег Герствуда, как удар хлыста. Он насунился.

— Если у нее есть глаза, то она меня видела,— ответил он.— Я открывал ей дверь.

— О! — вырвалось у Керри, и она нервно сжала руки в кулак.— Она что-нибудь просила передать?

— Нет, ничего,— ответил Герствуд.— Она не могла остаться, сказала, что у нее нет времени.

— И ты показался ей в таком виде? — воскликнула Керри, отбросив свою обычную сдержанность.

— Ну, и что же из этого? — в свою очередь, обозлился Герствуд.— Откуда я мог знать, что она вздумает прийти?

— Ты прекрасно знал, что она может прийти! — сказала Керри.— Я тебя предупреждала, я говорила тебе, что она обещала зайти! Сколько раз я просила тебя надевать другой костюм! О, какой ужас!

— Да оставь, пожалуйста! — проворчал Герствуд.— Что за беда? Ты все равно не можешь водить знакомство с нею: она слишком богата.

— А кто тебе говорил, что я этого хочу? — вспыхнула Керри.

— Ну, ты так ведешь себя: устраиваешь сцены из-за того, как я одет. Можно подумать, что я совершил... Керри не дала ему кончить.

— Да, ты прав! Я не могла бы дружить с нею... Даже если бы мне этого очень хотелось. Но кто в том ви-



новат? Хорошо тебе, сидя тут в полном безделье, ука-  
зывать, с кем мне водить знакомство и с кем не водить!  
Ты бы лучше пошел искать работу!

Это было как гром среди ясного неба.

— А тебе-то что до этого? — почти выкрикнул Гер-  
ствуд, вставая. — Я плачу за квартиру, не так ли? Я до-  
ставляю...

— Да, ты платишь за квартиру, — спокойно ответила  
Керри. — Послушать тебя, так можно подумать, что на  
свете только и радости, что сидеть здесь, в квартире!  
Вот уже три месяца, как ты сидишь тут, и за это время  
ты палец о палец не ударил, чтобы сделать хоть что-ни-  
будь, только суешься вечно не в свое дело на кухне!  
И зачем понадобилось тебе жениться на мне?

— Я вовсе не женился на тебе! — огрызнулся Гер-  
ствуд.

— То есть как не женился? А что же в таком слу-  
чае было в Монреале? — с изумлением спросила Керри.

— Что бы там ни было, можешь забыть об этом, —  
ответил Герствуд. — Факт тот, что никакой женитьбы  
не было. Будто ты сама не знаешь!

Несколько секунд Керри смотрела на него широко  
раскрытыми глазами. Она была уверена, что связана с  
Герствудом самым настоящим браком.

— Зачем же ты лгал мне? — спросила она. — Зачем  
ты силой заставил меня бежать с тобой?

Последние слова прозвучали почти как рыдание.

— Заставил бежать! — повторил Герствуд, презри-  
тельно кривя губы. — Кто тебя заставлял?

— О! — только вскрикнула Керри, не выдержав на-  
пряжения — О! О! — снова вырвалось у нее из груди,  
и она выбежала в гостиную.

А Герствуд был разгорячен и окончательно стряхнул  
с себя оцепенение. Это была для него изрядная встряс-  
ка, моральная и физическая. Он вытер лицо и растерян-  
но оглянулся. Затем вышел и стал переодеваться.

Из комнаты, где находилась Керри, не доносилось  
ни звука. Услышав, что Герствуд одевается, она пода-  
вила рыдания. У нее мелькнула тревожная мысль, что  
он уйдет и оставит ее без гроша; но мысль о том, что  
она может потерять его навсегда, не тревожила ее ни  
секунды. Она слышала, как он открывал шкаф, доста-



вая с верхней полки шляпу, потом дверь хлопнула, и стало ясно, что он ушел.

Керри сейчас же встала, глаза ее были сухи. Она взглянула в окно. Герствуд уже шагнул по направлению к Шестой авеню.

Он пошел по Тринадцатой улице, затем пересек Четырнадцатую и повернул к Юнион-сквер.

— Искать работу,— беззвучно шептали его губы.— Искать работу. Она велит мне искать работу.

Он пытался защищать себя от обвинения, которое бросал ему собственный разум, не перестававший твердить, что Керри совершенно права.

«И принесло же эту миссис Вэнс! — сердился он. — Как она меня оглядела с головы до ног! Я прекрасно знаю, что она подумала».

Он вспомнил те несколько случаев, когда видел миссис Вэнс на Семьдесят восьмой улице. У нее всегда был вид богатой дамы, и Герствуд в ее присутствии старался держать себя как человек того же круга. Подумать только, что теперь она застала его в таком виде!

Герствуд страдальчески наморщил лоб.

— О дьявол! — то и дело повторял он.

Когда он уходил из дому, было уже четверть пятого. Он оставил Керри в слезах, и, значит, в этот день нечего было рассчитывать на обед.

«Какого черта! — мысленно твердил он, стараясь скрыть от самого себя свой позор — Не так уж я плох! Я еще не вышел в тираж!»

Он оглянулся и, заметив, что находится неподалеку от крупных отелей, решил зайти в один из них и пообедать. Там он возьмет газеты и устроится как-нибудь поудобнее.

Герствуд поднялся в роскошную гостиную отеля «Мортон», считавшегося в то время одной из лучших гостиниц Нью-Йорка, расположился в мягком кресле и принялся читать. Мысль, что средства его быстро тают и что он не вправе позволить себе такую роскошь, насколько не смущала его сейчас. Подобно морфинисту, он мало-помалу становился рабом временного забвения. Что угодно, лишь бы облегчить эту боль в душе и побыть в уюте и покое! Без этого он уже не мог жить. К черту все думы о завтрашнем дне! «Завтра» было таким же страшным, как всякая беда. Он всеми силами



пытался отогнать мысль, что вскоре останется без гроша, как мы гоним от себя мысль о неизбежности смерти, и это ему почти удавалось.

Хорошо одетые посетители, проходившие по толстым коврам, заставили его перенести мысль в прошлое. Герствуду понравилась какая-то жившая в отеле молодая дама, которая играла в нише на рояле, и он пересел со своей газетой поближе.

Обед обошелся ему в полтора доллара.

В восемь часов вечера Герствуд покончил с едой. Он заметил, что посетители расходятся, а толпа искателей развлечений на улице становится гуще. Он тоже вышел на улицу, думая о том, куда бы пойти. Только не домой! Керри еще не легла спать. Нет, сейчас он ни за что не пойдет домой. Он проведет время так, как это может позволить себе человек независимый, сохранивший свое положение в обществе.

Герствуд закурил сигару и остановился на ближайшем углу, где стояли группами десятки таких же праздношатающихся, как и он, агентов, скаковых маклеров, актеров — его собратьев по духу. Невольно вспомнился ему Чикаго. Сколько раз он проводил вечера за картами с друзьями...

Его мысли вернулись к покеру.

«В прошлый раз я сглупил,— подумал он, вспомнив о том, как проиграл шестьдесят долларов.— Напрасно сдался, в конце концов я бы запугал этого парня. Просто я был не «в ударе», вот это и погубило меня».

Он стал перебирать в уме разные возможности, которые открываются в игре, мысленно представляя себе, как бы он обыграл того или иного противника, если бы только блефовал посмелее.

«Я достаточно опытен в игре и должен этим воспользоваться. Надо еще раз попытать сегодня счастья».

Ему мерещились огромные ставки. Вдруг он выиграет сотню-другую долларов! Вот это была бы удача! Он знал многих, живших игрой в карты, и живших притом весьма недурно.

«А у них было вначале не больше денег, чем у меня»,— размышлял он.

Герствуд отправился в один из ближайших игорных залов, чувствуя себя почти так же хорошо, как в былые дни. Сначала гнев на Керри, а потом хороший обед,



коктейль и ароматная сигара заставили его забыть о своем плачевном состоянии, и на несколько часов он снова стал почти тем самым Герствудом, каким был когда-то.

И все-таки это не был прежний Герствуд, это был человек, спорящий со своей совестью и влекомый мирражем.

Игорный зал ничем не отличался от того, в котором Герствуд побывал в прошлый раз. Разница была лишь в том, что этот помещался при несколько лучшем баре. Некоторое время Герствуд наблюдал за игрой, а потом и сам присоединился к ней. Как и в тот раз, сперва все шло довольно гладко. Герствуд несколько раз выигрывал, что подбадривало его, потом проигрывал, что еще больше его затягивало. Его охватил азарт. Он наслаждался риском и как-то, имея на руках совершенно ничтожную карту, решился на блеф, чтобы сорвать крупный куш.

К величайшему удовольствию Герствуда, это ему удалось.

Победа вскружила ему голову, и он решил, что сегодня счастье на его стороне. Никто не выиграл больше. Ему попалась посредственная карта, и он попробовал открыть «праздник». Но его партнерами были наблюдательные игроки, которые почти что читали его мысли.

«У меня на руках тройка; буду держаться до конца», — подумал про себя один из них.

Началось повышение ставок.

— Ставлю еще десять, — заявил Герствуд.

— Ответил, — сказал партнер.

— Еще десять.

— Ответил.

— Еще десять.

— Ответил.

Дошло до того, что в банке набралось уже много денег, в том числе семьдесят пять долларов Герствуда. Его противник серьезно призадумался. «А вдруг, — мелькнула у него мысль, — у этого субъекта сильная карта?» Поэтому он решил открыться.

— Что у вас? — спросил он.

Герствуд открыл. Его карта была бита.

Неприятное открытие, что он потерял одним махом семьдесят пять долларов, привело Герствуда в отчаяние.



— Еще одну сдачу? — угрюмо предложил он.

— Идет! — согласился партнер.

Некоторые из игроков покинули свои места, и их сменили любопытные. Время шло, и вскоре часы пробили двенадцать. Герствуд выигрывал и проигрывал небольшие суммы. Он сильно устал и при самой последней сдаче проиграл еще двадцать долларов.

На душе у него кошки скребли.

Лишь в четверть второго вышел он из игорного зала. Пустые, холодные улицы, казалось, издевались над ним. Герствуд медленно направился домой, почти забыв о своей ссоре с Керри. Он поднялся по лестнице и вошел в квартиру с таким видом, словно ничего и не случилось. Он думал только о своем проигрыше.

Присев на кровать, Герствуд пересчитал деньги. Теперь у него оставалось всего сто девяносто долларов и немного мелочи. Он спрятал деньги в карман и начал раздеваться.

«Что это со мной в самом деле?» — растерянно подумал он.

Утром Керри почти не разговаривала с ним, и Герствуд чувствовал, что ему лучше снова уйти из дому. Он сознавал, что скверно обошелся с Керри, но не мог заставить себя сделать первый шаг к примирению. Им овладело отчаяние. Несколько дней подряд он уходил из дому и вел жизнь джентльмена, вернее, жил так, как, по его представлениям, должен жить джентльмен, а это стоило денег. После такого времяпрепровождения он еще хуже чувствовал себя и физически и морально, не говоря уже о том, что содержимое его кошелька уменьшилось на тридцать долларов.

Лишь тогда Герствуд как будто протрезвел и снова стал самим собою.

— Сегодня должны прийти за квартирной платой, — сказала Керри.

Это были ее первые слова за последние три дня.

— Вот как? — удивился Герствуд.

— Сегодня второе число, — подтвердила она.

Герствуд нахмурил брови и с безнадежным чувством полез в карман за кошельком.

— Ужасно много денег приходится платить за квартиру! — сказал он.

Приближалась очередь последних ста долларов



ГЛАВА XXXVII

ВОЛЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ.  
СНОВА В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Нет смысла рассказывать шаг за шагом о том, как с течением времени дело дошло до последних пятидесяти долларов. При той легкости, с какой Герствуд обращался с деньгами, его семисот долларов хватило до июня. Но еще раньше, чем начать последнюю сотню, он стал поговаривать о приближающейся катастрофе.

— Право, не понимаю, почему у нас так много уходит денег,— сказал он однажды, придравшись к сумме, израсходованной на мясо.

— Я вовсе не нахожу, что мы много тратим,— возразила ему Керри.

— Мои деньги почти на исходе,— продолжал он.— Понять не могу, на что только они ушли!

— Ты хочешь сказать, что у тебя ушли все семьсот долларов? — воскликнула Керри.

— Да, осталось всего лишь сто.

У него был такой безутешный вид, что Керри испугалась. Она стала понимать, что и сама беспомощно плывет по течению. Впрочем, она все время чувствовала это.

— Но, Джордж, почему же ты не поищешь работы? — воскликнула она.— Ты, наверное, мог бы что-нибудь найти!

— Я искал,— ответил он.— Не могу же я заставить людей дать мне работу!

Керри некоторое время пристально глядела на него и, наконец, сказала:

— Что же ты намерен делать? Ведь ста долларов нам хватит ненадолго.

— Не знаю,— ответил он.— Я могу только искать. Другого ничего не остается.

От слов Герствуда Керри стало страшно. Что же теперь делать? Она часто вспоминала о театре, как о двери, через которую можно проникнуть в столь прельщавшую ее, сверкающую позолотой жизнь, и теперь, как и в свое время в Чикаго, она ухватила за эту мысль. Необходимо что-то предпринять, и как можно скорее, если только Герствуд в самое ближайшее время



не найдет работы. Ведь очень может быть, что ей опять придется начать борьбу за кусок хлеба, и на сей раз совсем одной.

Керри раздумывала о том, как же, собственно, попадают на сцену. Поиски актерской работы в Чикаго убедили ее, что она выбрала неправильный путь. Наверное, есть люди, которые тебя выслушают, испытают и дадут возможность показать свои способности.

Как-то за завтраком, два дня спустя, Керри упомянула об афишах, извещавших о приезде в Америку Сарры Бернар. Герствуд тоже знал об этом из газет.

— Как люди попадают на сцену, Джордж? — самым невинным тоном спросила Керри.

— Право, не знаю, — ответил он. — Надо полагать, что для этого существуют специальные театральные агентства.

Керри прихлебывала кофе, не поднимая глаз от чашки.

— И там подыскивают места желающим?

— Да, я так думаю, — ответил он.

Тут Герствуд вдруг обратил внимание на какую-то особую нотку в голосе Керри и тотчас спросил:

— Неужели ты все еще подумываешь о сцене?

— Нет, мне просто любопытно, — ответила она.

Не отдавая себе в том ясного отчета, Герствуд был почему-то против подобной затеи. Ему не верилось, что Керри, за которой он имел возможность наблюдать в течение трех лет, способна сделать карьеру на сцене. Слишком уж она простодушна, слишком уступчива по натуре! В его представлении искусство требовало большей помпезности. Если Керри попытается попасть на сцену, она, того и гляди, очутится в лапах какого-нибудь мошенника-антрепренера и станет такой же, как «все они». Герствуд прекрасно знал, что он подразумевает под словами «все они». Керри недурна собой. Что ж, она, пожалуй, неплохо устроится. Но что тогда будет с ним?

— На твоём месте я выкинул бы из головы всякую мысль о сцене. Это гораздо труднее, чем ты себе представляешь.

Керри усмотрела в его словах пренебрежение к своим артистическим способностям.



— Тогда, в Чикаго, ты говорил мне, что я играла очень хорошо,— возразила она.

— Это верно,— согласился с ней Герствуд, заметив, что она собирается спорить.— Но Чикаго — это не Нью-Йорк.

Керри ничего не ответила. Она была обижена.

— Сцена очень хороша для первоклассных актеров,— продолжал Герствуд.— Но не для мелких сошек. А для того, чтобы пробиться и приобрести известность, нужно много времени.

— Не знаю, не знаю...— задумчиво произнесла Керри, которую этот разговор немного взволновал.

А Герствуду с внезапной ясностью представилось, что из всего этого может выйти. Теперь, когда его положение стало критическим и близится катастрофа, Керри всеми правдами и неправдами проберется на сцену, а его бросит на произвол судьбы. У Герствуда было ложное представление о духовной полноценности Керри. И все потому, что он не понимал величия чувств. Он никогда не знал, что великим человек может быть и благодаря своим чувствам — не только уму. Что же касается любительского спектакля в масонской ложе, то это было слишком давно, и воспоминание об этом спектакле уже значительно поблекло. Герствуд слишком долго жил с этой женщиной, чтобы преклоняться перед нею.

— А я знаю,— настаивал он.— На твоём месте я и думать не стал бы об этом. Да и вообще это не профессия для женщины.

— Во всяком случае, это лучше голода,— сказала Керри.— Если ты не хочешь, чтобы я пошла на сцену, почему ты не подыщешь себе какой-нибудь работы?

На это у Герствуда не было ответа. Но к таким напоминаниям он уже привык.

— Ах, оставь! — отмахнулся он.

После этого разговора Керри все же втайне решила осуществить свою мечту. Герствуду до этого нет дела. Она не позволит ему вовлечь ее в нищету лишь потому, что ему так нравится. У нее, несомненно, есть талант. Она поступит в какой-нибудь театр и постепенно добьется успеха. Что он тогда скажет? Она уже воображала, что выступает в каком-нибудь замечательном спектакле на Бродвее. Каждый вечер она входит в свою



артистическую уборную и гримируется. По окончании спектакля, покидая театр, она видит множество экипажей, ожидающих на улице. Ей, в сущности, сейчас было совершенно безразлично, станет она знаменитостью или нет. Только бы проникнуть на сцену, зарабатывать достаточно на жизнь, одеваться по своему вкусу, идти, куда хочешь, и делать, что хочешь,— о, как это было бы прекрасно! Весь день она не переставала думать об этом, и еще ярче казалась Керри красота этой жизни, когда она видела опустившегося Герствуда.

Как ни странно, эта же идея стала постепенно укореняться и в сознании Герствуда. Быстро таявшие деньги напоминали о том, что в скором времени он будет нуждаться в поддержке. Почему бы Керри и не помочь ему, пока он не найдет работы?

Однажды он вернулся домой, поглощенный этой мыслью.

— Я встретил сегодня Джона Дрэйка,— начал Герствуд.— Он осенью открывает здесь отель и обещает дать мне какое-нибудь место.

— А кто это такой?

— Он владелец отеля «Грэнд Пасифик» в Чикаго.

— Вот как!

— Я получал бы у него тысячи полторы в год.

— Что ж, это было бы очень недурно,— сочувственно отозвалась Керри.

— Только бы продержаться до осени, и опять все будет хорошо,— продолжал Герствуд.— Я снова установил связь с некоторыми старыми друзьями.

Керри доверчиво проглотила эту басню. Ей искренне хотелось помочь Герствуду как-то пережить лето. Он стал таким растерянным и беспомощным.

— Сколько у тебя осталось денег? — спросила она.

— Всего пятьдесят долларов.

— О боже! — вырвалось у Керри.— Что же мы будем делать? Через три недели снова надо будет платить за квартиру.

Герствуд опустил голову на руки и тупо уставился в пол.

— Может быть, ты поищешь что-нибудь в театрах? — мягко произнес он наконец.

— Да, пожалуй,— согласилась Керри, обрадовавшись, что хоть кто-то одобрил ее идею.



— А я возьмусь за любую работу, какая попадет-ся,— добавил Герствуд, заметив, что Керри просияла от его слов.— Я наверняка что-нибудь найду.

В один из ближайших дней Керри, после ухода Герствуда, убрала квартиру, принарядилась, насколько позволял ее скудный гардероб, и направилась к Бродвею. Она была еще плохо знакома с этой улицей, которая представлялась ей средоточием всего грандиозного и чудесного. Если здесь, на Бродвее, расположены театры, то где-нибудь поблизости должны быть и театральные агентства.

Она решила зайти в театр на Медисон-сквере и узнать там, где находятся агентства. Это казалось ей наиболее разумным.

Войдя в вестибюль театра, Керри обратилась к сидевшему за окошком кассиру.

— Что? Театральные агентства? — повторил он, взглядывая из окошечка.— Право, не знаю. Но, может быть, вы найдете нужные вам сведения в «Рекламе». Там публикуются адреса подобных учреждений.

— А что это такое? — спросила Керри.— Газета, журнал?

— Газета,— ответил кассир, дивясь такому невежеству.— Вы достанете ее в любом киоске,— вежливо добавил он, разглядев, что перед ним хорошенькая женщина.

Керри купила «Рекламу» и тут же у киоска принялась искать в ней адреса агентств. Это оказалось не так-то легко. До Тринадцатой улицы было далеко, но Керри все-таки отправилась домой, крепко зажав в руке драгоценную газету и жалея о потерянном времени.

Герствуд уже успел вернуться и сидел на своем обычном месте.

— Где ты была? — спросил он.

— Я пыталась найти какое-нибудь театральное агентство.

Он не решился расспрашивать, чем кончились ее поиски, но газета у нее в руках привлекла его внимание.

— Что это у тебя?

— «Реклама»,— ответила Керри.— Мне сказали, что в этой газете я найду адреса театральных агентств.

— И только ради этого ты ходила на Бродвей? Я и сам мог бы тебе сказать это.



— Почему же ты не сказал? — спросила Керри, не поднимая глаз от газеты.

— Ты меня не спрашивала, — ответил Герствуд.

Взгляд Керри бесцельно скользил по мелкому шрифту газеты. Сейчас она думала лишь о том, как безучастен к ней этот человек. Все, что он делал и говорил, еще больше ухудшало ее трудное положение. В душе Керри росла жалость к себе. Слезы задрожали у нее на ресницах. Герствуд что-то почувствовал.

— Дай-ка я посмотрю, — предложил он.

Чтобы немного успокоиться, Керри ушла в другую комнату и не выходила оттуда все время, пока Герствуд просматривал объявления.

Вскоре она вернулась в столовую. Герствуд что-то писал карандашом на старом конверте.

— Вот тебе три адреса, — сказал он.

Керри взяла у него конверт, на котором значилось: миссис Бермудес, мистер Маркус Дженкс и третий — Перси Уэйл. Подумав, она тотчас же направилась к двери.

— Пойду по адресам, — на ходу бросила она, даже не оглянувшись на Герствуда.

А тот смотрел ей вслед со смутным ощущением стыда. В нем пробудились были слабые проблески мужской гордости, но и они быстро исчезли. Посидев еще, Герствуд не вытерпел, встал и надел шляпу.

«Надо погулять!» — решил он, чувствуя потребность куда-то пойти.

Он вышел и побрел куда глаза глядят.

Керри же направилась по самому ближайшему адресу — к миссис Бермудес. Старинный особняк был приспособлен под контору. Контора миссис Бермудес состояла из двух комнат (раньше здесь, по всей вероятности, помещались запасная спальня и нечто вроде передней); на двери одной из них красовалось: «Без доклада не входить».

Керри вошла в приемную, где дожидались очереди несколько мужчин. Они сидели, ничего не делая и почти не разговаривая. Вскоре отворилась дверь, и в приемную вышли две женщины мужского склада, в облегающих костюмах, белых воротничках и манжетах. Следом за ними показалась дородная дама лет сорока пяти, со светлыми волосами и проницательным взглядом.



Судя по внешности, она была довольно добродушна. По крайней мере она улыбалась.

— Так вы, пожалуйста, не забудьте,— сказала ей на прощание одна из женщин мужского склада.

— Нет, не забуду,— ответила дородная дама и тотчас добавила: — Погодите-ка, где вы будете в начале февраля?

— В Питсбурге.

— Хорошо, я вам напишу туда.

— Отлично,— согласилась клиентка и вышла вместе со своей спутницей.

В то же мгновение улыбка на лице полной дамы сменилась выражением сухой деловитости. Она оглядела присутствующих и остановила испытующий взгляд на Керри.

— Ну, сударыня, чем могу вам служить? — спросила она.

— Вы миссис Бермудес, не так ли?

— Да.

— Так вот, скажите мне, пожалуйста,— начала Керри, не зная, как приступить к делу,— вы устраиваете актеров на сцену?

— Да.

— Не могли бы вы подыскать что-нибудь для меня?

— А у вас есть какой-нибудь опыт?

— Очень незначительный,— призналась Керри.

— В какой труппе вы играли?

— О, ни в какой,— начала объяснять Керри.— Это был просто спектакль, устроенный...

— А, понимаю! — прервала ее миссис Бермудес.— Нет, в данную минуту я ничего не могу вам предложить.

У Керри вытянулось лицо.

— Вам нужно сначала поработать в Нью-Йорке,— сказала в заключение «добродушная» миссис Бермудес.— Но я на всякий случай попрошу вас оставить нам свой адрес.

Керри не двигалась с места, провожая взглядом дородную даму, поплывшую к себе в кабинет.

— Где вы живете? — обратилась к Керри молодая девица, сидевшая за письменным столом, продолжая прерванный полной дамой разговор.



— Миссис Джордж Уилер,— сказала Керри, подходя к ней поближе.

Девушка записала имя и адрес и кивком дала понять, что больше от Керри ничего не требуется.

Приблизительно то же самое произошло и в конторе мистера Дженкса, с той только разницей, что на прощание этот джентльмен сказал:

— Если бы вы выступали в каком-нибудь из местных театров или у вас была программа с вашим именем, я мог бы что-нибудь для вас придумать.

А в третьем месте ее сразу спросили:

— Какого рода работу вы ищете?

— Я вас не совсем понимаю,— сказала Керри.

— Ну, где, например, хотели бы вы выступать: в комедии, в водевиле? Или, может быть, хористкой?

— Я хотела бы получить роль в какой-нибудь пьесе,— ответила Керри.

— Гм! — промычал театральный агент.— Это вам будет кое-что стоить.

— Сколько? — спросила Керри, которая, как это ни смешно, никогда раньше не думала о подобной возможности.

— А это предоставляется решить вам самой,— с лукавым видом ответил тот.

Керри в изумлении уставилась на него. Она действительно не знала, как продолжать разговор.

— А если бы я вам заплатила, вы устроили бы меня? — спросила она.

— Обязательно! В противном случае вы получили бы свои деньги обратно.

— Ах, вот как! — сказала Керри.

Агенту было ясно, что он имеет дело с человеком совершенно неопытным, поэтому он продолжал:

— Вам нужно оставить залог долларов в пятьдесят, не меньше. Никто не станет возиться с вами за меньшую сумму.

Керри начала понимать.

— Благодарю вас,— сказала она.— Я подумаю.

И она направилась к двери, но вдруг, вспомнив о чем-то, остановилась.

— А скоро вы могли бы подыскать для меня место? — спросила она.



— Ну, на это трудно ответить! — отозвался агент. — Может пройти неделя, а то и месяц. Во всяком случае, вам была бы предоставлена первая подходящая вакансия.

— Понимаю, — сказала Керри и, застенчиво улынувшись, вышла из конторы.

Театральный агент несколько секунд смотрел ей вслед, потом произнес про себя:

«Просто умора, как эти женщины стремятся на сцену!»

Последнее предложение заставило Керри задуматься. «А вдруг у меня возьмут деньги и ничего не дадут взамен?» — подумала она. У нее были кое-какие драгоценности: колечко с бриллиантом, брошка и несколько безделушек. Если пойти в ломбард, то она, пожалуй, получит за все это пятьдесят долларов.

Герствуд был уже дома. Он не думал, что Керри так долго будет бегать по конторам.

— Ну, что слышно? — начал он, не решаясь прямо спросить, к чему привели ее поиски.

— Я еще ничего не нашла, — сказала Керри, снимая перчатки. — Все они требуют денег и только тогда берутся достать место.

— А сколько они просят? — поинтересовался Герствуд.

— Пятьдесят долларов.

— Однако и аппетиты же у них!

— О, они не хуже других, — ответила Керри. — И даже нельзя знать заранее, достанут ли тебе работу после того, как ты дашь деньги.

— Да, я не стал бы давать пятьдесят долларов за одни обещания! — сказал Герствуд, точно деньги были у него в руках и от него зависело решение вопроса.

— Не знаю, — задумчиво произнесла Керри. — Пожалуй, попытаю счастья у кого-нибудь из антрепренеров.

Герствуд спокойно выслушал это: до его сознания даже не дошло, как ужасен этот план. Он тихо рассказывался взад и вперед и грыз ногти. Все казалось ему приемлемым при создавшемся положении. Впоследствии он постарается исправить дело.



ГЛАВА XXXVIII  
В СТРАНЕ ГРЕЗ.  
КРУГОМ — СУРОВЫЙ МИР

На следующий день Керри возобновила поиски. Она отправилась в «Казино», но оказалось, что поступить в хористки так же трудно, как найти работу где-либо в другом месте. Девушек со смазливymi личиками, годных для роли статисток, так же много, как и чернорабочих, умеющих орудовать киркой. К тому же она убедилась, что театры обращают внимание только на внешность тех, кто ищет работу. Мнение же последних о своих сценических способностях никого не интересует.

— Могу я видеть мистера Грея? — обратилась Керри к угрюмому швейцару, охранявшему в «Казино» вход за кулисы.

— Нет. Он сейчас занят.

— А вы не скажете, когда я могла бы увидеть его?

— Он вам назначил прийти сегодня?

— Нет.

— Тогда обратитесь к нему в канцелярию.

— Боже мой! — вырвалось у Керри. — Где же находится его канцелярия?

Швейцар сообщил ей номер комнаты.

Керри понимала, что сейчас идти туда не стоило, поскольку мистера Грея все равно там не было. Оставалось лишь употребить свободное время на дальнейшие поиски.

Но везде повторялась одна и та же история. Мистер Дэйли, например, принимал лишь тех, кто был в тот день назначен к нему на прием. Но Керри целый час прождала в грязной приемной, прежде чем услышала об этом от методичного и равнодушного секретаря:

— Вам придется написать ему и попросить принять вас.

Керри ушла ни с чем.

В театре «Эмпайр» она наткнулась на уйму удивительно невнимательных и равнодушных людей. Повсюду пышная, мягкая мебель, роскошная отделка и непреступный тон.

В «Лицее» она попала в один из тех маленьких кабинетов, утопающих в коврах и укрытых портьерами,



где сразу чувствуешь «величие» восседающей там особы. Здесь все были одинаково высокомерны: и кассир, и швейцар, и клерк — все одинаково кичились своими должностями.

«Ну-с, склонись теперь пониже — да, да, как можно ниже! Рассказывай, что тебе надо. Говори быстро, отрывисто и без всякого там собственного достоинства. Если это нас не затруднит, мы так и быть посмотрим, что для тебя можно сделать!»

Такова была атмосфера в «Лицее», но так же относились к подобного рода просителям и все антрепренеры города. Эти мелкие предприниматели чувствовали себя царьками в своих владениях.

Керри устало поплелась домой, удрученная столь неудачным исходом своих попыток. Герствуд вечером выслушал все подробности ее утомительных и бесплодных поисков.

— Мне так и не удалось никого повидать! — сказала она в заключение. — Я только ходила и ходила и дожидалась без конца.

Герствуд молча глядел на Керри.

— Очевидно, без знакомств никуда не проберешься, — с безутешным видом добавила она.

Герствуд прекрасно видел все трудности ее начинания. И все же это вовсе не казалось ему столь ужасным. «Керри устала и огорчена, но это ничего. Теперь она отдохнет!» Глядя на мир из своей уютной качалки, он не мог остро ощущать всей горечи ее переживаний. Зачем так тревожиться? Завтра будет еще день.

И вот наступило завтра, и снова завтра, и еще раз завтра.

Наконец Керри удалось увидеть директора «Казино».

— Загляните к нам в начале будущей недели, — сказал он. — Возможно, что у нас произойдут кое-какие перемены.

Это был крупный мужчина, франтоватый и ожиревший от чрезмерной еды. На женщин он смотрел так, как любитель бегов смотрит на породистых лошадей. Эта молоденькая особа хороша и изящна; она пригодится даже в том случае, если не имеет никакого опыта. Кстати, один из владельцев театра недавно выразил не-



довольство тем, что среди кордебалета что-то мало хороших.

До «начала будущей недели» оставалось еще несколько дней. Между тем первое число приближалось, а с ним и срок уплаты за квартиру. Керри волновалась, как никогда раньше.

— Ты в самом деле ищешь работу, когда уходишь из дому? — спросила она однажды утром Герствуда.

— Разумеется, ищу! — обиженным тоном ответил тот, не слишком смущенный, впрочем, унижительностью подобного подозрения.

— Тебе бы следовало взять пока первое попавшееся место, — сказала она. — Ведь скоро уже опять первое число.

Керри была воплощенным отчаянием.

Герствуд отложил газету и пошел переодеваться.

«Да, конечно, надо искать работу, — подумал он. — Загляну-ка я на пивоваренный завод, может быть, там меня куда-нибудь пристроят! В крайнем случае придется, пожалуй, пойти в буфетчики».

Снова повторилось то же паломничество, какое он неоднократно совершал и раньше. Один или два не слишком вежливых отказа — и вся решимость Герствуда, вернее, вся его бравада, исчезла.

«Все это ни к чему, — решил он. — Я с таким же успехом могу идти домой».

Теперь, когда деньги его были уже на исходе, Герствуд начал присматриваться к своей одежде и заметил, что даже его лучший костюм принимает довольно ветхий вид. Это очень огорчило его.

Керри вернулась домой значительно позже Герствуда.

— Я сегодня обошла несколько театров-варьете, — уныло сказала она. — Надо иметь готовый репертуар, без этого нигде не принимают.

— А я видел кой-кого из местных пивоваров, — сказал Герствуд. — Один из них обещал устроить меня недели через две-три.

Видя, что Керри так расстроена, Герствуд считал нужным хоть ложью прикрыть свою праздность. Лень просила извинения у энергии.

В понедельник Керри снова отправилась в «Казино».

— Разве я предлагал вам прийти сегодня? — уди-



вился директор, оглядывая стоящую перед ним просительницу.

— Вы сказали: в начале будущей недели,— ответила Керри, пораженная его словами.

— Вы когда-нибудь работали в театре? — почти сурово спросил он.

Керри откровенно призналась в своей неопытности.

Директор еще раз оглядел ее, продолжая возиться с какими-то бумагами. В душе он был очень доволен внешностью этой хорошенькой, взволнованной женщины.

— Приходите в театр завтра утром,— сказал он.

Сердце Керри подскочило от радости.

— Хорошо,— с трудом произнесла она и, повернувшись, направилась к двери. Она видела, что этот человек готов дать ей работу.

Неужели он действительно примет ее в труппу? О боже, возможно ли такое счастье!

Грохот большого города, доносившийся сквозь открытые окна, сразу показался ей приятной музыкой.

И, словно в ответ на ее мысли, раздался резкий голос, положивший конец всем сомнениям Керри.

— Смотрите, приходите вовремя! — довольно грубо сказал директор.— Если опоздаете, останетесь за бортом.

Керри поспешила выйти из кабинета. Ее радость была так велика, что теперь у нее пропало всякое желание упрекать Герствуда в безделье. У нее есть место! У нее есть место! Эти слова ликующей песнью раздавались в ее ушах.

От избытка восторга ей даже захотелось поскорее поделиться радостной вестью с Герствудом. Но по мере приближения к дому она все больше и больше задумывалась над тем печальным обстоятельством, что она нашла работу в несколько недель, а он вот уже сколько месяцев околичивается без дела и ровно ничего не предпринимает.

«Почему он не хочет работать? — открыто задала она себе вопрос.— Если я могла найти работу, то он давно мог бы. В сущности, мне это удалось без больших усилий».

Она забывала о своей молодости и красоте. Охваченная восторженным настроением, она не учитывала



препятствий, которые ставит на пути человека надеждающаяся старость. Таков, увы, всегда голос удачи!

Все же Керри не сумела сохранить свою тайну. Она старалась казаться спокойной и безразличной, но ее притворство было слишком очевидно.

— Ну? — спросил Герствуд, заметив, что лицо Керри посветлело.

— У меня есть место!

— Вот как? — произнес Герствуд с явным облегчением.

— Да!

— А какое место? — спросил Герствуд, которому сразу показалось, что теперь, наконец, и он найдет что-нибудь хорошее.

— Артистки кордебалета.

— Это не в «Казино» ли, как ты мне говорила?

— Да, — ответила Керри. — Я завтра же начинаю репетировать.

Керри была так рада, что охотно пустилась в подробные объяснения.

— А ты знаешь, сколько будешь получать? — спросил через некоторое время Герствуд.

— Нет, мне не хотелось спрашивать, — ответила Керри. — Но они, кажется, платят долларов двенадцать или четырнадцать в неделю.

— Да, я тоже так думаю, — подтвердил Герствуд.

В этот день тревога, нависшая над маленькой квартиркой, несколько рассеялась, и это обстоятельство было ознаменовано вкусным обедом. Герствуд вышел побриться и вернулся с порядочным куском мяса для бифштекса.

«Ну, завтра я тоже отправлюсь искать работу!» — подумал он и с ожившей надеждой поднял свои вечно потупленные глаза.

Керри вовремя явилась на следующий день в театр, и ей предложили присоединиться к артисткам хора и кордебалета. Она увидела перед собой огромный, пустой, полутемный зал, роскошно отделанный в восточном вкусе и еще сохранивший всю пышность убранства и все запахи предыдущего вечера. Керри глядела вокруг, проникаясь восторгом и священным ужасом. Ведь это была сказка, ставшая явью. О, она приложит все усилия, чтобы оказаться достойной этого места! Здесь



она чувствовала себя так далеко от всего обыденного, далеко от безработицы, неизвестности, нужды. Люди приезжают сюда в экипажах, разодетые, смотреть на таких, как она. Здесь средоточие веселья и яркого света. И она — частица всего этого. О, только бы ей удалось остаться здесь, как радостно потекли бы тогда ее дни!

— Как вас зовут? — спросил режиссер, руководивший репетицией.

— Маденда, — ответила Керри, мгновенно вспомнив имя, выбранное для нее Друэ еще в Чикаго. — Керри Маденда.

— Так вот, мисс Маденда, станьте вон туда! — весьма любезно, как показалось Керри, предложил ей режиссер.

Затем он вызвал молодую особу, которая уже некоторое время состояла в труппе.

— Мисс Кларк, вы будете в паре с мисс Маденда!

Мисс Кларк сделала шаг вперед, и таким образом Керри узнала, где ей нужно стать.

Репетиция началась. Вскоре Керри убедилась, что, хотя обучение актеров, в общем, и было похоже на то, как их учили в Чикаго, здесь режиссер вел себя совсем иначе. Ее и тогда поражала настойчивость и самоуверенность мистера Миллиса, теперешний же режиссер был не только настойчив, но и порядком груб. По мере того как репетиция подвигалась вперед, он становился все раздражительнее, вскипал из-за пустяков и орал во всю глотку. Было очевидно, что он с величайшим презрением относится ко всякому проявлению чувства собственного достоинства или скромности со стороны подчиненных ему молодых женщин.

— Кларк! — кричал он, подразумевая, конечно, мисс Кларк. — Почему вы идете не в ногу?

— По четыре направо! Направо! Направо, говорю я! Не спите же, черт вас возьми!

Его голос переходил при этом в оглушительный рев.

— Мейтленд! Мейтленд! — внезапно крикнул он.

Маленькая, хорошо одетая девушка, волнуясь, выступила вперед. Сердце Керри наполнилось жалостью и страхом за нее.

— Да, сэр! — сказала мисс Мейтленд.

— Что у вас, уши заложило?



— Нет, сэр!  
— Вы знаете, что значит «колонна, налево»?  
— Да, сэр!  
— Почему же вы кидаетесь направо, когда я команду налево? Хотите испортить всю репетицию?

— Я только...

— Мне нет никакого дела до ваших «только»! откройте уши шире!

Керри уже не только жалела девушку, но и дрожала за себя.

Еще одна молодая особа навлекла на себя гнев режиссера.

— Стоп! — гаркнул он, вскидывая в отчаянии обе руки; вид у него был разъяренный.

— Элверс! Что это у вас во рту? — закричал он.

— Ничего, сэр! — ответила мисс Элверс, между тем как остальные девушки смущенно улыбались, нервно переступая с ноги на ногу.

— Вы разговариваете во время репетиции?

— Нет, сэр!

— В таком случае, не шевелите губами!.. А теперь все вместе еще раз!

Пришла, наконец, и очередь Керри. Ее старание исполнять возможно лучше все, что требовалось, как раз и навлекло на нее беду.

— Мейсон! — раздался голос режиссера. — Мисс Мейсон!

Керри оглянулась, желая узнать, к кому это относится.

Девушка, стоявшая позади, слегка подтолкнула Керри, но та все еще не понимала.

— Вы! Вы! — рявкнул режиссер. — Оглохли вы, что ли?

— О! — вырвалось у Керри.

Она густо покраснела, и ноги у нее подкосились.

— Разве ваша фамилия не Мейсон? — спросил режиссер.

— Нет, сэр, меня зовут Маденда.

— Так вот скажите, что такое делается с вашими ногами? Неужели вы совсем не умеете танцевать?

— Умею, сэр! — ответила Керри, давно уже овладевшая этим искусством.



— Почему же вы не танцуете? Почему вы волочите ноги, точно мертвая? Мне нужны девушки, в которых жизнь бьет ключом.

Лицо Керри пылало. Губы ее слегка дрожали.

— Слушаю, сэр! — сказала она.

Три часа продолжались беспрестанные окрики раздражительного и неугомонного режиссера. Керри ушла из театра, утомленная физически, но слишком возбужденная, чтобы обращать на это внимание. Она хотела поскорее добраться домой, чтобы попрактиковаться в пируэтах, как это было ей велено. Впредь она постарается ни в чем не ошибаться.

Герствуда не было дома. «Очевидно, он отправился искать работу!» — догадалась Керри. Она лишь слегка закусила и сейчас же стала упражняться, окрыленная надеждами на освобождение от материальных забот.

«И славы звон звучал в ее ушах...»

Герствуд вернулся домой далеко не в том радостном настроении, в каком он покинул квартиру. Керри вынуждена была прервать упражнения и приняться за стирку. Это вызвало в ней сильное раздражение. Разве мало ей работы? Неужели она будет одновременно играть в театре и заниматься хозяйством?

«Нет, я на это не согласна, — решила она. — Как только я начну играть, ему придется обедать где-нибудь в другом месте!»

Каждый день приносил новые заботы. Керри убедилась, что быть статисткой далеко не такая радость, как ей казалось. Узнала она также, что ей назначили всего двенадцать долларов в неделю. Через несколько дней она впервые узрела «сильных мира сего» — артистов и артисток, игравших первые роли. Сразу бросалось в глаза, что это привилегированные особы, к которым все относились с уважением. Она же ничто, просто ничто!

А дома Керри ждал Герствуд, который не доставлял ей ничего, кроме огорчений. Он, по-видимому, и не думал искать работу. Тем не менее он позволял себе расспрашивать Керри об ее успехах в театре. Судя по тому, с какой настойчивостью он задавал ей одни и те же вопросы, можно было заподозрить, что он и в дальнейшем собирается жить на ее счет. И теперь, когда у Керри появились собственные средства к существова-



нию, поведение Герствуда особенно раздражало ее. Этот человек готов был позариться на ее жалкие двенадцать долларов!

— Ну, как дела, справляешься? — участливо спрашивал он.

— О, вполне, — отвечала Керри.

— Тебе не очень трудно?

— Я думаю, что привыкну.

И Герствуд снова углублялся в газету.

— Я купил по дороге немного масла, — сказал он как-то, словно случайно вспомнив об этом. — Может быть, ты захочешь испечь печенье?

Спокойствие, с каким этот человек относился к своему положению, изумляло Керри. Забрешившая перед нею независимость сделала ее более смелой в своих наблюдениях, и у нее часто возникало желание высказать Герствуду несколько неприятных истин. И тем не менее она не могла разговаривать с ним так, как говорила в свое время с Друз. Что-то в этом человеке всегда внушало ей особое уважение. Казалось, в нем еще таилась какая-то скрытая сила.

Однажды, приблизительно через неделю после первой репетиции, выплыло то, чего Керри давно уже ждала.

Вернувшись домой и положив на стол мясо, Герствуд заметил:

— Нам придется экономить. Ведь ты еще не скоро получишь жалованье?

— Нет, — ответила Керри, возившаяся у плиты.

— У меня осталось всего тринадцать долларов сверх квартирной платы, — добавил он.

«Вот и начинается! — подумала Керри. — Теперь я должна буду отдавать свой заработок».

Она вспомнила, что рассчитывала приобрести кое-какие вещи, в которых очень нуждалась. Ей почти нечего было надеть. Старая шляпка имела жалкий вид.

«Разве может хватить моих двенадцати долларов на хозяйство и на квартиру? — думала она. — Мне одной с этим не справиться. Почему он не возьмется за какую-нибудь работу?»

Настал, наконец, вечер первого представления. Керри даже не предложила Герствуду пойти посмотреть спектакль, да и у него самого не явилось подобного же-



лания. Это было бы лишь ненужной тратой денег, а роль у Керри была ничтожная.

В газетах уже появились объявления о премьере, повсюду были расклеены афиши с именами примадонны и других артистов. Керри была ничто.

Как и в Чикаго, Керри охватил страх сцены, когда настало время выхода кордебалета. Но постепенно она пришла в себя. Явная и обидная незначительность ее роли отогнала прочь страх. Керри чувствовала себя каплей в море. Не все ли равно, как она будет держать себя? Хорошо еще, что ей не пришлось выйти в трико. Она была в числе двенадцати девушек, одетых в красивые золотистые юбочки, на дюйм не доходившие до колен.

То стоя на месте, то расхаживая по сцене и время от времени присоединяя свой голос к общему хору, Керри имела возможность мельком наблюдать за публикой и понимала, что оперетта имеет большой успех. Зрители не скупались на аплодисменты, но Керри прекрасно видела, как плохо играют некоторые из признанных актрис.

«Я сыграла бы несравненно лучше!» — не раз отмечала она про себя.

И надо отдать Керри справедливость: она была права.

Едва спектакль кончился, она быстро переоделась. Режиссер дал нагоняй нескольким девушкам, но Керри он не тронул, и она поняла, что удовлетворительно справилась со своей ролью. Ей хотелось поскорее уйти из театра; она почти никого там не знала, а «звезды» принялись сплетничать между собой.

На улице перед театром вытянулся ряд экипажей, у подъезда толпились расфранченные юнцы. Керри сразу заметила, что к ней присматриваются. Стоило ей только мигнуть, и у нее оказался бы спутник. И тем не менее, когда она прошла мимо, не обращая на них внимания, один из ловеласов все же решил рискнуть.

— Надеюсь, вы не собираетесь ехать домой одна? — сказал он.

Но Керри только ускорила шаг и, дойдя до Шестой авеню, села в трамвай. Голова ее была так полна впечатлениями вечера, что она ни о чем, кроме театра, даже и думать не могла.



В конце недели Керри как бы вскользь спросила Герствуда, желая хоть немного расшевелить в нем желание действовать:

— Что слышно о месте, которое тебе обещали на пивоваренном заводе?

— Там пока еще ничего нет,— ответил он.— Но я все-таки надеюсь, что это дело выгорит.

Керри ничего не сказала. Мысль, что ей придется отдавать свой заработок, возмущала ее, но она чувствовала, что все идет к этому. Видя приближение кризиса, Герствуд решил сыграть на чувствах Керри. Он давно уже убедился в ее доброте и знал, как долго можно испытывать ее терпение.

Правда, ему было немного стыдно, что приходится прибегать к подобным методам, но он оправдывал себя тем, что, несомненно, скоро найдет какую-нибудь работу.

Случай поговорить представился ему, когда наступил срок уплаты за квартиру.

— Ну вот,— сказал он, отсчитывая деньги.— Это почти все, что у меня осталось. Придется спешно подыскивать работу.

Керри искоса взглянула на него, смутно подозревая, что за этим последует просьба.

— Если бы я мог продержаться еще хоть немного, я, наверное, что-нибудь нашел бы. Дрэйк непременно откроет здесь отель в сентябре.

— В самом деле? — протянула Керри, невольно подумав при этом, что до сентября оставался еще целый месяц.

— Ты не могла бы поддержать меня до тех пор? — умоляющим тоном продолжал Герствуд.— Я уверен, что тогда сумею стать на ноги.

— Конечно! — ответила Керри, с грустью думая о том, что судьба ставит ей ловушки на каждом шагу.

— Мы как-нибудь проживем, если будем бережливы. А потом я тебе все верну.

— О, я охотно помогу тебе! — повторила Керри, упрекая себя в черствости.

Ей было совестно, что она заставляет его так унижительно просить, но все-таки желание употребить заработок на свои личные нужды вынудило ее к легкому протесту.



— Почему ты не возьмешься за какую-нибудь работу, Джордж, хотя бы временную? — сказала она. — Не все ли равно, что делать? А потом ты, возможно, нашел бы что-нибудь получше.

— Я возьмусь за любую работу, — сказал Герствуд, облегченно вздохнув, но невольно понурил голову от ее упрека. — Я согласился бы хоть канавы рыть! Ведь меня здесь никто не знает.

— Ну, до этого дело еще не дошло! — воскликнула Керри, которой сразу стало жаль его. — Но ведь не может быть, чтобы не было какой-нибудь другой работы!

— Я обязательно что-нибудь найду! — повторил Герствуд, стараясь придать себе решительный вид.

И снова взялся за газету.

## ГЛАВА XXXIX СВЕТ И ТЕНИ. НА РАЗНЫХ ПУТЯХ

Теперь в Герствуде еще больше окрепла уверенность, что поиски работы нужно начинать когда угодно, только не сегодня, — и это было единственным последствием принятого им решения. А в душе Керри все эти тридцать дней происходила непрерывная борьба. Необходимость приобрести себе приличное платье (уж не говоря о желании купить кое-какие украшения) становилась все острее, а между тем было ясно, что, сколько ни работай, она ничего не сможет потратить на себя. Потребность быть одетой прилично постепенно вытеснила ту жалость, которую она почувствовала к Герствуду, когда он просил поддержать его. Он не повторял этой просьбы, а желание становилось все настойчивее, и Керри все больше досадовала, что Герствуд ей в этом мешает.

Когда Герствуд дошел до последних десяти долларов, он решил оставить их себе, чтобы не зависеть от Керри в мелких расходах — на трамвай, на бритье и тому подобное. Поэтому, еще имея на руках эту небольшую сумму, он заявил, что у него больше ничего нет.

— У меня в кармане пусто, — сказал он однажды. — Я сегодня уплатил за уголь, и теперь у меня осталось десять или пятнадцать центов.



— У меня в кошельке есть немного денег.

Герствуд взял их и отправился за банкой томатов. Керри смутно сознавала, что это было началом нового порядка. Герствуд взял из кошелька пятнадцать центов — ровно столько, сколько ему нужно было на покупку. С тех пор так и повелось, что он стал покупать всякого рода мелочи.

Как-то утром Керри вдруг вспомнила, что вернется домой лишь к самому обеду.

— У нас вышла вся мука,— обратилась она к Герствуду.— Ты бы сходил в лавку. Мяса тоже нет. Может, возьмем печенки и свиной грудинки?

— Ничего не имею против,— сказал Герствуд.

— Тогда возьми полфунта или даже три четверти фунта того и другого,— распорядилась она.

— Хватит и полфунта,— отозвался Герствуд.

Керри открыла кошелек, достала оттуда полдоллара и положила на стол. Герствуд сделал вид, будто не замечает денег.

Вскоре он отправился в лавку и купил муку, продававшуюся в кульках по три с половиной фунта, а также печенку и свиную грудинку. Все эти покупки он положил на кухонный стол вместе со сдачей. Керри заметила, что счет сходится в точности, и у нее сердце сжалось при мысли, что в конце концов этот человек ничего от нее не требует, кроме еды. И она подумала, что, быть может, слишком строго судит его. Пороков у Герствуда не было никаких. Может быть, он еще найдет себе работу.

Но в тот же вечер, когда Керри входила в здание театра, мимо нее прошла одна из артисток кордебалета, нарядно одетая, с букетиком фиалок на груди и, очевидно, в прекрасном расположении духа. Она ласково улыбнулась Керри, показав красивые, ровные зубы. Керри ответила ей такую же улыбкой, невольно подумав при этом:

«Она может позволить себе хорошо одеваться. И я могла бы быть такой же нарядной, если бы тратила все деньги на себя. А сейчас у меня нет даже приличного бантика к блузке».

Выставив вперед ногу, Керри задумчиво поглядела на свою обувь.



«Будь что будет, но в субботу я непременно куплю себе туфли!» — решила она.

С ней подружилась одна из самых хорошеньких и милых девушек в труппе, которая почувствовала, что от Керри можно не ждать каверз. Это была веселая маленькая Манон, не признававшая суровых требований общества в вопросах морали, зато обладавшая отзывчивым сердцем и всегда готовая помочь другому.

Кордебалету почти не разрешалось переговариваться, но все же девушкам иногда удавалось обменяться несколькими фразами.

— Жарко сегодня, правда? — сказала маленькая актриса, обращаясь к Керри.

Она была в розовом трико, с золотым шлемом на голове. В руке она держала сверкающий щит.

— Да, жарко, — ответила Керри, радуясь тому, что хоть кто-нибудь захотел поболтать с нею.

— Я прямо вся изжарилась, — продолжала девушка.

Керри взглянула на ее очаровательное личико с большими голубыми глазами и заметила, что на лбу у девушки выступили мелкие капли пота.

— Мне никогда еще не приходилось так маршировать, как в этой оперетте! — сказала девушка в золотом шлеме.

— А вы и раньше играли? — спросила Керри, удивленная тем, что у этой крохотной особы уже есть кое-какой сценический опыт.

— Очень много! А вы?

— Нет, я впервые.

— Вот как? А мне казалось, что я вас уже видела однажды, когда ставили «Друга королев».

— Нет, — покачала головой Керри.

Их разговор был прерван громом оркестра и шипением магния, зажженного за боковыми кулисами. Кордебалет должен был быстро построиться для нового выхода. Другого случая поговорить им в этот день не представилось, но на следующий вечер, одеваясь для сцены, маленькая девушка снова очутилась возле Керри.

— Я слышала, что наша труппа через месяц выезжает в турне, — сообщила она.

— Неужели? — испугалась Керри.

— Да. А вы поедете?



— Не знаю. Вероятно, поеду, если меня возьмут.

— О, конечно, возьмут! А я вот не поеду. Во время турне больше платить не будут, а в дороге все уходит на жизнь. Я никогда не уезжаю из Нью-Йорка: тут для меня вполне достаточно театров.

— И вы всегда находите другое место?

— Разумеется! А в этом месяце как раз открывается новый театр на Бродвее. Как только наша труппа уедет, я постараюсь устроиться там.

Керри с интересом слушала ее. Очевидно, не так уж трудно получить место в театре. Может быть, она тоже устроится где-нибудь, когда труппа уедет из города.

— Скажите, платят везде более или менее одинаково? — спросила она.

— Да, — ответила маленькая девушка. — Иногда немного больше. У нас тут, между прочим, платят неважно.

— Я получаю двенадцать, — сказала Керри.

— Да что вы? — изумилась та. — Я получаю пятнадцать. А вы, я замечаю, стараетесь куда больше моего! На вашем месте я бы этого не потерпела. Вам платят меньше, пользуясь вашей неопытностью. Вы тоже должны были бы получать пятнадцать.

— Но мне не дают, — сказала Керри.

— Уверю вас, что вы получите больше в другом месте, если только захотите, — продолжала маленькая девушка, которой Керри очень нравилась. — Вы прекрасно справляетесь с делом, и режиссер это знает.

Надо сказать правду: Керри, сама того не сознавая, держала себя на сцене с достоинством и грацией, выделявшими ее среди других. Этим она была обязана естественности своих движений и полному отсутствию самомнения.

— И вы думаете, что в театре на Бродвее я могла бы зарабатывать больше? — спросила она.

— Безусловно! — ответила ее новая приятельница. — Вот мы вместе пойдем и узнаем. А говорить уж буду я!

Керри слушала ее, исполненная благодарности.

Этот маленький воин рампы очень нравился ей. Девушка в золотом шлеме и воинском облачении казалась такой опытной, такой уверенной в себе!



«Если бы я тоже могла так находить работу, мне нечего было бы беспокоиться за будущее», — размышляла Керри.

Зато по утрам, когда на нее обрушивались всякие хозяйственные обязанности, а Герствуд, по обыкновению, сидел и всем своим видом заставлял ее думать, какое он тяжкое бремя, Керри горько сетовала на судьбу. Правда, благодаря расчетливости Герствуда прокормиться им было нетрудно и, пожалуй, могло бы хватить и на квартиру. Но сверх того не оставалось ни цента. И когда Керри купила себе туфли и еще кое-какие необходимые мелочи, проблема квартирной платы весьма осложнилась.

За неделю до рокового дня Керри вдруг сообразила, что их средства на исходе.

— Мне кажется, у меня не хватит денег, чтобы внести плату за квартиру! — воскликнула она во время завтрака, заглядывая в сумочку.

— Сколько у тебя есть? — спросил Герствуд.

— У меня осталось двадцать два доллара, но надо еще всю неделю покупать продукты. А если я истрачу на это деньги, которые получу в субботу, то ничего не останется на следующую неделю. Скажи пожалуйста, Джордж, этот друг твой, Дрэйк, не скоро еще откроет отель?

— Нет, думаю, скоро, — ответил Герствуд. — По крайней мере он уверял меня в этом.

Через некоторое время он добавил:

— Ничего, не тревожься! Лавочник, наверное, согласится обождать. Мы столько времени покупаем у него, что на неделю или две он не откажет нам в кредите.

— Ты думаешь, он согласится ждать?

— Я в этом уверен.

В тот же день, зайдя в лавку за фунтом кофе, Герствуд сказал, глядя прямо в глаза лавочнику:

— Вы бы не согласились, мистер Эслож, рассчитываться за все сразу в конце недели?

— Пожалуйста, пожалуйста, мистер Уилер! — ответил тот. — Отчего же нет?

Герствуд, даже в тяжелые времена продолжавший держаться с известным тактом, больше ничего не добавил. Все оказалось так просто. Он захватил свою покупку и отправился домой.



Началось отчаянное метание человека, очутившегося в тупике.

Квартирная плата была внесена, и на очереди был расчет с лавочником. Герствуд уплатил ему из своих десяти долларов, а в конце недели получил деньги от Керри. В следующий раз он отложил расчет с лавочником и таким образом сохранил свои десять долларов, а Эслодж получил в четверг или пятницу по субботнему счету.

Эти неурядицы заставили Керри искать какой-нибудь смены впечатлений. Герствуд, очевидно, не понимал, что у нее могут быть еще и иные потребности. Он мысленно распределял ее заработок так, чтобы его хватило на все насущные расходы, но, видимо, и не собирался вносить что-либо сам.

«И он еще говорит мне: «Не тревожься!» — размышляла Керри. — Если бы он хоть немного тревожился, он не сидел бы тут целыми днями, дожидаясь моего возвращения! Он нашел бы себе какую-нибудь работу. Не может быть, чтобы мужчина за семь месяцев не сумел, при желании, подыскать себе какое-то занятие!»

Вид Герствуда, всегда неряшливо одетого и хмурого, побуждал Керри искать развлечений вне дома. Два раза в неделю в театре бывали утренники, и тогда Герствуду приходилось довольствоваться холодной закуской, которую он сам себе готовил. Были еще два дня, когда репетиции начинались в десять утра и кончались в час. А помимо того, Керри стала навещать некоторых подруг из кордебалета, в том числе голубоглазого маленького воина в золотом шлеме. Это вносило разнообразие в ее скучную, тоскливую жизнь в уединенной квартире, где сидел и бездельничал ее угрюмый муж.

Голубоглазого воина звали Лола Осборн. У нее была комната на Девятнадцатой улице, близ Четвертой авеню, в районе, теперь сплошь застроенном конторскими зданиями. Окна комнатки выходили во двор, где росло несколько тенистых деревьев.

— Разве ваша семья живет не в Нью-Йорке? — спросила однажды Керри свою подругу.

— Да, но я не могу ужиться с родителями, — ответила та. — Они хотят, чтобы я делала то, что им нравится... А вы постоянно живете здесь?



— Да.

— С вашей семьей?

Керри было стыдно сказать, что она замужем. Она столько раз жаловалась Лоле на то, что очень мало получает, и так часто делилась с подружкой своими тревогами за будущее, что теперь ей было неприятно говорить о муже.

— Нет, я живу у родственников,— солгала она.

Мисс Осборн считала само собой разумеющимся, что Керри тоже вольна распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. Она постоянно зазывала ее к себе, предлагала маленькие совместные прогулки, и в конце концов Керри перестала вовремя приходить домой. Герствуд заметил это, но его положение не позволяло ему ссориться с ней. Несколько раз Керри возвращалась домой так поздно, что, едва успев приготовить что-нибудь на скорую руку, тотчас же мчалась в театр.

— Разве во второй половине дня у тебя тоже бывают репетиции? — осведомился как-то Герствуд. При этом он постарался скрыть свою горечь и сомнения, побудившие его задать этот вопрос.

— Нет, но я подыскиваю себе другое место,— ответила Керри.

Так оно в действительности и было, но все-таки это лишь с большой натяжкой могло сойти за объяснение. Мисс Осборн побывала с Керри у режиссера, собиравшегося ставить на Бродвее новую оперетту, а от него подружки вернулись в комнату Лолы, где они сидели еще до того, с трех часов дня.

Вопрос Герствуда Керри поняла как покушение на ее личную свободу. Она совсем упускала из виду, что уже и так пользовалась большой свободой. Но человек всегда дорожит последними своими достижениями и бдительно охраняет то, что ему удалось завоевать.

Герствуд прекрасно понимал создавшееся положение. Он был для этого достаточно умен. В то же время в нем сохранилась еще известная доля порядочности, не позволявшая ему открыто протестовать. Находясь в состоянии необъяснимой апатии, Герствуд все глубже и глубже погружался в какое-то оцепенение и спокойно взирал на то, как Керри постепенно уходит из его жизни,— точно так же он добровольно выпускал из рук



все возможности вновь выбраться на поверхность. Все же он не мог удержаться от мягких, бесполезных и надоедливых замечаний, которые с каждым днем все более и более расширяли пропасть, образовавшуюся между ним и Керри.

Однажды, глядя из-за кулис на ярко освещенную сцену, где кордебалет, сверкая бутафорией, занимался упражнениями, главный режиссер спросил балетмейстера:

— Кто эта девушка, четвертая справа? Вон та, что поворачивается сейчас к нам лицом?

— Ее зовут мисс Маденда,— ответил балетмейстер.

— Хорошенькая,— сказал главный режиссер.— Почему бы вам не поставить ее во главе цепи?

— Хорошо, поставлю,— согласился тот.

— Да, непременно так и сделайте! Она несравненно лучше той, которая сейчас ведет цепь.

— Отлично, я так и сделаю.

На следующий день Керри вызвали из ряда. Похоже было, что ее ждет выговор.

— Сегодня вы поведете колонну,— сказал ей балетмейстер.

— Слушаю, сэр,— ответила Керри.

— Постарайтесь вложить побольше жизни в ваши движения,— добавил он.— Побольше огня.

— Слушаю, сэр.

Керри была изумлена. Она подумала было, что девушка, возглавлявшая кордебалет, внезапно заболела, но, убедившись, что та стоит тут же, в ряду, и с явной враждебностью глядит на нее, все поняла: эта честь предоставлена ей за «заслуги». Керри умела красиво склонять голову набок и при этом изящно держала руки, так что они не висели у нее плетьюми. И теперь, оказавшись во главе колонны, она постаралась очень эффектно использовать свое уменье.

— Эта девчонка знает, как держаться на сцене! — заметил в другой раз режиссер.

У него даже мелькнула мысль побеседовать с ней лично. Если бы он не придерживался неизменного правила не заводить никаких дел с артистками кордебалета, он уже давно заговорил бы с ней.

— Поставьте ее во главе белой колонны! — снова посоветовал он балетмейстеру.



Белая колонна состояла из двадцати с лишним девушек в белоснежных, с голубой каймой, фланелевых костюмах, отделанных серебром. На девушке, возглавлявшей колонну, был роскошный костюм тех же цветов, но в отличие от остальных, на ней были эполеты и серебряный пояс, а сбоку болталась коротенькая шпага. Керри снабдили всеми этими доспехами, и несколько дней спустя она появилась в них на сцене, гордясь своими лаврами.

Но приятнее всего было то, что ей повысили жалованье с двенадцати до восемнадцати долларов.

Герствуд так и не узнал об этой перемене.

«Не стану отдавать ему все деньги! — решила Керри. — Достаточно и того, что я плачу за все. Мне нужно купить столько вещей!»

Следует заметить, что за второй месяц службы в театре Керри накупила немало всевозможных вещей, нисколько не считаясь с тем, какие это будет иметь последствия. Пусть себе Герствуд изворачивается, как знает, с квартирной платой, пусть ищет кредита в соседних лавках. Ей необходимо больше следить за собой!

Первым ее шагом была покупка блузки, и при этом она убедилась, как мало можно приобрести на то, что у нее остается, и как много — если тратить весь заработок на себя. Керри совсем забывала о том, что, живя одна, она все равно вынуждена была бы платить за стол и квартиру и не могла бы тратить все восемнадцать долларов на наряды.

А однажды Керри остановила свой выбор на платье, которое не только съело всю прибавку к жалованью, но заставило ее взять и из неприкосновенных двенадцати долларов. Она понимала, что заходит слишком далеко, но женская любовь к нарядам одержала верх.

На следующий день Герствуд сказал:

— Мы должны лавочнику пять долларов сорок центов.

— Неужели так много? — слегка нахмурившись произнесла Керри.

Она взялась за кошелек, чтобы оставить Герствуду денег.

— У меня всего только восемь долларов двадцать центов.



— И за молоко мы задолжали шестьдесят центов,— напомнил Герствуд.

— Да ведь и за уголь еще не уплачено,— добавила Керри.

Герствуд ничего не сказал. Он видел, что она покупает много вещей в ущерб хозяйству и рада всякой возможности уйти из дому и прийти попозже. Все это, чувствовал он, не кончится добром.

И вдруг Керри выпалила:

— Право, не знаю, как и быть. Я не могу платить за все. Я слишком мало для этого зарабатываю.

Это было уже прямым вызовом, и Герствуду пришлось поднять перчатку. Но он старался сохранять спокойствие.

— Я вовсе не хочу, чтобы ты платила за все,— сказал он.— Я только прошу немного помочь мне до тех пор, пока я не найду работы.

— Ну, конечно, как будто я слышу это в первый раз! — ответила Керри.— Ты пойми, что моего заработка не может хватить на все. Просто не знаю, как быть дальше.

— Но ведь я старался найти работу! — воскликнул Герствуд.— Что же ты прикажешь мне еще делать?

— Ты, видно, мало старался,— стояла на своем Керри.— Я вот нашла!

— А я тебе говорю, что сделал все от меня зависящее! — ответил он, рассерженный ее словами.— И зачем тебе попрекать меня своими успехами! Я только просил немного поддержать меня, пока я не подыщу работу. Я еще не вышел в тираж! Я еще стану на ноги.

Он пытался говорить с достоинством, но голос его слегка дрожал. Гнев Керри мгновенно утих. Ей стало стыдно.

— Вот, возьми,— сказала она и высыпала на стол содержимое кошелька.— Здесь не хватит на все, но если можно обождать до субботы, то я уплачу и остальное.

— Можешь это оставить себе,— грустно сказал Герствуд, отодвигая часть денег.— Я хочу только уплатить лавочнику.

Керри спрятала деньги и рано принялась за стряпню,— ей хотелось, чтобы обед поспел вовремя. Она чувствовала себя виноватой после этой маленькой вспышки.



Вскоре, однако, каждый из них снова задумался о своем.

«Керри зарабатывает больше, чем она мне говорит,— размышлял Герствуд.— Она хочет уверить меня, будто получает только двенадцать долларов, но разве на эти деньги можно закупить столько вещей? Впрочем, мне все равно. Пусть делает со своими деньгами, что ей угодно! Вот я подыщу какое-нибудь занятие, и тогда пусть проваливает ко всем чертям!»

Сейчас эти мысли были вызваны гневом, но это могло предопределить отношение Герствуда к Керри в будущем.

«Ну и пусть сердится,— думала Керри.— Надо напоминать, чтобы он искал работу. Я не могу его содержать, это несправедливо».

В это время Керри познакомилась с несколькими молодыми друзьями мисс Осборн. Эти молодые люди однажды заехали к Лоле и пригласили ее покататься в экипаже. В это время у нее была Керри.

— Поедем с нами! — предложила Лола подруге.

— Нет, не могу.

— Да полно, Керри, поедem! Ну, скажи, пожалуйста, чем ты так занята? — настаивала та.

— К пяти часам мне необходимо быть дома,— ответила Керри.

— А зачем?

— К обеду.

— О, не беспокойся, нас угостят обедом,— возразила Лола.

— Нет, нет, я не могу! — противилась Керри.— Я не пседу.

— Ну, пожалуйста, Керри! Это такие славные мальчики! Вот увидишь, мы вовремя доставим тебя домой. Ведь мы только прокатимся по Сентрал-парку.

Керри подумала и наконец сдалась.

— Но помни, Лола,— сказала она,— в половине пятого я должна быть дома.

Эта фраза вошла в одно ухо мисс Осборн и вышла в другое.

После знакомства с Друэ и Герствудом Керри с оттенком цинизма относилась к молодым людям вообще и особенно к таким, которые казались ей ветреными и беспечными. Она чувствовала себя значительно



старше их. Их комплименты казались ей пошлыми и глупыми.

И все же она была молода душой и телом, а юность тянется к юности.

— Не беспокойтесь, мисс Маденда,— почтительно заметил один из молодых людей,— мы вернемся вовремя. Неужели вы можете предполагать, что мы задержим вас насильно?

— Кто вас знает! — улыбнулась Керри в ответ.

Они отправились на прогулку в коляске: Керри разглядывала нарядно одетую публику, прогуливавшуюся в парке, и слушала глупые комплименты и незамысловатые остроты, которые в некоторых кружках сходили за юмор. Она упивалась видом этой вереницы экипажей, тянувшихся от ворот у Пятьдесят девятой улицы, мимо Музея изящных искусств до ворот на углу Сто десятой улицы и Седьмой авеню. Она вновь попала под чары окружавшей ее роскоши — элегантных костюмов, пышной упряжи, породистых лошадей — всего этого изящества и красоты. Снова сознание собственной бедности мучительно кольнуло ее, но Керри постаралась забыть об этом — хотя бы настолько, чтобы не думать о Герствуде.

А тот ждал и ждал. Часы пробили четыре, пять, наконец шесть. Уже темнело, когда он поднялся с качалки.

— Как видно, она сегодня не собирается приходить домой! — угрюмо произнес он.

«Да, так всегда бывает,— мелькнуло у него в уме.— Она идет в гору, и для меня в ее жизни уже нет места!»

Керри же спохватилась, что опаздывает, когда на часах уже было четверть шестого. Экипаж в это время находился далеко, на Седьмой авеню, близ набережной реки Харлем.

— Какой час? — спросила она.— Мне нужно домой.

— Четверть шестого,— ответил один из ее спутников, взглянув на изящные часы без крышки.

— О боже! — воскликнула Керри.

Но она тотчас откинулась на подушки экипажа и, вздохнув, добавила:

— Что ж, упущенного не воротить! Теперь уже поздно.



— Ну, конечно, поздно! — поддержал ее один из юнцов, мысленно рисовавший себе интимный обед и оживленную беседу, которая могла привести к новой встрече после театра.

Керри чрезвычайно понравилась ему.

— Давайте поедem в «Дельмонико» и подкрепимся немного! — предложил он. — Что ты скажешь на это, Орин?

— Идет! — весело отозвался тот.

Керри подумала о Герствуде. До сих пор она ни разу еще не пропускала обеда без уважительной причины.

Экипаж повернул назад, и лишь в четверть седьмого компания села обедать. Снова повторилось все то, что было в свое время в ресторане «Шерри», и на Керри нахлынули тяжелые думы. Она вспомнила миссис Вэнс, которая так и не показывалась после оказанного ей Герствудом приема, подумала об Эмсе, образ которого особенно ярко запечатлелся в ее памяти. Ему нравились более интересные книги, чем те, что она читала, более интересные люди, чем те, с кем она встречалась. Его идеалы находили отзвук в ее сердце.

«Хорошо быть выдающейся актрисой!» — вспомнила она высказанную им мысль.

А какая актриса она?..

— О чем вы задумались, мисс Маденда? — спросил один из ее спутников. — Хотите, я угадаю?

— О нет, и не пытайтесь! — отозвалась Керри.

Она принялась за еду. Ей удалось несколько забыть-ся и разделить общее веселье. Но когда после обеда молодые люди завели речь о том, чтобы снова встретиться после спектакля, Керри покачала головой.

— Нет, — твердо заявила она, — я не могу. У меня уже назначена встреча после театра.

— О, полно, мисс Маденда! — умоляющим голосом произнес молодой человек.

— Нет, нет, не могу! Вы были очень милы ко мне, но я прошу меня извинить.

Молодой человек был в отчаянии.

— Не падай духом, старина! — шепнул ему товарищ. — Попытаемся после спектакля: авось она пере-думает.



ГЛАВА XL

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ.  
ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Надежды молодых людей на ночное развлечение не оправдались. По окончании спектакля Керри отправилась домой, думая о том, как бы объяснить свое отсутствие Герствуду. Он уже спал, но проснулся и поднял голову, когда она проходила мимо к своей кровати.

— Это ты, Керри? — окликнул он ее.

— Да, я, — ответила она.

Наутро, за завтраком, Керри захотелось сказать что-то в свое оправдание.

— Я не могла вчера вырваться к обеду, — начала она.

— Да полно, Керри! — отозвался Герствуд. — Зачем заводить об этом разговор? Мне это безразлично. И напрасно ты оправдываешься.

— Но я никак не могла прийти! — воскликнула она и покраснела.

Заметив выражение лица Герствуда, как будто говорившее: «О, я прекрасно все понимаю!» — она добавила:

— Как тебе угодно! Мне это тоже безразлично.

С этого дня ее равнодушие к дому еще больше возросло. У нее уже не оставалось никаких общих интересов с Герствудом, им совершенно не о чем было говорить. Она заставляла его просить у нее на расходы, ему же это было ненавистно. Он предпочитал избегать булочника и мясника, а долг в лавке Эслоджа довел до шестнадцати долларов, сделав запас всяких консервированных продуктов, чтобы некоторое время ничего не покупать. После этого Герствуд стал покупать в другом бакалейном магазине и такую же штуку проделал с мясником. Керри, однако, ничего об этом не знала. Герствуд просил у нее ровно столько, на сколько с уверенностью мог рассчитывать, и постепенно запутывался все больше и больше, так что развязка могла быть лишь одна.

Так прошел сентябрь.

— Когда же, наконец, мистер Дрэйк откроет свой отель? — несколько раз спрашивала Керри.



— Скоро, должно быть,— отвечал Герствуд.— Но едва ли раньше октября.

Керри почувствовала, что в ней зарождается отвращение к нему.

«И это мужчина?» — часто думала она.

Керри все чаще и чаще ходила в гости и все свои свободные деньги — что составляло не такую уж большую сумму — тратила на одежду. Наконец было объявлено, что через месяц труппа отправляется в турне.

«Последние две недели!» — значилось на афишах и в газетах.

— Я не поеду с ними! — заявила мисс Осборн.

Керри отправилась с нею в другой театр, решив поговорить там с режиссером.

— Где-нибудь играли? — был его первый вопрос.

— Мы и сейчас играем в «Казино», — ответила за обеих Лола.

— А, вот как!

И обе тотчас были ангажированы. Теперь Керри стала получать двадцать долларов в неделю.

Керри была в восторге. Она начала проникаться сознанием, что не напрасно живет на свете. Таланты рано или поздно находят признание!

Жизнь ее так переменялась, что домашняя атмосфера стала для нее невыносимой. Дома ее ждали лишь нужда и заботы. Так по крайней мере воспринимала Керри бремя, которое ей приходилось нести. Ее квартира стала для нее местом, от которого лучше было держаться подальше. Все же она ночевала дома и уделяла довольно много времени уборке комнат. А Герствуд только сидел в качалке и, не переставая раскачиваться, либо читал газету, либо размышлял о своей невеселой участи. Прошел октябрь, за ним ноябрь, а Герствуд все сидел и сидел на том же месте и почти не заметил, как наступила зима.

Он догадывался, что Керри идет в гору, — об этом говорил ее внешний облик. Она была теперь хорошо, даже элегантно одета. Герствуд видел, как она приходит и уходит, и иногда мысленно рисовал себе ее путь к славе.

Ел он мало и заметно похудел. У него совсем пропал аппетит. Одежда его говорила о бедности. Мысль о том, чтобы приискать какую-нибудь работу, казалась ему да-



же смешной. И он сидел сложа руки и ждал, но чего — этого он и сам бы не мог сказать.

В конце концов жизнь стала совсем невозможной. Преследования кредиторов, равнодушие Керри, мертвое безмолвие в квартире и зима за окном — все это, вместе взятое, неминуемо должно было привести к взрыву. Он наступил в тот день, когда Эслодж собственной персоной явился на квартиру и застал Керри дома.

— Я пришел получить по счету, — заявил лавочник. Керри не проявила особого удивления.

— Сколько там? — спросила она.

— Шестнадцать долларов, — ответил Эслодж.

— Неужели так много?! — воскликнула Керри. — Это верно? — обратилась она к Герствуду.

— Да, — подтвердил тот.

— Странно, я понятия об этом не имела, — сказала Керри.

У нее был такой вид, точно она подозревала Герствуда в каких-то ничем не оправданных тратах.

— Все это в самом деле было взято, — сказал Герствуд и, обращаясь к Эслоджу, добавил: — Сегодня я ничего не могу вам уплатить.

— Гм! — буркнул Эслодж. — А когда же?

— Во всяком случае, не раньше субботы, — ответил Герствуд.

— Вот как! — рассердился лавочник. — Хорошенькое дело! Мне нужны деньги. Я хочу получить по счету!

Керри стояла в глубине комнаты и слушала. Она была ошеломлена. Как это некрасиво, как гадко! Герствуд тоже был немало раздосадован.

— Говорить сейчас об этом все равно без толку, — сказал он. — Приходите в субботу, и вы получите часть денег.

Лавочник ушел.

— Как же мы расплатимся с ним? — спросила Керри, которая все еще не могла прийти в себя от невероятных размеров счета. — Я не могу заплатить столько денег.

— Да и незачем, — ответил Герствуд. — На нет и суда нет. Придется ему обождать.

— Но я не могу понять, как это мог набежать такой счет? — недоумевала Керри.

— Что ж, мы все это съели, — сказал Герствуд.



— Странно,— не сдавалась Керри, все еще терзаемая сомнениями.

— Ну, скажи на милость, зачем ты так говоришь? — воскликнул Герствуд.— Разве я один ел продукты? Ты говоришь так, словно я эти деньги присвоил!

— Я знаю только, что это ужасно много,— стояла на своем Керри.— Нельзя меня заставлять столько платить. Это гораздо больше, чем у меня сейчас есть.

— Ну, будет тебе,— сказал Герствуд, опускаясь в кресло.

Керри ушла, а он сидел, обдумывая, что бы предпринять.

В то время в газетах начали появляться заметки, передававшие слухи о том, что в Бруклине назревает забастовка трамвайщиков. Они были недовольны длинным рабочим днем и низкой заработной платой. Как и всегда, рабочие с целью воздействовать на хозяев и заставить их идти на уступки выбрали почему-то холодное зимнее время.

Герствуд читал газеты и думал о том, что эта забастовка может блокировать все движение в городе. Она разразилась за день или за два до его размолвки с Керри. Однажды под вечер, когда все было окутано серой мглой и надо было ожидать снега, вечерние газеты возвестили, что трамвайщики прекратили работу на всех линиях Бруклина.

Герствуд был хорошо знаком с предсказаниями газет о предстоящей в эту зиму безработице и с сообщениями о паническом настроении на денежном рынке; он читал это с большим интересом, поскольку сам сидел без работы. Он обратил внимание на требования бастующих вагоновожатых и кондукторов, которые заявляли, что стали теперь получать наполовину меньше, чем раньше, когда они получали по два доллара в день, так как в последнее время управление дорог начало усиленно пользоваться «разовыми» и одновременно увеличило рабочий день постоянных служащих до десяти, двенадцати и даже четырнадцати часов в сутки. «Разовыми» называли людей, которых управление нанимало для того, чтобы обслуживать вагоны в самое горячее время, то есть в часы наибольшего наплыва пассажиров. За каждый рейс «разовому» платили двадцать пять центов.



Как только кончалась горячая пора, этих людей отпускали на все четыре стороны. Хуже всего было то, что никто не знал, когда ему предоставят работу; тем не менее нужно было являться в парк с утра и в хорошую и в дурную погоду и ждать у ворот, пока ты не понадобишься трамвайному управлению. Средний заработок при системе «разовых» редко превышал пятьдесят центов в день, то есть плату за два рейса. Иными словами, платили только за три с лишним часа работы, а ожидание в счет не шло.

Трамвайные служащие утверждали, что эта система все шире и шире входит в практику и недалеко то время, когда из семи тысяч трамвайных работников только немногие будут получать регулярно по два доллара в день. Они требовали, чтобы эта система была отменена, чтобы рабочий день, не считая случайных задержек, не превышал десяти часов и чтобы плата была не ниже двух с четвертью долларов в день. Они настаивали на немедленном удовлетворении всех своих требований. Но трамвайные компании ответили решительным отказом.

Герствуд вначале сочувствовал рабочим и признавал справедливость их требований. Можно даже утверждать, что он до конца сочувствовал забастовщикам, каковы бы ни были в дальнейшем его действия. Читая почти все известия, он обратил внимание на тревожные заголовки, которыми начинались газетные заметки о забастовке. Он прочел их от начала и до конца и запомнил названия всех семи трамвайных компаний, а также точное число бастующих.

«Как глупо бастовать в такие холода,— размышлял он.— Впрочем, от души желаю им победы».

На следующий день газеты пестрели уже более подробными сообщениями. «Бруклинцы ходят пешком! — писала газета «Уорлд». — Рыцари труда блокировали движение трамваев через мост! Семь тысяч человек бросили работу!»

Герствуд читал все это и пытался предсказать исход забастовки. Он верил в силу трамвайных компаний. «Забастовщики едва ли возьмут верх,— думал он.— У них нет денег. Полиция, конечно, будет оказывать помощь трамвайным компаниям. Публике необходим трамвай».



Он отнюдь не сочувствовал владельцам трамвайных линий, но сила была на их стороне. К тому же трамваи нужны населению.

«Нет, этим ребятам не выиграть!» — решил он в конце концов.

Среди всяких других заметок Герствуд прочел циркуляр одной трамвайной компании, гласивший:

«Трамвайная линия Атлантик-авеню.

Ко всеобщему сведению.

Ввиду того, что вагоновожатые, кондукторы и другие служащие нашей компании внезапно бросили работу, мы предлагаем всем лояльным служащим, бастующим против воли, вернуться на свои места, о чем следует заявить до двенадцати часов 16 января. Этим лицам будет предоставлена работа под надлежащей охраной, в порядке поступления заявлений, и сообразно с этим они будут направлены на разные маршруты. Все, не подавшие подобного заявления, будут считаться уволенными, а вакантные места будут предоставляться новым служащим по мере найма их компанией.

Директор-распорядитель  
*Бенджамен Нортон*».

Герствуд обратил внимание и на следующее объявление в одном из столбцов отдела «Спрос на рабочую силу»:

«Требуется 50 опытных вагоновожатых, знакомых с системой Вестингауза, для управления только почтовыми вагонами в Бруклине. Охрана гарантируется».

От него не ускользнули слова об охране в обоих объявлениях. В этом сказывалась непрístupная мощь трамвайной компании.

«Полиция на стороне компании,— снова подумал он.— Забастовщики ничего не добьются!»

Впечатление от прочитанного было еще свежо в уме Герствуда, когда в присутствии Керри произошел инцидент с лавочником. И без того многое раздражало Герствуда, а это послужило последним толчком. Никогда еще Керри не обвиняла его в воровстве, а ведь сейчас ее слова, в сущности, были почти равносильны этому. Она усомнилась в том, что такой счет мог вырасти естественным путем. А он так старался сократить расходы, что-



бы они не казались ей обременительными! Он обманывал мясника и булочника, лишь бы поменьше тревожить Керри. К тому же он лично ел очень мало, почти голодал.

— Черт! — вырвалось у него. — Я еще могу найти работу! Я еще не выбыл из строя!

Он решил, что теперь уж и впрямь необходимо за что-то приняться. Слишком унижительно сидеть тут и выслушивать подобные оскорбления! Ведь если так будет дальше, то ему вскоре бог весть что придется сносить!

Герствуд встал и выглянул на улицу. Погода была пасмурная. И вдруг у него мелькнула мысль отправиться в Бруклин.

«Отчего же нет? — подсказывал ему разум. — Там каждый может получить работу. Ты будешь зарабатывать два доллара в день!»

«А как насчет забастовщиков? — шептал какой-то голос. — Тебя могут изувечить».

«О, это маловероятно! — отвечал самому себе Герствуд. — Трамвайные компании поставили на ноги всю полицию. Всякий, кто пожелает вести вагон, найдет должную защиту».

«Но ведь ты не умеешь водить вагон», — говорил голос сомнения.

«Незачем и наниматься вагоновожатым, — отвечал рассудок. — Уж билеты-то я, наверное, сумею выдавать».

«Но там нужны главным образом вагоновожатые».

«О, они охотно возьмут кого угодно».

Несколько часов Герствуд дискутировал сам с собой, перебирая все «за» и «против» и чувствуя, что нет особой необходимости спешить в таком верном деле.

А наутро он надел свой лучший костюм (который тем не менее имел довольно жалкий вид) и стал готовиться в путь. Он завернул в бумагу немного хлеба и холодного мяса. Керри, заинтересованная, не спускала с него глаз.

— Куда ты идешь? — спросила она наконец.

— В Бруклин, — ответил Герствуд.

Но так как Керри все еще с удивлением смотрела на него, он добавил:

— Я думаю, что найду там работу.

— Трамвайщиком? — изумилась Керри. — И ты не боишься?



— Чего же бояться? — отозвался Герствуд. — Все трамвайные служащие — под охраной полиции.

— В газетах пишут, что вчера избили четырех штрейкбрехеров.

— Это так, — согласился Герствуд, — но нельзя верить всему, что сообщают в газетах. А трамвай все равно будет ходить.

У Герствуда был сейчас довольно решительный вид, но это была решимость отчаяния, и Керри стало больно за него. Она точно вдруг увидела призрак прежнего Герствуда, мужественного и сильного.

Небо было затянуто тучами, и в воздухе носились редкие хлопья снега.

«Не особенно приятная погода для путешествия в Бруклин!» — невольно подумала Керри.

Герствуд ушел раньше ее, и это уже само по себе было знаменательным событием. Дойдя до угла Четырнадцатой улицы и Шестой авеню, он сел в трамвай. Герствуд читал в газете, что десятки людей являются с предложением своих услуг в конторы Бруклинской трамвайной компании и всех принимают на службу.

Герствуд, молчаливый и мрачный, добирался туда сначала конкой, потом на пароме. Дальше путь предстоял нелегкий, так как трамвай не шел, а день был холодный, но Герствуд упрямо шагал вперед. Стоило ему очутиться в Бруклине, как он сразу почувствовал, что находится в районе забастовки. Это сказывалось даже в поведении людей. На некоторых путях не видно было ни одного трамвайного вагона. На перекрестках стояли небольшие группы. Мимо Герствуда проехало несколько открытых фургонов с расставленными на них табуретками. На фургонах были надписи: «Флэтбуш» или «Проспект-парк. Плата 10 центов». Герствуд заметил, какие холодные и угрюмые лица у окружающих. Рабочие вели здесь войну.

Добравшись до конторы трамвайной компании, Герствуд увидел возле здания нескольких человек в штатском, а также группу полицейских. Вдали, у перекрестка, стояли другие люди, очевидно, забастовщики, и наблюдали за тем, что происходит. Все дома кругом были маленькие, деревянные, а улицы плохо вымощены. После Нью-Йорка Бруклин производил весьма убогое впечатление.



Герствуд пробрался в самый центр маленькой группы, за действиями которой наблюдали и полисмены и прочие стоявшие поблизости люди. Один из полицейских обратился к нему:

— Что вы ищете?

— Я хочу спросить, не найдется ли тут работы.

— Контора вот здесь, наверху, — ответил синий мундир.

Судя по выражению лица этого блюстителя порядка, он относился безучастно к тому, что происходит, но в глубине души явно сочувствовал бастующим и потому сразу возненавидел пришедшего «скэба». С другой стороны, по долгу службы он был обязан поддерживать порядок. Над истинной ролью полиции в человеческом обществе ему никогда не приходило в голову задумываться. Не того склада он был человек, чтобы задаваться подобными вопросами. В нем смешались два чувства, которые уравнивали друг друга. Он стал бы защищать этого человека, как самого себя, но лишь потому, что это ему приказано. А скинув синюю форму, он переломал бы ребра всем штрейкбрехерам.

Герствуд поднялся по грязной лестнице и очутился в маленькой, не менее грязной комнате, где находилось несколько конторских служащих. Они сидели за длинным, отгороженным барьером столом.

— Что вам угодно, сэр? — обратился к нему человек средних лет, поднимая глаза от бумаг.

— Вам нужны люди? — спросил, в свою очередь, Герствуд.

— А вы кто же будете? Вагоновожатый?

— Нет, я никогда не работал трамвайщиком, — ответил Герствуд.

Он несколько не был смущен. Он знал, что трамвайные компании нуждаются в людях. Если одна контора его не возьмет, то наймет другая. И ему было совсем безразлично, как отнесется к нему этот служащий.

— Гм! — пробормотал клерк. — Мы, конечно, предпочитаем людей с некоторым опытом...

Видя, однако, что Герствуд равнодушно улыбается, он добавил:

— Но, я думаю, вы скоро научитесь управлять вагоном. Как ваша фамилия? — спросил он.



— Уилер.

Клерк написал распоряжение на маленькой карточке.

— Идите вот с этим в парк и передайте мастеру. Он покажет вам, что нужно делать.

Герствуд вышел, спустился с крыльца и снова очутился на улице. Он пошел в указанном направлении, а полицейские глядели ему вслед.

— Еще одному охота попытать счастья! — заметил полицейский Кийли, обращаясь к полицейскому Мейси.

— Я уж так думаю, что ему намнут шею! — спокойно отозвался его товарищ.

Они уже видели немало забастовок.

## ГЛАВА XLI ЗАБАСТОВКА

Трамвайный парк, куда направили Герствуда, страдал от острого недостатка людей: там распоряжались, в сущности, всего три человека. За работой явилось много новичков; это были большей частью опустившиеся, изголодавшиеся люди, чьи лица говорили о том, что только крайняя нужда толкает их на такой отчаянный шаг. Они бодрились, но вид у них был пришибленный.

Герствуд прошел сквозь депо в глубь парка и очутился на просторном огороженном дворе с целой сетью рельсовых путей и разветвлений. Здесь двигалось несколько вагонов, которыми управляли ученики под наблюдением инструкторов. Другие ученики дожидались своей очереди у задних ворот одного из огромных сараев. Герствуд молча наблюдал за этой сценой и ждал. Он мельком оглядел своих будущих коллег, хотя, в сущности, они интересовали его не больше, чем вагоны. В общем, это была не особенно приятная на вид компания. Среди них были и люди тощие, изможденные, попадались и толстяки, было и несколько жилистых субъектов с нездоровым цветом лица, побывавших, видимо, во всяких переделках.

— Вы читали, что управление дорог собирается звывать на помощь полицию? — услышал Герствуд неподалеку от себя.



— И вызовут! — отозвался кто-то другой. — В подобных случаях всегда так поступают.

— Вы думаете, нам грозят неприятности? — спросил штрейкбрехер, лица которого Герствуд не мог различить.

— Нет, не думаю, — последовал ответ.

— Этот шотландец, что отправился с последним вагоном, рассказывал мне, будто ему в голову запустили куском угля, — вставил чей-то голос.

В ответ послышался нервный смехок.

— Одному из наших, который ездил по Пятой авеню, очень не понравилось, как пишут в газетах, — произнес кто-то, растягивая слова. — У него в вагоне разбились все стекла, а его самого вытащили на улицу, раньше чем подоспела полиция.

— Все это верно, но сегодня дежурит больше полицейских.

Герствуд слушал, не особенно вдумываясь в слова штрейкбрехеров. Все эти люди, казалось ему, были изрядно напуганы, болтали они лихорадочно и с единственной целью — успокоить собственную тревогу.

Он равнодушно смотрел на курсировавшие по двору вагоны и ждал.

Двое из ожидавших очереди подошли ближе и стали за его спиной. Они были весьма словоохотливы, и Герствуд прислушался к их словам.

— Вы не трамвайщик? — спросил один из них.

— Я? Нет, я работал на бумажной фабрике, — отозвался другой.

— А я до октября работал в Ньюарке, — в тон ему сказал первый.

Они понизили голоса, и Герствуд некоторое время ничего не мог разобрать. Но вскоре оба заговорили громче.

— Я нисколько не виню этих ребят за то, что они бастуют. По-моему, они совершенно правы. Но, с другой стороны, мне до смерти нужна работа.

— Вот и мне тоже, — живо подхватил второй. — Найдись какая-нибудь работенка в Ньюарке, я и не подумал бы соваться сюда!

— Да, подлая стала жизнь! — согласился с ним первый. — Бедняку теперь совсем некуда деваться. Хоть среди улицы околевай, и никто тебе не поможет.



— Это вы правильно сказали! Я потерял место на фабрике, потому что она закрылась. Хозяева наготовили большой запас товару, а потом и прикрыли лавочку.

Этот разговор привлек внимание Герствуда. Как-никак, он все еще считал себя стоящим выше окружающих его людей. В его представлении это были грубые, невежественные люди, которыми кто угодно мог помыкать.

«Бедняги!» — подумал он.

И в этом слове проявилось то пренебрежение к бедным людям, которое было свойственно ему в дни его процветания.

— Следующий! — крикнул один из инструкторов.

— Ваша очередь, — сказал кто-то, притрагиваясь к рукаву Герствуда.

Герствуд выступил вперед и поднялся на площадку вагона. Инструктор прямо приступил к делу, считая лишними всякие предварительные слова.

— Вот видите эту рукоятку? — сказал он, указывая на рубильник в потолке вагона. — Она служит для включения тока. Если вы хотите осадить вагон, перекиньте ее в эту сторону. Если хотите ехать вперед, поверните ее сюда. Если вам нужно выключить ток, толкните ее на середину.

Герствуд с легкой усмешкой слушал эти незамысловатые объяснения.

— Вот эта ручка регулирует скорость мотора. Если повернете ее сюда, вот до этого места, у вас получится скорость шесть километров в час. До этого места — двенадцать. А если повернете до отказа — все двадцать.

Герствуд спокойно слушал его. Ему и раньше нередко случалось наблюдать за работой вагоновожатых, и он несколько не сомневался, что, немного поупражнявшись, справится с этим делом. Инструктор разъяснил ему еще некоторые подробности и затем сказал:

— Теперь я отведу вагон назад.

Герствуд безмятежно ждал, пока вагон не вкатился задним ходом в депо.

— Запомните одно, — продолжал инструктор, — трогать с места надо потихоньку. Дайте вагону пройти на первой скорости. Большая часть новичков норовит сразу повернуть ручку до отказа. Так нельзя. Это опасно. И мотор изнашивает. Вы так не делайте, понятно?



— Понятно,— сказал Герствуд.

Он терпеливо ждал, а инструктор все говорил и говорил.

— Ну, теперь давайте сами,— сказал он наконец.

Бывший управляющий баром взялся за ручку и, как ему казалось, легонько повернул ее. Ручка подалась значительно легче, чем Герствуд ожидал. От этого вагон с такой силой рванулся вперед, что Герствуда швырнуло к двери.

Сконфуженно улыбнувшись, Герствуд выпрямился, а инструктор налег на тормоз и остановил вагон.

— Надо быть осторожней,— только и сказал он.

Герствуд вскоре обнаружил, что регулировать скорость хода и пользоваться тормозом далеко не так просто, как он думал. Раза два он чуть было не пролетел вместе с вагоном сквозь ограду; к счастью, его вовремя выручал инструктор. Последний был вообще очень терпелив, но ни разу не улыбнулся.

— Привыкайте работать обеими руками одновременно,— сказал он.— Тут надо попрактиковаться.

Пробило уже час, а Герствуд все еще занимался с инструктором на передней площадке вагона. Скоро его стал мучить голод. К тому же повалил снег, и он сильно продрог. Ему дьявольски надоело гонять вагон взад и вперед по короткой колее.

Наконец вагон был отведен в тупик на конце ветки. Инструктор, а следом за ним и Герствуд сошли с него. Герствуд вошел в депо, уселся на подножку вагона и достал свой скудный завтрак, завернутый в газетную бумагу. Воды поблизости не оказалось, а хлеб был довольно черствый, и все же Герствуд с наслаждением ел его. Тут было не до обеденных ритуалов. Он сидел, жуя хлеб и наблюдая, как люди выполняют эту нудную, тяжелую работу. Она была неприятна — ужасно неприятна во всех своих стадиях. Не потому, что казалась ему унижительной, а потому, что была тяжела. «Всякому другому она тоже далась бы не легче!» — утешал он себя.

Поев, Герствуд поднялся и снова стал в очередь.

Предполагалось, что он будет практиковаться целый день, но большая часть времени ушла на ожидание.

Настал вечер, а с ним пришел и голод. Выплыл также вопрос о том, где провести ночь. Половина шестого...



пора было бы поесть. Если отправиться домой, то ему придется потратить на это два с половиной часа: сначала идти в такой собачий холод пешком, а потом ехать. Кроме того, Герствуду было приказано явиться на работу в семь утра, и, если бы даже он добрался домой, ему пришлось бы встать ни свет ни заря.

В кармане у Герствуда было всего лишь доллар и пятнадцать центов — деньги, взятые у Керри на покупку двухнедельного запаса угля.

«Наверное, здесь есть какое-нибудь место, где можно будет переночевать,— подумал Герствуд.— Где, например, ночует этот парень из Ньюарка?»

Он решил спросить у кого-нибудь. Неподалеку от него у ворот депо дождался очереди молодой паренек. Это был почти мальчик, лет двадцати, не больше, долго-вязый и тощий, с лицом, свидетельствовавшим о годах лишений. Стоило подкормить как следует этого юношу, и он быстро бы принял цветущий, самоуверенный вид.

— Тут что-нибудь дают, если у человека нет ни гроша? — дипломатично осведомился Герствуд.

Юноша повернулся и испытующе посмотрел на него.

— Вы это насчет еды? — спросил он.

— Да, и спать мне тоже негде. Я не могу на ночь возвращаться в Нью-Йорк.

— А вы поговорите с мастером. Я думаю, он это устроит. Меня, например, он устроил.

— Вот как?

— Да. Я просто сказал ему, что у меня ни гроша за душой. Не могу же я добираться домой, когда живу я у черта на куличках.

Герствуд ничего не сказал и только откашлялся.

— Насколько я понимаю, у них тут наверху есть комната для ночлега,— продолжал молодой человек.— Не знаю, что она собой представляет, но, надо полагать, местечко дрянное. Мастер дал мне и билетик на обед. Воображаю, чем там кормят!

Герствуд улыбнулся. Юноша громко рассмеялся.

— Плохие шутки, а? — добавил он, тщетно ожидая услышать успокоительный ответ.

— Да, пожалуй,— согласился Герствуд.

— Я на вашем месте сейчас же поговорил бы с мастером, а то он еще уйдет.

Герствуд последовал его совету.



— Не найдется ли здесь местечка, где можно было бы переночевать? — спросил он. — Если мне возвращаться в Нью-Йорк, то, боюсь, я никак не успею вернуться ...

— Наверху есть несколько коек, — прервал его мастер. — Можете занять одну, если хотите.

— Благодарю вас, — сказал Герствуд.

Он намеревался попросить и талон на обед, но не мог улучить для этого подходящую минуту и примирился с тем, что в этот вечер придется поест за собственный счет.

« Попрошу завтра », — решил он.

Герствуд закусил в дешевом ресторанчике по соседству, а так как было очень холодно и его томило одиночество, он тотчас же отправился искать указанное ему пристанище. Трамвайная компания по совету полиции решила не пускать вагонов после наступления сумерек.

Помещение, где очутился Герствуд, очевидно, предназначалось для дежурных ночной смены. Тут было девять коек, два или три табурета, ящик из-под мыла и маленькая пузатая железная печка, в которой пылал огонь. Как ни рано пришел Герствуд, кто-то уже опередил его и грел у печки озябшие руки.

Герствуд тоже подошел к печке и протянул руки к огню. Он пал духом от скудости и убожества всего, что связано с этой его затеей, но крепился, внушая себе, что должен выдержать до конца.

— Холодно, а? — спросил человек, сидевший у огня.

— Изрядно.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Неважное, я бы сказал, место для ночлега. Как по-вашему? — снова заметил человек, сидевший у печки.

— Все же лучше, чем на улице, — ответил Герствуд. Снова молчание.

— Пожалуй, пора и на боковую! — послышался тот же голос.

Человек встал и направился к одной из коек; вскоре он растянулся на ней, сняв только башмаки, и завернулся в засаленное одеяло, а голову обмотал старым, грязным шерстяным шарфом. Это зрелище было отвратительно Герствуду, и он отвел глаза и стал смотреть в огонь, стараясь думать о другом. Вскоре он тоже решил



лечь и, выбрав себе койку, стал снимать башмаки. В это время вошел знакомый ему молодой человек и, увидев Герствуда, по-видимому, желал поговорить.

— Лучше, чем ничего! — заметил он, озираясь вокруг.

Герствуд решил, что эти слова не относятся непосредственно к нему, а выражают лишь удовлетворение того же юноши, и потому промолчал.

Юноша же подумал, что Герствуд не в духе, и принялся потихоньку насвистывать. Но, заметив, что кто-то уже спит, он тотчас прекратил свист и погрузился в молчание.

Герствуд постарался устроиться возможно лучше: он лег не раздеваясь и загнул грязное одеяло так, чтобы оно не касалось его лица. Вскоре, однако, усталость взяла свое, и он задремал. Одеяло приятно согревало его, и он, отбросив всякую брезгливость, натянул его до подбородка и уснул.

Утром его приятные сновидения нарушил топот: несколько человек двигались по холодной, безрадостной комнате. А Герствуду снилось, что он в Чикаго, в своей уютной квартирке. Джессика собиралась куда-то идти, и он, Герствуд, разговаривал с ней. Он так отчетливо видел эту сцену, что, пробудившись, был ошеломлен представившимся ему контрастом. Он приподнял голову, и горькая действительность заставила его быстро очнуться.

«Пожалуй, лучше встать», — подумал он.

Воды в помещении не было. Герствуд обулся и встал, расправляя застывшее тело. Его костюм был сильно помят, волосы всклокочены.

— А, черт! — пробормотал он, надевая шляпу.

Внизу уже пробуждалась жизнь.

Герствуд нашел водопроводный кран над желобом, из которого, очевидно, поили лошадей. Но полотенца у него не было, а носовой платок был грязен со вчерашнего дня. Герствуд ограничился тем, что промыл глаза ледяной водой. Потом отправился разыскивать мастера, который оказался уже на месте.

— Завтракали? — спросил тот.

— Нет, — ответил Герствуд.

— Тогда поторопитесь! Впрочем, у вас есть еще время. Ваш вагон не готов.



Герствуд колебался.

— Не можете ли вы дать мне талон в столовую? — попросил он, делая над собой огромное усилие.

— Получите, — сказал мастер, протягивая талон.

Герствуд позавтракал так же скудно, как обедал накануне — кусочек жареного мяса и чашка скверного кофе — и затем вернулся в парк.

— Ну вот, — сказал мастер, подзывая его пальцем, — через несколько минут можете выводить вагон!

Герствуд взобрался на переднюю площадку вагона, стоявшего в полутемном депо, и стал ждать сигнала. Он волновался, но все же испытывал некоторое облегчение: что угодно, лишь бы не оставаться дольше в этом депо.

Шел четвертый день забастовки, и дело начало принимать плохой оборот. Следуя советам прессы и тех, кто возглавлял забастовку, бастующие вели борьбу довольно мирно. До сих пор еще не произошло никаких сколько-нибудь серьезных столкновений. Бастующие иногда останавливали вагоны и вступали в переговоры со штрейкбрехерами, а те, случалось, сдавались на уговоры и уходили. В некоторых вагонах были выбиты стекла, было несколько стычек, сопровождавшихся криками и угрозами, но только человек пять или шесть пострадали серьезно. И даже в этих редких случаях руководители забастовки порицали подобные действия, приписывая их неорганизованной толпе.

Но вынужденное бездействие и сознание, что полиция поддерживает трамвайные компании и помогает им одержать победу, ожесточали бастующих. Они видели, что с каждым днем число курсирующих вагонов все возрастает, а заправилы трамвайных компаний не перестают громко кричать, что сопротивление стачечников сломлено. Это приводило бастующих в отчаяние. Им стало ясно, что вскоре все вагоны будут на линии, а люди, осмелившиеся заявить протест, останутся за бортом. По-видимому, мирные методы борьбы шли только на пользу трамвайным магнатам.

Страсти быстро разгорались, и бастующие начали нападать на вагоны, набрасываться на штрейкбрехеров, затевать побоища с полицией и разбирать рельсы. Наконец стали даже раздаваться выстрелы. Уличные бои участились, и город был наводнен полицией.



Герствуд, однако, ничего не знал о перемене в настроении бастующих.

— Выводите вагон! — крикнул ему мастер, энергично махнув рукой.

Кондуктор, такой же новичок, как и Герствуд, вскочил на заднюю площадку и дал два звонка — сигнал к отправлению. Герствуд повернул рукоятку, и вагон плавно выкатился на улицу. Здесь на переднюю площадку поднялись два дюжих полисмена и разместились по обе стороны от Герствуда.

У дверей депо раздался звук гонга. Кондуктор снова дал два звонка, и Герствуд повернул рукоятку.

Полицейские спокойно осматривались вокруг.

— Здорово морозит сегодня! — пробасил полисмен, стоявший по левую руку Герствуда.

— Хватит с меня и вчерашнего, — угрюмо отозвался второй. — Не хотелось бы мне иметь такую работу постоянно.

— Мне тоже.

Ни тот, ни другой не обращали ни малейшего внимания на Герствуда, который стоял на холодном ветру, пронизывавшем его насквозь, и вспоминал последние наставления мастера. «Ведите вагон ровным ходом, — сказал тот. — Ни в коем случае не останавливайтесь, если человек, который просит взять его, не похож на настоящего пассажира. А главное, не останавливайтесь там, где толпа».

Полицейские немного помолчали, потом один из них заметил:

— Наверное, последний вагон прошел благополучно: его нигде не видеть.

— А кто из наших был там? — спросил второй полисмен, подразумевая своих товарищей, приставленных для охраны вагоновожатого.

— Шефер и Райян.

Снова водворилось молчание. Вагон ровно катился по рельсам. Эта часть города была еще мало заселена, и Герствуду попадалось немного встречных. Если бы не такой сильный ветер, пожалуй, не на что было бы и жаловаться. Но этому благодушному настроению пришел конец, когда доехали до поворота, которого Герствуд заранее не заметил. Он тотчас выключил ток и сильно на-



лег на тормоз, но все же опоздал, и поворот получился неестественно быстрым. Герствуд был взволнован и хотел было сказать что-нибудь в свое оправдание, но воздержался.

— Надо быть поосторожней с этими штуками! — снисходительным тоном произнес полисмен, стоявший слева.

— Правильно, — стыдясь за себя, согласился Герствуд.

— На этой линии много таких крутых поворотов, — вставил полисмен, стоявший справа.

За углом начинался более людный район. Сперва показались один или два пешехода, потом из ворот вышел мальчик с бидоном молока. Он-то и послал вдогонку Герствуду первый нелестный эпитет.

— Скэб! — крикнул он. — Скэб!

Герствуд слышал, конечно, это приветствие, но постарался пропустить его мимо ушей и даже не думать о нем. Он знал, что еще неоднократно услышит это слово, а возможно, и что-нибудь похуже. Несколько поодаль, на перекрестке, стоял человек, который, увидев трамвай, замахал, требуя, чтобы он остановился.

— Не обращайтесь на него внимания, — посоветовал один из полисменов. — Он что-то замышляет.

Герствуд послушался и, достигнув перекрестка, убедился, насколько прав был полисмен. Едва человек понял, что Герствуд хочет проехать мимо, он потряс кулаком и завопил:

— Ах ты, подлый трус!

Группа людей, стоявших на углу, не преминула послать вслед вагону несколько сочных ругательств.

Герствуд слегка нахмурился. Действительность оказывалась значительно хуже, чем он вначале предполагал. Когда они проехали еще три или четыре квартала, впереди показалась какая-то груда, наваленная прямо на рельсы.

— А! Они уже успели тут поработать, — заметил один из полицейских.

— Пожалуй, у нас с ними будет крупный разговор, — сказал другой.

Герствуд подвел вагон вплотную к баррикаде и остановился. Не успел он сделать это, как кругом собралась толпа, состоявшая главным образом из бастующих кон-



дукторов, вагоновожатых, их друзей и попросту сочувствующих.

— Сойди с вагона, приятель,— раздался чей-то голос, звучавший более или менее дружелюбно.— Ведь ты же не станешь отнимать хлеб у голодных?

Герствуд держался за рукоятки мотора и тормоза, не зная, как быть. Он побледнел.

— Выключи мотор! — заорал один из полисменов, высовываясь с площадки вагона.— Назад! Прочь с дороги! Не мешайте человеку делать свое дело!

— Послушай, приятель,— сказал тот, который возглавлял бастующих, не обращая ни малейшего внимания на полицейского и разговаривая только с Герствудом,— мы все такие же рабочие, как и ты. Будь ты настоящим вагоновожатым и с тобой обращались бы, как с нами, тебе тоже, полагаю, было бы обидно, если бы кто-то занял твое место, не так ли? И ты бы не хотел, чтобы кто-то лишил тебя возможности добиваться своих прав. Верно, друг?

— Прочь с дороги! Прочь с дороги! — грубо крикнул полисмен.— Пошли прочь отсюда!

Он соскочил с площадки и, став перед толпой, стал оттеснять ее от трамвайного полотна. Второй полисмен в то же мгновение очутился рядом с ним.

— Назад! Назад! — кричали оба.— Отойдите! Довольно дурить! Прочь отсюда, говорят вам!

Казалось, что это гудит и волнуется маленький улей.

— Нечего меня толкать! — возмущенно крикнул один из бастующих.— Я ничего дурного не делаю!

— Пошел прочь отсюда! — взревел полисмен, размахивая дубинкой.— Прочь, не то я тебя сейчас по башке! Прочь, говорю!

— К черту! — крикнул другой бастующий и с силой оттолкнул полисмена, сопровождая все это крепкой бранью.

Трах! Дубинка полисмена опустилась на голову рабочего. Тот часто-часто замигал, покачнувшись, вскинул руки вверх и, зашатавшись, отступил. В ответ на это чей-то кулак мгновенно обрушился на затылок полицейского. Вzbешенный полисмен ринулся в самую гущу толпы, яростно нанося направо и налево удары дубинкой. Ему умело помогал его собрат, который при этом



поливал разъяренную толпу отборной бранью. Серьезных повреждений никто не получил, так как бастующие с изумительной ловкостью увертывались от ударов. И теперь, столпившись на тротуаре, они осыпали полисменов бранью и насмешками.

— А где же кондуктор? — крикнул один из полицейских.

Оглянувшись, он увидел, что тот, нервничая, стоит рядом с Герствудом. Герствуд, не столько испуганный, сколько пораженный, наблюдал за разыгравшейся на его глазах сценой.

— Почему вы не сходите и не убираете камней с пути? — крикнул полицейский. — Уснули там, что ли? Собираетесь весь день простоять тут? Живо слезайте!

Тяжело дыша от волнения, Герствуд соскочил на землю вместе с нервным кондуктором, хотя полисмены звали только последнего.

— Смотрите поторапливайтесь! — сказал полисмен.

Несмотря на холод, полисменам было очень жарко. Вид у них был свирепый. Герствуд приступил к делу: вместе с кондуктором он убирал с пути булыжник за булыжником, согреваясь работой.

— Ах ты, скзб проклятый! — кричала толпа. — Трус подлый! Красть у людей работу, на это вы годитесь! Грабитель бедняка, мошенники этикие! Мы еще доберемся до вас, подождите!

Эти возгласы неслись со всех сторон. Каждое замечание сопровождалось аккомпанементом брани и проклятий.

— Ладно, работайте, мерзавцы! — грубо крикнул кто-то. — Делайте свое подлое дело! Из-за вас, кровопийц, и душат бедняка.

— Чтoб вы подошли голодной смертью! — крикнула какая-то старая ирландка, открывая окошко и высываясь на улицу. — И ты тоже, гад! — добавила она по адресу одного из полисменов. — Подлый убийца! Я тебе покажу бить моего сына дубинкой по голове! Гнусный, кровожадный дьявол! Ах ты!..

Полисмен сделал вид, будто ничего не слышит, и только пробормотал про себя:

— Пошла ты к черту, старая ведьма!

Камни были наконец убраны, и Герствуд снова занял свое место на площадке, провожаемый хором руга-



тельств. Полицейские один за другим поднялись к нему, и кондуктор дважды дернул веревку.

Дзинь! Бум! В окна и двери полетели булыжники. Один пронесся мимо самого уха Герствуда, другой вдребезги разбил стекло.

— Полный ход! — крикнул один из полисменов и сам ухватился за рукоятку.

Герствуд повиновался, и вагон стрелой понесся вперед, сопровождаемый градом камней и проклятий.

— Этот сукин сын треснул меня по шее! — заметил один из полисменов. — Но я здорово угостил его за это по башке!

— Наверно, и я оставил кой-кому память о себе! — похвастал другой полисмен.

— Я, между прочим, знаю того парня, который называл меня подлой рожей, — сказал первый. — Я еще посчитаюсь с ним!

— Я сразу подумал, что будет драка, как только увидел толпу, — сказал его товарищ.

Герствуд смотрел вперед, разгоряченный и взволнованный. Сцена, разыгравшаяся за последние несколько минут, ошеломила его. Ему приходилось читать о подобных вещах, но действительность превзошла все, что рисовало его воображение. По натуре он не был трусом. То, что он уже испытал, породило в нем твердое намерение выдержать до конца.

Он совсем перестал думать о Нью-Йорке и о своей квартире. На этом пробеге по Бруклину, казалось, сосредоточились все его мысли.

Вагон катился теперь по торговой части Бруклина, не встречая препятствий. Публика смотрела на разбитые стекла и на вагоновожатого не в форменной одежде. Время от времени вдогонку несло «скэб» и тому подобное, но никто не делал попытки остановить вагон. Когда они прибыли к конечному пункту, один из полисменов вызвал по телефону свой участок и донес о случившемся.

— Там и сейчас еще засада, — услышал Герствуд. — Вы бы послали кого-нибудь очистить это место!

Обратный путь вагон прошел более спокойно. Правда, вслед неслись камни и брань, но прямых нападений больше не было. Герствуд облегченно вздохнул, завидев вдали трамвайный парк.



— Ну,— сказал он про себя,— на первый раз все сошло благополучно.

Вагон был введен в депо, и Герствуду дали передохнуть, но вскоре вызвали снова. На этот раз его сопровождала другая пара полисменов. Герствуд, теперь несколько более уверенный в себе, полным ходом гнал вагон по невзрачным улицам, не испытывая уже прежнего страха. Одно только доставляло ему немало страданий. Погода была скверная, все время сыпал снежок, и прямо в лицо бил порывистый ледяной ветер.

От быстрого движения вагона стужа чувствовалась еще сильнее. Одежда Герствуда вовсе не подходила для такой работы. Он дрожал от холода, топал ногами, потирал руки, но молчал. Новизна и опасность положения несколько умерили отвращение и горечь от того, что он вынужден делать такую работу, но не настолько, чтобы прогнать уныние и тоску.

«Собачья жизнь! — размышлял он. — Докатиться до такого — как это тяжело!»

Только одно поддерживало в нем решимость — память об оскорблении, которое нанесла ему Керри. Не так уж он низко пал, чтобы сносить подобные обиды! Он еще кое на что способен и может временно выдерживать даже такую работу. Потом дела поправятся. Он скопит немного денег.

Какой-то мальчишка запустил в него комом мерзлой земли, угодившим ему в плечо и причинившим довольно острую боль. Это особенно обозлило Герствуда.

— Щенок негодный! — пробормотал он.

— Он вас не поранил? — осведомился полисмен.

— Нет, пустяк!

На углу одной из улиц, где вагон на повороте замедлил ход, забастовщик-вагоновожатый крикнул Герствуду с тротуара:

— Будь мужчиной, друг, и сойди с вагона! Помни, что мы боремся только за кусок хлеба,— это все, чего мы хотим. У каждого из нас есть семья, которую нужно кормить.

Человек говорил самым мирным тоном и, по-видимому, не имел никаких враждебных намерений.

Герствуд притворился, будто не слышит его. Глядя прямо перед собой, он снова дал полный ход. Однако



в голосе забастовщика звучали нотки, которые задели его за живое.

Так прошло утро и большая часть дня. Герствуд сделал три рейса. Обед, который он съел, был весьма скуден для такой работы, и холод все сильнее пробирал его.

В конце пути он каждый раз слезал с вагона, чтобы хоть сколько-нибудь размяться и согреться, но от боли еле сдерживал стоны.

Какой-то служащий парка из жалости одолжил ему теплую шапку и меховые рукавицы, и Герствуд был бесконечно благодарен ему.

Во время второго послеобеденного рейса Герствуд был вынужден остановить вагон в пути, так как толпа бросила поперек дороги старый телеграфный столб.

— Убрать это с пути! — одновременно закричали оба полисмена, обращаясь к толпе.

— Еще чего! Ого! Убирайте сами! — неслось в ответ.

Полисмены соскочили с площадки, и Герствуд собрался было последовать за ними.

— Нет, вы лучше оставайтесь на месте! — крикнул ему полисмен. — Не то кто-нибудь угонит вагон.

Посреди гула возбужденных голосов Герствуд вдруг услышал почти над самым ухом:

— Сойди, приятель! Будь мужчиной! Нехорошо бороться против бедняков. Предоставь это богачам!

Герствуд тотчас же узнал забастовщика, окликнувшего его на перекрестке, и опять сделал вид, будто ничего не слышит.

— Сойди, дружище, — доброжелательным тоном повторил тот. — Нехорошо идти против всех. И лучше бы тебе совсем в это дело не вмешиваться!

Вагоновожатый, очевидно, отличался философским складом ума: его голос звучал убедительно.

Откуда-то на помощь первым двум появился третий полисмен и побежал к телефону вызывать подкрепление.

Герствуд озирался вокруг, исполненный решимости, но вместе с тем и страха.

Кто-то схватил его за рукав и попытался силой стащить с площадки вагона.



— Сходи отсюда! — услышал Герствуд и в то же мгновение чуть не полетел кувыркком через решетку.

— Пусти! — в бешенстве крикнул он.

— Я тебе покажу, скзб проклятый! — ответил какой-то молодой ирландец, вскакивая на площадку.

Он нацелился кулаком Герствуду в челюсть, но тот наклонился, и удар пришелся в плечо.

— Пошел вон! — крикнул полисмен, спеша на помощь Герствуду и уснащая свою речь бранью.

Герствуд уже успел прийти в себя, но был бледен и дрожал всем телом. Дело принимало серьезный оборот. Люди смотрели на него полными ненависти глазами и издевались над ним. Какая-то девчонка строила ему гримасы. Решимость его начала убывать, но в это время подкатил полицейский фургон, и из него выскочил отряд полисменов. Путь был живо расчищен, и вагон мог двигаться дальше.

— Ну, теперь живо! — крикнул один из полицейских, и вагон снова помчался вперед.

Финал был на обратном пути, когда на расстоянии двух или трех километров от парка им повстречалась многочисленная и воинственно настроенная толпа. Район этот казался на редкость бедным. Герствуд хотел было прибавить ходу и быстро промчатся дальше, но путь снова оказался загороженным. Уже за несколько кварталов Герствуд увидел, что люди тащат что-то к трамвайным рельсам.

— Опять они тут! — воскликнул один из полисменов.

— На этот раз я им покажу! — отозвался второй, начиная терять терпение.

Когда вагон подъехал ближе к тому месту, где волновалась толпа, у Герствуда подступил ком к горлу. Как и раньше, послышались насмешливые окрики, свистки, и сразу посыпался град камней. Несколько стекол было разбито, и Герствуд еле успел наклониться, чтобы избежать удара в голову.

Оба полицейских бросились на толпу, а толпа, в свою очередь, кинулась к вагону. Среди нападавших была молодая женщина, совсем еще девочка с виду, с толстой палкой в руках. Она была страшно разъярена и в бешенстве замахнулась на Герствуда, но тот



увернулся от удара. Несколько человек, ободренных ее примером, вскочили на площадку и стащили оттуда Герствуда. Не успел он и слова произнести, как очутился на земле.

— Оставьте меня в покое! — только успел он крикнуть, падая на бок.

— Ах ты, паршивец! — заорал кто-то.

Удары и пинки посыпались на Герствуда. Ему казалось, что он сейчас задохнется. Потом двое мужчин его куда-то потащили, а он стал обороняться, стараясь вырваться.

— Да перестаньте! — раздался голос полисмена. — Никто вас не трогает! Вставайте!

Герствуд пришел в себя и узнал полицейских. Он чуть не падал от изнеможения. По подбородку его струилось что-то липкое. Герствуд прикоснулся рукой: пальцы окрасились красным.

— Меня ранили, — растерянно произнес он, доставая носовой платок.

— Ничего, ничего! — успокоил его один из полисменов. — Пустячная царапина!

Мысли Герствуда прояснились, и он стал озиаться по сторонам. Он находился в какой-то лавочке. Полисмены на минуту оставили его одного. Стоя у окна и вытирая подбородок, он видел свой вагон и возбужденную толпу. Вскоре подъехал один полицейский фургон, а за ним второй. В эту минуту подоспела также и карета «Скорой помощи». Полиция энергично наседа-ла на толпу и арестовывала нападавших.

— Ну, выходите, если хотите попасть в свой вагон! — сказал один из полисменов, открывая дверь лавчонки и заглядывая внутрь.

Герствуд неуверенно вышел. Ему было холодно, и к тому же он был очень напуган.

— Где кондуктор? — спросил он.

— А черт его знает, — ответил полисмен. — Здесь его, во всяком случае, нет, — добавил он.

Герствуд направился к вагону и, сильно нервничая, стал подниматься на площадку.

В этот миг прогремел выстрел, и что-то обожгло Герствуду правое плечо.

— Кто стрелял? — услышал он голос полисмена. — Кто стрелял, черт возьми?!



Оставив Герствуда, оба полисмена кинулись к одному из ближайших домов; Герствуд помедлил и сошел на землю.

— Нет, это уж слишком! — пробормотал он. — Ну их к черту!

В сильном волнении он дошагал до угла и юркнул в ближайший переулок.

— Уф! — произнес он, глубоко переводя дух.

Не успел он пройти и полквартилы, как увидел какую-то девчонку, которая пристально разглядывала его.

— Убирайтесь-ка вы поскорее отсюда! — посоветовала она.

Герствуд побрел домой среди слепящей глаза метели и к сумеркам добрался до переправы. Пассажиры на пароходике с нескрываемым любопытством смотрели на него. В голове у Герствуда был такой сумбур, что он еле отдавал себе отчет в своих мыслях. Волшебное зрелище мелькавших среди белого вихря речных огней пропало для него. Едва пароходик причалил, Герствуд снова побрел вперед и наконец добрался до дому.

Герствуд вошел. В квартире было натоплено, но Керри не оказалось дома. На столе лежало несколько вечерних газет, видимо, оставленных ею. Герствуд зажег газ и уселся в качалку. Немного спустя он встал, разделся и осмотрел плечо. Ничтожная царапина — ничего более. Он, все еще в мрачном раздумье, вымыл руки и лицо, на котором запеклась кровь, и пригладил волосы. В шкафчике он нашел кое-что из съестного и, утолив голод, снова сел в свою уютную качалку. Какое приятное чувство он испытал при этом!

Герствуд сидел, задумчиво поглаживая подбородок, забыв в эту минуту даже про газеты.

— Н-да! — произнес он через некоторое время, успев несколько прийти в себя. — Ну и жаркое же там заварилось дело!

Слегка повернув голову, он заметил газеты и с легким вздохом взялся за «Уорлд».

«Забастовка в Бруклине разрастается», — гласил один из заголовков. — «Кровопролитные столкновения во всех концах Бруклина!»

Герствуд устроился в качалке поудобнее и погрузился в чтение. Он долго и с захватывающим интересом изучал описание забастовки.



ГЛАВА XLII  
ВЕЯНИЕ ВЕСНЫ.  
ПУСТАЯ РАКОВИНА

Всякий, кто считает бруклинские приключения Герствуда ошибкой, тем не менее должен признать, что безуспешность его усилий не могла не повлиять на него отрицательно. Керри, конечно, не могла этого знать. Герствуд почти ничего не рассказал ей о том, что произошло в Бруклине, и она решила, что он отступил перед первым грубым словом, бросил все из-за пустяков. Просто он не хочет работать!

Она выступала теперь в группе восточных красавиц, которых во втором акте оперетты визирь проводит парадом перед султаном, производящим смотр своему гарему. Говорить им ничего не приходилось, но как-то раз (в тот самый вечер, когда Герствуд ночевал в трамвайном парке) первый комик, будучи в игривом настроении, взглянул на ближайшую девушку и произнес густым басом, вызвавшим легкий смех в зрительном зале:

— Кто ты такая?

Совершенно случайно это была именно Керри, делавшая в это время низкий реверанс. На ее месте могла оказаться любая другая девушка. Первый комик не ожидал никакого ответа, но Керри набралась смелости и, присев еще ниже, ответила:

— Ваша покорная слуга!

В ее реплике не было ничего особенного, но что-то в ее манере понравилось публике — уж очень смешон был свирепый султан, возвышавшийся над скромной рабыней.

Первый комик остался доволен ответом, тем более что от него не укрылся смех в зале.

— А я думал, ты просто Смит, — изрек комик, желая продлить шутку.

Керри, однако, испугалась своего поступка.

Все в труппе были предупреждены, что всякая отсечка в словах или жестах может повлечь за собою штраф, а порой даже увольнение. Но когда перед началом следующего акта Керри стояла за кулисами, известный комик, проходя мимо, узнал ее в лицо, остановился и сказал:



— Можете и впредь отвечать так же. Но больше ничего не прибавляйте!

— Благодарю вас,— робко ответила Керри.

Когда комик ушел, она вся дрожала от волнения.

— Ну, и повезло же тебе,— заметила одна из ее подруг.— У нас у всех немые роли.

Против этого ничего нельзя было возразить. Каждому ясно было, что Керри сделала первый шаг к успеху.

На следующий день за эту же реплику ее опять наградили аплодисментами, и она отправилась домой, ликуя и твердя себе, что эта маленькая удача должна принести какие-нибудь плоды. Но едва она увидела Герствуда, вся ее радость улетучилась, все приятные мысли испарились, и их место заняло желание положить конец этой невозможной жизни.

Утром она спросила его, чем окончилась его затея.

— Там теперь не решаются пускать вагоны иначе, как под управлением полисменов,— ответил ей Герствуд.— Сказали, что до будущей недели им никто не понадобится.

Наступила новая неделя, но Керри не видела никакой перемены в планах Герствуда. Им по-прежнему владела крайняя апатия. С невозмутимым равнодушием глядел он каждое утро, как Керри отправляется на репетицию, а вечером — на представление, и только читал и читал. Несколько раз он ловил себя на том, что смотрит на какую-нибудь заметку, а мысли его витают где-то далеко. Впервые он заметил это, когда ему попало описание какого-то веселого вечера в одном из чикагских клубов, к которому он в свое время принадлежал. Герствуд сидел, опустив глаза, и в ушах его раздавались давно забытые голоса и звон бокалов.

— Да вы просто молодчина, Герствуд! — услышал он слова своего друга Уокера.

Воображение перенесло его в кружок ближайших друзей. Вот он стоит, отлично одетый, и с улыбкой выслушивает возгласы одобрения, которыми его награждают за хорошо рассказанный анекдот...

Вдруг Герствуд поднял глаза. В комнате было так тихо, что ясно слышалось тиканье часов. Герствуд подумал, что, по всей вероятности, задремал. Но он все еще держал газету прямо перед собой и понял, что это ему не приснилось. «Как странно!» — подумал он.



Когда это повторилось еще раз, он уже не удивился.

Иногда к нему являлись с требованием об уплате по счету мясники, зеленщики, угольщики, булочники, постоянно менявшиеся, так как ради получения кредита Герствуд то и дело переходил из одного магазина в другой. Он любезно принимал кредиторов, всячески изворачивался, но в конце концов просто перестал открывать двери, делая вид, что в квартире никого нет. Или же выпроваживал «гостей» самым бесцеремонным образом.

«Из пустого кармана ничего не выжмешь,— размышлял он.— Будь у меня деньги, я бы уплатил им».

Маленький солдат рампы Лола Осборн, видя успех Керри на сцене, сделалась как бы спутником будущего светила. Она понимала, что сама никогда ничего не добьется, и поэтому инстинктивно, точно котенок, уцепилась за Керри бархатными лапками.

— О, ты пойдешь в гору!— не переставала она твердить, с восхищением глядя на подругу.— Ты такая способная!

Несмотря на свою робость, Керри действительно обладала большими способностями. Если другие верили в нее, она чувствовала, что должна, а раз должна, то она дерзала. Накопленный жизненный опыт и нужда оказали ей огромную услугу. Нежные слова мужчин перестали кружить ей голову. Она теперь знала, что мужчины могут изменяться и не оправдывать ее ожиданий. Лесть потеряла над нею всякую силу. Только умственное превосходство, превосходство благожелательного человека могло бы еще тронуть ее душу, но для этого нужен был такой человек, как Эмс.

— Терпеть не могу актеров нашей труппы,— сказала она однажды Лоле.— Они все так влюблены в себя!

— А ты не находишь, что мистер Баркли очень мил?— возразила Лола, которой тот накануне снисходительно улыбнулся.

— О да, он, конечно, мил,— согласилась Керри,— но он человек неискренний. Все у него напускное.

Вскоре Лоле представился случай убедиться в том, что и Керри порядком привязалась к ней.

— Ты платишь за квартиру там, где ты живешь?— как-то спросила Лола.

— Конечно, плачу,— ответила Керри.— Почему ты меня об этом спрашиваешь?



— Потому что знаю одно место, где можно дешево получить прелестную комнату с ванной. Для меня одной она слишком велика, а вот на двоих была бы как раз. И платить придется всего шесть долларов в неделю.

— Где это? — спросила Керри.

— На Семнадцатой улице.

— Я, право, не знаю, стоит ли менять, — ответила Керри, прикидывая в то же время, что это выходило бы всего по три доллара на каждую.

Подумала она и о том, что если бы ей не приходилось содержать никого, кроме самой себя, у нее оставалось бы целых семнадцать долларов в неделю.

Впрочем, за этим разговором пока ничего не последовало, и все оставалось по-прежнему до того дня, когда на долю Керри выпал первый маленький успех с придуманной ею репликой. Это совпало с бруклинскими злоключениями Герствуда. Керри стала подумывать о том, что ей необходима свобода. Она хотела уйти от Герствуда и заставить его самого заботиться о себе.

Но он вел себя подчас так странно, что Керри опасалась, как бы он не воспрепятствовал ее уходу. Чего доброго, он начнет преследовать ее и разыскивать в театре! Правда, она не верила, что он способен на это, но все-таки как знать?.. Подобная возможность была для нее крайне неприятна, и эта мысль, естественно, сильно беспокоила ее.

Развязка ускорила благодаря тому, что Керри получила от дирекции предложение занять скромное место одной актрисы, заявившей о своем уходе из труппы.

— Сколько же ты будешь получать? — был первый вопрос Лолы Осборн, услышавшей об этой удаче.

— Я и не спросила, — призналась Керри.

— А ты непременно узнай. Боже! Пойми, что ты никогда ничего не добьешься, если не будешь требовать. Проси не меньше сорока долларов в неделю.

— О, что ты! — воскликнула Керри.

— Ну, конечно! — стояла на своем Лола. — Во всяком случае, попытайся.

Керри сдалась на уговоры, но выждала некоторое время, и только когда режиссер сказал ей, в каком туалете она должна будет выступать, она набралась духу и спросила:



— А сколько я буду теперь получать?

— Тридцать пять долларов,— ответил тот.

Керри была так ошеломлена этим и пришла в такой восторг, что и не подумала просить больше. Она была вне себя от радости и чуть не задушила Лолу, которая, выслушав эту новость, кинулась ей на шею.

— Но все-таки это еще далеко не то, что ты должна была бы получать,— сказала Лола.— Не забывай, что тебе самой придется заказывать туалеты для ролей.

Услышав это, Керри вздрогнула.

Где же взять на это денег? У нее ничего не было отложено. И скоро предстояло платить за квартиру.

«Не стану платить, вот и все! — решила она, вспомнив о своих нуждах.— Мне эта квартира и не нужна вовсе. Не буду отдавать своих денег. Перееду — и конечно!»

И как раз в это время Лола еще настойчивее стала наседать на подругу.

— Давай поселимся вместе, Керри!— умоляла она.— У нас будет чудесная комнатка, а стоять будет сущие пустяки.

— Мне это улыбается,— откровенно призналась Керри.

— Так за чем же дело стало? — воскликнула Лола.— Нам будет так весело вместе, вот увидишь!

Керри задумалась.

— Пожалуй, я перееду,— сказала она.— Только не сейчас. Я еще должна подумать.

Мысль о свободе не оставляла ее. К тому же приближался срок уплаты за квартиру, а в самом ближайшем времени необходимо будет заказывать новые платья.

Чтобы оправдать себя в собственных глазах, Керри достаточно было вспомнить о бесконечной лени Герствуда. С каждым днем он становился все молчаливее, с каждым днем все больше опускался.

А Герствуд по мере приближения срока уплаты за квартиру тоже стал задумываться над тем, что комнаты стоят слишком дорого. Слишком уж его донимали кредиторы, то и дело являвшиеся за деньгами. Двадцать восемь долларов — большие деньги!

«Керри тяжело столько платить,— рассуждал он.— Мы могли бы найти что-нибудь подешевле».



Поглощенный этой мыслью, он сказал Керри за завтраком:

— Ты не находишь, что эта квартира слишком дорога для нас?

— Конечно, нахожу,— ответила Керри, не догадываясь, однако, к чему он клонит.

— Мне кажется, что нам хватило бы квартиры и поменьше,— продолжал Герствуд.— Нам не нужно столько комнат.

Если бы Герствуд посмотрел на нее внимательнее, он по выражению ее лица понял бы одно: она была очень встревожена тем, что он явно намерен оставаться с нею. И, предлагая ей еще более нищенскую жизнь, он, по-видимому, не видел в этом ничего недостойного.

— Право, не знаю,— сказала она, сразу насторожившись.

— Наверное, есть дома, где сдаются квартиры в две комнаты, этого для нас было бы вполне достаточно.

Керри инстинктивно возмутилась.

«Ни за что! — решила она. — Откуда взять денег на переезд? И подумать только: вечно жить с ним в двух комнатах! Нет, пока не случилось что-нибудь ужасное, лучше поскорее истратить все деньги на платья!»

В тот же день Керри так и сделала. А после этого оставался один только путь.

— Лола,— сказала она подруге, зайдя к ней,— я согласна переехать.

— Вот славно! — воскликнула та.

— Можно ли сделать это сейчас же? — спросила Керри, имея в виду комнату, о которой говорила ей девушка.

— Разумеется! — заверила ее Лола.

Они тотчас отправились осматривать комнату. У Керри оставалось еще десять долларов, и этого могло хватить на стол и квартиру в течение недели. Она выступит в новой роли через десять дней, а жалованье с прибавкой ей заплатят через неделю после этого. Керри внесла половину за свое новое жилище.

— У меня осталось ровно столько, чтобы протянуть до конца недели,— призналась она подруге.

— О, у меня есть деньги! — тотчас же вызвалась помочь ей Лола.— Займи у меня двадцать пять долларов.



— Благодарю, не надо,— сказала Керри.— Я думаю, что сумею как-нибудь обернуться.

Они решили переехать в пятницу, до которой оставалось всего два дня.

Теперь, когда вопрос был решен, Керри вдруг пала духом. Она чувствовала себя чуть ли не преступницей. Каждый день, наблюдая за Герствудом, она убеждалась, что, несмотря на всю свою непривлекательность, он все же достоин жалости.

Приглядываясь к нему вечером того дня, когда она приняла решение переехать, Керри подумала, что он не столько бесхарактерный и бездеятельный по натуре, сколько затравленный и обиженный судьбою человек. Его взгляд утратил былую остроту, лицо носило явные признаки надвигающейся старости, руки стали дряблыми, в волосах пробивалась седина. Не подозревая нависшей над ним беды, он раскачивался в качалке, читал газету и не замечал, что за ним наблюдают.

Зная, что конец близок, Керри стала более внимательна к нему.

— Ты бы сходил, Джордж, за банкой персикового компота,— предложила она, кладя на стол бумажку в два доллара.

— Хорошо,— отозвался Герствуд и при этом с удивлением посмотрел на деньги.

— И, может быть, ты найдешь хорошую спаржу,— добавила Керри.— Я приготовила бы ее к обеду.

Герствуд встал, взял деньги и пошел одеваться. И снова Керри заметила, как обтрепались его вещи. Она и раньше не раз обращала внимание на его ветхую одежду, но теперь почему-то внешность Герствуда особенно бросилась ей в глаза. Может быть, он и в самом деле ничего не может сделать? Ведь в Чикаго он преуспевал. Какой он бывал оживленный и подтянутый, когда приходил на свидание в парк! Один ли он во всем виноват?

Герствуд вернулся и положил на стол покупки и сдачу.

— Оставь эту мелочь себе,— заметила Керри.— Нам, вероятно, понадобится еще что-нибудь.

— Нет,— с своеобразной гордостью ответил Герствуд.— Держи уж ты деньги у себя.



— Ну, полно, Джордж! — настаивала Керри, сильно волнуясь. — Ведь, наверное, что-то придется еще покупать.

Герствуд был несколько удивлен этим, но он и не догадывался, конечно, каким жалким казался он в эту минуту Керри. Ей стоило огромных усилий сдерживать дрожь в голосе.

Надо заметить, что точно так же Керри отнеслась бы и ко всякому другому человеку. Вспоминая последние минуты жизни с Друэ, она всегда упрекала себя в том, что плохо обошлась с ним. Она надеялась, что никогда больше не встретится с молодым коммивояжером, но ей было стыдно за себя. Правда, ушла она от него не по своей воле. Когда Герствуд приехал к ней ночью и сообщил, что с Друэ случилось несчастье, сердце ее разрывалось от жалости, и она немедленно помчалась к нему, чтобы хоть чем-то помочь. Где-то во всем этом была жестокость, но, не умея мысленно проследить, где она кроется, Керри остановилась на мысли, что Друэ никогда не узнает, какую роль сыграл тут Герствуд, и ее поступок объяснит лишь черствостью — поэтому ей было стыдно перед ним. Конечно, она его не любила, но ей было неприятно, что человек, в свое время хорошо к ней относившийся, чувствует себя обиженным ею.

Она не отдавала себе отчета в том, что делает, поддаваясь подобным чувствам. А Герствуд, заметив мягкость Керри, подумал:

«А все же она очень добрая по натуре».

Когда Керри в тот же день пришла к Лоле, та, напеваая, уже укладывала вещи.

— Почему ты не переедешь сегодня же, Керри, вместе со мной? — спросила она.

— Не могу, — ответила Керри. — Я перееду в пятницу. Скажи, Лола, ты не могла бы одолжить мне те двадцать пять долларов?

— Конечно, — ответила Лола, доставая свою сумочку.

— Мне нужно еще кое-что купить, — сказала Керри.

— О, бери, пожалуйста! — воскликнула девушка, обрадовавшись возможности услужить Керри.

Герствуд уже несколько дней выходил из дому только за продуктами да за газетами. Наконец ему надоело сидеть взаперти, но холодная, сырая погода продолжала



удерживать его дома. В пятницу выдался чудесный день, предвещавший весну и напоминавший людям о том, что земля не навеки лишилась тепла и красоты. С голубого неба, где сияло золотое светило, лились на землю хрустальные потоки теплого света. Воробьи мирно и весело чирикали на мостовой. А когда Керри открыла окно, с улицы ворвался южный ветерок.

— Как сегодня хорошо! — заметила она.

— Правда? — отозвался Герствуд.

После завтрака он немедленно надел свой лучший костюм и направился к двери.

— Ты вернешься к ленчу? — спросила Керри, скрывая волнение.

— Нет, — ответил Герствуд.

Очутившись на улице, он направился по Седьмой авеню к северу, собираясь дойти до реки Харлем.

Герствуд помнил, что когда-то, направляясь для переговоров в контору пивоваренного завода, он видел на реке несколько судов. Ему интересно было посмотреть, какие изменения произошли в этом районе.

Миновав Пятьдесят девятую улицу, Герствуд по краю Сентрал-парка дошел до Семьдесят восьмой улицы. Места стали попадаться знакомые, и Герствуд, свернув в сторону, принялся разглядывать многочисленные новые дома, которые за последнее время выросли здесь. Все кругом заметно изменилось к лучшему. Огромные пустыри быстро застраивались. Вернувшись к парку, Герствуд вдоль него прошел до Сто десятой улицы, потом снова свернул на Седьмую авеню и к часу добрался до красивой реки. Она серебристой лентой змеилась перед ним среди мягких песчаных пригорков справа и высоких лесистых холмов слева. Весенний воздух пробудил в Герствуде приятное чувство, и несколько минут он стоял, заложив руки за спину и любуясь панорамой. Потом повернул и пошел по набережной, разглядывая суда. В четыре часа, когда уже стали близиться сумерки и в воздухе потянуло свежестью, Герствуд решил идти домой. Он проголодался и с удовольствием думал об обеде и о теплой комнате.

Когда в половине шестого он добрался до своей квартиры, было уже темно. Герствуд знал, что Керри нет дома: за шторами не было видно света, газеты торчали в дверях, куда их засунул газетчик. Герствуд



отпер дверь своим ключом, зажег газ и сел, решив немного отдохнуть. «Впрочем,— подумал он,— если Керри и придет сейчас, обед все равно запоздает». Он читал до шести, потом встал, чтобы приготовить себе что-нибудь поесть.

И только тогда Герствуд заметил, что у комнаты какой-то непривычный вид. В чем же дело? Он огляделся вокруг, словно ему чего-то не доставало, и вдруг увидел конверт, белевший близ того места, где он всегда сидел. Этого было вполне достаточно,— все стало ясно, и никаких пояснений не требовалось.

Герствуд протянул руку и взял письмо. Дрожь прошла по всему его телу. Треск разрываемого конверта показался ему слишком громким. В записку была вложена зеленая ассигнация. Герствуд читал, машинально комкая зеленую бумажку в руке.

«Милый Джордж, я ухожу и больше не вернусь. Мы не можем иметь такую квартиру: это мне не по средствам. Я помогла бы тебе, конечно, если б была в состоянии, но я не могу работать за двоих да еще платить за квартиру. То небольшое, что я зарабатываю, мне нужно для себя. Оставляю тебе двадцать долларов — все, что у меня есть. С мебелью можешь поступать, как тебе угодно. Мне она не нужна. Керри».

Герствуд выронил записку и спокойно оглядел комнату. Теперь он знал, чего ему не доставало,— маленьких настольных часов на камине, принадлежавших Керри. Он переходил из комнаты в комнату, зажигая свет. С шифоньерки исчезли все безделушки. Со столов были сняты кружевные салфетки. Он открыл платяной шкаф — там ничего не осталось из вещей Керри. Он выдвинул ящики комода — белья Керри там не было. Исчез и ее сундук. Его собственная одежда висела там же, где всегда. Все остальное тоже было на месте.

Герствуд вернулся в гостиную и долго стоял, глядя в пол. Тишина давила его. Маленькая квартирка стала вдруг до ужаса пустынной. Он совсем забыл, что ему хотелось есть, что сейчас время обеда. Казалось, уже наступила поздняя ночь.

Внезапно Герствуд вспомнил, что все еще держит в руке деньги. Двадцать долларов, как писала Керри. Он вышел из комнаты, не погасив света, с каждым шагом все острее ощущая пустоту квартиры.



— Надо выехать отсюда! — вполголоса произнес он. И вдруг сознание полного одиночества обрушилось на него.

— Бросила меня! — пробормотал он. И опять повторил: — Бросила!

Уютная квартира, где он провел в тепле столько дней, стала теперь воспоминанием. Его обступило что-то жестокое и холодное. Он тяжело опустился в качалку, подпер рукой подбородок и так сидел без всяких мыслей, отдавшись одним только ощущениям.

Потом его захлестнула волна жалости к себе и боль утраченной любви.

— Не нужно ей было уходить! — произнес он. — Я еще нашел бы какую-нибудь работу.

Он долго сидел неподвижно и наконец заметил вслух, словно обращаясь к кому-то:

— Разве я не пытался?

Наступила полночь, а Герствуд все еще сидел в качалке, раскачиваясь и уставясь в пол.

## ГЛАВА XLIII

### МИР НАЧИНАЕТ ЛЬСТИТЬ. ВЗОР ИЗ МРАКА

Обосновавшись в своей уютной комнате, Керри думала о том, как отнесся Герствуд к ее бегству. Она быстро разобрала вещи, а затем отправилась в театр, почти уверенная, что столкнется с ним у входа. Но Герствуда там не было, ее страх исчез, и она прониклась более теплым чувством к нему. Потом, до окончания спектакля, она совсем забыла о нем и, только выходя из театра, снова с опаской подумала, что Герствуд, возможно, поджидает ее. Но день проходил за днем, а он не давал даже знать о себе, и Керри перестала опасаться, что Герствуд станет ее беспокоить. Немного погодя она, если не считать случайных мыслей, совсем освободилась от гнетущего уныния, которое омрачало ее жизнь в прежней квартирке.

Удивительно, как быстро профессия засасывает человека. Слушая болтовню Лолы, Керри многое узнала о закулисной жизни. Она уже знала, какие газеты пи-



шут о театрах, какие из них уделяют особое внимание актрисам, и тому подобное. Она внимательно читала все, что находила в газетах не только о труппе, в которой играла крошечную роль, но и о других театрах. Постепенно жажда известности овладела ею. Она хотела, чтобы о ней писали, как о других, и с жадностью изучала хвалебные и критические статьи о разных знаменитостях сцены. Мишурный мир, в котором она очутилась, целиком завладел ею.

В то время газеты и журналы впервые начали проявлять интерес к фотографиям красивых актрис, интерес, который потом стал таким пылким. Газеты, в особенности воскресные, отводили театру большие страницы, где можно было полюбоваться лицами и телосложением театральных знаменитостей. Журналы (по крайней мере два или три из наиболее новых) тоже время от времени помещали не только портреты хороших «звезд», но и снимки отдельных сцен из нашумевших постановок. Керри с возрастающим интересом следила за этим. Появится ли когда-нибудь сцена из оперетты, в которой она играет? Найдет ли какая-нибудь газета ее фотографию достойной напечатания?

В воскресенье, перед своим выступлением в новой роли, Керри просматривала в газете театральный отдел. Она не ожидала найти ничего о себе лично, но в самом конце, среди более важных сообщений, вдруг увидела нечто такое, от чего искорки побежали по всему ее телу.

«Роль Катиш в оперетте «Жены Абдуллы», которую раньше играла Инеса Кэрю, теперь будет исполнять Керри Маденда, одна из самых способных артисток кордебалета».

Керри пришла в неописуемый восторг. О, как чудесно! Наконец-то! Первая долгожданная восхитительная заметка в прессе. Ее называют способной! Она сделала над собою усилие, чтобы не рассмеяться от радости. Интересно знать, видела ли это Лола?

— Тут есть заметка о роли, которую я завтра буду исполнять, — сообщила она подруге.

— Неужели? Вот славно! — воскликнула Лола, подбегая к ней. — Если ты будешь хорошо играть, — добавила она, прочитав заметку, — тебе отведут в следующий раз еще больше места в газетах. Мой портрет был однажды в «Уорлде».



— Ну? — удивилась Керри.

— Еще бы! — гордо ответила маленькая Лола. — Даже рамкой был обведен.

Керри рассмеялась.

— А вот моего портрета еще ни разу не помещали, — сказала она.

— Ничего, поместят! — обнадежила ее Лола. — Вот увидишь! Ты играешь лучше многих других, чьи портреты постоянно печатают.

Керри была глубоко благодарна ей за эти слова. Она готова была расцеловать Лолу за ее сочувствие и похвалу. Она так нуждалась в этом, моральная поддержка была необходима ей сейчас, как хлеб насущный!

Керри хорошо сыграла, и в газете опять появилось несколько строк о том, что она вполне справилась с ролью. Это доставило ей огромное удовольствие. Она стала думать, что ее уже заметили.

Когда Керри получила свои первые тридцать пять долларов, они показались ей огромной суммой. Три доллара, которые она платила за комнату, были сущим пустяком. Она вернула Лоле двадцать пять долларов, и все же у нее осталось семь. Всего с остатком от прежнего заработка оказалось одиннадцать долларов. Из них она внесла пять в счет заказанных платьев. Теперь ей предстояло платить еженедельно только три доллара за комнату и пять в счет туалетов, остальное она могла тратить на еду, развлечения и на все прочее.

— Я советовала бы тебе отложить кое-что на лето, — сказала ей Лола. — В мае мы, вероятно, закроемся.

— Я так и сделаю, — отозвалась Керри.

Регулярный доход в тридцать пять долларов для человека, который несколько лет еле сводил концы с концами, — это большие деньги. Кошелек Керри разбухал от зеленых ассигнаций. Не имея никого, о ком она должна была бы заботиться, она начала покупать себе наряды и безделушки, хорошо питалась, всячески украшала свою комнату. Вскоре, разумеется, появились и друзья. Она познакомилась с некоторыми молодыми людьми, принадлежавшими к свите Лолы, а для знакомства с актерами их труппы не требовалось ни времени, ни официального представления. Один из них увлекся Керри и несколько раз провожал ее домой.



— Зайдем куда-нибудь поужинать! — предложил он ей как-то после театра.

— Хорошо, — согласилась Керри.

В розоватом свете ресторана, переполненного любителями полуночного веселья, Керри внимательно приставила к своему спутнику. Весь он был как-то ходулен и преисполнен самомнения. Его беседа не поднималась над уровнем банальных тем: он мог говорить только о нарядах и материальном преуспевании.

Когда они вышли, он сладенько улыбнулся:

— Вы, что же, пойдете прямо домой?

— Да, — ответила Керри таким тоном, как будто это подразумевалось само собой.

«Очевидно, она далеко не так наивна, как кажется!» — подумал актер, проникаясь к ней еще большим уважением и восхищением.

Вполне естественно, что Керри, так же как и Лола, не прочь была весело проводить время. Иногда они днем ездили кататься по парку, после театра ужинали компанией в ресторане, а перед началом спектакля гуляли по Бродвею, щеголяя туалетами. Керри была вовлечена в водоворот столичных развлечений.

Наконец в одном из еженедельников появился ее портрет. Для Керри это было неожиданностью, и у нее дух захватило, когда она увидела подпись: «Мисс Керри Маденда, одна из любимых публики в оперетте «Жены Абдуллы». Следуя совету Лолы, Керри снялась у знаменитого Сарони, и репортер раздобыл один из этих ее портретов.

У Керри блеснула мысль приобрести несколько номеров журнала, но она тотчас же вспомнила, что, в сущности, ей некому послать их. Во всем мире никого, кроме Лолы, не интересовал ее успех.

В смысле человеческого общения столица — место холодное и неприветливое. Керри вскоре поняла, что ее небольшие деньги не принесли ей ничего. Мир богатых и знаменитых был недоступен для нее, как и прежде. Керри убедилась, что люди ищут в ее обществе только легкого веселья, не питая к ней, в сущности, никаких дружеских чувств. Все искали удовольствий для себя, нисколько не думая о возможности грустных последствий для других. С нее хватит Герствуда и Друэ.



В апреле Керри узнала, что ее труппа заканчивает сезон в середине или в конце мая, в зависимости от сборов. На лето были намечены гастроли, и Керри думала о том, будет ли она приглашена. Что же касается Лола Осборн, то с ее скромным жалованьем она легко могла найти ангажемент в самом Нью-Йорке.

— Я слышала, что в «Казино» собираются летом что-то ставить,— сказала она.— Сходим туда, попытаем счастья!

— Охотно,— ответила Керри.

Они отправились в «Казино», и им предложили зайти еще раз шестнадцатого мая. Между тем их собственный театр закрывался пятого.

— Кто хочет ехать с труппой на гастроли, должен на этой неделе подписать договор,— заявил директор.

— Ни в коем случае не подписывай! — уговаривала Лола Осборн.— Я не поеду.

— А если я не получу ничего другого, что же тогда? — с сомнением спросила Керри.

— Что бы там ни было, я не поеду! — стояла на своем маленькая Лола, которая в случае нужды всегда могла перехватить денег у своих поклонников.— Я однажды поехала в турне, и к концу у меня не осталось ни гроша.

Керри задумалась над ее словами. Она еще никогда не ездила в гастрольное турне.

— Как-нибудь проживем лето,— добавила Лола.— Мне, например, до сих пор всегда удавалось продержаться.

Керри не подписала договора.

Директор «Казино» никогда не слышал про Керри, но газетные заметки, которые она ему представила, произвели на него некоторое впечатление, чему еще больше способствовали портрет в журнале и ее имя на афишах. Он дал ей немую роль с жалованьем в тридцать долларов в неделю.

— Ну, что я тебе говорила? — торжествовала Лола.— Нельзя уезжать из Нью-Йорка! Как только уедешь, про тебя тотчас забудут!

Керри была хорошенькой, поэтому человек, подбиравший иллюстрации для театральной страницы воскресных газет, выбрал в числе других и ее фотографию. А так как она была очень хорошенькой, то ее фотогра-



фии уделили большое место на странице и даже написали о ней несколько строк. Керри была в восторге.

И все же заправила театра ничего этого как будто не видели, ибо обращали внимания на Керри не больше, чем раньше. Роль у нее была очень маленькая. В качестве безмолвной жены квакера Керри должна была просто присутствовать в нескольких сценах. Автор комедии знал, что хорошая актриса может многое сделать с такой ролью, но, увидев, что ее предоставили какой-то начинающей, заявил, что с таким же успехом мог бы совсем вычеркнуть эту роль.

— Бросьте ворчать, старина! — сказал ему режиссер. — Если в первую неделю из этого ничего не выйдет, мы выкинем роль — и делу конец!

Керри понятия не имела об этих тайных намерениях. Она угрюмо изучала свою немую роль, чувствуя, что ее снова оттесняют на самые задворки. На генеральной репетиции вид у нее был самый несчастный.

— А знаете, не так уж плохо! — заметил автор пьесы, когда режиссер обратил его внимание на то, какое забавное впечатление производит угрюмость Керри. — Велите ей хмуриться еще больше, пока Спаркс пляшет.

Керри сама не создавала, что между бровей у нее залегла морщинка, а губы капризно надулись.

— Нахмурьтесь немного, мисс Маденда! — сказал режиссер, приближаясь к ней.

Керри приняла это за упрек и весело улыбнулась.

— Нет, нахмурьте брови. — повторил режиссер. — Нахмурьте, как вы это делали только что!

Керри смотрела на него в немом изумлении.

— Я говорю вполне серьезно, — заверил ее режиссер. — Хмурьтесь! Постарайтесь придать себе самый сердитый вид, пока Спаркс танцует. Я хочу посмотреть, какое это произведет впечатление!

Это не составляло никакой трудности. Керри насупила брови, насколько могла. И это вышло до того смешно, что даже режиссер развеселился.

— Очень хорошо! Если она все время будет держать себя так, зрителям это понравится.

И, приблизившись к Керри, он добавил:

— Старайтесь хмуриться в продолжение всей сцены. Делайте свирепое лицо. Пусть зрителям кажется, что



вы взбешены. Ваша роль тогда получится очень смешной.

В вечер премьеры Керри казалось, что в ее роли нет ровно ничего интересного. Веселая, обливавшаяся потом публика во время первого действия, по-видимому, даже не заметила ее. Керри хмурилась, хмурилась, но это было ни к чему. Все взоры были устремлены на других актеров.

Во втором действии, когда зрителям несколько приелся скучный диалог, они стали обводить глазами сцену и заметили Керри. Она неподвижно стояла в своем сером платье, и ее миловидное личико свирепо хмурилось. Сперва все думали, что это естественное раздражение, временно овладевшее артисткой и вовсе не предназначенное сместить публику. Но так как Керри продолжала хмуриться, переводя взгляд с одного действующего лица на другое, публика стала улыбаться.

Степенные джентльмены в передних рядах решили про себя, что эта девочка — весьма лакомый кусочек. Они с удовольствием разглядели бы поцелуями ее нахмуренные брови. Сердца их устремились к ней. Она была уморительна.

Наконец первый комик, распевавший на середине сцены, услышал смешки в такие минуты, когда смеха, казалось бы, вовсе не следовало ожидать. Еще смешок и еще... Когда он кончил, вместо громких аплодисментов послышались весьма сдержанные хлопки.

Что это значит? Комик догадывался, что происходит что-то неладное.

И вдруг, уходя со сцены, он заметил Керри. Она стояла на подмостках одна и продолжала хмуриться, а публика хихикала и хохотала.

«Черт возьми! Я этого не потерплю! — решил комик. — Я не допущу, чтобы мне портили роль! Либо она прекратит этот трюк на время моей сцены, либо я ухожу!»

— Помилуйте, в чем дело? — сказал режиссер, выслушав его протест. — Ведь в этом и заключается ее роль. Не обращайтесь на нее внимания.

— Но она убивает мою роль!

— Ничего подобного, она нисколько не портит вашей роли! — старался успокоить его режиссер. — Это только, так сказать, дополнительный смех.



— Вы так думаете? — воскликнул комик. — А я вам говорю, что она испортила всю сцену! Я этого не потерплю!

— Ладно, обождите до конца спектакля. Или лучше до завтра. Посмотрим, что можно будет сделать.

Но уже следующее действие показало, что нужно сделать. Керри стала центром комедии. Чем больше зрители присматривались к ней, тем больше приходили в восторг. Все другие роли бледнели перед той забавной и дразнящей атмосферой, которую Керри создавала на сцене одним своим присутствием. И режиссеру и всей труппе было ясно, что она имеет большой успех.

Газетные критики завершили ее триумф. Во всех газетах появились пространные хвалебные рецензии о комедии, причем имя Керри повторялось на все лады. И все единогласно подчеркивали, что ее игра вызывает заразительный смех.

Один театральный критик в «Ивнинг-уорлд» писал:

«Мисс Маденда — одна из лучших характерных актрис, которых мы когда-либо видели на сцене «Казино». Ее игре свойствен спокойный, естественный юмор, который согревает, как хорошее вино. Ее роль, очевидно, не была задумана как главная, так как мисс Маденда мало времени проводит на сцене. Но публика с характерным для нее своеволием решила вопрос сама. Маленькая квакерша самой судьбой предназначена была в фаворитки публики с первой минуты своего появления у рампы. Неудивительно поэтому, что на ее долю выпали все аплодисменты. Капризы фортуны поистине курьезны...»

Критик одной из вечерних газет в поисках ходкого каламбура закончил рецензию такими словами:

«Если хотите посмеяться, взгляните, как хмурится Керри!»

Влияние всего этого на карьеру Керри было чудодейственным. Уже утром она получила поздравительную записку от режиссера.

«Вы покорили весь город! — писал он. — Я рад за Вас и за себя».

Автор комедии тоже написал ей.

Вечером, когда Керри явилась на спектакль, режиссер, ласково поздоровавшись с ней, сказал:



— Мистер Стивенс (так звали автора) готовит для вас небольшую песенку, которую вы со следующей недели будете исполнять.

— Но я не умею петь,— возразила Керри.

— Пустяки! Стивенс говорит, что песенка очень простая и будет вам вполне по силам.

— Я с удовольствием попытаюсь,— сказала Керри.

— Будьте любезны зайти ко мне в кабинет, до того как начнете переодеваться,— обратился к ней директор театра.— Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо,— сказала Керри.

Когда Керри явилась к нему, он достал какую-то бумажку и сразу начал:

— Видите ли, мы не хотим вас обижать. Ваш контракт в течение ближайших трех месяцев дает вам право только на тридцать долларов в неделю. Что вы скажете, если я предложу вам сто пятьдесят долларов в неделю при условии продления договора на год?

— О, я согласна! — ответила Керри, едва веря своим ушам.

— В таком случае подпишите.

Керри увидела перед собой контракт, такой же, как и предыдущий, с разницей только в цифре жалованья и в сроке. Ее рука дрожала от волнения, когда она водила свое имя.

— Сто пятьдесят долларов в неделю! — пробормотала она, оставшись одна.

Она поняла, что не может представить себе реальное значение этой огромной суммы,— да и какой миллионер смог бы? — и для нее это были лишь ослепительно сверкавшие цифры, в которых таился целый мир неисчерпаемых возможностей.

А Герствуд в это время сидел в третьеразрядной гостинице на улице Бликер и читал об успехах Керри. Сперва он даже не понял, о ком собственно идет речь, но внезапно сообразил и тогда снова прочел заметку от начала и до конца.

— Да, наверное, это она! — вслух произнес он.

Потом он оглядел грязный вестибюль гостиницы.

«Ну что ж, ей повезло!» — подумал он, и перед ним на миг мелькнуло видение прежнего блестящего плюшевого мира: огни, украшения, экипажи, цветы. Да, Керри проникла в обнесенный стеною город! Его роскош-



ные врата открылись и впустили ее из унылого и холодного внешнего мира. Она теперь казалась Герствуду такой же далекой, как и все те знаменитости, которых он когда-то знал.

— Ну что ж, и пусть,— произнес он.— Я не буду ее беспокоить.

Это было мрачное решение, принятое смятой, истерзанной, но все еще не сломленной гордостью.

#### ГЛАВА XLIV

### И ЭТО НЕ В СТРАНЕ ЧУДЕС. ТО, ЧЕГО НЕ КУПИТ ЗОЛОТО

Когда после разговора с директором Керри вернулась за кулисы, оказалось, что ей отведена другая уборная.

— Вот ваша комната, мисс Маденда! — сказал ей один из служителей.

Теперь ей больше не приходилось взбираться по нескольким лестницам в крохотную каморку, которую она делила с другой актрисой. Ей была предоставлена относительно просторная и комфортабельная уборная с удобствами, каких не знала «мелкая сошка». Керри с наслаждением вздохнула. Ее ощущения были сейчас чисто физическими, и разум пока почти не участвовал в них. По правде сказать, она вообще ни о чем не думала. Она отдыхала душой и телом.

Мало-помалу комплименты, которые расточались по ее адресу, дали Керри почувствовать ее новое положение в труппе. Теперь уже никто не отдавал ей приказаний, ее только «просили», и притом весьма вежливо. Остальные члены труппы с завистью поглядывали на нее, когда она выходила на сцену в своем скромном платьице, которого не меняла в продолжение всего спектакля. Все те, кто раньше смотрел на нее сверху вниз, теперь своей вкрадчивой улыбкой, казалось, хотели сказать: «Ведь мы всегда были друзьями!» Один только первый комик, роль которого несколько поблекла по милости Керри, держался холодно и неприступно. Выражаясь иносказательно, он отказывался лобызать руку, нанесшую ему удар.



Исполняя свою маленькую роль, Керри мало-помалу начала понимать, что аплодисменты предназначаются именно ей, и это несказанно радовало ее. Но почему-то у нее рождалось при этом смутное ощущение вины: она как будто чувствовала себя недостойной всех этих почестей. Когда товарищи по сцене вступали с ней в беседу, она сконфуженно улыбалась. Самоуверенность и апломб подмостков были чужды ей. Мысль держать себя высокомерно никогда не приходила ей в голову. Она всегда оставалась сама собой.

После спектакля она вместе с Лолой уезжала домой в экипаже, который предоставила ей администрация театра.

А потом настала неделя, когда она вкусила первые плоды успеха. Не беда, что она еще ни разу не держала в руках своего блестящего гонорара. Мир верил ей и так. Она стала получать письма и визитные карточки. Некий мистер Уизерс, о котором она понятия не имела и который бог весть откуда узнал ее адрес, с вежливыми поклонами вошел к ней в комнату.

— Простите, что я осмелился вторгнуться к вам. Я хотел бы спросить, не собираетесь ли вы переменить квартиру?

— Нет, я не думала об этом,— простодушно ответила Керри.

— Я, видите ли, представитель «Веллингтона» — нового отеля на Бродвее. Вы, наверное, читали о нем в газетах.

Керри действительно слыхала в последнее время о новом отеле, особенно славившемся своим великолепным рестораном.

— Так вот,— продолжал мистер Уизерс,— у нас есть сейчас несколько весьма комфортабельных номеров, на которые мы хотели бы обратить ваше внимание, если вы еще не решили, где поселиться на лето. Наш отель — совершенство во всех отношениях: горячая вода, отдельная ванна при каждом номере, образцовая прислуга, много лифтов и тому подобное. Что же касается нашего ресторана, то вы, я полагаю, слышали о нем.

Керри слушала мистера Уизерса, спокойно смотрела на него и спрашивала себя, не принимает ли ее этот человек за миллионершу?

— А какие у вас цены? — спросила она наконец.



— Вот об этом я и хотел поговорить с вами по секрету,— ответил мистер Уизерс.— Наши обычные цены — от трех до пятидесяти долларов в день.

— Господи! — вырвалось у Керри.— Я при всем желании не могла бы платить таких денег.

— Я вас прекрасно понимаю,— ответил мистер Уизерс.— Но позвольте мне объяснить вам, как обстоит дело. Я сказал, что это наши обычные цены, но, как и всякий другой отель, «Веллингтон» имеет и особые цены. Возможно, что вы не подумали об этом, но ваше имя для нас очень много значит.

— А! — вырвалось у Керри, которая начала наконец соображать, в чем дело.

— Ну конечно! Репутация каждого отеля зависит от того, кто в нем живет. Известная актриса,— и он вежливо поклонился, а Керри зарделась,— привлекает к отелю внимание и — хотя вы, быть может, этому не поверите — хороших постояльцев.

— Так, так! — рассеянно пробормотала Керри, взвешивая в уме своеобразное предложение гостя.

— Ну вот,— продолжал мистер Уизерс, вертя в руках мягкую шляпу и постукивая по полу носком лакированного ботинка,— мы хотели бы, чтобы вы переехали к нам. Цена не должна смущать вас. Скажу больше, об этом не стоит даже говорить! На летнее время подойдет любая цена. Назовите сами цифру, которая не будет для вас обременительной.

Керри хотела было прервать его, но мистер Уизерс, не дав ей вставить ни слова, продолжал:

— Вы можете зайти к нам сегодня или завтра,— конечно, чем скорее, тем лучше,— и мы предоставим вам на выбор наши лучшие комнаты с окнами на улицу.

— Вы очень любезны,— ответила Керри.— Я буду рада поселиться у вас, но я хотела бы платить, что следует. Я не желаю...

— Пусть это вас не тревожит,— прервал ее мистер Уизерс.— Этот вопрос, уверяю вас, мы сумеем разрешить так, что вы будете вполне довольны. Три доллара в день не слишком много для вас? Ну вот, это и нас вполне удовлетворит. Вы будете вносить плату клерку в конце недели или в конце месяца, как вам удобнее, и будете получать от него расписку в том, что за комнату уплачено сполна по обычной цене.



Мистер Уизерс умолк, ожидая ответа.

— Так вы зайдете взглянуть на комнаты? — добавил он, видя, что Керри колеблется.

— Я с удовольствием зашла бы, но сегодня утром у меня репетиция, — ответила Керри.

— Я не предлагаю вам идти сейчас же, заходите, когда вам будет угодно. Может быть, сегодня во второй половине дня?

— Хорошо, — согласилась Керри.

Но вдруг она вспомнила про Лолу, которой не было дома.

— Я совсем забыла, — сказала Керри. — У меня есть подруга, которая будет жить там, где живу и я.

— О, прекрасно, — любезно согласился мистер Уизерс. — Вам предоставляется решать самой, с кем вы пожелаете жить. Мы устроим все так, как вам будет угодно.

Он отвесил поклон и отступил к двери.

— Итак, мы можем ожидать вас около четырех?

— Да, — ответила Керри.

— Я сам буду в отеле и покажу вам комнаты, — сказал мистер Уизерс и вышел.

После репетиции Керри рассказала об этом Лоле.

— Они так и сказали? — воскликнула Лола, представляя себе мистера Уизерса, как целую группу директоров. — Какая прелесть! Вот чудеса-то! Такой роскошный отель! Мы там однажды обедали, помнишь?

— Да, помню, — ответила Керри.

— Трудно даже представить себе что-нибудь лучше этого отеля!

— Значит, мы сегодня ходим туда перед спектаклем, — сказала Керри.

Мистер Уизерс предложил им три комнаты с ванной во втором этаже. Комнаты были отделаны в шоколадных и темно-красных тонах, ковры и портьеры были в тон обоев. Три окна выходили на светливый Бродвей, другие три — на боковую улицу. Номер состоял из двух очаровательных спален, где стояли кровати — белая эмаль с бронзой, — такие же шифоньеры и белые стулья, отделанные оборками из лент, и гостиной, где был концертный рояль, массивная лампа с великолепным абажуром, письменный столик, несколько огромных мягких качалок, позолоченная шкатулка со всякими причудли-



выми мелочами и книжные полки. На стенах висели картины, на диванах были разбросаны подушки, на полу стояли скамеечки для ног, обитые коричневым плюшем. Такие комнаты обычно стоили сто долларов в неделю.

— О, как чудесно! — воскликнула Лола, после того как подруги обошли комнаты.

— Да, здесь удобно, — сказала Керри и, приподняв кружевную занавеску, посмотрела на кишевший народом Бродвей.

Ванная была светлая и просторная — стены выложены белым кафелем, ванна мраморная, с синим бордюром и никелированными кранами, большой, сверкающий боковыми гранями трельяж на стене и электрические бра в трех местах.

— Вас это удовлетворяет? — спросил мистер Уизерс.

— Вполне, — ответила Керри.

— В таком случае комнаты к вашим услугам, когда бы вы ни пожелали переехать сюда. Перед вашим уходом мы передадим вам ключи.

Керри обратила внимание на устланный коврами коридор, мраморный вестибюль и эффектную приемную. Только в мечтах она рисовала себе подобную красоту и уют.

— Как ты думаешь, не переехать ли нам сразу? — предложила она Лоле, улыбаясь при мысли об их скромной комнате на Семнадцатой улице.

— Ну, разумеется! — сейчас же согласилась та.

На следующий день их сундуки были отправлены на новую квартиру.

Однажды в пятницу, когда Керри переодевалась после утреннего спектакля, к ней в уборную постучались.

Она взглянула на поданную мальчиком карточку и даже вздрогнула от неожиданности.

— Передайте, что я сейчас выйду, — сказала она, снова посмотрев на карточку, и тихо добавила: — Миссис Вэнс!

— Ах вы плутовка! — воскликнула та при виде Керри, направлявшейся к ней навстречу через пустую сцену. — Как же это случилось?

Керри весело рассмеялась. Ее бывшая приятельница не проявляла ни малейшего смущения. Можно было по-



думать, что только случайно они так долго не встречались.

— Я и сама не знаю,— ответила Керри, снова почувствовав симпатию к этой красивой и, в сущности, доброй женщине.

— Вы знаете, я увидела в воскресной газете ваш портрет и сразу узнала вас. Но ваш псевдоним совсем сбил меня с толку. Я решила, что это или вы, или женщина, удивительно похожая на вас. «Пойду и узнаю сама!» — подумала я. Никогда в жизни я не была так изумлена! Ну, как же вы поживаете?

— Благодарю вас, хорошо,— ответила Керри.— А вы? — спросила она.

— Очень хорошо... Но, боже, какой успех, дорогая! Какой успех! Газеты только о вас и пишут. Воображаю, как вы возгордились! Я почти боялась идти к вам.

— Ах, что за вздор! — Керри даже покраснела. Вы знаете, что я всегда рада вам.

— Как бы то ни было, но я вас разыскала. Не поедете ли вы ко мне пообедать? Где вы живете?

— В отеле «Веллингтон»,— ответила Керри, и в голосе ее невольно зазвучали горделивые нотки.

— Вот как! — воскликнула миссис Вэнс, на которую название отеля произвело должное впечатление.

Миссис Вэнс тактично избегала спрашивать о Герстуде, о котором она не могла не подумать, находясь в обществе Керри. Она не сомневалась в том, что Керри ушла от него. Об этом нетрудно было догадаться.

— Благодарю вас, но сегодня я, к сожалению, не могу,— отклонила Керри предложение приятельницы.— У меня очень мало времени. К половине восьмого я должна вернуться в театр. Но, может быть, вы пообедаете у меня?

— Я была бы очень рада, но никак не могу,— ответила миссис Вэнс, с жадностью разглядывая Керри.— Я дала слово, что буду дома в шесть часов.

Быстро взглянув на крохотные золотые часики, приколотые у нее на груди, она добавила:

— Мне пора. Когда же вы зайдете к нам, если вообще собираетесь нас навестить?

— Когда вам будет угодно,— сказала Керри.

— В таком случае завтра, хорошо? Мы живем в отеле «Челси».



— Опять переехали? — со смехом воскликнула Керри.

— Да, представьте себе! Не могу больше полугода оставаться на одном месте. Так помните: я вас жду в половине шестого!

— Хорошо, не забуду, — ответила Керри, долгим взглядом провожая приятельницу.

У нее мелькнула мысль, что теперь она стоит на социальной лестнице не ниже этой женщины, а, пожалуй, даже и выше. Что-то в манерах и внимании миссис Вэнс подсказывало ей, что теперь она, Керри, может держаться покровительственно.

Как и накануне, швейцар «Казино» подал Керри несколько писем. Началось это уже с первого спектакля. Керри заранее знала их содержание. Любовные записки не были новостью для артисток. Керри вспомнила, что первое такое послание она получила еще девочкой, в Колумбия-сити. А с тех пор, как она стала выступать в кордебалете, ее не переставали умолять о свиданиях, и эти письма доставляли ей и Лоле, которая тоже их получала, минуты бурного веселья.

Но теперь письма стали приходиться пачками. Джентльмены, накопившие большие состояния, перечисляли все свои добродетели, не исключая экипажей и породистых лошадей. Одно такое письмо гласило:

«У меня миллион долларов чистоганом. Я мог бы окружить Вас какой угодно роскошью. Вы ни в чем не знали бы отказа. Я говорю об этом не потому, что желаю хвастать деньгами, а потому, что я люблю Вас и почел бы за счастье выполнять каждое Ваше желание. Только любовь побуждает меня писать Вам. Не согласитесь ли Вы уделить мне полчаса, чтобы я мог лично высказать Вам свои чувства?»

Те письма, которые Керри получала, пока жила с Лолой Осборн на Семнадцатой улице, она прочитывала с большим интересом — хотя, впрочем, без всякого восторга, чем те, которые начали поступать после ее переезда в роскошные апартаменты отеля «Веллингтон». Но даже и тут ее тщеславие — или то сознание собственных достоинств, которое в более бурном своем проявлении называется тщеславием — не было настолько пресыщено, чтобы эти письма ей наскучили. Преклонение — в любой форме — никогда не приедалось и было, конеч-



но, приятно ей, но она прекрасно понимала разницу между своим прежним и нынешним положением. Раньше у нее не было славы и не было денег. Теперь пришло и то и другое. Раньше она не знала преклонения, никто не предлагал ей своей любви. Теперь пришло и то и другое. В чем же дело? Она улыбалась при мысли, что мужчины вдруг стали находить ее более привлекательной. Все это только делало ее более холодной и равнодушной.

— Пойди-ка сюда,— сказала она Лоле.— Посмотри только, что пишет этот субъект!

И, придавая голосу оттенок томности, она прочла:

— «Не согласитесь ли Вы уделить мне полчаса...» Подумать только! О, как мужчины глупы!

— Судя по письму, у него уйма денег,— заметила практичная Лола Осборн.

— Они все этим хвастают! — возразила Керри.

— Почему бы тебе не принять его? — продолжала Лола.— Отчего ж не послушать, что он хочет сказать?

— Очень он мне нужен! — рассердилась Керри.— Я прекрасно знаю, что он хочет сказать. Не желаю я таких встреч!

Лола уставилась на нее широко раскрытыми глазами, в которых плясали веселые огоньки.

— Что же он, укусит тебя? — воскликнула она.— Ты бы только позабавилась!

Но Керри покачала головой.

— И странная же ты, право! — заметил маленький голубоглазый воин рампы.

Фортуна начала осыпать Керри своими дарами. Несмотря на то, что повышенного жалованья она еще не получала, весь мир, казалось, рад был открыть ей неограниченный кредит. Не имея наличных денег, она наслаждалась роскошью, доступной только богатым. Эти великолепные ксматы в «Веллингтоне» — они достались ей чудом! Двери эlegantных апартаментов, которые занимали супруги Вэнс в отеле «Челси», всегда были для нее открыты. Мужчины посылали ей цветы и любовные письма, предлагали руку и сердце. И, однако, ее по-прежнему обуревали мечты. Она нетерпеливо дожидалась первой полочки. Сто пятьдесят долларов! Сто пятьдесят долларов! Эта сумма казалась ей волшебным ключом, открывающим все двери сразу. Она



заранее рисовала себе все, что она купит на эти деньги. Ее воображение разыгралось беспредельно. Ей мерещились такие радости, каких никогда не было на земле. И, наконец, настал долгожданный день. Сто пятьдесят долларов были выплачены ей тремя ассигнациями по двадцати, шестью по десяти и шестью по пяти долларов. В общей сложности это составило довольно внушительную пачку, которую кассир передал ей с улыбкой.

— Прошу вас, мисс Маденда,— сказал он.— Сто пятьдесят долларов.

— Благодарю вас,— ответила Керри.

Следом за нею к кассиру подошла одна из незначительных актрис, и Керри слышала, как он совсем другим тоном, почти резко спросил:

— Сколько получаете?

Совсем еще недавно она сама стояла вот так в очереди за своим скромным жалованьем. Керри мысленно перенеслась к тем нескольким неделям, когда она получала на сапожной фабрике четыре с половиной доллара, и мастер раздавал конверты с видом принца, оказывающего благодеяние жалким просителям. Керри знала, что и сейчас там, в Чикаго, в том же фабричном зале, сидят длинными рядами бедно одетые девушки и стучат на машинах, с нетерпением дожидаясь полуденного перерыва, чтобы наскоро проглотить свой скудный завтрак. В субботу они получают свою мизерную заработную плату, которая достается им в тысячу раз труднее, чем Керри ее сто пятьдесят долларов. О, теперь все давалось ей легко, и мир казался светлым и безмятежным! Охваченная радостным трепетом, она почувствовала необходимость вернуться пешком в отель и подумать на свободе, что теперь делать.

Деньги быстро обнаруживают свое бессилие, если желания человека лежат в области чувств. Едва Керри свыклась со своими деньгами, она убедилась, что, в сущности, не может придумать применения для них. Сами по себе, как осязаемая и видимая вещь, которую можно ощупывать и рассматривать, они забавляли ее несколько дней, но это скоро пршло. Отель почти ничего не стоит ей, туалетов у нее было достаточно, а между тем через несколько дней ей снова предстояло получить сто пятьдесят долларов.



Однажды к ней явился театральный критик и попросил интервью. Это был автор тех легковесных фельетонов, которые сверкают хлесткими определениями, обнаруживают остроумие журналиста и глупость знаменитостей, а в общем служат для забавы публики. Керри понравилась критику. Он громогласно заявил об этом, добавив, однако, что мисс Маденда, конечно, хороша, мила и весела, но ей просто повезло. Это больно задело Керри. Газета «Геральд», устраивая спектакль в пользу своего фонда для даровой раздачи льда неимущим семьям, удостоила ее приглашения выступить бесплатно в числе разных знаменитостей. А когда к ней явился один юный драматург с пьесой, которая, по его мнению, подошла бы для нее, она, увы, не в состоянии была составить собственного мнения о предлагаемой вещи. И это тоже причинило ей боль. Потом ей пришлось положить свои деньги для сохранности в банк и, наконец, она внезапно поняла, что дверь, за которой таится полное человеческое счастье, так для нее и не открылась.

Постепенно она начала думать, что в ее неудовлетворенности виновато летнее время. В городе не происходило ничего интересного. Все спектакли были вроде того, в котором выступала она. Богачи Пятой авеню уехали, и их особняки были заколочены. Опустела и Медисон-авеню. По Бродвею слонялись актеры в поисках ангажемента на следующий сезон. В городе все затихло, вечера же у Керри были заняты работой. Все это рождало ощущение однообразия и скуки.

— Не понимаю,— сказала она однажды Лоле, когда они сидели у окна и смотрели вниз на Бродвей,— я чувствую себя такой одинокой. А ты, Лола?

— Нет,— ответила Лола.— Во всяком случае, редко. Ты нигде не бываешь,— вот в этом-то и беда!

— А куда же я могу пойти? — возразила Керри.

— О, мало ли куда! — воскликнула Лола, которая тотчас же мысленно представила себе множество развлечений в обществе веселых молодых людей.— Ты ни с кем не хочешь встречаться.

— Я не хочу встречаться с людьми, которые пишут мне эти дурацкие письма,— ответила Керри.— Я знаю, что они собою представляют.

— Не пойму я тебя, Керри! — сказала Лола, думая об успехе, выпавшем на долю подруги.— Ты не должна



была бы скучать. Тысячи людей пожертвовали бы годами жизни, чтобы только быть на твоём месте.

Керри долго молчала, глядя на проходившую мимо толпу.

— Право, не знаю,— пробормотала она.

Керри начала уставать от праздности.

## ГЛАВА XLV

### ГРИМАСЫ НИЩЕТЫ

Герствуд угрюмо сидел в дешёвенькой гостинице, куда он перебрался с семьюдесятью долларами (все, что он выручил от продажи мебели), и, читая газеты, смотрел, как проходят жаркое лето и прохладная осень. Однако он далеко не равнодушно относился к тому, что деньги его тают. Платя в гостинице полдоллара в день, он наконец естревожился и переехал в ещё более дешёвое место, где с него брали за ночлег лишь тридцать пять центов. Теперь его денег могло хватить на более продолжительный срок. Об успехах Керри он часто читал в газетах. Её портрет раза два появился в газете «Уорлд», а из старого номера «Геральда», случайно найденного в гостинице, он узнал о том, что мисс Керри Маденда в числе других знаменитостей сцены принимала участие в одном благотворительном спектакле. Все это вызывало у него смешанные чувства. С каждой газетной заметкой Керри, казалось, отходила от него все дальше и дальше в мир, рисовавшийся Герствуду все более великолепным и недоступным. Он видел на афишах изображение Керри, такой скромной и нежной в костюме квакерши, и не раз останавливался и мрачно всматривался в её красивое лицо. Одежда Герствуда совсем обветшала, и весь его облик представлял разительный контраст с тем, какой, по его представлениям, должна была быть теперь Керри.

Пока Керри работала в «Казино», Герствуд, как ни странно, находил в этом подсознательное утешение — он не ощущал полного одиночества, хотя ему никогда и в голову не приходило искать встречи с нею. Прошел месяц-другой, а Керри все выступала в том же театре,— Герствуд привык к этому и думал, что так будет



продолжаться всегда. Но в сентябре труппа отправилась в турне, и Герствуд не заметил этого. Когда у него осталось всего двадцать долларов, он переселился в ночлежный дом на Бауэри, где за пятнадцать центов постояльцам предоставлялась большая общая комната со столами, скамьями и стульями. Здесь Герствуд сидел часами и, закрыв глаза, грезил о былом. Постепенно это вошло у него в привычку. Вначале это не было сном; казалось, он только прислушивался к отзвукам дней, проведенных в Чикаго, и чем безрадостнее становилась действительность, тем ярче и рельефнее выступало перед ним прошлое.

Герствуд не сознавал, до какой степени укоренилась в нем эта привычка грезить наяву, пока он однажды не заговорил вслух, обращаясь к одному из своих бывших приятелей. Ему представилось, что он стоит в роскошном баре «Фицджеральд и Мой» у дверей своего элегантного маленького кабинета и беседует с мистером Моррисоном о ценах на земельные участки в южной части Чикаго, в которые его собеседник собирался вложить большие деньги.

«Что вы скажете, если я вам предложу войти со мной в компанию?» — раздался у него в ушах голос Моррисона.

И Герствуд вслух произнес:

— Нет, не могу. У меня все деньги вложены в дело.

Движение губ заставило его очнуться. Неужели он сам с собой разговаривал? Он имел случай убедиться, что это так, когда в другой раз услышал произносимые им самим слова.

— Почему же ты не прыгаешь, дурень? — проговорил он — Прыгай!

Это был забавный анекдот, который он часто рассказывал в компании актеров. Когда Герствуд очнулся от звука собственного голоса, он все еще улыбался. Какой-то старикашка рядом с ним беспокойно заерзал и укоризненно покосился на него. Герствуд мгновенно перестал смеяться, и ему стало стыдно. Чувствуя себя неловко, он поднялся со стула и вышел на улицу.

Просматривая театральные рекламы в одной из вечерних газет, Герствуд вдруг заметил, что в «Казино» идет уже другая пьеса. Он замер. Керри уехала! Он вспомнил, что лишь накануне видел афишу с ее изобра-



жением. Значит, это была старая афиша, которую еще не успели заклеить новыми! Как ни странно, но это открытие потрясло его. Он вынужден был признаться себе, что его жизнь как-то зависит от пребывания Керри в Нью-Йорке. И вот теперь ее нет! Как же это ускользнуло от него? Бог знает, когда она теперь вернется! Гонимый страхом, Герствуд вышел в грязный темноватый коридор, где его никто не видел, и пересчитал свои деньги. Оставалось всего десять долларов.

Он недоумевал, чем же, собственно, пробавляются все другие обитатели ночлежки. Судя по всему, они ничего не делают. Возможно, что они просят милостыню: да, несомненно, это так и есть. Много серебряных монеток подал Герствуд таким за свою жизнь! Он видел, как люди просят на улицах. Что ж, может быть, и ему удастся сколько-нибудь собрать таким путем? Однако эта мысль ужаснула его.

Он оставался в ночлежке, пока дело не дошло до последних пятидесяти центов. Рассчитывая каждый цент и урезывая себя в пище, Герствуд сильно отощал, и здоровье его пошатнулось.

Прежняя полнота исчезла, и старый костюм висел на нем мешком.

«Надо что-то предпринять!» — решил он и отправился бродить по городу. Так прошел еще день, и у него осталось лишь двадцать центов, — этого ему не могло хватить даже на завтрак. Призвав на помощь все свое мужество, он направился к отелю «Бродвей-Сентрал». Но, не доходя нескольких домов до отеля, Герствуд в нерешительности остановился.

У подъезда, глядя на улицу, стоял величественный швейцар. Герствуд решил обратиться к нему и, быстро подойдя, остановился перед ним, прежде чем тот успел отвернуться.

— Мой друг, — начал он, и в его голосе даже теперь прозвучала та снисходительность, с какою он привык обращаться к швейцарам, — не найдется ли в отеле какой-нибудь работы для меня?

Швейцар невозмутимо глядел на него, не мешая ему говорить.

— Я сейчас без работы и без денег, и мне во что бы то ни стало нужно найти какое-нибудь занятие. Я не стану рассказывать вам, кем я был когда-то. Ну я



был бы вам крайне обязан, если бы вы указали мне, как получить здесь работу. Хотя бы на несколько дней.

Швейцар все так же молча смотрел на него, стараясь придать своему лицу выражение полного безразличия. Но, видя, что Герствуд собирается продолжать, он сказал:

— Я ничего не могу. Справьтесь в конторе.

Как ни странно, этот ответ не охладил Герствуда.

— Простите, я думал, что вы знаете,— сказал он.

Но швейцар только сердито покачал головой.

Бывший управляющий баром направился в контору отеля, где случайно оказался один из управляющих. Герствуд посмотрел ему прямо в глаза.

— Не могли бы вы дать мне работу, хотя бы на несколько дней? Я в таком положении, что мне надо немедленно за что-то браться.

Холеный джентльмен посмотрел на него так, точно хотел сказать:

«Да, судя по вашей внешности, вам можно поверить!»

— Я пришел сюда потому,— нервно говорил Герствуд,— что в свое время сам управлял большим делом. Меня постигла неудача. Впрочем, я не хочу говорить об этом. Я прошу дать мне какую-нибудь работу, хотя бы на одну неделю.

Управляющий заметил лихорадочный блеск в его глазах.

— Каким делом вы управляли? — спросил он.

— Баром Фицджеральда и Моя в Чикаго,— ответил Герствуд.— Я прослужил там пятнадцать лет.

— Вот как? — удивился управляющий.— Как же случилось, что вы ушли оттуда? — Слишком уж противоречила рассказу Герствуда его внешность.

— По собственной глупости,— ответил он.— Но об этом не стоит теперь говорить. Если бы вы пожелали, вы могли бы проверить мои слова. Но сейчас я остался без гроша и, поверьте мне, сегодня еще ничего не ел.

Управляющий отелем почувствовал некоторый интерес к этому человеку. Он не знал, куда бы его пристроить, но в то же время голос Герствуда звучал так искренне, что невольно рождалось желание помочь ему.

— Позовите Олсена,— распорядился управляющий.



Клерк позвонил и отправил мальчика за заведующим младшим персоналом.

Тот не замедлил явиться.

— Олсен,— обратился к нему управляющий отелем,— не нашлось бы там на кухне какой-нибудь работы для этого человека? Мне хотелось бы помочь ему.

— Право, не знаю, сэр,— ответил Олсен.— У нас весь штат заполнен. Но, если вам угодно, я постараюсь что-нибудь найти.

— Хорошо, Олсен. Отведите его на кухню и скажите, чтобы Уилсон прежде всего накормил его.

— Слушаю, сэр! — сказал Олсен.

Герствуд последовал за ним. Как только они вышли из конторы, манеры Олсена сразу изменились.

— Черт его знает, что мы с ним будем делать! — проворчал он.

Герствуд ничего не сказал. К таким мелким служащим он продолжал относиться с полным пренебрежением.

— Дайте этому человеку поесть,— сказал Олсен повару, когда они очутились на кухне.

Повар оглядел Герствуда с головы до ног и, очевидно, прочел в его глазах что-то, говорившее о лучших временах.

— Присядьте вот сюда,— вежливо предложил он.

Так Герствуд обосновался в отеле «Бродвей-Сентрал». Впрочем, не надолго. Ни по своему физическому, ни по своему душевному состоянию он не подходил для черной работы. Герствуд должен был помогать истопнику. Кроме того, он делал все, что приходилось: колол дрова, перетаскивал тяжести. Швейцары и повара, истопники и клерки — все были начальством для него.

К тому же его внешность не слишком располагала к себе. Он был молчалив и угрюм, и ему подсовывали самую неприятную работу.

С упрямством и равнодушием отчаяния Герствуд, однако, все сносил. Он спал на чердаке отеля, ел, что ему давали, и старался сберечь те несколько долларов, которые он получал в конце каждой недели. Но состояние его здоровья было таково, что его сил не могло хватить надолго.

Однажды в феврале его послали с каким-то поручением в контору крупной угольной компании. Улицы бы-



ли покрыты густым слоем талого снега. Герствуд промочил ноги и вернулся, чувствуя усталость и недомогание во всем теле. На следующий день он был в крайне угнетенном состоянии и старался по возможности не двигаться, что, естественно, вызывало раздражение у тех, кто любит, чтобы другие были расторопны.

После обеда потребовалось перетащить несколько ящиков, чтобы освободить место для новых припасов. Герствуду пспался огромный ящик, который он никак не мог сдвинуть с места.

— Ну, что там еще? — крикнул швейцар. — Не можете справиться, что ли?

Герствуд напрягал все силы, но в конце концов вынужден был бросить свои старания.

— Нет, не могу, — слабо выговорил он.

Швейцар пристально посмотрел на него и вдруг заметил, что Герствуд смертельно бледен.

— Да не больны ли вы? — спросил он.

— Кажется, болен, — ответил Герствуд.

— Тогда вы лучше присядьте.

Герствуд присел, но вскоре ему стало еще хуже. Он с трудом дотащился до своей койки на чердаке и пролежал там весь остаток дня.

— Этот Уилер болен, — доложил один из официантов дежурному ночному клерку.

— А что с ним такое?

— Право, не знаю. У него сильный жар, — добавил он.

Состоявший при отеле врач осмотрел Герствуда и сразу заявил:

— Скорее отправьте его в больницу. У него воспаление легких.

Через три недели опасность миновала, но только к началу мая силы Герствуда восстановились настолько, что его можно было выпустить. Тогда его выписали из больницы.

Когда он снова вышел на весеннее солнышко, вид у него был самый жалкий. Куда делись бывшая бодрость и живость управляющего баром! От прежней его представительности не осталось и следа — бледное, исхудалое лицо, синевато-белые руки, опущенные плечи.

Ему дали на дорогу немного мелочи и совет обратиться к благотворительным учреждениям.



Он возвратился в ночлежку на Бауэри, ломая голову над вопросом, как жить дальше. До нищенства оставался один шаг.

«А что же делать? — думал он про себя. — Не умирать же мне с голоду!»

С первой просьбой о милостыне он обратился к хорошо одетому джентльмену, который только что вышел из парка Стайвесант и не спеша направлялся по солнечной Второй авеню. Герствуд, сделав над собой огромное усилие, подошел к нему.

— Не можете ли вы дать мне десять центов? — прямо приступил он к делу. — Я в таком положении, что вынужден просить.

Прохожий, почти не глядя на Герствуда, запустил руку в жилетный карман и достал монету.

— Получите! — сказал он.

— Очень вам благодарен, — пробормотал Герствуд, но прохожий больше не обращал на него внимания.

Довольный своей удачей, но испытывая в то же время жгучий стыд, Герствуд решил продолжать, поставив себе целью собрать еще двадцать пять центов. Этого ему было бы вполне достаточно.

Он брел по солнечной стороне, присматриваясь к пешеходам, но прошло немало времени, прежде чем он спять встретил человека, лицо которого внушило ему должную храбрость. Однако прохожий ответил отказом.

Это так потрясло Герствуда, что он целый час не решался снова испытать счастья. На этот раз ему повезло больше: он получил пять центов. И лишь после долгих усилий ему удалось собрать еще двадцать.

На следующий день он принялся за то же занятие. Порою Герствуду везло, и ему кое-что подавали, но чаще он наталкивался на грубый отказ. В конце концов ему пришлось в голову, что необходимо изучать физиономии прохожих, тогда можно по выражению лица определить тех, кто будет пощеднее.

Конечно, останавливать людей на улице было не особенно приятно, тем более что на глазах Герствуда одного нищего арестовали. Теперь его мучил страх, как бы и его не постигла та же участь. Но он продолжал бродить, смутно надеясь на что-то.

Он испытал удовольствие, когда однажды утром снова увидел афишу, возвещающую возвращение труппы.



игравшей раньше в «Казино», и спектакль «при участии мисс Керри Маденда». Герствуд часто думал о ней в последнее время. Каким она пользуется успехом! Сколько у нее, должно быть, денег! Однако только сейчас, после на редкость неудачного дня, он решился попросить у нее помощи.

Он по-настоящему изголодался и лишь потому, наконец, сказал себе:

«Пойду попрошу у нее. Она не откажет мне в нескольких долларах!»

Он отправился к театру «Казино» и несколько раз прошел мимо него взад и вперед, соображая, где может быть вход для актеров. Потом опустился на скамью в парке Брайант, на расстоянии квартала от театра, и стал ждать.

«Не может быть, чтобы она отказала мне в небольшой помощи», — не переставал он твердить себе.

Начиная с половины седьмого Герствуд как тень маячил около входа в «Казино», стараясь слиться с толпой спешащих пешеходов и вместе с тем боясь упустить Керри. Он немного нервничал, ибо настал решительный час, но слабость и голод приглушали его нравственные муки.

Наконец он увидел, что артисты постепенно начинают съезжаться, и его нервное напряжение возросло до крайности. Вдруг ему показалось, что приехала Керри. Герствуд бросился вперед, но убедился, что ошибся.

«Ну, теперь уже недолго ждать», — подумал он.

Герствуд со страхом ожидал встречи с Керри и в то же время боялся, как бы она не вошла в театр с какого-нибудь другого входа, — его желудок не переставал напоминать о себе тупой болью.

Один за другим проходили перед ним сотни пешеходов, почти все хорошо одетые, почти все равнодушные. Мимо проезжали экипажи, в которых сидели дамы со своими спутниками. Приближался час вечерних увеселений.

Вдруг к театру подкатил экипаж, и не успел Герствуд что-либо предпринять, как кучер соскочил с козел и распахнул дверцу. Две дамы выпорхнули оттуда и тотчас же скрылись в здании театра. Герствуду показалось, что он видел Керри, но все произошло так неожиданно,



данно и красивое видение исчезло так быстро, что он не был вполне уверен.

Он подождал еще некоторое время, но так как ко входу для артистов больше никто не подъезжал, да и публика, видимо, вся уже собралась, он понял, что то была Керри и больше ждать уже нет смысла.

«Боже,— пробормотал он, поспешно сворачивая с улицы, кишевшей более счастливыми людьми.— Ведь должен же я раздобыть чего-нибудь поесть!»

В тот час, когда Бродвей имеет особенно заманчивый вид, необычная фигура каждый вечер неизменно появлялась на перекрестке Двадцать шестой улицы и Бродвея, где проходит также и Пятая авеню. В это время публика обычно начинает стекаться в театры и на каждом шагу яркими огнями загораются электрические рекламы и афиши. Кэбы и кареты, сверкая желтыми глазами фонарей, катятся мимо. Парами и группами люди вливаются в густую толпу, которая движется сплошным потоком среди смеха и шуток. По Пятой авеню медленно шагают хорошо одетые джентльмены — какой-нибудь щеголь во фраке, под руку со своей дамой, клубмены, переходящие из одного клуба в другой. На противоположной стороне улицы — манящие огни ярко освещенных шикарных отелей; их кафе и бильярдные набиты довольными, нарядными, падкими до развлечений посетителями. Кругом бешеным пульсом бьет ночная жизнь большого города, ищущего веселья на тысячу ладов.

Станный человек, о котором идет речь,— военный в отставке, который немало пострадал от недостатков современного социального строя, ударился в религию и поставил себе задачей помогать другим страждущим. Эта помощь выражалась в весьма оригинальной форме: он считал своим долгом дать ночлег каждому бездомному, который обращался к нему, хотя его личных средств едва хватало на самое скромное существование.

Вот он занял место на углу, среди жизнерадостной толпы, высокий и худой, в плаще с капюшоном, в широкополой шляпе, и стал дожидаться своих будущих подопечных, которые уже знали о его деятельности. Некоторое время он стоял один, равнодушно взирая на ежеминутно меняющуюся вокруг картину. Полисмен, проходя мимо, поздоровался с ним, величая его «капитаном». Мальчишка, часто видевший этого человека на



одном и том же месте, остановился поглазеть на него. Большинство прохожих не находили в нем ничего странного, кроме костюма, и принимали его за приезжего, который слоняется без дела, насвистывая удовольствия ради.

Прошло полчаса, и отовсюду начали появляться какие-то таинственные фигуры. Там и сям в движущейся толпе можно было заметить бредущих без цели людей, которые с интересом проталкивались поближе. Какой-то оборванец перешел через улицу и как бы невзначай покосился на человека в плаще. Другой подошел по Пятой авеню к углу Двадцать шестой улицы, огляделся и опять заковылял прочь. Два или три явных обитателя Бауэри показались на Пятой авеню со стороны Медисон-сквера, не отваживаясь идти дальше. А военный в плаще с капюшоном все шагал, насвистывая, взад и вперед и точно ничего не замечал.

Часам к девяти шум вечернего города начал стихать. Отели уже не искрились весельем. Да и воздух стал холоднее. Со всех сторон начали сползаться странные тени. Они прислушивались и приглядывались, видимо, не решаясь переступить черту некоего воображаемого круга. Было их около десятка. Но вот, вероятно, остерсешувшись холод, кто-то выступил вперед. Вынырнув из сумрака Двадцать шестой улицы, он пересек Бродвей и, то и дело останавливаясь, обходным путем приблизился к человеку в плаще. В его движениях было что-то не то стыдливое, не то боязливое. Он до последнего мгновения делал вид, что у него и в мыслях нет останавливаться. И вдруг, подойдя к отставному военному, человек замер на месте.

Капитан взглядом дал понять, что видит его, — в этом и заключалось все его приветствие. Новоприбывший слегка кивнул и пробормотал что-то, походившее на просьбу. Капитан просто указал ему на край тротуара.

— Становись сюда, — сказал он.

Теперь чары были разрушены. Не успел капитан возблесвить свою короткую безмолвную прогулку, как другие фигуры, шаркая по мостовой ногами, вышли вперед. Они и вовсе не приветствовали своего предводителя, а прямо присоединялись к первому пришельцу, соня, спотыкаясь и переминаясь с ноги на ногу.



— Холодно, черт возьми!

— Хорошо, что хоть зима кончилась.

Пестрая компания выросла до десяти человек. Некоторые уже знали друг друга и вступили в беседу. Другие держались в стороне, не желая смешиваться с остальными и все же боясь, как бы их не обошли. Эти были угрюмы, замкнуты и стояли, ни на кого не глядя.

Скоро начались бы громкие разговоры, но капитан решил, что для начала собралось уже достаточно, и, подойдя поближе, спросил:

— Всем нужен ночлег, а?

В ответ шарканье усилилось и послышалось утвердительное бормотание.

— Ну, ладно, выстраивайтесь как следует! Посмотрим, что удастся сделать. У меня самсго нет ни цента

Бездомные выстроились неровной, ломаной линией. Теперь при желании можно было хорошенько разглядеть каждого в отдельности. У одного, например, была деревянная нога. Поля шляп у всех обвисли. Брюки были рваные, в заплатках, пиджаки изношенные и выцветшие. При ярком свете витрин у одних лица казались высохшими и мертвенно-бледными, у других на скулах багровели зловещие пятна. У большинства была дряблая кожа, под глазами висели мешки.

Несколько пешеходов, привлеченных этим зрелищем, остановились, за ними подошли другие, и вскоре собралась целая толпа любопытных. Кто-то из бездомных заговорил.

— Тихо! — скомандовал капитан, водворяя молчание.

Потом он обратился к толпе зрителей:

— Видите ли, джентльмены, у этих людей нет ночлега. Вы понимаете, что спать им где-то нужно, не могут же они лежать на улице! Мне нужно двенадцать центов, чтобы оплатить ночлег одного из них. Кто даст мне двенадцать центов?

Молчание.

— Ну что ж, ребята, придется подождать, пока кто-нибудь не поможет нам! Двенадцать центов не такие уж большие деньги, чтобы не нашлось охотника дать нам эту сумму.

— Вот вам пятнадцать! — произнес какой-то молодой человек, глядя на отставного военного воспаленны-



ми от тяжелого труда глазами.— Это все, что я могу дать.

— Очень хорошо! Выходите из шеренги,— распорядился капитан.

Взяв за плечо первого в ряду бездомных, он отвел его в сторонку и поставил отдельно. Затем вернулся на свое прежнее место и начал снова:

— У меня осталось три цента, джентльмены! Этих людей нужно устроить на ночлег. Тут их,— он принялся считать,— один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать человек, джентльмены! Девять центов обеспечат ночлег следующему. Еще девять центов, и у бездомного будет теплая постель. Я сам пойду с ними и позабочусь о том, чтобы все было как следует. Кто даст мне еще девять центов?

Кто-то из «зрителей», на этот раз человек средних лет, подал ему пять центов.

— У меня есть восемь центов,— продолжал капитан.— Еще четыре цента, и у следующего в очереди будет ночлег. Джентльмены, что-то у нас вяло подвигается сегодня! У каждого из вас, наверное, есть постель, а как же быть с этими людьми?

— Держите! — произнес кто-то из стоявших ближе к отставному военному и протянул ему монету.

— Ну вот, теперь у меня есть на ночлег еще для двоих, да еще четыре цента лишних. Кто добавит восемь центов?

— Я добавлю! — послышался чей-то голос.

Проходя в этот вечер по Шестой авеню, Герствуд случайно свернул на Двадцать шестую улицу. Он был очень голоден, и ему казалось порою, что он свалится от истощения. Моральное его состояние тоже было ужасно. Как ему теперь добраться до Керри? Раньше одиннадцати спектакль не кончится. И если Керри приехала в экипаже, очевидно, она так же и уедет. Придется остановить ее на улице, в самой неприятной обстановке. Хуже всего, что он был обессилен от голода, а ему предстояло ждать еще целые сутки, так как у него не хватило бы духу снова попытаться счастья в этот же день. У него не было пищи и не было ночлега.

Выйдя на Бродвей, он увидел капитана и собравшуюся вокруг него толпу бездомных, но, подумав спер-



ва, что это какой-нибудь уличный проповедник или шарлатан, продающий патентованные снадобья, хотел было пройти мимо. Однако, пересекая улицу по направлению к парку на Медисон-сквере, он обратил внимание на отделившуюся от остальной толпы вереницу тех, кому уже был обеспечен ночлег. При ярком свете электрического фонаря Герствуд узнал «своих» — людей, которых он встречал на улице и в ночлежках, людей, катившихся, как и он, по наклонной плоскости. Это зрелище заинтересовало его. Что бы такое могло это значить?

Герствуд подошел ближе.

Капитан снова и снова повторял свою просьбу. И Герствуд, к великому своему изумлению и облегчению, услышал:

— Этим людям надо же где-то ночевать! .

Впереди тянулась шеренга несчастливцев, для которых еще нужно было выпросить постель. Заметив, что вынырнувший откуда-то бродяга занял место в конце очереди, Герствуд решил последовать его примеру. Что спорить с судьбой? Он был слишком утомлен. Здесь представлялся легкий выход из затруднения. Завтра, может быть, он найдет что-нибудь получше.

Неподвижное стояние утомляет. Герствуд скоро измучился еще больше. Ему казалось, что он вот-вот упадет, и он устало переминался с ноги на ногу. Но наконец пришла его очередь. Кто-то уплатил за ночлег его соседа, и тот присоединился к группе счастливицков.

Теперь Герствуд стоял первым, и капитан уже просил для него.

— Двенадцать центов, джентльмены! Двенадцать центов дадут возможность этому человеку провести ночь в постели. Будь у него куда пойти, он не стоял бы здесь на холоде!

Герствуд почувствовал, что к горлу его подкатился клубок. Голод и слабость лишили его мужества.

— Получите,— сказал какой-то неизвестный и протянул капитану монету.

Тот ласково положил руку на плечо бывшему управляющему баром и сказал:

— Теперь перейдите вот туда!

Герствуд вздохнул с облегчением. Очевидно, мир не так уж плох, если в нем встречаются добрые люди!



Остальные оборванцы были, по-видимому, такого же мнения.

— Этот капитан славный малый, правда? — сказал стоявший впереди Герствуда низенький согбенный горем человек. Судя по его лицу, судьба избрала его мишенью своих наиболее злобных шуток.

— Да, — безразличным тоном согласился Герствуд.

— Ух! — вздохнул один из бездомных, выступая из ряда и оглядывая оставшихся. — Немало еще там, однако!

— Да, — подтвердил другой. — Сегодня тут, пожалуй, набралось свыше сотни наших.

— Смотрите-ка вон на того, в кэбе! — воскликнул третий.

У тротуара остановился кэб, и сидевший в нем джентльмен во фраке протянул капитану ассигнацию.

Тот поблагодарил его и снова подошел к линии бездомных, вытягивавших шеи вслед отъезжавшему кэбу. Толпа любопытных благоговейно застыла, провожая глазами джентльмена с бриллиантовой булавкой на груди.

— Это даст ночлег еще девяти, — сказал капитан, отсчитывая несколько бездомных. — Ну-ка отойдите туда! Итак, осталось всего семеро. Джентльмены, мне нужно двенадцать центов!

Деньги поступали медленно. Толпа начала редеть, — капитана теперь окружала лишь небольшая горсточка зевак. Пятая аэеню спустела — на ней показывались только случайные экипажи или пешеходы. На Бродвее тоже становилось все меньше и меньше народу. Лишь изредка кто-нибудь, заметив маленькую группу, приостанавливался, подавал капитану монету и продолжал путь.

Однако капитан по-прежнему был тверд и неутомим. Он продолжал говорить медленно, скупно, но с той же уверенностью в успехе, словно о неудаче не могло быть и речи.

— Торопитесь, джентльмены! Я не могу оставаться здесь всю ночь! Эти люди устали и озябли. Дайте мне еще четыре цента!

Через некоторое время он совсем замолчал. Ему подавали деньги, и он с каждым двенадцатью центами отделял одного человека, переводя его в другую оче-



редь. Потом он опять принимался шагать взад и вперед, глядя себе под ноги.

Публика из театров разъехалась, электрические лампы погасли. Часы пробили одиннадцать. Прошло еще полчаса, и осталось лишь двое бездомных.

— Поторопитесь, джентльмены! — воскликнул капитан, обращаясь к нескольким любопытным. — Восемнадцать центов обеспечат ночлег и этим двум. Восемнадцать центов! Шесть у меня есть. Дайте мне кто-нибудь восемнадцать центов! Помните, что мне самому предстоит еще идти пешком в Бруклин. А я должен сперва проводить этих людей и устроить их на ночлег. Восемнадцать центов!

Никто не отзывался.

Капитан несколько минут ходил взад и вперед, опустив глаза и лишь время от времени повторяя:

— Джентльмены, восемнадцать центов!

Казалось, эта ничтожная сумма может на долгое время оттянуть желанный конец. Герствуд едва стоял, ощущая такую слабость во всем теле, что с трудом сдерживал стон, готовый вырваться из груди.

Но вот наконец на Пятой авеню показалась дама в капоре и шурушащих юбках, возвращавшаяся из театра в сопровождении мужчины. Герствуд уныло смотрел на нее, дама напомнила ему о Керри, и ее новой жизни, и о тех временах, когда он точно так же провожал жену из театра или ресторана.

Тем временем дама оглянулась и, заметив собравшихся бедняков, послала к ним своего спутника.

Тот вынул из кармана деньги, элегантно и учтивый, подошел к капитану.

— Возьмите, пожалуйста! — сказал он.

— Благодарю вас, — ответил капитан и, повернувшись к своей армии, сказал: — Теперь у нас останется кое-что и на завтра!

С этими словами он поставил в ряд последних бездомных и направился к голове колонны, на ходу пересчитывая людей.

— Сто тридцать семь человек! — объявил он. — Ну, ребята, стройтесь! Выправьте ряд вот здесь! Теперь уже недолго. Потерпите!

Он стал во главе отряда и скомандовал:

— Вперед, марш!



Герствуд двинулся вместе со всеми. Извилистой линией направились они по Пятой авеню, пересекли Медисон-сквер, свернули на Двадцать третью улицу, потом пустились дальше по Третьей авеню. Запоздалые пешеходы останавливались и провожали взглядом эту странную процессию. Полисмены на углах равнодушно глядели на них и кивали жожаку, которого они уже видели не раз.

Отряд дошел до Восьмой улицы, где находился ночлежный дом, по-видимому, закрытый на ночь. Однако там их ждали.

Бездомные остались на темной улице, а капитан вошел внутрь для переговоров. Вскоре двери открылись, и всем было предложено входить не толкаясь. Кто-то пошел вперед и стал показывать свободные комнаты во избежание задержки. С трудом взбираясь по скрипучей лестнице, Герствуд обернулся и увидел капитана. Тот все стоял и смотрел, пока не вошел последний бездомный. Лишь тогда он плотнее завернулся в плащ и скрылся во мраке.

— Долго я этого не выдержу,— вслух произнес Герствуд, усаживаясь на койку в маленькой темной камерке и морщась от тупой боли в ногах.— Я должен что-нибудь поесть, не то я умру с голоду.

## ГЛАВА XLVI ВЗБАЛАМУЧЕННЫЕ ВОДЫ

Однажды вечером, вскоре по возвращении в Нью-Йорк, когда Керри кончала переодеваться после спектакля, она вдруг услышала какой-то шум за дверью. Затем раздался знакомый голос:

— Ничего, ничего, не беспокойтесь! Мне нужно только повидать мисс Маденда.

— Вам придется послать ей вашу карточку.

— О, полно! Вот возьмите!

Полдоллара перешли из рук в руки, и кто-то постучал в дверь.

Керри подошла и отворила.

— Ну и ну! — воскликнул Друэ.— Вот это так! Как же ты поживаешь, Керри? Я сразу узнал тебя, как только увидел на сцене.



Керри невольно попятилась, ожидая, что сейчас последует весьма неприятный разговор.

— Неужели ты не хочешь поздороваться? Ну и прелесть же ты! Давай же поздороваемся!

Керри протянула Друэ руку и наградила его улыбкой — хотя бы за его бесконечное добродушие. Друэ стал несколько солиднее, но в общем изменился очень мало. Такой же элегантный костюм, та же коренастая фигура, то же розовое лицо.

— Этот субъект у дверей не хотел впускать меня, пришлось его «подмазать». Я сразу догадался, что это ты. Какой великолепный спектакль! И как ты здорово справляешься с ролью! Впрочем, я знал, что это так будет! Я случайно проходил сегодня мимо вашего театра и решил зайти. Правда, я видел твое имя в программе, но не мог вспомнить, где я слышал его, пока не увидел тебя на сцене. И тогда меня вдруг осенило. Черт возьми! У меня даже сердце заколотилось, когда я сообразил, что это и есть то имя, под которым ты выступала там, в Чикаго. Ведь верно?

— Да, — улыбаясь, подтвердила Керри, ошеломленная развязностью гостя.

— Я сразу узнал тебя, — повторил Друэ. — Ну, рассказывай! Как тебе жилось это время?

— Очень хорошо, — ответила Керри.

Она еще не могла прийти в себя от этой внезапной атаки.

— Ну, а ты как? — спросила она.

— Я? Прекрасно! Я теперь постоянно живу в Нью-Йорке.

— Ах, вот как? — промолвила Керри.

— Да, вот уже полгода, как я здесь. Я заведу от-  
делением нашей фирмы.

— Чудесно!

— Но скажи, пожалуйста, когда же ты поступила на сцену? — полюбопытствовал Друэ.

— Вот уже скоро три года.

— Неужели? А я впервые слышу об этом. Впрочем, я знал, что рано или поздно это случится. Помнишь, я говорил, что ты отлично играешь?

Керри улыбнулась.

— Да, помню, — согласилась она.

— Как ты, однако, похорошела! — продолжал



Друэ.— Мне никогда не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так изменился к лучшему. Ты как будто даже выше стала!

— Неужели? Что ж, возможно, что я немного выросла,— согласилась Керри.

Друэ посмотрел на ее платье, потом на волосы, на которых кокетливо сидела изящная шляпа, затем заглянул ей прямо в глаза, хотя Керри всячески избегала встречаться с ним взглядом. Было очевидно, что он надеется возобновить былую дружбу немедленно и на старых началах.

— Ну,— начал Друэ, видя, что Керри берется за сумочку и собирается уйти.— Я хочу, чтобы ты сегодня поужинала со мной, хорошо? Меня тут ждет один приятель, и мы пойдем втроем.

— Нет, я не могу,— ответила Керри.— Во всяком случае, не сегодня. У меня завтра рано утром репетиция.

— О, к черту репетицию! Пойдем поужинаем! Я постараюсь отделаться от приятеля, и мы с тобой поговорим по душам.

— Нет, нет, я не могу! — стояла на своем Керри.— Ты меня и не проси, я никогда не ужинаю так поздно.

— В таком случае мы просто побеседуем,— не сдавался, однако, Друэ.

— Только не сегодня,— повторила Керри и покачала головой.— Мы побеседуем в другой раз.

Она заметила, что по лицу его скользнула тень. Друэ начал понимать, что обстоятельства изменились. Тогда Керри подумала, что человек, который когда-то любил ее, заслуживает, пожалуй, лучшего обращения.

— Приходи завтра ко мне в отель,— сказала она,— стараясь смягчить свой отказ.— Ты пообедаешь у меня.

Друэ просиял.

— Хорошо,— сказал он.— Где же ты теперь живешь?

— В отеле «Уолдорф»,— ответила Керри, называя недавно построенный фешенебельный отель.

— В какое время?

— Ну, скажем, в три.

На следующий день Друэ явился, но Керри без малейшей радости дожидалась его прихода. Однако, видя его таким же сияющим и благодушным, как всегда, она



отрешилась от своих опасений за исход этого обеда. Друз по-прежнему много болтал.

— Шикарно они здесь все устроили, а? — заметил он.

— Да, неплохо, — ответила Керри.

Наивный эгоист, он сразу же пустился в подробное описание своей служебной карьеры.

— Я в скором времени открою собственное дело, — заявил Друз. — Я могу получить кредит на двести тысяч долларов.

Керри слушала его, стараясь быть по возможности любезной и внимательной.

— Скажи, — спросил вдруг Друз, — а куда же девался Герствуд?

Керри слегка покраснела.

— Думаю, он где-нибудь здесь, в Нью-Йорке, — ответила она. — Впрочем, я его давно не видела.

Друз некоторое время сидел задумавшись и не произнося ни слова. Он не был уверен, не играет ли бывший управляющий баром какую-нибудь роль в жизни Керри. Ее слова успокоили его. По-видимому, Керри, как и следовало, по его мнению, отделалась от Герствуда.

— Да, — заметил он наконец, — такой поступок нельзя назвать иначе как непоправимой ошибкой.

— Какой поступок? — спросила Керри, не догадываясь, что последует за этим.

— О, ты прекрасно знаешь! — ответил Друз и сделал рукою жест, точно отстраняя всякие сомнения на этот счет.

— Нет, я ничего не знаю, — настаивала Керри. — Объясни, пожалуйста, что ты хочешь сказать?

— Да эта история в Чикаго... Ну, помнишь, когда он уехал оттуда? — добавил Друз.

— Я, право, не знаю, о чем ты говоришь, — недоумевала Керри.

Неужели этот человек мог так грубо намекать на ее бегство с Герствудом?

— Вот как?.. — недоверчиво протянул Друз. — Разве ты не знаешь, что он прихватил с собой десять тысяч долларов, когда удирает из Чикаго?

— Что?! — воскликнула Керри. — Ты хочешь сказать, что он украл десять тысяч долларов?



Теперь Друэ, в свою очередь, был озадачен.

— Так ты этого не знала?

— Разумеется, нет! — ответила Керри. — Я и понятия не имела об этом.

— Гм, забавно! — произнес Друэ. — Но это так, можешь не сомневаться. Все газеты писали об этом.

— Сколько, ты говоришь, он взял? — спросила Керри.

— Десять тысяч долларов. Впрочем, я слышал, что большую часть денег он потом отослал назад.

Керри рассеянным взглядом смотрела на роскошный ковер. Все эти годы после ее вынужденного бегства из Чикаго предстали перед ней в новом свете. Ей вспомнились сотни мелочей, подтверждавших эту историю. Она невольно подумала, что Герствуд взял деньги только ради нее. Вместо ненависти рождалась мягкая жалость. Бедняга! Какой, должно быть, ужас все время жить под гнетом совершенного проступка.

А Друэ, разгоряченный вкусным обедом и вином, придя в прекраснейшее настроение, воображал, что снова начинает завоевывать расположение Керри. Правда, она теперь высоко взлетела, но все-таки ему казалось, что он сумеет войти в ее жизнь. «Ах, какая женщина! — размышлял он. — Как она хороша, как элегантна! И знаменита!» — Теперь, в блеске сценической славы, на фоне роскошной обстановки отеля, Керри казалась ему еще более желанной, чем когда-либо.

— Помнишь, Керри, как ты волновалась, когда выступала в любительском спектакле? — напомнил он ей.

Керри улыбнулась.

— Ты так играла в тот вечер — никого лучше тебя я на сцене не видел, — сентиментально вздохнул Друэ и слегка наклонился к ней. — Я думал тогда, что мы с тобой великолепно уживемся.

— Напрасно ты это говоришь, — довольно холодно заметила Керри.

— Неужели ты не позволишь мне сказать тебе?..

— Нет, — оборвала его Керри и встала. — К тому же мне пора собираться в театр. Придется мне покинуть тебя. Пойдем.

— О, еще минутку! — просил Друэ.

— Нет, я не могу, Чарли! — мягко ответила Керри.



Друзь очень неохотно встал из-за стола и проводил ее к лифту. На прощание он спросил:

— Когда я снова увижу тебя?

— О, как-нибудь увидимся! — равнодушно отошла Керри. — Я пробуду здесь все лето. До свиданья! Лифтер уже открыл дверцу.

— До свиданья! — откликнулся Друзь, провожая ее глазами, пока она, шурша платьем, входила в кабинку.

Он печально спустился в вестибюль: недоступность Керри разожгла его прежнюю страсть. Вся веселая роскошь отеля как будто говорила только о ней. Друзь считал, что она слишком сухо обошлась с ним.

А голова Керри была занята совсем иными мыслями.

В тот вечер она и прошла мимо поджидавшего ее возле «Казино» Герствуда, не заметив его.

На следующий вечер, подходя к театру, она столкнулась с ним лицом к лицу. Он ждал ее, еще более обессиленный, но исполненный решимости повидаться с нею, хотя бы для этого пришлось послать ей записку. И опять она не узнала Герствуда в этой жалкой, оборванной фигуре. Она даже испугалась, увидев возле себя какого-то изголодавшегося нищего.

— Керри, — полушепотом произнес Герствуд, — я хотел бы сказать тебе несколько слов...

Керри быстро обернулась и тотчас узнала его.

И если в душе ее еще теплилось какое-то чувство к нему, то сейчас при виде этого человека оно мгновенно погасло. Но она вспомнила, что говорил ей Друзь об украденных Герствудом деньгах.

— Боже! Это ты, Джордж! — воскликнула она. — Что с тобой?

— Я был болен, — ответил он, — и только что вышел из больницы. Ради бога, дай мне немного денег!

— Ну, конечно, — ответила Керри, и губы ее задрожали. Она с трудом сдерживала волнение. — Но что с тобой такое? — снова спросила она.

Керри открыла сумочку и достала оттуда все содержимое: одну бумажку в пять и две по два доллара.

— Я уже говорил тебе, что был болен, — сварливо повторил Герствуд, почти возмущаясь ее откровенной жалостью. Оказалось, что ему трудно принимать помощь из этих рук.



— Возьми,— вот все, что у меня при себе,— сказала Керри.

— Ладно,— тихо отозвался Герствуд.— Я тебе верну когда-нибудь.

Керри стояла перед ним, а вокруг прохожие оборачивались и глядели на нее. И она и Герствуд, оба чувствовали, что привлекают к себе взоры любопытных.

— Все-таки почему ты мне не скажешь, что с тобой? — снова спросила она, не зная, что делать.— Где ты живешь?

— У меня есть комната в ночлежном доме,— ответил он.— Нет смысла рассказывать тебе об этом. Все в порядке.

Казалось, ее ласковые расспросы только озлобляли его. Он не мог простить Керри, что судьба настолько милостивее обошлась с ней.

— Иди в театр,— сказал он.— Я тебе очень благодарен, но больше я никогда не буду беспокоить тебя.

Керри хотела было что-то сказать, но Герствуд повернулся и устало поплелся дальше.

Это видение угнетало ее в продолжение многих дней, пока воспоминание о нем постепенно не стерлось.

Друэ явился снова, но Керри даже не приняла его. Его ухаживания казались ей совсем неуместными.

— Меня нет дома,— сказала она доложившему о нем коридорному.

Через некоторое время театр должен был отправиться на гастроли в Лондон. Второй летний сезон в Нью-Йорке не обещал больших барышей.

— Не хотите ли сделать попытку покорить Лондон? — спросил ее однажды директор.

— Может случиться как раз обратное! — ответила Керри.

— Мы поедем в июне,— сказал директор.

Среди спешных приготовлений к отъезду Керри забыла о Герствуде. И он и Друэ, оба остались в Нью-Йорке и лишь случайно узнали об ее отъезде. Друэ как-то снова зашел к ней и, услышав, что она уехала, издал возглас разочарования. Он долго стоял в вестибюле, нервно покусывая кончики усов, и, наконец, пришел к естественному выводу: былого не вернуть.

«Не стоит она того, чтобы из-за нее огорчаться»,— решил он, но в глубине души чувствовал иное.



Герствуд кое-как изворачивался все долгое лето и осень. Однажды он получил место швейцара в каком-то дансинге и прослужил там целый месяц. Потом снова начал нищенствовать, часто голодая и ночуя в парке на скамье. Несколько раз под давлением крайней нужды он обращался к благотворительным учреждениям и получал там некоторую помощь. Зимой Керри вернулась в Нью-Йорк и выступала в новой пьесе, но Герствуд об этом не знал. Он несколько недель бродил по городу, прося милостыню, между тем как над его головой электрические афиши возвещали о возвращении Керри Маденда. Друэ знал, что Керри вернулась, но больше не тревожил ее.

В это время в Нью-Йорк вернулся Эмс. Он добился некоторого успеха у себя на Западе и теперь намеревался открыть лабораторию в Нью-Йорке. С Керри он, конечно, встретился у миссис Вэнс, но в этой встрече не было особой теплоты. Эмс думал, что Керри все еще связана брачными узами с Герствудом, и только потом уже услышал об их разрыве. Не зная подробностей, он делал вид, что ни о чем не догадывается.

Вместе с миссис Вэнс он посмотрел новую оперетту, в которой выступала Керри, и после спектакля сказал:

— Напрасно она играет комедии. Мне кажется, она способна на лучшее.

Как-то раз он снова случайно встретился с Керри у миссис Вэнс, и у них завязалась дружеская беседа.

Керри, к своему удивлению, уже не ощущала в себе прежнего горячего интереса к этому человеку. Несомненно, причина была в том, что когда-то он олицетворял для нее все, к чему она стремилась, но чего не имела, но она этого не сознавала. Успех внушил ей уверенность, что теперь она живет такой жизнью, которая заслуживает одобрения мистера Эмса. Но ее маленькая, раздутая газетами слава ничего не стоила в его глазах. Он считал, что она могла добиться гораздо большего.

— В конце концов вы так и не пошли в драму? — спросил Эмс, вспомнив, что Керри интересовалась когда-то именно этой отраслью сценического искусства.

— Нет, — ответила Керри. — Пока еще нет, — добавила она, подчеркивая свои слова.



Эмс посмотрел на нее так, что Керри без слов угадала его неодобрение, и это побудило ее сказать:

— Но я еще не оставила этой мысли.

— Надеюсь,— сказал он.— Есть натуры, созданные для драмы, и вы принадлежите к их числу.

Керри была изумлена тем, что он сумел так глубоко заглянуть ей в душу. Неужели он так хорошо понимает ее?

— Почему вы так думаете? — спросила она.

— Потому, что в вашем характере много задушевности,— ответил Эмс.

Керри улыбнулась и чуть-чуть покраснела.

Этот человек был так простодушно откровенен с нею, и ей снова захотелось его дружбы. Перед ней забрезжили прежние идеалы.

— Право, не знаю,— задумчиво произнесла она, чрезвычайно польщенная его словами.

— Я видел вас на сцене,— заметил Эмс.— Вы играете очень хорошо.

— Я рада, что вам понравилось.

— Очень хорошо,— повторил Эмс.— Для оперетты, конечно,— добавил он.

Больше они на эту тему не говорили, так как их беседа была кем-то прервана. Но вскоре они встретились снова. Эмс сидел после обеда в углу комнаты, уставясь в пол, когда Керри вошла с какой-то другой гостьей. Годы напряженного труда наложили на его лицо печать усталости. Керри и сама не знала, что так нравилось ей в этом лице.

— Почему вы уединились? — спросила она.

— Слушаю музыку.

— Я вас на минутку покину,— сказала спутница Керри, не видевшая в молодом изобретателе ничего интересного.

Эмс посмотрел на стоявшую перед ним Керри.

— Правда, красивая мелодия? — спросил он, внимательно прислушиваясь.

— Да, очень,— ответила Керри, почувствовав теперь особую прелесть исполняемой вещи.

— Присядьте,— предложил Эмс и придвинул ей соседнее кресло.

Они безмолвно слушали некоторое время, охваченные одинаковым чувством, но она чувствовала только



сердцем. Музыка, как и в былые дни, сильно действовала на Керри.

— Не знаю, чем это объяснить,— сказала Керри, пытаюсь дать выход какому-то неизъяснимому томлению, сжимавшему ей грудь,— но под влиянием музыки у меня всегда возникает такое ощущение, точно мне хотелось бы... точно я...

— Да, я вас понимаю,— прервал ее Эмс.

Он вдруг подумал об особенностях этой натуры, способной так откровенно выражать свои чувства.

— Но грустить не надо,— добавил он.

Помолчав, он заговорил как будто о другом, но его слова удивительно совпадали с их общим настроением.

— В мире много такого, чего нам хотелось бы достичь. Но нельзя стремиться ко всему сразу. И что толку ломать руки из-за каждого неосуществленного желания!

Музыка прекратилась; Эмс поднялся и стал перед Керри, словно для того, чтобы лучше сосредоточиться.

— Почему вы не перейдете в хороший драматический театр? — спросил он.

Эмс глядел на Керри в упор, внимательно изучая ее. Печаль в ее больших выразительных глазах и горькая складка в уголках рта говорили ему, что он прав в своих предположениях.

— Возможно, что я это сделаю,— ответила Керри.

— Ваше место там! — продолжал Эмс.

— Вы думаете?

— Да, я уверен в этом. Вряд ли вы это сознаете, но в вашем лице, особенно в ваших глазах и в линии рта есть нечто такое, что наводит меня на эту мысль.

Керри трепетала от волнения: впервые о ней говорят всерьез. На миг чувство тоски и одиночества покинуло ее. В словах этого человека была не только похвала, в них чувствовалась проницательность — благожелательная критика.

— Да,— задумчиво продолжал Эмс,— именно в ваших глазах и в линии рта. Я помню, что, увидев вас впервые, я сразу обратил на это внимание. Мне показалось, что вы вот-вот расплачетесь.

— Как это странно! — воскликнула Керри, чувствуя, как согрывает ее радость.



Именно такой моральной поддержки и жаждало ее сердце.

— А потом я стал замечать, что это ваше естественное выражение, и сегодня я снова обратил на это внимание. В ваших глазах часто возникает какая-то тень, она еще больше подчеркивает характер вашего лица. Очевидно, это таится в самой глубине ваших глаз.

Керри, взволнованная, смотрела ему прямо в лицо.

— Но вы, возможно, и не отдаете себе отчета в этом,— добавил Эмс.

Керри отвела глаза в сторону. Ей было лестно, что этот человек так говорит о ней. Ей хотелось быть достойной тех чувств, которые он читал в ее чертах. Его слова открывали двери новым стремлениям.

Керри много думала об этом до их следующей встречи, которая произошла лишь несколько недель спустя. Эта беседа показала ей, как далека она от тех мечтаний, которые владели ею перед спектаклем в Чикаго и еще долгое время спустя. Как случилось, что она утратила их?

— Я знаю, почему вы должны иметь успех, если получите драматическую роль,— сказал Эмс.— Я наблюдал за вами и...

— И?..— спросила Керри.

— Видите ли,— сказал он так, будто радовался, что разгадал трудную загадку,— все кроется в изумительной выразительности вашего лица. То же впечатление производит трогательная песенка или волнующая нас картина. Это нечто такое, что любят видеть люди, ибо это естественное отражение всех человеческих стремлений.

Керри смотрела на него, широко открыв глаза и не совсем понимая смысл его слов.

— Люди стараются как-то выразить себя,— продолжал Эмс.— Но большинство не способны рассказать о своих чувствах. Они надеются на других. Вот тут-то и нужен талант. Один выражает человеческие переживания в музыке, другой — в стихах, третий — в драме. А иногда природа воплощает все чувства в человеческом лице. Она делает лицо выразителем всех душевных стремлений. Вот так случилось и с вами.

Эмс смотрел на Керри, стараясь взглядом передать смысл этих слов, и она уловила его. Или по крайней



мере поняла, что природа одарила ее лицом, которое могло выражать человеческую тоску и душевные порывы. Она приняла это очень близко к сердцу.

— Но это налагает на вас трудные обязательства,— продолжал Эмс.— Вы получили подарок от судьбы. В этом нет вашей заслуги: я хочу сказать, что вы могли бы и не обладать этим даром. Вы ничем не заплатили за него. Но раз уж вы им обладаете, то должны как-то использовать его.

— Как? — спросила Керри.

— Я уже сказал вам: идите в драму. В вашем характере много тепла, у вас богатый, мелодичный голос. Создайте из этого что-нибудь ценное для других. Только тогда вы не растратите своих способностей.

Последнего Керри не поняла, но ей было ясно, что ее успех в оперетте малого стоит.

— Я вас не совсем понимаю,— сказала она.

— Я хочу сказать вот что. Особенность вашей натуры заключена в ваших глазах, в линии рта и, конечно, в складе вашей души. Но все это вы можете потерять, если отвернетесь от себя самой и будете жить лишь ради удовлетворения своих желаний. Глаза потускнеют, линия рта изменится, вы лишитесь сценического дарования. Вам, может быть, не верится, но это так. Природа уж позаботится об этом!

Стремясь убедить Керри в правильности приводимых им доводов, Эмс вкладывал всю душу в свои слова, и речь его временами возвышалась до пафоса. Что-то в Керри вызывало в нем симпатию. Ему хотелось расшевелить ее.

— Я знаю, что вы правы,— рассеянно сказала Керри, чувствуя себя немного виноватой.

— На вашем месте я переменял бы жанр,— продолжал Эмс.

Его слова были подобны камню, упавшему в тихую воду.

Керри, покачиваясь в качалке, размышляла над ними несколько дней.

— Едва ли я долго пробуду в оперетте,— как-то сказала она Лоле.

— Почему? — удивилась та.



— Я думаю, что могла бы добиться успеха и в серьезной драме.

— Что это пришло тебе в голову?

— Не знаю,— ответила Керри.— Я уже давно подумываю об этом.

Однако она ничего не предпринимала и только по-прежнему продолжала грустить. Долгий путь прошла Керри, пока достигла лучшей — как могло казаться — жизни и ее окружил комфорт. Но она томилась от бездеятельности и тоски.

## ГЛАВА XLVII

### ПУТЬ ПОБЕЖДЕННЫХ. ЭОЛОВА АРФА

В городе в то время существовало множество благотворительных учреждений, занимавшихся примерно тем, что и капитан, и Герствуду приходилось пользоваться их жалкой помощью. На дверях миссии Сестер милосердия — кирпичном жилом доме на Пятнадцатой улице — висел простой деревянный ящик пожертвований. Надпись на этом ящике гласила, что всякий, кто обратится в миссию с просьбой о помощи, может получить в полдень бесплатный обед. Это в высшей степени скромное объявление на самом деле означало широкую благотворительную деятельность. В Нью-Йорке такое количество миссий и прочих благотворительных обществ, что люди, живущие в довольстве, обычно проходят мимо подобных объявлений, не замечая их. Стоя в утренние часы на углу Шестой авеню и Пятнадцатой улицы и не зная о деятельности миссии, можно было не обратить внимания на то, как от густой толпы, снующей на этом оживленном перекрестке, каждые несколько секунд отделяется какой-нибудь потрепанный всеми ветрами, тяжело волочащий ноги представитель человеческой породы, с испытанным лицом и в ветхой одежде. Чем холоднее день, тем раньше можно наблюдать эту картину. Ввиду недостатка места в миссии накормить одновременно можно было лишь двадцать пять или тридцать человек, остальные же вытягивались в длинный ряд снаружи и входили по очереди. Это зрелище, повторявшееся изо дня в день и из года в год, стало для



жителей Нью-Йорка настолько привычным, что не возбуждало ни малейшего интереса. Бедняки ждали терпеливо даже в самую холодную погоду, — ждали несколько часов, чтобы их впустили. Здесь не задавали никаких вопросов и не оказывали никаких услуг. Пришедшие ели и уходили. Многие из них появлялись здесь каждый день в течение всей зимы.

В дверях стояла рослая матрона, следившая за очередью и отсчитывавшая тех, кого можно было пропустить. Люди подвигались вперед в строгом порядке. Никто не торопился и не суетился. Это было похоже на шествие немых. Людей, ожидающих обеда, можно было застать здесь в самую лютую стужу. Под порывами ледяного ветра горемыки хлопали в ладоши и приплясывали. Их лица имели такой вид, точно их жестоко пощипал мороз. Присмотревшись к этим людям при ярком свете дня, можно было заметить, до чего они все похожи друг на друга. Они принадлежали к тем бездомным, которые коротают дни на садовых скамейках, а летом и ночуют там же. Они бывали в ночлежках на Бауэри и бродили по тем неказистым улицам восточной части города, где лохмотья и изможденное лицо никого не удивляют. Скверная еда, не вовремя и с жадностью поглощаемая, разрыхлила их кости и мышцы. Все они были бледны, дряблы, с ввалившимися, лихорадочно блестящими глазами, впалой грудью и болезненно красными губами. Их волосы были взъерошены, уши бескровны, стоптанные башмаки потрескались. Это были люди, беспомощно плывшие по течению, и каждая людская волна выбрасывала все новых, подобно тому, как буря выбрасывает на берег мелкие щепки.

Почти уже четверть века в другой части города пекарь Флейшман давал булку каждому, кто приходил за ней в полночь к задней двери его магазина на углу Бродвея и Десятой улицы. Каждую ночь в течение двадцати лет человек около трехсот выстраивались в очередь: в определенный час дверь открывалась, голодные, проходя мимо, брали из огромной корзины булку и скрывались во мраке ночи. Состав и число этих людей почти не менялись. Лица многих из них уже запомнились тем, кто из года в год наблюдал за этой процессией. Тут было двое таких, которые за пятнадцать лет не пропустили ни одной ночи, и около сорока более или



менее постоянных посетителей. Во время кризиса и необычных трудностей в очереди редко собиралось более трехсот человек. Во время процветания, когда о безработных почти и не слыхали, у булочной выстраивалось такое же количество народа. Зимой и летом, в бурю и в хорошую погоду приблизительно те же триста человек назначали друг другу печальные свидания у хлебной корзины Флейшмана.

Герствуд стал частым гостем в этих очередях. Однажды выдался особенно холодный день, и он долго и безрезультатно просил милостыню на улицах, а под конец отправился в приют Сестер милосердия. Уже в одиннадцать часов туда припелось несколько подобных ему бедняков. Ветер трепал их ветхую одежду. Придя пораньше, чтобы попасть в столовую первыми, они ждали, прислонившись к железным перилам перед зданием арсенала Девятого полка, выходящим на Пятнадцатую улицу. До открытия оставался еще целый час, и голодные держались на некотором расстоянии от входа. Но так как прибывали все новые, те, кто пришел раньше, желая закрепить за собой право первенства, начали придвигаться ближе к двери.

К этому сборищу Герствуд присоединился со стороны Седьмой авеню и стал возле самых дверей. Те, кто явился до него, подошли ближе и своим поведением, не произнося ни слова, дали ему понять, что они первые.

Получив отпор, Герствуд угрюмо оглядел очередь и пошел занимать место в самом хвосте. Когда порядок был восстановлен, чувство враждебности рассеялось.

— Должно быть, двенадцать уже скоро? — спросил один.

— Наверное, — ответил другой. — Я жду тут больше часу.

— Черт возьми, холодно!

Они жадно смотрели на дверь, в которую все должны были скоро войти. Вот подъехал бакалейщик и внес в дом корзины со съестными припасами. Это вызвало несколько ленивых замечаний насчет цен на продукты.

— Мясо-то дорожает! — заметил кто-то.

— А случись война — что было бы?

Очередь все росла. Набралось уже больше пятидесяти человек, и стоявшие впереди явно были довольны,



что им не придется ждать так долго, как другим. Они оборачивались, пытаясь разглядеть конец очереди.

— Неважно, какой ты по счету, лишь бы попасть в число двадцати пяти,— пояснил Герствуду один из этих счастливицев.— Все входят вместе.

— Гм! — пробормотал Герствуд, которого так безжалостно прогнали в конце очереди.

— Единый земельный налог, вот что нужно,— сказал другой.— Без этого порядку не будет.

Большинство бедняков стояли молча. Искудальные, оборванные, они переступали с ноги на ногу, поглядывали на дверь и хлопали руками, чтобы немного согреться.

Наконец дверь открылась, и показалась рослая, полная сестра. Она следила за порядком. Очередь поползла вперед, люди входили один за другим, пока не набралось двадцати пяти человек. Тогда сестра протянула мощную руку, и очередь остановилась. Шесть человек оставалось на ступеньках, и среди них — бывший управляющий баром. В ожидании обеда одни разговаривали, другие жаловались на свою горькую судьбу, а некоторые, как Герствуд, угрюмо молчали. Наконец впустили и его. Он поел, но ушел обозленный тем, что кусок хлеба доставался таким мучительным путем.

Недели две спустя он стоял в полуночной очереди у магазина Флейшмана и терпеливо ждал выдачи хлеба. Это был неудачный для Герствуда день, но теперь он относился к своему положению философски. Если ему не удавалось добыть чего-нибудь на ужин и его мучил голод, он мог прийти сюда.

За несколько минут до двенадцати из магазина вынесли огромную корзину с хлебом, и в полночь, минута в минуту, полный, круглолицый булочник стал у дверей и крикнул:

— Подходи!

Очередь тотчас двинулась вперед. Каждый брал булку и уходил. На этот раз Герствуд съел свой хлеб еще на ходу, пока, еле волоча ноги, брел по темным улицам к месту своего ночлега.

Когда наступил январь, Герствуд уже решил было, что все его ставки биты. Раньше жизнь была чем-то драгоценным, но постоянная нужда и упадок сил сдела-



ли в его глазах земные блага тусклыми и малозначащими. Несколько раз, когда судьба трепала его особенно жестоко, он уже подумывал, что пора положить всему конец. Но лишь только прояснялась погода или случалось раздобыть десять, а то и двадцать пять центов, настроение Герствуда менялось. Тогда он говорил себе, что еще проживет.

Каждый день Герствуд поднимал брошенную кем-нибудь газету и просматривал ее, надеясь узнать что-нибудь о Керри. Но прошли лето и осень, а он все еще не нашел ее следов. Потом он стал замечать, что у него побаливают глаза. Боль быстро усиливалась, и он уже не пытался читать в полутемных комнатах ночлежки. Плохое питание расшатало весь его организм: оставалось только одно — спать, когда была возможность найти пристанище.

Из-за жалких отрепьев и ужасной худобы Герствуда уже принимали за профессионального бродягу и нищего. Полиция преследовала его, владельцы баров и ночлежек гнали прочь, а пешеходы отмахивались от него, как от назойливой мухи. Получить милостыню становилось все труднее и труднее.

Наконец, Герствуд пришел к убеждению, что игра проиграна. Эта мысль завладела им после того, как прохожие один за другим отказывались ему подать — все от него отшатывались.

— Не поможете ли вы мне, сэр? — сделал он последнюю попытку. — Я умираю с голоду.

— А ну тебя! Пошел прочь! — ответил прохожий. — Стану я помогать всякому отребью!

Герствуд засунул в карманы покрасневшие от холода руки. Слезы выступили у него на глазах.

«Это верно, — сказал он себе. — Я теперь отребье! Когда-то я чего-то стоил. Тогда у меня были деньги. Что ж, пора это кончать!»

И с мыслью о смерти он направился к Бауэри.

«Сколько людей лишали себя жизни, — думал он. — Стоит лишь открыть газ — и все кончено. Что мешает и мне так поступить?»

Ему вспомнился ночлежный дом, где за пятнадцать центов сдавались отдельные комнатки-клетушки с газовыми рожками. Казалось, они самой судьбой предназначены были для той цели, которую он поставил перед



собой. Но вдруг Герствуд вспомнил, что у него нет пятнадцати центов.

По дороге ему попался упитанный, чисто выбритый джентльмен, который только что вышел из парикмахерской.

— Сэр, будьте так добры, подайте мне что-нибудь,— обратился к нему Герствуд.

Джентльмен оглядел его с головы до ног и стал рыться в кармане в поисках монетки в десять центов. Но там оказались только монеты по пятнадцать центов.

— Возьми,— сказал он, чтобы отделаться от попрошайки,— и проваливай!

Герствуд задумчиво продолжал свой путь. Вид большой блестящей монеты доставил ему удовольствие. Он вспомнил, что с утра ничего не ел, а ночлег можно было найти и за десять центов. Мысль о смерти временно отступила на задний план. Лишь в те дни, когда он не встречал ничего, кроме оскорблений, смерть казалась ему заманчивой.

Однажды в середине зимы ударили лютые морозы. Первый день был серый и холодный, на второй повалил снег. Герствуду не везло: ему удалось раздобыть только десять центов, которые он истратил на еду. Вечером он очутился на бульваре у Шестьдесят седьмой улицы и оттуда повернул в сторону Бауэри. Днем какая-то непонятная жажда скитаний гнала Герствуда все вперед, и он так устал, что теперь едва волочил ноги, шаркая мокрыми подошвами. Он поднял воротник старого пиджака, на голове у него был какой-то потрескавшийся котелок, нахлобученный так низко, что оттопыривались красные уши, а руки он засунул глубоко в карманы.

«Надо сходить на Бродвей!» — почему-то решил он.

Близ Сорок второй улицы уже ярко пылали электрические рекламы. Толпы людей спешили в рестораны. Сквозь ярко освещенные окна роскошных кафе видны были веселые компании. Повсюду мчались экипажи и переполненные вагоны трамвая. Лучше бы ему, усталому и голодному, не приходиться сюда. Слишком уж разителен был контраст. Даже в его затуманенной памяти встали видения лучших дней.

«К чему тянуть еще? — пронеслось у него в голове.— Я человек конченный. Довольно!»



Люди оборачивались и дивились его необычайно жалкому и грязному виду. Полисмены провожали его взглядами, следя за тем, чтобы он не приставал к прохожим.

Случайно и бессознательно он остановился у окна большого ресторана с ярко светящейся вывеской. За зеркальным стеклом виднелись пальмы, белоснежные скатерти, сверкающее серебро и хрусталь. И за столиками — веселая толпа. Как ни ослабел рассудок Герствуда, голод все же сильно давал себя знать. Бедняга застыл на месте; бахрома его рваных брюк впитывала в себя грязь с панели.

— Ешьте! — пробормотал он. — Правильно: ешьте! Другим не нужно!

Затем его голос упал до шепота, и он пробормотал, уже забыв то, о чем только что думал:

— Здорово холодно! Дьявольски холодно!

На углу Бродвея и Тридцать девятой улицы пылали выведенные электрическими лампочками слова: «Керри Маденда». Под этой рекламой искрился занесенный снегом тротуар. Яркий свет привлек внимание Герствуда. Он поднял глаза и в огромной золоченой раме увидел афишу, где Керри была изображена во весь рост.

Герствуд с минуту поглядел на афишу, шмыгая носом и передергивая плечом, как будто оно у него чесалось. Он был так измучен, что плохо соображал.

— Это ты! — произнес он, наконец, обращаясь к изображению. — Я был недостаточно хорош для тебя, а?

Он стоял, пытаясь думать связно, но это было уже почти невозможно для него.

— У нее денег сколько угодно, — продолжал он. — Пусть она и мне даст немного!

Он направился к боковому входу, но тотчас забыл, что собирался сделать, и остановился, глубоко засунув руки в карманы. Вдруг он вспомнил. Вход для артистов! Вот что ему нужно!

Он подошел к двери и открыл ее.

— Тебе чего? — окликнул его швейцар. Герствуд не двигался с места; тогда швейцар стал его выталкивать. — Пошел вон отсюда!

— Я хочу видеть мисс Маденда, — сказал Герствуд.



— Вот как? — насмешливо протянул швейцар, потешаясь над ним. — Убирайся-ка отсюда поскорей!

Он снова подтолкнул Герствуда к выходу, а у того не было сил, чтобы сопротивляться.

— Я хочу видеть мисс Маденда, — пытался он объяснить, пока его выталкивали. — Я ничего... Я...

Швейцар толкнул его в последний раз и захлопнул дверь.

Герствуд поскользнулся и упал в снег. Он больно ударился, и в нем проснулось смутное ощущение стыда. Он заплакал.

— Собака! — бессильно бранился он, стряхивая снег с продранного рукава. — Грубиян проклятый!.. Я... у меня когда-то такие, как ты, служили...

Внезапно в нем вспыхнула бешеная злоба против Керри — вспыхнула и тотчас погасла в хаосе сбивчивых мыслей.

— Она должна дать мне денег, чтобы я мог поесть! — произнес он. — Она обязана это сделать.

С безнадежным видом поплелся он по Бродвею, плаксиво прося по дороге милостыню и каждый раз забывая, о чем он только что думал.

Несколько дней спустя, в студёный зимний вечер в ослабевшем мозгу Герствуда определилось твердое решение. Уже с четырех часов над городом стала сгущаться мрачная мгла ночи. Падал густой снег — колющий, хлещущий, подгоняемый быстрым ветром. Улицы на шесть дюймов покрылись холодным мягким ковром, который вскоре конские копыта и ноги пешеходов взбили в рыхлую бурю массу. На Бродвее шагали люди в теплых пальто и под зонтами. На Бауэри люди плелись с поднятыми воротниками, в шляпах, надвинутых на уши. По первой из этих артерий дельцы и приезжие спешили в уютные отели. По второй — озябшие толпы двигались мимо грязных лавок, в глубине которых уже горели тусклые лампы. На трамвайных вагонах рано зажглись фонари, а обычные лязг и грохот колес ослаблялись приставшим к ним снегом. Весь город закутался в толстую белую мантию.

А Керри сидела в это время в своих уютных комнатах в отеле «Уолдорф» и читала «Отец Горио». Это произведение Бальзака рекомендовал ей Эмс. Роман был написан так сильно и рекомендация Эмса так много



значила для нее, что Керри с огромным интересом поглощала страницу за страницей. Впервые она начала понимать, какой вздор она читала до сих пор. Устав от чтения, она зевнула, подошла к окну и стала наблюдать за нескончаемым потоком экипажей на Пятой авеню.

— Какая скверная погода! — обратилась она к Лоле.

— Ужасная! — ответила маленькая Лола. — Надеюсь, что снегу навалит достаточно, тогда можно будет хоть на санях покататься.

— Ох, Лола! — воскликнула Керри, в памяти которой еще свежи были страдания отца Горио. — Ты только о таких пустяках и думаешь! А тебе не жалко тех, у кого нет ночлега в такую ночь?

— Конечно, жаль, — ответила Лола. — Но что я могу сделать? У меня и у самой ничего нет.

Керри улыбнулась.

— Тебя мало трогала бы чужая нужда, будь ты даже богата.

— Ошибаешься, — сказала Лола. — Но когда я была в нужде, мне никто ничем не помогал.

— Это ужасно! — снова сказала Керри, глядя из окна на разыгравшуюся метель.

— Посмотри-ка на этого чудака! — смеясь, воскликнула Лола, указывая на поскользнувшегося прохожего. — До чего же глупый вид у мужчин, когда они падают!

— Придется сегодня ехать в театр в карете, — задумчиво сказала Керри.

В вестибюле отеля «Импириэл» только что вошедший Чарльз Друэ стряхивал снег со своего элегантного теплого пальто. Скверная погода рано загнала его домой и одновременно вызвала в нем жажду таких развлечений, которые заставляют забыть о холоде и мраке. Хороший обед, общество интересной молодой женщины и кресло в театре — вот все, в чем он нуждался.

— Хелло, Гарри! — окликнул он молодого человека, сидевшего в одном из удобных мягких кресел. — Как живете?

— Ничего! Жаловаться не могу, — ответил тот.



— Какая дрянная погода!

— Что и говорить! Я вот сижу здесь и думаю, что бы такое изобрести?

— Пойдемте со мной,— предложил Друз.— Я вас познакомлю кое с кем, спасибо скажете!

— Кто же это?

— Двое девчонок, здесь поблизости, на Сороковой улице. Чудесно проведем время. Вас-то мне и нужно.

— Что ж, возьмем их с собой и поедем обедать! — подхватил приятель Друз.

— Вот и отлично! — согласился последний.— Подождите, я только схожу наверх и переоденусь.

— Ладно, вы меня найдете в парикмахерской,— сказал Гарри.— Пойду побреюсь.

— Хорошо,— отозвался Друз и тотчас же направился к лифту, поскрипывая изящными ботинками.

Мотылек по-прежнему порхал, не зная забот.

В купе пульмановского вагона, мчавшегося сквозь метель к Нью-Йорку, сидели трое.

— Первый звонок к обеду! — возвестил официант вагона-ресторана, проходя по коридору и сверкая белоснежным кителем.

— Я больше не хочу играть,— сказала черноволосая красавица, чей высокомерный вид был порожден богатством, и капризным жестом отодвинула карты.

— Может быть, пойдем обедать? — предложил ее молодой муж, одетый по последней моде.

— Нет, есть мне еще не хочется,— ответила жена.— Но играть надоело.

— Джессика,— сказала ее мать, разодетая так, как только допускал ее возраст,— поправь булавку в галстук! Она все время выползает.

Джессика поправила булавку и, проведя рукой по пышным волосам, взглянула на оправленные в бриллианты часики.

Муж любовался ею, ибо красота всегда имеет над нами власть, как бы она ни была холодна.

— Ну, нам недолго еще терпеть такую погоду! — сказал он.— Через две недели мы будем в Риме!



Миссис Герствуд улыбнулась, уютно устраиваясь в углу купе. Приятно сознавать себя тещей богатого молодого человека, состояние финансов которого она лично проверила.

— А ты думаешь, что пароход отойдет вовремя? — спросила Джессика. — Такая погода не может помешать?

— О нет! — успокоил ее муж. — Для парохода это не имеет никакого значения.

Мимо купе прошел светловолосый молодой человек, сыночек какого-то банкира из Чикаго. Он давно уже приглядывался к надменной красавице. Даже сейчас он не постеснялся пристально посмотреть на нее, и Джессика это отлично заметила. Искусно изображая равнодушие, она медленно повернула к окну свою прелестную головку. Но это отнюдь не было вызвано скромностью, присущей молодой жене. Просто ее тщеславие было вполне удовлетворено.

А в это время в одном из переулков, выходивших на Бауэри, перед грязным четырехэтажным зданием, чью некогда темно-желтую окраску сажа и дожди превратили в нечто неопишемое, стояла толпа бездомных и среди них — Герствуд. Толпа нарастала постепенно. Сначала перед запертой деревянной дверью топтались два-три человека в полинявших и мятых фетровых шляпах; не в меру широкие пиджаки отяжелели от талого снега, воротники были подняты. Штаны с бахромой, больше похожие на мешки, свисали над огромными дырявыми башмаками. Они не делали попыток войти и только грузно переступали с ноги на ногу, глубоко засунув руки в карманы и поглядывая то на прохожих, то на зажигавшиеся фонари. С каждой минутой очередь все возрастала. Тут были и седобородые старики с ввалившимися глазами, и люди сравнительно молодые, но изнуренные болезнями, и люди средних лет. Полных не было вовсе. У одного лицо было совсем бескровное, у другого — красное, как кирпич. У того были худые, сутулые плечи, этот ковылял на деревянной ноге, третий был живой скелет, на котором болталась одежда. Повсюду виднелись большие уши, распухшие носы, потрескавшиеся губы и налитые кровью глаза. Во всей



этой массе — ни одного нормального, здорового лица, ни одной прямой фигуры, никого, чей взгляд не блуждал бы. Под напором ветра и мокрого снега они спотыкались, напирая друг на друга. Мелькали отмороженные, красные кулаки. У некоторых — жалкое подобие шляпы, отнюдь не защищавшей посиневших ушей. Переминаясь с ноги на ногу, эти люди раскачивались в каком-то жутком ритме.

По мере того как толпа возле двери росла, все чаще и чаще слышались ропот и брань, направленные против кого придется:

— Будь они прокляты! Хоть бы поторопились открыть!

— Посмотрите на фараона! Не спускает с нас глаз!

— Может, они думают, что теперь лето?

— Лучше бы сидеть сейчас в Синг-Синге<sup>1</sup>.

Внезапно налетел особенно сильный порыв холодного ветра, и бездомные сгрудились теснее. Толпа колыхалась, двигалась, толкаясь. Тут не было ни злости, ни жалоб, ни угроз. Их мрачное, терпеливое ожидание не облегчалось шуткой или чувством взаимного доброжелательства. Мимо проехала карета, в которой, удобно откинувшись, сидел какой-то джентльмен. Один из бедняков, стоявших у самой двери, обратил на него внимание остальных:

— Взгляните-ка на этого молодчика!

— Ему-то не холодно! — отозвался другой.

— Гей! Гей! Гей! — закричал третий, хотя карета давно уже промчалась.

Понемногу надвигалась ночь. Прохожие спешили домой. Торопливо проходили мимо клерки и продавщицы. Проезжали переполненные трамваи. Ярko горели газовые фонари. В домах ровным красноватым светом засветились окна. Толпа несчастных голодных людей все еще стояла у двери.

— Что ж, они никогда не откроют, что ли? — раздался чей-то хриплый голос.

Это замечание, казалось, вновь пробудило у всех интерес к закрытой двери. Они глядели на нее совсем как собаки, которые скулят и царапают дверную ручку. Они ежились, моргали, и время от времени слышались

---

<sup>1</sup> Тюрьма в штате Нью-Йорк.



то возглас, то грубая брань. Они все ждали, а снег, кружась, все бил им в лицо колючими хлопьями, скопясь на старых шляпах и костлявых плечах. В центре толпы тепло человеческих тел и пар от дыхания растопляли снег, и вода капала с ободков шляп на озябшие носы; но Герствуду не удалось пробраться в середину, и он, понурив голову и сгорбившись, стоял с краю.

В фрамуге над дверью зажегся свет. Толпа встрепенулась и заволновалась в ожидании. Наконец, болты внутри заскрипели, и все насторожились. Послышалось шарканье ног, раздался оклик:

— Эй вы, не напирать!

Дверь открылась. В течение минуты в жутком животном молчании протискивались внутрь человеческие тела. Двигались мокрые шляпы, мокрые плечи, озябшая, рыхлая, хрипло дышащая масса людей ползла между голыми стенами. Затем толпа исчезла, растворившись, словно туман над водой. Было ровно шесть часов. На лицах всех прохожих было написано слово «обед». Но здесь не было и помину об обеде — ничего, кроме коек.

Герствуд заплатил пятнадцать центов и устало поплелся в отведенную ему клетушку. Это была грязная, пыльная каморка с дощатыми стенами. Маленький газовый рожок освещал убогий приют.

— Кхе! — откашлялся Герствуд и запер дверь на ключ.

Он начал, не торопясь, раздеваться. Сняв рваный пиджак, он законопатил им большую щель под дверью. Жилет послужил для той же цели. Старый, мокрый, растрескавшийся котелок он положил на стол. Затем снял башмаки и прилег.

Потом, как будто вспомнив о чем-то, Герствуд встал, завернул газ и постоял спокойно во мраке. Он выждал минуту, ни о чем не думая, а просто колеблясь, потом снова открыл кран, но не поднес спички к рожку. Так он стоял, окутанный милосердным мраком, а газ быстро наполнял комнату. Когда отвратительный запах достиг обоняния Герствуда, он ощупью нашел койку и опустился на нее.

— Стоит ли продолжать? — чуть слышно пробормотал он и растянулся во всю длину.



Наконец-то Керри достигла того, что вначале казалось ей целью жизни или по крайней мере венцом человеческих желаний. Она могла любоваться своими нарядами и собственным экипажем, своей обстановкой и счетом в банке. Были у нее друзья — в обычном смысле этого слова, то есть люди, готовые склоняться перед нею и улыбаться в знак признания ее успеха. Обо всем этом она когда-то мечтала. Было вдоволь и аплодисментов и хвалебных рецензий. Когда эти спутники славы были еще далеки, они казались ей чем-то очень важным и нужным; теперь они стали будничными и потеряли в ее глазах всякий интерес. Она обладала красотой, своеобразным обаянием и все же была очень одинока. В свободные часы она сидела в качалке, напевая и предаваясь мечтам.

В жизни всегда встречаются натуры интеллектуальные и эмоциональные — личности рассуждающие и личности чувствующие. Из числа первых выходят люди действия — полководцы и государственные деятели; из числа вторых — поэты и мечтатели, служители искусства.

Как эоловы арфы, откликаются они на легчайшее дуновение фантазии, отражают все изменения и колебания в мире идеального.

Человечество еще не поняло мечтателя, как не поняло еще и сущности этого идеального. Для мечтателя законы и требования житейской морали слишком строги. Вечно прислушиваясь к зову красоты, чутко внимая взмаху ее далеких крыльев, он готов следовать за ней, пока в долгом пути ему не откажут ноги. Так вот прислушивалась и Керри, так и она мысленно шла за красотой, мечтая и напевая.

Надо помнить, что разум принимал в этом мало участия. Когда Чикаго впервые смутно обрисовался перед нею, ей казалось, что город сулит ей неизведанные радости, и она инстинктивно, поддавшись влечению своей натуры, ухватилась за него. Люди, изящно одетые, живущие в комфорте, казались ей счастливыми, и потому ее потянуло к такой жизни. Чикаго и Нью-Йорк; Друз и Герствуд; мир роскоши и мир сцены — все это были лишь эпизоды. Не к ним, а к той жизни, которую они, по ее мнению, олицетворяли, влекло ее. Время показало, что ее представления были ложны.



О путаница человеческой жизни! Как еще смутно понимаем мы многое! Вот Керри, вначале бедная, неискушенная, эмоциональная. Ей хочется всего, что есть приятного в жизни, но она наталкивается на глухую стену. Закон сказал бы: «Прельщайся, если хочешь, приятными вещами, но не приближайся к ним иначе как честным путем!» Приличие сказало бы: «Не добивайся житейских благ иначе как честным трудом!» Но если честный труд скудно оплачивается и изнуряет; если этот путь длинен, очень длинен и никогда не приводит к красоте, только утомляя ноги и сердце; если тяга к красоте так сильна, что человек сходит с прямого пути и предпочитает боковую стезю, быстрее приводящую его к предмету мечтаний, — кто первый бросит в него камень? Не злое начало, а жажда лучшего чаще всего направляет шаги сбившегося с пути. Не злое начало, а доброта чаще всего соблазняет чувствительную натуру, не привыкшую рассуждать.

Керри не была счастлива среди всей мишуры и блеска, которые окружали ее. Когда-то Друэ заинтересовался ею, и она думала: «Теперь я вознеслась на высшую ступень!» Когда-то Герствуд как будто открывал перед ней лучший путь, и она думала: «Теперь я счастлива!» Но мир холодно проходит мимо тех, кто не принимает участия в его безумствах, и она осталась одна. Ее кошелек был всегда открыт для всех, чья нужда была особенно остра. Гуляя по Бродвею, Керри больше не думала об эlegantности тех, кого она встречала. И только если в их жизни было больше той гармонии и красоты, которые мерцали где-то так далеко, тогда этим людям стоило завидовать.

Друэ оставил ее в покое и больше не показывался. О смерти Герствуда она даже не узнала. Черный пароход, медленно отошедший от пристани у конца Двадцать седьмой улицы в свой еженедельный рейс, повез в числе многих других и его тело на кладбище Поттерс-Филд, где хоронят безымянных.

Так окончательно оборвались отношения Керри с этими двумя людьми. Их влияние на ее судьбу объясняется только характером ее стремлений. Было время, когда оба они казались ей олицетворением жизненного успеха. Они были для нее носителями всего самого желанного в жизни, полномочными посланцами комфорта



и покоя, с блестящими верительными грамотами в руках. Вполне естественно, что, когда представленный ими мир перестал манить ее, послы получили отставку. И вернись даже Герствуд в своей былой красе и славе, все равно он уже не прельстил бы Керри. Она узнала, что и его мир и ее нынешнее положение не дают счастья.

И вот Керри сидит одна. Глядя на нее, можно было бы немало порассказать об извилистых путях, по которым блуждает в поисках красоты тот, у кого чувства преобладают над рассудком. Разочаровываясь все снова и снова, она, однако, еще ждала того желанного дня, когда наконец сбудутся ее сокровенные мечты. Эмс указал ей следующий шаг, но, когда она совершит его, нужно будет идти все дальше и дальше вперед.

И вечно она будет видеть впереди сияние великой радости, озаряющее отдаленные вершины жизни.

О Керри, Керри! О слепые влечения человеческого сердца! «Вперед, вперед!» — твердит оно, стремясь туда, куда ведет его красота. Звякнет ли бубенчик одинокой овцы на тихом пастбище, сверкнет ли красотой сельский уголок, обдаст ли душевным теплом мимоletный взгляд, — сердце чувствует, отвечает, летит навстречу. И только когда устанут ноги и надежда обманет, а сердце защежит и наполнится томлением, знай, что для тебя не уготовано ни пресыщения, ни удовлетворения. В своей качалке у окна ты будешь одиноко сидеть, мечтая и тоскуя! В своей качалке у окна ты будешь мечтать о таком счастье, какого тебе никогда не изведать!



## ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

Первый роман Т. Драйзера «Сестра Керри» был встречен американскими издателями и критиками не только без всякого энтузиазма, но просто враждебно. Писатель к этому времени печатался в некоторых ведущих журналах, и, естественно, прежде всего он предложил рукопись романа одному из журналов — «Харпер мэгэзин». По прочтении рукописи редактор сообщил автору, что роман ему нравится, однако он весьма сомневается, что кто-либо из издателей рискнет его опубликовать. Как известно, роман оказался фактически под запретом, несмотря на то, что издательство «Даблдей, Пейдж энд компани» отпечатало книгу небольшим тиражом, чем формально выполнило условия договора с автором. Как отмечал один из американских критиков, «Сестра Керри» была попросту «лишена света и воздуха и оставлена умирать» в подвале типографии.

Спасти книгу могли только блестящая реклама и отличные рецензии. Но издатели решили книгу совершенно не рекламировать. А рецензии, за некоторым исключением, были неблагоприятными. Ряд газет и журналов упрекали автора в «аморальности», проповеди философии отчаяния и печали, безвкусице. «История оставляет очень неприятное впечатление», — писала о романе миннеаполисская газета «Джорнал». «Вам никогда не придет в голову рекомендовать кому-нибудь прочесть ее», — писала о книге сизятская «Пост-Интеллидженсер». В таком же духе высказывались и другие газеты и журналы.

Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс», Т. Драйзер так отозвался о нападках на роман: «Критики совершенно не поняли, что я пытался выразить. Эта книга взята из жизни. Она задумывалась не как образец литературного мастерства, а как картина существующих условий и была написана так просто и выразительно, как только мог позволить английский язык».

Недоброжелательность большой прессы и полное отсутствие рекламы сделали свое дело — книга на долгие годы фактически оказалась под запретом.

Выход книги в Англии в 1901 году и ее положительная оценка английскими критиками отнюдь не способствовали продвижению романа к американскому читателю. Наоборот, на родине нападки на писателя еще более усилились. Журналы отказывались печатать статьи и рассказы Драйзера. Редакторы, не стесняясь, называли его «моральным банкротом», «позором Америки». Некоторые видные писатели даже избегали встречаться с автором «крамольного» романа. Необходимы были существенные изменения во взглядах американского общества, прежде чем роман мог появиться на полках американских книжных магазинов.

Т. Драйзер вынужден был вступить партнером и исполнительным секретарем во вновь организуемую издательскую фирму



«Б. В. Додж энд компани». В качестве капиталовложений он передал фирме крупную сумму наличными деньгами, а также набор и отпечатанные листы «Сестры Керри», права на которые он еще раньше выкупил у издательства «Даблдей». Таким образом, второе американское издание «Сестры Керри», увидевшее свет через семь лет после первого — в 1907 году, по существу, было выпущено на собственные средства автора. И только после того, как это издание романа разошлось, фирма «Гроссет энд Данлэп» в 1908 году выпустила роман на обычных коммерческих условиях. Впоследствии «Сестра Керри» неоднократно переиздавалась в США различными издательствами, в том числе в 1911 году — тем самым издательством «Харпер энд бразерс», которое отвергло роман в 1900 году.

Оценка романа американской критикой претерпела кардинальные изменения. Уже второе издание романа было встречено значительно более благожелательно, чем первое. «Среди тысяч анемичных романов, низвергаемых словно водопад и написанных дамочками для дамочек и того и другого пола, наконец-то появилась книга, принадлежащая перу мужчины», — писала 1 июня 1907 года газета «Нью-Йорк Сан».

Впоследствии ряд известных американских критиков неоднократно возвращались в своих работах к первому роману Т. Драйзера и давали ему высокую оценку. Так, Рэндольф Борн писал в 1920 году: «Сестра Керри» всегда сохранит свежее очарование непринужденного описания повседневной, но в то же время элементарной и важной жизненной истории. Хороший романист улавливает нить человеческих желаний. И Драйзеру удастся сделать это...» Много позже, в 1945 году один американский критик отмечал, что «Сестра Керри» «по-настоящему воссоздает ощущение эпохи: она подобна двери, которая позволяет нам проникнуть в сознание Америки... Короче говоря, книга выдерживает проверку временем, если мы можем приложить ее вывод к нашему времени и увидеть, что он сохраняет свое значение и действительность. А это, я утверждаю, целиком относится к «Сестре Керри».

Однако многие в Америке до сегодняшнего дня не могут простить Драйзеру того, что он прекрасно видел те социальные силы, которые действуют в американском обществе, что для него, по выражению того же критика, «зло есть явление социальное: все его романы — это социальные истории, показывающие социальное развитие зла».

Вместе с тем уже в первых рецензиях на «Сестру Керри» подчеркивалось, что писатель прекрасно понимает, какой «безнадежной гранитной стеной окружены неудачники в большом городе». Открытое описание этой гранитной стены, отделяющей богатых от бедных, шло вразрез со всем, о чем громогласно трубили апологеты американского образа жизни. Теперь в предисловиях к новым изданиям романа официозные критики пытаются доказать нынешним читателям, что в книге изображается та Америка, которой «уже больше не существует». Нетрудно убедиться, насколько ошибочны подобные утверждения. Достаточно полистать последние выпуски американских журналов и газет, чтобы увидеть, что и сегодня по улицам сотен американских городов бродят в поисках работы новые сестры Керри, что и сегодня многих из них ждет ее судьба.



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Иванько. Теодор Драйзер . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>СЕСТРА КЕРРИ. Перевод М. Волосова . .</i>	<i>47</i>
<i>Историко-литературная справка .</i>	<i>541</i>



## ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Собрание сочинений  
в двенадцати томах

### Том I

Редактор тома  
Н. Н. Кудрявцева

Оформление художника  
Ю. А. Боярского

Технический редактор  
В. Н. Веселовская

ИБ 1212

---

Сдано в набор 30.07.85. Подписано к печати 21.11.85.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 1.  
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.  
Усл. печ. л. 29,09. Уч.-изд. л. 30,59. Усл. кр.-отт. 31,66.  
Тираж 750 000 экз. (2-й завод: 250 001—500 000).  
Изд № 6. Заказ № 1473. Цена 2 р. 80 к.

---

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена  
Октябрьской Революции типографии имени  
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».  
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

---

Отпечатано в ордена Ленина типографии  
«Красный пролетарий». Москва,  
Краснопролетарская, 16.

Индекс 70685